

**КНИГА
О РУССКОМ
ЕВРЕЙСТВЕ**

1917—1967

**СОЮЗ РУССКИХ ЕВРЕЕВ
НЬЮ ЙОРК ■ 1968**

Книга о русском еврействе
(1917-1967)

КНИГА О РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ

1917—1967

Под редакцией
Я. Г. ФРУМКИНА, Г. Я. АРОНСОНА
и А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА

СОЮЗ РУССКИХ ЕВРЕЕВ
НЬЮ ЙОРК ■ 1968

KNIGA O RUSSKOM EVREISTVE
BOOK ON RUSSIAN JEWRY

DISTRIBUTORS: GREGORY LOUNZ,
11 EAST 45TH ST., NEW YORK, N.Y. 10017

Library of Congress
Catalog Card Number: 68-20714
Copyright © 1968, Union of Russian Jews, Inc., New York

Manufactured in the United States of America
by Rausen Language Division, 150 Varick St., New York, N. Y. 10013

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие	VII
<i>Г. Я. Аронсон.</i> Еврейская общественность в России в 1917-1918 г.г.	1
<i>И. Б. Шехтман.</i> Еврейская общественность на Украине (1917-1919 г.г.)	22
<i>С. Грингауз.</i> Еврейская национальная автономия в Литве и других странах Прибалтики	44
<i>И. М. Троицкий.</i> Еврейские погромы на Украине и в Белоруссии 1918-1920 г.г.	56
<hr/>	
<i>А. А. Гольдштейн.</i> Судьба евреев в оккупированной немцами Советской России	70
<i>Иосиф Гар.</i> Евреи в Прибалтийских странах под немецкой оккупацией (1941-1944 г.г.)	95
<i>С. Грингауз.</i> Гибель еврейской Ковны	122
<hr/>	
<i>Г. Я. Аронсон.</i> Еврейский вопрос в эпоху Сталина	132
<i>С. М. Шварц.</i> Биробиджан	160
<i>Гершон Свет.</i> Еврейская религия в Советской России	204
<i>Юдель Марк.</i> Литература на идиш в Советской России	214
<i>Юдель Марк.</i> Еврейская школа в Советском Союзе	234
<i>Иегуда Слуцкий.</i> Судьба иврит в России	241
<i>Гершон Свет.</i> Евреи в русской музыкальной культуре в советский период	248

	Стр.
<i>Гершон Свет.</i> Еврейский театр в Советской России . . .	266
<i>В. Александрова.</i> Евреи в советской литературе . . .	279
Евреи-ученые в Советской России	306
<i>И. Б. Шехтман.</i> Советская Россия, сионизм и Израиль .	315
<i>Леон Шапиро.</i> Евреи в Советской России после Сталина	344

<i>С. Гепштейн.</i> Русские сионисты в борьбе за Палестину	386
<i>И. М. Троицкий.</i> Новые русско-еврейские эмигранты в Соединенных Штатах	399
<i>Ю. Марголин.</i> Русско-еврейская иммиграция в Израиль	414
<i>Андрей Седых.</i> Русские евреи в эмигрантской литературе	426
<i>И. Д. Левитан.</i> Русские издательства в 20-х г.г. в Берлине	448

Указатель имен	452
--------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1960 году Союз русских евреев в Нью-Йорке выпустил “КНИГУ О РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ”, охватывавшую исторический период 1860-1917 г.г. — от эпохи великих реформ шестидесятых годов до февральской революции 1917 года. В 1966 году эта книга вышла также на английском языке.*

Инициатива издания “Книги о русском еврействе” и первоначальный план первого тома принадлежали ныне покойному историку и общественному деятелю Марку Львовичу Вишницеру, бывшему в то время председателем Союза русских евреев. Эта первая “Книга” имела задачей дать современному читателю факты и материалы о русском еврействе дореволюционного периода. Она стремилась обрисовать политический фон, на котором в ту эпоху протекала жизнь евреев в России — его бесправие и преследования и его борьбу за гражданское равноправие и национальные права. Наряду с этим, задачей книги было очертить тот ценный вклад, который русское еврейство, несмотря на все ограничения и мытарства, внесло в хозяйственную, политическую и культурную жизнь России и в духовную жизнь всего еврейского народа.

Предлагаемый ныне читателям коллективный труд является естественным продолжением этой первой “Книги о русском еврействе”. Он посвящен пятидесятилетию от февраля 1917 года по настоящее время и охватывает эпоху революции и гражданской войны, диктатуры Сталина, страшные годы германской оккупации во время второй мировой войны и, наконец, послевоенные годы до и после смерти Сталина.

Настоящая “Книга о русском еврействе (1917-1967)” состоит из 24-х статей, которые распадаются на следующие группы: первые четыре статьи посвящены еврейской обще-

---

* *Russian Jewry* (1860-1917). Edited by Jacob Frumkin, Gregor Aronson and Alexis Goldenweiser. Translated by Mirra Ginsburg. Thomas Joseloff, New York—London (1966), 492 pp.

Русское издание книги целиком распродано, но английское издание еще имеется в продаже.

ственности в 1917-1918 г.г. и еврейству Украины и прибалтийских стран в период их временной независимости; следующие за ними три статьи — судьбе русского еврейства в эпоху немецкой оккупации; тринадцать статей — жизни еврейства под властью советов и, наконец, последние пять статей — русским евреям в эмиграции и отношению советской власти к сионизму и Израилю.

Авторы статей, составляющих обе “Книги о русском еврействе”, принадлежат к разным общественным направлениям, и каждый автор ответствен за содержание своей статьи. Редакция считала необходимым следить за сохранением объективности во всех статьях и за беспристрастным распределением света и теней в изображении исторических событий, — что было отмечено во всех откликах на первую “Книгу” со стороны читателей и прессы. Редакция приложила все усилия к тому, чтобы не изменить принципу исторической объективности и в настоящей второй “Книге”.

“Книга о русском еврействе (1917-1967)”, как и предыдущая, составлена под руководством Исполнительного Бюро Союза русских евреев в Нью-Йорке, в которое входили следующие лица: Я. Г. Фрумкин (председатель), Г. Я. Аронсон (секретарь), Р. В. Вишницер, А. А. Гольденвейзер, А. А. Гольдштейн, И. М. Дижур, Д. М. Кадинская, Д. Н. Левин (казначей), И. Д. Левитан, Г. М. Свет и И. М. Троцкий.

Избранная Исполнительным Бюро для редактирования обеих книг комиссия состояла из Я. Г. Фрумкина, Г. Я. Аронсона и А. А. Гольденвейзера, а впоследствии также И. Д. Левитана, принявшего на себя редактирование предстоящего английского перевода настоящей “Книги”.

С глубоким прискорбием мы должны отметить кончину за последние годы секретаря Исполнительного Бюро Союза — Лидии Осиповны Дан, безвозмездно отдававшей много времени и сил работе на пользу Союза, и ряда сотрудников, как первой “Книги о русском еврействе” — президента государства Израиль И. Бен-Цви, Я. Д. Лещинского и М. Ошеровича — так и настоящей второй “Книги” — Веры Александрович, С. Гепштейна и А. А. Гольдштейна. Каждый из них внес свой ценный вклад в освещение проблем, связанных с историей и жизнью русского еврейства.

Исполнительное Бюро считает своим долгом выразить искреннюю благодарность сотрудникам “Книги о русском еврействе”, а также всем лицам и организациям, кото-

рые помогли осуществить ее издание, — в первую очередь *Conference on Jewish Material Claims Against Germany*, *International Ladies Garment Workers Union* и *Atran Foundation*.

Нью-Йорк.
Декабрь 1967 г.

ГРИГОРИЙ АРОНСОН

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В РОССИИ В 1917-1918 г.г.

(МАТЕРИАЛЫ, ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ)

I. Русское еврейство и февральская революция

Вопрос об отмене всех ограничений, связанных с национальностью и вероисповеданием, был поставлен на очередь в первые же дни февральской революции. В первой программной декларации новой власти, вышедшей из совещаний Временного Комитета Государственной Думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, пункт "об отмене всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений" был выдвинут на одно из первых мест.

В статье "Из истории русского еврейства", напечатанной в первой "Книге о русском еврействе", Я. Г. Фрумкин, бывший в то время членом "Политического Бюро при депутатах-евреях", поделился своими воспоминаниями о ходе работы по подготовке декрета о равноправии.

«Революция 1917 года разрешила вопрос о равноправии в положительном смысле. Ни с какой стороны не было возражений против того, что все граждане должны быть равны перед законом. Для выработки соответствующего декрета министр юстиции А. Ф. Керенский образовал особую комиссию, ... членом которой был Л. М. Брамсон. Последний был в постоянном контакте с непрерывно заседавшим Политическим Бюро. Бюро высказалось за то, чтобы не было издано специального декрета о равноправии евреев, ... а чтобы декрет носил общий характер и отменял все существующие вероисповедные и национальные ограничения». (Стр. 81-99).

Было признано желательным, чтобы в текст декрета было включено перечисление всех содержащих такие ограничения статей Свода законов, которые теперь подлежали отмене. К составлению исчерпывающего списка таких законов были привлечены юристы-евреи, считавшиеся специалистами по данному вопросу.

Подготовленный этой комиссией законодательный акт был единогласно одобрен Временным Правительством 20-го

марта 1917 года и опубликован в № 15 «Вестника Временного Правительства».

Вводная часть этого исторического акта гласила:

«Исходя из убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом и что совесть каждого не может мириться с ограничениями отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения, Временное Правительство постановило: Все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются».

Акт заканчивался списком ограничительных законов, числом около 150-ти, подлежащих отмене.¹ Подписан акт министром-председателем кн. Г. Е. Львовым, всеми министрами (А. Керенский, М. Терещенко, А. Гучков, П. Миллюков, А. Мануйлов, А. Коновалов, Н. Некрасов, А. Шингарев), обер-прокурором Синода В. Львовым, государственным контролером В. Годневым и управляющим делами Врем. Правительства В. Набоковым.

24 марта евреи-члены 4-ой Государственной Думы М. Х. Бомаш, И. Б. Гуревич и Н. М. Фридман и члены Еврейского Политического Бюро² М. С. Алейников, А. И. Браудо, И. И. Гринбаум, О. О. Грузенберг, Н. И. Каценельсон, М. Н. Крейнин, В. С. Мандель, И. А. Розов, Г. Б. Слиозберг, Я. Г. Фрумкин и М. И. Шефтель посетили министра-председателя князя Г. Е. Львова. От лица депутации член Государственной Думы Н. М. Фридман произнес речь, в которой приветствовал Временное Правительство по случаю издания акта о равноправии. В ответ на эту речь князь Г. Е. Львов обратился к еврейской депутации со следующими словами:

«Я бесконечно благодарен вам за ваше приветствие. Вы совершенно правильно указали, что для Временного Правительства явилось высокой честью снять с русского народа пятно бесправия народов, населяющих Россию. Редко мне приходилось так волноваться, как в настоящие минуты. Мы были в мыслях и чувствах братьями, но нам не давали соединяться. Да-

¹ Текст постановления 20 марта 1917 г. напечатан в приложении к статье А. А. Гольденвейзера в «Книге о русском еврействе (1860-1917)», стр. 139-141.

² Подробные сведения о составе и деятельности Политического Бюро при евреях-депутатах с основания его в 1912 г. до революции приведены в статье Я. Г. Фрумкина «Из истории русского еврейства», напечатанной в той же книге (см. стр. 81-99 и след.).

вайте забудем страницы прошлого и будем вместе работать для укрепления свободы новой России».³

В тот же день еврейская депутация посетила Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов. От имени депутации обратился к комитету с речью Н. М. Фридман, после которого говорил О. О. Грузенберг.⁴ На эти речи ответили тов. председателя Исполнительного комитета М. И. Скобелев и председатель — Н. С. Чхеидзе.⁵

* * * *

Февральская революция 1917 года была встречена евреями во всей России с большой радостью и надеждами. Крушение монархии и провозглашение основ демократической государственности, сопровождавшееся отменой национальных и вероисповедных ограничений, были восприняты всеми слоями еврейского населения, как начало новой эры в истории многострадального русского еврейства. Однако, тяжкая война, приведшая к немецкой оккупации большей части русской территории, рост хозяйственной разрухи, дороговизна жизни и трудности, связанные с созданием в этих условиях свободных политических учреждений, — вносили немало горечи в сознание широких кругов еврейского населения.

В 1914 году национальный коллектив русского еврейства составлял до 6 миллионов человек, но в 1917 году Варшава и ряд литовских общин, традиционно и органически связанных с русским еврейством, как Вильно, Ковно, Гродно, Белосток и др., находились под немецкой оккупацией и были поэтому оторваны от событий, происходивших в России.

Во время войны царскому правительству пришлось “временно” уничтожить пресловутую черту оседлости и открыть для беженцев и выселенцев многочисленные пункты внутренней России. Но еврейство, уменьшившееся численно наполовину, — до 3-х миллионов, — не могло уже явиться тем крупным фактором в российской действительности, ка-

---

³ См. «Вестник Временного Правительства» № 19 от 29 марта 1917 г.

⁴ Текст этой речи напечатан в книге О. О. Грузенберга «Очерки и речи», Нью Йорк, 1944, стр. 105-107.

⁵ В первом томе «Книги о русском еврействе» участник обеих депутатий Я. Г. Фрумкин поделился своими воспоминаниями об этих посещениях. По его воспоминаниям, на речи Фридмана и Грузенберга отвечал также член Совета рабочих депутатов Л. М. Брамсон. См. «Книгу о русском еврействе (1860-1917)», стр 107-108.

ким оно было до войны. Еврейские общины, которые были налицо, — как Минск, Витебск, Гомель в Белоруссии, Киев, Одесса, Харьков, Екатеринослав на Украине, не могли компенсировать потерю той национальной энергии, которую до войны излучали общины Варшавы и Вильны.

Тем не менее, с февраля 1917 года в русском еврействе началась новая жизнь.

В Петрограде, где революция началась и где происходили основные исторические события того времени, представители русского еврейства проявляли на каждом этапе революции свое активное участие. С первых же дней революции началось оживление в общественных и политических кругах еврейства. Стали появляться на поверхности политические партии. Началась подготовка созыва съездов и конференций. Возобновилось издание органов печати на идиш, придушенных в 1915 году военной цензурой. Появились “Петроградер Тагеблат” под редакцией И. Гринбаума, Ш. Розенфельда и Х. Д. Гуревича, неперіодическое издание “Фрайе Ворт” при участии Д. Бергельсона, Л. Квитко, Нистора, стал выходить на иврит еженедельник “Гоам”, вышла газета Бунда “Арбейтер Штима” и т. д.

Общественное оживление выразилось также в созыве различных съездов, в том числе и еврейского учительского съезда. В Витебске состоялась конференция еврейских кооперативов Северо-Западного края (при участии Л. С. Зака и др.). В Москве был созван съезд “Любителей древнееврейского языка” во главе с знаменитым поэтом Х. Бяликом.

Виднейшие еврейские адвокаты были назначены сенаторами (М. М. Винавер, О. О. Грузенберг, И. Б. Гуревич и Г. Ф. Блюменфельд). Циркулировали слухи о том, что некоторые еврейские деятели получили приглашение занять министерские посты. Летом 1917 г. (в “Еврейской Неделе” № 22) появилось сообщение о том, что “министр юстиции А. С. Зарудный предложил Л. М. Брамсону пост товарища министра юстиции. Л. М. Брамсон отказался за перегруженностью общественными делами”. Но насколько мы могли установить, за все время существования Временного Правительства в его состав из общественных деятелей-евреев входили только кадет С. В. Лурье (тов. министра торговли и промышленности) и в министерство труда, также на правах тов. министра, меньшевики С. М. Шварц и А. М. Гинзбург-Наумов. А. Я. Гальперн был управляющим делами одного из составов Временного Правительства. Руководящую политическую роль в Совете рабочих и сол-

датских депутатов и затем во ВЦИК'е советов, наряду с И. Г. Церетели и Н. С. Чхеидзе, играли Ф. И. Дан-Гурвич (меньшевик), М. И. Либер-Гольдман (Бунд), Рафаил А. Гоц (соц.-рев.), Л. М. Брамсон (народный социалист). Лидерами интернационалистской оппозиции в совете были Ю. О. Мартов-Цедербаум (меньшевик) и Р. А. Абрамович-Рейн (Бунд).⁶

На первом Всероссийском Съезде Советов (июнь-июль 1917 г.) по докладу М. И. Либера по национальному вопросу была принята резолюция о признании за всеми национальными меньшинствами права на культурное самоопределение.

II. Еврейские партии

Уже в первые дни марта 1917 года еврейские социалистические партии вышли из подполья. Лидеры Бунда приняли активное участие в организации Совета рабочих депутатов в Петрограде, а Г. М. Эрлих и вскоре прибывший из ссылки М. И. Либер заняли в деятельности Совета видные места. В Совет вошли также представители других еврейских социалистических группировок — сионистов-социалистов, сеймовцев и поалэй-ционистов.

На 15 марта была созвана конференция сионистов-социалистов и сеймовцев, на которой состоялось объединение этих двух групп под названием “Ферейнигте” (Объединенные) с Центральным Комитетом в Киеве.

Первая свободная конференция Бунда состоялась в Петрограде 14-19 апреля. На ней было 83 делегата, представлявших десятки организаций, и был выбран первый легальный Центральный Комитет во главе с Айзенштадтом, Либером, Вайнштейном, Эрлихом, Рафесом, а также Абрамовичем и Литваком, которые еще в то время не вернулись из эмиграции.

Следует подчеркнуть, что в первой стадии революции наблюдалось чрезвычайно толерантное отношение со стороны несоциалистических группировок к евреям-социалистам, особенно по отношению к Бунду. Так, 24 марта в органе Еврейской народной группы “Еврейской Неделе” (№ 12-13) появилось за подписью Ш. Нигера приветствие по поводу выхода первого номера органа Бунда — “Арбей-

---

⁶ В провинции меньшевики и бундисты также были активны в организации Советов рабочих депутатов. Пишущий эти строки, проживавший тогда в Витебске, был бессменным председателем Совета рабочих депутатов с марта 1917 г. по январь 1918 г., сохраняя этот пост еще в первые два месяца владычества большевиков.

тер Штимае”. “Для многих “живых мощей” еврейской печати теперь лишь готовится место под солнцем свободы, — писал автор, — но главный и наиболее заслуженный представитель ожившего царства теней еврейской печати уже вернулся к нам, и наш долг и даже искреннее желание приветствовать его от глубины души, наконец, вздохнувшей свободно. Я имею в виду еврейское социал-демократическое издание “Арбейтер Штимае”.

В те же дни состоялось бурное собрание в еврейском клубе в Петрограде под руководством М. М. Винавера и Г. Б. Слиозберга, на котором во время выступления оратора бундиста кто-то из публики крикнул: “Долой бундистов!” Винавер тотчас же заявил протест против этого возгласа и сказал, что “Бунд шел в авангарде революционного движения, и мы приветствуем эту партию”. В зале раздались возгласы: “браво!” Тогда же на собрании Группы Демократического Объединения И. Ефройкин в своем политическом докладе заявил: “Лучшая заслуга Бунда в том, что эта партия принципиально сломала стены гетто. Бунд — это первая еврейская партия, которая выставила не только еврейские, но и общечеловеческие задачи”.

Однако, эта терпимость недолго удержалась в еврейской общественности. Партийная и групповая борьба все больше обострялась и конфликты следовали один за другим.

А. А. Гольденвейзер в своих “Киевских воспоминаниях”, опубликованных в “Архиве русской революции”,⁷ отметил, что когда в первые недели марта был создан “Совет объединенных еврейских организаций города Киева”, социалисты в первом же заседании демонстративно покинули Совет, заявив, что он и по составу и по политическим настроениям не может считаться истинным представительством еврейских масс.

Отсутствие взаимного понимания между социалистической и несоциалистической частью еврейства давало о себе знать чем дальше, тем больше.

Оживление и рост активности наблюдались и в несоциалистическом секторе еврейской общественности. В Петрограде возник Еврейский Народный Союз, куда вошли М. Н. Крейнин, А. В. Залкинд, С. Л. Цинберг и др. В Москве организовалась еврейская ортодоксальная (религиозная) партия во главе с раввином М. М. Нуркоом под названием “Свобода и Традиция”, в Петрограде — аналогичная партия “Нэцах Израиль”, в Киеве и других городах — “Агудас Израиль”.

⁷ «Архив русской революции», т. VI, Берлин, 1922.

Еврейская Народная Группа, возглавлявшаяся М. М. Винавером, приступила к выработке новой программы, которая включала следующие пункты: 1) Еврейская община ставит своей целью удовлетворение национально-культурных и религиозных потребностей еврейского населения. 2) В еврейской школе проводится изучение еврейского и древне-еврейского языка. В школе сохраняется религиозно-обрядовый элемент. 3) Права родного языка гарантируются всюду, где евреи составляют не менее 1/5 населения. 4) Предусматривается создание главного совета всероссийской общинной организации.

24 мая в Петрограде открылся всероссийский сионистский съезд, на котором выступили с приветствиями и несионисты, и было оглашено приветствие председателя Совета рабочих депутатов — Н. С. Чхеидзе. Председательствовал на съезде Е. В. Членов, который отметил роль с.-д. фракции Государственной Думы в борьбе против угнетения еврейского народа при старом режиме. На этом же съезде сионистов образовалась новая группировка во главе с И. Шехтманом, И. Фишером и др., которые называли себя “активистами” и подчеркивали свою связь с находившимся за границей В. Е. Жаботинским и созданным им для борьбы за Палестину еврейским легионом.

Следует отметить, что представители умеренных еврейских групп призывали еврейство к сдержанности. К характеристике этих тенденций приведем отрывок из речи М. М. Винавера, произнесенной им в еврейском клубе в Петрограде 11 марта: “Мы гордимся, что и мы приняли участие в революции, — сказал он. — Нужна, однако, не только любовь к свободе, нужно также самообладание... Вся Россия должна теперь стать, так сказать, консервативной, чтобы удержать добытое... Не надо нам соваться на почетные и видные места. Но на невидные посты станьте все в ряды. Не торопитесь осуществлять наши права. Нужно терпение и мужество”... (Е. Н. № 12-13).

III. Еврейская общественность в провинции

В первые месяцы после переворота во всех центрах еврейского поселения в России наблюдались такой же подъем и оживление, как и в Петрограде. Евреи разных политических группировок приняли активное участие во всех общеполитических попытках объединения, а также создавали общееврейские объединения на местах. В Советах рабочих и солдатских депутатов еврейские социалистические партии были повсюду широко представлены. Еврейские несо-

циалистические группы проявляли заметную сдержанность, когда речь шла об общих политических акциях; влияние евреев-кадетов почти всюду было невелико, и представители этого течения с развитием революционных событий все более отходили в тень. Сионисты с каждым месяцем замыкались в собственном партийном кругу, дистанцируясь от проблем общей политики, и в этом направлении пытались увлечь за собой еврейские массы.

С первых же дней ставился вопрос о создании новых демократических еврейских общин, но самые выборы по техническим причинам откладывались. На Украине и в Белоруссии выборы в общины происходили уже в 1918 году, — после октябрьского переворота и после Брест-Литовского мира, когда вся Украина и часть Белоруссии были заняты немецкими войсками.

Для характеристики настроений в провинции приведем некоторые сведения по четырем городам: Киеву, Минску, Витебску и Одессе.

Киев, в силу своего центрального положения на Украине, играл особенно крупную роль. С еврейской точки зрения, Киев имел значение и потому, что именно в Киеве функционировала Украинская Центральная Рада и ее органы, и здесь складывались еврейско-украинские отношения этой бурной эпохи.

Первоначальная реакция киевского еврейства на революцию подробно описана в цитированных выше «Киевских воспоминаниях» (1917-1921) А. А. Гольденвейзера. В первые же дни революции был создан «Совет объединенных еврейских организаций», в состав которого вошли представители от всех существовавших в городе еврейских обществ, союзов, синагог и т. д. В мае Советом было созвано «Областное совещание», на которое прибыли представители из еврейских общин большинства городов юго-запада и юга России. Передавая перипетии этого съезда и борьбу на нем еврейских партий, А. А. Гольденвейзер описывает драматическую сцену, весьма характерную для еврейских собраний того времени.

«На трибуне стоял бердичевский общественный раввин — яркий и темпераментный народный оратор. Речь его была призывом к национальному сплочению на основе общих «скрижалей веры».

«В начале съезда, — сказал он между прочим, — все мы поднялись с мест в память погибших борцов за свободу. Поднимитесь же теперь в честь Торы!» Аудитория поднимается с мест, за исключением группы бундистов. Воцаряется невообразимый шум, большинство требует удаления представителей

Бунда, оскорбивших религиозные чувства собрания. Президиум бессилён внести успокоение... Но вот у ораторской трибуны появляется прекрасная седая голова писателя С. Ан-ского (С. А. Рапопорта). Он поднимает руку. Зал стихает. Он говорит, что Тора — не только религиозный символ, но и символ вековой еврейской культуры. И в честь этой культуры, составляющей нашу национальную гордость и символизируемую свитками Торы, он предлагает всем присутствующим встать с мест. Все встают... Инцидент улажен».⁸

Но уже в следующем заседании представитель Бунда М. Рафес в резкой форме обрушился на составлявших на совещании большинство ортодоксов и сионистов, которых он заклеил названием “черно-синего блока”, и со всей делегацией бундистов демонстративно покинул зал.

На состоявшихся в июле 1917 г. выборах в киевскую Городскую Думу кандидаты-бундисты были включены в список “Социалистического блока” (с.-д. и с.-р.), кандидаты от Объединенной еврейской социалистической партии и Поалэй-Цион выставили свой отдельный список, а представители Совета объединенных организаций, сионистов и ортодоксальной группы Агудас-Израиль выставили список “Еврейского демократического блока”. Выбрано в Гор. Думу было 7 бундистов, 3 еврейских социалиста и 5 представителей демократического блока.

В Минске во время выборов в Городскую Думу несоциалистические группировки составили Еврейский Национальный Блок. Из 16 представителей Блока было 5 сионистов. 10 бундистов прошли по общему социал-демократическому списку. Поалэй-Цион и сионисты-социалисты провели каждый только по одному гласному. Таким образом, на 102 гласных в Минске прошло от еврейских партий 28 гласных.

Картина выборов в Городскую Думу в Витебске была такова: Бундисты шли в “Социалистическом блоке” вместе с меньшевиками и эсерами, получившем около 10 тысяч голосов и провели 11 гласных. “Ферейнигте” шли самостоятельно и провели 5 гласных. “Агудас Израиль” и “Кнесет Израиль”, — группировки сионистов и ортодоксов, провели — первая группировка — 8 гласных и вторая — 1 гласного. Фолкспартей провела 1 гласного. Среди кадетов и среди кандидатов Союза торговцев и промышленников были также евреи, как и в общероссийских партиях, входивших в “Социалистический блок”.

Евреи приняли деятельное участие в местной и муниципальной работе также в ряде городов вне черты оседлости.

⁸ «Архив русской революции», т. VI, стр. 184.

Так, в Москве, где большинство избранных в Думу гласных примыкало к социалистам-революционерам, председателем Городской Думы был выбран известный народоволец О. С. Минор, в Минске — председателем Думы был избран член Ц. К. Бунда А. Вайнштейн (Рахмиэль), в Екатеринославе — городским головой был избран Илья Полонский (меньшевик), а в Киеве — товарищем городского головы А. М. Гинзбург-Наумов (меньшевик). В Петрограде в состав Городской Управы входил С. Д. Щупак (бундист). Председателем Городской Думы в Саратове был Д. Чертков (бундист).

Соотношение сил внутри еврейства сказалось на результатах выборов в еврейские общины, которые в течение 1918 года были проведены в разных городах на началах всеобщего голосования и по пропорциональной избирательной системе. Следует, однако, отметить, что эти выборы проходили при довольно пассивном участии еврейского населения и значительном абсентеизме избирателей. В Минске из 36.000 избирателей подали голоса всего 9.259, т.-е. около 25%. В состав общины были выбраны: от Народной группы — 1, от Объединенных социалистов — 2, от Агудас Израиль — 23, от Фолкспартей — 2, от Бунда — 17, от сионистов — 21, от Поалэй-Цион — 8.

В Киеве на выборах в общину победили сионисты, и их лидер Н. С. Сыркин был избран председателем общины. В Одессе в еврейскую общину был выбран 101 депутат; из них сионисты получили 35 месст, Бунд — 26, ортодоксы — 11, Поалэй-Цион — 11, Фолкспартей — 9, а остальные 19 мест распределялись по разным пестрым группам.

IV. Евреи на Московском Государственном Совещании

В середине августа 1917 г. состоялось в Москве Государственное Совещание, созванное Временным Правительством на основе представительства различных учреждений и общественных организаций.

Среди многочисленных ораторов, выступавших на этом Совещании, — от городов и земств, от союзов и объединений, от советов рабочих депутатов и пр. было предоставлено слово и представителям национальностей. Для подготовки выступления от евреев состоялось еврейское собрание представителей разных политических групп. Пишущему эти строки, как делегату на Московском Государственном Совещании, привелось присутствовать на этом собрании, в котором участвовали Н. М. Фридман, Г. Б. Слиозберг, М. И. Шефтель, О. О. Грузенберг, М. И. Либер, А. С. Золотарев, Г. А. Ландау и др.

При обсуждении вопроса о форме еврейского выступления было решено, что следует иметь две речи: одну — от социалистических группировок, другую — от несоциалистических. Оратором от несоциалистических группировок был назначен О. О. Грузенберг, а от еврейских социалистов выступал Р. А. Абрамович (Бунд). Речь Абрамовича была согласована с представителями других еврейских социалистических партий.

Для характеристики политических настроений того времени приводим выдержки из речей Р. Абрамовича и О. Грузенберга, произнесенных на Московском Государственном Собрании от имени русского еврейства.

РЕЧЬ Р. А. АБРАМОВИЧА

*Напечатана полностью в "Арбейтер Штиме", № 40-41
за 1917 г.*

«От имени всех еврейских социалистических партий, от имени еврейского пролетариата и еврейской революционной демократии я делаю следующее заявление: Еврейский пролетариат и все еврейские трудящиеся массы всегда рассматривали себя, как часть российской трудовой демократии. Вместе с пролетариатом всего мира они боролись за осуществление идеалов демократии и социализма. Еврейский пролетариат не сгибался под тяжестью ударов, сыпавшихся на него. Он не дал себя запугать преследованиями, репрессиями и погромами и, с презрением отворачиваясь от трусов, гордо шел по пути революционной борьбы, которую он избрал в глубоком убеждении, что только победа русской революции принесет всем угнетенным народам свободу...

Наши надежды осуществились. Революция пришла и принесла долгожданную свободу всем народам всей России и открыла возможность также еврейскому народу занять место, как равный, среди других народов свободной России...

Свободная Россия стоит, однако, и сейчас перед страшными и великими испытаниями. Победа революции еще не закреплена. Страна стоит перед опасностью военного разгрома на фронте и контр-революции внутри. Наша родина переживает острый кризис, время страшной катастрофы. И в этот момент отдельные классы, во имя своих эгоистических частных интересов, которым грозит революция, стремятся повести революцию по пути, на котором ждет ее верная гибель. Завоевания революции находятся в опасности. Реакция подымает голову и вместе с ней начинают подыматься над страной темные тени прошлого, антисемитская и погромная агитация. И поэтому мы с особенной остротой ощущаем, что каждое ослабление революционной энергии народов России, каждый поворот направо неизбежно и в первую очередь отзовется тягчайшим

образом на положении еврейских трудящихся масс и что только полное закрепление завоеваний революции, только последовательная демократизация всей жизни страны может навсегда положить конец угнетению еврейского народа в России и обеспечить ему все политические и гражданские права и национальное самоуправление, в котором он нуждается.

Программа органов российской революционной демократии, предложенная Всероссийскому Государственному Советанию товарищем Чхеидзе, есть также и наша программа ближайших требований. Принцип права на самоопределение, гарантирующий всем народам России всю сумму их национальных прав, — этот принцип отвечает национальным потребностям всех трудящихся наций, в том числе и евреев.

Со всей энергией, на какую мы только способны, мы будем поддерживать органы революционной демократии и опирающиеся на них Временное Правительство в их усилиях защитить страну и революцию и достичь всеобщего мира на принципах, выдвинутых российской революцией».

РЕЧЬ О. О. ГРУЗЕНБЕРГА

*Напечатана полностью в "Еврейской Неделе", № 33
за 1917 г.*

«В эти страшные дни, когда решается судьба России, когда во многих русских городах и селах развеваются вражеские знамена и повсюду началась ужасающая разруха, — в эти дни еврейский народ, разделенный, как и все народы, на многообразные социальные классы и политические партии, охвачен единым чувством преданности своей родине, единой заботой отстоять ее целостность и завоевания демократии. Мы не сомневаемся в творческом гении свободной родины и знаем, что на месте жестокой старой тюрьмы будет воздвигнут светлый храм демократической государственности, в котором, не заглушая своей национальной самобытности, объединятся все народы России.

Еврейский народ стремится к общему согласию и порядку для того, чтобы успокоенная родина могла сосредоточить все свои силы на завершение главнейшей сейчас задачи. Пока почетный мир для нас еще недостижим, надо напречь все помыслы и силы на неотложном деле обороны. Еврейский народ готов отдать этому делу все свои материальные и интеллектуальные силы, отдать самое дорогое, весь цвет — всю свою молодежь»...

V. Вопрос о созыве Всероссийского Еврейского Съезда

Уже в первый месяц февральской революции во всех еврейских политических группировках стал вентилироваться вопрос о созыве Всероссийского Еврейского Съезда. Идея такого Съезда вызвала всеобщее сочувствие. Эта идея соответствовала старым программным требованиям историка

С. М. Дубнова и его “Фолькспартей”, и теперь к ней стали присоединяться и деятели разных социалистических течений, как И. Ефройкин, В. Лацкий-Бартольди, Н. Штиф и др. Мысль о создании еврейского центра, который мог бы репрезентировать еврейский национальный коллектив в России перед органами революции и выработать формы национального самоуправления, разделялась почти всеми еврейскими политическими группировками, включая и сионистов.

26 марта в Петрограде было созвано обширное совещание для обсуждения вопросов о Всероссийском Еврейском Съезде.

На этом совещании никто не отказывался от участия в предполагаемом Всероссийском Съезде, но возникли острые разногласия по вопросу о задачах и порядке дня Съезда. Сионисты настаивали на том, чтобы на Съезде подвергся обсуждению вопрос о Палестине и о еврейских притязаниях на нее после войны. Другие партии считали необходимым, чтобы в порядок дня Съезда был поставлен вопрос о положении евреев в других странах, — в Польше, Румынии и т. д. Бунд решительно выступил против такого расширения программы Съезда и добивался того, чтобы Съезд занимался только вопросами, непосредственно касающимися русских евреев. Спорящие стороны придавали своим требованиям ультимативный характер. На состоявшемся в Петрограде 1 мая новом совещании и Бунд, и сионисты заявили о своем отказе участвовать в предстоящем Съезде. Положение казалось безвыходным. Тогда возникла мысль созвать для подготовки Съезда предварительную конференцию в надежде мирным путем преодолеть конфликты и найти какой-нибудь компромисс. 25 мая было принято решение созвать конференцию на июль 1917 года.

На конференцию были приглашены представители 13 городов, в которых проживало не меньше, чем по 50 тысяч евреев (Одесса, Екатеринослав, Петроград, Харьков, Москва, Киев, Бердичев, Минск, Гомель, Витебск, Бобруйск, Елисаветград, Кременчуг). Согласно модусу представительства на конференции, каждый город посылал четырех делегатов, избираемых от местных еврейских организаций. Кроме того, получили представительство политические партии на местах, из расчета — один делегат на 300 организованных членов, равно как и центры всех еврейских партийных группировок, а также три бывших депутата-еврея 4-ой Государственной Думы (д-р Бомаш, д-р Гуревич и Фридман).

Всероссийская Еврейская Конференция открылась в Петрограде 16 июля. Присутствовали делегаты всех перечисленных выше городов, а также представители центральных комитетов всех еврейских политических партий и групп. Председательствовал на Собрании М. Н. Крейнин. С речами, главным образом на идиш, выступали представители всех партийных групп.

По вопросу о программе Всероссийского Еврейского Съезда со стороны сионистов и Бунда были вновь выдвинуты ультиматумы. Прения продолжались в течение нескольких дней, но, наконец, было достигнуто соглашение, и намечена следующая программа Съезда:

- 1) Съезд вырабатывает основы национального самоуправления евреев в России.
- 2) Съезд должен определить формы гарантий прав еврейского национального меньшинства.
- 3) Съезд имеет целью установить переходные формы общинной организации русского еврейства.
- 4) Съезд также обсудит вопрос о положении евреев в других странах (в Польше, Палестине, Галиции, Румынии и т. д.).

Был выбран Организационный комитет по созыву Всероссийского Еврейского Съезда, в президиум которого вошли представители всех партий. Комитет постановил провести выборы на Съезд в начале декабря 1917 г. Однако, после октябрьского переворота стало ясно, что проведение сколько-нибудь нормальных выборов уже невозможно. Можно было предвидеть, что новая власть не разрешит созыва Всероссийского Еврейского Съезда, так как большевиков в среде еврейской общественности не было и, следовательно, Съезд оказался бы объединенным представительством элементов, настроенных против советского режима...

Прошло несколько месяцев, был заключен Брест-Литовский мир, а Украина и Белоруссия оказались под оккупацией немецкой армии. Тем не менее, в кругах еврейских общественных деятелей вновь созрело намерение поднять вопрос о созыве Еврейского Съезда. Представители Бунда были против этого плана, но большинство групп высказывалось за создание Временного Национального Совета, включив в его задачи, кроме подготовки созыва Съезда, обсуждение текущих вопросов еврейской жизни. Заседание 24 марта 1918 г. закончилось выборами президиума Временного Национального Совета в составе М. Г. Айзенштадта, М. С. Алейникова, С. М. Дубнова и Г. Б. Слиозберга.

* * * *

Судя по сведениям, появившимся в печати, Националь-

ный Совет не проявлял, да и не мог проявлять, никакой активности, — если не считать происходивших время от времени совещаний петроградских еврейских деятелей.⁹

Весна 1918 года была полна печальных вестей о погромах на Украине и в Белоруссии. Еврейское население на местах было охвачено тревогой. На территории советской власти после разгона Всероссийского Учредительного Собрания уже явно ощущалась атмосфера гражданской войны. Шли аресты, даже расстрелы. В начале июля 1918 г. произошло восстание левых эсеров, сопровождавшееся убийством немецкого посла графа Мирбаха. В августе Дора Каплан покушалась на Ленина. Большевики объявили начало массового “красного террора”. Уцелевшие еще органы меньшевистской печати были закрыты, и единственным источником информации, как о западном мире, так и о том, что происходит в России, остались официальные советские газеты.

---

⁹ Приводим с сокращениями резолюцию по поводу погромов, принятую 25 апреля 1918 г. Временным Еврейским Национальным Советом («Рассвет» № 16-17): «Еврейские погромы в России, утихшие было в начале революционного периода, начиная с Калуца и Тарнополя, возобновились вновь, и ныне широкой волной безостановочно катятся по всем землям, входящим и входившим в состав государства российского. Города и местечки центра и окраин, покоряемые советскими отрядами, местности Украины, занимаемые германо-украинскими войсками, Белоруссии, занятой польскими легионерами, Бессарабии, оккупированной румынскими войсками, — все обогреты еврейской кровью, усеяны сотнями трупов расстрелянных и убитых мужчин, женщин и детей...

Власти нигде не принимают реальных мер для предупреждения и подавления погромов. Во многих случаях местные органы преступно обрывают всякие попытки евреев к организованной самообороне. Позорящие страну и революцию еврейские погромы привлекли, наконец, своими ужасами внимание органов. Но кровью невинно-убиваемых евреев пользуются прежде всего, как орудием в гражданской междуусобице и политической борьбе...

Выражая свое глубочайшее негодование по поводу зверств, чинимых над евреями, — Временный Еврейский Национальный Совет считает, что всякая власть обязана принять меры борьбы с погромами. Своим бездействием она на себя принимает вину и ответственность за пролитую кровь.

Еврейский народ, так много перенесший на своем длинном историческом пути, видевший гибель всех насильников мира, не дрогнет и перед нынешним кровавым кошмаром. Сильный духом и верою в грядущее царство справедливости, он будет бороться за свое национальное существование и светлое будущее».

VI. Еврейские общественные настроения и октябрьский переворот

Нет оснований замалчивать тот факт, что в октябрьском перевороте приняла активное участие группа евреев-большевиков, примкнувших к Ленину и что они, в качестве его ближайших сотрудников, сыграли печальную роль в уничтожении зачатков демократической государственности, заложенных в февральскую революцию при Временном Правительстве, и в установлении, на смену ей, коммунистической диктатуры. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Свердлов, Урицкий, Володарский и др. связали свои имена с разгоном Учредительного Собрания и с террористическим режимом первых лет советской власти. Из истории еврейства этих страшных лет нельзя вычеркнуть их имена, как нельзя не упомянуть о деятельности многочисленных евреев-большевиков, работавших на местах в качестве второстепенных агентов диктатуры и причинивших неисчислимые несчастья населению страны, в том числе и еврейскому населению.

Следует, однако, констатировать, что все эти лица еврейского происхождения не имели ничего общего с еврейской общественностью, отрицали существование еврейства, как нации, и всячески отрекались от своей принадлежности к еврейству.

После октябрьского переворота порой еще удавалось созывать совещания и съезды ограниченного характера, посвященные еврейской проблематике. Тем не менее, было ясно, что в условиях Брест-Литовского мира и оккупации немецкими войсками Украины и Белоруссии для еврейской общественности в ограниченных рамках советской территории почти не оставалось почвы для деятельности. В оккупированных немцами областях еще проходили выборы в общины и делались попытки отстоять некоторые формы самоуправления. Но там, где хозяйничала Москва, для еврейских группировок, особенно несоциалистического сектора, уже совершенно не оставалось места. Да и еврейские социалисты, находившиеся в оппозиции к режиму, были исключены из ВЦИК Советов и подвергались репрессиям.

Члены этих партий — так же, как и члены общероссийских социалистических партий — были вынуждены вести существование, лишенное сколько-нибудь прочной легальной основы. Как известно, только небольшая группа левых эсеров, среди руководителей которых было несколько еврейских имен (как Марк Натансон, И. З. Штейнберг, Б. Камков-Кац) в течение нескольких месяцев поддерживали политику Ленина и разделили ответственность за разгон

Учредительного Собрания, но к лету 1918 г. и эта группировка порвала с большевистской властью и вскоре также стала жертвой террористического режима.

Бывший деятель Бунда, М. Рафес, ставший коммунистом в конце 1919 г., попытался следующим образом передать настроения в еврейских социалистических партиях накануне октябрьского переворота. После объединения сионистов-социалистов с сеймовцами, по его мнению, в этой партии укрепились националистические тенденции. У Поалэй-Цион, напротив, росли пробольшевистские, левые настроения. Что касается Бунда, то, по мнению Рафеса, после выступления большевиков в июльские дни и мятежа Корнилова в Бунде усиливаются настроения “центра” (речь идет об интернационалистах, руководимых Абрамовичем). Несмотря на внутреннюю борьбу течений в Бунде, все члены партии, однако, единодушно оставались противниками захвата власти большевиками. А когда октябрьский переворот произошел, “на правом фланге Бунда кристаллизуется группа, — пишет Рафес, — бундистов-активистов во главе с Либером в центре, с Аронсоном — в Белоруссии и правыми — в Одессе, которые считают октябрьский переворот контр-революцией”.¹⁰ Настроения у Ферейнигте развиваются в том же направлении, что и в Бунде, и только часть поалэй-сионистов на первых порах сочувствует большевикам. Лишь в 1919–1921 г.г. начались расколы во всех еврейских социалистических партиях, и наблюдался значительный переход их членов к коммунистам.

Однако, тот же М. Рафес вынужден отметить, что к январю 1926 года, во время партийной переписи, выяснилось, что в составе РКП оставалось всего 2.463 бывших бундистов, перешедших к коммунистам в полосу расколов. Это показывает, что к коммунистам, вообще говоря, перешло относительно немного членов Бунда. Ведь в 1917 году Бунд насчитывал до 30.000 членов и громадное большинство членов этой партии — и рабочих, и интеллигенции — по видимому, осталось верным своим демократическим убеждениям, а впоследствии заплатило за них тяжкими страданиями и кровавыми жертвами...

Отклики еврейской печати по свежим следам октябрьского переворота показывают, что отношение к большевикам и к захвату ими власти было в сущности глубоко отрицательным во всех еврейских группировках. Приведем некоторые образцы этих откликов.

---

¹⁰ М. Рафес. «Очерки истории еврейского рабочего движения». Госиздат, 1929 г., стр. 207–208 и др.

Сионистская газета “Тогблат” писала: “В марте месяце революция была народной в полном смысле слова. Теперь она представляет собой только солдатский заговор”. Бундовская “Арбейтер Штима” писала: “Большевистский переворот есть безумие. Безумие думать, что незначительная часть демократии может навязать свою волю всей стране”. “Фольксблат”, орган Еврейского Демократического Объединения, подчеркивал, что “большевистская затея не имеет под собой никакой нравственной основы”. Деятели Еврейской Народной Группы полностью разделяли эти настроения. В “Еврейской Неделе” мы читаем: “Висевшая на краю пропасти Россия свалилась в бездну. Анархия проникла в центр. Правительство исчезло. Единого государственного механизма нет... Огромная страна распалась на куски, которые валяются на земле в пыли и мусоре пронесшегося над ней большевистского урагана. Отчаяние охватывает душу... Сомнения наполняют сердца... Разрушительная стихия оказалась сильнее созидательных устремлений новой России”.

В другой статье того же журнала (от 19 ноября 1917 г.) мы читаем: “Господство большевиков недолговечно, но и за короткий срок они могут довести страну до конечной гибели... Русское еврейство, как наиболее развитая часть населения, не может не сознавать огромной опасности большевистского хозяйничания... Мы обязаны принять самое деятельное, самое энергичное участие в борьбе за спасение России от большевистской напасти”.

VII. После октября

1) Евреи в Учредительном Собрании

Как известно, уже после октябрьского переворота, в ноябре 1917 г., происходили выборы во Всероссийское Учредительное Собрание и в ряде губерний были выставлены еврейские национальные списки (в большинстве возглавляемые сионистами). По этим спискам прошли в Учредительное Собрание: Ю. Д. Бруцкус по Минской губернии, А. М. Гольдштейн по Подольской губ., Я. И. Мазе по Могилевской губ., В. И. Темкин по Херсонской губ. По Херсонской же губернии прошел О. О. Грузенберг, близкий тогда по настроениям к сионистам. По той же Херсонской губ. (по списку партии социалистов-революционеров) прошел член партии ферейнигте Д. В. Львович. В Бессарабии был избран сионист Д. М. Коган-Бернштейн и по списку РСДПР и Бунда —

бундист Г. И. Лурье. Секретарем Учредительного Собрания был затем выбран с.-р. М. В. Вишняк.

Приводим в выдержках речь Д. В. Львовича, произнесенную в первом и единственном заседании Учредительного Собрания, отразившую господствовавшие в то время политические настроения еврейских социалистов.

РЕЧЬ Д. В. ЛЬВОВИЧА

Текст речи напечатан в газете "Нойе Цайт"

от 16 января 1918 г.

«В настоящий великий исторический час должен быть услышан с высокой трибуны Учредительного Собрания и голос еврейского пролетариата. Широкая еврейская масса также жаждет мира. Еврейский народ пострадал от войны может быть больше, чем другие народы. Еврейское население пострадало не только от врага, но также от депортаций и погромов, организованных самодержавием... Еврейское население естественно стремится к миру. Но не к такому миру, какой нам предлагают большевики. Еврейский пролетариат стремится к миру, который провозгласила на своем знамени российская революционная демократия, — к демократическому миру без территориальных захватов и без контрибуций, к миру, при котором каждый народ получит возможность сам определять свою судьбу. Если бы мы верили, что мир, который предлагают нам большевики и левые эсеры, приведет нас к указанным целям, мы бы, конечно, его с радостью приняли. Но вы сами ведь не верите, что дадите нам такой демократический мир. Вы сами знаете, что своим миром вы передаете в лапы немецкого милитаризма население оккупированных областей и вместе с ним часть еврейского пролетариата, который столь героически боролся в рядах российской революционной демократии за идеалы социализма, в том числе за настоящее Учредительное Собрание. (Возгласы: «Ура»)...

Поэтому я позволю себе выразить уверенность, что еврейское население не только России, но и всего мира, с большой радостью встретит предложение фракции социалистов-революционеров обратиться ко всем народам враждующих стран с предложением заключить всеобщий демократический мир. Я глубоко убежден, что весь еврейский пролетариат будет приветствовать обращение Учредительного Собрания к социалистам всего мира о созыве интернациональной социалистической конференции. (Возглас: «Она не будет созвана»). Я глубоко убежден, что она будет созвана и что все социалистические партии ждут нашего призыва. Ибо только такая конференция сможет действительно стоять на страже беднейших и трудовых классов и привести к действительно демократическому миру, лозунги которого были вызваны к жизни российской революцией и были вновь прокламированы Учредительным Собранием».

2) Съезд еврейских общин в 1918 г.

Быль июнь 1918 года. Украина и Белоруссия, в результате Брест-Литовского мира, были почти целиком оккупированы немцами и отрезаны от Советской России. Поэтому на созванный в Москве съезд могли приехать только делегаты общин из городов, расположенных на территории Великоруссии.

Были несомненно формальные трудности для получения разрешения на созыв съезда. Еврейский Комиссариат, существовавший в качестве “еврейского стола” при возглавляемом Сталиным народном комиссариате по делам национальностей, был против созыва съезда еврейских общин, в которых гнездились религиозные, буржуазные и враждебные новой власти социалистические элементы. Тем не менее, власть не решалась запретить съезд общин, избранных большей частью на демократической основе. В таких условиях 30 июня 1918 г. в Москве открылся, — впервые в истории русского еврейства, — Всероссийский Съезд еврейских общин.

Председателем организационного комитета по созыву съезда был сионист Л. Левитэ, а секретарем — бундист П. Мезивецкий. На съезде были представлены 39 еврейских общин из пунктов, находящихся на советской территории. Из оккупированных мест прибыли только два случайных делегата — оба из Минска.

Всего делегатов на съезде было 133 и среди них преобладали сионисты разных оттенков. Два делегата принадлежали к Еврейской Народной Группе. Буржуазно-либеральные деятели к этому времени уже отсутствовали на поверхности советской жизни. Ни М. М. Винавера, ни многих других представителей еврейского либерального лагеря на съезде не было. Все они к этому времени покинули столицу и проживали в разных местах на юге России. На открытии съезда, кроме делегатов, присутствовали также представители различных еврейских общественных организаций и еще существовавших органов еврейской печати.

От имени организационного комитета открыл съезд Л. Левитэ, произнесший речь на иврит и на идиш. Он напомнил о плане созыва Всероссийского Еврейского Съезда. К сожалению, — сказал он, — в ближайшее время нет никакой надежды созвать такой съезд. Поэтому нужно рассматривать настоящий съезд общин, как единственно возможную форму объединения русского еврейства. Нужно создать общинный центр, который можно будет рассматри-

вать, как первую ступень к созданию в России еврейской национальной автономии.

В президиум съезда вошли представители всех политических партий и течений. Работы съезда в первый же день ознаменовались спорами о языке, на котором должны вестись заседания. Идишисты не хотели слушать речей на иврит, а сионисты протестовали против речей на идиш. Не без труда представителям разных организаций удалось произнести свои приветствия. Затем был заслушан ряд деловых докладов, заранее подготовленных организационным комитетом, и заявлений, сделанных отдельными группировками.

В заключение работ съезда на нем был создан “Общинный центр”. В состав этого центра входило 40 членов: 16 сионистов, 6 бундистов, 5 Агудас-Израиль, 4 беспартийных, 3 объединенных социалиста, 3 поалей-циониста, 2 фолькс-партей и 1 от народной группы.

Однако, этому органу даже не пришлось приступить к деловой работе, так как летом 1919 г. Еврейский Комиссариат издал декрет о закрытии всех общин на местах и ликвидации вновь созданного Общинного центра.

И. Б. ШЕХТМАН

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ НА УКРАИНЕ

(1917-1919 г.г.)

Незадолго до первой мировой войны (в 1910 г.) в Одессе жили 172.608 евреев, в Екатеринославе — 69.102, в Бердичеве — 55.876, в Киеве — 50.792. Крупные еврейские общины были разбросаны в городских центрах с числом евреев от 25 до 50 тысяч; в некоторых городах они составляли абсолютное большинство. Но деревня была почти стопроцентно украинская. Из всех зарегистрированных переписью в 1920-1921 г. евреев в двенадцати украинских губерниях только 21.000 жили в деревнях.

Почти вся городская буржуазия того времени была неукраинская. «История наша не дала буржуазии», писал В. Винниченко в своей истории революции на Украине. «В данный момент нет на Украине буржуазии, которая признавала бы себя украинской», констатировала депутация Центральной Рады в меморандуме, представленном Временному Правительству в мае 1917 г. В городах редко слышалась украинская речь, и почти неограниченно господствовал русский язык, на котором говорила и обрусевшая еврейская интеллигенция. Выборы в городские думы летом 1917 показали, как слабо было влияние украинского элемента. Во всех почти городах блок националистических украинских партий оказался в меньшинстве. В Киеве, столице Украины, где голосовал и украинский гарнизон, украинские списки получили лишь 20% голосов. В. Винниченко писал во втором томе своей работы «Видроження націй»: «Еврейство, составляющее достаточно высокий процент населения в городах, в период выборов в думы всюду еще держалось русской ориентации, — оно еще не верило в победу украинства, а потому не имело никаких оснований голосовать за него».

В 1910 году автор настоящей статьи, который, под влиянием В. Жаботинского, овладел украинским языком и установил связь с украинскими студентами Новороссийского университета, написал статью, указывающую на необходимость украинско-еврейского «диалога»; статья по-

явилась в петербургском еженедельнике «Еврейский мир». Киевская украинская газета «Новая Рада» приветствовала эту «первую ласточку». Вскоре после революции 1917 года были выпущены в Одессе две брошюры того же автора: «Евреи и Украинцы» и «Национальные движения в свободной России». Центральный комитет сионистской организации в России предложил ему переехать в Киев, идейно-политический центр украинства.

На Всеукраинском национальном конгрессе 6-8 апреля в Киеве, на котором была избрана Центральная Рада, председатель Совета объединенных еврейских организаций,¹ д-р Г. Быховский произнес сдержанную и осторожную приветственную речь, но закончил свое слово провозглашением «славы украинскому народу». Конгресс торжественно заявил в принятой резолюции, что «одним из главных принципов украинской автономии признается полная гарантия прав национальных меньшинств, живущих на Украине». Однако никаких практических шагов для осуществления этой декларации в ближайшие два месяца сделано не было. И только тогда, когда Украинская Центральная Рада конструировалась, как краевая власть, и обнаружила реальную силу, стал проявляться действенный интерес к ней со стороны организованной еврейской общечественности.

Первый Универсал, прокламированный Радой 10 июня, создал Генеральный Секретариат, который должен был на территории 12-ти украинских губерний выполнять все правительственные функции от имени «Державной нации на Украине». По соглашению, заключенному 3-го июля 1917 года с приехавшими в Киев представителями Временного Правительства — Керенским, Церетели и Терещенко, — 30% мест в Малой Раде было предоставлено национальным меньшинствам (великороссам, евреям и полякам); меньшинства должны были также быть представлены в Генеральном Секретариате. Евреи получили пять мест в Малой Раде, — регулярно заседавшей в промежутках между сессиями Центральной Рады. (В состав Малой Рады входило 85 членов, пропорционально распределенных между

---

¹ Этот орган был создан в Киеве в первые недели революции 1917 г. В его состав вошли делегаты всех еврейских общественных, культурных, благотворительных, кооперативных и других организаций, синагог и т. д. Представитель Совета вошел в состав центрального органа революционной власти в Киеве — «Исполнительного Комитета». В мае 1917 г. Советом было созвано областное совещание еврейских общин юго-западных и южных губерний, на которое собралось около 300 делегатов.

всеми партиями). Пять еврейских партий, представленных в Малой Раде, были: Сионисты, Бунд, Фарейнигте,² Поалэй-Цион и Фолькспартей. Три социалистические партии, обычно поддерживаемые Фолькспартей, имели большинство в еврейской группе. Но действительное соотношение сил в украинском еврействе выявилось в результате выборов, имевших место в скором времени.

Во Всероссийское Учредительное Собрание были избраны на Украине по Киевской губернии сионист Н. Сыркин, по Подольской — сионист А. Гольдштейн, по Херсонской — сионист В. Темкин и беспартийный — знаменитый петербургский адвокат О. Грузенберг (кандидат «Фарейнигте» Д. Львович, прошедший по той же Херсонской губернии по списку партии социалистов-революционеров, был избран не еврейскими, а крестьянскими голосами). Ни одна из еврейских социалистических партий не провела своего депутата.

Выборы на Всероссийский Еврейский Съезд проходили в чрезвычайно хаотической общеполитической обстановке и состоялись далеко не во всех еврейских общинах. Данные, опубликованные по трем украинским губерниям, дали следующие результаты: Сионисты — 9727, Ортодоксы — 2484, Фолькспартей — 910, Бунд — 1858, Поалэй-Цион — 1762, Фарейнигте — 1337.

Еще более показательны данные о количестве голосов, полученных еврейскими списками на выборах в Украинское Учредительное Собрание по Киевской, Волынской, Подольской и Черниговской губерниям: Бунд — 34.338, Фарейнигте — 19.482, Поалей-Цион — 11.872, Фолкспартей — 556, Еврейский Национальный Избирательный к-т (на сионистской платформе) — 155.655.

Созданный сионистами Еврейский Национальный Избирательный Комитет провел 9 депутатов (по три в Киевской, Волынской и Подольской губерниях), а Бунд — одного в Волынской губернии; списки трех других партий не провели ни одного кандидата.

На выборах в Советы Еврейских Общин, проведенных на основании закона от 2-го декабря 1917 г., сионисты из общего числа 187.485 голосовавших, получили 81.722 голоса, Цеирей Цион — 5.261 голос: оба сионистские списка провели 1.503 депутата из общего числа 2.951 (52%).

² Фарейнигте возникли в мае 1917 г. путем слияния сионистов-социалистов (Эс-эсовцев) с социалистической рабочей партией (Сеймовцы или серповцы).

* * *

Таким образом представительство еврейства в Украинской Раде находилось в явном противоречии с реальным соотношением политических сил в еврействе. Социалистические партии, которые даже вместе с Фолкспартей — представляли меньше одной трети еврейских избирателей, занимали четыре пятых мест, предоставленных еврейскому национальному меньшинству на Украине. Представитель Бунда, М. Рафес, вошел в состав Генерального Секретариата в качестве «генерального контролера». Когда 15 июля был учрежден пост вице-секретаря по делам еврейской национальности, он был занят д-ром М. Зильберфарбом, делегированным партией «Фарейнигте» (в ноябре вице-секретариат был преобразован в генеральный секретариат, а в начале января 1918 г. — в министерство по еврейским делам).

Д-р Зильберфарб начал организовывать свой вице-секретариат в сентябре 1917 г., создав три департамента: общий, народного образования и общинных дел. Своим заместителем он назначил своего товарища по партии, И. Хургина; все другие позиции были заняты представителями еврейских социалистических партий. «Инструкция», выработанная Зильберфарбом и утвержденная А. Шульгиным (Генеральным Секретарем по делам национальных меньшинств), предусматривала создание при Вице-секретариате, в качестве совещательного органа, 50-членного еврейского Национального Совета — на основе равного представительства существующих пяти политических партий. Первое заседание Совета состоялось 1 октября 1917 г. Сионисты, которым предоставлено было 10 мест, отказались принимать участие в его работах: они обычно делегировали своего представителя с чисто информационными целями. Между ними и социалистическими партиями, которых они рассматривали как узурпаторов, не могло быть сотрудничества в подготовке законодательства о национально-персональной автономии.

Законопроект о национально-персональной автономии был выработан комиссией в составе М. Зильберфарба, его заместителя И. Хургина и юрисконсульта Секретариата М. Шац-Анина. Он был внесен в 9-ую сессию Центральной Рады — в начале января 1918 г. Первоначальный текст состоял из 12 статей:

Статья 1. Всякая неукраинская нация, проживающая на Украине, пользуется правом в пределах Украинской Народной Республики на национально-персональную автономию, т. е. пра-

вом на самостоятельное устройство своей национальной жизни. Это право осуществляется органами Национального Союза (см. ст. 3), власть которого распространяется на всех его членов, независимо от того, где они живут в пределах Украинской Народной Республики. Это право неотъемлемо принадлежит каждой нации, и ни одна из них не может быть его лишена или в нем ограничена.

Статья 2. Право на национально-персональную автономию проживающим на территории У. Н. Р. нациям — великорусской, еврейской и польской — предоставляется в силу настоящего закона. Нация же белорусская, чешская, молдавнская, немецкая, татарская и греческая могут воспользоваться правом на национально-персональную автономию в том случае, если каждой из этих наций в отдельности будет послано об этом заявление в Генеральный Суд. Заявление должно быть подписано не менее чем 10.000 гражданами, неограниченными в своих политических правах. После проверки в общеустановленном порядке правильности заявления, Генеральный Суд извещает об этом Кабинет У. Н. Р. для распространения силы настоящего закона на указанный Национальный Союз.

Статья 3. Для осуществления указанного в ст. 1 права, гражданам У. Н. Р., принадлежащие к данной нации, образуют на территории У. Н. Р. Национальный Союз. Членам каждого Национального Союза ведутся особые списки, составляющие национальный кадастр (реестр), публикуемый по своему составлению. Каждый отдельный гражданин имеет право требовать, чтобы он был внесен в тот или другой кадастр, или был исключен из него.

Статья 4. Национальный Союз имеет право издавать законы и управлять делами, касающимися потребностей и интересов той или другой нации. В точности круг ведения Национального Союза будет установлен в регламенте, указанном в ст. 8.

Статья 5. Из доходов У. Н. Р. передаются Национальному Союзу и органам местного самоуправления такого размера суммы, которые, соответственно численности населения той или другой нации, должны расходоваться на нужды, входящие в круг ведения Союза. Органы Национального Союза пользуются также правом обложения членов Союза.

Статья 6. Законы и постановления Союза не должны выходить за пределы его ведения (ст. 8) и, после опубликования Национальной Управой (ст. 9), получают обязательную силу для всех членов Союза.

Статья 7. Генеральному Секретариату У. Н. Р. принадлежит право наблюдения над закономерностью постановлений Национального Союза. Если в течение месяца после опубликования постановления поступит протест на него от Генерального Секретариата, вопрос передается в Генеральный Суд, и если последний признает протест правильным, то опротестованное постановление прекращает свое действие.

Статья 8. Круг дел, ведаемых Национальным Союзом и его

особыми органами, определяется регламентом Учредительного Собрания каждой нации, избираемого членами нации в пределах У. Н. Р. на основах всеобщего, прямого, тайного и пропорционального, без различия пола избирательного права. Этот регламент утверждается Учредительным Собранием У. Н. Р., или Всеукраинским Народным Съездом.

Разногласия, могущие возникнуть между Учредительным Собранием нации и Учредительным Собранием У. Н. Р., передаются для разрешения в согласительную комиссию из равного числа представителей обоих этих учреждений.

Статья 9. Органы Национального Союза являются государственными установлениями и действуют на общих основаниях.

Высшим органом Национального Союза является Национальный Совет, избираемый всеми членами Союза, согласно ст. 3 закона.

Высшим исполнительным органом Союза является Национальная Управа, избираемая Советом и перед ним ответственная.

Статья 10. В Генеральный Секретариат У. Н. Р. входят секретари от наций, организованных в союзы. Нации великорусская, еврейская и польская имеют отдельного секретаря каждая.

Статья 11. Все разногласия по вопросам компетенции, могущие возникнуть между органами Национального Союза с одной стороны и органами управления и местного самоуправления — с другой, передаются на решение административными отделениями в соответственные судебные учреждения.

Статья 12. Национальные Союзы У. Н. Р. имеют право входить в состав национальных своих Союзов, действующих в границах Российской Федеративной Республики.

К моменту внесения законопроекта, отношение украинских партий к национальным меньшинствам, и в частности к еврейскому меньшинству значительно ухудшилось. Атмосфера благожелательства, которая преобладала в первые послереволюционные месяцы, сменилась явным или плохо скрытым недоверием и недоброжелательством. Описывая в петербургском «Рассвете» от 31 января 1918 г., на основании отчетов из Киева «обстоятельства, при которых родилась еврейская национальная автономия», А. Давидсон (псевдоним редактора газеты, А. Д. Идельсона), писал:

«Заседание представляло сплошную даже не ругань, а какое-то издевательство над «меньшинствами», т. е. евреями, лезущими с какими-то автономиями. Зала дышала не только ненавистью, но и презрением, и она встречала еврейских ораторов не возгласами одобрения или недовольства, а сплошным хохотом. Правда, через пару дней опомнились, застегнулись на все пуговицы и приняли проект, но истинное отношение

представителей Украины обнаружилось именно на первом заседании, когда у людей на языке то, что на уме».

Последнее чтение и голосование законопроекта произошло 9 января.

Ряд ограничительных возражений и поправок, внесенных представителями Бунда и не еврейских партий, был отвергнут. Но Рада вычеркнула всю статью 10-ю, которая предусматривала вхождение в состав Генерального Секретариата Секретарей, представляющих «нации, организованные в союзы»; представители великорусского, еврейского и польского меньшинств не рассматривались, как полноправные члены Кабинета. С этим изменением, законопроект был принят единогласно в редакции комиссии.

Хотя обсуждение законопроекта проходило в весьма напряженной атмосфере и часто прерывалось антисемитскими выкриками с хоров, организованная еврейская общественность встретила вотум Рады с большим удовлетворением. Представитель Бунда М. Рафес приветствовал его, как «крупнейшей важности акт, которого еще не знает ни одна страна в Европе». М. Зильберфарб сравнил его с актами Великой Французской революции: «Тогда были провозглашены Права Человека, сегодня же прокламировали Права Нации». Н. Сыркин писал в сионистском «Телеграфе»: «Старая мечта осуществляется». Некоторые киевские еврейские деятели разослали поздравительные телеграммы в различные еврейские центры — в Петроград, в Америку, в Австрию. Еврейские социалистические партии стали поспешно выработать программу действий.

* * *

Принятие Радой закона о национально-персональной автономии должно было бы, казалось, отметить начало украинско-еврейского сближения. В действительности, однако, как констатирует И. Чериковер в своей работе, «Антисемитизм и погромы на Украине», закон этот «был принят тогда, когда украинские деятели... порвали идейно с представителями национальных меньшинств; это в значительной степени лишало закон его значения».

Некоторые еврейские партии приветствовали Первый (10 июня) и Второй (3 июля) Универсалы, в которых украинские деятели еще оставались на почве федерации с Россией и не рвали государственно-правовой связи с ней. Но, начиная с октября-ноября 1917, в украинском движении произошел резкий перелом в сторону «самостийности» и разрыва с Россией. Выражением этого нового курса явил-

ся Третий Универсал, принятый Радой 9 ноября и прокламировавший создание Украинской Народной Республики. «Он был предложен Раде украинскими вождями совершенно неожиданно для еврейских партий, которым пришлось в атмосфере подозрений и разгорающихся националистических страстей дать на него ответ», — свидетельствует И. Чериковер. «Национальным меньшинствам было устроенно нечто вроде экзамена на верность украинскому делу».

Прижатые к стене, все еврейские члены Рады голосовали за Третий Универсал. Несомненную роль в этом их вотуме играло включение в текст этого документа пункта о национально-персональной автономии: «Украинский народ, — гласил этот пункт, — сам долгие годы боровшийся за свою национальную свободу и ныне ее добившийся, будет твердо охранять свободу национального развития всех народов, на Украине живущих. А потому объявляем, что народам великорусскому, еврейскому, польскому и иным на Украине предоставляем национально-персональную автономию». Это дало возможность представителю Бунда А. Золотареву заявить, что «когда мы видим, что освобожденный украинский народ дает и нашему народу свободу, мы берем на себя часть ответственности за этот акт и от всего сердца подписываемся под Универсалом».

Слова «от всего сердца» несомненно были преувеличением: в действительности, все еврейские представители в Раде были глубоко смущены новым национально-политическим курсом. Мотивы их тревоги были, однако, не тождественны. Социалистические партии мыслили в общеполитических категориях: «Прокламирование украинской республики может быть воспринято так, будто мы рвем на части живое тело России», заявлял на заседании Малой Рады 7 ноября представитель «Фарейнигте», М. Литваков; в том же духе высказались представители Бунда и Поалей Цион. Иначе подошел представитель сионистской фракции, Н. Сыркин: «Одно нас останавливает в этом акте, — а что, если принятие этого Универсала вызовет еще больше анархии? Что будет, если эта анархия, от которой обыкновенно страдают в первую голову евреи, теперь еще больше усилится?»

Высказанные еврейскими членами Рады сомнения и оговорки явно раздражали украинских деятелей, вызывали с их стороны растущее недоверие. Накопившийся антагонизм неоднократно прорывался на заседаниях Рады. Украинский социал-демократ Неронович заявил 16 декабря 1917 г.: «Я никогда не верил национальным меньшинствам». Когда 6 января 1918 г. выступил представитель Бун-

да М. Рафес, ему с хор кричали: «в синагогу», и не давали говорить.

До открытого конфликта дошло 11 января 1918 г., когда Рада приступила к голосованию Четвертого Универсала, прокламировавшего полное отделение от России. Отношение всех еврейских партий к этому акту, санкционированному распадом России и разрывающему российское еврейство на части, было резко отрицательное. Однако, против него голосовал лишь Бунд вместе с российскими меньшевиками; представители остальных еврейских партий (кроме сионистов, которые в этом голосовании не участвовали) воздержались от голосования.

Среди украинских деятелей, особенно рядовых украинских националистов, это отношение евреев вызвало крайнее озлобление. На речь оратора Бунда Либерера публика реагировала свистками и руганью; злобными выкриками были встречены выступления даже тех еврейских членов Рады, которые воздержались от голосования.

* * *

Если расхождения общеполитического характера подрывали доверие украинских партий к евреям, то почти непрерывный рост погромных эксцессов на Украине повел в еврейской среде к росту недоверия к украинцам.

28 ноября 1917 г., автор этой статьи внес от имени сионистской фракции первый запрос о нарастающей волне анти-еврейских беспорядков:

«Больше чем из 30 пунктов Подольской, Воынской и Киевской губ. — говорилось в запросе, — получены телеграммы о погромах. В телеграммах указывается на беззащитное положение еврейского населения, отданного на поток и разграбление пьяных погромных банд. Горят города, разгромлены лавки, уничтожается домашний скarb; последнее имущество терроризованной еврейской трудовой массы беспощадно и бесцельно губится озверевшей толпой. Жизнь беззащитного населения висит на волоске... Местные власти бессильны... Ужас положения усугубляется тем, что все здоровое и взрослое мужское население находится в армии. Отпор громилам дать некому. Остались одни старики, дети и беспомощные женщины; жизни и чести их угрожает смертельная опасность».

Отвечая на этот первый в долгой цепи запросов о погромах, генеральный секретарь по войсковым делам С. Петлюра признал самый факт погромной волны и обещал принять срочные меры к ее подавлению: «Погромы происходят в прифронтовой полосе, где чрезвычайно много разных опасных воинских частей. Эти части и устраивают погро-

мы... Разгрузка тыла от праздных запасных частей встречала препятствия бюрократического характера, но эта реформа вскоре будет произведена. Секретариат будет вскоре также иметь достаточно военной силы, при помощи которой можно будет решительно бороться с анархией».

Такой силы у украинской власти, однако, не оказалось. В последующие месяцы явно ослабела и воля к «решительной борьбе». Внося в Раду 19 декабря вторичный запрос о погромах, представитель сионистской фракции Н. Сыркин сказал: «Генеральный Секретариат в последнее время как будто перестал проявлять прежнюю чуткость к воплям жертв и как будто фаталистически примирился с ними». А в статье «Украина, исполни долг свой!» в сионистском органе «Дер Телеграф» Сыркин писал: «Прежде, при первых сведениях о погроме или даже только об опасности погрома, Генеральный Секретариат бывало живо реагирует... Теперь же он выслушивает донесения о погромах и просьбы о помощи, как приевшуюся песенку... и никакие практические меры не принимаются».

Первое место по числу погромленных пунктов в период от сентября до конца 1917 года занимала Киевская губерния (половина общего числа), за ней следовали Волынская и Подольская; в Полтавской и Черниговской губерниях число это было незначительно.

* * *

Бессилие украинской власти и недостаточность правительственных мер в борьбе с погромами привели к сознанию необходимости вооруженной самообороны. На первой конференции Союза евреев-воинов в Киеве (10-13 октября 1917 г.) докладчик по вопросу о борьбе с погромами требовал «организации еврейской самообороны в самых широких размерах, самообороны организованной, внушающей к себе серьезное отношение». Внося 28 ноября 1917 г., от имени сионистской фракции, запрос о погромах, автор настоящей статьи поставил этот вопрос перед Малой Радой:

«Со всех сторон поступают к нам настойчивые требования еврейских солдат, чтобы им разрешено было организоваться в специальные дружины для защиты жизни и чести своих отцов, матерей и сестер... Не находит ли Генеральный Секретарь (по войсковым делам) возможным разрешить евреям-воинам организовать специальные дружины для охраны еврейского населения?»

В своем ответе С. Петлюра выразил принципиальное согласие на это предложение. Но почему-то оно вызвало

ряд сомнений у представителей еврейских социалистических партий и фолькспартей. Перед лицом этой оппозиции Рада и Генеральный Секретариат по войсковым делам воздержались от каких бы то ни было конкретных шагов.

В Совете при еврейском министерстве те же партии (в отсутствии сионистов) осудили идею вооруженной самообороны. Отряды самообороны, аргументировал представитель Бунда, «опасны для самих евреев, из них создастся новая еврейская каста, и они вызовут антисемитскую травлю». Представитель Поалей-Цион настаивал, что такие отряды могут даже «провоцировать погромы» и предложил создание для самообороны смешанных воинских частей с преобладанием в них евреев. И. Хургин заявил от имени еврейского министерства, что «выделение особых еврейских отрядов — худший из паллиативов в борьбе с погромами». Все четыре партии голосовали за резолюцию, гласившую, что «формирование особых еврейских частей для защиты еврейского населения вредно, как с политической стороны, так и в интересах фронта».

Противоположную точку зрения защищали сионисты и еврейские воинские организации. «В настоящий грозный момент у всех одна мысль, один лозунг: самооборона, еврейская национальная самозащита», писал Н. Сыркин в сионистском «Дер Телеграф» 29 ноября 1917 г. Позже (4 декабря) И. Кантор писал в той же газете: «Еврейская самооборона должна в наше время носить характер солдатской самообороны; в рядах российской армии находится не меньше 400.000 евреев, и еврейство вправе требовать от своих сыновей защиты». В то же время, собрание евреев-солдат Киевского гарнизона (21 декабря) резко осудило «нерешительную политику еврейского министерства в деле способствования проведению в жизнь предложения об образовании еврейских воинских частей» и потребовало от него немедленной организации таких отрядов; «в случае неудовлетворения в течение трех дней этого требования, организация Союза евреев-воинов оставляет за собой свободу действия, т. е. право самостоятельного формирования отрядов».

Такие отряды были организованы явочным порядком, Союзом евреев-воинов в Могилеве Подольском, Овруче (Волынской губ.), Дымере (Киевской губ.), Голованевске (Подольской губ.) и в самом Киеве. «Еврейская боевая дружина», созданная в Одессе еще в августе 1917 г. и просуществовавшая, с перерывами, при всех сменах режимов, свыше двух лет, насчитывала от 400 до 600 постоянных бойцов (кроме резервов) и была хорошо вооружена. Дру-

жина не только уберегла от погромов Одессу, но и высылала, по просьбам с мест, летучие отряды в Рыбницу, Кодыму, Дубоссары, Кривое Озеро, Рудницу, Бирзулу и др.

К началу 1918 г. еврейское министерство также потеряло веру в помощь со стороны военных сил украинской республики и круто изменило свое отношение к формированию еврейских отрядов. На конференции Союза евреев-воинов 4 января 1918 г. представитель министерства признал, что если «раньше была возможность положиться на воинские части, которые предназначались властью для подавления погромов, то теперь... быть может, наступило уже время образовать еврейские вооруженные отряды самообороны». В этом направлении И. Хургин, товарищ министра по еврейским делам, 15 января интервенировал у командующего войсками Киевского военного округа.

Но еврейское министерство спохватилось слишком поздно. Развернувшиеся общеполитические события отодвинули надежды на получение официальной санкции еврейской самообороны, а без такой санкции не было возможности приступить к планомерной организации воинских отрядов. Отряды самообороны, явочным порядком создавшиеся в отдельных пунктах, сыграли несомненную роль в защите местного еврейского населения, но лишены организационного центра и функционируя, как придаток к политическим партиям, они были бессильны предотвратить или подавить происходившие во всей стране погромные эксцессы.

* * *

Уже через несколько дней после принятия закона о национально-персональной автономии, самое существование Рады оказалось в опасности. В арсенале, постоянном очаге киевского большевизма, вспыхнуло восстание. К рабочим примкнули два украинских полка. Не находя надежной опоры в своей регулярной армии, украинское правительство вынуждено было поручить защиту республики, и вместе с ней всю полноту власти, «Вильному козацтву» (вольному козачеству), возглавляемому М. Ковенко. Он был назначен комендантом г. Киева и фактическим диктатором. По закону «Вильне козацтво» должно было быть народной милицией, открытой для всех национальностей страны; фактически оно выродилось в изолированную воинскую касту с ярко выраженным антисемитским привкусом. В некоторых местах евреев совсем не принимали в отряды «козацтва», в других — допускали по процентной норме. Параллельно организовывалось и крепло большевистское ядро с подкреплениями извне; среди красногвардейцев оказались и евреи; не было

недостатка в еврейских именах и среди большевистской «головки» в Киеве (Чудновский — комиссар города, Крейцберг — комиссар финансов, Райхштейн — комиссар прессы, Шапиро — комиссар при армии), равно как и в таких центрах, как Одесса или Екатеринослав. Этого было достаточно, чтобы питать разговоры о «большевиках-евреях» и «евреях-большевиках» среди верных Раде воинских частей. Словесные прогулки насчет «предателей-жидов» стали почти бытовым явлением; на улицах, в казармах, при обысках — везде звучали темные угрозы. В городах воцарилось огромное настроение.

Борьба за Киев продолжалась 12 дней. Город непрерывно обстреливался из ружей, пулеметов и орудий. Некоторые кварталы переходили по несколько раз из рук в руки. Снаряды ложились и рвались у самого здания Рады, члены которой все же регулярно собирались на очередные заседания; особенно аккуратны в исполнении своего гражданского долга были еврейские фракции.

Но их лояльность была плохо оценена. Теряя почву под ногами, чувствуя себя изолированной, Рада нервничала, впадала в болезненную подозрительность и придирчивость и срывала досаду на меньшинствах, упрекая их в двуличности и в недостатке гражданского патриотизма.

20 ноября, в самый разгар уличных боев, от имени сионистской фракции был внесен запрос об анти-еврейских эксцессах. Раду призывали выпустить воззвание к населению с требованием положить конец насилиям, в которых не без вины были и отряды вольного казачества. Вокруг запроса развернулись долгие и страстные прения, превратившиеся в словесную перестрелку между украинскими депутатами и представителями национальных меньшинств.

В результате было решено выпустить воззвание от имени всех социалистических фракций Рады. Практических результатов этот жест не имел. Погромная атмосфера в городе сгущалась, и на следующий день член сионистской фракции Рады М. Гиндес был вынужден интервенировать у председателя украинского совета министров В. Голубовича; тот высказал надежду, что, благодаря принятым мерам, удастся предотвратить дальнейшие эксцессы. Но в тот же день вечером фракция получила сведения о тревожном настроении на Подоле, и М. Гиндес, вместе с М. Розенштейном, посетили военного коменданта Киева и главу «вольного казачества», М. Ковенко, представив ему данные о насилиях его воинских частей над еврейским населением; полученный ими ответ был уклончив.

Подавляющее впечатление произвела гибель И. Гого-

ля, председателя Центр. Комитета Всероссийского Союза Евреев-Воинов и члена сионистской фракции Совета Киевской Еврейской Общины. Делегатское совещание Союза, с участием представителей провинциальных отделов, было арестовано украинским патрулем. Благодаря хлопотам Еврейского Секретариата и члена сионистской фракции Рады М. Лимановского, все задержанные были освобождены, — кроме Гоголя, имя которого потом появилось в списках погибших; было установлено, что он пал не жертвой шальной пули, а был заколот штыками во время содержания под арестом. Запрос, внесенный в Раду М. Лимановским, повел к созданию специальной комиссии для расследования событий. Но она не успела приступить к работе.

Спустя несколько дней власть перешла уже в руки большевиков, и 26-го января красноармейские части вступили в город. Украинское правительство и лидеры украинских партий эвакуировались в Житомир; еврейские представители за ними не последовали.

* * *

Почти непрерывная волна погромов, против которых правительство не предпринимало активных шагов, и антиеврейские речи и выкрики в заседаниях Рады, породили в еврейских массах неудержимо нарастающее чувство сомнения, тревоги, разочарования и недоверия, граничащего с враждебностью к этой власти. Отношение этих масс к украинскому национальному движению было и до того более чем сдержанное. И. Чериковер писал в своей цитированной работе (стр. 115):

«Надо сознаться, что украинская идея, несмотря на поддержку еврейских партий, не проникла в толщу еврейского населения. Помимо партий существовал еще просто обыватель, который питал к украинскому делу определенное недоверие, в лучшем случае равнодушие. Это отношение выражалось не только в подсмеивании над украинским языком и вывеской; на украинизацию он отвечал пассивным сопротивлением. Еврейский обыватель боялся украинства, оно было ему чуждо в то время, как в русское государство и в русскую культуру он, несмотря на все последние потрясения, верил».

Организованная еврейская общественность все еще пыталась противопоставить этому разочарованию масс более оптимистическую оценку положения. Член сионистской фракции Рады, М. Гиндес писал в «Рассвете» (17 марта 1918 г.):

«Ответственные политические деятели, руководители еврейского общественного мнения, непосредственно соприкасавши-

еся с Радой и правительственными кругами, знали, что последние неповинны в этом деле. Быть может, они не проявили той «святой тревоги», которой естественно было ждать от них при виде подмывающей край жестокой погромной волны. Быть может, они не нашли достаточно сильных слов для выражения своих чувств негодования. Но сделали они крайне мало потому, что больше сделать не могли. Трагедия бессилия — основная трагедия украинской власти — была хорошо видна еврейским политическим кругам, и нотка доверия, реабилитировавшая украинскую власть в глазах еврейских масс, производила должное действие».

В борьбе Рады с большевистским нашествием еврейские политические партии отчетливо стали на про-украинскую позицию.

«Что собственно произошло в Киеве? — спрашивал сионистский «Дер Телеграф» 25 января, вышедший уже под жестоким обстрелом. — «Столкнулись два стана, ведущие борьбу в России. На чью сторону должно было встать еврейское население Киева в этой борьбе? Без колебаний и сомнений мы можем, кажется, ответить ясно и определенно: на сторону Рады»...

И далее: «Это не значит, конечно, что мы считаем всю политику Рады последним словом государственной мудрости и политической зрелости. Напротив, мы видим ошибки ее политики и, заседаая в Раде, мы несомненно указывали на эти ошибки... И все-таки мы говорим, что при всех своих ошибках, при всех зигзагах своей политики, Рада была фокусом творческих демократических сил»... —

В бундовской «Фольксцайтунг» М. Рафес положительно отзывался о Раде и критиковал большевиков 30-го января уже после занятия ими Киева. «Чуждая власть пришла в Киев. Оккупационная армия. Она разогнала всю демократию, всем села на шею — и хочет господствовать». Орган Фарейнигте «Найе Цайт» также писал, что большевизм «фактически несет только разрушение и смерть». Несмотря на некоторое тяготение к большевизму, уже тогда намечавшееся в еврейских социалистических партиях, их руководящие органы отказались сотрудничать с большевицкой властью. Центральный Комитет «Фарейнигте» постановил отозвать членов партии из всех центральных украинских учреждений и из исполнительных органов Советов. Подали в отставку министр по еврейским делам Зильберфарб, его помощник Хургин и почти все ответственные работники министерства по еврейским делам.

Еврейская общественная жизнь замерла. Отвергнутая всеми еврейскими партиями большевистская власть, одна-

ко, нашла поддержку среди довольно большой группы еврейских рабочих, вернувшихся после революции из Англии и осевших в Киеве. Эти ре-эмигранты стали целиком на сторону советского режима и создали особый еврейский отряд Красной гвардии; некоторые из них заняли посты комиссаров и других должностных лиц в советских учреждениях.

* * *

Большевистская власть продержалась в Киеве недолго. 9-го февраля делегация Рады заключила в Брест-Литовске сепаратный мир с центральными державами, и 1-го марта правительство Украинской Республики вернулось в Киев под защитой австро-германских штыков.

В течение последующих трех недель украинские военные части (гайдамаки и «Вольное казачество») бесчинствовали, хватая посреди улицы «жидовских комиссаров» и уводя их в казармы, где их избивали и часто расстреливали. По данным комиссии при Городской Думе, за одну только неделю (1-8 марта) было зарегистрировано 172 случая насилия над евреями, — из них 22 убийства.

Совет Киевской еврейской общины выпустил воззвание, в котором настаивал, что «в этих позорных злодеяниях украинская власть, только что вернувшаяся к нам, неповинна... Ответственные руководители украинских военных и гражданских властей дали заверение в том, что они погромов не допустят». К 20-му марта волна эксцессов схлынула.

Когда возник вопрос о назначении министра по еврейским делам вместо М. Зильберфарба, который подал в отставку 16 января, сионисты и все три еврейские социалистические партии отказались выставить кандидата. «Фолькс-партей», однако, выставила кандидатуру В. Лацкого. Вокруг нее развернулись на заседании Малой Рады от 9 апреля оживленные прения.

От имени сионистской фракции, М. Гиндес защищал принцип

«избрания национального министра или, вернее статс-секретаря — самой нацией. Предложенный кандидат никем из евреев не избран. Пост еврейского министра замещается путем бюрократического назначения. При такой обстановке фракция сионистов на этот портфель не претендует. ...Мы в утверждении этого министра участвовать не будем».

Еврейские социалистические партии высказались за избрание В. Лацкого.

Малая Рада утвердила В. Лацкого в должности мини-

стра по еврейским делам. Но новый министр не успел приступить к какой-либо конструктивной работе...

Дни Рады были сочтены. 28-го апреля немецкое командование на Украине разогнало ее. Бывший генерал царской службы П. Скоропадский был объявлен Гетманом Украинской Державы; новый кабинет министров состоял из умеренных и консервативных украинских деятелей (Лизогуб, Кистяковский, Василенко и др.); одесский финансист — С. Гутник, близкий к еврейской Народной Группе, был назначен министром торговли и промышленности. Период семи с половиной месяцев «гетманщины», хотя сравнительно более спокойный, чем предшествовавшие ему режимы, был тоже отмечен рядом анти-еврейских эксцессов; не было также недостатка в антисемитских выступлениях в прессе. В конце мая новая власть ликвидировала еврейское министерство, а 8 июля формально отменила закон о национально-персональной автономии, который таким образом просуществовал неполных шесть месяцев.

Словно предвидя его недолговечность, А. Давидсон писал еще 31-го января 1918 г. в сионистском «Рассвете», что национально-персональная автономия это лишь «блестящий пузырек на пенистых волнах бушующего российского моря... поражающий на момент своим призрачным светом и радужными красками... (который) всплывет, блеснет и исчезнет бесследно». «Персональная автономия это 'исторический акт' — т. е. акт существующий только для истории, и в этом все его значение; будущий историк будет ссылаться на него».

Три месяца спустя, М. Литваков, один из лидеров «Фарейнигте» — партии, наиболее ответственной за прокламирование национально-персональной автономии — открыто высказал, с другой точки зрения, свои сомнения в самой ценности этого института для еврейского меньшинства. В статье «Завоевание или утешение?» в «Найе Цайт» от 25 марта Литваков писал: «Украинцы постепенно превратили этот институт в какую то государственно-политическую черту оседлости... Они говорят евреям: заберите у нас круг ваших специальных дел, делайте там, что хотите, разрешайте себе свои вопросы, как вашей душе угодно, но украинское государство — это вас не касается, это предоставьте нам»...

* * *

Исчезновение Украинской Рады, еврейского министерства и национальной автономии создало совершенно новую конъюнктуру. Еврейские социалистические партии больше

не могли сохранить свое доминирующее положение. Национальный Совет, в котором они, вместе с «Фолкспартей», составляли 80%, стал явным анахронизмом. Выборы в советы еврейских общин, проведенные тем временем по всей Украине, дали сионистам 43% и ортодоксальным группам «Ахдут Исроел» 13%. Социалистические партии с 37% и «Фолкспартей» с 7% оказались в меньшинстве. Они, однако, отказались перестроить Национальный Совет в соответствии с результатами общинных выборов. После долгих переговоров был выработан компромисс: состав Совета был увеличен до 60; сионисты получили 24 места и «Ахдут Исроел» — 6; остальные 30 мест были предоставлены «левому блоку». Совет был, таким образом, расколот на два численно равные сектора; при каждом почти голосовании создавался тупик: — 30 против 30.

Обе стороны сошлись на необходимости созыва полномочного национального представительства украинского еврейства. Крайне напряженное обще-политическое положение в стране делало невозможным прямые выборы, с предвыборной агитацией и участием народных масс. Было поэтому решено, что избирательным корпусом будут служить 3.565 членов 168 общинных советов, избранных на основе всеобщего, прямого, равного, тайного и пропорционального голосования; количество голосов, полученных на общинных выборах отдельными членами совета, должно было быть засчитано в кредит того списка, за который они голосовали.³ Национальный Совет назначил Главное Избирательное Бюро, в котором были представлены все партии. Гетманское правительство и немецкая комендатура дали разрешение на созыв Временного Национального Собрания.

Выборы состоялись 11, 12 и 13 августа 1918 года. Списки, представленные сионистами, Цеирей Цион и «Ахдут Исроел» были напечатаны на иврит, остальные — на идиш. Наибольшее количество депутатов было избрано по сионистскому списку — 42; за ним следовали: Бунд — 23, «Ахдут Исроел» — 19, Цеирей Цион — 14, «Фарейнигте» — 12, Поалей Цион — 11 и Фолкспартей — 4. Среди 125 членов Временного Национального Собрания, которое начало свои работы 3-го ноября, «левый блок» оказался в меньшинстве.

Несмотря на далеко идущие — часто острые по форме

---

³ См. сборник материалов и документов, «Еврейская Национальная Автономия и Еврейский Национальный Секретариат на Украине» (на идиш), вышедший в Киеве в 1920 г. под редакцией М. Гроссмана, И. Гринфельда, И. Чериковера, В. Лацкого и И. Шехтмана.

— разногласия между большинством и меньшинством, восьмидневная сессия Собрания казалась способной образовать некоторое подобие постоянной национальной организации украинского еврейства. Было постановлено создать 25-членное «Малое Национальное Собрание», которое могло бы заседать регулярно в промежутках между пленарными сессиями Собрания. В нем все партии должны были быть представлены пропорционально. Был также образован верховный исполнительный орган (Vaad Harpoel Haleumi — Национальный Секретариат) на коалиционных началах и принят его бюджет.

Неожиданно положение, однако, изменилось, когда в последний день сессии газеты сообщили о революции в Германии. Социалистические партии Собрания сочли новую общеполитическую конъюнктуру благоприятной для себя и круто изменили свою тактику. Когда Собрание постановило избрать делегацию, которая на предстоящей мирной конференции представила бы еврейские национальные требования, эти партии вместе с «Фолкспартей» заявили, что «большинство не считается с меньшинством» и что «идея коалиции обанкротилась»; они отказались войти в Национальный Секретариат и покинули Собрание. В секретариат были избраны пять сионистов и двое представителей «Ахдут Исроел» (ортодоксы).

* * *

Национальный Секретариат приступил к работе: установил постоянную связь с общинами, создал юридическую комиссию для разработки вопросов национальной автономии и т. д. Но изменившаяся политическая обстановка в стране поставила его перед новыми проблемами.

Лишенный поддержки германских войск, деморализованных революцией в Германии, гетманский режим рухнул. На заседании 15 ноября в Виннице, Украинский Национальный Союз, в котором были представлены все украинские партии, призвал к восстанию против гетмана и сформировал 5-членную Директорию во главе с В. Винниченко и С. Петлюрой. Восстание вскоре охватило всю Украину, и 14-го декабря революционные воинские части вступили в Киев, который стал резиденцией Директории.

Делегация Национального Секретариата тепло приветствовала новую власть, подчеркнув, что «еврейская нация, возрождающаяся к новой жизни как в странах рассеяния так и на своей родине, Палестине, всегда внимательно и сочувственно следила за украинским освободительным движением, видя в нем яркое выражение национального самоопределения». Приветствовали Директорию также еврей-

ские социалистические партии, культурные и кооперативные организации и т. д.

Еще 16-го декабря, до своего вступления в Киев, Директория постановила восстановить закон о национально-персональной автономии. Ссылаясь на ст. 9-ую этого закона, предусматривающую, что «высшим органом Национального Союза является Национальный Совет, избираемый всеми членами Союза», а «высшим исполнительным органом Союза является Национальная Управа, избираемая Советом и перед ним ответственная», Национальный Секретариат предложил Директории рассматривать его как правомочный высший исполнительный орган еврейской национальной автономии. В беседах с делегацией Секретариата, Председатель Директории Винниченко заявил, что он готов принять принцип построения национальной автономии снизу и признать Временное Национальное Собрание, как законодательный орган, а Национальный Секретариат, как исполнительный орган еврейской автономии.

Разногласия возникли, однако, по вопросу о министре по еврейским делам. Делегация Секретариата настаивала на том, что заведующий еврейским министерством не должен быть членом кабинета министров, ответственным за всю политику кабинета, а статс-секретарем по еврейским делам, ответственным в сфере своей деятельности перед органами еврейской автономии и являющимся лишь связующим звеном между этими органами и правительством; Винниченко же требовал, чтобы министр по еврейским делам был членом кабинета на тех же основаниях, как все другие министры, и был ответственен перед советом министров за функционирование органов еврейской автономии. Он предложил, чтобы вопрос был передан на обсуждение Малого Еврейского Национального Собрания, в котором тогда еще были представлены все еврейские партии.

Но 30-го декабря социалистические партии объявили о своем выходе из этого органа. М. Рафес (Бунд) обвинял Временное Еврейское Национальное Собрание в том, что вместо того, чтобы заниматься чисто общинными делами, оно приняло резолюции по общееврейским вопросам «в духе клерикализма и сионизма» и «связалось с империализмом Антанты». Представитель Поалей Цион напомнил, что Собрание было построено на двухстепенных выборах, и заявил, что теперь, в эпоху победы революции, оно не отражает истинной воли еврейских масс. Сионисты и ортодоксы, оставшиеся в Малом Национальном Собрании, отказались выставить кандидата в еврейские министры, который дол-

жен был бы подписаться под общей программой Директории. Бунд и «Фарейнигте» также — по иным соображениям — не согласны были дать своего кандидата в министры. Но Поалей Цион согласились, и А. Ревуцкий был назначен министром по еврейским делам.

Сообщая об этом делегации Национального Секретариата, Винниченко заявил: «Я убежден, что г. Ревуцкий, который не бундовец, а социалист — с одной стороны и сионист — с другой, не вызовет сильной оппозиции со стороны большинства Еврейского Национального Собрания». Ответ делегации был, что самый факт назначения делает нового министра неприемлемым для органов национальной автономии. Попытки наладить в той или иной форме сотрудничество между назначенным министром и избранным Национальным Секретариатом успехом не увенчались.

Трения и соперничество между еврейскими партиями давали себя чувствовать даже в такой области, как помощь пострадавшим от погромов, которая, казалось бы, должна была носить общенациональный характер. 18 января 1919 г. Малое Национальное Собрание постановило создать из представителей всех партий и общественных учреждений объединенный комитет для помощи погромленным. На следующий день, еврейское министерство созвало с той же целью совещание, на которое были приглашены представители общественных организаций.

Впоследствии образовался общий Комитет Помощи под председательством М. Крейна (впоследствии М. Л. Гольдштейна), независимый и от министерства и от Национального Секретариата; в нем были представлены и общественные учреждения, и политические партии; его функции были ограничены материальной и юридической помощью; еврейское министерство должно было предоставить в распоряжение Комитета 5 миллионов карбованцев, ассигнованных Директорией для пострадавших от погромов. Из этой суммы поступили 1½ миллиона; 400.000 были собраны среди частных лиц и общественных организаций. До мая 1919 г. Комитет израсходовал 1.100.000 на немедленную помощь, 300.000 на выдачу кредитов, 130.000 на культурные учреждения и т. д.

К этому времени отношения между социалистическим и не-социалистическим секторами в Комитете настолько обострились, что социалисты из него вышли. Пришедшие к власти советские органы прекратили денежные ассигновки, а потом распустили и самый Комитет помощи.

Кратковременным оказалось также существование «Красного Моген-Давида», созданного в феврале Малым

Национальным Собранием по предложению д-ра М. Беркенгейма, представителя Интернационального Комитета Красного Креста для помощи жертвам гражданской войны. В Киеве эта организация завербовала свыше 1.000 членов и собрала значительные материальные средства. Ее медицинская секция насчитывала 120 врачей и 100 сестер милосердия. В беспокойные апрельские дни 27 летучих отрядов Красного Моген-Давида доставляли еду и одежду арестованным Чрезвычайкой; медицинско-санитарные отряды выехали в Проскуров, Чернобыль, Иванков и другие погромные пункты. Но уже 14 мая Собез (отдел социального обеспечения) ликвидировал Моген-Давид, как «частное благотворительное учреждение».

К тому времени произошли глубокие изменения в партийно-политической структуре украинского еврейства. Большинство партии «Фарейнигте», которая в 1917-1918 г.г. занимала ярко анти-большевистскую позицию, «сменило ве-хи» и в марте 1919 г. создало «Комфарейнигте» (т. е. коммунистические «Фарейнигте»). Аналогичный сдвиг произошел в Бунде: в феврале того же года большая часть этой антибольшевистской партии на Украине, возглавляемая М. Рафесом и А. Чемериским, образовала «Комбунд» (коммунистический Бунд), который 29 мая слился с «Комфарейнигте» — в «Комфарбанд». Раскол среди Поалей Цион произошел несколько позже, когда коммунистическое крыло частью влилось в общую коммунистическую партию, а 12 июля 1919 года украинский комиссар внутренних дел под давлением Комфарбанда распорядился «немедленно прекратить деятельность центрального и местных комитетов сионистской партии и всех связанных с ней организаций».

С. ГРИНГАУЗ

ЕВРЕЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ В ЛИТВЕ И ДРУГИХ СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Одним из политических последствий первой мировой войны явилось установление государственной независимости трех прибалтийских стран: Литвы, Латвии и Эстонии. Страны эти были невелики и население их было незначительно: в Литве проживало 2,4 миллиона (1939), в Латвии — 1,9 миллиона (1935) и в Эстонии 1,1 миллиона душ. Невелико было и еврейское население этих стран — около 150 тысяч в Литве, около 93.500 — в Латвии и около 4.500 — в Эстонии, да и самостоятельность их длилась короткое время: с 1918 г. по 1940 г. Однако, несмотря на ограниченные объективные возможности существования трех прибалтийских стран, — расположенных между Россией, охваченной ураганом революции — с одной стороны, и Германией, с назревавшими в ней после поражения противоречивыми тенденциями развития, — с другой, — небольшие очаги еврейского населения в них, особенно в Литве, попытались сделать опыт создания еврейской национальной автономии. Этот опыт представляет известное принципиальное значение и заслуживает внимания исследователя жизни и истории еврейства Восточной Европы в нашу бурную эпоху.

Идеологически концепция еврейской национальной автономии с конца 19-го века и начала 20-го века довольно широко укоренилась в еврейских общественных кругах, как национального, так и социалистического толка. Одним из ее первых пропагандистов выступил историк С. М. Дубнов в своих "Письмах о старом и новом еврействе", начавших печататься в "Восходе" в 1897 году. Возникавшие в последующие годы еврейские социалистические группировки, — отметим в первую очередь группу "Возрождение", явившуюся сторонницей создания еврейского "сейма" (парламента), — высказались в пользу идеи национальной автономии. Под влиянием общественного оживления в 1905 г., связанного

с эпохой первой русской революции, идея еврейской национальной автономии была воспринята Бундом (хотя с ограничивавшими ее функции культурно-просветительными задачами), сионистами-социалистами и поалейционистами, стоявшими за расширение ее компетенции. Автономия была также принята широким фронтом буржуазно-демократических групп, умеренных и радикальных. Кроме фолькспартей (во главе с С. Дубновым) высказались в пользу автономии и Еврейская Народная Группа (Винавер — Слиозберг) и Еврейская Демократическая Группа (Брамсон — Ландау — Браудо). Сионисты, принципиально оставаясь на своих позициях, также в известной мере поддержали на своем съезде в Гельсингфорсе идею еврейской национальной автономии в диаспоре (под влиянием И. Гринбаума, В. Жаботинского и др.).

Несколько забегаая вперед, следует подчеркнуть, что впоследствии противниками национальной автономии в Прибалтике оказались только две группы в еврействе: ультраортодоксальные, религиозные элементы и коммунисты. Первые отклоняли в принципе признание секулярности и светскости каких-либо еврейских учреждений. Вторые же, помимо того, что не допускали никакого сотрудничества с буржуазными течениями, вообще отказывались признать еврейство нацией, поскольку в основу его существования не положен территориальный признак.

Следует придти к выводу, что к моменту возникновения независимости Прибалтийских стран, национальное самосознание большинства еврейского общественного актива было восприимчиво к идее национальной автономии. Во время первой мировой войны и после нее эта идея получила принципиальную и практическую поддержку как в известных “14-ти пунктах” президента Вильсона, так и в мирных договорах, построенных на основе охраны прав национальных меньшинств. Создавалась обстановка, более или менее благоприятная для попытки осуществления еврейской национальной автономии в странах Прибалтики.

Правда, нельзя было закрывать глаза на действительность. В таких крупных центрах еврейского населения, как Украина, Польша и Румыния, опыт еврейской автономии был почти в зародыше, — под влиянием политической обстановки, — задушен. В Венгрии и Турции — под давлением тамошних правительств — евреи сами вынуждены были отказаться от своего права на национальную автономию. В Чехословакии идея эта провалилась, вследствие внутренних трений, где только часть евреев считала себя принадлежащей к еврейству, а многие были ассимилированы на-

столько, что считали себя то чехами, то немцами, то венгарами.

Однако, в Латвии и Эстонии еврейская автономия была ограничена школьным делом, и только Литва оказалась страной, где был проведен эксперимент по созданию еврейской национальной автономии в полном объеме. Это имело свои особые причины. Евреи на Литве представляли собой культурное единство и принадлежали к наименее ассимилированным еврейским группам в Европе. Еврейская интеллигенция была наиболее народной в языковом и культурном отношениях, была глубоко укоренена в быту и ощущала свою тесную связь с массой. Это объяснялось также и тем, что из депортированных в начале войны 250 тысяч литовских евреев, урбанистическая часть их и молодежь остались в крупных городах России и из вернувшихся 150 тысяч большинство принадлежало к местечковым элементам.

2. ЛИТВА

Возникновение, развитие и ликвидация еврейской национальной автономии на Литве укладываются в ограниченный отрезок времени 1918-1925 годов. Осенью 1918 г. немецкая оккупационная власть в Вильне предложила литовцам организовать в Вильне Литовский Национальный Совет (Тарибу) с тем, чтобы в него были введены представители национальных меньшинств. В декабре 1918 г. сионистская конференция, состоявшаяся в Вильне, решила послать в состав Тарибы трех своих представителей — д-ра Выгодского, председателя Виленской еврейской общины, ставшего министром по еврейским делам, д-ра Самсона Розенбаума, занявшего пост министра по иностранным делам и д-ра Н. Рахмилевича, заместителя министра торговли и промышленности. Эти три министра поставили свои подписи под первой декларацией правительства от 12 декабря 1918 г. Официальный орган правительства “Vyziansybes Zinios” от 29 декабря вышел также на еврейском языке (идиш).

Когда вскоре немцы покинули Литву, а в январе 1919 г. красная армия вошла в Вильню, литовское правительство переехало в Ковно. Д-р Выгодский остался в Вильне, которая с 1920 года до второй мировой войны находилась под властью Польши. С. Розенбаум и Н. Рахмилевич переселились в Ковно. Министром по еврейским делам был назначен д-р Макс Соловейчик, ковенский уроженец и видный сионист. Эти три представителя евреев в правительстве разра-

ботали следующую программу еврейских политических требований:

1) полное гражданское равноправие в области политической и хозяйственной, так же как и признание еврейского языка (идиш), 2) пропорциональное представительство в законодательных учреждениях, в управлении и в суде, 3) автономия в области культуры и социального обеспечения, осуществляемая в трех учреждениях — в местных общинах, в еврейском национальном совете и в министерстве по еврейским делам. Эта программа была в полном объеме принята руководителями литовских политических партий. 6 июля 1919 года немецкий военный правитель Литвы, генерал фон-Фанкельгаузен сообщил еврейскому комитету по делам Восточной Европы в Берлине, что во главе еврейского культурного самоуправления в Литве находится Еврейский Национальный Совет, который располагает правом принудительного налогового обложения евреев. Приведенные выше пункты программы еврейских требований были сообщены литовской делегацией на мирной конференции в Париже Комитету еврейских делегаций с указанием, что еврейская национальная автономия охватывает все области еврейской жизни в Литве, — религию, культуру, воспитание и обучение и социальное обеспечение, — причем еврейские общины и еврейский Национальный Совет являются органами национальной автономии.

К 1 октября 1919 г. были организованы 78 общин. 4 января 1920 г. состоялся первый съезд общин в Ковно при участии 139 делегатов, на котором был избран Национальный Совет в составе 34 членов под старинным названием “Ваад Гаарец”¹ во главе с президентом (“Наси”) С. Розенбаумом² и вице-президентами Н. Рахмилевичем и О. Финкельштейном. Премьер-министр Э. Гальванаускас и министр иностранных дел А. Вольдемарас заявили от имени правительства о готовности содействовать реализации еврейской автономии. 10 января 1920 г. на приеме представителей Еврейского Национального Совета в Государственном Совете Литвы президент Гос. Совета сделал заявление в том же духе.

Еврейский Национальный Совет вскоре развил разветвленную деятельность, охватывающую все области еврейской жизни, — в том числе борьбу против антисемитизма в правительстве, сношения с организациями мирового ев-

¹ Так назывался когда-то в Литве еврейский общинный совет.

² С. Розенбаум был членом I Госуд. Думы от Минской губ., сионист.

рейства, школьное дело, вопросы культуры, кооперации, еврейского земледелия и ремесла, помощи бедным и беженцам, пострадавшим от войны, эмиграции и т. д.

4 мая 1920 года был опубликован закон об общинах, а 20 мая инструкция о выборах. Опираясь на законодательство Временного Правительства о местном самоуправлении, общины рассматривались, как органы публично-правового характера, располагающие правом обложения и распоряжения в области религии, просвещения, социального обеспечения, а также функциями по ведению актов рождения, смерти, бракосочетания (включая и разводы). Выборы в общины производились на основе всеобщего и равного избирательного права и пропорционального представительства. Каждый гражданин, заявляющий в официальном документе (свидетельстве о рождении, о браке и т. д.) о своей принадлежности к еврейству, является членом общины. Одновременно с законом об общине было опубликовано заявление премьер-министра о том, что этот закон является первым экспериментом такого рода в современной политической истории, причем, так как он был вызван к жизни не литовскими интересами, а по воле самих евреев, то евреи могут видоизменить или отказаться от него по собственному побуждению.

Затем последовали и другие законы, уточнявшие структуру еврейской автономии: закон 1 мая 1920 г. о передаче всех метрических записей в руки общины, от 8 апреля 1921 г. о задачах и финансировании министерства по еврейским делам и т. д. 23 апреля были изданы инструкции, регулирующие деятельность комиссии просвещения при общинах и определены ее права в еврейском школьном деле. 12 декабря 1921 г. были опубликованы инструкции правительства, приравнивающие права общин к полномочиям муниципальных управлений, напр. бесплатное пользование почтой.

14 февраля 1922 года состоялся в Ковне второй съезд общин, на котором были представлены 130 представителей из всех городов и местечек Литвы. Партийно-политический состав делегатов соответствовал составу Национального Совета, избранного на основе пропорционального представительства: Агуда (ортодоксально-религиозная организация) — 16 членов, сионистско-социалистическая партия — 11 членов, альгемайне сионисты — 7 членов, религиозные сионисты — 4, фолькспартей — 2. Левые поалей-цион и коммунисты отказались принять участие в Национальном Совете.

Руководители литовского еврейства оценивали ситуацию весьма оптимистически. Председатель Совета д-р Рах-

милевич говорил в своей речи о предстоящем принятии в литовском законодательном национальном собрании закона о еврейской национальной автономии, об объединении с евреями Вильно, об исторической ответственности перед мировым еврейством, которое с вниманием и гордостью следит за развитием института еврейской автономии в Литве. На съезде были заслушаны приветствия от мировой сионистской организации, от еврейских общин Латвии, Эстонии, Румынии и Болгарии, от еврейских организаций Берлина, Вены, Парижа и Нью-Йорка. Лео Моцкин телеграфировал: "15 миллионов евреев следит за вашим опытом борьбы за национальные права". А. Чернихов от имени Фольксспартей писал: "Национальная автономия есть органический составной элемент системы еврейских демократических идей, преодолевших психологию гетто и вполне созревших для усвоения современных политических идеологий". Министр Соловейчик с гордостью заявил: "Литва представляет собой самый творческий источник для построения будущих форм еврейской жизни". Литовский премьер лично приветствовал съезд.

Однако, настроение среди делегатов было совершенно иным. Представитель сионистов А. Геллер заявил: "Национальная автономия имеет много блеска, но мало положительных достижений". Другой лидер сионистов д-р Б. Бергер подчеркнул в своей речи, что полоса энтузиазма по поводу автономии прошла, что от достижений автономии остались пустая фразеология, бюрократизм и бездеятельность. Представитель сионистов-социалистов А. Белаговский говорил, что общины слабы и расколоты, что правое крыло занято мелкой политической куплей-продажей в то время, как левые саботируют автономию и ее органы.

Кризис еврейской автономии начался уже в 1922 году. В апреле 1922 г. подал в отставку министр по еврейским делам М. Соловейчик — в знак протеста против того, что в проекте литовской конституции не было дано никаких гарантий существования министерства и других учреждений национальной автономии. Статьи 73 и 74 конституции от 6 августа 1922 г., относившиеся к правам национальных меньшинств, носили чисто декларативный характер и не содержали никаких правовых гарантий, обеспечивающих существование национальной автономии.

В конце 1922 г. д-р М. Соловейчик, разочарованный в создавшемся положении, с глубокой горечью покинул Литву. После его отставки министром по еврейским делам был назначен д-р Ю. Д. Бруцкус, недолго, однако, занимавший этот пост. так как был мало связан со страной и не владел

литовским языком. После отставки д-ра Бруцкуса президент Стульгинскис, не взирая на протесты евреев-членов литовского парламента, назначил министром по еврейским делам члена литовского суда Бернарда Фридмана, ассимилированного еврея, никогда не участвовавшего в еврейской общественной жизни. Ряд еврейских политических группировок заявили, что будут бойкотировать этого министра. В это же время литовские партии стали интерпретировать закон о представительстве национальных меньшинств в таком духе, чтобы свести к нулю или до чрезвычайности сократить их представительство в парламенте. В результате все национальные меньшинства нашли нужным создать на будущее общий избирательный блок, в который вошли евреи, поляки, немцы и русские.

В это время обострился в стране и общеполитический кризис. Евреи парламентарии, в связи с конфликтом из-за назначения Б. Фридмана бойкотировавшие парламент, появились по просьбе литовской оппозиции на заседании парламента 29 марта 1923 г. и подали свои голоса за вотум недоверия правительству. Господствующая партия распустила парламент и назначила новые выборы. Реакционная пресса выступила с антисемитской пропагандой и с обвинениями по адресу евреев. В виду того, что на выборах реакционные партии получили очень скромное большинство (40 из 78), было на первых порах создано коалиционное правительство с участием народных социалистов и с премьер-министром Э. Гальванаскасасом. Это правительство сделало несколько уступок евреям, в том числе вместо Б. Фридмана был назначен министром по еврейским делам сионист С. Розенбаум. Но большинство в парламенте принадлежало националистическому и антисемитскому течению. Было ясно, что на очереди стоит ликвидация еврейской автономии. К тому же по переписи народонаселения Литвы в 1923 году выяснилось, что в Литве всего 150 тысяч (ранее исходили из данных старой русской статистики, по которой евреев в Литве считалось до 250 тысяч). Это повлекло за собой падение места и значения евреев в политической жизни страны. Включение Мемеля и его района в Литву окончательно разбило надежды на присоединение Вильны. Постановление президиума парламента, воспретившее произносить речи на идиш, — что находилось в противоречии с декларацией правительства от 5 августа 1919 года и с заявлением литовских партий от 21 октября 1920 года, — уже не вызвало никаких открытых протестов.

Не взирая на общий политический кризис и на ряд внешних и внутренних затруднений в еврейской автономии, на

20 ноября 1923 г. созвано было в Ковне Еврейское Национальное Собрание. Делегаты избирались не от общин, а непосредственно от еврейского населения на основе всеобщего голосования и пропорционального представительства. Ортодоксы из Агуды в выборах не участвовали, предпочитая разрешать интересующие их вопросы путем прямых переговоров с правительством. Состав Национального Собрания был следующий: 11 альгемейне сионисты, 10 — религиозные сионисты (мизрахи), 6 — цеире-цион, 5 сионистов-социалистов, 4 — группа ремесленников, 2 — левых поалей-цион, 2 — фолькспартей. Коммунисты вновь отклонили всякое участие в Национальном Совете.

Руководители национального Собрания продолжали говорить с энтузиазмом об еврейской национальной автономии, называя ее “лабораторией новых форм еврейской общинной жизни”. Прибыли приветствия из многих стран от общин и организаций, от мировой сионистской организации, от Еврейской мировой организации помощи, от историка С. Дубнова из Берлина и Стефана Вайза из Нью-Йорка. В своем приветствии С. Дубнов между прочим писал: “300 лет тому назад собрались ваши предшественники, представители общин Литвы, в Брест-Литовске и основали центральную организацию “Ваад-Литэ”, объединявшую все литовские общины в течение 138 лет. В соответствии с условиями времени и места, эта организация управляла внутренней жизнью общин и их отношениями с окружающим миром. Сейчас после 300 лет колоссальных перемен в жизни нашего народа вы призваны создать новую организацию, соответственно условиям нового времени”...

Хотя министр по еврейским делам С. Розенбаум говорил в своей речи: “мы служим образцом для евреев всего мира”, а премьер-министр приветствовал собрание, уже ясно обозначились сумерки, в которые вступила еврейская автономия и начало ее конца. Евреи — члены парламента говорили об усиливающемся антисемитизме, о замазывании вывесок на еврейском языке, о разбитых окнах в еврейских магазинах, об осквернении еврейских кладбищ, о налоговой политике, ведущей к разорению еврейских торговцев, о преследованиях отдельных лиц и все растущей экономической и общественной дискриминации против евреев. Доклады из провинции давали еще более печальную картину положения.

В то же время органы автономии находились в состоянии внутреннего распада. Ортодоксы и левые радикалы вели ожесточенную войну против автономии. Многие делегаты были убеждены, что борьба за национальную автономию в

условиях, сложившихся в самом еврействе, окончательно проиграна. “В работе Национального Совета и общин больше шума, чем положительных достижений”, говорил один из делегатов. Само собрание было занято бесконечными конфликтами и абстрактными партийными спорами. А когда проносились речи или читались доклады по практическим вопросам, собрание пустело.

19 марта 1924 года правительство вычеркнуло из бюджета ассигновку на министерство по еврейским делам, а опубликованный 18 июня 1924 года состав правительства уже совершенно не включал еврейского министра. 3 сентября того же года канцелярия правительства уведомила С. Розенбаума, что он не имеет права именоваться министром. 26 сентября д-р Розенбаум был даже привлечен к ответственности за то, что незаконно именует себя “временным министром”. 15 июля 1924 года вывески на идиш на магазинах были запрещены, а 15 сентября 1925 года полиция запретила заседание Национального Совета под предлогом, что это учреждение является “частным обществом”. Собравшиеся через два дня члены Совета были полицией разогнаны, и таким образом центральное учреждение еврейской автономии — Национальный Совет — был ликвидирован. Его руководители д-р Розенбаум и д-р Рахмилевич покинули Литву и переселились в Палестину.

Следующей жертвой явились общины. По закону 21 марта 1925 года они были сведены на роль частных обществ. Принадлежность к ним стала не обязательной, а добровольной. Права принудительного обложения они были лишены. Каждой группе евреев в 50 человек предоставлялось право обращаться к властям за разрешением образовать общину. Еврейские политические партии постановили новые общины бойкотировать, а 8 марта 1926 г. правительство постановило все еврейские общины закрыть. Ортодоксы религиозного толка, искавшие соглашения с правительственными кругами, вошли в острый конфликт с евреями-парламентариями. Последние исключили из своей среды представителя ортодоксов д-ра Гольцберга. Новый курс, принятый против евреев, выразился в запрещении торговым фирмам вести книги на идиш, еврейские кооперативы были лишены прежних привилегий, еврейские магазины должны были быть закрыты по воскресеньям. Открыто стала проводиться политика дискриминации в области кредита, внешней торговли и т. д. В мае 1926 г. на выборах правительственная партия провалилась и была образована коалиция народных социалистов с социал-демократами, но и тут не было сделано даже попытки возродить еврейскую национальную ав-

тономию. Новое правительство существовало очень короткое время. 17 декабря 1926 г. с помощью военного переворота было создано националистическое, диктаторское правительство с А. Сметана во главе, при котором о возрождении еврейской автономии уже думать не приходилось...

Нам осталось вкратце остановиться на развитии еврейского школьного дела в Литве, поскольку оно было органической частью еврейской национальной автономии. Чтобы избежать коллизий в школьном деле, с самого начала было решено создавать школы по основным культурным линиям: сионистические и ортодоксальные школы на иврит по системе Тарбут, строго-религиозные ортодоксальные по системе Явнек и школы на идиш по системе Культур-Лиги. В 1921 г. (единственный год, охваченный статистикой) 62% детей посещали школы Тарбут, 25% — Явнек-школы и 13% школы Культур-Лиги. В 1925 г. 93% еврейских детей посещали еврейскую элементарную школу и 80% еврейскую среднюю школу. Спустя 10 лет, — в 1935 г. — 80% еврейских детей посещали еврейские элементарные и средние школы. Данные о школах по системе Тарбут дают следующую картину за период 1926-1939 г.г. В 1926-27 учебном году обучалось в детских садах 323, в народной школе — 6.217, в средней школе — 3.182 учащихся. За 1930-31 год соответственные цифры: 476, 10.941 и 3450 учащихся. За 1938-39 год — 450, 9.699 и 2.620 учащихся.

3. ЛАТВИЯ И ЭСТОНИЯ

В возникшей в 1919 году независимой Латвии был 8 декабря 1919 г. издан закон об автономии, предоставляемой национальным меньшинствам. Закон предусматривал распространение автономии на области культуры и школы. Язык преподавания в школах определялся семейным языком детей (для иврит было сделано исключение). Школы должны были финансироваться государством и муниципалитетами. Кроме еврейских школ, в Латвии были и школы и других меньшинств: русские, немецкие, польские, белорусские, эстонские и литовские. В министерстве просвещения и культуры существовали отделы для каждого национального меньшинства. Заведующий отделом по отдельным меньшинствам намечался членами парламента от соответственной национальной группы. Он мог с совещательным голосом участвовать в заседаниях Совета министров по бюджетным вопросам.

В Латвии существовали разные типы еврейских школ: школы на идиш, школы на иврит, религиозные школы, шко-

лы на других языках. При заведующем еврейским отделом в министерстве существовал специальный орган, в котором были представлены все школьные направления. Для тех евреев, которые не желали посылать своих детей в идишские или гебраистские школы, существовали отдельные школы с русским или немецким языком преподавания. Эти школы должны были до начала 30-х годов находиться в ведении еврейского отдела при министерстве просвещения, а затем по требованию правительства они переводились на латышский язык.

Ликвидация этой ограниченной школьным делом еврейской национальной автономии произошла после отмены демократической конституции в Латвии. После переворота 24 июля 1934 года в стране был установлен националистический тоталитарный режим К. Ульманиса. Были уничтожены отделы по культуре национальных меньшинств, и управление меньшинственными школами было передано в руки латвийских чиновников. На еврейских детей был сделан нажим, чтобы побудить их посещать латвийские школы. Число еврейских школ, как и число учащихся в них, сильно упало. В 1928-29 г. существовало еще 19 еврейских средних школ, но в 1937-38 г. число их упало до десяти. В 1940 году Латвия была включена в СССР, а в 1941 году оккупирована немцами.

* * *

С чисто формальной точки зрения еврейская автономия в Эстонии существовала дольше, — даже чем в Литве. Она благополучно пережила все режимы, даже короткое время диктатуры (1933-36 г.г.) и просуществовала вплоть до включения Эстонии в состав СССР в 1940 году. Но в Эстонии проживало всего 4.500 евреев, да из этого числа известная часть евреев была настолько ассимилирована и ощущала себя чуждой еврейству, что сторонников еврейской автономии оказалось очень немного. Опыт еврейской автономии в Эстонии представляет собой поэтому исключительно исторический интерес.

Согласно Эстонской конституции от 1920 года, всем национальным меньшинствам были предоставлены права в области культуры и социального обеспечения, право создавать свои учреждения, пользоваться своим национальным языком и сноситься на нем с органами местного самоуправления. Впоследствии еврейское меньшинство было приравнено к немецкому, русскому и шведскому меньшинствам, — хотя оно было численно значительно меньше.

Члены каждого национального меньшинства регистри-

ровались по отдельным кадастрам. Не желавшие принадлежать к органам автономии должны были об этом заявлять в письменной форме.

Органы еврейской культурной автономии состояли: 1) из Культурного Совета в составе 27 членов, избираемых на срок в 3 года на основе всеобщего голосования и пропорционального представительства; 2) из Правления в составе 7 лиц, избираемых в качестве исполнительного органа Культурным Советом; 3) из местных комитетов, заведующих школами, сбором средств и пр. Эти местные комитеты существовали в Таллине (Ревеле), Тарту, Вальке, Нарве, Пернове и в других городах.

Язык преподавания в еврейских школах был иврит или идиш. Из 614 евреев учащихся, посещавших в 1932-33 году народные и средние школы, обучались в гебраистско-идишистских школах 391. 31 обучались в эстонских школах и 16 получали домашнее образование. При еврейских культурных учреждениях существовали послеобеденные классы для детей, посещавших нееврейские школы, а также курсы для взрослых, детские сады, литературные и театральные объединения и еврейские библиотеки. В 1934 году при университете в Тарту была введена кафедра еврейской философии и истории. До прихода немцев эту кафедру занимал д-р Л. Гулькович, бывший лейпцигский профессор.

Еврейская автономия просуществовала в таком виде до самого конца Эстонии, как независимого государства.

Б и б л и о г р а ф и я.

- Еврейский Национальный Совет в Литве. Каунас, 1922 (идиш).
 Стенографический отчет о 2-ой конференции еврейских общин (идиш).
 Стенографический отчет о Национальном Собрании. 1923 г.
 Обзор о деятельности еврейского просветительного управления. Рига, 1929 г.
 Еврейство Латвии. Тель-Авив, 1953 г. (иврит).
 Национально-культурная автономия. Дорпат 1926 г. (идиш).
 «Литва» Сборник, том 1-й. Нью-Йорк 1951 г. (идиш) Статьи: Бергера, Виданса, Шимони и др.
 «Литва». Сборник, том 2-ой. Израиль, 1965 г. (идиш).

ИЛЬЯ ТРОЦКИЙ

ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ НА УКРАИНЕ И В БЕЛОРУССИИ

(1918–1920 г.г.)

Антиеврейские погромы на Украине при Центральной Раде, при гетмане Скоропадском и особенно в эпоху Директории и петлюровщины вырыли между еврейским и украинским населением глубокую пропасть. Почти с самого возникновения современной Украины страницы ее истории запятнаны еврейской кровью. Ответственность за пролитие этой крови несут, наряду с казачьими отрядами, Добровольческая армия, а также, хотя и в меньшей степени, отдельные части советских войск.

О начале погромной эпопеи этих годов рассказывает в своих «Киевских воспоминаниях» А. А. Гольденвейзер:¹

«С 1-го марта 1918 года, — пишет он, — после изгнания большевиков была восстановлена верховная власть Украинской Народной Республики. В Киев возвратился и украинский парламент с своим президентом М. С. Грушевским и кабинет министров, который возглавлялся Голубовичем. Эта возрожденная самостийно-украинская государственность производила в эти месяцы довольно жалкое впечатление. Чувствовалось ее полное бессилие рядом с опекавшей ее германской военщиной. Единственная область, в которой украинской власти предоставлялась полная свобода действий, была национальная, вернее националистическая. И сами украинцы по возвращении в Киев давали себе волю в этой области. Именно в эту эпоху начались антиеврейские эксцессы — сначала в виде самосудов над отдельными заподозренными в большевизме лицами. Под предлогом обвинения в большевизме украинские сечевики захватывали и расправлялись с евреями, которых им почему-либо хотелось убрать. В самом Киеве имел место целый ряд таких самосудов. В провинции, естественно, дело обстояло еще хуже. Были случаи пыток и издевательств. Все это оставалось безнаказанным».

Наличие еврейских депутатов в Центральной и Малой Раде, равно как и их номинальное участие в украинском

---

¹ «Из Киевских воспоминаний (1917-1921)», «Архив Русской Революции», том 6-ой, стр. 210 (Берлин, 1922).

кабинете министров, нисколько не способствовало очищению насыщенной юдофобией атмосферы. 28 апреля 1918 года оккупационная власть разогнала Центральную Раду, инсценировала “путч” и возвела на эфемерный гетманский престол Скоропадского. В первый кабинет гетмановского режима вошел еврей С. М. Гутник, получивший пост министра торговли. Но участие евреев в составе нового правительства не отразилось на смягчении царившего в стране антиеврейского климата.

Крушение австро-германских армий осенью 1918 года и последовавшие затем революционные перевороты в Берлине и в Вене произвели радикальную перестановку фигур и на украинской политической шахматной доске. Вышла из игры монолитная фигура германского оккупанта. Власть гетмана Скоропадского, опиравшаяся на немецкие штыки, зашаталась, а вскоре он сам был увезен своими покровителями в Берлин. Еще 13 ноября 1918 года в Киеве состоялось тайное заседание всех украинских партий и более крупных организаций, на котором была выбрана высшая революционная власть — Директория. В ее состав вошли В. Винниченко — президент, С. Петлюра — представитель сечевиков и еще три члена. Директория выехала в Фастов, а затем осела в Виннице, ставшей центром новой власти. 15 ноября она обнародовала воззвание к населению, призывая его низвергнуть гетмана Скоропадского и его режим.

Евреи сначала сочувственно относились к новой власти. “Информационное бюро украинской армии”, созданное в Виннице, в своем первом обращении к еврейскому и польскому меньшинствам подчеркивало, что “об узкой националистической политике речи быть не может, ибо на освобожденной Украине все нации равны”. Председатель Директории Винниченко объявил, что принцип национального самоопределения положен в основу новой власти и предлагал включить в свой кабинет министра по еврейским делам. В официальной “Украинской ставке”, органе мало симпатизировавшем евреям, отмечалось, что при взятии Киева из “неукраинских организаций” приняли участие только еврейские социалистические партии — Бунд, объединенные, полэй-сионисты.

Во многих небольших пунктах Украины евреи принимали участие в празднике победы новой власти, и взаимоотношения между ними и местными вождями украинского движения порой носили самый дружеский характер. “В победах и послах Директории, — пишет в своих воспоминаниях И. М. Чериковер, — еврейские общественные круги узрели начало новой эры и готовы были забыть старые

погромные раны”. В Виннице еврейская община приветствовала “демократическую власть в лице Директории Украинской Народной Республики..., которая обеспечит свободный строй Украины и национально-персональную автономию для всех национальных меньшинств”. Симпатии еврейской общественности к Директории вызывали недовольство и возмущение в националистических и реакционных кругах украинцев. Так в Житомире ставленник Гетмана грозился “затопить город еврейской кровью”, если евреи не прекратят своих манифестаций в пользу Директории.

Высший орган еврейского меньшинства на Украине, Еврейский Национальный Секретариат приветствовал в своем адресе Директорию, как “авангард освободительной армии” и выражал надежды, что “свободное сожительство обеих равноправных народностей в полной мере осуществится” и что “Еврейский Секретариат найдет общий язык с республиканской властью”. В подобных же выражениях киевская еврейская община приветствовала Директорию в день ее вступления в Киев 19 декабря 1918 года.

Еще во время пребывания Директории в Виннице один из представителей еврейских деятелей Ш. Гольдельман (поалэй-цион) вел переговоры с Директорией о сотрудничестве, и в результате был назначен заведующим министерством труда, а заодно и временным управляющим министерством национальных меньшинств. Вскоре Директория опубликовала декрет о восстановлении национально-персональной автономии. В процессе переговоров о создании еврейского национального секретариата был положительно решен всеми еврейскими партиями вопрос об участии еврейского представителя в правительстве. 12 ноября 1918 года в состав еврейского национального секретариата вошли представители сионистов, поалэй-цион и религиозной организации Ахдус.

Однако, уже в первые недели существования Директории стала все рельефней обрисовываться ее полубольшевистская природа. В. Винниченко и Чеховский склонялись к союзу с большевиками при условии полной независимости украинской национальной политики. В резкой оппозиции к ним находилась т. н. военная группа, возглавляемая С. Петлюрой и П. Андриевским, к которой примыкали атаман Конавалец, командир корпуса сечевиков и атаман Василько. Именно эта группа выпестовала в своей среде целую плеяду погромщиков, — зачинщиков начавшихся в стране антиеврейских погромов. Режим террора усиливался с каждым днем. Армия и особенно партизанские части только формально подчинялись Директории, — фактически же они

действовали за собственный страх и риск. “Директория была лишена конкретной власти, — рисовал положение на Украине в начале 1919 года министр по еврейским делам А. Ревуцкий (поалэй-цион). — Глава Директории создавал радикальные программы, намечал политическую линию, принимал депутации, давал обещания, но по существу вопросы решала военщина. Военная группа, опиравшаяся на сечевиков-галичан, мечтала о военной диктатуре и готовилась к ней. Перед заседавшими в конце января министрами директории внезапно выросла группа сечевиков, потребовавшая упразднения Директории и совета министров и немедленно провозглашения военной диктатуры. Эта диктатура должна была быть сосредоточена в руках Петлюры, Коновальца и Мельника. Выслушав ультиматум, министры как бы потеряли дар речи. Лишь один из них смиренно произнес: “У вас в руках сила и вы можете сделать все, что вам захочется, не спрашивая нас”.

Винниченко подтверждает эту характеристику. “Реальная действительная власть, — пишет он — находилась в руках атаманов из штаба “сичовых стрилцив”, перед которыми Петлюра заискивал. Антиеврейская пропаганда, которая вдохновлялась близко стоящими к Петлюре элементами, в частности обвиняла евреев во всех большевистских победах на Украине того времени.

Систематическим натравливанием на евреев занималось с большим усердием “информационное бюро Украинской Народной Республики”, — то самое бюро, которое от имени директории заверяло евреев, что в свободной Украине нет места дискриминациям и преследованиям. Теперь руководители бюро стали орудием самой примитивной юдофобии. В воззвании “Хто агитуе против Директории” подчеркивалось, что против украинской власти выступают “русские, еврейские и прочие спекулянты и их комиссионеры, которые топчутся по станциям”. В другом воззвании от имени украинского казачьего комитета подчеркивалось, что украинцев “ненавидят жида-капиталисты”. Еще острее вел травлю против евреев официальный орган Петлюры “Выдрожение”: “Украинское государство явилось для евреев неожиданностью, — читаем мы там. — Евреи этого не предвидели, не взирая на их необычайную способность пронюхивать всякую новость. Они ведут агитацию против украинской самостоятельности, подчеркивают свое знание русского языка, игнорируют факт украинской государственности и стараются вернуть старый привычный порядок... Теперь Украина воюет с Московщиной, и еврейство снова перешло в лагерь наших врагов”. В обращении Национально-Державного Со-

юза к немецкому народу говорится, что “евреи домашние враги украинского народа”, “еврейский народ жаждет единой России, ненавидит украинскую самостоятельность. Евреи, равно как великороссы и поляки, видят свое спасение в том, чтобы украинский народ поссорился с немецким”. (См. П. Христюк “Замитки и материялы по истории украинской революции 1917-1920 г.г.”).

В атмосфере разжигания национальных страстей и антиеврейских чувств росли погромные настроения. “Время Директории — пишет в своих цитированных выше киевских воспоминаниях А. А. Гольденвейзер, — было для Киева эпохой хулиганства *par excellence*. Из всех властей, которые царили над нами, ни при одной не расцветали таким пышным цветом налеты, грабежи и вымогательства. Разгулявшиеся хулиганы спешили снять сливки с понаехавшей в Киев денежной публики. Импровизированная армия, которая совершила восстание, была, разумеется, полна всяческих авантюристов. Действовали они обычными приемами: выследив жертву, являлись в квартиру, начинали какой-нибудь разговор, а улучив удобную минуту, приставляли к виску револьвер и предъявляли свои требования. Уходя, для острастки, оставляли в квартире у выходных дверей пару ручных гранат, которые часто оказывались незаряженными”.

Несравненно более трагично было положение еврейства в городах и местечках Украины, удаленных от центра. Там погромная стихия неистовствовала. Киевская еврейская община была бессильна реагировать на поток просьб и протестов, струившихся из провинции и взывавших о помощи. “Уже скоро три месяца, как наше местечко и соседние Лысянка, Петр, Ставище, Виноград и другие пребывают в большой опасности. Жизнь наша висит на волоске. Один день ужаснее другого. Банды вооруженных грабителей то и дело нападают на наше местечко и соседние, грабят, убивают и не щадят человеческих жизней. Почти ежедневно они внезапно появляются на улицах, избивают или убивают всех встречных. Убийства последних дней ужасны...” — Так писали из Жажковской еврейской общины в августе 1918 года, апеллируя к чувствам киевских собратьев. Сходные послания наводняли киевскую общину.

Руководители общины и Еврейский Национальный Секретариат тщетно искали помощи у Директории и Совета министров: Винниченко и Чеховский были так же бессильны обуздать “темные силы”, вдохновлявшие погромную стихию, как и еврейские ходатаи. 27 августа 1918 года Совет киевской еврейской общины в лице ее председателя Н.

С. Сыркина, товарища председателя Х. С. Рубинчика и общественного раввина Я. М. Алешковского вручил министру внутренних дел обстоятельную докладную записку, рисующую угрожающее положение украинского еврейства и требуя незамедлительного принятия мер против поднимающейся все выше волны погромов. Записка начинается следующими словами:

«Едва освободившись от рокового нашествия большевиков, ознаменовавших свой путь массовыми избиениями и убийствами евреев и разгромивших их имущество (как например: Новгород-Северск — убито 88 евреев, тяжело ранено — 11; Середина Буди — убито 25 евреев и т. д.), — как над еврейским населением разразилась новая гроза. Разрастается погромная агитация со стороны темных элементов. Крестьяне призываются к резне евреев. Во многих городах и местечках происходят беспощадное избиение и издевательства над ни в чем неповинным еврейским населением. Эксцессы часто сопровождаются роковым финалом. Очевидцы и местные еврейские общины отмечают много случаев убийств, разгромов и разорений. Погромная волна грозит разлиться кровавым потоком по всей Киевщине, Черниговщине и Волынщине».

Далее идет перечисление ряда местечек, — Лысянок, Стрижевок, Плисково, Городни, Белалавок, Ставниц, Володарок и других, где реками лилась еврейская кровь и разграблено еврейское имущество при попустительстве и частично при содействии местных властей. Терроризованное еврейское население испытывает на себе кроме того непосильную тяжесть непрерывно налагаемых на него денежных контрибуций, совершенно несоответствующих материальным возможностям обнищавших местечек.

Погромы 1918 года, однако, бледнеют в сравнении с теми кровавыми ужасами, которыми петлюровцы, добровольцы и большевики отметили этапы своей борьбы за власть на Украине. География погромного движения оставляет только считанные уголки, незапятнанные еврейской кровью. Эксцессы 1918 года явились только печальным прологом к более трагическим событиям, к той жуткой стихии ненависти, которая захлестнула украинское еврейство в последующие годы. Мемуарная литература тех лет, как и документы, собранные объективными бытописателями эпохи, дают представление о том, кто были те лица, которые организовывали погромы на Украине, кто были подлинными их вдохновителями. Это так называемые атамань: полковник Палий, Соколовский, Лазнюк, Ангел Григорьев, Тютюник, Струк, Волинец и многие другие, запятнавшие себя еврейской кровью. С прибытием в Сарны республиканского

полка имени Петлюры начался погром уже в конце декабря 1918 г. Грабя дома, убивая евреев, насилуя еврейских женщин, казаки заявляют, что “полковник разрешил в продолжение трех дней распоряжаться евреями как вздумается”. “Смертельный ужас витает по всей линии, ведущей от Костропы в Сарны” отмечает докладная записка Еврейского Национального Секретариата военному министру от 4 января 1919 года. Неделями позже В. Лацкий-Бартольди, представитель еврейской Фолькспартей, выступил с следующей речью в Малом Национальном Собрании: “Мы должны предостеречь украинцев, что на антисемитизме им не удастся построить государства. Пусть знают господа из Директории, что они имеют дело с мировым народом, который пережил многих своих врагов. Мы думали, что нам есть на кого надеяться. Теперь пора покончить с этой иллюзией. Если правительство не примет мер, мы должны организоваться, чтобы с ним бороться”. В том же духе выступал и Меир Гроссман: “Мы приветствовали правительство и армию, но из этих рядов вышли погромные банды. Пролитая еврейская кровь отделила стеной еврейскую демократию от новой власти”. И. М. Чериковер, историк этого периода, отмечает, что к этому времени в рядах всех еврейских партий наблюдается перелом; происходит среди активных деятелей отход влево. Кризис захватывает и поалэй-цион, являвшейся с самого начала правительственной партией. Министр по еврейским делам А. Ревуцкий убеждается на опыте, что его участие в правительственной Директории лишено какого бы то ни было значения. Товарищ министра иностранных дел Арнольд Д. Марголин, уполномоченный Директорией возглавлять делегацию для ведения переговоров с представителями Антанты в Одессе, пережил на собственном горьком опыте подлинный кошмар: попав в Триполье, находившееся в руках украинских повстанцев, он только чудом спасся от расстрела.

С развитием успехов большевиков и развалом украинской армии страшные погромы начались в феврале и марте. Прибывающие из Балты, Ананьева, Проскурова и других городов и местечек очевидцы погромов рассказывали о страшных зверствах, выпавших на их долю. А. Марголин утверждает, что положение на Украине напоминает худшие годы Хмельницкого и Гонты. Чувствуя личное бессилие и безнадежность обращения к Директории, Марголин подает в отставку. В письме к С. Петлюре от 12 февраля 1919 года он обращает внимание на пагубные последствия, которые будут иметь антиеврейские эксцессы для судьбы государственного существования Украины. Петлюра не мог ничего

ответить на это письмо. Гайдамацкая стихия уже более не повиновалась ему. “Наказ войскам действующей армии Украинской Народной Республики” от 13 апреля 1919 года, подписанный атаманами Мельником и Синклером, призывал не поддаваться антиеврейской агитации, которую ведут черносотенцы, большевики, кулаки и просто грабители стремящиеся угробить освобожденную Украину. Но этот наказ прозвучал холостым выстрелом. Во всяком случае Петлюра не обнаруживал охоты расправляться с погромщиками или обуздывать погромную стихию. Еврейское население было отдано фактически на поток и разграбление.

Погромная статистика дает представление об огромных размерах катастрофы, постигшей украинских евреев. В Киеве, Умани и Брацлаве было разгромлено 4.078 еврейских домов, треть которых погромщики превратили в пепелища. Погромы эти производились по заранее разработанному плану. Наряду с этим шла кровавая работа по физическому уничтожению еврейского населения, убийства и насилия над женщинами. После того, как все имущество и пожитки выбрасывались из разгромленных домов на улицы, наступала очередь за городской чернью и крестьянами, хлынувшими за добычей из окрестных деревень. Не опасаясь противодействия или наказания, они складывали на возы награбленные вещи. Разбирались крыши домов, срывались двери и окна, и целые караваны крестьянских возов направлялись в деревни.

Исследователь погромной статистики, Я. Д. Лещинский подвел следующие цифровые итоги² из 1552-х разгромленных еврейских магазинов в Киеве и Богуславе 428 (27%) были сожжены. Разграблено и превращено в щепки было 425 (27%). Продано с торгов за бесценок местным крестьянам 148 магазинов. Захвачено и не возвращено владельцам 49 товарных складов. Наконец, 21 магазин национализирован властями. Из 1.552 магазинов в руках их законных владельцев оставалось всего 481 ((31%), при чем повсюду был уничтожен инвентарь. Не в лучшем положении находились промышленники и ремесленники. В одном только Киеве, насчитывавшем до 1.000 еврейских промышленных и ремесленных предприятий, было разграблено 385 (38,5%), сожжено 151 (15%), захвачено и не возвращено владельцам — 43, эвакуировано — 47, национализировано властями 40, продано с торгов 24. Уцелело всего 183 предприятия, причем хозяева 127 предприятий пропали без вести во время событий. Машины, орудия труда и инвентарь раз-

² «Цукунфт» 1923 г., сентябрь, стр. 546 Н. И. (идиш).

граблены и сожжены. В общем евреи промышленники и ремесленники потеряли во время погромов до 75% своего достояния.

Среди героев погромной полосы на Украине следует отметить командира батальона смерти — “Курия смерти” Полюенко, устроившего погром в Бердичеве. За несколько дней до этого погрома полковник Пороховский предупреждал еврейскую общину, что если немедленно не будет внесено три миллиона, то “он снимает с себя ответственность за дальнейшее”. Требуемая контрибуция объяснялась необходимостью для евреев “искупить вину за поддержку немцев еврейскими деньгами в борьбе с республиканскими войсками”. Бердичевская община, протестуя против лживого обвинения, отказалась платить контрибуцию, и тогда Полюенко разрешил своему батальону смерти погулять по городу. Г. Солодарь, товарищ городского головы в Бердичеве, засвидетельствовал, что погром носил организованный характер: “Мне по должности, в тот день и ночь разъезжавшему по городу атаман Полюенко заявил, что в его задачи входит усмирение жидов”. Представители комендатуры в это время получили распоряжение Главнокомандующего юго-западным фронтом атамана Оскилки “не вмешиваться в городские события”.

После Бердичева наступила очередь Житомира. Казаки батальона смерти открыто говорили, что они “торопятся на большой погром в Житомир”. Очевидцы рисуют такую картину погрома в Житомире: — 8-го января прибыли в город казаки на грузовике. Грузовик остановился на площади, и казаки начали стрелять в окна домов. Затем они стали разбивать двери и железные шторы магазинов. Часть товаров выбрасывалась на улицу. Женщины и подростки и собравшиеся жители окрестных деревень жадно набрасывались на добычу и уносили ее. Первые два дня погромщики довольствовались грабежом и разбоем. Затем начались насилия и убийства, принявшие массовый характер.

Другие группы погромщиков под начальством атаманов Лазюка, Струка, Козырь-Зыркова и других расправлялись таким же образом с еврейским населением Коростеня, Чернобыля, Сарн, Бобринской, Городища, Черкасс, Смелы, Обруча, Кременчуга, Проскурова и других мест.

В годы гражданской войны власть на Украине много раз переходила из рук в руки. Из тех сил, которые боролись за овладение Украиной — самостийников, большевиков и добровольцев, — каждая, насаждая свой политический строй, выдвигала против евреев свои обвинения, превращая евреев в козлов отпущения за чужие грехи и за свои соб-

ственные ошибки и преступления. Украинские евреи оказывались жертвами белого и красного террора и террора украинских националистов. Когда добровольческая армия заняла летом 1919 года всю Украину, ее пропагандный аппарат подавал свою антибольшевистскую агитацию под специфическим антисемитским соусом. Имена советских главарей, творивших волю Москвы на Украине, называли только их еврейскими именами и обходили молчанием имена русских и украинских большевиков.

Свидетель киевского погрома, учиненного добровольцами после вторичного занятия города в октябрьские дни 1919 года, А. А. Гольденвейзер пишет:

«Странный это был погром, спокойный, деловитый... При всем желании, в том что делалось в эти дни в Киеве нельзя было видеть и тени стихийного проявления народного гнева... Техника погрома была примерно следующая. В еврейскую квартиру входит вооруженная группа, человек в пять-шесть. Один становится у парадной двери, другой — у дверей на черный ход. После этих предупредительных мер начинается лирическая часть. Один из шайки обращается к хозяину квартиры с речью: вы, евреи, мол, большевики и предатели, вы стреляли в нас из окон, вы уклоняетесь от призыва в армию, — извольте отдать на нужды добровольческой армии все, что у вас есть ценного — деньги, золото, драгоценности. Не отдадите добровольно, будете немедленно расстреляны. Найдется что-либо запрятанное, сделаем обыск, все обнаружим, а вас расстреляем за укрывательство. Если жертва народного гнева после этого спешила выложить достаточную сумму, все этим кончалось. Если нет, пускались в ход более интенсивные меры... В более глухих частях города происходило не вымогательство, а настоящее ограбление». «Архив русской революции», т. VI, стр. 267.

Главнокомандующий Добровольческой армии генерал А. И. Деникин пишет в своих «Очерках русской смуты», давая характеристику белого движения в эти годы:

«Добровольческая армия дискредитировала себя грабежами и насилиями... Классовый эгоизм процветал пышно всюду. Спекуляция достигла размеров необычайных... Казнокрадство, хищения, взяточничество стали явлением обычным... Традиции беззакония пронизывали народную жизнь... В городах шел разгул, пьянство и кутежи, в которые очертя голову бросилось офицерство... Шел пир во время чумы».

К аналогичным оценкам царившей в добровольческой армии атмосфере приходят и другие генералы — Лукомский, Дроздовский, барон Врангель. Генерал Деникин не скрывает, что наряду с группировками, искренне стремившимися создать обновленную Россию и на место больше-

вистской системы утвердить правовой режим, в окружении добровольческой армии развивали активную деятельность крайне правые партии, унаследовавшие лозунги бывших черносотенцев: “Бей жидов, спасай Россию”. Это были знакомые фигуры испытанных антисемитов царского времени, как священник Восторгов, редактор “Колокола” Скворцов, члены Государственной Думы Замысловский, Пуришкевич и Шульгин. От них шла агитация в духе примитивной юдофобии, и только естественно, что почти с первых дней господства добровольцев начались еврейские погромы.

Кровавые погромы, устроенные добровольческой армией, захватили еврейское население в 267 пунктах Киевской, Херсонской, Подольской, Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний. Эта цифра возрастет до 296, если прибавить погромы в прилегающих районах, — в Балашеве (дважды), Бирюче, Белгороде, Бельце, Козлове, Орехове, Михайловке, Равнополе и Царицыне. Погромы порой принимали форму подлинной резни по мере продвижения добровольческой армии в борьбе с большевиками на север и овладения центральными губерниями России. А когда наступил перелом, и теснимая советской конницей, отрядами Махно и другими, добровольческая армия вынуждена была отступить, добровольцы отыгрывались на еврейском населении, густо населявшем города и местечки Украины.

И. Б. Шехтман в своем исследовании “Погромы добровольческой армии на Украине” пишет, что эти погромы, особенно в период отступления в ноябре и декабре 1919 года, характеризовались своей исключительной ожесточенностью и кровожадностью. Ничто не могло спасти евреев от смерти. Кто из евреев не успел скрыться, тот уже живым не уходил. Добровольцы врываются в дома с криком “коммунист”! — и убивали. В более зажиточные дома вторгались с восклицаниями: “буржуй”, “спекулянт”, — и тоже убивали. Недобитых одной партии добивала другая, а раненых один раз — ранили вторично. Палачи не жалели ни стариков, ни женщин, ни детей. В местечке Александровске Киевской губернии добровольцы убили 48 человек, из них семеро детей. В местечке Смела было похоронено на кладбище 107 жертв погрома и зарегистрировано 600 раненых. Из 52 евреев местечка Мясковка Подольской губернии уцелело 8, — остальные были зверски убиты, а четверо заживо сожжены. Погромщики жестоко издевались над своими жертвами перед расправой. Особым надругательствам подвергались женщины. Среди женского населения местечка Джурино было изнасиловано 60% женщин, причем многие из них оказались зараженными сифилисом. В Черкасах при

отступлении добровольцы изнасиловали до 200 женщин. При погроме и разграблении Томашполя погромщики насиловали даже женщин больных сыпным тифом.

И. Б. Шехтман утверждает, что генерал Деникин лично погромов не хотел, но его отношение к погромам было пассивным. Призрак “еврейских комиссаров”, захвативших Россию, тяготел над психикой командного состава добровольческой армии. Правда, к концу своего пребывания на Украине 23 января 1920 года ген. Деникин издал приказ, требующий немедленного прекращения расправ над еврейским населением. Текст этого приказа гласит:

«Пусть ни один упрек не будет брошен в лицо борцов за освобождение за погранные права народа. Если начальники не возьмутся сразу за искоренение этого, то новое наступление будет бесполезно и рухнет. Требую жестоких мер, до смертной казни включительно, против всех, творящих грабеж и насилие и против всех попустителей, какое бы высокое положение они ни занимали. Помните, что нельзя грязными руками братья за святое дело освобождения нашей многострадальной родины России».

Этот приказ должен был быть прочтен во всех ротах, эскадронах, сотнях и батареях. Но приказ этот был издан слишком поздно, да и погромы к тому времени уже почти прекратились.

Руководители добровольческой армии обычно отрицали специфически еврейский характер производимых армией эксцессов. Так, протокол беседы генерала Деникина с представителями четырех еврейских общин отмечает: “генерал Деникин пытался доказать, что происшедшие погромы не исключительно еврейские”. Однако, это явно противоречит всем фактам погромной практики добровольческой армии. Весь материал обследований с полной очевидностью устанавливает, что независимо от характера гражданской войны, действия добровольческой армии повсюду принимали форму крестового похода, направленного против еврейского населения. К такому выводу приходит в своем упомянутом труде И. Б. Шехтман.

* * *

Погромы на Украине украинских националистов и добровольческой армии не исчерпывают мартиролога еврейства в эти годы. Свою страницу в погромную эпопею вписала и советская армия. Особым позором в этом смысле покрыли себя два полка — Богунский и Таращанский, в свое время входившие в состав гетманской армии, затем перешед-

шие к Директории, а впоследствии включенные в состав армии Буденого. По своей жестокости погромы, учиненные этими двумя полками, можно сравнить лишь с кровавой баней, организованной атаманом Симосенко, сподвижником Петлюры в Умани, где в течение четырех часов было изрублено шашками свыше 1.200 евреев.

Богуновцы и тарашанцы, включившись в советскую армию, начали свой поход против евреев в Украине с города Любарь. Чья то преступная рука навводила этот городок и окрестные деревни погромными листками, в которых говорилось, будто Буденый обратился с просьбой к Ленину укрепить его фронт 60.000 бойцами-евреями, но что Лев Троцкий отказался этот план выполнить. Листок призывал буденовцев отомстить за предательство Троцкого, вырезав по пути продвижения армии 60.000 евреев... "Начнем с вас, любарские предатели, а закончим в Бердичеве и Киеве"! Этим лозунгом был подан сигнал к погрому и резне, беспримерной а практике советской армии. Советская печать, до которой докатились сведения о погромах армии Буденого, реагировала на них краткой репликой: "На буденовском фронте отмечаются эксцессы". При занятии Киева погромщики богунского и тарашанского полков потребовали изгнания евреев из состава советской администрации... Следует отметить, что советская власть быстро и круто расправилась с обоими полками. Их разоружили, зачинщиков погромов повесили, а состав этих полков распределили по другим военным частям.

Белоруссия в меньшей мере, чем Украина явилась ареной антиеврейских погромов. Но и там еврейское население испытало немало страданий и бедствий в эту бурную эпоху. В 1920 году, когда гражданская война на Украине уже заканчивалась, на территории Белоруссии с особой силой вспыхнуло погромное движение. В период советско-польской войны отряды Булах-Булаховича стали усиленно подражать петлюровским атаманам и антисемитам из добровольческой армии. Даже несколько позже, в начале 1921 года, имели место погромы в ряде местечек и городов: Краснополье, Репки, Добрянка, Крупичев, Куликов, Быхов, Рогачев и другие. Меморандум Центрального Комитета с.-д. Бунда и Центрального Бюро Объединенной Еврейской Социалистической Партии об этих погромах и о попустительстве гражданских и военных властей был представлен 25 марта 1921 года в ВЦИК и Реввоенсовет.³ Данные о погромах этого времени были также представлены в докладе

³ «Социалистический Вестник» № 13 от 5-го апреля 1921 года.

гомельского отделения ОЗЕ своему Центральному правлению.

По весьма обстоятельным обследованиям И. Чериковера в годы 1919-1920 на одной Украине имело место около 2.000 погромов примерно в 700-х пунктах (в отдельных местах погромы носили повторный характер). По другим исчислениям (И. Хейфеца и др.), число жертв погромов в эти годы составило свыше 1 миллиона. В эту цифру входят убитые, раненые и искалеченные, изнасилованные женщины и еврейские сироты, число которых определялось на Украине около 200 тысяч. Материальные убытки еврейского населения не поддаются учету. Во всяком случае они были огромны, и когда наступила полоса затишья, сотни тысяч евреев оказались в положении бездомных, деклассированных и часто нищих людей.

А. А. ГОЛЬДШТЕЙН

СУДЬБА ЕВРЕЕВ В ОККУПИРОВАННОЙ НЕМЦАМИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

*Памяти моей сестры Полины,
погибшей в Бабьем Яру в Киеве.*

История не знает такой жестокости и надругания над человеческой личностью, такого массового, систематического и заранее обдуманного убийства мужчин и женщин — от грудных младенцев, до глубоких стариков включительно, — какое было совершено над еврейским народом в Советской России в трагические годы немецкой оккупации.

Незадолго до похода на Польшу, в речи, произнесенной перед командующими предназначенных к наступлению армий, Гитлер подчеркнул, что целью этой войны является не завоевание территории, а беспощадное уничтожение врагов, причем врагом № 1 наци считали еврейство. Фюрер призывал — или, точнее, приказывал — действовать без всяких сантиментов и твердой рукой и закаленным сердцем истреблять всех врагов немецкого народа не только на фронте, но и в тылу. «Наша сила, — сказал он, — в быстроте и бдительности». Напомнив о походах Чингис-хана, его зверствах и кровожадности, Гитлер воодушевлял генералов его примером: «Он (Чингис-хан) сознательно и с легким сердцем посылал на смерть миллионы женщин и детей, но не смотря на это, история видит в нем только великого строителя государства».

Задача, поставленная Гитлером, была в точности выполнена. Фельдмаршал Рейхенау, главнокомандующий восточным фронтом, в приказе по войскам указал, что солдаты на Востоке являются не только воинами, обязанными поступать по правилам войны. Они прежде всего носители жестокой национальной идеологии и мстители за жертвы, понесенные немецким народом по вине евреев. Он закончил свой приказ словами: «Солдаты должны ясно осознать необходимость сурового, но справедливого мщения бесчеловечному еврейству».

Мысль об уничтожении евреев во время предстоящей войны зародилась в нацистских умах еще задолго до наступления на Польшу. 30-го января 1935 года в журнале «Дас Архив» появилась статья о возможности уничтоже-

ния еврейской расы в Европе, в случае возникновения второй мировой войны. В этой статье есть строки, которые слово в слово повторил фюрер в своей речи в Рейхстаге 30-го января 1939 года, в которой он предсказывал, что в случае войны произойдет «не большевизация мира, а уничтожение еврейской расы в Европе».

Международный суд в Нюрнберге, осудивший 23 командира специальных ударных отрядов германской армии, говорит в своем приговоре об «умышленном убийстве более одного миллиона невинных и беззащитных мужчин, женщин и детей». Но и эта астрономическая цифра в миллион еврейских жертв нацистской оккупации советских территорий не вполне отвечает действительности. Она включает только непосредственные жертвы массовых экзекуций, но не исчерпывает всей картины физического истребления русского еврейства.

По переписи января 1939 года, в СССР проживало 3.020.000 евреев, из числа которых было

на Украине	1.532.827
в Белоруссии	375.124
в Крыму	60.000
в западных районах, включая Смоленск	85.000
на северном Кавказе	40.000

Таким образом, свыше 2.000.000 русских евреев, — небольшим вычетом эвакуированных или тем или иным путем ушедших на Восток вглубь Советской России, — были застигнуты немецким блиц-кригом и оказались на занятых немцами территориях.

Но к этому числу надо прибавить еще значительное число евреев, оказавшихся на территориях, присоединенных к СССР, во время пакта Гитлер-Сталин, в 1940 и 1941 годах до начала немецко-советской войны. По статистическим данным, в эти годы проживало (в круглых цифрах):

на Литве (включая Вильно)	250.000	евреев
в Латвии	95.000	”
в Эстонии	5.000	”
в восточной Галиции, на Волыни и в западной Белоруссии	1.270.000	”
в Бессарабии и северной Буковине ...	300.000	”

Всего .... 1.920.000 евреев

Таким образом, ко времени наступления Гитлера в зоне нацистской оккупации на территории СССР проживало:

в коренных областях	2.092.951	евреев
в присоединенных областях	1.920.000	”

Всего . . . . 4.012.951 евреев

Из этой цифры исходят статистики в СССР и за его пределами. В соответствии с этим советский статистик Л. Зингер, имевший доступ к данным переписи 1939 года в период их разработки, в изданной им брошюре «Обновленный народ» (на идиш) считает, что к началу немецко-советской войны в СССР проживало около 5.000.000 евреев.

Данные последней переписи в СССР, проведенной в 1959 году, и анализ их дают возможность установить, что к окончанию немецко-советской войны в оккупированных немцами территориях Советской России погибло около 3.000.000 евреев. Выжило же к концу войны на всей территории СССР, включая также эвакуированных и спасшихся из зоны войны, немногим меньше 2.000.000.

КТО БЫЛ ГЛАВНЫМ ВЫПОЛНИТЕЛЕМ ПРОГРАММЫ УНИЧТОЖЕНИЯ ЕВРЕЕВ

Еще перед нападением на Советскую Россию, Гитлер приказал Государственной охране оказывать армии необходимое содействие в уничтожении в тылу всякого рода сопротивления. Во исполнение этого приказа, генерал Кейтель, главнокомандующий немецкими военными силами, обсудил вместе с Хейдрихом, Начальником Главного Управления Государственной охраны (Гестапо), программу действия, в основу которой были положены *террор и убийство*. Выполнение этой задачи было поручено особым ударным отрядам (Ейнзатцgruppen), обязанным сопровождать наступающие армии. В среднем отряды эти составляли от 500 до 800 человек.

Они выбирались а) из состава SS (Schutzstaffel) — защитных сил, составлявших «почетную гвардию» партии и личную охрану Гитлера, которая также исполняла особо ответственные и секретные военные и политические задания. В общезнании они были известны под кличкой «чернорубашники».

б) Из SD (Sicherheitsdienst) охранной полиции исполняющей обязанности по разведке и контр-разведке. Они носили коричневую форму и назывались «коричневорубашниками».

в) Из членов боевой группы Гестапо (Секретная Государственная полиция).

Командный состав состоял из чинов уголовной поли-

ции (Крипо) и Государственной охраны. Среди обвиняемых в Нюрнберге 24-х командиров было шесть генералов, пять полковников, шесть подполковников, четыре старших и три младших лейтенанта. Среди участников, ответственных за «беспримерную в истории жестокость», было восемь докторов права, социолог (профессор Кенигсбергского университета), певец (потомок Шумана), архитектор, пастор, десять дипломированных в специальных высших учебных заведениях. Не было ни одного с незаконченным средним образованием. Все они *добровольно* вошли в состав этих преступных организаций.

Гитлер и Хейдрих кратко формулировали возложенную на них обязанность:

Всякое сопротивление в тылу должно быть безжалостно сломлено; политические комиссары, активные коммунисты, все евреи и цыгане должны быть уничтожены. При исполнении своих обязанностей командиры ударных отрядов и их кадры должны действовать решительно, не ставя вопроса о виновности или невинности отдельных евреев. В приказе от 6-го июня 1941 г. Гитлер говорит, что «принципиально» начальники должны действовать не на основании добытых фактов, а по своему личному впечатлению. Принадлежность к еврейству была вполне достаточным основанием для убийства.

В городах Претч и Дюбен в военных бараках были сосредоточены воспитанники школы стратегии и тактики массовых убийств, которым, кроме того, разъяснялось «идеологическое значение их долга родине и вождю». В числе лекторов был сам Хейдрих, Начальник Гестапо, который после окончания курса созвал командный состав, указал каждому из них место деятельности, их права и обязанности и в заключение повторил, что большевики и евреи близнецы. Каждый еврей — большевик, и каждый большевик — еврей.

Его философия уничтожения евреев основывалась, главным образом, на утверждении, что восточные евреи являются интеллектуальным источником большевизма и поэтому представляют особую опасность. Вывод: евреи должны быть безжалостно уничтожены.

Для выполнения этой задачи понадобилось 3.000 специалистов, разделенных на четыре группы:

Ударный отряд А под командой бригадир-генерала Сталекера, который оперировал в Прибалтике, а потом временно был переброшен в Белоруссию, где оставался до прихода отряда В под командой, короткое время, Небэ, а потом генерал-майора Науманна. Район его деятельности

расширялся от Минска через Смоленск по направлению к Москве.

Группа С под командой бригадир-генерала Раш работала на Украине, за исключением ее северной части.

Наконец, группа Д под командой доктора прав и философии генерал-майора Олендорфа оперировала в Северной Украине, в Крыму и на Кавказе. Полковник Биркамп заместил его в 1942 году. Каждый ударный отряд был разделен на «ударные команды» в составе от 30 до 50 человек.

В Белоруссии орудовала кроме того «группа Диркенвангера», известная под кличкой «Диркенвангерские браконьеры», составленная из закоренелых преступников под командой доктора прав Диркенвангера, алкоголика и извращенного садиста. Его отряд уничтожил с августа до декабря 1942 года 1337 так называемых «бандитов», 8595 военнопленных, 14257 «подозрительных лиц» и 363,211 евреев. За такое усердие доктор прав Диркенвангер считался лучшим специалистом по проведению «операции» физического уничтожения евреев и других «анти-социальных» элементов.

Возникает вопрос, как могли 3.000 человек, входивших в состав всех действующих на территории России отрядов, успеть убить один миллион людей в течение двух лет. По подсчету прокуратуры в упомянутом процессе каждому отряду ежедневно (считая воскресенья и праздники) пришлось совершить в среднем 357 убийств. Но этим их обязанности не ограничивались. Они должны были предварительно собрать жертвы, зарегистрировать их, отнять носильное платье, включая нижнее белье и ценности, сосчитать, сложить и запаковать все это для отправки в Германию, закопать трупы в глубокие могилы, вырытые, правда, частью до расстрела самими жертвами. Ответ на это дают документы, отличающиеся немецкой точностью. Местное население помогало этой изуверской работе; оказывала помощь переутомленным от убийства немцам и местная полиция, в особенности, на Украине и в Прибалтике. При группе В был организован специальный батальон из местного населения, добровольно сражавшийся на стороне немцев. Его командиром был командир ударного отряда «В».

Группа «С» пользовалась услугами русских, румын и венгров. В Крыму были организованы татарские отряды самозащиты, истреблявшие евреев. Казацкие батальоны принимали деятельное участие в борьбе с партизанами, под которыми часто понимались евреи, в особенности в

Белоруссии, где евреи не только помогали партизанскому движению, но и входили в состав партизанских боевых отрядов.

Указывая на вред партизан и паникеров, распространяющих ложные слухи о немецкой армии, командир одного из ударных отрядов подчеркивает, что вред, приносимый партизанами, бледнеет перед злом, исходящим от евреев, носящих в себе бактерии разложения. Олендорф, на совести которого 90.000 трупов, показал на суде о существовании плана уничтожения 30.000.000 славян, но добавил, что лично он не получал приказа об этом, и никто из начальства не упоминал об этом даже в частных разговорах.

Признавая, что небольшой отряд не в состоянии бороться со всеми антигерманскими проявлениями, он считал необходимым организовать местную полицию из преданных Германии украинцев и лиц местного германского населения.

Работа этих добровольцев, разумеется, не была бесплатной. В некоторых местах расходы на добровольцев покрывались из сумм, вырученных от продажи ценностей убитых евреев. Эти добычи были далеко не незначительны, а у многих из убийц достигали солидной цифры в несколько сот тысяч марок. В кассе растрюги пастора Биберштейна, начальника отряда, оперировавшего на Украине, был найден остаток в сумме 100.000 марок от ликвидированных ценностей, отнятых у евреев.

Хейдрих придавал особое значение сотрудничеству местного населения. В секретном обращении к начальникам охранной полиции от 28-го июня 1942 года он рекомендует обратить усиленное внимание на те элементы, которые могут быть использованы командами особого назначения, и представлять ему еженедельно рапорты. Он указывает при этом, что нельзя считать окончательно неподходящими для сотрудничества украинцев, белоруссов, азербейджанцев, армян, уроженцев Северного Кавказа, Грузии и турок. Прежде чем отвергнуть их услуги и поступить с ними, как с врагами, надо убедиться в каждом отдельном случае в их активном большевизме. Он предостерегает от возможности ошибок при установлении турецкой национальности, так как турки придерживаются также обряда обрезания и имеют сходство с евреями. Хейдрих предостерегает также от доверия к простому русскому человеку, так как безграмотный русский может оказаться куда более преданным Советской власти, чем интеллигент, вынужденный экономическими соображениями работать для советского правительства. Но те советские граждане, которые бес-

спорно проявили себя активными большевиками, подлежат немедленному расстрелу. Хейдрих не упустил при этом упоминуть, что казни должны происходить вдали от населенных мест, без присутствия посторонних лиц.

Признаки интеллигентности являлись одним из поводов для уничтожения евреев, а отсутствие их в некоторых случаях спасало жизнь. Так евреи земледельцы, жившие между Кривым Рогом и Днепропетровском, были пощажены, повидимому потому, что, как мало культурный элемент, не представляли опасности для немцев. Расстрелу подверглись только члены администрации.

С другой стороны, белорусские евреи, в местностях, принадлежавших до войны Польше, считались особенно опасными, благодаря их развитию и активности. Та же характеристика была дана евреям, живущим в центральной России, которые, после 25 лет большевизма, стали особенно «вызывающими и надменными».

РОЛЬ НЕМЕЦКИХ ГРАЖДАНСКИХ ВЛАСТЕЙ

Ошибочно было бы думать, что истребление евреев находилось в оккупированной Советской России только в руках Государственной Охраны и подчиненных ей органов. Альфред Розенберг, министр по делам Оккупированных Восточных областей, признанный философ нацизма, антисемитизм которого его защитник в Международном Трибунале назвал «культурным», не мог не обратить внимания на евреев еще до того, как ударные отряды начали свою деятельность.

В меморандуме от 7-го мая 1941 года Розенберг требовал немедленного концентрирования евреев из местечек в обширных лагерях, где они должны были быть привлечены к принудительным работам без ограничения времени, с минимальным заработком, не хватающим даже для скудного существования. Эти «трудовые лагеря» были предусмотрены, как временная мера до устройства гетто.¹⁸ В инструкции о мерах против евреев Розенберг дал определение понятия «еврей», повторив действовавшее в Германии законодательство и предписал произвести регистрацию евреев, необходимую для проведения в жизнь их полной изоляции. В регистрации должны быть указаны имена не только родителей, но и прародителей регистрируемого. Для избежания сокрытия еврейского происхождения, равно как и доказательства выхода из еврейской общины, требовалось представление соответствующих документов. Ношение желтой повязки было объявлено обязательным.

Евреи лишались права передвижения. Их деятельность была ограничена исключительно ремеслами, а свободные профессии были запрещены. Евреи врачи и дантисты могли лечить только евреев и предусматривалось их переселение в гетто для права практики. Практика ветеринара вне гетто была совершенно запрещена. Аптеки и аптекарские магазины получили отсрочку до образования гетто, после чего их собственники должны были либо переместить их в гетто либо ликвидировать. Посещение парков, общественных мест увеселения, хождение по тротуарам, сидение на скамейках, как и пользование средствами городского передвижения, радио аппаратами было недоступно евреям. Продовольственные пайки, полагавшиеся евреям, составляли половину *минимального* пайка, получаемого *не* рабочим местным населением.

Переходный период длился недолго. В боевом порядке летом 1941 года было приступлено к устройству гетто в городах и местечках, причем внимание было посвящено отысканию мест, расположенных вблизи фабрик, работающих на оборону. Рабочие евреи выпускались рано утром из гетто, чтобы вернуться вечером усталыми и голодными домой, где их ждала истощенная семья со скудным ужином. Для гетто отводились перенаселенные еврейской беднотой кварталы, где санитарные условия были до крайности неудовлетворительными и изо дня в день ухудшались. Они стали очагами эпидемий, и, нередко, для борьбы с эпидемиями немцы прибегали к самому радикальному средству — сжиганию этих очагов, конечно, вместе с жертвами эпидемии. О продовольствии немцы не заботились, предоставляя это самим обитателям гетто. Но когда гонимые голодом смельчаки пытались перешагнуть запретную черту, — их ждала пуля в затылок. Трудоспособные евреи, не прикрепленные к фабрикам, работающим на оборону, посылались на самые опасные и тяжелые работы. Легкие работы, кроме плетения соломенной обуви, изготовления щеток и метелок для вывоза за пределы гетто, были запрещены.

Особой льготой, правда, более воображаемой, чем реальной, было право на самоуправление или вернее самоуничтожение. Ни в Белоруссии, ни в других частях Советской России самоуправление в гетто не проявляло той способности к организации, той настойчивости в борьбе за жизнь, за сохранение человеческого достоинства и культурных достижений, как это было в Литве.

Охрана границ гетто лежала на немецкой полиции. В сущности, гетто были центром не изолированной жизни,

но местом, огражденным колючей проволокой, предназначенным для коллективной смерти от истощения, непосильного труда, систематического недоедания и эпидемий. Разница между гетто и тюрьмой состояла, главным образом, в том, что в тюрьме сторожа приносили заключенным три раза в день скудную пищу, а в гетто этого не было. Узники были оставлены на произвол судьбы, но им приходилось ждать не долго. Если они не умирали естественной смертью, на помощь приходили особые ударные отряды. Визу на «продление жизни» получали только работавшие на оборону, но срок визы был ограниченный и без права возобновления.

Однако, такое «продление жизни» еврейским рабочим пришлось по душе не всем нацистским вождям. Генеральный комиссар Белоруссии Кубэ писал своему начальнику Лозе, государственному комиссару всех оккупированных восточных областей, что он предпочел бы покончить с евреями «одним ударом раз и на всегда». Однако, он должен был уступить требованиям военного командования, являющимся самым крупным потребителем еврейской рабочей силы. Кубэ считал, что «право на жизнь» евреев должно рассматриваться не с экономической, а с политической точки зрения. В подтверждение своих доводов, будто уменьшение количества еврейских рабочих не отражается на интересах армии, он указал на пример Минска, где в течение десяти недель из ста тысяч русских евреев осталось только 6.000. Однако, военная промышленность не ощущала недостатка в рабочих. Обескровление еврейства имеет гораздо большее политическое значение, чем их роль в военной промышленности. Активность партизан значительно уменьшилась с тех пор, как их сотрудничество с евреями прекратилось. Возражая против транспорта польских рабочих в Белоруссию, он подчеркивал их враждебное отношение к Германии, не отличающееся от враждебности их русских соплеменников. Политическая опасность от их присутствия превосходит ту пользу, которую они могли бы принести, как рабочая сила. Эта точка зрения увенчалась полным успехом. Розенберг, как представитель высшей государственной инстанции, разрешил спор. В секретном письме он уведомил спорящих, что при разрешении еврейского вопроса экономические соображения, как правило, должны быть оставлены без внимания.

НЕМЕЦКИЕ УБИЙСТВА И КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Министерство Иностранных Дел, если и не принимало

непосредственного участия в уничтожении евреев, то, во всяком случае, было очень заинтересовано в успешном ходе этой «операции».

В письме Хейдриха к Риббентропу, министру Иностранных Дел при Гитлере (от 23 апреля 1942 г.) Хейдрих сообщал, что большая часть Восточной России очищена от евреев, и что задачей его ведомства является теперь, главным образом, поимка беглецов-одиночек, или тех, кто отказывался носить желтый кружок на платье. Он подчеркивает, что коренное население «приветствовало» уничтожение евреев после того, как убедилось, что в еврейских домах находилось много продовольствия, в то время, как в распределительных пунктах количество его было недостаточно. Однако Хейдрих спешит добавить, что работа ударных отрядов не ограничивалась только расправой с одиночками: ими предпринимались также операции в широком масштабе. Некоторые местности вполне очищены от евреев.

Заявления, будто коренное население «приветствовало» расстрелы, несколько преувеличены. Нет сомнения, что, в общем, население было недружелюбно к евреям, но расстрелы и публичные казни пугали жителей, которые боялись, что и их очередь скоро наступит.

Антисемитская пропаганда распространяла заведомо ложные утверждения, будто евреи уклоняются под тем, или иным предлогом от военной службы, в особенности от посылки на фронт. Между тем, говорили антисемиты, война эта чисто еврейская. Гитлер не враг России, а враг советских евреев, которые все являются коммунистами. Между тем, эта война, по существу, начатая против евреев, ведется за счет жизни коренного великорусского, украинского и белорусского населения.

Вина в развитии народного антисемитизма лежит, в некоторой доле, на советском правительстве, которое в печати замалчивало немецкие жестокости в отношении евреев в Германии и в Польше. Это замалчивание, перешедшее после заключения договора Молотова и Риббентропа в полное молчание, продолжалось и во все время войны. В правительственных заявлениях слово «еврей» не фигурировало, и это продолжалось даже тогда, когда число погибших евреев перешагнуло миллион. Скрывая жестокости немцев в отношении евреев, Советы усыпляли бдительность евреев, не знавших ни о трагедии евреев в Германии, ни о Варшавском гетто, ни о судьбе других евреев под сапогом нацизма. Сами немцы, цинично-откровенные в своих рапортах по начальству, удивляются количеству евреев, оставшихся на местах, в твердой уверенности, что при их лояльном отноше-

нии и трудолюбии, они могут быть спокойны за свою судьбу.

Советы, за малым исключением, своевременно не эвакуировали евреев, оставляя их в военной полосе до последней минуты, когда все сроки истекли, и железнодорожный состав был использован только для эвакуации правительственных учреждений. Между тем еврейские юноши тысячами шли в Советскую армию сражаться против немцев в надежде, что их родители, сестры, жены и дети будут защищены. Из гражданского населения Советы эвакуировали только тех, кто мог быть им полезен, как рабочая сила. Их не трогала судьба стариков, женщин, детей. Так в годы оккупации евреи оказались между молотом советского антисемитизма и наковальной немецких зверств.

ТЕХНИКА УБИЙСТВ

Следуя за армией, «боевые отряды» занимали последовательно все города и местечки, в которых жили евреи. Белоруссия и Украина входили в черту еврейской оседлости, и немцы не сомневались, что там их ждет обильная жатва. Командиры отрядов и их меньших делений, так называемых «Коммандо», знали возложенную на них задачу. Им не надо было ждать особых приказов, и они их не ждали. Первым делом, заняв город или местечко, они требовали к себе еврейских общественных деятелей и раввинов, и обязывали их к определенному сроку — очень короткому, собрать в указанном месте всех евреев, будто бы, для переселения.²⁹ По прибытии на место, обреченных на смерть заставляли отдать все ценности и деньги, бывшие при них. Когда все требуемое было сдано, пересчитано и зарегистрировано с немецкой аккуратностью, давался приказ: снять и сдать одежду и белье. Совершенно нагие мужчины, женщины, дети должны были идти к месту убийства, которое обычно бывало расположено вблизи анти-танковых траншей. Несчастные жертвы должны были опуститься на колени на краю траншеи. Иногда их заставляли становиться во весь рост, спиной к убийцам, державшим ружья наготове. По приказу командующего отрядом раздавался выстрел, и трупы падали в траншею. Случалось что падали живые, но никто о них не заботился. Разумеется, не было врача, который констатировал бы факт смерти. Никто не объяснял жертвам, за что их расстреливают. Никто не спрашивал об их последней воле. Когда председатель Международного суда спросил начальника одного из отрядов Биберштейна — как он, бывший священнослужитель, мог допустить, чтобы верующие уми-

рали без слова утешения духовников, тот ответил: «Я не хотел метать бисера перед свиньями». Начальники отрядов гордились тем, что перед расстрелом не допускались «насилия», и что все происходило, согласно строгой военной дисциплине. Случайный очевидец этих невиданных до 1941-го года зверств Герман Грабе, инженер по образованию, был управляющим фабрикой в г. Столбуново (на Украине), исполнявший заказы немецкой армии. Ему приходилось много разъезжать и часто встречаться с нацистами, ходатайствуя о продлении жизни еврейским рабочим. 5-го декабря 1942 года в одну из поездов старший мастер сообщил ему о расстрелах вблизи Дубно. Подъехав, они увидели, как из грузовиков выходят массами мужчины, женщины, дети. По желтым кружкам, нашитым на спине и на груди, Грабе понял, что это евреи. Их подвели к трем вырытым ямам. Слышно было шелканье ружей. Украинская милиция и отряды чернорубашечников окружили прибывших. Евреев заставили раздеваться. Командовал один из чернорубашечников с хлыстом в руке. Одежда должна была быть аккуратно сложена и отсортирована. Обувь была сложена отдельно. Грабе определил, что там лежало от 800 до 1.000 пар. Раздетые жертвы стояли группами, все члены семьи старались быть друг около друга. Свидетель не слышал воплей и плача. Он обратил внимание на семью из 8-ми человек, родители в возрасте около 50 лет, дети в возрасте от одного года до 8 и 10 лет. Старшей дочери около 23 лет. Старшая женщина с белоснежной головой держала в руках годовалого младенца и развлекала его, распевая песни. Отец что-то говорил сыну 10 лет, который с трудом удерживал слезы. Когда отец, повидимому, утешая его, показал пальцем на голубое небо, раздался приказ. Отобрали 20 человек, поставили их у края ямы, раздались ружейные выстрелы, тела падали в яму. На смену пришла другая группа, та же стрельба, новые тела покрывали еще не остывшие тела их предшественников. Расстрел продолжался весь день. Люди лежали голова к голове, один на другом. Кровь текла, омывая еще теплые тела. Многие из лежавших были живы. Заметны были их попытки пошевелиться, некоторые высовывали руки, другие поворачивали головы из под груди таких же несчастных, как они. Убийцы были так погружены в свою работу, что не заметили свидетеля. На утро его снова потянуло к могилам. Одна девушка заметила его, крикнула, просила принести платье и вытащить ее. Но в это время свидетель услышал шум подъезжающего автомобиля, увидел немецкие формы и поспешил скрыться. По

дороге он услышал выстрел. Звавшая на помощь девушка умолкла навсегда.

Так происходили эти убийства, согласно «военным правилам и военной чести».

Чтобы избежать ошибки и не подвергнуть расстрелу не-еврея, палачи прибегали к способу унижительному и трагическому для старейших членов еврейских общин. Командующие ударными отрядами требовали от них указания, нет ли не-евреев среди обреченных. Ни одно убийство не начиналось до того, пока эти старики под револьверными дулами не устанавливали еврейскую национальность жертв.

Отравленные нацизмом гитлеровские *роботы* считали, что они исполняют государственный долг. Но и у них возникало чувство изумления, неловкости и уважения к жертвам, когда те спокойно и с достоинством шли на смерть, распевая гимны. «Станный народ!» — нередко повторяли начальники отрядов. На суде один из обвиняемых, описавши поведение евреев на расстрелах, отметил, что евреи шли навстречу смерти «с достоинством».

Иногда нервы жертв не выдерживали этого предсмертного ожидания. Раздавались крики возмущения, безнадежная попытка борьбы на краю могилы. Тогда очередь наступала для хлыстов, или ружейных прикладов.

Начальники этих банд возмущались предположением, будто они сознательно, ради личных выгод, увеличивали число убитых. Они настаивали на добросовестности своих подсчетов и, как бухгалтеры, отвечали за правильный учет «без ошибок и упущений». Эта точность в указании количества убитых, выражающегося в пятизначных цифрах, поражает и ужасает. Так, например, в Киеве в роковые дни 29 и 30 сентября 1941 года были убиты 33.771 мужчин, женщин, детей. Этим подчеркивалась точность подсчета. В Крыму в течение одного месяца с 16 ноября по 15 декабря 1941 года было расстреляно 17.645 евреев и 2.504 крымчаков, которых немцы считали евреями; а также 824 цыган и 212 партизан. В Белоруссии и в Балтийских странах по 15 октября 1941 года было убито 118.430 евреев и 3.387 коммунистов.

Караимы преследуемы не были. Наци не считали их евреями, хотя они исповедывали религию Моисея, и это проводилось немцами в доказательство их терпимости и уважения к свободе вероисповедания. Не вера, а кровь играла решающую роль для доказательства еврейского происхождения. Несмотря на то, что задача отрядов состояла в искоренении *всех* враждебных Германии элементов, в их

донесениях приводилось число еврейских жертв с указанием, что — такой-то город или местечко является «Judenrein» или «Judenfrei», т. е. очищенным от евреев.

ГАЗОВЫЕ ФУРГОНЫ

Когда было признано, что этот метод уничтожения нежелателен, на помощь пришла немецкая техника и наука. Были изобретены газовые фургоны, с чисто немецкой сентиментальностью — украшенные снаружи и помеченные словом «трейлер». Внутри находились танки, выпускающие газ по мере движения. Немцы приказывали к определенному времени собраться еврейским женщинам с детьми в указанном месте. Там им объясняли, что их переселяют в более спокойные местности, куда в скором времени приедут их мужья. Первые дни женщины сравнительно спокойно относились к этим поездкам, но потом население поняло, что их обманывают. Душераздирающие сцены происходили при посадках. О них подробно рассказывают сами обвиняемые на процессе, имевшем место в Харькове 15-18 декабря 1943 года. Кстати сказать, это один из двух процессов, о которых советы дают почти стенографические отчеты. Такой же отчет дан и о процессе в Краснодарске, в 1943 г. Однако, и в этих отчетах слово «еврей», «еврейские жертвы» совершенно не упоминаются. Речь идет о собирательном понятии «советские народы».

Несчастные пассажиры «вагонов смерти», как их окрестило коренное население, задыхались от газа минут через десять после того, как отправлялись в путь. Но часто машина действовала плохо, и газ выделялся медленно. Тогда страдания жертв усиливались. Доктор Бекер, заведующий этими сухими гильотинами на колесах, удостоверяет в своих донесениях, что при исправности машин смерть наступала немедленно, жертвы засыпали сразу в спокойном — «мирном» состоянии. Но если машина работала плохо, жертвы долго задыхались. Смерть наступала от удушья, и на лицах погибших были отпечатки страдания. Он ставит себе в заслугу, что послал машины в Берлин для исправления. Однако, и после ремонта надежды Бекера не всегда оправдывались. В этом, по его мнению, была виновата поспешность шоферов, их желание покончить как можно скорее со своей неприятной обязанностью.

Немцы хорошо понимали, что не все евреи большевики, не все участвуют в партизанском движении, не все саботажники и шпионы. Следует отметить характеристику, данную одним из ответственных нацистов, который указал

на полнейшую лояльность евреев по отношению к немцам, на их скромность и трудолюбие. Говоря о ненависти евреев к немцам, он назвал ее явлением, которое надо было ожидать; но он все же утверждал, что нет доказательств того, чтобы все еврейство в целом или в его значительной части участвовало в саботаже. Их единственная вина состояла в еврейском происхождении, отличающим их от других «составом крови, особенно приспособленной к восприятию большевистских идей». Такая экспертиза была дана на суде юристом, экономистом и социологом Олендорфом, перед которым была открыта широкая академическая дорога. Этот «особый состав крови» делал их опасными врагами Германии. Когда Олендорфу был задан вопрос, почему убивали детей? Он кратко ответил, что дети были бы свидетелями смерти их родителей. Эта картина глубоко запечатлелась бы в их памяти, и, выросши и вспоминая все пережитое, они не могли бы не стать врагами Германии и не мстить ей. Мы должны думать не только о настоящем, но и о будущем.

Расстрелы продолжались даже при отступлении немцев. В некоторых местностях они даже ускорялись, так как немцы старались скрыть следы преступления и уменьшить число свидетелей. Из немецкой среды раздавались призывы о прекращении излишней жестокости. Так Государственный комиссар оккупированной Восточной России в донесении на имя Розенберга упоминает о случае, когда женщин и детей заперли в амбаре и подожгли его. Он считает такое поведение недостойным тех целей, к которым стремится Германия.

Почти через два года после начала «операции» ударных отрядов (4-го октября 1943 г.) Химмлер в речи, обращенной к высшему составу СС, высказал уверенность, что «никто из них никогда не будет публично говорить о происшедшем. Все мы — продолжал он — были уstraшены возложенной на нас обязанностью, но мы выполним ее вновь, если получим соответствующий приказ».

УДАРНЫЕ ОТРЯДЫ В ПОХОДЕ

Белоруссия

Ударный отряд А, успешно выполнив свое задание в Прибалтике, перебросился в Белоруссию. Генерал Сталенкер, командующий отрядом, был уверен, что и здесь его ждет сотрудничество местного населения, готового устраивать погромы, как это имело место в Литве и Латвии. Од-

нако, он должен был скоро убедиться в том, что здесь «еврейская проблема» не может быть разрешена одними погромами. Обширность территории, покрытой лесами и болотами, отсутствие удобных дорог, плотность населения, заставляли призадуматься над методами исполнения поставленной задачи. В одном Минске, согласно статистике 1939 года, проживало 100.000 евреев. Среди еврейского населения был большой процент квалифицированных рабочих, необходимых для удовлетворения нужд германской армии. Однако, колебания продолжались недолго. В течение первых десяти недель в Минской области было ликвидировано «собственными силами» немцев 55.000 евреев, о чем с удовлетворением сообщил в рапорте по начальству генеральный комиссар Кубэ. Кроме Минска, истребление евреев происходило в Лиде, Слониме, Глебоках, Луцке, Борисове, Вилейке, Барановичах, Ханцевичах, Червине. В последнем городе — сообщается в рапорте — беспокойство и страх наблюдались не только у евреев, но и среди коренного населения. Поэтому трудно предвидеть последствия предпринятых мер истребления евреев. Но, как видно из последующего донесения командира, работа отряда не была приостановлена. Дополнительно сообщается о расстреле еще 1272 евреев, включая «слишком старых и неспособных к работе». Из этого числа только 14 человек были *заподозрены* в совершении проступков или преступлений. В редких случаях командиры отрядов ссылаются на участие евреев в партизанском движении, на их дерзкое поведение, на необходимость борьбы с эпидемиями, свирепствующими в гетто, или просто на обилие «излишних едоков» при скудости продовольствия.

В Белоруссии орудовали несколько ударных команд. Ударный отряд А в течение четырех дней с 7 по 11 ноября 1941 года расстрелял в Минске 6624 мужчин, женщин, детей; в Витебском гетто были уничтожены в декабре 1941 г. 4.090 евреев. Двух дней — 2 и 3 марта 1942 года — было достаточно для дополнительного убийства 3.412 евреев в Минске и 2.007 в Барановичах.

Отряд В ликвидировал в Минске в середине июля 1941 года 1.051 еврея. Летом 1941 г. в течение пяти месяцев были убиты вблизи Минска и Смоленска 45.467 человек, а в Витебском гетто дополнительно еще 3.000. Многие из руководителей ликвидации евреев все же считали, что она не достигает конечной цели, так как часто тем или иным путем евреям удавалось скрыться от расстрелов. Техническая подготовка расстрелов, по мнению других, требовала большей предусмотрительности. Так один из ежедневных отчетов об операциях отмечает:

«Ничего нельзя было бы возразить против массового уничтожения евреев, если бы техническая подготовка их и метод экзекуций не был сам по себе неудовлетворительным».

Оценка эта относится к румынам, которые оставляли тела убитых не погребенными.

В рапорте от 4 сентября 1941 года сообщалось о расстреле в Минске 733 жителей, причем слово «еврей» было заменено указанием на то, что жертвы представляли собой «самый низкий элемент населения с преобладающей примесью азиатской крови».

Евреев убивали также из соображений общественной гигиены. Так, в местечке Городок было убито в местном гетто 394 еврея, *представляющих опасность для распространения эпидемий*. Те же основания были выдвинуты для убийства 1.025 евреев в Яновичи, 3.000 в Витебске.⁶⁰ И то же имело место и в других городах и местечках с еврейским населением, где антисанитарные условия могли грозить распространением эпидемий. Здесь прибегали к расстрелам евреев, как к предупредительным мерам.

Гетто облегчали во многом работу ударных отрядов. Евреев не надо было ни разыскивать, ни регистрировать; и, кроме того, было легче сортировать будущие жертвы и извлекать из них временно пользу. В самом Минске оба гетто просуществовали в течение двух лет, благодаря тому, что большая часть их узников состояла из ремесленников, необходимых для нужд немецкой армии.

Из событий в Минской области особенно трагичными являются расстрелы евреев в Борисове, которые подробно описаны в рапорте, представленном 24 октября 1941 года офицеру германской контрразведки Лаухдзену. Накануне расстрела была устроена Белорусской полицией вечеринка в честь немцев. Слухи о предстоящем расстреле дошли до евреев. Была послана делегация к мэру, которой он обещал полное содействие, так как считал поведение евреев образцовым: они не только показали себя трудолюбивыми и лояльными гражданами, но даже, несмотря на их тяжелое положение, беспрекословно внесли 300.000 рублей наложенного германскими властями налога. Содействие мэра было безуспешным. На вечеринке свободно говорилось о предстоящем «мокроем деле». Указывалось на равнодушие местного населения к судьбе евреев.

Расстрел начался в 3 часа утра. Евреев выбрасывали из постелей, сажали в грузовики, предоставленные Белорусской полицией. Забирали всех без разбора — детей,

стариков, женщин, мужчин. Слышны были крики, стоны, плач, безнадежные зовы о помощи. На грузовиках рядом с шоферами сидели русские полицейские с автоматическими ружьями на перевес. Этот кортеж продолжался в течение целого дня. Вдоль тротуара стояли ряды женщин и детей, ждавших очереди под охраной полиции. Издалека раздавались выстрелы. Экзекуция продолжалась пока не было убито 6.500 евреев. Расстрелы происходили среди бела дня, на виду всего населения. Это, по мнению рапортующего сержанта, оказалось вредным. Зрители были ошеломлены страшной картиной, и стояли, как оцепенелые. Но на следующее утро многие из них стали взволнованно кричать: «Кто мог приказать такое варварство?» «В чем вина несчастных евреев? Сегодня — евреи, завтра — наша очередь?!»

Это отношение белоруссов в Борисове к еврейской трагедии можно назвать типичным для всей оккупированной советской России (кроме Прибалтики). Кроме чинов полиции и некоторых специальных органов, в состав которых входили явные и тайные гитлеровцы, население не оказывало помощи в истреблении евреев, но не оказывало и помощи, или хоть сочувствия его жертвам.

Украина

Если в Белоруссии население хотя и смотрело на немецкие зверства с ужасом, но оставалось равнодушным к трагедии евреев, то на Украине нашлось не мало убежденных почитателей нацизма. Украинский антисемитизм имеет за собой почти трехсотлетнюю давность — вспомним гайдаматчинскую и немировскую бойню 1632 года. Двадцатый век предоставил этому вековому антисемитизму новые возможности. Гитлер давно обратил внимание на украинцев, а Риббентроп, его министр иностранных дел, красноречиво доказывал, что необходимо воспользоваться сепаратистскими течениями среди украинцев и привлечь их на свою сторону, прельщая идеей «свободной и независимой» Украины. Во время немецкой оккупации украинцы занимали в этом отношении среди народов Советского Союза второе место после Прибалтики. По подсчетам профессора Серафима, эксперта по еврейским делам при Восточном комиссариате, нашествие немцев опустошило еврейское население Украины на 150–200 тысяч душ. В письме на имя генерала Томаса, начальника учреждения, которому была вверена забота об индустриальном обслуживании армии, один из его инспекторов указал на то, что поч-

ти все евреи являются ремесленниками, и по существу почти все ремесленники — евреи. В очень робких выражениях он обратил внимание на то, что ликвидация евреев повлечет за собой роковые последствия для всей военной промышленности. Автор письма не отрицает ненависти евреев к немцам, но указывает, что в действиях своих евреи не выявляют своих чувств — они не саботажники. Если среди евреев попадаются исключения, то все же нельзя утверждать, что *всё* еврейское население представляет собой какую-то опасность для немецкой армии.

В заключение автор письма следующим образом определяет положительные и отрицательные итоги анти-еврейских «операций». К положительным результатам должна быть отнесена «ликвидация» излишних едоков и той части населения, которая «бесспорно ненавидит немцев». К отрицательным он относит уничтожение ремесленников, крайне необходимых для военной промышленности, а также то, что мера эта является поводом к антигерманской пропаганде за границей, а в оккупированных областях способствует озверению воинских чинов, производящих экзекуцию.

Приговор Военного Суда, рассматривавшего дело о 23-х командирах ударных отрядов, считает, что программу истребления евреев делало «особенно дьявольской» то обстоятельство, что истребление происходило не во время хаоса сражений, а после того, как военные действия были закончены. На Украине экзекуции начались только через месяц после начала оккупации, когда могло казаться, что жизнь вошла в свое нормальное русло. Наряду с убийством евреев, практиковалось также похищение еврейских детей, по внешности не имевших типических еврейских признаков. Дети отбирались от присужденных к смерти родителей и отсылались в Германию, где из них собирались воспитывать «настоящих» немцев.

В Западной Украине и Галиции ударный отряд «С» окончил свои операции к июлю 1941 г. и четыре из его меньших отделений, так называемых «коммандо» двинулись по направлению к Советской Украине, успев в начале июля занять Житомир, Коростень, Бердичев, Винницу и Радомысль.

Житомир

Прежде всего немецкие военные власти решили огривать местное население от евреев, но уже на совещании военных и гражданских властей 8-го сентября

1941 года было решено принять радикальные меры. Во исполнение этого, на следующий день, еще на рассвете, в 4 часа утра еврейские кварталы были оцеплены украинской милицией. 3.154 евреев были выведены на улицу, предварительно зарегистрированы, посажены в фургоны и отвезены к месту расстрела, где они должны были сдать деньги, ценности, одежду, белье. Жатва, оказавшаяся довольно обильной (она весила от 50 до 60 тысяч фунтов) предназначалась для «немецкого благотворительного фонда», но наличные деньги и ценности были переданы «коммандо» 4 А, производившей экзекуцию. Оставшиеся в живых евреи были переселены в гетто.

Кроме Житомира, гетто были устроены в Коростене, Бердичеве, Умани, Виннице, Радомысле. Санитарные условия были повсюду ужасающими. Свирепствовали эпидемии, и немцы вынуждены были опять принять свои профилактические меры, как это имело место в Белоруссии — расстрел больных и поджог очагов заразы. В этом Украинская милиция усердно сотрудичила с немцами.

Аналогичные меры с некоторыми вариантами были приняты и в других городах Украины.

В Днепропетровске к приходу немцев оставалось только 30.000 евреев, из которых в первой половине октября 1941 года были расстреляны 10.000, а через некоторое время было дополнительно уничтожено 1.000 евреев. В расстреле участвовала местная полиция.

Киев — Бабий Яр

Вместе с наступающей армией 19 сентября 1941 года в Киев прибыла небольшая часть ударного отряда в составе 50 человек. За ними следовали главные силы, которые вошли в столицу Украины 25 сентября 1941 года. Немецкие власти тотчас же «прощупали» отношение местного населения к евреям: оно оказалось враждебным. Немцы объясняли это отношение лучшим экономическим положением евреев по сравнению с другими и тем, что они, будто бы, были информаторами и агентами Советов, а также принимали участие в многочисленных поджогах и взрывах, происходивших во исполнение советской политики разрушения тех городов, которые неминуемо должны перейти в руки врага. 20 сентября в Киеве взорвалась мина, заложенная в доме, где помещалась главная квартира германской артиллерии, и это повлекло за собой очень значительное количество немецких жертв. 24-го сентября была взорвана главная квартира штаба армии. В обоих случаях взрывы соп-

рвождались большими пожарами, с которыми было трудно бороться из-за разрушенного водопровода. По утверждению немцев, население Киева «ожидало от них акта возмездия евреям», и это побудило оккупационные власти принять решительные меры. Украинской полицией были расклеены плакаты, обязывающие евреев явиться 29 сентября в 8 часов утра к определенному месту, откуда их повели к Бабьему Яру, пустынному месту в пригороде Лукьяновка, недалеко от еврейского кладбища. За неповиновение приказу полагалась смертная казнь. Одновременно с целью дезинформации распространялись слухи о переселении евреев в другое, предназначенное для них место. Немцы признают, что они ждали, что приказу последуют тысяч шесть, и что они были поэтому крайне удивлены, когда увидели улицы, заполненные мужчинами, женщинами, детьми с котомками под руками и крошками детьми на руках, спешившим к ожидающим их братским могилам. В один день палачи не могли справиться со своей задачей, и расстрелы продолжались два дня. Могилы приняли 33.771 жертв этой невиданной вакханалии, производившейся под командой полковника алкоголика.

Обильная добыча была передана благотворительному фонду нацистской партии, а небольшая часть была отдана городу для беднейшего населения. Отцы города приняли этот дар убийц. Не смотря на то, что в Бабьем Яру были убиты только евреи, и вся операция с начала до конца была направлена исключительно против евреев, Чрезвычайная Государственная Комиссия по расследованию нацистских зверств в Киеве, назначенная Украинским Советским Правительством, в заключении, опубликованном 1-го марта 1944 г. ни разу не упоминает евреев, как жертв, а говорит только о «тысячах мирных советских граждан», поведенных к Бабьему Яру и там расстрелянных.

Операция в Киеве, успешно выполненная отрядом 4 А, одной из частей Einsatzgruppe «С» под командой полковника Павла Блобеля, не осталась незамеченной. Фельдмаршал Рейхенау, автор приказа, о котором было сказано в начале статьи, оценил самоотверженную работу отряда и его командира, но сам Блобел не мог не признать, что к «несчастью», ему приходится выслушивать «более или менее приглушенные упреки» за его «последовательное поведение» в разрешении еврейской проблемы.

Харьков

Харьков был занят нацистскими войсками 24 октября 1941 года. По данным Рейтлингера, автора известной

книги «The Final Solution» к этому времени в Харькове проживало не более 20.000 евреев. Точных данных для оспаривания этой цифры нет, но С. Шварц, автор книги «Антисемитизм в Советском Союзе», вообще оспаривает статистические данные, приводимые Рейтлингером, как сильно уменьшенные. Комендант Харькова не был склонен устраивать в Харькове гетто, но приказал евреям переселиться в течение двух дней (от 14-16 декабря 1941 г.) в оставленные без присмотра рабочие бараки вне городской черты. Там евреям была предоставлена свобода умирать без возможности заработка и без продовольствия. Зимой им приходилось в жалкой одежде, часто без обуви идти в город и выпрашивать копейки на пропитание. Входить в дома было строго запрещено. Многие из них замерзали или теряли остатки сил и здоровья. Эпидемия, начавшаяся в этих рабочих бараках, в конце концов, заставила немцев поджечь их. В них обнаружили огромное количество замерзших трупов. В рапорте от 4 февраля 1942 г. сообщается о мерах принятых для расстрела оставшихся в живых евреев, но данных о самом расстреле нет.

Одесса

Как ни хотелось Оллендорфу, начальнику ударного отряда «Д», проявить свою преданность фюреру уничтожением евреев в Одессе, ему это не удалось, так как румыны, союзники немцев, его опередили. Сначала еврейское население было заперто в гетто.

Румыны вошли в Одессу 16 октября 1941 г. События в Одессе развивались почти также, как в Киеве. 22-го октября здесь взорвалась заложенная мина, разрушившая здание, где помещался главный штаб румынской дивизии. Антонеску — румынский диктатор немедленно издал приказ о расстреле ста евреев за каждого убитого румынского солдата и двухсот за убийство офицера. В т о г е — 26.000 евреев было расстреляно в течение двух дней, от 23 до 25 октября. Следует отметить, что расстреливая русских евреев, румыны щадили своих соотечественников.

В журнале «Цукунфт» (ноябрь 1961 г.) напечатана статья Иосифа Кисмана о событиях в Одесском районе по данным военного суда над Антонеску в Бухаресте. Кроме расстрелов, в приказе предписывалось брать в качестве заложников по одному члену из каждой еврейской семьи. Жертвы расстреливались и вешались публично. Повешено было 5.000 человек, преимущественно евреев. Тюремь было переполнено. В них находились в ожидании решения

своей участи 20.000 человек, почти все евреи. Один из свидетелей на суде показал о поджоге четырех магазинов, переполненных людьми. В пригородах — Березовке и Васильево был устроен для евреев лагерь смерти. Отношение местного населения к евреям было недружелюбное. Евреи погибали не только от виселицы и расстрелов, но и от голода, холода и истощения. Не хватало рабочих для закапывания трупов, и евреев заставляли сжигать трупы погибших, в ожидании своей очереди. Убийства продолжались с начала декабря, с перерывом на Рождество, до февраля 1942 года.

ДРУГИЕ ГОРОДА НА УКРАИНЕ

В Чернигове до войны еврейское население исчислялось в 70.000 человек, из которых к приходу немцев осталось 10.000. После ухода немцев в городе осталось только 260 евреев. После первой экзекуции, часть евреев, успевших во время скрыться и уверенных в своей безопасности, вернулись обратно в Чернигов. Но ударное «комmando», приехавшее вновь для проверки, обнаружило 49 евреев, которые были расстреляны на следующий день (24 октября 1941 г.).

До 2-го ноября 1941 г. ударная команда 5, действовавшая в Полтаве и ее окрестностях, расстреляла 4.372 еврея. Подобные операции происходили в Днепропетровске, Днепродзержинске, Верхнеднепровске, Ново-Макиевке, Запорожье и Николаеве. В Днепропетровске из 100.000 еврейского населения к приходу немцев осталось только 30.000, остальным удалось скрыться. Из числа оставшихся 10.000 евреев были расстреляны.

КРЫМ И КАВКАЗ

В чрезвычайно-секретном донесении от 2 января 1942 года начальник государственной охраны сообщает, что Симферополь, Евпатория, Алушта, Каразубазар, Керч, Феодосия и другие поселения в западном Крыму были «очищены» от евреев «judenrein». В течение одного месяца (от 16 ноября до 15 декабря) были убиты 17.645 евреев, а всего ударными командами со времени начала операции было расстреляно 86.632 жертв. Точных данных о составе убитых этот секретный рапорт не дает, но из вышеприведенных данных видно, что приблизительно 95% погибших составляли евреи.

В северной части Крыма действовала, главным образом, охранная полиция. Четыре отряда были заняты чистой местности от евреев. Для успешности дела охранная полиция устраивала осведомительные центры из местных

жителей, которые должны были информировать о выезде старых жителей и прибытии новых поселенцев, в частности, о скрывающихся евреях. Более трехсот таких, избегающих смерти, евреев было обнаружено и расстреляно в Симферополе. Всего в Симферополе было убито 10.000 евреев.

На Кавказе, как и в других местах, евреев вызывали к определенному месту под предлогом переселения. В Кисловодске, Пятигорске и Ессентуках евреям было приказано собраться 9-го сентября 1942 года. В Кисловодске в указанном месте собралось 2.000 мужчин, женщин и детей. Точное количество евреев, взятых в двух других городах, не установлено, но в глубокой яме в минеральных водах, куда их всех отправили, уже после ухода немцев было обнаружено 6.000 еврейских трупов. Среди них были представители еврейской интеллигенции из Ленинграда, эвакуированные для безопасности на Кавказ.⁶⁹

Среди найденных после войны немецких документов, была обнаружена географическая карта, указывающая движение ударных отрядов, и города и поселения, где они «работали». Возле каждого места их пребывания был нарисован гроб, на крышке которого старательная рука обозначила количество еврейских жертв. Это — единственный памятник жертвам германских преступлений, и он оставлен потомству самими убийцами. Попустители этих убийц и укрыватели того, что 90% всех жертв были евреи, которых не эвакуировали, когда это было возможно, памятника этим жертвам не соорудили. В первые дни после ухода немцев, Н. Хрущев, бывший в то время всесильным секретарем коммунистической партии на Украине, обещал такой памятник погибшим евреям поставить. Но это обещание осталось неисполненным и теперь его стараются забыть.

Подобные пожелания высказывались и позднее. Все они оставались мертво-рожденными. Но молодой поэт Евтушенко воздвиг над Бабьим Яром «памятник нерукотворный». Пусть, — читаем мы в его стихотворении «Бабий Яр», — на этом месте одного из величайших массовых бедствий человечества нет гранитной плиты, посвященной невинным жертвам, пусть над ним только

«Шелест диких трав,
Деревья смотрят грозно, по-судейски».

«Всё молча здесь кричит», и поэт услышал чуткой совестью своей этот молчаливый крик и заставил услышать его всех тех, которые были глухи, или представлялись глухими.

«Бабий Яр» Евтушенко — эпитафия над всеми жерт-

вами немцев в эти трагические годы. Каждый из нас должен иметь право честно и искренне повторить слова поэта:

«И сам я, как сплошной беззвучный крик
Над тысячами тысяч погребенных,
Я — каждый здесь расстрелянный старик,
Я — каждый здесь расстрелянный ребенок,
Ничто во мне про это не забудет!»

Забуть мы не имеем права не только из чувства пиетета к памяти несчастных жертв, но и из-за заботы о будущих поколениях.

ОТ РЕДАКЦИИ. Автор настоящей статьи Анатолий Александрович Гольдштейн скончался в Нью-Йорке 25 февраля 1967 года. По специальности адвокат-криминалист, А. А. Гольдштейн был одним из главных сотрудников Института по Еврейским Делах при Всемирном Еврейском Конгрессе, и его статья основана на отчетах процессов германских военных преступников и других матерьялах, собранных Институтом.

ИОСИФ ГАР

ЕВРЕИ В ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАНАХ ПОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИЕЙ

(1941-1944 г.г.)

Накануне второй мировой войны население трех прибалтийских республик составляло пять с половиной миллионов, из них евреев было в Литве 150-160 тысяч, в Латвии 94 тысячи, в Эстонии 4½ тысячи всего 250 тысяч. По своему происхождению и характеру еврейское население Прибалтики было чрезвычайно пестро.

Еврейство Литвы в течение своей 700-летней истории проживало до первой мировой войны под властью литовских великих князей, затем под унией Литвы и Польши и под царской властью России. Латвийское еврейство состояло из двух основных групп: в юговосточной части Латвии — Латгалии большинство евреев находилось под влиянием русской культуры, а курляндские евреи жили в сфере немецкого влияния. Самым молодым и малочисленным еврейским коллективом в Прибалтике был Эстонский.

Местные евреи всегда играли большую роль в социально-экономической жизни прибалтийских стран. После того как эти страны приобрели независимость после первой мировой войны (Литва — 16 февраля 1918 г., Латвия — 18 ноября 1918 г., Эстония — 24 февраля 1918 г.) евреям пришлось приспособиться к создавшейся новой экономической обстановке. Несмотря на антиеврейские тенденции, господствовавшие в политике реакционных правящих кругов, евреям удавалось в течение ряда лет сохранять за собой влиятельные позиции в торговле и промышленности.

Процесс вытеснения евреев из хозяйственной жизни балтийских стран принял острые формы после того, как демократические конституционные системы управления были упразднены и установлены были диктаторские режимы. Быстрый рост нацизма и приход Гитлера к власти в Германии оказали заметное влияние на расширение и углубление антисемитских настроений в Прибалтике. А коммунистический режим, длившийся в трех Прибалтийских республиках лишь один год (1940-1941), мы имеем право рассматривать, как

сопровождавшуюся глубокими последствиями прелюдию к трагедии истребления евреев, начавшейся вскоре после немецкого нашествия на Сов. Россию в июне 1941 года.

1. СОВЕТСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО 1940-1941 г.

В результате пакта Гитлера и Сталина и других секретных дополнений к нему (см. книгу автора «Как произошло в Литве» (идиш), стр. 22 и 33-34), — Прибалтика становится сферой влияния Советской России, которая с начала второй мировой войны устраивает там свои военные базы, а 15-го июня 1940 г., на следующий день после падения Парижа, в пределы Литвы вступила Красная Армия; одновременно были оккупированы советами Латвия и Эстония. Во всех прибалтийских странах были отменены действовавшие режимы и созданы временные правительства. В июле 1940 г. во всех трех республиках была произведена избирательная комедия в «народные сеймы». Уже на первом заседании каждого из «сеймов» было решено отправить в Москву делегации, которым поручалось «просить» Верховный Совет принять эти страны в состав СССР. Верховный Совет, разумеется, не замедлил удовлетворить эти «просьбы» и все три республики были инкорпорированы в состав Советского Союза.

Вскоре после этого была проведена национализация промышленных предприятий, торговых фирм, капиталов, больших жилых домов. Проведена была также новая аграрная реформа. Деятельность всех общественных организаций и группировок как общих, так и еврейских, — кроме коммунистов, — была тотчас приостановлена. Все органы печати, кроме коммунистической, были ликвидированы. Повсеместно началась волна массовых арестов, не только ответственных представителей старого режима, но и общественных деятелей, игравших активную роль в ликвидированных организациях и учреждениях. Тюремь заполнились тысячами арестованных. Начался наплыв в Прибалтику советских чиновников и комиссаров. Бывшие владельцы национализированных домов, магазинов и фабрик высланы были из больших городов в провинцию.

Советизация прибалтийских стран повлекла за собой далеко идущие изменения во всех областях жизни еврейского населения. Коммунистический режим сильно нуждался в интеллигентных работниках, и в органы хозяйственного, административного и судебного аппарата было вовлечено не-

мало евреев. Хотя национализация главных отраслей хозяйства была направлена против всей буржуазии, без различия вероисповедания и национальности, она нанесла особенно тяжелый удар широким слоям еврейского населения. В Литве, например, из 986 национализированных промышленных предприятий 560, т. е. 57%, принадлежали евреям. Из 1.593-х национализированных торговых фирм евреям принадлежали 1.320 (83%). Большой материальный ущерб причинила евреям национализация домов и капиталов, а также аграрная реформа. Таково же было положение в Латвии и Эстонии. Без преувеличения можно утверждать, что национализация уничтожила вековые хозяйственные позиции евреев в Прибалтике и что на пороге гитлеровской эпохи, принесшей евреям физическое истребление, советский режим уже разрушил все основы еврейской экономики.

Чрезвычайно бурный характер имел финал советского владычества в Прибалтике. Уже в начале весны 1941 г. органы НКГБ в Балтийских странах принялись в спешном порядке составлять и представлять центру списки «контр-революционных элементов» по каждой из этих стран. В еврейской среде в эти засекреченные списки обычно зачислялись: 1) руководители сионистских организаций и постоянные сотрудники сионистской печати, 2) видные бундовские деятели и писатели, 3) руководители еврейских милитаристских формирований (Союз еврейских участников борьбы за независимость страны, Союз еврейских комбатантов, «Бетар», «Эл-Ал», ревизионисты).

В середине июня 1941 г. за неделю до вторжения немцев, в балтийских странах началась спешная депортация «неблагонадежных» элементов в Сибирь и другие области азиатской России. Из Литвы власти выслали в Сибирь около двадцати тысяч литовцев и около пяти тысяч евреев. Из Латвии депортации подверглось несколько тысяч евреев, а из Эстонии около пятисот евреев.

Несмотря на то, что депортации в Прибалтике коснулись тысяч евреев, — местные антисемиты пытались изобразить самый акт депортации, как «акт мести» со стороны местных евреев, направленный против местных уроженцев. Эта версия получила широкое распространение. Воинствующий антисемитизм использовал ее утверждая, будто депортацией руководили «еврейские» энкаведистские органы. В связи с этим в напряженной атмосфере Прибалтики ненависть к евреям дошла до точки кипения как-раз в тот момент, когда 22 июня 1941 г. началось наступление Гитлера на Советскую Россию.

II. ГОДЫ КАТАСТРОФЫ — 1941-1944 ЛИТВА

Уже в течение первой недели немецко-советской войны вся Литва была занята немцами. Когда был учрежден Райхскомиссариат «Остланд», Литва стала его составной частью под названием «Генеральный округ Литва». Главным комиссаром Литвы назначен был д-р Адриан фон-Рентельн, с резиденцией в Ковно, переименованном немцами в Кауэн. Немцы организовали административный аппарат из местных прогитлеровских элементов, во главе которых был поставлен бывший генерал литовской армии Петрас Кубилиунас.

Расправа с евреями в оккупированных территориях Восточной Европы — в том числе в Литве, Латвии и Эстонии — была возложена главным образом на так назыв. «Айнзац-группы», специально созданные немцами при выработке планов нападения на Советскую Россию. Их задачей была ликвидация в оккупированных областях целых национальных групп и, прежде всего, евреев. «Айнзац-группа А» причислялась к северной немецкой армии и действовала в Прибалтике. Отчеты, которые «Айнзац-группы» регулярно посылали в Главное Управление в Берлине с конца июня 1941 г. вплоть до апреля 1942 г., содержат сведения об истреблении еврейского населения в Литве и других прибалтийских республиках. Существенные данные по истории гибели еврейских поселений в Прибалтике мы находим также в отчете шефа «Айнзац-группы А», С. С. главы бригады Шталекера, охватывающем период с конца июня до 15-го октября 1941 года.

21 июня 1941 г. «Айнзац-группа А» двинулась с немецкой армией на северный отрезок советского фронта. 25 июня Шталекер со своей группой был уже в Ковно, которое немецкие войска заняли днем раньше. «Айнзац-группы» сопровождали также первые отряды немецких войск, занявшие Либаву, Митаву, Ригу, Тарту (Дерпт) и Таллин (Ревель).

КОВНО*

Немцы заняли Ковно 24 июня 1941 г. Военные операции совершались с молниеносной быстротой и лишь очень немногим евреям удалось своевременно эвакуироваться в глубь советской России. Пытавшиеся бежать были в большинстве застигнуты продвигающимися вперед отрядами

---

* Судьбе ковенских евреев под оккупацией и ковенскому гетто посвящены также воспоминания С. Грингауза «Гибель еврейской Ковны. Записи о пережитом».

немецкой армии. Многие евреи были задержаны членами литовских националистических дружин и тут же уничтожены. Небольшому числу беглецов удалось вернуться в Ковно. В руки гитлеровцев попало в Ковно около 35 тысяч евреев.

С 24-го на 25-ое июня в предместьи Вильямполь (Слободка) с большой жестокостью было истреблено около тысячи евреев. Десятки евреев были замучены на смерть на Витовском проспекте и в других местах. Во всех частях города было арестовано до 10 тысяч мужчин, женщин и детей. Арестованных свозили на седьмой форт старой ковенской крепости и в начале июля около семи тысяч евреев было там перебито; несколько тысяч женщин и детей перевели на 9-ый форт, оттуда их позже освободили. Сотни арестованных евреев были потом убиты в тюрьмах.

8 июля Гестапо вызвало несколько еврейских общественных деятелей и объявило им, что все ковенские евреи должны в течение одного месяца, — с 15 июля по 15 августа, — переселиться в гетто, которое будет находиться в предместьи Слободка. Через несколько дней этот приказ был развешен на всех улицах города. Для организации переселения в гетто евреям было предложено выбрать комитет, который впоследствии получил название «Совета старейшин еврейской общины в гетто». По просьбе членов совета, во главе его стал доктор Эльхонн Элькес. В ведении совета находились «гетто-полиция», отделы труда, хозяйства, продовольствия, квартирный, охраны здоровья и социального обеспечения, а короткое время также школьный отдел и суд. Летом 1943 г., когда гетто превратилось в концлагерь и перешло в ведение с.-с., наиболее важные функции Совета перешли к лагерному управлению и его начальнику Оберштурмбанфюреру Геке. Д-р Элькес, получивший титул «Обер-Юде» выполнял функции связи между населением гетто и комендантом лагеря. В состав Совета старейшин входили адвокаты Л. Гарфункель и Я. Гольдберг, раввин Снег, раввин Шмуклер, Г. Левин и др.

В приказе о переселении в гетто было также указано, что евреи должны носить желтые нашивки, что им воспрещается появляться на улицах с 8 ч. веч. до 6 час. утра и что конфискуются все принадлежащие евреям радио-аппараты.

17 июля 1941 г. Комиссаром города был назначен фюрер бригады С. А. Ганс Крамер, а референтом по еврейским делам фюрер штурмовиков С. А. Иордан. Для связи между магистратом и еврейским населением был назначен литовец Каминскас.

Городской комиссар тотчас же по вступлении в должность издал приказ, по которому евреям запрещалось хо-

дять по тротуарам, а только по мостовой, пользоваться публичными средствами передвижения, иметь телефон, держать христианскую прислугу, покупать продукты на базарах, передавать или продавать христианам свое имущество. Нарушение этих предписаний каралось смертью. Население гетто первоначально составляло 29.760 душ. В течение двух с половиной месяцев здесь проводились «ликвидационные акции», которые стоили жизнь тринадцати тысячам евреев. 28 октября состоялась «большая акция»: в этот день было отобрано свыше девяти тысяч мужчин, женщин и детей, которые были убиты на девятом форту. После этой «большой акции» в гетто оставалось 17 тысяч душ.

В ноябре-декабре 1941 года в Ковно привезли около 30 тысяч иностранных евреев, — главным образом из Франкфурта, Берлина, Бреславля и других мест. Всех их убили на 9 форту.

В начале 1942 г. из Ковенского гетто были депортированы в Ригу около пятисот человек на принудительные работы, а в конце октября 1942 были вновь высланы в Ригу 300 человек. 26 октября 1943 три тысячи человек отправлены были на работы в эстонские концлагери Клогу, Вайвери и другие.

После депортаций в Эстонию гетто превращено в «концентрационный лагерь Кауэн». Оно было тогда изъято из юрисдикции ковенского городского комиссара и С. А.-дружин и перешло в руки С. С. К концу 1943 г. началось массовое выселение из гетто в рабочие лагеря, на аэродром в ковенском предместье Алексот, в предместье Шанцы, в Кейданы, на железнодорожную станцию Палемона по близости Ковно, в Кошедары. 27 и 28 марта 1944 г. в гетто и в лагерях проведена была новая «акция», жертвами которой были дети моложе 12-ти лет, мужчины и женщины — старше 55-ти и инвалиды. Погибло около двух тысяч душ.

В июле 1944 г., когда началось успешное советское наступление и линия фронта стремительно приближалась к Ковно, немцы приступили к новым депортациям и ликвидации населения гетто и рабочих лагерей. Многим жителям гетто удалось укрыться в бункерах и других укрытиях, но немцы пустили в ход самые жестокие меры, чтобы обнаружить укрывшихся евреев. Несколько тысяч евреев, которым удалось спрятаться, погибли в огне в своих укрытиях. Около восьми тысяч евреев немцы депортировали в Германию. Мужчины были отправлены в концлагерь Дахау, женщины в лагерь Штутгоф, под Данцигом. До 80 процентов депортированных в Германию ковенских евреев погибло в лагерях, лишь горсточка их дождалась освобождения. Женщи-

ны были освобождены советами в январе 1945 г., мужчин в конце апреля того же года освободили американцы.

В общем итоге из 35.000 ковенских евреев, очутившихся в руках наци, уцелело всего несколько тысяч, остальные погибли смертью мучеников.

Принудительные работы. Обитатели гетто были вынуждены выполнять различные работы для немцев. Как бы тягостен ни был этот труд, люди цеплялись за него в надежде, что это отсрочит их гибель. Но каждая «акция», обрекавшая на гибель здоровых и работоспособных мужчин и женщин, наносила этим иллюзиям один удар за другим.

Гетто жило впроголодь, и евреи охотно шли на такие работы, которые давали возможность завязать сношения с христианами, чтобы купить у них кой-какие съестные припасы, которые можно бы было тайком при возвращении пронести в гетто. Во многих местах, однако, это не удавалось и после долгого, мучительного труда люди возвращались домой с пустыми руками.

На работы посылались мужчины от 14 до 60 лет и женщины от 15 до 55. Люди, обязанные выполнять трудовую повинность, составляли свыше 60% населения гетто. Самые тяжкие условия работы выпали на долю тех, кто был прикреплен к ковенскому аэродрому. Там работа шла и днем и ночью в жуткой обстановке. Аэродром находился на расстоянии 5-6 километров от гетто, и рабочим приходилось ежедневно совершать пешком десять-двенадцать километров. Работало на аэродроме ежедневно несколько тысяч евреев. В гетто сложились народные песни, оплакивавшие тяжелую долю «аэродромщиков».

Десятки небольших еврейских рабочих бригад обслуживали немецкие военные единицы, городские фабрики и т. д. В самом гетто функционировали «Большие мастерские», где полторы тысячи мужчин и женщин выполняли заказы Вермахта и других военных единиц. Несколько сот евреев работало в «маленьких гетто-мастерских», обслуживавших нужды населения гетто.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Недельный продовольственный паек, установленный ковенским городским комиссаром на каждого жителя гетто, составлял 700 граммов хлеба, 125 гр. мяса (преимущественно конины) и 125 гр. муки. Время от времени выдавалось по несколько кило картофеля. Те, которые выполняли работу, получали небольшой дополнительный паек. Чтобы не умереть с голоду жители гетто вынуждены были прибегать

к нелегальным способам добывания пищи, но это могли делать только те, кто работал в городе. Люди умудрялись, улучив минуту уйти с работы, снять с себя желтую нашивку, пробраться в ближайший христианский дом и там приобрести кой-какие продукты. Многие, однако, попадали при этом в руки литовской полиции, которая передавала их гестапо, и там их расстреливали.

Большую роль в снабжении гетто играла контрабанда, доставлявшаяся через ведущую в гетто ограду. Завелись специалисты по «торговле через ограду», у которых были связи с местными спекулянтами-христианами, поставлявшими продукты. В эти сделки были втянуты стражники, охранявшие доступ в гетто и получавшие за свое содействие хорошую плату.

Разными путями добывали себе пропитание жители гетто. Люди, работавшие в лучших рабочих бригадах, умудрялись, идя на работу, захватить с собой что-нибудь из одежды, обуви, белья или домашней утвари, чтобы продать кому-нибудь из работавших рядом с ними христианам или обменять на продукты. На обратном пути приходилось изловчиться, чтобы пронести в гетто нелегально добытую еду. В гетто появились посредники, которые снабжали людей, работающих в удобных местах, различными вещами для продажи в городе. Другие посредники перепродавали контрабанду в тайные лавочки или отдельным лицам.

Во время, свободное от трудовой повинности, еврейские ремесленники выполняли на дому частные заказы, работая на своих соседей по гетто и на продажу из гетто. Рабочие шили шапки, головные платки, передники и пр. для сбыта в деревнях; в эту индустрию были втянуты многие, преимущественно женщины. После первой волны массовых истреблений жизнь уцелевших в гетто некоторым образом стабилизировалась, и в этой своеобразной обстановке начался процесс дифференциации, — сформировались какие то социальные «слои». Стали возникать конфликты. К новой «аристократии» принадлежали высшие чины гетто — администрации, руководители крупных и лучших бригад, а также те, которые занимались спекуляцией в большом масштабе и стали «богачами». Работавшие на аэродроме и в других трудных местах с завистью и ненавистью смотрели на этих «избранных».

В виду того, что немцы считали евреев ремесленников наиболее полезным элементом, сотни евреев — бывших лавочников, торговцев, людей свободных профессий — становились столярами, каменщиками, сапожниками и другими ремесленниками. Следует отметить большую заслугу школы,

устроенной под руководством деятеля ОРТ'а, агронома Якова Олийского.

Спротивление. В 1942 г. в среде организованной молодежи созрела мысль вырваться из гетто и примкнуть к советским партизанским отрядам в лесах, в районе Вильно. Осуществление этого плана было затруднено тем, что очаги партизанского движения находились далеко от Ковно и было крайне рискованно пускаться в столь далекий путь, где легко можно было попасть в руки лицовцев, относившихся к евреям враждебно и выдававших каждого задержанного еврея в Гестапо.

Летом 1943 г. слухи о восстании в варшавском гетто и советские победы на восточном фронте дали толчок партизанскому движению в ковенском гетто. К этому времени в гетто образовался подпольный комитет для поддержки партизан, в состав которого вошли представители нелегальных общественных группировок. С осени 1943 года до весны 1944-го из гетто удалось вырваться нескольким сотням молодых людей, примкнувших к различным партизанским отрядам и героически боровшихся с наци. В ряде мест им пришлось пережить много неприятностей от антисемитски настроенных партизан.

Руководителем партизанского движения в гетто был Хаим Елин. В апреле 1944 г. он попал в руки Гестапо и был убит. После войны советское правительство посмертно наградило орденом Отечественной войны Елина, а также двадцать погибших бойцов из подпольного комсомола в Ковно за их деятельность во время немецкой оккупации, в том числе Меера Лурье, Або Дисконта, Эли Шмуэлева и Израиля Мильштейна.

Кроме членов организации партизан, в конце 1943 г. и в начале 1944 удалось бежать из гетто отдельным евреям и небольшим группам, для которых приготовили убежище их друзья — христиане. Около ста евреев из гетто скрывались в бункере вблизи местечек Юрбурга, но немцы летом 1944 г. выследили их и почти всех расстреляли.

Однако, число евреев, которым удалось вырваться из гетто было относительно невелико; стали подумывать о том, как бы в самом гетто соорудить т. наз. «малины» (специальные укрытия, бункеры), где можно было бы укрыться в момент несчастья. Их строили большей частью под полом жилья или дома соседнего с жильем. Необходимо было заготовить там запасы воды (в больших бункерах были внутри колодцы) и съестных припасов, так как пребывание в убежище должно было быть рассчитано на длительное время. В некоторых «малинах» имелись радио-аппараты для

поддержки связи с внешним миром. Наряду с частными «малинами», рассчитанными на несколько семейств, существовали также общественные «малины», сооруженные нелегальными группировками для своих членов. Многие сооружения были сделаны так искусно, что во время ликвидации гетто, гестаповцам не удалось их обнаружить даже при помощи полицейских собак. Тогда они подожгли и взорвали многие жилые дома в гетто вместе с этими «малинами».

С движением сопротивления связано и происшествие на 9-ом форту в нескольких верстах от Слободки. После немецких поражений на советском фронте они торопились замести следы своих злодеяний. Сожжение трупов на 9-ом форту было поручено бригаде, состоявшей из 60-70 человек. Кроме нескольких десятков евреев-советских военнопленных, все остальные в бригаде были жители ковенского гетто, частью задержанные на пути к партизанским отрядам. Они сжигали ежедневно около 400-500 трупов убитых; всю работу надлежало закончить к весне 1944 г. Несомненно, по выполнении этой работы Гестапо расстреляло бы всех участников бригады, чтобы не осталось в живых ни одного свидетеля нацистских злодеяний.

Инициативная группа бригады выработала после конспиративной подготовки тщательный план побега с форта, требовавшего буквально легендарного мужества. План был осуществлен в ночь с 24 на 25 декабря 1943 г. Многие из бежавших были схвачены гестаповцами, немедленно организовавшими погоню, и расстреляны. Но небольшой группе беглецов удалось прокрасться в гетто и оттуда уйти в леса в отряды партизан.

Общественные группировки, причастные к движению сопротивления, издавали нелегальные воззвания и бюллетени. Некоторые из них хранятся в настоящее время в виленском Государственном Музее. Особое место занимает среди них древне-еврейское издание «Ницоц» (Искра).

ШАВЛИ

В течение трех лет нацистской оккупации Литвы гетто существовало, помимо Ковно, только в Шавлях, втором по величине городе независимой Литвы. К началу немецко-советской войны в Шавлях находилось около десяти тысяч евреев. Одной тысяче удалось бежать в Советскую Россию; многие пытавшиеся эвакуироваться в Россию, были перебиты в пути литовскими националистическими партизанами.

26-го июня 1941 г. немцы заняли Шавли. Еще до их

прихода начались нападения литовцев на евреев. 28 июня были проведены массовые аресты евреев мужчин; около тысячи человек было расстреляно в Кужийском лесу, в окрестностях Шавель.

После того, как был издан ряд анти-еврейских распоряжений власти опубликовали приказ о переселении в гетто, которому были отведены два района: в предместье Кавказ, по соседству с еврейским кладбищем (т. наз. Кавказское гетто) и в переулках, примыкающих к фабрике Френкеля (Трокское гетто). В этих двух гетто в неимоверной тесноте ютилось пять тысяч евреев, в том числе около трех с половиной тысяч шавельцев. Остальные 1.500 были жители соседних пунктов, бежавшие в Шавли, спасаясь от литовских погромщиков. Для заведывания гетто был создан Совет Старейшин в составе пяти человек — М. Лейбович (председатель), Б. Картун (вице-председатель), Б. М. Абрамович, А. Гелер, Ф. Рубинштейн. Секретарем был А. Кац. Совет старейшин назначал районных администраторов — по три для каждого гетто.

Первоначальный план нацистских Айнзац-групп состоял в том, чтоб перебить всех шавельских евреев. Но окружной комиссар Гевеке был против этого: он опасался, что в результате истребления евреев, останутся крупнейшие промышленные предприятия в Шавлях, так как все специалисты в них были евреями. Он вел по этому поводу переписку с высшими нацистскими инстанциями в Риге и Ковно. В письме от 10 сентября 1941 г. Генеральному Комиссару Литвы фон-Рентельну Гевеке писал:

«В шавельском окружном комиссариате проживало до нашего прихода много евреев... теперь почти весь округ — «юденфрай». Единственным исключением является город Шавли, где проживает около шести тысяч евреев. После депортаций... останется около четырех тысяч евреев (включая членов семейств) которые можно будет использовать для специальных работ. К этому я хочу добавить, что в Шавлях имеется крупная индустрия, в которой специалистами являются исключительно евреи. Без участия евреев нельзя производить здесь никаких работ, особенно в кожевенной промышленности, где все специалисты — сплошь евреи. Начальнику уезда и бургомистру уже предписано, чтобы при каждом еврее специалисте находились литовцы на фабриках, которые приобретали бы профессиональные навыки; это даст возможность со временем окончательно разрешить еврейский вопрос без ущерба для хозяйства. Я надеюсь, что на основе нашей беседы и настоящего доклада Вы убедитесь в том, что в Шавельском округе разрешение еврейского вопроса проводится с надлежащей интенсивностью и национал-социалистической твердостью».

Тем временем массовые экзекуции евреев в Шавлях продолжались. 11 сентября 1941 г. были убиты 130 человек, на следующий день — 30. 15 сентября началась выдача евреям желтых паспортов, многие старики были вывезены при этом из гетто и убиты. После этих расправ жизнь в гетто постепенно стабилизировалась; стали активно работать учреждения, подведомственные Совету старейшин. В конце 1941 г. в гетто была открыта больница. Помещения на еврейском кладбище, находившемся в пределах гетто где производились омовения покойников и жили сторожа, были перестроены и превращены в больницу. В обоих гетто были открыты амбулатории. В больнице и в амбулаториях работали почти все находившиеся в гетто врачи.

В гетто было хорошо поставлено дело социального обеспечения; помощь оказывалась евреям, оставшимся совершенно без средств к существованию. Для детей школьного возраста была тайная школа. Опасаясь немцев, детей разделили на небольшие группы, и обучение производилось в разных помещениях.

Летом 1942 г. вошел в силу приказ, запрещающий беременность среди евреев.

Летом 1942 г. в гетто появились первые кружки подпольной группы сопротивления, носившей имя «Масада». Целью группы было снабжение гетто оружием и установление связи с советскими партизанами. К «Масаде» принадлежала молодежь различных направлений. Совет старейшин оказывал содействие этой организации, «Масада» поддерживала связь с сопротивлением в Ковенском гетто. Небольшому числу участников «Масады» удалось вырваться из гетто и связаться с партизанами. В кружках «Масады» велась также культурная работа. Время от времени издавались нелегальные листовки, призывавшие к сопротивлению.

Принудительные работы. Шавельские евреи работали на городском аэродроме, в немецких рабочих лагерях, на кожевенных заводах Френкеля, в предприятиях городского управления, на разных фабриках и мастерских. В течение некоторого времени еврейские женщины работали в литовских семьях в качестве домашней прислуги. В самом гетто имелись мастерские, работавшие для нужд Вермахта. В летние месяцы евреев отправляли на торфяные разработки. Небольшие группы работали в разных местах в окрестностях Шавель. До конца 1942 г. на этих принудительных работах платили по несколько марок в день. Половина заработка отчислялась в пользу Окружного Комиссариата. Спустя некоторое время плату понизили до трех марок в месяц.

По приказу шавельского Окружного Комиссара, в де-

кабре 1942 г. все специалисты были поселены в Троцком гетто, а чернорабочие — в Кавказском районе. Осенью 1943 г. шавельское гетто было изъято из ведения Окружного Комиссара и перешло в руки эсесовцев. Оно было превращено в лагерь и формально причислено к «Концентрационному лагерю Кауэн». Тогда начали направлять большие группы евреев в новые рабочие лагеря: 500 лагерников на шавельский аэродром, 250 — на оружейные заводы в Линкайчах, 250 — на кирпичный завод в Даугель (вблизи местечка Куршан), 250 — на сахарный завод в Павенчай, такое же число на цементный завод в местечко Акмяны. В мае 1944 г. несколько сот шавельских евреев отправили в Поневеж, где начали строить аэродром. Незадолго до этого в Шавли перевели 500 человек из лагеря в Ионишках; это были уроженцы Сморгони и других пунктов виленского района. Они долго выполняли работы по т. наз. Организации Тодта.

Истребление детей и стариков. 5-го ноября 1943 г. в шавельском гетто была проведена акция истребления детей до 12-ти лет, стариков и больных. Руководил истреблением евреев эсэсовский командир Ферстер; участие в «акции» принимали наряду с немцами украинцы, сторожа лагерей. Число погибших в этот день доходило до 800; с большим риском удалось спасти двести детей. По окончании «акции» Совет Старейшин был распущен. Председатель М. Лейбович был назначен старшиной лагеря; его потом сменил Т. Паризер, немецкий еврей, очутившийся в шавельском гетто.

Ликвидация гетто и депортация. Ликвидация шавельского гетто началась в первой половине июля 1944 г. Сначала стали свозить в Шавли евреев из окрестных лагерей. В течение нескольких дней шла депортация в концентрационный лагерь Штутгоф. Стариков и больных прикончили в Штутгофе. Женщин, при которых были спасшиеся дети, отправили в Аушвиц. Мужчин и около двухсот женщин отправили в Дахау на работы. Более молодых и здоровых женщин, при которых не было детей, разослали из Штутгофа в разные лагеря Восточной Пруссии. Очень немногим шавельским евреям, попавшим в немецкие концлагеря, суждено было дожить до освобождения.

Гибель еврейских общин в Литовской провинции. По отчетам «Айнзац-групп» видно, что к концу декабря 1941 г. т. е. в первое полугодие нацистского владычества в Литве, погибло свыше 136.000 евреев, из них 30.000 в Ковно и в Шавлях и около 100 тысяч — в других городах и местечках. Самым страшным для провинциальных общин Литвы были месяцы август и сентябрь 1941 года.

О разгроме еврейского населения в литовской провинции опубликовано до сих пор мало данных. Многие еврейские общины были целиком стерты с лица земли, так что не осталось в живых ни одного свидетеля гибели мучеников в этих местах. Из имеющегося материала однако вытекает с ужасающей ясностью факт, что в истреблении евреев принимали активное участие литовцы, принадлежавшие к различным слоям населения. Большинство этих литовцев бежали в Германию летом 1944 г., когда немцы отступали от Литвы. В Германии они проживали в качестве ди-пи и пользовались поддержкой «Унра», «Иро» и других организаций, оказывающих помощь пострадавшим от нацизма. Потом они эмигрировали в Америку и другие заокеанские страны.

На первой конференции литовских евреев-выходцев из немецких концлагерей, состоявшейся в Мюнхене в 1947 г., была принята декларация, в которой между прочим говорится следующее («Унзер Вег», Мюнхен 22 июля 1947).

«Конференция констатирует, что все слои литовского народа принимали активное участие, наряду с немецкими палачами, в истреблении литовского еврейства, особенно в провинциальных городах... Мы, горсточка людей, уцелевших от 160-тысячного литовского еврейства, являемся живыми свидетелями чудовищных жестокостей, совершенных литовцами с их соседями-евреями... С глубокой болью вынуждены мы установить, что небольшие еврейские общины в провинциальных городах были уничтожены исключительно литовцами, а более крупные общины, при их активном участии. Нам также известно, что литовцы принимали активное участие в истреблении евреев в гетто и в лагерях за пределами Литвы — в Майданеке, в Варшаве и других местах. Союз литовских евреев в Германии считает своим национальным и человеческим долгом довести эти факты до сведения еврейского и не-еврейского общественного мнения».

Некоторое представление об обстоятельствах гибели евреев в литовской провинции дают нам два следующих свидетельства.

В феврале 1945 г. в виленской литовской газете «Tiesa» (Правда), органе Ц.К. литовской коммунистической партии, было помещено литовцем П. Янушайтисом описание гибели евреев Поневежа. По его словам, созданное в Поневеже гетто просуществовало всего несколько недель. В сентябре 1941 г. евреи из гетто были переведены в имение Пайост, находящееся в пяти километрах от Поневежа. Здесь евреев ожидали свежескопанные в лесу огромные братские могилы. Автор сообщает следующие подробности:

«Однажды утром поневежских евреев взяли в Пайост на расстрел. Сюда привели в течение дня несколько тысяч человек. К месту экзекуции людей гнали колоннами по двести душ в каждой. Им приказано было становиться на колени на краю могилы под охраной полиции, вооруженной гранатами. Расстреляв одну колонну, пригоняли к могиле другую. Жители соседних деревень днем и ночью слышали непрерывный треск пулеметов и страшные вопли жертв. Палачи вырывали детей из рук рыдающих матерей и расстреливали... Многих детей бросали в могилы живыми. Чудовищные убийства продолжались день и ночь. Под утро пайостские ямы были заполнены доверху трупами жертв. Неподалеку, на опушке леса валялись горы одежды и обуви. Закончив свою кровавую работу, палачи выбирали из этих куч что получше и уходили. Возле могил оставалась стража. После расстрелов были доставлены советские военнопленные, которые засыпали ямы землей».

Некоторые данные о гибели евреев Тельши и соседних местечек поведала в октябре 1944 г. сотруднику ковенской газеты «Tarybu Lietuva» (Советская Литва) Р. Варяяс, еврейская девушка, которой удалось найти убежище в христианской семье:

«...В пяти километрах за Тельши начинаются рощи. В одной из них находятся семь огромных ям. В этих ямах и в братских могилах возле Геруля лежат трупы шести тысяч евреев, жителей Тельши и окрестностей. Когда немцы заняли Тельши, всех евреев загнали в гетто... Деньги и вещи были у них отобраны. Потом мужчин отделили от женщин и детей. Мужчин погнали в лес поблизости от Тельши... потом и нас, женщин и детей, повели в лес. Там уже были вырыты ямы. Нас стали гнать к ямам, и палачи открыли стрельбу по толпе. Стрельба продолжалась долго. Все время шел дождь, винтовки отсырели и плохо действовали. Палачи больше не могли стрелять и некоторые из нас остались в живых. Тогда нам было приказано закопать расстрелянных. В Райнерском лесу лежат около двух тысяч трупов. Остальные, главным образом женщины и дети, были расстреляны в Геруле. Там погибло около четырех тысяч человек».

Описанные здесь зверства имели место и в других литовских местечках, где жили евреи.

Сообщение Советской комиссии о результатах обследования нацистских преступлений в Литве. 20 декабря 1944 г. в советской прессе было опубликовано «Сообщение» чрезвычайной Государственной комиссии, которой было поручено обследовать преступления, совершенные германскими фашистами, нападшими на Литовскую ССР, в годы оккупации. В этом обширном документе рассказывается также о рас-

стрелах в Понарах под Вильно и на 9-ом форту в Ковно. Согласно данным комиссии в Понарах погибло сто тысяч «мирных жителей» (надо читать: преимущественно евреев), а на 9-ом форту — свыше семидесяти тысяч. Документ заканчивается длинным списком нацистских военных преступников, которые находились в Литве в годы оккупации и несут ответственность за убийства.

Суды над военными преступниками. Наряду с нацистскими сановниками, которых судил Международный Военный Трибунал в Нюрнберге, и командирами Айнзац-групп, чьи дела разбирал американский военный суд (дело № 9), на скамье подсудимых оказались и другие военные преступники, участвовавшие в истреблении литовского еврейства. Их судили американские военные суды в Дахау и в других местах. Некоторые судебные процессы имели место и в Советской Литве. В итоге, однако, только очень немногие преступники были судимы. Большинству удалось при помощи разных уловок избежать ответа на суде.

Среди процессов, в которых фигурировали палачи литовского еврейства, особое место нужно отвести процессу в Ульме (Германия) 28 апреля 1958, где судили членов Айнзац-групп, обвинявшихся в убийстве пяти с половиной тысяч евреев — жителей ряда городов неподалеку от немецкой границы (Горзды, Поланген, Кретинга, Тауроген, Вержболово, Кудиркос Науместис (б. Владиславов), Юрбург и др.). Решением суда, вынесенным в конце сентября 1958 г., обвиняемые были приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Для полноты картины необходимо упомянуть о людях чистой совести среди литовцев, которые в пору нацистских зверств протягивали руку помощи евреям, рискуя при этом жизнью. Литовцев этого типа было очень немного. В Ковно помогали евреям иезуит Алойз, монахиня Брокайтите, профессор Туменас, писательница София Чурлионене и ее дочь, профессор Мажелис, священник Паукштис, оперный певец Кипрас Петраускас, доктор Курторгене и др. Шавельским евреям оказывали помощь доктор Бакштис, Бугайлишкис, дочь адвоката Венцлаускаса, поэт Янкус, доктор Иосайтис, священник Лапис, бывший бургомистр Санецкис, учитель Петрайтис, монах Повилас, Календра и др. В местечке Алседжай, в районе Тельши, большое мужество выказал местный священник Дамбраускас, выступая в защиту евреев. В Тельше евреям оказывала помощь сестра генерала Плехавичиуса. В районе Пильвишки крестьянин Завадзкас прятал евреев у себя в бункере. Так-

же и в других местах встречались, преимущественно в крестьянской среде, литовцы, спасавшие евреев-одиночек. Имена этих человеческих людей из литовской среды останутся навсегда в нашей памяти наряду с именами людей высокой морали среди других народов.

ЛАТВИЯ

Немецкие войска заняли Латвию в первые недели войны. В июле 1941 г. Латвия вошла в состав Генерального Комиссариата «Остланд» и официальное название страны на годы оккупации стало: «Латвийский генеральный округ». Генеральным Комиссаром Латвии был Дрекслер; его местопребывание была Рига, где находился также Рейхс-Комиссар Остланда — Генрих Лоозе. Из латышских пронацистских элементов были назначены «генеральные советники», коллаборировавшие с немцами, и «главным советником» был назначен генерал латвийской армии Оскар Данкерс.

В отчетах Айнзац-групп и в отчете Шталекера имеется много информации об истреблении еврейского населения Латвии и о судьбе каждой еврейской общины в эпоху оккупации.

РИГА

Антиеврейские эксцессы. Сожжение синагог. Немецкие войска заняли Ригу 1-го июля 1941 г., спустя девять дней после начала войны. Еврейское население города, попавшее в руки немцев, составляло около сорока тысяч.

Как только Советы стали покидать Ригу, латышские гитлеровцы начали проводить массовые аресты евреев. Было арестовано около семи тысяч мужчин и женщин. Аресты сопровождались гнусными издевательствами, многие были расстреляны.

4-го июля начались поджоги синагог, о которых рассказывает рижанин Иона Родинов: «Сначала была подожжена знаменитая хоральная синагога на улице Гоголя. В этой синагоге нашли приют евреи, эвакуированные из Шавель, Поневежа и других литовских городов и местечек. Туда же фашисты загнали евреев из соседних домов. Когда начался поджог, несчастные пытались спастись через окна, но палачи предусмотрительно расставили пулеметы вокруг горящей синагоги и стреляли в каждого, кто пытался спастись. У стен хоральной синагоги дежурили пожарные, следившие за тем, чтобы огонь не перебрался на соседние дома. В тот же день были подожжены молельня и дом омовения покойников на старом еврейском кладбище, на Московском форштадте. Сюда были согнаны

евреи, жившие на соседних улицах и выброшенные из трамваев... Сожжены были также синагога на Московской улице, Рейсшисская молельня на Ильенской улице, синагога на Зайлинской улице и др. В то же время на улицах были зажжены костры, куда бросали свитки Торы, книги религиозного содержания, еврейские картины... 11 июля была сожжена молельня на Мельничной улице, переполненная молящимися...»

В конце июля была учреждена немецкая гражданская администрация, а 28-го июля издан был приказ о ношении желтой нашивки и вслед затем ряд других распоряжений, направленных против евреев.

Гетто. В начале сентября 1941 года был издан приказ о создании гетто в Московском Форштадте. Был образован Совет Старейшин, в который вошли Блюменталь, Минскер, адвокат Эльяшев, доктор Блюменфельд, адвокат Минц и др. 25 октября переселение в гетто было закончено. В его пределы вошло около тридцати тысяч евреев. Была создана гетто-полиция, устроены госпиталь, амбулатория, аптека и другие учреждения.

Гетто (т. н. большое гетто) существовало до 30-го ноября 1941 г. Оно охранялось латышской и немецкой полицией. На евреев беспрестанно сыпались жестокие распоряжения властей; конфисковали деньги, ценные вещи и другое имущество. Из-за тесноты в гетто для стариков пришлось отвести особые убежища на Лудзкой улице и Блехерской площади. Разные специалисты в гетто получали особые желтые трудовые книжки. Некоторым ремесленникам были выданы особые удостоверения с отметкой «W. J.» (*Wirtschaftlich wertvoller Jude*).

Массовые истребления в конце 1941 г. Осенью 1941 г. Ригу посетил Альфред Розенберг, рейхсминистр оккупированных восточных областей, и судьба рижского гетто была решена. 29-го ноября молодых и работоспособных мужчин перевели в особый лагерь («казернир-лагерь»), организованный в очищенном от населения районе гетто. В тот же день гестаповцы вместе с латышами согнали в одно место стариков, женщин и детей и на следующее утро, 30-го ноября, начали перевозить их группами в лес, находившийся между Шкиратовым и Румбули, в 16 километрах от Риги, и там все они — около десяти тысяч человек — были расстреляны. Экзекуцией руководил генерал Екельн, начальник полиции в «Остланд». Ему помогали местные латышские гитлеровцы Арайс, Данскоп, Зукурс и др. «Акция» продолжалась от 7 до 9 декабря. В течение этих трех дней погиб-

ло около двадцати пяти тысяч евреев, почти 80% населения гетто.

Подробности этой «большой акции» сообщает очевидец Ф. Лейбович:

«Я забрался на чердак дома на углу Лудзкой и Линкской улиц и смотрел через щель на то, что происходило на Садовниковской улице. Формируют колонны. Стрельба все слышнее. Идут женщины с детьми на руках. Идут старики, опираясь на плечи женщины. Люди боятся оглядываться по сторонам. Мне бросается в глаза грубое лицо полицейского Тухеля: сидя на велосипеде, он стреляет из своего револьвера в проходящих мимо людей. Гестаповцы рыщут, как гончие собаки, и стреляют во всех отстающих. Один из них приближается к маленькой девочке, которая в испуге мечется из стороны в сторону и стреляет в ее голову. Девочка падает. Убийца отбрасывает ее тельце ногой; оно валяется на тротуаре. Латышские полицейские врываются в ряды, не переставая стрелять. Я вижу, как они топчут ногами трупы убитых. Женщины, отступаясь о трупы, падают, и латышские стражники их тут же пристреливают... У меня начинает кружиться голова, темнеет в глазах, я чувствую приближение обморока. Когда я возвращаюсь в комнату, у меня едва хватает сил, чтобы закричать: «Евреи, беда! Истребляют наших жен и детей! Читайте псалмы!»

При разгроме рижского гетто погиб знаменитый еврейский историк проф. С. М. Дубнов, который после прихода Гитлера к власти покинул Берлин и поселился в Риге. Тут он выпустил ряд исторических работ, в том числе полное издание своей «Всемирной истории еврейского народа» на русском языке и «Историю хасидизма» на иврит. В Риге он также выпустил свои мемуары («Книга жизни» 3 тома).

В лагере. После этих массовых истреблений, в «казернир-лагере», носившем название «малого гетто», осталось четыре тысячи мужчин. Несколько сот человек работали на добыче торфа. Во главе Совета Старейшин «малого гетто» стоял Кельман, в Совете работал также Ш. Витенберг, бывший депутат латвийского сейма.

В конце 1941 г. в Латвию начали прибывать евреи, депортированные из Германии, Австрии, Чехословакии. Около пятнадцати тысяч евреев из Третьего Рейха были поселены в Риге в нескольких переулках прежнего «большого гетто», а несколько тысяч отправлены в лагерь недалеко от Риги. Многие транспорты направлялись прямо с рижского вокзала в окрестные леса и были там истреблены.

Гетто, в котором жили немецкие евреи (называли его «немецким гетто»), находилось в ведении Гестапо, а «малое гетто» было подведомственно Окружному Комиссариату.

Комендантом обоих гетто был Оберштурмфюрер Курт Краузе.

Затем начали отправлять евреев из гетто в «лагеря-казармы» поблизости от мест работы: АБА по снабжению армии — в предместье Риги Мильграбен; АЭГ (или Веф) фабрика электрических кабелей; «Динаверке» в помещениях фабрики «Проводник»; Юмправмуйза — во дворе в нескольких километрах от Риги по соседству с Румбули, — где были истреблены десятки тысяч евреев латвийских и депортированных из других стран; Попервален (вблизи местечка Дундаген); Шпильве — по соседству с рижским аэродромом, и ряд других лагерей.

Подготовка вооруженного сопротивления. В рижском гетто была предпринята попытка организовать вооруженное сопротивление против наци. Уже в 1942 г. возникла подпольная организация для сбора оружия. Для этого удалось использовать то, что еврейская рабочая команда была занята на рижской пороховой башне сборкой и сортировкой оружия для Вермахта. Разными путями, рискуя жизнью, евреи понемногу собрали немалое количество оружия и спрятали его в гетто в искусно замаскированном бункере, куда войти можно было через отверстие в печи. В погребах гетто молодежь обучалась стрельбе и обращению с оружием. По соседству в другом бункере хранились съестные припасы и медикаменты. В конце октября 1942 г., неподалеку от Риги гестапо задержало грузовик, в котором ехало около десятка вооруженных юношей из гетто, чтобы присоединиться в лесах Латгалии к советским партизанам. В завязавшей перестрелке погибло несколько гестаповцев и почти все евреи. Нескольким раненым партизанам удалось укрыться в лесной чаще. Мстя за убитых гестаповцев, немцы убили около ста пятидесяти евреев в рижском гетто.

Летом 1943 г. гестапо обнаружило подпольный склад оружия и произвело массовые аресты в гетто и в лагерях. Большинство арестованных были убиты, остальные отправлены на тяжелые работы, где скоро нашли свою смерть. Только одиночки дождались освобождения. К числу руководителей сопротивления принадлежали: инженер А. Окунь, И. Баг (Вишкин), Ботвинник, Г. Загавалов, Е. Лат, инженер Михельсон, Р. Крамер и др.

Ликвидация гетто. Спустя несколько недель после обнаружения склада оружия началась ликвидация рижского гетто. Евреев стали переселять в концентрационный лагерь

Кайзервальд, где были сосредоточены все уцелевшие евреи из Латвии.

2-го ноября 1943 г. в рижском гетто произошла новая «акция»: ее жертвами были старики, больные и дети — около двух тысяч душ. После этой бойни оставшиеся жители гетто были группами переведены в Кайзервальд или в рабочие лагеря, принадлежащие к этой лагерной системе. Рижскому гетто, просуществовавшему два года, пришел конец.

ДВИНСК

В конце июня 1941 г. немецкие войска вступили в Двинск, второй по величине город Латвии. 2-го июля оккупационные власти издали приказ, по которому мужчины евреи должны были явиться на базарную площадь. Многих оттуда увели в лес и расстреляли, остальных заперли в двинскую тюрьму. Вскоре одних заключенных перевели в созданное гетто, а других перебили.

15-го июля были сожжены синагоги. Был издан приказ, чтобы все евреи одели желтые нашивки (в двинском гетто мужчины носили три нашивки — на левом колене, на груди и на спине, а женщины — две — на груди и на спине). Гетто находилось в помещениях старой двинской крепости, на Гривском (Курляндском) берегу Двины. Понтонный мост соединял гетто с внешним миром. 25-го июля создание гетто было закончено. В гетто находились также евреи соседних местечек.

В августе 1941 г. в гетто было проведено несколько массовых экзекуций. В дни 9–11 ноября проведена была «большая акция», при которой погибло около пяти тысяч евреев; большинство было истреблено недалеко от курорта Погулянки. После этого в гетто осталось всего около тысячи человек.

1-го мая 1942 г. двинское гетто было ликвидировано. Несколько сот евреев, оставшихся в живых, были отправлены в казармы по соседству с местом их работы. В конце октября 1943 г. лагеря-казармы были закрыты и большинство евреев переведено в концлагерь «Кайзервальд».

ЛИБАВА

Немецкие войска заняли Либаву 29-го июня 1941 г. В городе проживало в ту пору около девяти тысяч евреев. Уже в июле была перебита почти половина еврейского населения, — главным образом мужчины. Синагоги, еврейские культурные и религиозные учреждения подверглись разгрому.

Истребление евреев в Либаве приняло столь чудовищные формы, что даже нацистский рейхс-комиссар «Остланда» Генрих Лоозе высказал свое неудовольствие. Впрочем, он был недоволен только тем, что убивают работоспособных людей, которые могут быть полезны Вермахту. По этому поводу имела место переписка между Лоозе и Ост-министерством в Берлине, которое разъяснило, что при истреблении евреев не следует считаться с хозяйственными интересами. После этого начались новые массовые истребления.

В конце июня 1942 г. было создано гетто в Старой Либаве. В него поместили около 800 евреев, из них двести мужчин. Во главе Юденрата был поставлен Израиль Израэлит, шефом полиции был адвокат Каганский. Больницей в гетто заведывали доктора Вайнрайх и Зик. Гетто было ликвидировано 8-го октября 1943 г. Уцелевших депортировали в концлагерь Кайзервальд.

МИТАВА И ДРУГИЕ ПУНКТЫ

С еврейским населением Митава немцы расправились в июле 1941 г.: часть евреев погибла в стенах подожженной синагоги, другие были расстреляны на еврейском кладбище.

В Тукуме евреев согнали в большую синагогу и там сожгли. Там же погибли и жители окрестных местечек. Их судьбу разделили цыгане, жившие в Тукуме и окрестностях. В Сабиле евреев истребили в нескольких километрах от города. Во время массовых экзекуций в Виндаве власти выразили готовность пощадить городского врача, старого доктора Файтельберга, но он отказался от этой милости и предпочел умереть вместе с другими евреями.

Большинство евреев Режицы погибло в Випингском лесу. Летом 1944 г. в Режицу из центральной рижской тюрьмы была доставлена группа заключенных, которые выкапывали трупы и сжигали их, чтобы замести следы происшедшего.

Жители Зилупы были перебиты в нескольких километрах от местечка у моста. В Люцине после экзекуции осталось в живых триста евреев; их поместили в местной синагоге, превращенной в гетто. Потом их перевели в двинское гетто, где они разделили судьбу местных евреев. В Прейле евреев жителей Двинской и Ружанской улиц перебили 26-го июня 1941 г., а остальных — 4-го и 8-го августа.

Еврейское население других провинциальных пунктов Латвии было также истреблено летом 1941 г. Во всех экзекуциях наряду с немцами принимали участие латыши.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ КАЙЗЕРВАЛЬД

Летом 1943 г. в Кайзервальде, в предместье Риги, был устроен концентрационный лагерь, в котором поместили тех, кто уцелел после ликвидации гетто в Риге, Двинске, Либаве и других местах. В конце сентября 1943 г. сюда перевели евреев из ликвидированного виленского гетто, а также из других пунктов. Среди заключенных в Кайзервальде были и не-евреи.

Здесь, как и в других лагерях, режим был бесчеловечный. Каторжные работы, голод, болезни, ужасающие условия жизни подтачивали силы людей; тысячная масса, — кто раньше, кто позже, — постепенно вымирала. Время от времени проводилась селекция: сдававших физически мужчин и женщин убивали.

Когда советское наступление летом 1944 года заставило немцев покинуть Прибалтику, оставшихся в живых узников Кайзервальда депортировали в лагерь Штутгоф возле Данцига, а оттуда большинство было затем переведено в другие лагеря.

Среди дождавшихся освобождения в лагерях Германии было около тысячи латвийских евреев. В самой Латвии уцелело разными способами всего несколько сот евреев. В демонстрации, устроенной в Риге спустя несколько дней после занятия советскими войсками, приняло участие 60-70 спасшихся евреев.

Процессы военных преступников. 26-го января 1946 года в военном трибунале рижского военного округа начался процесс восьми арестованных нацистов, которые в годы оккупации совершили ряд преступлений на территории Латвии, Литвы и Эстонии. Это были генералы П. Екельн (один из главных организаторов большой «акции» в рижском гетто в конце 1941 г.), З. Руф, А. Д. фон Монтетон, В. фон Дитфурт, П. Вехтер, Б. Павел, Г. Кипер и штандарт-фюрер С. А. Бекин. Семеро из обвиняемых (за исключением Дитфурта) были приговорены к повешению.

На процессе Айнзац-групп в Нюрнберге в 1949 г. в списке приговоренных к смерти фигурируют среди других Мартин Зандбергер и Эдуард Штраух, совершившие ряд преступлений в Латвии.

Несомненно, однако, что лишь немногие из числа военных преступников, — немцев и латышей, принимавших участие в истреблении евреев Латвии, — попали на скамью подсудимых.

ЭСТОНИЯ

На территории Эстонии и смежных районов советские войска оказали сильное сопротивление немцам; это объяснялось их близостью к Ленинграду. В начале июля 1941 г. немцы заняли Тарту, но лишь спустя два месяца (3 сентября) их отряды вступили в Таллин. Эстония была также включена в состав Райх-комиссариата Остланд. Официально она стала называться «Эстонским Генеральным Округом». Главным комиссаром Эстонии был назначен Карл Лицман; его резиденцией был Таллин. Эстонские «министры», сотрудничавшие с наци, именовались «директорами»; во главе их стоял доктор Мае, один из главных руководителей существовавшего в Эстонии до войны фашистского движения «Вапс».

Судьба эстонских евреев. Тот факт, что занятие Эстонии немецкими войсками затянулось на два-три месяца, дало возможность значительной части эстонских евреев эвакуироваться вглубь России. Сколько евреев эвакуировалось — неизвестно, но надо полагать, что около трех тысяч евреев во время выбрались из Эстонии. Около четырехсот или пятисот евреев было депортировано в Сибирь советскими властями в 1941 г., накануне нападения Гитлера на Россию. Поэтому можно считать, что в руки наци в Эстонии попало всего около одной тысячи евреев.

Отчеты Айнзац-групп и Шталекера содержат сведения о разгроме эстонского еврейства. Так, например, в отчете, который команда 1а Айнзац-группы А представила из Таллина 12-го октября 1941 г., имеется отдел «Евреи в Эстонии», в котором сообщается следующее:

«Эстонские отряды самообороны, сформировавшиеся со вступлением частей Вермахта, сразу начали арестовывать евреев. Никаких стихийных анти-еврейских выступлений не было, так как население не было надлежащим образом инструктировано. Мы поэтому издали следующее распоряжение: 1) все мужчины-евреи с 16-летнего возраста подлежат аресту, 2) работоспособные еврейские женщины в возрасте от 16-ти до 60 лет тоже должны быть арестованы и посланы на работу на торфяные болота, 3) женское население Тарту и окрестностей следует вселить в местную синагогу и прилегающий к ней блок домов; 4) аресту подлежат все работоспособные евреи обоого пола в Пернау и окрестностях; 5) должна быть произведена регистрация евреев по возрасту, роду занятий и степени рабо-

тоспособности, с целью отправки их в организуемый для них концлагерь.

Эстонские дружины самообороны, под руководством Айнзац-команды, перебили всех евреев — мужчин старше 16-ти лет, за исключением врачей и членов Юденрата. Что касается Таллина и окрестностей, эта акция еще не закончена, пока не будут обнаружены места, где евреи прячутся. До сих пор в Эстонии расстреляно 440 евреев. По окончании всех намеченных мероприятий в живых останется до 500-600 еврейских женщин и детей.

Для евреев из Таллина и окрестностей организуется лагерь в Харку, в таллинском округе. После того, как в лагерь переведут таллинских евреев, туда будут также отправлены уцелевшие евреи из всей страны. Все работоспособные еврейские женщины работают в сельском хозяйстве или на торфяных работах, принадлежащих местной тюрьме. Этим разрешен вопрос об их питании и содержании. Отданы следующие срочные распоряжения: 1) все евреи, начиная от 6 лет, должны носить желтую нашивку размером не менее десяти сантиметров на левой стороне груди и на спине; 2) евреям запрещается заниматься торговлей; 3) запрещается ходить по тротуарам, пользоваться общественными средствами транспорта, посещать театры, кинематографы, рестораны; 4) имущество, принадлежащее евреям, подлежит конфискации; 5) запрещается посещение школ».

Большая часть эстонских евреев погибла в последние месяцы 1941 г. По данным Айнзац-групп об истреблении евреев в Прибалтийских странах, в Эстонии к декабрю 1941 г. погибло 963 человека. Так и эта страна была «очищена от евреев».

Концентрационные лагеря для депортированных из заграницы. В эстонских «кацетах» и рабочих лагерях находилось немало евреев, депортированных из других стран. В августе и сентябре 1943 г., после ликвидации виленского гетто, в Эстонию прибыли три больших транспорта депортированных евреев. В конце октября 1943 г. сюда было депортировано около трех тысяч из ковенского гетто. Высылались сюда евреи из других стран. Ковенских и виленских евреев разместили в лагерях Вайвера, Нарва и Клога. Евреи из Чехословакии сосредоточены были в лагере Айгало. В лагере Вайвара, состоящем из нескольких отделений, были среди узников и не-евреи, депортированные из Голландии и других стран.

Летом 1944 г., когда продвигавшиеся советские войска приблизились к Эстонии, немцы приступили к ликвидации лагерей. Начались массовые истребления. Из находившихся

в ту пору в лагерях около десяти тысяч узников были перебиты шесть тысяч.

Во второй половине сентября 1944 г. в лагере Клога было истреблено 1600 евреев. Трупы расстрелянных были большей частью сожжены на кострах, но немцам не удалось сжечь все трупы, так как Советы уже занимали эти места и немцам пришлось бежать. На кострах были обнаружены горы трупов, которых немцы не успели сжечь.

Корреспондент «Юнайтед Пресс» М. Гендлер, посетивший эти места, передает следующие подробности:

«В лесу, находящемся на расстоянии 25 миль от Таллина, я видел нечто кошмарное: куски костей и клочья мяса — то, что осталось от тел 2.800 мужчин, женщин и детей, которых отступающие нацисты расстреляли, а потом тела предали огню... Американские и английские корреспонденты, приглашенные советскими властями, единодушно свидетельствуют, что нельзя себе представить, чтобы люди были способны совершать такого рода злодеяния... Нам показали останки 2.800 трупов и еще семьдесят, которых немцы не имели времени сжечь. Мы видели также тех, кто спасся от истреблений.

В одном месте в лагере Клоги лежали сотни испеленных тел. В другом мы видели три громадных костра, на которых немцы сжигали тела. Вблизи лагеря у главного здания мы видели два длинных ряда трупов. Их было около пятидесяти, между ними труп маленького ребенка. В самом здании возле дверей валялось тоже много трупов; возможно, что здесь расстреливали при попытке к бегству. В помещениях стояли ряды нар, где мертвые мужчины и женщины лежали в застывших лужах крови».

Свидетель Ратнер сообщает: «в феврале 1944 г. в лагере Клога родилось двое детей. Их сожгли живыми...»

В советском сообщении о совершенных в Эстонии зверствах говорится, что в концлагере Нарва погибло до тридцати тысяч граждан и военнопленных. В лагерях района Вирумы были истреблены восемь тысяч человек.

В числе нацистских военных преступников, несущих ответственность за совершенные в Эстонии злодеяния, в сообщении упоминаются Карл Лицман — главный комиссар Эстонии, Зандберг — шеф немецкой полиции, штандарт-фюрер Бекинг, д-р Бодман — главный врач эстонских лагерей и многие другие.

БИБЛИОГРАФИЯ

Прибалтика

1. Международный Военный Трибунал в Нюрнберге, 1949, т. 37, стр. 670-717 (английское издание).

2. Нюрнбергские военные процессы, 1950, т. 4, стр. 1-596 (англ. издание).
3. *Г. Рейтлингер*. Окончательное разрешение. Н. И., 1953, стр. 212-220 (англ. изд.).
4. *Александр Даллин*. Германское управление в России, Н. И., 1957, стр. 182-198 (англ. изд.).
5. Злодеяния гитлеровцев в Прибалтике. Вильнюс, 1957.
6. Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, Рига, 1946.

Литва

7. *И. Гар*. Балтийские страны. Всеобщая Еврейская Энциклопедия, т. 6-й. Нью-Йорк, 1963, стр. 321-404 (идиш).
8. *И. Гар*. Гибель еврейской Ковны, Мюнхен, 1948 (идиш).
9. *И. Гар*. Как произошло в Литве. (К истории советского владычества, 1940-1941). Тель-Авив, 1965 (идиш).
10. «Литва», т. I. Редакция д-ра М. Сударского и др., Н. И., 1951 (идиш).
11. *Л. Гарфункель*. «Еврейское Ковно и его гибель». Иерусалим, 1959 (иврит).

Латвия

12. Еврейство Латвии. Редакция Б. Элиова, Тель-Авив, 1953, стр. 312-441 (иврит).
13. *М. Кауфман*. Истребление евреев Латвии. Мюнхен, 1947 (немецкое издание).
14. Из Германии в Рижское гетто... Лондон, 1945, на mimeографе (англ. изд.).

Эстония

15. Нюрнбергские процессы (американские). Т. 4, стр. 143-144 (англ. издание).

САМУИЛ ГРИНГАУЗ

ГИБЕЛЬ ЕВРЕЙСКОЙ КОВНЫ

ЗАПИСИ О ПЕРЕЖИТОМ

Агония и гибель еврейской Ковны длились три года — с 22 июня 1941 г. до 13 июля 1944.

Спокойным сном спали ковенские евреи в ночь на 22 июня. Но в 3 часа ночи в городе послышались взрывы: немецкие аэропланы бомбардировали ковенский аэродром. Было несколько сот убитых и раненых.

Ковенское радио сообщило, что образовалось литовское правительство с полковником Шкирпа во главе. Одновременно сообщалось, что за каждого убитого немца будет расстреляно 100 евреев.

Евреи обратились в бегство, большей частью пешком, немногие — по железной дороге, на автомобилях и повозках. Бежали по направлению к Вильно, к Риге. Из Ковно бежали в провинцию, а в то же время из провинции бежали в Ковно. Бежали без ясной цели, в панике и в страхе, — как евреи бегут уже в течение столетий и тысячелетий... Литовцы грабили на дорогах. Встречались на дорогах и немцы. Они шли скорее евреев и обгоняли их. Немцы, вероятно, без особой охоты «обороняли» евреев от литовцев: у немцев еще не было приказа убивать евреев, а литовцы делали это без приказа.

По занятии Ковно немцами начались массовые аресты и убийства евреев литовскими партизанами. Литовцы врываются в дома и под предлогом, будто из дома стреляли, подвергались аресту мужчины или целые еврейские семьи. Арестованных либо расстреливали на месте, либо отправляли на седьмой форт. Волна единичных арестов и убийства бушевала безостановочно до приказа об образовании гетто. 28 июня были убиты 60 человек во дворе автобусного гаража на Витовском проспекте. Среди погибших были Блюменталь, семья Клис. На глазах хохотавшей толпы несчастных наполняли водой из насосов, пока они не лопались. У других отрезывали отдельные части тела. Тысячи людей, которых потащили на 7-й форт, держали на сырой земле,

без еды и питья. Кругом стояли пулеметы, из которых стреляли, если кто-нибудь из лежащих шевелился. Там погибло около 7.000 евреев.

Еврейская общественность была, как громом, поражена этими сообщениями. Отдельные общественные деятели стали собираться тайком, пытались пробиться сквозь глухую стену, искать способа интервенировать. Они наивно пытались найти защиту против литовских погромщиков у немцев...

Собирались две группы общественных деятелей — наиболее национально настроенные в квартире адвоката Гарфункеля, либеральные у д-ра Рабиновича и Григория Вольфа. Одна из групп обратилась к коменданту вермахта с просьбой приостановить погромы и убийства. Им ответили, что это относится к службе безопасности.

7 июля ковенский раввин был приглашен в Гестапо. Будучи болен, стар и непривычен «к переговорам с христианами», он вызвал старых общественных деятелей и послал их туда. Эта группа стала Еврейским комитетом. В него вошли б. директор еврейского центрального банка Григорий Вольф; видный депутат сейма и председатель партии Поалей и Цейрей Цион, адвокат Гарфункель; б. председатель Союза евреев-фронтовиков и гласный Думы, адвокат Гольдберг, популярный старый врач Рабинович и два раввина — Шмуклер из Шанц и б. военный раввин Снег. Комитет получил «разъяснение», что погромы организуют литовцы, что немцы не могут вмешиваться в литовско-еврейские отношения и что так как литовцы не хотят жить вместе с евреями, то евреи должны уйти в гетто.

В докладе одного из руководителей С. С. об этом моменте говорится следующее: «Кроме организации и проведения массовых экзекуций, уже в первые дни в более крупных городах начали создавать гетто. Это было особенно необходимо в Ковно, где евреи составляли 30.000 из общего числа 152.400 жителей». В ответ на протест Еврейского комитета было указано, что нет никаких других способов избежать дальнейших погромов. Тогда члены комитета выразили готовность сделать всё возможное, чтобы спешно перевести своих собратьев в Вильямполь, — часть города, которую проектировали отвести под еврейское гетто. Эта часть города лежит в треугольнике между Неманом и Вилией. С городом она связана только мостом, и поэтому легко может быть «блокирована».

11 июля литовское городское управление опубликовало приказ о переселении евреев в Вильямполь. Приказ предусматривал, что евреи могут добровольно обменяться свои-

ми домами с литовцами и взять с собой в гетто свое имущество. Несколькими днями позже в Ковно образовалось немецкое гражданское управление, которое стало издавать ряд распоряжений, направленных против евреев (желтые повязки и пр.). В начале августа Комитету было приказано избрать еврейского «старейшину» («Обер-Юде»).

Для исполнения этого приказа Комитет созвал в помещении старой еврейской народной школы на улице Даушко собрание всех общественных деятелей и представителей общественных группировок, поскольку таких можно было в те дни найти. Были выставлены различные кандидаты, но все отказались. Среди других была выдвинута кандидатура д-ра Эльхонна Элькеса, очень популярного в Ковно врача и знатока еврейской письменности и философии, но не в качестве общественного деятеля. Послали за ним. Он также отказался. Но так как лучшего кандидата не было и боялись назначения в качестве «Обер-Юде» кого-нибудь из антиобщественных элементов, Элькеса стали усиленно просить принять избрание. Люди, принявшие участие в этом собрании, передают драматический момент, когда раввин Шмуклер обратился к Элькесу с призывом, в котором умолял принести себя в жертву ради общества. Его речь носила характер прощальной речи над гробом и закончилась рыданием. Со слезами на глазах Элькес ответил, что в его возрасте его долгом является принести себя в жертву и принять смерть, и дал свое согласие.

Уже спустя несколько дней (7 августа) произошла первая «акция» (хотя это было уже после того, как вопрос о переселении в гетто был решен и немцы обещали прекращение убийств). Литовские партизаны стали хватать на улицах евреев-мужчин. До 1000 человек было схвачено и в тот же день расстреляно.

15 августа создание гетто было закончено, причем в последний день произошла характерная еврейская «малая трагедия». В Ковно находилось немало немецко-еврейских беженцев, многие из Мемеля. Один мелкий чиновник немецкой комендатуры пустил в оборот «толкование», что так как в Германии евреи не переселялись в гетто, то распоряжение о гетто в Ковно на мемельских беженцев не распространяется. Записки такого содержания он выдавал немецким евреям и на этом основании многие из немецких и мемельских евреев оставались в городе, считая себя привилегированными. В последний момент, однако, выяснилось, что эти толкования ни на чем не основаны. Немецкие евреи побежали в гетто, а опоздавшие на час-другой заплатили своей жизнью за свою мнимую привилегию.

18 августа имела место т. н. «акция по интеллигенции». За несколько дней до этого старейшине было предъявлено требование представить на работы 500 интеллигентных молодых людей. Явилось 534 молодых человека... и никто из них назад не вернулся. Как после узнали, их в тот же день расстреляли на форту вместе с другими евреями из провинции.

Вскоре начались во всем гетто обыски в квартирах. Немецкая полиция шла из дома в дом и отбирала у евреев вещи. У домов стояли грузовики, куда евреи должны были сами сносить свой домашний скарб. Во многих домах евреев расстреливали, многие были жестоко избиты. Недели две спустя было отдано распоряжение, что евреи должны, под угрозой смертной казни, отдать золотые вещи, деньги, серебро, шубы, материи и др. предметы. Оставлять у себя можно было только 10 марок.

4 октября была проведена вторая акция, так называемая «малого гетто». «Малое гетто» представляло собой район, отделенный от гетто общей («арийской») проезжей дорогой. Этот район был окружен немецко-литовской полицией, и всё население было выгнано из домов. Те, которые имели свидетельства ремесленников с аэродрома или других мест работы, были направлены в гетто. Остальные были отправлены на форт и там расстреляны. В «малом гетто» находился еврейский гетто-госпиталь. Под предлогом, что там появилась проказа, облили госпиталь бензином и сожгли вместе с больными, сестрами и дежурными врачами. Расстреляли также евреев, которых заставили участвовать в поджоге госпиталя. При акции «малого гетто» погибло до 2.000 евреев.

А потом наступило 28 октября — день «большой акции»...

27 октября появилось извещение от Совета Старейшин, что по приказу немцев, всё население должно явиться на площадь Демократу. Все должны выстроиться по месту работы главы семьи. На площадь должны явиться также дети и больные. Кого немцы обнаружат в домах — тех расстреляют. Страх был настолько велик, что все явились... Только тяжело больные остались в домах. Большую часть больных принесли на площадь на носилках.

На площади находился гестапист Раука и пальцем указывал кого — налево, кого — направо. Одна сторона означала жизнь, другая — смерть. На смерть обрекались большие семьи и старые люди. Отбор продолжался весь день. Когда Раука хотелось поесть, он брал в одну руку бутер-

брод, а другой указывал — кто назначен на смерть, кто на жизнь.

От 9 до 10 тысяч людей были посланы налево. Немецкая телеграмма, которую кто-то видел, называла цифру убитых — 9.200.

Приговоренных отправили в опустошенные дома.

29 октября люди были направлены пешком колоннами на 9-ый форт. Д-р Элькес пытался извлечь из колонны кое-кого и был ранен в голову литовским полицейским. Одна мать по дороге сбросила с горы своего ребенка. Его нашел какой-то крестьянин и привел в гетто.

Немецких, австрийских, чешских евреев, большей частью из Берлина, Франкфурга, Вены и Праги, отправили на 9-ый форт и там убили...

В самом гетто люди ежедневно умирали от голода, от болезней и ежедневно на их долю выпадали унижения, — приходилось снимать шапку перед немцами, низко кланяться им, выслушивать их брань и насмешки... И ежедневно евреи шли на тяжелые работы. Одна акция шла за другой, удар за ударом. В борьбе за жизнь люди теряли человеческий облик, цепенели в тупых звериных инстинктах. Боролись за имущество вывезенных родственников, подозревали в кражах...

Начало 1942 года можно определить, как приближение некоторой стабилизации в жизни гетто. Прибывали известия, вызывавшие надежду, что в ходе войны начались симптомы перелома.

Совет Старейшин подал немецкому командованию меморандум об устройстве мастерских и 12 января 1942 г. около аэродрома были основаны «Большие мастерские», сыгравшие крупную роль в жизни гетто. Эти мастерские стали рабочим центром для тех, кто не мог ходить на работы в город. Они стали также центром материального обеспечения; из мастерских выкрадывались большие количества материалов, которые затем выходили из гетто, как предметы для обмена в городе. Впоследствии мастерские стали центром снабжения партизан не только одеждой, но и оружием.

7 мая было издано запрещение беременности. Запрет иметь детей рассматривался, как показатель того, что немцы нуждаются в рабочих руках и что ликвидация евреев будет проходить под знаком: ожидать пока старики умрут и не допускать приумножения неработоспособного населения.

В середине 1942 года в гетто началась организация политических и культурных сил. Ожила партийная деятель-

ность. Начали работать сионистские группы — цеирей-цион, общие (аллгейне) сионисты и ревизионисты, а также коммунисты. Руководитель коммунистической группы Хаим Елин работал на арийской стороне и только временами появлялся в гетто. В самом гетто от этой группы работали Дима Гальперн, д-р Волсонок, Ратнер, Берман. Цеирей-цион руководил аптекарь Сребницкий. Ревизионисты были сосредоточены в полиции гетто. Ортодоксальные силы тоже организовались — возникла обширная организация ортодоксальной молодежи. Под руководством Хаима Крумер, Мириам Шур и Лейбензона очень успешно работала частная организация социальной помощи. Крумер и Шур погибли при ликвидации гетто.

Отдельно следует напомнить о школах садоводства и ремесл, которые организовал бывший директор ОРТ'а в Ковно, агроном Яков Олейский. Печать трагедии лежала на этих школах и особенно на детях, которые в них обучались — обреченных, безнадежных существах. Таких замечательных детей, как дети в гетто, не имел ни один народ. На их личиках как бы сияло выражение святости и в то же время мудрости, которое накладывает близкая смерть... Была и организация скаутов, во главе которой стоял старый д-р Рабинович (покончивший собой при ликвидации гетто).

В гетто был организован культурный кружок, при участии доцента университета д-ра Шапиро, сына ковенского раввина. Был организован оркестр. Выходил журнал на иврит для молодежи («Ницоц»). Был образован суд под председательством проф. Семена Беляцкого, погибшего во время детской акции. Группа адвокатов совместно с судом выработала статуты и нормы, регулирующие семейное право, наследственное право... Я выступал перед судом в качестве адвоката и это давало мне моменты большого удовлетворения.

26 августа 1942 года был издан приказ о закрытии в гетто всех школ (за исключением школ ОРТ'а — Олейского), всех синагог, суда. Было также запрещено пользование деньгами, ввоз и вывоз продуктов и т. д. Но жизнь скоро приспособилась к новым распоряжениям и пошла по-прежнему.

В первую половину 1943 г. в гетто стали усиливаться признаки глубокой внутренней деморализации, появившиеся еще в 1942 г. Хозяйственное положение улучшилось. Торговые сношения с городом получили большой размах. Коррупция среди немцев всё больше развивалась. Евреи покупали у немцев вещи, обогащались за счет имущества погибших, в том числе иностранных евреев. Укрепление хозяйственно-

го положения привело к изменению психологии. Передышка породила чувство стабильности.

Во время битвы за Сталинград немцы начали нервничать. 4 февраля 1943 г. Гестапо арестовало ряд семейств, 27 взрослых и 17 детей, и расстреляло их. Среди них был журналист из Риги Борис Оречкин.

Весной 1943 г. общественная и культурная жизнь в гетто достигла высшего пункта развития. Политические партии развили большую деятельность и фактически захватили власть над внутренней жизнью населения гетто. Координация сионистов и «левых», как их называли, образовала как бы тайное правительство, постановления которого становились обязательным для Совета Старейшин и других учреждений гетто.

Главная задача состояла в помощи убежавшим из гетто к партизанам. Ежедневно группы до 30 человек, с мундирами, оружием и грузовиками покидали гетто. Мастерские снабжали их нужными вещами и чинили оружие. При партийной коалиции создался также тайный суд, который выносил смертные приговоры предателям и доносчикам. Полицейские и партийные люди приводили эти приговоры в исполнение. Так были расстреляны: некий Файн (который после ареста стал агентом Гестапо), Моне Левин (который выдал литовцам ради заработка тайные бункеры) и пять молодых людей, под видом политического радикализма занимавшиеся разбоями и убийствами.

В это же время в гетто шла оживленная культурная работа.

Среди разнообразных проявлений культурной деятельности, проявившейся в инсценировках, докладах и рефератах, отмечу мои доклады на темы: «Странствования морального сознания в гетто» и «Мировое положение евреев после поражения, но без нас».

Но к концу 1943 г. гетто перешло в состояние агонии. В октябре стало известно, что жизнь в гетто будет организована, как в лагерях. На самом деле эта реорганизация превратилась в акцию истребления: 26 октября в гетто ворвались гестаписты и русские солдаты в немецкой форме и начали хватать на улицах и в домах людей и отправлять взрослых в Эстонию, а стариков и детей — в Аушвиц.

7 ноября началась паника в связи с отправкой из Шавель в Аушвиц до 800 детей и стариков. Всеми способами старались удержать детей на «арийскую» сторону. С ноября по январь удалось переправить из гетто в город большое число детей.

Осенью 1943 года произошли два события, вызвавшие в гетто глубокое волнение. В начале сентября Гестапо вызвало чету Блюменталь — швейцарского гражданина и его жену, уроженку Бельгии. Им сообщили, что швейцарское консульство требует их отправки в Швейцарию и что на аэродроме их ждет швейцарский аэроплан. Но их увезли за город и там расстреляли.

2 декабря Гестапо вызвало семью раввина Шапиро. Им сообщили, что католическая церковь, по просьбе американских раввинов, интервенировала за них и что их посылают в Швейцарию. Старая жена раввина, ее сын, доцент д-р Х. Н. Шапиро, руководивший всей культурной работой в гетто, его жена и их сын (старого раввина к тому времени уже не было в живых) были увезены за город и там их расстреляли.

В декабре стало известно, что немцы решили скрывать следы своих злодеяний. На 9-ом форту и в других местах начали извлекать кости убитых и сжигать их. Эту работу производили арестованные евреи, которых хорошо кормили и поили водкой, а затем по окончании работ расстреливали. 24 декабря 68 арестованных евреев, воспользовавшихся тем, что немецкая стража напилась по случаю Рождества, бежали под руководством советского офицера-еврея.

1944-ый год был годом конвульсий умирающего гетто... Все мечтали о бегстве. Строили бункеры. В феврале 1944 г. через Ковно прошла партия до 1000 французских евреев. Их истребили в Провенишках, ж.-д. станции у местечка Румшишки, в 20 километрах от Ковно.

26 марта вечером появился приказ полиции всем собраться к комендатуре в чистом платье и обуви, будто бы на воздушную инспекцию. 27-го все рабочие вышли в город. Вслед затем в гетто ворвались чины Гестапо со своими русскими помощниками и с полицейскими собаками. Они бросились в дома, в погреба и на чердаки в поисках детей и стариков. Собаки вырывали детей из материнских рук. Спрятанным детям родители давали сонные порошки, чтобы они не кричали.

Мы были свидетелями ужасающих сцен. Вот женщина с головой, растоптанной сапогом, лежит у сорного ящика и в руке ее убитый мальчик. Вот выбегает из дома мальчик с часиками в руке и умоляет русского сжалиться над ним. Русский берет у него часы и куда-то уводит мальчика. Вот красивая женщина бросается к ногам юрисконсультанта гестапо, д-ра Чернай, и он берет двух детей этой женщины: швыряет мальчика в машину гестапо, а девочку отдает ма-

тери. Вот идет по улице потерявшая рассудок женщина, нарядная и покрашенная, и ведет за руку маленькую девочку в белом пальтишке, в розовой шляпке, с маленьким зонтиком. Она грациозно с улыбкой передает своего ребенка чиновнику гестапо. Вот выезжает из ворот гетто закрытый грузовик, набитый детьми и стариками. Внезапно открывается задняя дверца машины. Дети со слезами на глазах умоляют, чтобы их выпустили — они могут работать, они хотят видеть папу и маму. Но дверь захлопывается и их увозят дальше — в Аушвиц, в крематорий. Всего из гетто было вывезено 2.000 стариков и детей. Такие же акции проводятся во всех лагерях и казармах Ковно.

В начале 1944 года был издан приказ об эвакуации гетто.

Люди стали прятаться в бункерах, всеми средствами пытались вырваться из огней вокруг ограды. Многие кончали самоубийством.

9-го июля д-р Элькес разыскал фюрера С. С. Геке и сказал ему: «Я стар, и мой конец близок. Я смерти больше не боюсь. Вы можете меня убить тут же на месте. Я и Вы — мы оба знаем, что Германия войну проиграла. Ее не спасут ни чудо, ни секретное оружие, ни истерия Гитлера. Как бы ни был велик ваш патриотизм, вы ничем не можете помочь ни своей родине, ни своему движению — особенно посредством убийства десяти тысяч евреев. Но вы можете морально принести помощь своему народу, вы можете, быть может, снять с его совести часть греха, если вы спасете эти десять тысяч евреев. Мы все принимаем на себя гарантию вашего будущего, если вы это сделаете. Возьмите у нас все золото и ценности, которых у нас много. Не находите только вагонов для эвакуации. Затяните вопрос до прихода русских».

Геке ответил:

«Германия войну проиграла. Но я — немецкий офицер и должен выполнить свой долг. Если вы едете — вы получите отдельный вагон. Возьмите в него все ваши вещи и особенно книги. Я приду на станцию. Я приду на станцию посмотреть, как вы едете. Я даю евреям свое честное слово, — вы не едете на гибель».

Но все это было ложью. Геке не пришел на станцию. Элькеса заперли в вагон со многими сотнями других евреев. Вещи его забрали. К тому же его били. Он умер в Дахау в I лагере, вблизи Кауферинга, 17 октября 1944 г. Он хотел умереть, отказывался от пищи, не принимал лекарств.

Отметим, что в одном из номеров «Фелькишер беобахтер» появилось объявление, что Вильгельм Геке, фюрер С.С. пал на итальянском фронте в тот же день, 17 октября 1944 г.

Между 8 и 12 июля из Ковно шли транспорты в Германию. Некоторым депортированным удалось выпрыгнуть из вагона и спастись. В Тигенгофе у Данцига отделили женщин и детей от мужчин.

12 июля немцы подожгли и взорвали Ковенское гетто. 2.000 людей, скрывшихся в бункере и укрытиях («малинах»), погибли ужасной смертью. Только несколько десятков людей уцелело.

Часть ковенских женщин, находившихся в кацете Штутгоф, были в конце июня переведены в Аушвиц, где они были сожжены вместе с детьми. До ноября в Штутгофе действовал также крематорий, где сжигались старики и женщины. Среди уцелевших свирепствовали болезни, в январе 1945 г. — эпидемия тифа. Эвакуация из Штутгофа происходила водным путем. По дороге пароходы бомбардировались. Больных и раненых женщин бросали в воду. Остаток был спасен русской армией.*

Мужчины из Ковенского гетто были помещены в 1-м, 2-м и 10-м лагерях в Дахау. 7 августа там была проведена акция истребления детей. В октябре стариков и больных перевели в 4-ый лагерь. Между ноябрем 1944 и мартом 1945 наблюдалась большая смертность. 23 апреля был приказ депортировать евреев в Тироль, но между 24 апреля и 2-м мая стража С. С. разбежалась, и оставшиеся в живых последние представители литовского еврейства были освобождены...

---

* Почти все женщины в Штутгофе болели тифом и советские военные врачи приложили все усилия, чтобы оказать им необходимую медицинскую помощь.

Г. АРОНСОН

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В ЭПОХУ СТАЛИНА

Уже вскоре после октябрьского переворота советской власти пришлось заняться еврейским вопросом, в связи с проявлениями антисемитизма в стране и с погромной агитацией, которая свила себе гнездо в разных районах.

28 апреля 1918 года в “Известиях” был опубликован циркуляр о борьбе с антисемитизмом в Москве и Московском районе, а через два месяца в “Известиях” от 27 июля появился Декрет Совнаркома, который приводим в извлечении:

«По поступившим в Совет народных комиссаров сведениям контр-революционеры во многих городах, особенно в прифронтной полосе, ведут погромную агитацию, последствием которой были местные эксцессы против трудового еврейского населения. Буржуазная контр-революция берет в свои руки то оружие, которое выпало из рук царя... В РСФСР, где провозглашен принцип самоопределения трудовых масс всех народов, нет места национальному угнетению. Еврейский буржуа нам враг не как еврей, а как буржуа. Еврейский рабочий нам брат. Всякая травля какой бы то ни было нации недопустима, преступна и позорна. Совет народных комиссаров объявляет антисемитское движение и погромы евреев гибелью для рабочей и крестьянской революции и призывает трудовой народ социалистической России всеми средствами бороться с этим злом... Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона.

Председатель Совнаркома Ульянов-Ленин.
Управляющий делами Вл. Бонч-Бруевич.
Секретарь Н. Горбунов».

Однако, несмотря на выраженное в этом декрете стремление вести решительную борьбу с антисемитизмом — вплоть до угрозы “ставить вне закона” погромщиков и лиц, ведущих антисемитскую агитацию, — на практике прокламированная борьба не получила развития. В частности, нет

никаких сведений о том, чтобы участники погромов подверглись где-либо судебным преследованиям.

Хотя Ленин еще в годы войны высказался за поддержку национальных движений и выбросил лозунг национального самоопределения “вплоть до отделения”, после октябрьского переворота эти максималистские тенденции сразу ослабели. Но все же перед ставшей у власти партией встал вопрос о выработке положительной программы в отношении национальных меньшинств. Был создан Народный Комиссариат по делам национальностей, во главе которого был поставлен И. В. Сталин. В рамках этого Народного Комиссариата были учреждены комиссариаты по делам всех главных национальностей, причем еврейским комиссаром был назначен старый большевик, прибывший с революцией из эмиграции, С. Диманштейн, а его заместителем — левый эсер А. Добковский. Декрет об образовании еврейского комиссариата был опубликован в “Известиях” 20 января 1918 г.

К работе в еврейском комиссариате были привлечены Агурский, Кантор, Шапиро, Каплан, — бывшие анархисты-эмигранты, прибывшие из Лондона и Нью-Йорка, отчужденные от русского еврейства. С большими усилиями им удалось, при содействии нескольких “беспартийных” еврейских писателей, — как С. Нигер, Д. Чарный, З. Вендорф, поставить выпуск газеты “Вархайт” (1 № вышел 8 марта 1918 г.) органа “с. д. большевиков и левых эсеров”, который, однако, просуществовал недолго. Многие из сотрудников этой газеты не владели еврейским языком и их статьи переводились с русского.

Главной задачей еврейского комиссариата было создание центра еврейского коммунистического движения. Под влиянием сотрудничества с левыми эсерами, а также с частью поалэй-ционистов, во главе с Цви Фридляндом, — в комиссариате складывались смутные идеи создания на местах беспартийных еврейских рабочих советов и “перестройки еврейской национальной жизни на пролетарско-социалистической основе”. Комиссариат ставил себе задачей “контролирование существующих общественных организаций” и намечал планы внедрения “социалистического направления в наши народные школы”, а также оказания помощи беженцам и нуждающимся, борьбы с антисемитизмом и т. д.

Созванный в июле 1918 г. в Москве с разрешения властей Всероссийский съезд еврейских общин вынес постановление об образовании “Общинного центра”.

Но после разрыва большевиков с левыми эсерами (их

восстание в Москве было в начале июля 1918 г.) и после устранения из комиссариата поалей-ционистов, — деятельность еврейских большевиков приняла более боевой характер. В это время стала выходить первая еврейская чисто-коммунистическая газета “Эмес” (№ 1 вышел 7 августа 1918 г.). Было объявлено начало “пролетарской диктатуры на еврейской улице” и приступлено к ликвидации всех форм еврейской общественности, демократизация которой была успешно начата в эпоху Временного Правительства.

В октябре 1918 г. была созвана первая конференция еврейских коммунистических секций РКП и еврейских комиссариатов, к этому времени уже созданных в 13 пунктах (в провинции). И хотя на этой конференции формально преобладали беспартийные, — их было 33 против 31 большевика, — принятые резолюции были выдержаны в нужном правительству направлении: за пролетарскую диктатуру, за борьбу с еврейскими социалистическими партиями — Бундом, сионистами-социалистами и др., сохранившими влияние среди рабочих и интеллигенции, — против хедеров и талмуд-тор и т. д.

Конференция прокламировала, что “учреждения, хозяйничавшие до сих пор на еврейской улице, общины, избранные по пресловутой “четырёх-хвостке”, не имеют никакого места в нашей жизни... Такого рода учреждения вредны для интересов широких еврейских масс... Еврейский рабочий, опираясь на победу пролетариата и октябрьской революции... объявляет диктатуру пролетариата на еврейской улице”... Конференция уполномочивает коллегию комиссариата по еврейским делам “принять нужные меры к планомерной ликвидации буржуазных учреждений”.

На основе этого постановления и был издан декрет о ликвидации общин и недавно созданного общинного центра:

«Центральный комиссариат по еврейским национальным делам, ознакомившись с работой и деятельностью Центрального Бюро еврейских общин, а также с деятельностью самих общин, установил 1) что общины и их центральное бюро группируют вокруг себя откровенных врагов еврейского рабочего класса и завоеваний октябрьской революции, 2) что эти общины и их центральное бюро проводят позорную политику, направленную на затемнение классового сознания еврейских трудящихся масс, 3) что общины, принимая на себя проведение государственных функций, как культурную и воспитательную работу, дают подростающему еврейскому поколению вредное антипролетарское воспитание. Поэтому центральный комиссариат по еврейским национальным делам постановил:

Центральное бюро еврейских общин и все его отделы, находящиеся на территории РСФСР, — закрыть навсегда.

Все средства, а также живой и мертвый инвентарь передать местным комиссариатам.

Этот приказ входит в силу с момента публикации в одном из официальных органов советского государства.

За комиссара — член коллегии С. Агурский.

Приказ утверждаю я:

Народный комиссар по делам национальностей

И. Сталин».

Однако этот декрет о ликвидации общин, утвержденный Сталиным, был издан только в июне 1919 года. Это опоздание объясняется тем, что, по признанию самих ликвидаторов, «общины располагали целым рядом учреждений, которые должны функционировать, а еврейский комиссариат к тому времени не имел нужных людей, которые могли бы перенять работу общин». Поэтому опубликование декрета надо было оттянуть. Впрочем, не все ликвидаторы на местах утруждали себя такими соображениями, и закрытие общин в ряде провинциальных пунктов проводилось евреками (деятелями еврейской секции партии) и представителями еврейского комиссариата уже с 1918-го года.

К середине 1919 года ликвидация шла уже усиленным темпом. Тогда же начались, в связи с усиливавшейся борьбой на религиозном фронте, преследования против раввинов, резников, меламедов, синагогальных служек и т. д., а также против учебных заведений, носивших религиозный характер. Был также издан циркуляр Еврейского Комиссариата от 23 июля 1919 г., подписанный комиссаром Диманштейном (№ 1367), в котором возвещалось, что наряду с закрытием общин «мы приступаем к ликвидации других буржуазных организаций, как сионистская организация Тарбус, Гехолуц и др.»

Немецкая оккупация Украины и Белоруссии в 1918 году, а затем вспыхнувшая гражданская война затормозили ход ликвидационной работы в районах, где проживало компактное еврейское население. Но с окончанием гражданской войны деятельность евсекции РКП пошла полным ходом.

Укреплению позиций евсекции и выработке ее положительной программы способствовал распад ряда старых еврейских политических партий, не выдержавших террористического нажима большевистской диктатуры, а в некоторых случаях и соблазненных надеждами на всемирную революцию, предвестником которой казалось крушение монархий Гогенцоллернов и Габсбургов. На Украине, в Белоруссии и в пределах РСФСР Бунд, сионисты-социалисты и

поалей-сионисты раскололись, и значительная часть их вождей перешла в лагерь победителей и отреклась от идей демократического социализма. От Бунда в 1919–1920 г.г. откололись такие видные деятели, как Рафес на Украине, Эстер (М. Фрумкина) и А. Вайнштейн в Белоруссии, от сионистов-социалистов перешел М. Литваков и др. Все они вскоре вошли в коммунистическую партию и включились в работу евсекции. Отдельные члены других партий (в том числе и сионисты разных течений) также примкнули к евсекции и стали принимать активное участие в ее работе.

После гражданской войны и волны погромов экономическое положение еврейского населения в России стало катастрофическим. В то же время социально-экономические эксперименты советской власти, национализации и социализации разного рода не только не пощадил среднюю буржуазию, но и ударили по источникам существования мелких лавочников и ремесленников. Это привело к полному разорению и обнищанию широких слоев еврейского населения в городах и местечках. Достаточно указать, что “деклассированных” (т. е. лишенных профессии и источников пропитания) евреев считалось в ряде местечек до 40–50%, а общее их число (вместе с семьями), по подсчетам Ю. Ларина и др., составляло к 1926–28 г.г. до одного миллиона.

В годы Нэпа, пришедшего на смену разорительной политике “военного коммунизма”, перед еврейскими коммунистами встал ряд проблем по оздоровлению местечка, устройству “деклассированных” в земледелии, помощи ремесленникам и профессиональной подготовке еврейской молодежи. На ряде конференций евсекции, в которых активное участие приняли выходцы из других партий, живой интерес вызвали также вопросы о расширении и углублении культурной работы на идиш.¹

При помощи Агроджойнта были созданы еврейские с. х. колонии в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях. Агроджойнт вложил в еврейскую колониализацию до 16 миллионов долларов. Союз ОРТ из-за границы развил активную деятельность помощи земледельцам, ремесленникам и по профессиональной подготовке молодежи. В те же годы (1923–25) ЕКО стало создавать для помощи ремесленникам и кустарям ссудосберегательные товарищества. Позиция языка идиш на Украине и отчасти в Белоруссии укреплялась, — помимо школы, литературы и на-

¹ О развитии культурной работы на идиш, о расцвете и упадке еврейской народной школы и советской литературы на идиш и судьбе некоторых попыток научной деятельности см. статьи Юдея Марка.

учных учреждений, — также созданием в колониях и местечках еврейских советов и еврейских судов. Деятельность евсекции, неизменно сохранявшая боевой партийно-коммунистический характер, все же носила на себе, под пролетарским соусом, весьма ярко выраженную еврейскую национальную печать. Не случайно эта деятельность вызывала резонанс и порой симпатии даже в широких еврейских кругах в Польше и в Соединенных Штатах.

Нэп, а затем рост индустриализации, укрепляя экономические позиции еврейского населения на новой, советской основе, в то же время содействовали его культурной и языковой ассимиляции. В 30-х годах в индустрию включилось до полу-миллиона евреев, занятых преимущественно физическим трудом; такое же число евреев числилось среди государственных служащих, порой занимавших видные посты, преимущественно в хозяйственном аппарате. В земледельческих колониях к 1928 году считалось до 220 тысяч евреев. Широкий доступ в высшие и специальные учебные заведения привел к созданию не только кадров врачей, учителей и особенно инженеров и технических работников среди евреев, но и открыл для евреев возможность преподавательской и научно-исследовательской деятельности в университетах и других учреждениях.

До конца 20-х годов не наблюдалось никакого правительственного нажима на т. н. еврейскую работу. Эта работа продолжалась и в первые годы оформления единоличной власти Сталина. Никаких перемен в деятельности евсекции не было. Лишь после ликвидации Нэпа и приступа к сверх-индустриализации, построенной на сплошной насильственной коллективизации деревни, — не пощадившей и свежих ростков еврейского земледелия, — наступил роковой поворот. В еврейских с. х. колониях началось “раскулачивание”; от планов, связанных с созданием с. х. базы в Крыму, скоро ничего не осталось. В 1930 году евсекция была закрыта и начала сильно сокращаться еврейская школьная и научная работа. Разновидности еврейского национализма в коммунистическом обличье стал наноситься удар за ударом.

Мы попытаемся проследить судьбу еврейского вопроса в эпоху единоличной диктатуры Сталина, затянувшуюся на четверть века.

1

С укреплением личной диктатуры Сталина, в его политике стали все больше обнаруживаться антисемитские тенденции. Возможно, что одной из причин этого было то, что

в образовавшейся тогда “левой оппозиции” видную роль играли коммунисты-евреи. Некоторые признаки антисемитизма можно было уже заметить в первых, инсценированных Сталиным судебных процессах — в процессе “вредителей” по Шахтинскому делу (1928) и Торгово-Промышленной партии (1930) и процессе меньшевиков (1931). Массовые преследования еврейских деятелей, преимущественно коммунистов и попутчиков, последовали непосредственно за закрытием евсекции. В 1930-ом году было сделано первое предупреждение еврейскому комиссару Диманштейну, выступившему в печати против “сплошной коллективизации в национальных районах”, т. е. пытавшемуся уберечь от коллективизации еврейские с. х. колонии на юге России.

Убийство Кирова в декабре 1934 года, положившее начало кровавым чисткам старой ленинской гвардии и массовым расправам со всеми заподозренными в нелояльности к диктатуре Сталина, оказалось также сигналом к началу массовых репрессий против еврейских коммунистов и культурных деятелей. А во второй половине 30-х годов уже ясно обнаружилось стремление власти воспользоваться борьбой с “врагами народа” для того, чтобы из партии и государственного аппарата исключить евреев и ударить по всем тем позициям, которыми до того более всего дорожили еврейские коммунисты.

Постепенно вся еврейская работа стала сводиться на нет. Все было поставлено на карту ассимиляции и денационализации. Коммунисты евреи со своими своеобразными и искусственными концепциями, строившие свою идеологию на идее эфемерной “еврейской советской нации”, изолированной от мирового еврейства и ищущей своей “консолидации” в создании еврейской государственности в Советской России (вначале в Крыму до 1928 г., а затем — в Биробиджане), получили от диктатуры такой же сокрушительный удар, какой был раньше с их же помощью нанесен всем другим еврейским национальным и общественным идеологиям и направлениям. На *всякую* еврейскую коммунистическую идеологию был наложен окончательный запрет.

2

Без преувеличения можно сказать, что после “ежовщины” не осталось на свободе ни одного сколько-нибудь авторитетного имени в советской еврейской общественности, журналистике, культурной работе и даже науке. Культурный уровень и общественные квалификации людей, которые осуществляли в течение 15 лет “диктатуру пролета-

риата на еврейской улице”, не были высоки. Все они были достаточно деморализованы и коррумпированы и должны были дорого платить за свое соучастие в грязи и крови террористической работы. Но даже эти еврейские коммунисты, ликвидированные в порядке “чисток” конца 1930-х годов, представляли собой духовную аристократию по сравнению с ничтожествами, ставшими их наследниками.

Было уничтожено целое поколение людей, которое сложилось еще до революции и приняло участие в гражданской войне. А затем машина террора не пощадила и второе, и даже третье поколение евреев-коммунистов, сделавших карьеру уже в эпоху Сталина. Все они были объявлены “врагами народа”, шпионами, диверсантами, фашистами, троцкистами, бухаринцами, национал-демократами, “идеализаторами Бунда”, прихвостнями буржуазии и т. д. Наряду с небольшим числом “старых большевиков” (которых в еврейской работе было немного), удары репрессий обрушились на выходцев из других партий, бывших бундистов, сионистов, анархистов. Не было такого преступления, которого бы им не “пришили” и за которое они не попали бы в тюрьму, в лагерь или под расстрел, а приписать им какое либо преступление было тем легче, если это были выходцы из других партий. Об этом недвусмысленно сказано в “Политическом Словаре”, вышедшем в 1940 году: “В 1921 году часть бундовцев была принята в партию большевиков. Как выяснилось впоследствии, часть из них стала шпионами иностранных разведок и вступила в партию большевиков с целью подрыва ее изнутри. Ряд бывших активных бундовцев разоблачены, как двурушники и злейшие враги народа, прикрывавшиеся партийным билетом”.

Теперь мы имеем возможность составить список наиболее видных участников т. н. еврейской работы, ликвидированных Сталиным к 1938 году. На первом месте нужно поставить еврейского комиссара Диманштейна, который в течение 20 лет был оком партии в еврейской среде. За ним следует упомянуть бывшего сиониста-социалиста М. Литвакова, который в течение 16 лет был бессменным редактором газеты “Эмес”. Жертвами чистки стали, далее, бывшие деятели Бунда — Эстер Фрумкина, А. Вайнштейн и М. Рафес (которые возглавляли работу Евсекции), Либерберг, Катель, Хавкин, Геллер, Яков Левин (строители биробиджанского проекта); историки, писатели, журналисты, литературоведы и еврейские политики, как Чемеринский, Агурский, Сосис, Киржнец, Мережин, Кульбак, Эрик, Цви Фриджанд, Левитан, Борнштейн, Юдельсон, Волобринский, Добин и многие другие. К этому синодику нужно прибавить

имя беспартийного, широко известного историка и литературного критика С. Цинберга, который исчез в дебрях Ч.К. в 1938 году, но незадолго до своей гибели сумел выслать за-границу свой 10-титомный труд по истории еврейской литературы.

Одновременно с этим были закрыты все еврейские коммунистические газеты, в том числе “Эмес” (Москва), “Октябрь” (Минск), “Штерн” (Харьков); конфискованы и изъяты из библиотек труды на еврейском языке, посвященные главным образом истории еврейского рабочего движения, (мы насчитали не менее 25 названий таких исчезнувших из оборота книг) и закрыты еврейские научные институты при Академиях Наук в Киеве и Минске. Были закрыты также “Комзет” и “Озет” — органы, занимавшиеся еврейским землеустройством ранее в Крыму и затем в Биробиджане. Для полноты картины общественного и культурного разгрома еврейства следует также отметить, что к этому времени была запрещена деятельность американского Агроджойнта и Союза ОРТ, а их видные представители Гроер, агроном Любарский, Я. Цигельницкий и др. были арестованы и затем ликвидированы.

Нет необходимости распространяться здесь об общем положении еврейской национальной жизни в 30-х годах. В условиях террористического господства одной партии, в Советской России не было места для какой-либо формы еврейской общественной или национальной деятельности. Религиозные, сионистические и социалистические течения и культурные организации были, как и у других национальностей, изъяты из сферы легальности и окончательно ликвидированы. Среди огромной массы заключенных в тюрьмах и концлагерях было много евреев, обреченных на гибель.

Следует, однако, отметить, что в это время евреи не были лишены общегражданских прав и некоторые из них продолжали занимать посты в государственном и партийном аппарате (Лазарь Каганович был влиятельным членом Политбюро, Литвинов был руководителем Наркомата иностранных дел, Лозовский играл видную роль в Профинтерне и т. д.). В дипломатическом корпусе, как и в генералитете армии, среди профессоров в высших учебных заведениях, было не мало евреев.*

---

* Во внешней политике после Октябрьской революции пост народного комиссара иностранных дел занимал Л. Д. Троцкий. Первым председателем советской делегации на Брест-Литовской конференции был Адольф А. Иоффе, он же первый посол советов в Германии (покончил с собой). Оба эти лица не удостоились отдельных био-

Так мы вступаем в 1939 год, ознаменовавшийся пактом Сталина с Гитлером, который развязал вторую мировую войну.

3

Пакт между Советским Союзом и Третьим Райхом был подписан 23 августа 1939 г. В течение последующих 22-х месяцев дружбы между Сталиным и Гитлером в русском еврействе произошли большие изменения, прежде всего в отношении численности еврейского населения в СССР. На вновь оккупированной Россией территории восточной Польши и Прибалтике проживало 1.920 тысяч евреев. Поэтому к моменту нападения Гитлера на Россию в Советском Союзе было уже не 3.020.000, согласно переписи 1939 года, — а около 5.000.000 евреев. Л. Зингер в своей книжке “Обновленный Народ” (Москва 1941) пишет, что число новых пришельцев-евреев было “выше 2-х миллионов”, включая около 200.000 евреев из Польши, которые бежали на восток в начале второй мировой войны, ища в Советской России спасения от немецкой оккупации.

Пакт Сталина с Гитлером и “нейтралитет”, которого придерживалась Советская Россия в войне между “империалистическими державами”, в корне изменили отношение советской власти к нацизму. Власти пришлось понемногу ориентировать советское общественное мнение в новом направлении. Начали замалчивать в печати жестокости нацизма в Польше и в частности его антисемитские эксцессы,

---

графических заметок даже в «Дипломатическом Словаре» (Москва, 1960-1964). Их имена упоминаются только в статье «Брест-Литовский мирный договор». Из других евреев-дипломатов «Дипломатический Словарь» отвел отдельные заметки Максиму Литвинову-Валлаху, И. Майскому-Ляховецкому (полуеврею), Якову Сурицу, Борису Штейну. Бывший полпредом в Германии до прихода к власти Гитлера, Л. М. Хинчук, в словаре не отмечен, но Соломон Лозовский-Дрицко, расстрелянный в 1952 году по делу еврейских писателей, в нем имеется...

В журнале «Новый Мир» (№ 7, 1967, Москва) опубликована статья, посвященная советской дипломатии. Сообщая о составе центрального аппарата Народного комиссариата иностранных дел и его деятелях, автор называет среди «забытых имен активных деятелей советской дипломатии» евреев Я. Сурица, Л. Хинчука, Б. Розенблюма, а также М. А. Плоткина, «работавшего с громадным увлечением и подъемом вплоть до того дня, когда его деятельность была прервана» и Анатолия Я. Канторовича, автора исследования «Америка в борьбе за Китай», знатока английской истории и литературы. «Мне тяжело думать о том, как закончилась его деятельность и жизнь», — пишет о Канторовиче автор статьи в «Новом Мире».

хотя они уже принимали чудовищный характер. Объективности ради надо, однако, признать, что и в это время основы существования еврейского населения в Советской России не подверглись изменениям: никаких гетто не завели, никаких исключительных законов не издали, никаких расистских теорий не восприняли. Просто о евреях перестали говорить, и считалось “бестактностью” упоминать это слово. Евреи-чиновники были устранены от непосредственных или косвенных сношений с немцами. О члене Политбюро — Лазаре Кагановиче перестали упоминать в печати.

К этому времени еврейской печати уже не существовало, и дезориентация евреев была полной. Проникавшие в Россию слухи о нацистских зверствах в Западной Европе и особенно в Польше, конечно, увеличивали в еврейской среде беспокойство. Однако, систематическое замалчивание советской печатью того, что происходило с евреями за пределами СССР, привело к тому, что советские евреи в массе своей все же не отдавали себе отчета в грозящей им со стороны нацизма опасности.

В течение короткого времени польские, литовские и бессарабские евреи, которые оказались под властью советов, даже чувствовали себя “спасенными”. Но эта полоса скоро миновала. Советские агенты, прибывшие в районы оккупации, оказались перед лицом чужих и враждебных влияний. Кругом были живые остатки капитализма, “буржуи”, хорошо одетые люди, позволявшие себя заявлять о своей принадлежности к Бунду или сионизму, посещавшие синагоги для молитвы. Можно было на время закрыть глаза на эти особенности, но уже скоро было решено поручить НКВД “перedelку” и “перековку” этих людей. Начались массовые депортации евреев на Урал и в Сибирь. Факт депортаций евреев получил подтверждение польского правительства в изгнании. Но Москва, разумеется, никакой информации о нем не давала. Только на заседаниях Еврейского Антифашистского Комитета в 1943 году глухо говорилось, что депортация евреев была произведена “не туда” и “нецелеобразно”.

Когда по окончании войны, в 1946-1947 годах, польским гражданам было разрешено вернуться домой, то вернулось на родину только 150.000-160.000 евреев. В советской печати этот факт пытались объяснить тем, что польские евреи настолько счастливы в Советском Союзе, что осели там навсегда. На самом деле известно, что даже советские евреи обзаводились фальшивыми документами и объявляли себя “уроженцами Польши”, лишь бы выбраться из Советской России...

Однако, кроме замалчивания еврейского вопроса в течение 1939-1941 г., никаких проявлений антисемитизма в отношении коренного еврейского населения не наблюдалось. В моде на верхах Советской России был не столько антисемитизм, сколько “асемитизм”, т. е. политика игнорирования всего, что касалось положения евреев и замалчивание выпавших на их долю бедствий. Усиленно замалчивалось также участие евреев в красной армии. Но в «Эйниккайт» (от 24 февраля 1945) было опубликовано, что за “отвагу и героизм в боях против немецких захватчиков” 63.374 еврея были награждены орденами и медалями, а 59 евреев получили титулы “героев Советского Союза”. Одно время в еврейской печати сообщалось, что в красной армии имеется не меньше 100 евреев-генералов.*

4

Описание трагедии русского еврейства в эпоху немецкой оккупации (1941-1944 г.г.) не входит в рамки настоящей статьи,² но мы должны остановиться на вопросе об отношении к этой трагедии со стороны советской власти. Сделано ли было все, что возможно, для предупреждения еврейского населения о грозящей ему от немцев смертельной опасности и для его своевременной эвакуации? Было ли на-

---

* В коммунистической газете «Фольксштимме», идиш, от 18 апреля 1963 года, выходявшей в Варшаве, были опубликованы сводные итоги об отличившихся и награжденных участниках войны евреев. Среди них было 160.772 награжденных орденами и медалями, а получивших звание героя Советского Союза — 108 евреев.

Что касается евреев-генералов, то на основании прессы, — использованной также в сборнике «Еврейский Мир» (Нью-Йорк, 1944, издание Союза русских евреев), мы можем привести ряд имен лиц, выдвинувшихся в командном составе Красной армии. Из них наиболее прославились ген.-лейт. Яков Крейзер, командир подводной лодки Израиль Фисанович, генерал авиации Смушкевич (впоследствии ликвидированный Сталиным), герои Советского Союза: Соломон Горелик, Давид Баринов, Яков Беренбойм, Мойсей Шахнович и др.

Из числа известных генералов-евреев приведем также имена следующих лиц: ген.-лейт. Арон Карпоносов, ген.-лейт. Арон Кац, ген.-майор Исаак Молошицкий, ген.-лейт. Исай Бобич, ген.-майор Анатолий Бройдо, ген.-майор Израиль Бескин, ген.-майор Аврам Златоцветов, ген.-майор Леонтий Пурник, ген.-майор Яков Раппопорт, ген.-майор Нафталий Френкель, ген.-майор Исай Кляцкин, ген.-майор Лев Березинский, ген.-майор Зелик Иоффе, ген.-майор Самуил Маркушевич, ген.-майор Жозеф Хотин, ген.-майор Самуил Шапиро.

² См. статьи А. А. Гольдштейна, Иосифа Гара и С. Грингауза.

селение России осведомлено о том, что постигло оставшихся на оккупированной территории евреев? На оба эти вопроса приходится ответить отрицательно.

Во время войны коммунистическая пропаганда провозглашала, что Сталин оказался спасителем еврейства на советской территории и что ему удалось до нападения Гитлера или в начале продвижения немецких войск эвакуировать из угрожаемых мест значительную часть еврейского населения. Поэт Ицик Фефер, приехавший в Америку в 1943 г. в составе делегации Еврейского Антифашистского комитета, заявлял, что “Красная армия спасла несколько миллионов евреев”. То же самое утверждал на пленуме Антифашистского комитета Д. Заславский: “Красная армия спасла еврейский народ в самый критический час его существования” — (“Эйнигкайт” от 15 марта 1943 года). За несколько месяцев до этого писатель Довид Бергельсон писал, что “эвакуация спасла преобладающее большинство евреев Украины, Белоруссии, Литвы и Латвии. По сведениям, поступающим из различных крупных центров, оккупированных фашистами, как Витебск, Рига и др., к моменту прихода туда немцев там оставалось небольшое число евреев. Это означает, что преобладающее большинство евреев из Витебска и Риги советское правительство заблаговременно эвакуировало” (“Эйнигкайт” от 5 декабря 1942 г.)

Эти сообщения советской пропаганды давали основание считать, что эвакуация евреев из угрожаемых неприятелем мест действительно проводилась в широком масштабе. Председатель американского “Russian War Relief” выступал с аналогичными заверениями перед американско-еврейской общественностью. Но все это было, если не сознательной ложью, то наивной иллюзией. Систематическое замалчивание преследований евреев в Германии и Польше в эпоху пакта 1939 г. привело к тому, что русские евреи не отдавали себе в должной мере отчета в том, что их ожидает. Перед приходом неприятеля многим евреям удалось бежать, а евреи-чиновники или работавшие на оборону были эвакуированы вместе с другими нужными властям людьми. *Но планомерной эвакуации евреев, как наиболее угрожаемой части населения, нигде в России не было, и число жертв гитлеровской машины истребления в Прибалтике, Белоруссии, Украине, в Крыму и на Кавказе выражается в ужасающих цифрах.*

В 1942 и 1943 г.г. в газете Антифашистского комитета “Эйнигкайт”, выходящей на идиш, еще появлялись заметки и статьи с неприкрашенным описанием происшедшей трагедии. Так, в номере от 15 июля 1942 г. дано сообщение

об уничтожении евреев в городах Белоруссии и Украины, в Керчи и в Кишиневе. Посетивший Украину после эвакуации немцев Василий Гроссман напечатал в “Эйнигкайт” (от 25 ноября и 2 декабря 1943 г.) два очерка под заглавием “Украина без евреев”. Он сообщает, что объехал правобережную Украину после ее освобождения от немцев “от северного Донца до Днепра, от Ворошиловграда в Донбассе до Чернигова на Десне”. Ни здесь, ни в Киеве он “не встретил ни одного еврея”. Мануильский на международной конференции в Сан-Франциско подтвердил эти сообщения. Однако, очерки Гроссмана после второго номера перестали появляться; на русском языке они перепечатаны не были, а начиная примерно с 1944 года окончательно установилась политика упорного замалчивания судьбы русского еврейства под нацистской оккупацией, — которая неукоснительно проводится советской властью до нынешнего дня.

27 апреля 1944 г. была опубликована нота министра иностранных дел Молотова о “чудовищных преступлениях немецких фашистов на оккупированных советских территориях”. На тридцати страницах этой ноты только один раз, притом лишь в общем списке жертв людей разных национальностей, упоминаются евреи (“Сотни тысяч украинцев, русских, евреев, молдаван и мирных граждан других наций погибли от руки немецких палачей”). В выпущенной еще в конце 1943 г. в Москве книге “Документы обвиняют” нет ни одного документа, относящегося к истреблению евреев. Ни одного слова о евреях нет и в вышедшей под редакцией академика Трайнина (еврея) в 1944 г. книжке о лагерях смерти в Белоруссии, хотя в ней говорится о местах, как Гомель, Жлобин и др., где немцами уничтожены *все* евреи. Такое же явное замалчивание можно отметить в сообщении Чрезвычайной Комиссии по расследованию немецких зверств в “Трансистрии” с главным центром области, Одессой: оккупанты обрушились “на украинцев, русских и молдаван”, сожгли 25 тыс. “мирных советских граждан и детей”, “расстреляли, замучили и сожгли в Одессе и в Одесском районе до 200 тыс. людей”, — между тем как в одной только Одессе проживало около 180 тыс. евреев, на которых в первую очередь обрушились немецкие оккупанты. Так же писали московские “Известия” о Литве (от 20 октября 1944 г.). Даже еврейская газета “Эйнигкайт” (от 21 декабря 1944 г.) была вынуждена писать, что в Литве немцы планомерно и методично уничтожали “советских людей”. Желая все же дать понять своим читателям, что речь идет в первую очередь об евреях, “Эйнигкайт” пишет, что в “Лит-

ве разыгралась трагедия такая же, как в Майданеке и Трешливе”. Ясно, что газета не решалась прямо указать, что гитлеровцы преследовали евреев, как таковых. В коммюнике польско-советской Чрезвычайной комиссии о Майданеке (1944 г.) евреи названы лишь в списке одиннадцати народов (“а также евреи”). Заговор молчания не мог быть нарушен даже в отношении сотен тысяч евреев, погибших в Майданеке.

Та же политика замалчивания продолжалась по окончании войны. Интересно в этом отношении выступление Никиты Хрущева, который по свежим следам освобождения Украины был послан Сталиным в Киев. В своей речи, говоря о страданиях, перенесенных Украиной в годы оккупации, он ни одним словом не упомянул о евреях, хотя к тому времени было широко известно, что на Украине уничтожили больше одного миллиона евреев. В этой же речи Хрущев (“Правда” от 16 и 17 марта 1944 г.) обнаружил ориентацию на украинских антисемитов, руководителей различных пронацистских банд, мельниковцев, бандеровцев и бульбовцев, которых он разрешил допустить к занятию высоких постов в государственном аппарате и даже войти в коммунистическую партию.

Вот картина отношения к евреям, которая была описана в марте 1945 года в бюллетене “Joint Rescue Committee” при Еврейском Агентстве для Палестины:

“Украинцы встречают враждебно возвращающихся евреев. В Харькове через несколько недель после освобождения никто из евреев не решался показываться один на улице ночью... Было много случаев избиения евреев на базарах... В Киеве были убиты 16 евреев во время погрома, вызванного тем, что женщину, убившую русского офицера, приняли за еврейку. Евреи, возвращающиеся в свои дома, находили там только часть своего имущества, но когда они обращались в суд, украинцы, часто лже-свидетели, показывали против них. Правительственные органы на Украине проникнуты в большой степени антисемитизмом. Когда Коммерческий Институт вернулся из Харькова в Киев, еврей-профессора не получили разрешения туда ехать. Еврейский театр не получил разрешения вернуться в Харьков. Еврейское радио не было восстановлено. Официально было заявлено, что антисемитизм немцев отравил сознание населения и что только постепенно можно его вытравить”.

В то же время начинают появляться явные признаки антисемитизма правительственного. Всем бросается в глаза, что в дипломатических школах и в военных академиях евреев нет. В министерстве иностранных дел вскоре после вой-

ны был отставлен Литвинов, бывший министром, а затем послом в Вашингтоне, и удален Лозовский, бывший начальник Информбюро. Антисемитские традиции начинают проявляться как снизу, так и сверху.

5

Созданный во время войны Еврейский Антифашистский Комитет должен был заполнить вакуум в жизни еврейства, лишенного со времени великой чистки 1937–38 годов последнего подобия легальной организованности.

Сталин разрешил устроить первый еврейский митинг в Москве 24-го августа 1941-го года. На этом митинге возник Еврейский Антифашистский комитет, который начал функционировать весной 1942 года. Первый номер органа Комитета еврейской газеты “Эйнигкайт” — датирован 7 июня 1942 года. Образованию комитета предшествовали трагические события, на которых следует остановиться.

Вскоре после митинга начали было освобождать из тюрем и лагерей тех польских и еврейских деятелей, которые в 1939-1940 годах, после оккупации Гитлером Польши, искали спасения и убежища в Советском Союзе, но нашли гостеприимство лишь в сталинских тюрьмах. Среди них были известные лидеры польского Бунда Г. Эрлих и В. Альтер. В 1941 году они были освобождены, эвакуированы в Куйбышев (бывш. Самара), и, повидимому, именно им принадлежала инициатива создания Еврейского антифашистского комитета. Во всяком случае, в Куйбышеве начались переговоры об этом и в октябре возникла “Инициативная Группа”. Эрлих и Альтер разработали планы статуты будущего комитета и представили их Сталину. В переговорах принял участие Лаврентий Берия, тогда народный комиссар внутренних дел. Было намечено, что председателем Еврейского антифашистского комитета будет Г. Эрлих, тов. председателем — артист Михоэлс и секретарем — В. Альтер. Но в то самое время, когда инициаторы ожидали утверждения Сталиным статуты, Эрлих и Альтер были внезапно вновь арестованы и расстреляны. Только через год с лишним, в ответ на запросы видных американцев, советские власти сообщили, что Эрлих и Альтер были расстреляны в качестве... “фашистов”.

Исчезновение Эрлиха и Альтера и естественное подозрение — впоследствии оправдавшееся, что они вероломно расстреляны Сталиным, замедлили образование Комитета. Лояльные беспартийные писатели и культурные деятели и даже коммунисты, которым было предложено войти в со-

став Комитета, опасались вступить в учреждение, в фундаменте которого была пролита кровь двух его инициаторов. Секретарем Комитета был назначен Шахно Эпштейн, которого когда-то знали и в Америке — бывший фанатичный бундист, а с начала большевистской революции столь же фанатичный чекист. В Москве во время войны Шахно Эпштейн олицетворял в еврейских делах “око Сталина” — он был цензором, редактором, наблюдателем и доносчиком.

Среди членов Комитета были видные еврейские писатели — Бергельсон, Маркиш, Квитко, Нистор и др. — некоторые беспартийные ученые, как Лина Штерн, академик Фрумкин, д-р Шлимович и др. Председателем был выбран знаменитый актер Еврейского Камерного Театра Соломон Михоэлс, — человек непричастный к еврейским общественным делам, — а его заместителем поэт Ицик Фефер, комсомолец, провинившийся в троцкизме, но добившийся реабилитации после сочинения многочисленных од, прославлявших Сталина.

Не приходится удивляться тому, что Комитет не сыграл сколько-нибудь значительной роли в годы войны в Советской России. В его составе не только не было ни одного независимого общественного деятеля, — таких уже вообще в России давно не было, — но даже ни одного члена с именем, известным в коммунистической среде. Диманштейн, Литваков, Эстер-Фрумкина и Рафес к этому времени уже погибли в концлагерях и застенках.

Если отметить какие-нибудь значительные факты в деятельности антифашистского Комитета, то они не относятся к вопросам жизни советских евреев во время войны. Спасать от гитлеровской расправы, эвакуировать еврейское население, устраивать беженцев, заботиться о судьбе депортированных или заключенных в лагеря евреях, развивать какую-нибудь просветительную работу, — все это было не по силам Комитету, даже если бы в нем обнаружались смельчаки, которые бы решились делать такие попытки. Но даже вопрос о борьбе с антисемитизмом не мог получить в Комитете никакого движения.

Наиболее интересным моментом в жизни Комитета была посылка делегации в Америку (отчасти в Европу) в составе Михоэлса и Фефера. Задачей делегации было привлечь к Советскому Союзу симпатии в странах демократии и, в частности, убедить евреев этих стран в правильности еврейской политики Сталина. Делегации этой удалось внести немалую деморализацию в еврейскую среду в Западном мире: на одной платформе с Михоэлсом и Фефером и в поддержке их согласились выступить, кроме коммунистов и

попутчиков, видные представители американского сионизма, которые закрыли глаза на то, что тысячи сионистов в России продолжали сидеть в тюрьмах и лагерях Советской России. Жертвой иллюзии, что после войны станет евреям лучше, оказались и представители Джойнта. Возможно, что Михоэлсу и Феферу удалось собрать кой-какие деньги, но в общем политический и общественный результат их поездки оказался весьма незначительным.

Неудивительно, что по возвращении в Россию делегаты Еврейского Антифашистского Комитета жаловались в своих докладах на “продажных лакеев из реакционных тред-юнионов” и на “черных воронов из “Форвертса” и “Социалистического Вестника”, помешавших их миссии. Шахно Эпштейн в пленуме Комитета затратил много пыла на обличение “врагов народа”, — “предателей, которые войдут в историю, как таковые, и их имена будут ненавистны навеки”. Эту директиву, вызванную желанием оправдать провал делегации, поддержал Бергельсон. Другие члены Комитета только поддакивали, но предпочли уклониться от обсуждения причин неудачи контакта с еврейской Америкой...

Антисемитизм в деятельности Сталина стал особенно выявляться, когда, упоенный победой над Гитлером, он совершенно перестал считаться с общественным мнением Америки и Европы. Со всей откровенностью он начал проводить “чистку” от евреев в партии, в государственном аппарате, в литературе. В конце 1948 года был закрыт Еврейский антифашистский комитет с газетой “Эйнигкайт” и типографией и книжным складом, были ликвидированы последние еврейские школы, арестованы и затем расстреляны национально-настроенные еврейские коммунисты, а затем и еврейские писатели и культурные деятели. Все это оказалось прологом к большой антисемитской акции, которая стала широко развиваться в начале 50-х годов, достигнув своего зенита в год смерти Сталина. На этом последнем этапе сталинского антисемитизма следует остановиться подробнее.

6

Вслед за ликвидацией Еврейского антифашистского комитета и массовыми арестами национально-настроенных элементов среди еврейских коммунистов (по спискам, составленным за-границей, в конце 1948 года было арестовано свыше 400 представителей еврейской советской интеллигенции), волна антисемитизма со стихийной силой пронеслась по всей официальной советской печати. В 1949-50 годах не было почти ни одного дня, когда бы в “Изве-

стях” или “Правде” не разоблачались прегрешения евреев-чиновников с усиленным подчеркиванием их еврейских имен, отчеств и фамилий. Эта повседневная травля носила характер подготовки к антисемитской кампании более широкого масштаба, которая, действительно, не заставила себя долго ждать.

Началась она выступлением газеты “Культура и Жизнь”, издаваемой отделом печати при ЦК партии (30 января 1949 г.). Затем продолжалась “Литературной Газетой”, “Правдой”, “Известиями”, “Советским Искусством”, “Комсомольской Правдой”, “Трудом” и “Вечерней Москвой”, и, наконец, перенеслась на страницы журналов “Коммунист”, “Новый Мир” и “Звезда”. Как по команде, был провозглашен лозунг “*борьбы с космополитами*”. Задачей этой кампании было вытеснение представителей еврейской интеллигенции из всех пор советской жизни: “космополитами”, против которых была направлена атака, были исключительно евреи. Не было такой области, в которой бы не обнаружили “космополитов”: в театре и театральной критике, среди беллетристов и в литературной критике, среди художников и музыкантов, деятелей кинематографии и архитекторов, историков и публицистов, экономистов и педагогов. Притом все они были лояльными советскими людьми, которые ни в чем антисоветском заподозрены не были и благополучно пережили полосу великих чисток Ягоды и Ежова. Некоторые были людьми с большим стажем и влиянием, порой с крупным именем в своей области. Многие были максимально ассимилированы, воспринимали русскую культуру, как свою собственную, и по большей части не владели еврейским языком. Единственной виной, которая за ними числилась, был “космополитизм”, т. е. в действительности — еврейское происхождение.

Доносчики с злорадным торжеством раскрывали псевдонимы. Оказалось, что Е. Холодов на самом деле Меерович, Яковлев — Хольцман, Мельников — Мильман, Ясный — Финкельштейн, Викторов — Злочевский, Светов — Шейдман. “Литературная газета”, которая усиленно занималась этим разоблачением, установила, что Бурлаченко на самом деле — Бердичевский, Жданов — Лифшиц, Ган — Каган, Мартич — Финкельштейн, Стебу — Кацнельсон, Санов — Смутьсон и т. д.

Всех этих разоблаченных “космополитов” отовсюду изгнали, лишили привычной работы, а в некоторых случаях арестовывали и ссылали в концлагери. Знаменитый режиссер А. Я. Таиров только потому избег этой участи, что заболел и умер. Но еще при жизни у него забрали созданный

им Камерный театр, предварительно объявив его “эстетом, декадентом” и по случаю его еврейского происхождения (его настоящая фамилия — Корнблит) — также и космополитом. Самое название “Камерный театр” было уничтожено, и первой пьесой в заменившем его новом театре была поставлена халтура о деятельности Сталина в начале века в Батуме.

Разоблаченных “космополитов” обвиняли в “низкопоклонничестве перед западом”, называли: антимарксистскими, антинародными, антисоветскими людьми “без роду и без племени”, “беспаспортными бродягами”, отщепенцами, чуждыми России, презирающими все русское, охаивающими достижения Советской России, “холуями” перед Америкой. “Космополиты не понимают русской истории, литературы, поэзии, не в состоянии правильно оценить русских людей, их психологию, их душу. Это люди без отечества, без привязанности к стране и народу. Они не могут быть советскими патриотами. Они поддерживают постоянную связь с иностранцами от Тель-Авива до Нью-Йорка”. У них “местечковая психология”. Всюду, куда они проникают, они, стремясь захватить все в свои руки, — действуют скопом, “артелью”, своей компанией.

Против одного из них мы читаем (в “Советском Искусстве” от 19 февраля 1949 г.): “Альтман ненавидит все русское, все советское. Буржуазный национализм и отвращение ко всему русскому советскому искусству неизменно приводит его к рабскому угодничеству перед Западом”. Об известном театральном критике А. Гурвиче, который в течение десятилетий был очень влиятелен в театральном мире, “Правда” писала 28 января 1949 г.: “Поклеп это на русского советского человека, гнусный поклеп”. К. Симонов в “Литературной газете” от 2 марта обвинял Гурвича в “издевательстве над русским народом, над русским человеком, над русскими национальными традициями”.

В “Советском Искусстве” от 5-го марта В. Щербина, заместитель министра кинематографии, дал следующее определение космополитизма: “Космополитизм — это знамя американской империалистической реакции, которая стремится духовно разоружить народы, лишить их воли к борьбе, повергнуть народы мира в рабство хозяевам Уолл-стрита, мечтающим о мировом господстве. К одному и тому же, по сути, призывали Гурвич, Трауберг и Блейман, охаивая советское искусство, высмеивая национальные формы нашей культуры и холуйски восторгаясь американскими пьесами и фильмами”. Ю. Павлов в “Правде” от 7 апреля добавляет: “Космополитизм от своего возникновения до на-

ших дней являлся и является идеологическим оружием в руках эксплуататорских классов для оправдания и прикрытия их захватнической политики... Космополитизм... поступил на вооружение Уолл-стрита и его агентуры. Служебная роль растленного космополитизма никогда еще не была столь очевидной и откровенной”.

Таким образом мы получаем законченную форму обвинения: люди с неизжитой местечковой психологией, враждебные всему русскому, становятся агентами американского империализма. Расправу с еврейской интеллигенцией в Советском Союзе оказалось возможным проводить под соусом борьбы с еврейским национализмом, что было на руку антисемитам, и под соусом борьбы с Западом, то было на руку чекистам, и ее задача была сформулирована по немецкому образцу: все советские и коммунистические учреждения должны быть сделаны *judenrein*, — очищены от евреев.

Сведения, подтверждающие слухи о массовых репрессиях, были впервые переданы в Америке радио-станцией “Голоса Америки” 17 октября 1952 года. Радио сообщило, что в Киеве были арестованы профессора медицинского факультета и врачи: Лурье, Браун, Каган, Левковский, Айзенберг, Эрлихман и еще до 20-ти других врачей “последователь академик Бернштейна”, обвиненного в антимарксистских тенденциях. Также в Киеве были арестованы Фридель, Минкевич, Сарнацкий и вместе с ними украинец Капица, который обвинялся в том, что он допускал влияние космополитов-евреев в литературе и искусстве.

Белогуров, присланный из Москвы для проведения чистки, между прочим, разоблачил некоего Гуревича, ухитрившегося в выпускаемых им книжках для детей “опубликовать ряд важных государственных секретов”. В Москве среди арестованных значились Берман, Лифшиц, Фридлянд (вероятно, Цви Фридлянд, историк). Заочно ряд лиц на Украине были арестованы за работу на черном рынке, хотя их действительная вина заключалась в помощи евреям, депортированным из Западной Украины (Галиции). Почти все арестованные по кампании борьбы с космополитами были депортированы на Амур в Хабаровский Край. Там были созданы новые концентрационные лагеря в Чингаре, Союзном, Ленинске.

Следует также отметить сообщение того же “Голоса Америки” о положении, создавшемся к этому времени в Биробиджане. Приведем его текстуально: “Биробиджан, Еврейская Автономная Республика, превращен в концентрационный лагерь. Наблюдается скрытая тенденция депортировать туда всех арестованных евреев. Трудно устано-

вить точное число лагерей в Биробиджане. Достаточно сказать, что в одном из лагерей, расположенном на берегу реки Биро, находятся 5-6 отделений, и в каждом отделении насчитывается от 200-300 евреев-рабов”.

7

Некоторую роль в усилении антисемитских тенденций в политике Сталина сыграло создание еврейского государства Израиль. Как известно, Советская Россия поддержала идею раздела Палестины в Объединенных Нациях в 1947 году. Надо полагать, что мотивы, по которым она действовала, были преимущественно анти-английские: ею руководили не симпатии к сионизму, а стремление вытеснить Англию из ее позиций на Востоке. Об отношении коммунистов к сионизму мы здесь распространяться не будем, но следует отметить, что, когда в 1948 году начались преследования евреев национального лагеря, то уже определился поворот и по этому вопросу. Тут пригодился И. Эренбург, который 21 сентября 1948 года выступил в “Правде” со статьей, положившей конец всем иллюзиям сионистов в отношении России. Эренбург вернулся к старым теориям Сталина о том, что евреи — не нация, что они обречены на ассимиляцию и что Израиль в этом отношении ничего не изменит. Из этого советские евреи могли понять, что какие бы они не связывали надежды с позицией, занятой советами при голосовании вопроса о Палестине в Объединенных Нациях, сейчас окончательно запрещены просионистские, произраильские настроения.

К этому времени уже выяснилось, что Израиль и не склонен войти в орбиту международной политики коммунизма. Поэтому для борьбы с этим западным бастионом уже оказались допустимыми все средства. Арестованных еврейских писателей коммунистов, как Бергельсон и др., уже на первом допросе обвинили в произраильских симпатиях.

Последние иллюзии об отношениях Сталина к Израилю ликвидировал инсценированный в Праге процесс Сланского, острие которого было направлено против сионизма. Пражский процесс (20-25 ноября 1952 г.) происходил за пределами России, но инсценирован он был Сталиным. Это было почти механическим перенесением приемов московской традиции времен Вышинского на чешскую почву. Этот процесс оказался как бы антисемитской и антисионистской манифестацией коммунизма на международной арене. Обвиняемые в пражском процессе были превращены в членов “международного еврейского заговора” и агентов амери-

канской агрессии, направленной против советской империи с целью завоевания мира. В обвинительном акте по этому делу мы сталкиваемся с образцами фальсификации, как бы заимствованными из “Протоколов сионских мудрецов”. Прокурор Урбале — чешский Вышинский — превратил обвинительный акт, направленный против руководителей коммунизма в Чехословакии, в обвинение против всего еврейства, против сионизма и государства Израиль.

В этом смысле очень характерна формулировка смысла пражского процесса, которую дала советская пропаганда в московском “Новом времени” (№ 49 от 3 декабря 1952 года): “На процессе в Праге было неопровержимо доказано, что государство Израиль взяло на себя роль международного шпионского центра. В 1947 г. в Вашингтоне состоялось тайное совещание, в котором приняли участие Труман, Ачесон, нынешний премьер-министр Бен-Гурион, бывший американский министр финансов Моргантау. На этом совещании они договорились о т. н. плане Моргантау-Ачесона — о тех условиях, на которых Америка будет поддерживать государство Израиль. Одним из условий была шпионская деятельность этого государства в пользу американских империалистов. Вот почему Сланский расставил на руководящие посты в аппарате Центрального Комитета партии, в министерствах иностранных дел, внешней торговли, финансов и на других участках троцкистов, националистов и сионистов”.

Подсудимые и лже-свидетели в один голос утверждали на суде, что всю свою деятельность они проводили в качестве евреев. Чтобы полнее представить преступление Израйля, режиссеры процесса использовали члена левой рабочей партии Израйля “Мапам”, про-советиста и про-коммуниста Мордехая Орена, который год тому назад приехал в Восточную Европу и потом исчез. Как выяснилось из обвинительного акта, Орен “сознался”, что он матерой “сионистский шпион” и находится на службе английской разведки еще с 1934 года. По приговору суда, Сланский с товарищами были казнены, а Орен освобожден, отбыв 5-ти-летнее заключение в тюрьме.

8

Другой процесс, также явно направленный против евреев, по большей части коммунистов, состоялся в Москве 12 августа 1952 г., но о нем стало известно только четыре года спустя из статьи Леона Кристола в “Форвертсе” (от 16 марта 1956 года). На особенностях этого процесса надо

остановиться. Прежде всего в точности неизвестно, кто и по какому признаку были посажены на скамью подсудимых. Никогда в советской печати не появлялось отчета об этом процессе. Повидимому, процесс был связан с ликвидацией Еврейского Антифашистского Комитета, и главная группа обвиняемых была из числа его членов. Однако, некоторые члены комитета, как Д. Заславский и И. Эренбург, не были арестованы. Секретарь Комитета, официально приставленный к нему чекист Шахно Эпштейн умер в 1946 году.

Подсудимые были арестованы еще в конце 1948 г. На самом процессе в 1952 г. было, по имеющимся непроверенным сведениям, 26 подсудимых. Известны имена: Д. Бергельсон, П. Маркиш, Л. Квитко, Нистор, Фефер, Д. Гофштейн, И. Добрушин. Совершенно неожиданно к процессу был “пришит” А. Лозовский (Дридзо), который был во время войны товарищем министра иностранных дел и никакого отношения к еврейским делам никогда не имел. О судьбе других членов Комитета ничего неизвестно — даже о гибели председателя Комитета, знаменитого актера Михоэлса стало известно независимо от процесса. Куда девались беспартийные члены Комитета, никаких сведений нет. О докторе Шлиомовиче, стоявшем во главе Боткинской больницы в Москве, стало известно в 1953 г. в связи с т. н. делом врачей-отравителей, а об академике Лине Штерн, (повидимому, единственной женщине привлеченной к процессу) предполагается, что она одна избежала казни и была впоследствии освобождена. В ее биографии, изданной в конце 50-х годов в Москве, об этом процессе не упомянуто и вообще ни одним словом не упоминается о том, что она подвергалась каким-либо репрессиям.

Подсудимые были приговорены к смертной казни, и приговор приведен в исполнение. Среди них погибли лучшие еврейские писатели, которые выдвинулись преимущественно в советский период. Но были в их числе также выдающиеся писатели старшего поколения, как Бергельсон, который занял значительное место в еврейской литературе еще до первой мировой войны, и Нистор, которому удалось сохранить независимость и при советском режиме. Среди казненных были талантливые поэты, как Маркиш и Квитко; детские стихи последнего продолжали распространяться в России на многих языках даже тогда, когда еврейский язык подвергся полному запрету.

Факт убийства Сталиным цвета еврейской литературы, писателей-коммунистов и, во всяком случае, лояльных советских граждан, — тщательно скрывался в самой России и за-границей. Эренбург, как и вся коммунистическая пе-

чать за-границей уверяли, что Бергельсон, Маркиш и др. живы и продолжают писать. Об этом они заявляли еще тогда, когда писатели уже были давно казнены. Тому, что Сталин мог так жестоко расправиться с преданными ему людьми, не раз певшими ему осанну, долго не могли поверить даже еврейские коммунисты за-границей, а когда этот факт был бесспорно установлен, и они были особенно потрясены...

Прошло всего несколько месяцев после расстрела еврейских писателей и процесса Сланского, как весь мир всколыхнулся новейшей сенсацией из Советской России, антисемитский характер которой также не подлежал сомнению.

13 января 1953 года советское агентство “ТАСС” опубликовало сообщение об аресте “группы вредителей-врачей”. Опираясь на “документальные доказательства” и сознание арестованных врачей, сообщение утверждало, что эти врачи убили двух членов Политбюро — А. Жданова и Щербакова (оба скончались несколько лет до этого) и подготавливали убийство маршалов и генералов — Василевского, Говорова, Конева, Штеменко, Левченко и др. Только своевременный арест врачей помешал им провести в жизнь свои дальнейшие преступные планы. Официальное сообщение также утверждало, что врачи-террористы были агентами иностранного шпионажа.

Существенным элементом всей этой фантастической истории был ее явно антисемитский характер. Среди арестованных девяти врачей было шесть евреев, о которых мы читаем: “Большинство участников террористической группы (Вовси М., Коган Б., Фельдман А., Гринштейн А., Этингер А. и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”, созданной американской разведкой, якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность... Арестованный Вовси заявил следователю, что он получил директиву “об истреблении руководящих кадров СССР” из США от организации “Джойнт” через врача в Москве Шлиомовича и известного буржуазного еврейского националиста Михоэlsa”.

В более или менее однообразных комментариях к этому сообщению, появившихся в советской печати, усиленно подчеркивался сионистский характер “Джойнта”. Так, “Правда” от 13 января писала: “Разоблачение шайки врачей-отравителей является ударом по международной еврейской сионистской организации”, а “Труд” от 17 января

писал: “Сионизм стал инструментом американско-английских поджигателей войны... Монополисты США широко используют в своих грязных целях еврейские сионистские организации, в том числе международную еврейскую буржуазно-националистическую организацию “Джойнт”... Вредители и убийцы из “Джойнта” развернули свою преступную деятельность в нашей стране”.

В пропаганде по делу врачей фигурировала причудливая амальгама всяких партий, групп, организаций. Вспомнили и о еврейских социалистах из Бунда, которые были уже давно расстреляны, и о еврейских нэпманах давно ушедшего времени (“Коммунист”, январь 1953 года). Так в одну группу попали сионисты и бундисты, еврейские капиталисты и еврейские коммунисты, националисты всех видов и космополиты и, конечно, троцкисты и титовцы.

Из приведенного сообщения мы также узнали, что председатель Еврейского Антифашистского Комитета артист Михоэлс передал врачам “директивы” об истреблении членов Политбюро и маршалов в Советской России, — меж тем как прежде сообщалось, что Михоэлс убили в Минске бандиты. Кроме того, оказалось, что Михоэлс, приезжавший в Америку в качестве делегата Еврейского Антифашистского Комитета — “известный буржуазный еврейский националист”, агент “Джойнта” и американской разведки.

Предстоящему процессу врачей придавали в Москве столь большое значение, что когда 21 января в Большом театре состоялось традиционное траурное собрание памяти Ленина, о процессе говорил официальный докладчик Михайлов. “Социализм победил в нашей стране — сказал он. — Уже давно разбиты и ликвидированы эксплуатирующие классы. Но все еще остались у нас пережитки буржуазной идеологии, психологии и морали, живые люди, скрытые враги нашего народа. Эти скрытые враги вредили нам и будут дальше вредить и об этом говорит нам убедительно дело группы врачей-вредителей — отвратительные шпионы и убийцы, скрывшиеся под маской врачей, которые продались рабовладельцам и каннибалам Соединенных Штатов и Англии” (“Литературная Газета” от 22 января 1953 года).

В январе и феврале 1953 года особое внимание было уделено нападкам на “Джойнт”. В “Лит. Газете” от 24 января появилась переданная по телеграфу из Лондона статья коммуниста Дерека Картэна “Факты о Джойнте”, в которой сообщается о диверсионной работе в Венгрии директора “Джойнта” сиониста Якобсона и его связях с карди-

налом Миндсенти, дается характеристика сенатора Лемана и б. министра финансов Моргентау, как “бизнесменов и реакционеров”, а “Джойнту” вменяется в вину и то, что в голод 1920-1921 г.г. он сотрудничал с организацией АРА в России, руководимой Хувером. В газете “Труд” от 15 февраля под заглавием “Сионистская агентура доллара”, напечатана обширная статья о “Джойнте”, в которой невозможно разобрать, что относится к сионистам, а что к “Джойнту”. Разумеется, все они находятся на откупу у Уолл-стрит. — “Подлую роль американских агентов — читаем мы в этой статье — играют не только правители Израиля, но и сионистские главари профсоюзного объединения Гистадрута”. 14 февраля “Правда” писала: “Свора взбесившихся псов из Тель-Авива омерзительно гнусна в своей жажде крови”...

Дело врачей вызвало разлив антисемитской пропаганды по всей советской провинции. В некоторых городах Украины произошли расстрелы арестованных евреев-чиновников. “Украинская Правда” в Киеве писала: “Глубокую ненависть вызывают в народе все эти Каганы и Ярошевские, Гринштейны, Персисы, Капланы и Поляковы”. В минской газете “Советская Белоруссия” от конца января 1953 г. появились статьи о преступлениях евреев — главным образом врачей. Был приведен длинный список имен женщин-врачей: д-р Ася Эпштейн, д-р Циша Нисневич, д-р Регина Блок, д-р Конторович, д-р Слободская, д-р Капаш, д-р Дора Паперно. Шпиономания охватила затем и Литву. Аресты евреев начались и в Ленинграде. Газета “Коммунист” обрушилась на заговорщиков из “средне-бужуазной, националистической, контр-революционной партии Бунд”: “Бундисты уже ликвидированы, — читаем мы там, — вычищены до корня, но нельзя забыть о несчастьях, которые они и нэпманы причинили Советской России”.

Подготовка дела “врачей-отравителей” несомненно велась по личной инициативе Сталина. Есть основание считать, что этим процессом он преследовал отчасти политические цели внутрипартийной работы, но, повидимому, у Сталина были и другие далеко идущие цели, направленные против евреев. После его смерти усиленно распространялись слухи о том, что Сталин носился с мыслью установить для всех русских евреев новую “черту оседлости” и затем депортировать их на дальний Север.

Сталин придавал делу врачей большое значение, и Хрущев в своей секретной речи на 20-ом съезде ВКП в феврале 1956 г. уделил этому делу особое внимание. “Вскоре после ареста врачей, — рассказывал он, — мы, члены Политбю-

ро, получили протоколы, в которых врачи сознавались в своей вине... Но не было возможности проверить факты, связавшись с теми, кто признавался в вине! Мы чувствовали, однако, что дело арестованных врачей было сомнительно. Мы лично знали некоторых из этих людей, так как в свое время они нас лечили. Когда мы пересмотрели это дело после смерти Сталина, мы пришли к заключению, что оно было сфабриковано от начала до конца. Это позорное дело было создано Сталиным. У него не хватило времени, однако, довести его до конца так, как он себе представлял этот конец". И вот заслуживающая внимание подробность: по словам Хрущева, Сталин сказал министру Госбезопасности — Игнатьеву: "Если ты не добьешься признания врачей, мы тебя укоротим на голову"... Сталин лично вызвал к себе следователя, рекомендовал ему методы, которые следовало применять при ведении следствия. Эти методы были просты — "бить, бить и еще раз бить".

Смерть Сталина привела к реабилитации врачей, но после пыток, при помощи которых добывались признания, не все арестованные могли дожить до свободы: двое арестованных, профессора И. Г. Этингер и М. Б. Коган, исчезли в недрах ЧК, не дождавшись смерти Сталина и последовавшей реабилитации. Заместитель министра Госбезопасности Михаил Рюмин, назначенный на эту должность в 1952 году, был 4 апреля 1953 г. арестован и в 1954 году расстрелян. Министр Госбезопасности Семен Игнатьев, хотя был обвинен в "политической слепоте", уцелел — вероятно, потому, что оказал услуги наследникам Сталина.

После смерти Сталина власть перешла в руки т. н. коллективного руководства, затем в 1957 году к Хрущеву, а в 1964 году к Брежневу и Косыгину. Преемники Сталина реабилитировали многих пострадавших в его время людей и приступили к "де-сталинизации" советского строя. Однако, и они не сочли возможным покончить с политикой антиеврейских дискриминаций и с правительственным антисемитизмом.

Но обследование еврейского вопроса в эту новейшую эпоху уже выходит за пределы настоящей статьи.

С. ШВАРЦ

БИРОБИДЖАН

ОПЫТ ЕВРЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Возникновение проекта еврейской колонизации Биробиджана. — Первый период колонизации: 1928-1934. — Второй период колонизации: 1934-1941. — Еврейская культурная жизнь в Биробиджане. — Биробиджан в годы войны. — Послевоенное возрождение идеи Биробиджана: 1946-1948. — Занат.

Биробиджанский проект возник, как попытка широкой еврейской колонизации далекого, почти необжитого района, главным образом сельскохозяйственной колонизации. Неслучайно инициатива еврейской колонизации Биробиджана исходила из Комитета по земельному устройству трудящихся евреев (Комзета), самое проведение колонизации было поручено Комзету и сельскохозяйственное переселение в Биробиджан первоначально было даже формально закрыто для не-евреев. В процессе осуществления плана колонизации Биробиджана задачи колонизации частью менялись, но первоначальная ориентировка на создание в Биробиджане компактной массы евреев-земледельцев продолжала доминировать в вопросе о еврейской колонизации Биробиджана.

Такова, по крайней мере, внешняя сторона вопроса. Действительность была гораздо сложнее. Проект еврейской сельскохозяйственной колонизации Биробиджана возник в 1927-1928 годах, когда интерес в руководящих еврейских коммунистических кругах к развитию еврейского земледелия начал падать. И если в это время выдвинулся проект широкой еврейской сельскохозяйственной колонизации, продиктован он был в значительной мере не интересами земельного устройства евреев, а другими соображениями: земельное устройство в Биробиджане евреев должно было служить общим целям советской политики на Дальнем Востоке. Обо всем этом еще будет речь ниже.

Но все же это был план широкой еврейской колониза-

ции, и как таковой он заслуживает анализа.

Идея еврейской сельскохозяйственной колонизации Биробиджана своими корнями уходит в стихийный переход десятков тысяч евреев к земледельческому труду в первое десятилетие после Октября.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОЕКТА ЕВРЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ БИРОБИДЖАНА

В политике привлечения евреев к производительному труду проект колонизации Биробиджана занимает особое место, сочетая и задачи «продуктивизации» еврейского населения и задачи национальной консолидации советского еврейства. Проект этот возник в связи с поисками территории для широкой еврейской сельскохозяйственной колонизации, начавшимися еще в 1924 году. В руководящих еврейских советских кругах проблема эта рассматривалась в то время почти лишь как экономическая проблема и лишь очень редко отмечалось ее национальное значение. Отчетливость в постановке проблемы еврейской сельскохозяйственной колонизации, как основной проблемы национальной консолидации советского еврейства, пришла со стороны. Как это ни неожиданно, наиболее решительным защитником идеи национального возрождения еврейства на путях сельскохозяйственной колонизации явился Михаил И. Калинин, председатель Президиума ЦИК СССР, как бы президент Советского Союза. В речи его на 1-ом съезде Озет, 17-го ноября 1926 года, Калинин формулировал эту мысль следующим образом:¹

«Перед еврейским народом стоит большая проблема — сохранить свою национальность, а для этого нужно превратить значительную часть еврейского населения в оседлое крестьянское земледельческое компактное население, измеряемое по крайней мере сотнями тысяч. Только при таких условиях еврейская масса может надеяться на дальнейшее существование своей национальности».

Первоначально возникла мысль об избрании в качестве основного района еврейской сельскохозяйственной колонизации северной, степной части Крыма. В широких кругах населения очень распространено представление о Крыме, как о райском уголке. Это верно только в отношении южной прибрежной полосы, так называемой Крымской Ривьеры, занимающей около 1% площади Крыма. Очень благоприятны условия для развития сельского хозяйства и в прилегающей к Крымской Ривьере горной части Крыма (около 19% всей площади Крыма). Но совсем иным характером

отличается большая часть расположенной к северу от горной полосы степной территории Крыма (около 80% его площади).² А между тем только в эту степную область, причем и здесь преимущественно в наименее благоприятные северные и северо-восточные части ее, был направлен поток еврейских переселенцев. И для этого были серьезные основания.

Вследствие неблагоприятных условий для развития сельского хозяйства степная часть Крыма всегда оставалась мало населенной, а после тяжелого голода в 1921 году, когда население Крыма уменьшилось более чем на одну пятую, сельскохозяйственное население его и вовсе поредело. В 1923 году средняя плотность сельскохозяйственного населения Крыма, включая и его густонаселенное южное побережье, достигла лишь 12,3 душ на кв. километр против 50,6 душ на кв. км. в соседней Украине. В северных — Джанкойском и Евпаторийском — округах, куда направлялся основной поток еврейских переселенцев, плотность сельскохозяйственного населения была еще много ниже: 8 душ на кв. км.³

До революции крестьянское хозяйство было недостаточно развито в северной части Крыма, значительная часть земли принадлежала здесь крупным землевладельцам и обрабатывалась при помощи пришлых рабочих из более отдаленных губерний Украины. После революции помещичьи земли отошли к государству, но оставались в значительной части неиспользованными. Всего в 1916 году посевные площади в Крыму достигали 778 тысяч десятин, из них 581 тысяча десятин у крестьян. В 1924 году крестьянские посевы достигали лишь 366 тысяч десятин, т. е. 62,8% довоенной крестьянской посевной площади, все посевы 390 тысяч десятин, 50,1% довоенной площади. Между тем, на Украине общая площадь посевов достигла уже к этому времени 91,0% довоенной площади, а площадь крестьянских посевов превысила довоенную.⁴ Без притока переселенцев из других частей Советского Союза восстановление скромного довоенного уровня крымского сельского хозяйства и тем более дальнейшее его развитие представлялось неразрешимой задачей.

Неблагоприятные для развития земледелия условия в северных и северо-восточных частях Крыма и невозможность заселения их без предварительной затраты больших средств и заставили, повидимому, советское правительство уделить такое внимание вопросу о землеустройстве евреев в Крыму. В официальных кругах открыто ориентировались при этом на приток средств из-за границы. М. И. Калинин в

июле 1926 года в статье «Еврейский вопрос и переселение евреев в Крым» так прямо и писал:⁵

«Вот как нам пишут агрономы, посланные по обследованию крымских земель:

‘Нами производится теперь выбор мест под поселки. Приходится выбирать из всех зол наименьшее. Ни в одном месте нельзя с уверенностью ожидать достаточно воды и хорошего качества. На всех участках можно делать только шахтные колодцы глубиной свыше 20 сажен до 50-ти. Артезианские воды большей частью в этом районе горько-соленые... Проблема обводнения этих участков настолько серьезна и сложна, что я должен перед вами поставить вопрос о возможности и допустимости заселения участков Евпаторийского района’.

Как видите из этой выписки, на эту землю простых поселенцев посадить нельзя; чтобы их посадить, на каждую десятину надо вложить минимум пару сотен рублей; ни у советского правительства, ни у населения этой суммы нет. Эта сумма может быть собрана только за границей, что евреи и делают».

На 1-ом съезде Озет в ноябре того же года Калинин вновь вернулся к этой мысли. Подчеркнув, что для сохранения евреями своей национальности необходим переход к земледелию сотен тысяч евреев (эта его аргументация приведена выше), Калинин апеллировал к национальному чувству «еврейских капиталистов» за границей:⁶

«Для этого (Т. е. для создания большого компактного еврейского земледельческого населения. — С. III.) требуются большие средства. Правительство со своей стороны употребляет все усилия для того, чтобы дать хотя некоторую материальную помощь... Но, с другой стороны, советское правительство не мешает, чтобы евреи-переселенцы в национальном отношении получали помощь от евреев-капиталистов, находящихся за пределами СССР, за границей... Тут происходит совпадение интересов, исходящих из различных точек зрения — национального сохранения массы и национального чувства еврейских капиталистов, которые, будучи капиталистами, пользующимися всеми благами, вместе с тем не могут спокойно спать, зная, что народ, родственник им по крови, страдает, мучается».

Эта помощь заграничного еврейства — отнюдь, конечно, не одних лишь «еврейских капиталистов», а в значительной степени также американско-еврейских рабочих и американско-еврейских средних классов — действительно достигла очень значительных размеров. К 1929 г. общая сумма затрат на земельное устройство евреев в Советском Союзе достигла 22,5 миллионов рублей, «из коих 16,7 млн. руб-

лей падают на средства заграничных организаций и около 5,8 млн. рублей на советские»,⁷ т. е. соответственно 74,2 и 25,8% или почти три четверти и четверть.⁸

Но в официальных советских кругах интерес к еврейской колонизации северной части Крыма рано начал падать. Причину этого сейчас установить трудно. Вероятно, какую-то роль сыграли здесь опасения роста антисемитских настроений в стране в связи со слухами, что евреям «отдают Крым».⁹ Так или иначе, уже в 1927 году идея еврейской сельскохозяйственной колонизации в Крыму начала тускнеть и была выдвинута мысль об освоении при помощи еврейской колонизации почти незаселенной территории на Амуре, получившей вскоре название Биробиджана (по именам двух рек, притоков Амура, Большой Биры на востоке и Бижана на западе территории). Присоединенная к России (вместе со всем Приамурским краем) лишь в 1858 году по Айгунскому трактату, территория теперешнего Биробиджана, — размерами больше Бельгии, — оставалась почти без населения. Неоднократные попытки заселения этой территории, начавшиеся еще в 1858 году, тотчас после установления здесь русской власти, переселением сюда в принудительном порядке части забайкальских казаков, дали очень скромные результаты. К середине двадцатых годов все население этой обширной территории едва достигало тридцати тысяч.¹⁰

Такое состояние этого пограничного района, в связи с ускорившимся ростом манчжурско-китайского населения по ту сторону Амура и опасностью массового просачивания колонистов из-за рубежа, начало вызывать в руководящих советских кругах тревогу и поиски путей к скорейшему освоению края. Тут-то и родилась идея еврейской колонизации Биробиджана, осуществление которой, очень дорогое, могло бы быть облегчено — по крымскому образцу — притоком значительных средств из-за границы.

В литературе того времени осталось немало указаний на роль, которую играл в решении вопроса о Биробиджане аргумент об обеспечении государственной территории путем скорейшего освоения края. Заместитель председателя Комзета А. Н. Мережин в своем докладе на заседании Комзета 12-го июля 1928 года (непосредственно после возвращения из поездки в Биробиджан) подчеркнул необходимость колонизировать край в течение ближайших 10-15 лет, чтобы предупредить его заселение китайцами.¹¹ Виктор Финк, посетивший Биробиджан осенью 1929 года (вместе с делегацией Икор'а), говоря о решении советского правительства направить еврейских колонистов в Биробиджан,

отметил, что «кроме 'еврейского вопроса' ЦИК намечал здесь решение и другой, не менее важной проблемы — проблемы заселения, вернее, советского освоения пространств Дальнего Востока, пустование которых дразнит аппетиты империалистических соседей».¹² Юрий Ларин, останавливаясь на проблеме Биробиджана, объяснял остроту вопроса о скорейшем заселении края необходимостью устранить один из «моментов, который будет манить японский империализм к советскому Дальнему Востоку».¹³

Весною 1927 года Комзет принял решение о посылке в Биробиджан — или, по тогдашней терминологии, Бирско-Биджанский район Дальневосточного края, — научной экспедиции для выяснения возможностей широкой организации здесь переселенческой деятельности Комзета. Весь опыт предшествующей работы по колонизации района — от первых поселений забайкальских казаков в 1858 и последующие годы в приамурской полосе до переселения крестьян из южных черноземных губерний и из Поволжья в 1910-1915 годах в район Бирского опытного поля — свидетельствовал о громадных трудностях прочного устройства переселенцев в районе. Экспедиция, однако, не сделала из этого опыта вывода о невозможности здесь массовой колонизации, да, повидимому, и задача, которая была поставлена перед нею, сводилась к выяснению вопроса не о том, возможна ли или нет широкая колонизация Бирско-Биджанского района, а о том, при каких условиях такая колонизация может быть осуществлена с расчетом на прочный успех.

Экспедиция проделала почти героическую работу, обследовав в течение полутора месяца полевых работ площадь более 1.000.000 гектаров (из общей площади района около двух с половиной миллионов гектаров), главным образом в низменной, «степной» части района, «представляющей наибольший интерес в смысле сельскохозяйственной колонизации и где расположены фонды 'первой очереди'». Полевые работы экспедиции протекали в очень тяжелой обстановке: в необжитой, частью заболоченной местности, в условиях бездорожья и в «период, наиболее тяжелый по местным климатическим условиям: период дождей, разлива рек, высоких температур и усиленного 'гноса'».¹⁴ Отчет экспедиции был выдержан в строго деловых тонах. Но за этой видимой сдержанностью чувствовалась тревога «большущиков» биробиджанской колонизации. Экспедиция пришла к следующим выводам:¹⁵

«Колонизационная работа должна быть построена на следующих принципах:

1) Колонизация района, очередность заселения, последовательность всего комплекса колонизационных действий должны проводиться по строгому плану, обнимающему весь район в целом и рассчитанному на компактное заселение фондов в продолжении ряда лет. Вкрапленная, пятнистая колонизация, совершающаяся в настоящее время, использующая лучшие участки, при большой пестроте рельефа и почв в районе затруднит освоение больших окружающих пространств новыми переселенцами и повлечет за собой неэкономное использование колонизационных ресурсов района.

2) Колонизация должна начаться в наиболее обжитой южной и югозападной части района в Приамурьи, отчасти в районе Бирского опытного поля и оттуда постепенно распространяться на необжитые части района.

3) Подготовка района для колонизации требует в первую очередь оборудования дорожной сети. Необходимо магистральные дороги оборудовать для грузового автомобильного движения и перевозки тракторов; вспомогательные пути на участках должны также быть хорошо построены, обеспечены мостами через реки и, по возможности, балластированы.

4) Переселенец должен быть массовым, с устройством более крупных поселков (примерно в 100 дворов), чтобы таким образом легче освоить и осушить местность и побороть 'гнус', а также в целях облегчения удовлетворения культурных и хозяйственных нужд переселенцев: устройства школ, медпомощи, переработки продуктов (и коллективизации хозяйства. — *Ред.*).

5) Чтобы обеспечить успех переселения, необходимо, чтобы переселенец по прибытии застал подготовленные фонды, в смысле отграничения, водоснабжения и отчасти осушительной мелиорации (магистральные каналы) там, где она нужна, а также срубленные избы, хотя бы в незаконченном виде, так как по условиям климата крытое помещение требуется неотложно....

7) По местным условиям нужно, чтобы за год до прибытия переселенцев производился подъем пласта, который поспекает для посева лишь на следующую весну, возводились бы стены и крыши домов, а также производились бы основные мелиорации. Наиболее выгодные и дешевые рабочие руки могут быть использованы для этой цели со стороны кочующих рабочих артелей китайцев и отчасти корейцев. Но было бы желательно привлечь для этой цели рабочие дружины на началах найма из среды безработной еврейской молодежи БССР и Украины (особенно лесостепной), которые могли бы в крае осесть или даже закрепить землю и вызвать семьи.

8) Прибытие переселенцев должно пройти все обычные стадии: ходоки, работники и семьи, причем ходоки приглашаются на устроенные или устраиваемые фонды летом и осенью, работники прибывают к весне для производства посева и семьи приезжают осенью к уборке урожая....

Начало переселения евреев в Б.-Биджанский район воз-

можно не раньше 1929 года. Весь 1928 год должен пойти на подготовку фондов. Полагаем, что масштаб переселения в 1929 году должен составлять тысячу семей, в 1930 году 2.000 семей и в дальнейшем должен оставаться на уровне 2.000-3.000 семей в год».

Внимательно перечитывая сейчас эти выводы экспедиции, невольно испытываешь ощущение, что они были задуманы, как предупреждение, чего *не* делать, как *не* вести переселение, чтобы не погубить его с самого начала. Мысль, красной нитью проходящая через все выводы экспедиции, это необходимость систематической, требующей времени и средств, подготовки переселения (см. особенно п.п. 3-5 и 7) и соблюдения определенной последовательности в прибытии ходоков, основных работников и семей переселенцев (п. 8). Заслуживает внимания и несомненно принято было экспедицией не без колебаний требование о начале колонизации «в наиболее обжитой южной и югозападной части района, в Приамурьи» (п. 2). Этому вопросу экспедиция уделила особое внимание:¹⁶

«Основной предпосылкой колонизации этого района является землеустройство местного населения и отграничение колонизационных фондов... Необходимо, однако, сказать, что землеустройство населения представляет задачу довольно сложную. Население состоит из казаков, которых в 60-80 гг. в принудительном порядке переселили из Забайкалья и поселили на указанных местах для обеспечения охраны границы, и корейцев, устроенных в тот же период в с. Благословенном. Ко времени поселения казаков край был покрыт в огромной части лесом, безлюден и заболочен. Они пережили много бедствий, пока окрепли и освоили землю. Население свободно селилось и расширяло свое землепользование, не встречая сопротивления, и в настоящее время оно номинально простирается на территорию до 330.000 гектаров, хотя фактическое землепользование значительно ниже 110.000 гектаров.

Население знает о предстоящем землеустройстве и относится к нему с тревогой и опасением. Отграничение земель трудового пользования уменьшит просторы хозяйства, стеснит возможность применения существующей переложной зерновой системы и особенно неограниченное право сенокосения, сократит возможность промысловой охоты и т. д. Местный старожил плохо представляет себе условия существования в плотно заселенной стране и смотрит на предстоящее землеустройство как на бедствие»...

Игнорировать эти настроения старожилого населения было бы неоправданной жестокостью, да это и практически

невозможно. Преодолеть эти трудности можно только энергичной работой по созданию благоприятной обстановки для развития старожилого хозяйства в новых условиях.¹⁷

«Безболезненное землеустройство старожилого населения должно сопровождаться рядом мероприятий, которые облегчили бы реорганизацию хозяйства в соответствии с новыми условиями. Сюда следует отнести: мелиорирование отводимой территории, устройство сети полевых дорог, снабжение тракторами, организация переработки и сбыта молока, устройство скотных дворов (сейчас скот зимует под открытым небом), улучшение породы скота и т. д. ...

К этому следует добавить, что межселенное землеустройство местного населения должно производиться непременно на средства госбюджета, а не на местные средства, как это было до сих пор, хотя бы потому, что в этом землеустройстве местное население не заинтересовано и склонно придавать ему ложное направление».

Но в проведение всех этих мероприятий и, тем более, процесс осознания значения этих мероприятий местным населением и примирения его с новыми условиями — требовали времени и не допускали поспешности.

23-го августа 1927 года экспедиция вернулась в Москву и приступила к обработке большого собранного ею материала. В начале 1928 года предварительный отчет экспедиции был представлен в правительство и 28-го марта состоялось постановление Президиума ЦИК СССР о «закреплении за Комзетом» Биробиджанского района (здесь, кажется, в первый раз этот термин употреблен в официальном документе) «для нужд сплошного заселения трудящимися евреями свободной земли». Переселение в Биробиджан не для занятия земледелием должно было играть подчиненную роль. Еврейская сельскохозяйственная колонизация должна была носить сплошной характер и для не-евреев Биробиджан, как территория для сельскохозяйственной колонизации, был закрыт: в постановлении 28-го марта это было сформулировано категорически: «прекратить дальнейшее зачисление не по нарядам Комзета земельных долей в Биробиджанском районе». Границы Биробиджанского района были при этом установлены несколько суммарно, и окончательное установление границ поручалось Дальневосточному краевому землеуправлению совместно с районным переселенческим управлением и Комзетом. — Постановление 28-го марта заканчивалось сыгравшим впоследствии значительную роль «пятым пунктом»;

«При благоприятных результатах сплошного заселения означенного в п. 1 района трудящимися евреями иметь в виду возможность образования на территории указанного района еврейской национальной административно-территориальной единицы».18

2. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЕВРЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ БИРОБИДЖАНА: 1928-1934

После принятия правительственного постановления о «закреплении» Биробиджана за Комзетом для нужд еврейской колонизации, немедленно началось переселение евреев в Биробиджан. Предостережения Биробиджанской экспедиции совершенно игнорировались. О предварительной подготовке района к приему переселенцев, о сохранении определенной очередности в посылке ходоков, работников и семей переселенцев, об отсрочке начала переселения до 1929 года не было и речи. 28-го марта 1928 года было вынесено постановление Президиума ЦИК'а и сейчас же начали формироваться первые эшелоны еврейских переселенцев.¹ В руководящих советских кругах ориентировались на широкую колонизацию Биробиджана евреями в течение немногих лет. Отвечая на вопрос американской экспертной комиссии Икор'а, Рыков в октябре 1929 года заявил, что уже в последний год первой пятилетки (т. е. в 1932/33 г.) еврейское население Биробиджана должно достигнуть «около 60.000»², т. е. евреи должны были образовать к этому времени значительное большинство в составе населения района. Результаты этой колонизационной спешки сказались немедленно. Переселенцы, к тому же непривычные к сельскохозяйственному труду, очутились в тайге в очень тяжелых условиях, и большинство переселенцев первых двух лет не выдержали испытания и либо вернулись на места выхода (за многие тысячи километров), либо разбрелись по более значительным центрам Дальнего Востока (Хабаровск, Владивосток и др.). Из переселенцев 1928 года лишь немного более трети оставалось к концу года в Биробиджанском районе. В 1929 году повторилось то же (цифры будут приведены ниже). Но и те немногие переселенцы, которые оставались в Биробиджанском районе, оказались в большинстве своем сосредоточенными на ст. Тихонькая (будущий город Биробиджан) и в других небольших поселках полугородского типа вдоль железной дороги, а не «на земле». Здесь же, особенно на ст. Тихонькая, надолго задерживались прибывавшие в район новые переселенцы. Виктор Финк следующим образом описывает их положение, как он наблюдал его осенью 1929 года:³

«В поселке при станции Тихонькая, Уссурийской железной дороги, являющемся как бы воротами Биробиджана, образуется затор из еврейских переселенцев. Они живут в бараках. В невероятной скученности и грязи там валяются вповалку на двухэтажных нарах десятки чужих друг другу людей — холостяков, молодых женщин, стариков, многодетных семейств с грудными младенцами. Я утверждаю, что переселенческие бараки в Биробиджане могли бы быть позором тюрьмы. По положению, переселенцы должны проживать в бараке не больше трех суток. Фактически же они сидят там по два и по три месяца, так как, во-первых, земельные фонды не подготовлены, а, во-вторых, нет дорог... В Биробиджане нужен крепкий дом, и нужно, чтобы через болота и тайгу была проложена дорога. Покуда этого нет, из Тихонькой выехать почти невозможно, да и ехать некуда.

«Среди барачных жителей складывается какой-то особый жуткий быт. Некоторые умудряются получать переселенческий кредит и ссуды, сидя в бараке, и проедают их, даже не выехав на землю. Другие, менее изворотливые, нищенствуют. Я видел в бараке семью, которая дошла до такой степени несчастья, что другие переселенцы, сами ведущие полуголодное существование, из жалости собирали для нее милостыню... Одинокие женщины, попав в беспомощное положение, поневоле начинают заниматься проституцией. Иные уезжают для этого в Хабаровск, но в сентябре-октябре 1929 года и в Тихонькой несколько еврейских женщин стали заниматься проституцией. Они приехали с намерением работать на земле, но не могли добраться до земли...»

Заслуживает внимания, что организаторам переселения пришлось почти отказаться от выдвинутой Биробиджанской экспедицией идеи размещения еврейских переселенцев прежде всего в наиболее обжитой южной и юго-восточной части Биробиджана, в Приамурьи, так как при неосуществлении мероприятий, которые могли бы сделать размещение здесь евреев переселенцев относительно приемлемым для местного старожилого населения (см. выше), не могло быть и речи о направлении сюда широкого потока евреев-переселенцев. Поэтому и размещение переселенцев производилось преимущественно не в Приамурьи, а в более трудных для освоения центральной и северной частях Биробиджана, ближе к железной дороге.

В 1930 и 1931 годах положение несколько улучшилось: приток переселенцев все еще оставался скромным, но по крайней мере бегство переселенцев из района приняло менее катастрофические размеры. Все же к концу 1931 года в Биробиджанском районе было лишь немного более пяти тысяч евреев при общей численности населения района более

44,5 тысяч. Цифры эти вскрывают поразительный факт: несмотря на категорическое указание постановления 28-го марта 1928 года о прекращении переселения в Биробиджан не-евреев, приток такого рода переселенцев продолжался и даже обгонял приток переселенцев евреев.⁴

Осенью 1931 года Президиум Всероссийского ЦИК вынес постановление «о мероприятиях по осуществлению пункта пятого» декрета 28-го марта 1928 года.⁵ Постановление это требовало «значительного усиления темпов хозяйственного роста района на базе развития крупных промышленных предприятий на местном сырье (железо, графит, лес, стройматериалы), кустарного производства, совхозного и колхозного строительства, соответственных дорожных и мелиоративных мероприятий», «ориентируясь на образование к концу 1933 года в границах Биробиджанского района еврейской автономной административно-территориальной единицы в составе Дальневосточного края». Во исполнение этого постановления были разработаны плановые цифры развития народного хозяйства и роста населения Биробиджанского района в 1932 и 1933 годах.⁶

Еврейское население за два года должно было увеличиться более, чем на 25 тысяч, т. е. более, чем в шесть раз, при одновременном увеличении не-еврейского населения лишь на 9 с половиной тысяч (в том числе на две с небольшим тысячи в порядке естественного прироста). Мысль о прекращении переселения не-евреев в Биробиджан и о превращении Биробиджана в район «сплошной» еврейской сельскохозяйственной колонизации была здесь официально — хотя и молчаливо — оставлена, как оставлена была и идея о направлении большинства еврейских переселенцев в сельское хозяйство. Так, для 1932 года общее количество евреев-переселенцев (с иждивенцами) намечалось в 14.000,⁷ из них в колхозы 3.900 и в совхозы 2.300, т. е. в сельское хозяйство 6.200 или 44,3% общего числа евреев-переселенцев за год.⁸

Весною 1932 года ЦИК СССР в свою очередь подтвердил постановление Всероссийского ЦИК и предписал даже усилить поток евреев-переселенцев в Биробиджанский район.⁹ Комментируя это постановление ЦИК СССР, Диманштейн писал: «По предварительным предположениям мы должны иметь к концу 1933 года в Биробиджане около 50.000 евреев-переселенцев (а не 31.100, как намечалось во исполнение осеннего 1931 года. — С. Ш.), исходя из расчета, что к концу 1932 года мы будем иметь около 20.000 переселенцев (а не 17.920, как намечалось недав-

но. — С. Ш.)». ¹⁰ Одновременно плановые органы Дальневосточного края разработали плановые цифры для Биробиджана, согласно которым «население Биробиджана к концу 1937 года (т. е. к концу второй пятилетки. — С. Ш.) должно составлять 300.000 человек, из коих 150.000 евреев-переселенцев». ¹¹

Все эти расчеты оказались построенными на песке. В действительности за 1932 год в Биробиджан прибыло не 14.000 евреев-переселенцев, как намечалось во исполнение осеннего постановления 1931 года (не говоря уже о более далекоидущих расчетах Диманштейна), а лишь 9.000. Притом из них «осталось лишь 3.000, и в 1933 году отлив даже превысил приток переселенцев». ¹² В итоге общее количество евреев-переселенцев в Биробиджанском районе достигло к концу 1933 года не 31.000 и не 50.000, а лишь 8 с небольшим тысяч. ¹³ О близкой перспективе 150.000-ного еврейского населения Биробиджана, конечно, не могло уже быть и речи.

Таковы были итоги еврейского переселения в Биробиджан ко времени объявления Биробиджана — в мае 1934 года — Еврейской автономной областью. По годам они показаны в следующей таблице:

Переселение евреев в Биробиджан¹⁴

	<i>Прибыло</i>	<i>Отселилось</i>	<i>Осело</i>
1928	950	600	350
1929	1.875	1.125	750
1930	2.560	1.100	1.560
1931	3.250	725	2.525
1932	11.000	8.000	3.000
1933	11.000	8.000	3.000
Итого за 6 лет	19.635	11.450	8.185

У нас нет точных данных о количестве не-еврейского населения Биробиджана к началу 1934 года. Оно во всяком случае было выше 40.000, и процент евреев среди населения Биробиджана был в это время ниже 20. Необходимого условия для превращения Биробиджана в «еврейскую автономную административно-территориальную единицу» — осуществленного или близкого к осуществлению еврейского большинства — в Биробиджане еще не создалось. И самая возможность такого увеличения еврейской иммиграции в Биробиджан, которое бы в предвидимом будущем могло создать в Биробиджане еврейское большинство, представлялась после опыта 1928-1933 годов спорной, по крайней

мере на тех путях, на которых велась до сих пор политика колонизации Биробиджана.

Широкая колонизация Биробиджанского района еврейской местечковой беднотой, если и могла бы быть успешной, то лишь при наличии двух условий: при систематической, упорной подготовке района к приему колонистов и — и это главное — при создании в еврейских массах национального подъема, который облегчил бы перенесение связанных с такой колонизацией огромных трудностей. Это, в сущности, даже не два, а одно условие, так как в обстановке национального подъема можно было бы организовать кадры еврейской молодежи, проникнутые настроениями, близкими к настроениям палестинских халуцим, которые — под руководством специалистов — осуществили бы мелиоративные, дорожные и строительные работы по подготовке района к широкой колонизации. Что при иной ориентировке советской еврейской колонизационной политики возможны были гораздо более благоприятные результаты, можно показать на примере. Единственной сельскохозяйственной коммуной, выдержавшей в Биробиджане без потерь испытания 1928 и 1929 годов, была небольшая коммуна молодежи «Икор». Коммуна эта была в основном составлена из первого выпуска еврейской сельскохозяйственной школы близ Минска: весь выпуск, состоявший сплошь из детей евреев-крестьян, отправился в Биробиджан, увлеченный лозунгом «В еврейскую страну!» (так рассказывал об этом А. Н. Мережин на пленуме Центрального Совета и Правления Озет в январе 1929 г.).¹⁵ Сохранению коммуны в эти тяжелые первые годы содействовало, может быть, и то, что, кроме энтузиастов из Минска, в состав ее, вероятно, вошли энтузиасты из Америки. Об этом говорит уже самое имя коммуны, названной по имени Американской ассоциации для еврейской колонизации «ICOR». Но и эта коммуна, как отмечает Кантор, увлекшись фантастическими «организационными экспериментами», пережила в 1930-1933 годах тяжелый кризис, который удалось преодолеть лишь с применением болезненной «хирургической» операции.¹⁶ В чем состояла эта хирургическая операция, автор не сообщает, но когда в 1934 году известный американско-еврейский журналист Б. Ц. Гольдберг приехал в Биробиджан, положение коммуны «Икор» было таково, что Биробиджанская администрация всячески пыталась не допустить поездки Гольдберга в «Икор» и уступила лишь после того, как Гольдберг заявил, что ему по возвращении в Америку невозможно будет объяснить, почему он, побывав в Биробиджане, не посетил «Икор». Гольдберг

нашел «Икор» в очень тяжелом состоянии. Коммуна состояла в это время уже почти из одних бывших американско-еврейских социалистов и сохранялась, в сущности, лишь благодаря их высокому общественному идеализму.¹⁷

Мысль о подготовке переселения, опираясь на настроение национального подъема у еврейской молодежи, повидимому, маячила и перед авторами предварительного доклада Биробиджанской экспедиции (см. п. 7 их выводов). Но коммунистическому руководству еврейской колонизационной политикой такая постановка вопроса была совершенно чужда, и хотя оно и прибегало иногда к национальному аргументу, делалось это нехотя и без внутреннего убеждения. А организации биробиджанской колонизации, как еврейского национального дела, коммунистическое руководство просто боялось, и ни в центре, ни на местах даже не пыталось создать еврейские автономные органы по руководству переселением.

3. ВТОРОЙ ПЕРИОД ЕВРЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ БИРОБИДЖАНА: 1934-1941

Чрезвычайно неблагоприятные итоги первых шести лет еврейской колонизации Биробиджана заставили руководителей еврейской советской политики коренным образом изменить весь характер проекта. Одновременно с провозглашением Еврейской автономной области Биробиджан становится колонизационным центром не столько для безработной, гибнущей еврейской бедноты, сколько для еврейских рабочих, уже занятых в промышленности, еврейских крестьян, уже сидящих на земле, еврейских ремесленников, уже выбравшихся из местечек в более значительные центры и имеющих заработок и относительно обеспеченное существование. Соответственно и политика содействия добровольному и свободному переселению вытесняется политикой «вербовки» переселенцев при содействии и часто под давлением «советской общественности», «вербовки», носящей в советских условиях характер полу-мобилизации. Диманштейн, комментируя постановление ЦИК об объявлении Биробиджана Еврейской автономной областью, писал об этом открыто:¹

«Переселение еврейских рабочих и трудящихся в Биробиджан нельзя уже теперь мотивировать только необходимостью приобщения этих людей к производительному труду, так как этот момент в значительной мере нами разрешен. Огромная часть нынешних переселенцев в Биробиджан состоит из *завербованных* рабочих или ремесленников, которые идут туда на

конкретную работу... Это более высокая ступень по сравнению с прошлой работой Комзета, когда речь шла в основном о ликвидации деклассированности еврейской бедноты и т. п.»

Необходимость этой переселенческой политики Диманштейн объяснял при этом исключительно государственными интересами Советского Союза:²

«Для каждого сознательного участника социалистического строительства совершенно ясно все значение обороны Дальнего Востока против интервенции. Одним из основных моментов усиления обороны наших дальневосточных границ является необходимость заселить район надежными, выдержанными людьми».

Тенденция к переводу всей работы по организации переселения в Биробиджан на начала «вербовки» становится с этого времени господствующей, а с начала 1936 года вербовка признается уже и просто единственным способом формирования кадров переселенцев.³ На пленуме Озет в начале 1936 года председатель Комзет (и член президиума ЦИК СССР) С. Е. Чуцкаев со всей решительностью противопоставлял вербовку недопустимому «самотеку» и в таком же духе было выдержано и постановление пленума. Современный автор писал о нем:⁴

«Обращает на себя особое внимание решение пленума о том, что вербовка рабочей силы и квалифицированных кадров должна вестись главным образом в крупных индустриальных городах, где на предприятиях имеются значительные массы еврейских рабочих. Если раньше переселение имело в виду главным образом устройство в новых местах тех элементов, которые не могли устроиться на месте и нуждались в организованной помощи, чтобы улучшить свое положение, то на данном этапе речь идет уже в основном не о нуждах того или иного переселенца, а об удовлетворении нужд промышленных предприятий Еврейской автономной области в квалифицированной рабочей силе и насыщении земледельцами свободных земель области...»

В отношении сельскохозяйственного переселения пленум высказался за то, чтобы отправить в область опытных бригадиров колхозов, рядовых колхозников, трактористов и других из отдельных приместечковых и других еврейских колхозов».

Таким образом, объявление Биробиджана Еврейской автономной областью — при наличии лишь сравнительно небольшого еврейского меньшинства в составе населения Биробиджана — носило в основном характер прикрытия

для полу-принудительной колонизации Биробиджана евреями, отнюдь не во имя разрешения проблемы еврейской нужды (и тем более не для разрешения еврейской национальной проблемы), а в целях заселения пограничной области, которую было бы опасно оставить незаселенной и, может быть, еще опаснее заселить лагерниками.

Выше мы видели, что уже плановые цифры на 1932 и 1933 годы намечали заметный приток в Биробиджан и переселенцев не-евреев. В 1934 году курс на широкое привлечение этих переселенцев был уже взят твердо. Диманштейн в цитированной выше статье, комментировавшей декрет 7-го мая 1934 года, писал:⁵

«Республики должны отдать лучших людей, годных для нового строительства в сложных условиях Дальнего Востока. При этом следует подчеркивать, что лозунг 'Весь СССР строит ЕАО' означает в то же время, что наряду с еврейскими переселенцами, которые должны быть направлены туда в основном, необходимо дать кадры и нееврейские, которые помогут быстрее выполнить планы строительства этого богатейшего пограничного района.

Мы не ставим себе целью скорее создать в ЕАО еврейское большинство, мы уверены, что это произойдет в силу естественных последствий переселения. Но не это наша основная цель. Это противоречило бы интернационализму. На первое место мы ставим расширение и укрепление социалистического строительства...»

Введение метода «вербовки», казалось бы, должно было сказаться резким увеличением притока евреев-переселенцев в Биробиджан. До известной степени это и случилось, но результаты переселения по-прежнему далеко отставали от плановых наметок. План еврейской колонизации Биробиджана намечал переселение в ЕАО за четыре года более 50.000 человек,⁶ и еврейское население Биробиджана должно было таким образом достигнуть в конце второй пятилетки (в 1937 году) около 60.000 тысяч. В действительности еврейское население ЕАО доходило в 1937 году лишь «до 20.000».⁷

В качестве стимула к усилению переселенческого потока в ЕАО коммунистическая пропаганда начала с середины тридцатых годов более энергично подчеркивать национальное значение еврейской колонизации Биробиджана. Целям этой пропаганды в основном и должно было служить объявление Биробиджана в 1934 году Еврейской автономной областью, когда реально Биробиджан такой областью даже еще и не мог быть. Тем же целям служило и постановление

ние Президиума ЦИК СССР от 29-го августа 1936 года «о советской, хозяйственной и культурной работе ЕАО»,⁸ в котором намечался ряд конкретных заданий по развитию ЕАО, почти не привлечших к себе общественного внимания, но которое получило широкую известность из-за содержавшегося в начале и в конце его упоминания о еврейской национальной государственности:

«Впервые в истории еврейского народа осуществилось его горячее желание о создании своей родины, о создании своей национальной государственности».

И еще раз:

«Президиум ЦИК СССР выражает уверенность в том, что все рабочие и колхозники ЕАО, трудящиеся евреи Советского Союза и советская общественность приложат все усилия к скорейшему разрешению задач по дальнейшему развитию и укреплению национальной советской еврейской государственности в СССР».

Но это была пропагандистская формула, заведомо не отвечавшая действительности: уже самый характер Биробиджана, как ЕАО, был фикцией, да и к тому же, с точки зрения советского государственного права, национальным автономным областям вообще не присущ характер государственных единиц, и государственность начинается лишь с национальных автономных республик.

Аргумент о еврейской государственности должен был облегчить «вербовку» переселенцев для ЕАО, особенно для ее сельскохозяйственной колонизации. К этому времени выяснилось, что при продолжающемся падении процента сельскохозяйственного населения Биробиджана область не может обеспечивать своих потребностей в сельскохозяйственных продуктах; усиление сельскохозяйственной колонизации — для сохранения формально еврейского характера области — стало поэтому одной из основных задач еврейской переселенческой политики, и цитировавшееся только что постановление от 29-го августа 1936 года настойчиво требовало, «чтобы в центре внимания областных органов стояло прежде всего сельскохозяйственное переселение».⁹

При этом по-прежнему намечались максималистские темпы переселения вообще и тем более высокие темпы сельскохозяйственного переселения: с 1936 до конца третьей пятилетки, т. е. по 1942 год, ЕАО должна была принять «не менее 150.000 новых переселенцев», причем в составе их должно было быть «не менее 40-50% колхозников».¹⁰

Но дальнейшее развитие ЕАО было чрезвычайно затруднено разгромом в 1937 году руководящих кадров области. Это не было мероприятие, направленное специально против ЕАО; страшной «чистке» подвергся в это время весь советский и коммунистический партийный аппарат, во всей стране, и особенно опустошительный характер носил при этом разгром руководящих кадров во всех национальных республиках и областях. Руководство ЕАО было сметено целиком.¹¹ Ему на смену пришли новые люди, но работа по переселению и по консолидации области надолго была ослаблена.¹²

В этой обстановке уже а priori следовало ожидать, что дальнейшее развитие еврейской колонизации Биробиджана будет протекать гораздо труднее и гораздо медленнее, чем это намечалось в официальных планах. К сожалению, данных о дальнейшем развитии Биробиджана после 1937 года почти нет, а ликвидация летом 1938 года Комзета, а вскоре и закрытие газеты «Эмес»¹³ еще более затруднили изучение развития ЕАО. Точно известна лишь численность населения ЕАО по переписи населения 17-го января 1939 года: в это время население ЕАО достигало 108.419 человек.¹⁴ Но количество евреев в Еврейской автономной области оставалось тайной, и мы не узнаем его и от Зингера, которому при составлении его последних работ (1941 и 1948 годов) были доступны и неопубликованные материалы переписи. А это значит, что еврейское население Биробиджана продолжало оставаться низким.

Результаты сельскохозяйственной колонизации оказались еще менее благоприятными, чем общие результаты еврейской колонизации Биробиджана. Выше уже отмечалось, что ко времени объявления Биробиджана в 1934 году Еврейской автономной областью еврейское население его достигало лишь 8 с небольшим тысяч, среди которых было лишь около 1.500, или менее одной пятой, колхозного населения. В 1936 году решено было резко усилить сельскохозяйственную колонизацию ЕАО. Диманштейн писал тогда — говоря о планах на ближайшие годы — о 40-50% колхозников в составе новых переселенцев (евреев и неевреев). Разрабатывая в 1937 году переселенческий план для ЕАО на третью пятилетку (1938/42 годы), дальневосточные и биробиджанские плановики намечали иммиграцию в ЕАО в течение пяти лет 100.000 человек, в том числе около 6.500 семей, т. е. около 25 тысяч человек, для колхозов; они должны были создать от 50 до 60 новых колхозов по 100-150 семей в каждом.¹⁵ Сколько среди этих новых переселенцев должно было быть евреев, наш автор не

сообщает; число их, во всяком случае, должно было быть значительно.

В действительности еврейская сельскохозяйственная колонизация ЕАО во второй половине тридцатых годов протекала очень медленно, может быть, даже медленнее, чем до постановления 29-го августа 1936 года. Для 1939 года подробные данные о еврейских колхозах в ЕАО имеются в выпущенной издательством «Эмес» в Москве в конце 1939 года брошюре, предназначенной для ознакомления новых переселенцев с ЕАО. Всего еврейских колхозов было в ЕАО в 1939 году 18; из них только два возникли после 1937 года, и в них в обоих вместе была в 1939 году лишь 91 семья в составе 379 душ.¹⁶ И это вместо ожидавшихся тысяч. Но и дальше, до самого вступления Советского Союза в войну, ничто не изменилось: в книге Зингера, выпущенной в конце 1941 года, показаны все те же 18 еврейских колхозов в ЕАО (из общего количества 60 колхозов в области).¹⁷

Для 1939 года в упомянутой только что брошюре имеется большое количество данных для отдельных еврейских колхозов,¹⁸ анализ которых позволяет составить более отчетливое представление о еврейских колхозах в ЕАО. Из пяти районов ЕАО еврейские колхозы более или менее окрепли в двух районах: в Биробиджанском районе, ориентирующемся на снабжение гор. Биробиджана сельскохозяйственными продуктами, имелось 5 еврейских колхозов, насчитывавших 257 колхозных семей, и в Сталинском районе, вдоль берега Амура, ориентирующемся на сбыт хлеба и других сельскохозяйственных продуктов по реке в Хабаровск, Владивосток и др., имелось 4 еврейских колхоза с 160 семьями. Всего в этих девяти колхозах было 417 семей; для семи из этих колхозов имеются и данные о количестве душ: всего в этих семи колхозах было 364 крестьянских семьи в составе 1.348 человек, в среднем по 3,7 человека на семью.

В остальных трех районах ЕАО имелось по три еврейских колхоза, частью «в стадии организации» (в Ленинском районе), частью почти без зернового хозяйства (в Бирском и Смидовичском районах) с преобладанием огородного и молочного хозяйства. Для этих девяти колхозов в нашей брошюре нет данных о числе колхозных семей в них (за одним исключением: в колхозе им. Куйбышева в Ленинском районе 11 колхозных семей); но уже а priori можно не сомневаться, что оно значительно ниже, чем в первых девяти колхозах, и общее число еврейского колхозного населения в ЕАО достигало в 1939 году максимум 700-750

семей, т. е. не более 3.000 человек. Возможно, что еще какое-то количество евреев-переселенцев работало в совхозах области. Молчание об этом еврейских советских авторов заставляет думать, что число это очень невелико, и общее количество евреев, занятых в сельском хозяйстве, составляло ко времени вступления Советского Союза в войну лишь ничтожную часть — менее одной шестой — всего еврейского населения ЕАО.

Биробиджанская сельскохозяйственная колонизация — даже и для той небольшой частицы советского еврейства, которая переселилась в ЕАО, — так и не разрешила проблемы оздоровления экономической структуры еврейского населения. При скромных масштабах Биробиджанской промышленности, в которой евреи к тому же далеко не преобладают, и при слабой роли евреев в Биробиджанском земледелии, Биробиджанское еврейство по своей экономической и социальной структуре напоминало еврейство тогдашних украинских и белорусских небольших городов и местечек, с несколько большей, чем в современных украинских городках и местечках, ролью евреев в административном аппарате, особенно в городе Биробиджане, в котором процент евреев среди населения значительно выше, чем в области в целом.

4. ЕВРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В БИРОБИДЖАНЕ

Скромные итоги еврейской колонизации Биробиджана уже сами по себе предопределяли, что еврейская культурная жизнь в ЕАО не может получить широкого развития.

Основа для развития еврейской культуры в Биробиджане, казалось, первоначально была создана: еврейский язык (идиш) был признан в Биробиджане равноправным с русским еще до объявления Биробиджана Еврейской автономной областью. Или вернее: еврейский язык был объявлен равноправным с русским языком, но никогда фактически этим равноправием не пользовался. Внешне равноправие еврейского и русского языков нашло свое выражение в том, что при переименовании станции Тихонькая в город Биробиджан название станции на вокзале было обозначено по-русски и по-еврейски и на углах улиц в городе названия их тоже обозначались на двух языках. После объявления ЕАО значение еврейского языка формально даже выросло. Была сделана попытка признать еврейский язык обязательным языком делопроизводства во всех советских учреждениях области. Это был несомненный бюрократический перегиб. В области, где евреи составляли лишь мень-

шинство населения, тем более лишь скромное меньшинство, объявление еврейского языка обязательным языком делопроизводства явно не имело оправдания да и не могло иметь успеха. Что было возможно и необходимо — особенно ввиду намечавшегося большого притока евреев-переселенцев — это обеспечить обслуживание евреев-переселенцев в государственных и общественных учреждениях на еврейском языке. Но для этого совсем не было необходимости объявлять употребление еврейского языка *общеобязательным*.

Но постановление об обязательности еврейского языка, повидимому, никогда и не принималось всерьез. Приведу здесь выдержку из корреспонденции из Биробиджана в «Эмес» от 8-го августа 1936 г.:¹

«Заведующий финотделом тов. Левицкий имел столкновение со своим сотрудником, который сдал в печать официальное сообщение в обе биробиджанские газеты (еврейскую и русскую). Тов. Левицкий считает, что надо было печатать только в русской газете, так как еврейская газета не носит официального характера...

Из 15 еврейских колхозов в области только два ведут свое делопроизводство по-еврейски. В ряде промысловых кооперативов работа ведется по-русски. Даже в техникуме по механизации сельского хозяйства все специальные предметы преподаются по-русски.

Мы знаем о целом ряде ответственных работников, что они выступают на собраниях еврейских трудящихся не иначе, как по-русски... Мы могли бы привести ряд примеров деятелей, которые друг с другом говорят по-еврейски, но выступать — выступают по-русски.

Ведь известно, что в ЕАО еврейский язык это государственный язык. Но этого не хотят знать многие работники в области, как, например, тов. Дикштейн, секретарь биробиджанского горкома партии, тов. Певзнер, член президиума облисполкома, как упомянутый уже выше тов. Левицкий и др.»

В другой, особенно пространной корреспонденции из Биробиджана в «Эмес» от 2-го апреля 1937 года мы читаем:

«Еще в сентябре 1935 года обком партии и президиум облисполкома опубликовали постановление о переводе на еврейский язык делопроизводства промысловых кооперативов, Биробиджанского горсовета и еврейских сельсоветов. Согласно этому постановлению облисполком должен был вести по-еврейски всю переписку, протоколы и постановления президиума. Аналогичные постановления принимались и позже, в 1936 году, но что же происходит в действительности?»

Несколько дней назад одна биробиджанская организация внесла предложение в президиум облисполкома по-еврейски. Сотрудница секретариата облисполкома вертела документ на все лады и не могла понять, что он значит: она абсолютно не владеет еврейским языком...

Все, кто приходят к председателю облисполкома или его заместителю, обращаются все к той же секретарше, не знающей ни слова по-еврейски. Это 'образец' обслуживания посетителей Совета на их родном языке. Само собой понятно, что и в отделах облисполкома еврейские посетители не обслуживаются на их родном языке (в земотделе, в отделе здравоохранения).

Большинство ответственных работников облисполкома не только не ценят огромного политического значения обслуживания трудящихся на их родном языке, но относятся к этому вопросу с известным пренебрежением. Например, заведующий облздравотделом тов. Гуртовой, говорящий по-еврейски, считает необходимым разговаривать с посетителями и отвечать им только по-русски. Заведующий финансовым отделом тов. Левичкий 'принципиально' не говорит по-еврейски, хотя он плохо говорит по-русски... Земотдел ЕАО забыл, что в области имеются еврейские колхозы. Переписка с еврейскими колхозами ведется Земотделом исключительно по-русски. Делопроизводство еврейских колхозов ведется по-русски».

Корреспондент «Эмес» сообщает далее, что в Биробиджане были организованы курсы для советских служащих по изучению еврейского языка, но «эти кружки уже большей частью распались».

Среди вопросов еврейской культурной жизни исключительное значение имеет, конечно, вопрос о школе. Сводных данных о развитии еврейской школы в Биробиджане никогда опубликовано не было, но из отдельных сообщений в еврейской печати можно составить себе общее представление об этом развитии. Лещинский собрал в своей уже цитировавшейся книге эти сообщения.² Привожу их в сжатом виде:

В «Эмес» от 16-го декабря 1932 года сообщалось, что в городе Биробиджане к этому времени еще не было ни одной еврейской школы. В провинции, однако, еврейская школа уже делала первые робкие шаги. «Эмес» от 9-го июня 1935 года сообщила, что в 1931/32 году, т. е. в четвертую зиму после начала еврейского переселения в Биробиджан, в школах с еврейским языком преподавания обучалось 250 детей. В 1932/33 году число еврейских школьных «комплектов» (т. е., повидимому, классов) достигло 36, в 1934/35 году, т. е. через два года, 65 с 1.114 учащимися и в 1935/36 году число школьных «комплектов» должно было предположительно достигнуть 92. Для 1938

года общее число школ в ЕАО показано в харьковском «Штерн» (от 10-го января 1939 года) равным 113 с 15.834 учащимися, среди них общее число еврейских школ достигало 25, т. е. число «комплектов», может быть, достигало 150 или больше (но число учащихся в еврейских школах при этом показано не было, что заставляет думать, что число это было непропорционально низко). — Но и эти еврейские школы просуществовали недолго; в годы войны, как это будет еще показано, все это исчезло.

1936-1938 годы были годами наивысшего развития еврейской школы в ЕАО, если оставаться строго в области чисто количественных критериев, и, вероятно, 1937 год был высшей точкой этого развития. Качественно уже в эти годы начался резкий упадок еврейской школы в ЕАО, связанный с начавшейся во второй половине 1936 года большой чисткой, проводившейся в ЕАО с исключительной энергией.

Большая чистка была воспринята в ЕАО особенно болезненно еще и потому, что два с небольшим года от провозглашения ЕАО до начала большой чистки были в еврейской среде годами расцвета Биробиджанских иллюзий, иллюзий о превращении ЕАО в еврейский культурный центр, расширяющий свое влияние далеко за пределы области и становящийся национальным культурным центром для всего советского еврейства и даже в каком-то смысле центром притяжения для еврейства за границей. Эти иллюзии стимулировались и органами власти, как это особенно отчетливо сказалось в постановлении ЦИК СССР от 29-го августа 1936 года — по какой-то иронии истории изданном перед самым концом этого периода — «О советском хозяйственном и культурном строительстве Еврейской автономной области».³ Отметив, что с провозглашением Еврейской автономной области «осуществилось» (!) «горячее желание еврейского народа о создании своей национальной государственности» (см. выше), постановление подчеркивает:

«Еврейская автономная область становится центром советской национальной еврейской культуры для всего трудящегося еврейского населения... Среди еврейских трудящихся масс усиливается тяга и внимание к Еврейской автономной области; развивается стремление к переселению в Еврейскую автономную область не только среди евреев СССР, но и зарубежных» (подчеркнуто мною).

В этой связи стоит отметить, что постановление Президиума ЦИК СССР от 27-го марта 1936 г. о плане пере-

селения в ЕАО на 1936 год намечало переселение в область за год 6.000 человек из разных областей Советского Союза и 4.000 трудящихся евреев из-за границы.⁴

С. Диманштейн, комментируя постановление 29-го августа 1936 года, писал:⁵

«Важнейшее значение для закрепления переселенцев на новых местах имеет организация культурного обслуживания их. Это важно для выходцев из городов, имеющих значительные культурные потребности, но это еще важнее для укрепления государственности, которая имеет в виду не только материальное устройство компактных масс евреев, но и создание мощной национальной культуры с социалистическим содержанием...

Надо добиваться привлечения крупных и лучших сил из числа культурных работников для постоянной работы в области, создать еврейские научные учреждения по изучению истории, языка, литературы и по изучению самой ЕАО. Надо помочь области в ускорении темпов культурного строительства путем вербовки квалифицированных кадров и в первую очередь из числа заканчивающих еврейские учебные заведения» (подчеркнуто мною).

Возможно, что эта установка в значительной мере диктовалась стремлением оказать благоприятное для Советского Союза влияние на общественное мнение заграничных. Но в какой-то мере влияние ее несомненно сказалось положительно и на еврейской культурной жизни в ЕАО. Это влияние было бы значительнее, если бы не страшная катастрофа, которую пережила ЕАО в годы большой чистки и которая внезапно обрушилась на нее в момент высшего расцвета ее иллюзий.

По некоторым сведениям, предоблисполкома ЕАО, т. е. лицо, занимавшее в области высший пост в советской иерархии, профессор Либерберг, член-корреспондент Украинской Академии Наук, был арестован уже в августе 1936 года.⁶ После этого он исчез бесследно и навсегда. Его судьбу вскоре разделил секретарь обкома, т. е. глава партийной иерархии ЕАО, Хавкин. За ним последовали новые председатели облисполкома и секретари обкома и множество лиц, занимавших меньшие посты. Особенно широко чистка охватила работников еврейской культуры. Чистка культурной и общественной элиты проводилась с большой энергией с 1936 по 1939 года по всему Советскому Союзу и, в частности, во всех меньшинственных национальных группах. Но, по меткому замечанию Б. Ц. Гольдберга, «во всех советских чистках чистили видных деятелей национальной культуры, но сама культура могла продолжать

развиваться при новом руководстве; только в отношении евреев было иначе: здесь ликвидировалась самая культура». ⁷ Конечно, это не нужно понимать буквально: кое-какие работники еврейской культуры не были ликвидированы, хотя деятельность их, как работников еврейской культуры, очень значительно сузилась. Но принципиальная разница была в следующем: ни у какой другой национальности национальная культура, как таковая, не вызывала против себя таких подозрений и такой острой враждебности властей, как это было с еврейской культурой. И только в отношении еврейской культуры дошло до того, что в библиотеках широко изымались книги на еврейском языке, независимо от их содержания, что частные лица, у которых находили книги на еврейском языке, за это одно подвергались репрессиям, что поэтому многие сами уничтожали имевшиеся у них дома еврейские книги, которые по своему содержанию отнюдь не могли бы представлять опасности для их владельцев. В ЕАО в последние годы перед войной все это сказалось особенно болезненно.

Это, конечно, очень неблагоприятно отразилось в ЕАО на еврейской печати. С печатью с самого начала положение здесь сложилось мало благоприятно. Осенью 1930 года, правда, начала выходить небольшая газета «Биробиджанер Штерн» (вскоре переименованная в «Биробиджанер Штерн»). Это было лишь сокращенное еврейское издание «Биробиджанской Звезды» с добавкой небольшого местного, главным образом, колхозного, еврейского материала. К концу тридцатых годов «Биробиджанер Штерн» почти совсем увяла. Согласно данным за 1939 год (это последние имеющиеся у нас данные для периода до войны), в ЕАО выходили две «центральные» газеты — «Биробиджанская Звезда» и «Биробиджанер Штерн», первая в количестве 14.700, вторая в количестве 1.000 экземпляров (кроме того, 4 небольшие районные газеты, все по-русски). ⁸ Если принять во внимание, что заметная часть скромного тиража еврейской газеты распространялась в обязательном порядке, ничтожная роль еврейской прессы в ЕАО выступает с полной очевидностью.

Наметившееся было в руководящих советских кругах, в середине тридцатых годов, незадолго до «большой чистки», более положительное отношение к вопросу о развитии еврейской культуры в ЕАО, нашедшее себе особенно отчетливое выражение в известном уже читателям постановлении ЦИК СССР от 29-го августа 1936 года, успело отразиться созданием в ЕАО трехмесячного журнала «Форпост», в редакционную коллегию которого вошли и несколь-

ко известных писателей и журналистов, остававшихся в Москве (Бергельсон, Диманштейн, Литваков). Журнал, хотя и неаккуратно, продолжал выходить и после начала чистки, постепенно хирея, чтобы в 1940 году вовсе прекратить свое существование.

На еврейской культурной жизни в ЕАО в годы войны и в послевоенные годы я остановлюсь ниже.

5. БИРОБИДЖАН В ГОДЫ ВОЙНЫ

В еврейской среде за границей в годы войны широко циркулировали слухи, будто в Биробиджан в большом числе направлялись еврейские беженцы из областей, оккупированных немцами, и что еврейское население Биробиджана за эти годы значительно возросло.¹ В действительности этого не было. Повидимому, уже в первый период 2-ой мировой войны, до нападения Гитлера на Советский Союз, в период «дружбы» между Советским Союзом и гитлеровской Германией, еврейское переселение в Биробиджан совершенно прекратилось: выше мы видели, что с 1939 по 1941 год в Биробиджане не возникло ни одного нового еврейского колхоза, хотя, согласно плану на третье пятилетие (1938-1942), годы эти должны были быть годами интенсивной еврейской и не-еврейской сельскохозяйственной колонизации Биробиджана. С момента вступления Советского Союза в войну еврейского переселения в Биробиджан во всяком случае уже больше не было. Позже секретарь Биробиджанского обкома компартии и член Верховного Совета СССР А. Бахмутский прямо писал в «Айникайт» (от 1-го февраля 1947 года), что «в годы войны переселение в нашу область (т. е. в ЕАО) было остановлено». Повидимому, это относилось не только к еврейскому, но и к не-еврейскому переселению в Биробиджан. Для этого были, может быть, серьезные причины и независимо от отношения власти к еврейской колонизации Биробиджана: это — стратегическое положение Биробиджана и вызываемая военными нуждами невозможность загружать восточно-сибирский транспорт переселенческими перевозками.

За годы войны еврейское население Биробиджана, повидимому, даже сократилось: в пользу этого предположения говорит резкое сокращение еврейского сельскохозяйственного населения. Шифра Кочина, колхозница из колхоза «Вальдгейм» и тоже член Верховного Совета СССР, писала в «Айникайт» от 21-го марта 1946 года о еврейских колхозах Биробиджана: «Единственная трудность, которая перед нами встает в колхозах, — это недостаток людей. Я мо-

гу назвать ряд колхозов (им. Кагановича, им. Кирова и др.), где число еврейских семей достигает всего десяти». Но колхозы, названные Кочиной, это колхозы Биробиджанского района, до войны относительно окрепшие (см. выше), и в колхозе им. Кагановича насчитывалось до войны не десять, а 47, в колхозе им. Кирова 67 еврейских семей.² О сокращении не только сельского, но и городского еврейского и, вероятно, и не-еврейского населения Биробиджана, повидимому, говорит и другое замечание Кочиной в той же статье, — о наличии в ЕАО подготовленного свободного жилищного фонда для приема 11.000 новых переселенческих семей. В том же номере «Айникайт» от 21-го марта 1946 года помещена и статья А. Бахмутского «Сила сталинской национальной политики», в которой автор отмечает наличие в городах, рабочих поселках и колхозах ЕАО свободных жилищ для приема «нескольких десятков тысяч новых переселенцев». Вероятно, эти цифры подготовленной свободной жилой площади и у Кочиной, и у Бахмутского несколько преувеличены. Они во всяком случае говорят не о росте населения Биробиджана за годы войны, а о каком-то его сокращении. О вероятном сокращении за годы войны не только сельского, но и городского населения Биробиджана говорит и тот факт, что валовая продукция государственной промышленности упала в ЕАО с 1940 по 1945 год на треть.³

О еврейской культурной жизни в Биробиджане в годы войны почти нечего сказать. Тут все замерло, и только еврейский театр еще как-то прозябал. Шмерл Качергинский, в своем известном письме к Лещинскому, сообщает, что встретился в Москве в 1945 году с биробиджанскими евреями, от которых он узнал, что к этому времени в Биробиджане вообще уже не существовало еврейской школы и что лишь в двух школах еще преподавалась еврейская литература.⁴ Даже местная еврейская газета прекратила во время войны свое существование и «Биробиджанская Звезда» печатала время от времени одну страницу по-еврейски. В первой половине 1945 года, правда, «Биробиджанер Штерн» была восстановлена в качестве двухстраничной газеты, небольшого формата, выходившей 1-2 раза в неделю.⁵

6. ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ИДЕИ БИРОБИДЖАНА: 1946-1948

После окончания войны официальная политика в вопросе о еврейской колонизации Биробиджана пере-

жила было какие-то неожиданные колебания. В правительственных кругах вновь возникла мысль о массовом заселении Биробиджана евреями, на этот раз польскими евреями, пережившими войну в Советском Союзе частью в лагерях, частью в ссылке, частью в качестве беженцев. Об этом сохранилось свидетельство польско-еврейского журналиста Леона Ленемана, в 1944-1946 годах ответственного работника польского бюро печати в Москве (Полпресс),¹ хорошо осведомленного о советско-польских отношениях того периода. В 1945 году, во время переговоров советского правительства с Польским Комитетом Национального Освобождения о репатриации поляков, советское правительство настаивало было на том, чтобы репатриация захватила только поляков в тесном смысле и не распространялась на польских евреев, численность которых определялась приблизительно в 200.000. Польские евреи вместо Польши должны были быть отправлены в Биробиджан.² Мысль эта натолкнулась на решительное сопротивление поляков, настаивавших на репатриации польских евреев на общем основании (особенно настаивал на этом Зигмунд Модзелевский, будущий польский министр иностранных дел), и была оставлена.

Вопрос о возобновлении переселения в Биробиджан советских евреев в это время еще не ставился, чем особенно подчеркивалось, что вопрос о поселении польских евреев в Биробиджане был выдвинут во имя целей, не связанных с еврейскими интересами.

Может быть в связи с этой неудачей проекта переселения в ЕАО польских евреев, но, вероятнее, по иным мотивам, чем лежавшие в основе этого проекта, менее далеким от интересов еврейства, в руководящих советских кругах в 1946 году начало вновь складываться положительное отношение к колонизации Биробиджана советскими евреями. Возобновилось переселение евреев в ЕАО самостою, небольшими ручейками, но в декабре 1946 года выехал уже — из Винницы — и первый организованный эшелон еврейских переселенцев, прибывший в Биробиджан в январе 1947 года. Бахмутский писал об этом в мае 1947 года:³

«Кроме Винницких товарищей в последний год приехало к нам в область значительное число переселенцев (около 500 семей) из других мест, приехали группами и в одиночку. Несколько десятков семей переселились из Крыма (из Джанкойского, Азовского и других районов), многие приехали из Киевской, Днепропетровской, Житомирской, Полтавской, Кемеровской, Новосибирской областей и из среднеазиатских респуб-

лик... Каждый день из разных углов Советского Союза приходят письма от евреев, выражающих желание переселиться в ЕАО. Коллективные заявления поступили более чем от 200 семей из Киевской области, более чем от 100 семей из Житомирской, от 50 семей из Полтавской, Днепропетровской, Одесской, Кемеровской и Крымской областей».

Вслед за первым Винницким эшелонами были организованы второй и третий Винницкие эшелоны и эшелоны из Херсонской, Николаевской, Днепропетровской, Крымской областей, всего до июля 1948 года 9 эшелонов еврейских переселенцев в составе 1.770 семей.⁴ Повидимому еще значительнее было вне-эшелонное еврейское переселение. Весною 1948 года Бахмутский писал:⁵

«Кроме переселенцев, приезжающих в область в организованном порядке, т. е. эшелонами, в область приезжают люди и в индивидуальном порядке. За последние полтора-два года в область прибыло более 20.000 еврейских трудящихся».

Приведенная Бахмутским цифра в 20.000 еврейских переселенцев с 1946 до весны 1948 года, вероятно, несколько преувеличена. К этому времени эшелонами прибыло около 1.500 семей, т. е. максимум 5-6 тысяч человек, а послевоенная вне-эшелонная еврейская иммиграция в Биробиджан к маю 1947 года достигала лишь 500 семей, т. е. максимум 2 тысячи человек. Чтобы с мая 1947 до апреля 1948 года, т. е. менее, чем за год, в ЕАО прибыли в неорганизованном порядке 12-13 тысяч евреев переселенцев, не кажется вероятным. Но и при очень настороженном отношении к опубликованным цифрам можно, кажется, принять за данное, что вне-эшелонное переселение евреев в Биробиджан в 1946-1948 годах приняло значительные размеры, небывалые в истории ЕАО.

В приведенных выше сообщениях поражает тот факт, что огромное большинство переселенцев приехало из Украины и из Крыма: организованное переселение целиком шло в эти годы оттуда; но и в стихийном переселенческом потоке лишь небольшую часть составляли переселенцы из Западной Сибири (Кемеровская и Новосибирская области) и из средне-азиатских республик, т. е. из мест сосредоточения в годы войны эвакуированных и беженцев. Но на Украине и в Крыму, ко времени освобождения от немецкой оккупации евреев не осталось вовсе, и переселенцы, уехавшие отсюда в Биробиджан в 1946 и в последующие годы, это евреи, вернувшиеся на Украину и в Крым из эвакуации. Факт неожиданно прорвавшейся массовой тяги реэвакуированных

евреев в Биробиджан бросает яркий свет на тяжелую обстановку, в которой реэвакуированные оказались по возвращении на бывшие родные места. Обострившееся под влиянием событий последних лет национальное чувство особенно остро реагировало на многочисленные проявления антисемитизма и на еще более распространенное равнодушие по отношению к антисемитизму.⁶ И в Биробиджан потянулись не выбитые из колеи, незнающие, как вновь стать на ноги на старых местах, а люди, которые могли бы пустить корни на месте или даже уже пустили их. Об этом единодушно свидетельствуют все сообщения печати. Вот, например, как в беседе в редакции «Айникайт» подытожил свои впечатления от поездки на Украину и в Крым для подготовки эшелонов переселенцев зампред облисполкома ЕАО Абрам Ярмолицкий:⁷

«Везде, где мне пришлось быть, я встречал в еврейском населении огромный интерес к ЕАО. И не только интерес. Многие трудящиеся — колхозники, рабочие, служащие, представители интеллигенции — выражают горячее желание лично принять участие в строительстве еврейской государственности в СССР и ждут лишь возможности переселиться. Правда, сейчас зима и многие семьи, особенно с маленькими детьми, решили отложить отъезд до весны. Но нашлось немало таких энтузиастов, которых не остановила зима. С Крымским эшелонам уехали 252 семьи, с Херсонским 248, с Николаевским 114, всего 614 семей.

Состав переселенцев вызывает у нас высшее удовлетворение. Из упомянутых 614 семей мы имеем 255 семей колхозников, поднявшихся в дорогу со всем своим добром, и они собираются укрепить старые и основать новые колхозы...»

В этой характеристике положения заслуживают внимания две черты: тяга в Биробиджан, чтобы принять участие в строительстве «еврейской государственности», и высокий процент колхозников среди переселенцев. Упоминания о желании переселенцев принять участие в строительстве еврейской государственности встречаются и почти во всех — очень многочисленных — сообщениях «Айникайт» о беседах с переселенцами при формировании эшелонов, перед отправкой и в пути. Чтобы все это было навеяно официальной пропагандой, не кажется вероятным: выдвигание идеи еврейской государственности как-то плохо укладывается в рамки той политики, которая велась в Биробиджане. Представляется более вероятным предположение, что официальные круги лишь пытались канализировать усилившиеся в еврейской среде, особенно среди реэвакуированных, национальные настроения и использовать их в интересах колонизации далекой окраины.

Высокий процент колхозников — другая черта, говорившая о глубоких сдвигах в настроениях еврейского населения Украины и Крыма. Данные о занятиях новых переселенцев в Еврейской Автономной Области подкрепляют это впечатление: из 1.500 семей, приехавших с первыми шестью эшелонами (по январь 1948 года включительно), 400 семей из Винницкой, Херсонской, Николаевской и Крымской областей (последние три были до войны центрами еврейского земледелия) вошли в ЕАО в колхозы.⁸ Из 1.770 семей, приехавших с девятью эшелонами (по июнь 1948 года включительно), 830 — почти половина! — пошли на работу в колхозы, совхозы и машинно-тракторные станции.⁹ Это была новая черта в развитии Биробиджана, и она могла бы, при благоприятных условиях, знаменовать начало формирования социальных предпосылок для действительного создания в Биробиджане того, что, по условной советской терминологии, можно было бы назвать советской еврейской национальной государственностью.

К лету 1948 это развитие, повидимому, достигло своего апогея. Во второй половине 1948 года в еврейской политике компартии начали преобладать новые настроения, и в этой связи, видимо, решено было попридержаться, а вскоре и вовсе остановить еврейское переселение в Биробиджан. «Айникайт» продолжала еще выходить почти до конца 1948 года, но о новых эшелонах переселенцев в Биробиджан в ней уже не было сообщений, как не было больше и сведений о новых тысячах «неорганизованных» переселенцев. А после внезапного закрытия «Айникайт» Биробиджан оказался отделенным от внешнего мира еще более непроницаемым «железным занавесом», чем даже Советский Союз в целом.

7. ЗАКАТ

Закрытие в конце 1948 года Еврейского Антифашистского Комитета и газеты «Айникайт» и массовые аресты по всей стране еврейских культурных и общественных деятелей сказались в ЕАО еще болезненнее, чем «большая чистка» второй половины тридцатых годов. Сейчас все это было и психологически тяжелее. В тридцатых годах было общее бедствие: оно обрушилось на весь Советский Союз и, в частности, с особенным упорством на все сколько-нибудь значительные национальные меньшинства и среди них с исключительной энергией на еврейских общественных работников в ЕАО. Сейчас это было специфическое еврейское бедствие — не в ЕАО только, а по всему Советскому Союзу,

— другие национальные меньшинства специальным репрессиям в это время не подвергались, и разгром еврейской элиты развязывал в официальных кругах и в какой-то мере и в стране вообще антисемитские настроения.

Еврейское переселение в Биробиджан, как было показано выше, было остановлено еще за несколько месяцев до разгрома Еврейского Антифашистского Комитета, что в каком-то смысле было предвестником надвигавшегося на советское еврейство нового бедствия. Бедствие это в ЕАО приняло особенно трагические формы. Вне Биробиджана и тем более вне Советского Союза об этом даже мало было известно. Только сейчас, после третьей поездки Б. Ц. Гольдберга в Советский Союз (в 1959 году), мы получили из его книги более отчетливое представление о катастрофе, пережитой евреями в Биробиджане в эти страшные годы. Это свидетельство Б. Ц. Гольдберга тем более ценно, что исходит оно от человека, в течение долгих лет бывшего горячим энтузиастом еврейской колонизации Биробиджана и одним из наиболее активных деятелей Американского общества содействия этой колонизации («Амбиджан»). В своей цитируемой выше книге Гольдберг пишет:¹

«Антиеврейское безумие, распространившееся из Кремля в конце 1948 года, не пощадило и Биробиджана. В действительности, евреи оказались в Биробиджане даже в худшем положении, чем в других местах. Здесь они были более экспонированы — жили небольшими группами, где каждый каждого знал, и где многие участвовали в том, что можно было назвать еврейской общественной работой. Но любая еврейская активность — любое начинание по осуществлению еврейских культурных задач в области, все, на чем лежала печать еврейского, даже если в свое время оно получило официальную санкцию, превратилось теперь в доказательство преступности. Официальные обвинения варьировали от попыток искусственного насаждения еврейской культуры и навязывания ее остальному (не-еврейскому) населению до измены и шпионажа в пользу иностранного государства.

Крымское обвинение, выдвинутое против Еврейского Антифашистского Комитета, превратилось в ЕАО в обвинение в стремлении оторвать Биробиджан от Советского Союза, передать его Японии и превратить в международную антисоветскую базу. Это было будто бы частью изменнического плана, который Михозльс привез после своего визита в Америку в 1943 году. Те же два американских журналиста, против которых было выдвинуто обвинение в деле еврейских писателей в Москве, втянуты были в Биробиджанский заговор. Они будто бы приехали в 1946 году в Советский Союз, чтобы проверить, не

только как подвигается вперед Крымская операция, но и как развивается 'измена' в Биробиджане».

Стоит отметить, что «два американских журналиста», о которых тут идет речь, это сам Б. Ц. Гольдберг и редактор нью-йоркской коммунистической «Морген-Фрайхайт».²

Цитируемый нами автор сообщает далее характерные подробности об обвинениях, которые были выдвинуты в ЕАО против арестованных евреев:³

«Одно обвинение относилось к вещевым посылкам из Соединенных Штатов. Американские друзья посылали эти вещи в Биробиджан с ведома советских представителей в Соединенных Штатах. Средства для этого собирались на публичных митингах, на многих из которых выступали советские представители. Вещевые посылки перед отправкой в Советский Союз проходили контроль представителей советского консульства и позже на советской границе подвергались общему таможенному контролю и отсюда отсылались в Биробиджан. Все проводилось открыто, дружески, легально, с ведома и одобрения разных (советских) официальных лиц, высших и низших. Тем не менее несчастные люди, принимавшие посылки для Биробиджана и распределявшие присланные вещи между наиболее нуждающимися, теперь были арестованы, как изменники, и вся операция была объявлена частью заговора.

Другое обвинение сводилось к тому, что экспонаты в еврейском музее не имели отношения к области и имели целью характеризовать этапы еврейской истории. Другие экспонаты были выражением буржуазно-националистических идей; они говорили о единстве еврейского народа, о попытках расширить 'Биробиджанер Штерн', о планах создания еврейского издательства и еврейского университета — коротко говоря, обо всем, что должно было придать ЕАО еврейский характер.

Но разве Биробиджан не означал, что евреям было предложено все это и еще многое другое? Ответ теперь гласил, что все это 'искусственно', так как большинство населения составляют не-евреи..., что все это является проявлениями еврейского национализма, который так же опасен, как и украинский национализм. К тому же еврейский национализм связан с еврейскими реакционными кругами и с враждебной Советскому Союзу еврейской буржуазией за границей».

О возобновлении еврейского переселения в ЕАО более уже не было и речи. Да для такого переселения теперь, может быть, и трудно было бы найти достаточно охотников. Как ни мало знали вне ЕАО, что там происходит, кое-какие сведения об этом просачивались, и их было достаточно, чтобы вызвать у советского еврейского населения настроения настороженности по отношению к Биробиджану: как бы не

попасть там в ловушку. Больше того: по мере обострения антиеврейской политики в последние годы жизни Сталина из Москвы начали распространяться слухи о готовящемся превращении ЕАО в обширную область принудительных работ, по образцу Воркуты или Колымы, и о готовящейся массовой принудительной отправке туда советских евреев уже не в качестве переселенцев, а в качестве лагерников и ссыльных. Смерть Сталина положила конец этим слухам.

Что же оставалось в эти годы и что остается еврейского в Еврейской автономной области? Еврейской школы уже к началу этого периода не было, нет и сейчас. Еврейская газета, правда, продолжала и продолжает выходить три раза в неделю небольшим двухстраничным листком, но она является еврейской только по языку. Интересны наблюдения об этом Словеса, французского еврея-коммуниста, ездившего в 1958 году в Советский Союз в составе французской еврейской коммунистической делегации. В отделе периодических изданий библиотеки им. Ленина в Москве (бывш. Румянцевская) делегаты рады были установить наличность и еврейской периодической печати: «Биробиджанер Штерн» и нескольких заграничных еврейских коммунистических газет (Словес называет нью-иоркскую «Морген Фрайхайд», парижскую «Найе Прессе» и тель-авивскую «Фрай Исроэл»). Но комплект «Биробиджанер Штерн» находился в состоянии первозданной свежести, а заграничные еврейские газеты были так замызганы, что иногда их почти невозможно было читать. На них устанавливается очередь, некоторые записываются для чтения их за неделю вперед. На вопрос Словеса, обращенный к его соседу по библиотеке (он читал «Найе Прессе»), почему так велик интерес к заграничным газетам, а «Биробиджанер Штерн» вовсе не привлекает к себе внимания читателей, спрошенный ответил: в «Биробиджанер Штерн» нет ничего, что могло бы его заинтересовать, — одна-две статьи общего содержания, переведенные из центральных газет, которые он уже видел, и местная общая хроника, и ничего о евреях. Разговор (он происходил по-еврейски) привлек внимание других читателей и принял общий характер, и все были единодушны в оценке «Биробиджанер Штерн».⁴

Сохранилось название на двух языках на станции Биробиджан, как и названия многих улиц в гор. Биробиджане, и кое-где названия учреждений, но в учреждениях всюду прочно перешли на русский язык. Любопытна в этом отношении эволюция почтового штемпеля в гор. Биробиджане. Ленеман приводит образец такого штемпеля для 1935, 1947 и 1955 годов:⁵ в 1935 и 1947 годах штемпель дву-

язычный и в 1935 году имеет надпись и по-еврейски: Биробиджан, ЕАО; в 1947 г. уже только Биробиджан; а в 1955 году уже ничего еврейского не осталось.

Нет почти и еврейской книги. Исроэл Эмиот, поэт, живший в Биробиджане с осени 1944 года в качестве корреспондента Еврейского Антифашистского Комитета и входивший здесь в редакционную коллегию еврейского литературно-общественного альманаха «Биробиджан», после почти 8-милетних мытарств в концлагерях вернулся в 1956 году в Биробиджан, «амнистированный», но еще не «реабилитированный». За время его отсутствия здесь открылся большой книжный магазин Огиз'а. «В нем можно получить советские книги до самых новых на разных языках; только одного отдела нет: еврейского. В декоративных целях здесь выставлено несколько старых, пожелтевших и распадающихся еврейских брошюр. Заведующая книжным магазином, наивная, честная русская женщина не понимает, что происходит. Она даже спрашивает меня: 'Разве еврейские писатели перестали творить?'». ⁶ Эмиот нашел лишь очень мало еврейских книг и на полках библиотеки. Произведения репрессированных еврейских авторов были просто уничтожены. Большая коллекция *Judaica* гниет в погребе. У библиотекарки нехватает духа ее уничтожить, но и держать открыто эти книги на полках она боится. Из боязни репрессий уничтожили за эти годы имевшиеся у них еврейские книги и многие частные лица. ⁷

Через три года — в мае 1959 года — корреспондент «Нью Йорк Таймс» Макс Френкель посетил ЕАО. С еврейскими книгами здесь почти ничего не переменилось. В книжном магазине Огиз'а даже ничего не знали о вышедшем двумя месяцами раньше томике избранных произведений Шолом Алейхема (первой вышедшей в Советском Союзе книге на еврейском языке после 1948 года). ⁸

И, само собой понятно, в эти годы почти совершенно сошла на нет в ЕАО еврейская религиозная жизнь. Это достаточно известно.

**
*

Что же остается от попытки еврейской колонизации Биробиджана? Каковы прежде всего количественные итоги колонизации?

В 1928 году население Биробиджана достигало 34.000, среди них вовсе не было евреев. Первоначально предполагалось, что еврейское население Биробиджана достигнет в 1933 году 60.000, потом был намечен более скромный план,

и еврейское население Биробиджана должно было достигнуть к началу 1934 года 31.100. В действительности к началу 1934 года евреев в Биробиджане оказалось лишь около 8.200, т. е. меньше 20% населения. Тем не менее Биробиджан был объявлен Еврейской автономной областью⁹ в расчете, что еврейское население ее достигнет в конце 1937 года, к концу второй пятилетки, 150.000 при общей численности населения ЕАО в 300.000. Согласно более скромным планам, как вскоре было намечено, еврейское население ЕАО должно было достигнуть к концу второй пятилетки 60.000, в действительности же оно достигало в конце 1937 года «до 20.000». Дальнейшее развитие было еще менее благоприятно, так как страшные годы «большой чистки» прервали относительно удовлетворительное развитие 1934–1936 годов. Общая численность населения ЕАО по переписи января 1939 года достигло 107.000, цифра еврейского населения не была названа, но она наверняка не многим превышала, если вообще превышала, цифру, достигнутую к началу 1938 года. В годы войны еврейское переселение в ЕАО вовсе прекратилось, и еврейское население области, вероятно, даже уменьшилось. Но первые годы после войны были годами небывалого подъема еврейского переселения в Биробиджан.

Это развитие во второй половине 1948 года было оборвано, еврейское переселение в ЕАО больше уже не возобновлялось и, повидимому, вскоре начался прямой отлив евреев из Биробиджана. Но как ни неблагоприятно было это развитие, перепись населения СССР в 1959 году показала, что и самые пессимистические оценки его были еще недостаточно пессимистичны. Опубликованные в конце 1962 года данные переписи о группировке населения ЕАО по национальностям показали, что при общей численности населения ЕАО в январе 1959 года в 162.856 человек в составе его было

127.281, т. е. 78,2%, русских,
14.425, т. е. 8,9%, украинцев и
14.269, т. е. 8,8%, евреев,

т. е. евреи не составляли даже и одной десятой общей численности населения ЕАО (на все прочие национальные группы приходилось 6.881 человек, или 4,2%).¹⁰

Опыт колонизации Биробиджана нужно признать тяжелой и для еврейства болезненной неудачей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1:

¹ «Первый всесоюзный съезд Озет в Москве. Стенографический отчет», Москва, 1927 г., стр. 66.

² О делении Крыма на южнобережную, горную и степную области см. «Экономико-географические очерки СССР», книга 9: *Б. Шустов* «Крымская АССР», Москва-Ленинград, изд. Госплана СССР, 1927 г., стр. 17.

³ См. неопубликованный доклад агронома Джойнта *С. Е. Любарского* «Привлечение евреев к сельскохозяйственным промыслам и устройство еврейских земледельческих поселений в Крыму» (1924 г.), стр. 16-17 (в частном архиве д-ра И. Б. Розена, бывш. председателя Агроджойнта и представителя Агроджойнта в Советской России).

⁴ См. неопубликованный доклад *С. Е. Любарского*, уже в качестве агронома Комзета, «О командировке в Крым с 17-го по 31-ое января 1925 г.», стр. 16а (в архиве Розена).

⁵ «Известия» от 11-го июля 1926 года.

⁶ «Первый всесоюзный съезд Озет», стр. 66-67.

⁷ *Д. А. Батурицкий*, «Земельное устройство еврейской бедноты», Озет, М. 1929, стр. 17. — Это были — после денежной реформы 1924 года — сравнительно полноценные рубли. Достаточно отметить, что средний *годовой* заработок рабочего в крупной промышленности достигал в 1929 году 925 рублей («Социалистическое строительство СССР. Статистический сборник», Москва, 1936 г., стр. 524).

⁸ Повидимому, еврейские общественные организации (Джойнт и Агроджойнт) там, где еврейские поселенцы приходили в тесное соприкосновение с местным не-еврейским населением, оказывали помощь и крестьянам не-евреям. На это есть указание в цитированном выше (см. прим. 3) докладе *С. Е. Любарского* 1924 года: «Нужно при этом принять во внимание, что, согласно существующим условиям, одновременно с устройством еврейских поселенцев необходимо будет оказывать помощь также и местному не-еврейскому населению и что на это потребуются не менее 33,5% сметы» (стр. 28).

⁹ *Калинин*, в цитированной уже выше статье в «Известиях» от 11-го июля 1926 года писал:

«Писем, записок на митингах, как с подписью, так и без подписи, по еврейскому вопросу вообще и по переселению евреев в Крым в частности, очень много. Одни из них явно черносотенны и антисемитичны, другие, как письмо тов. Овчинникова, стремятся искренне выяснить, почему евреям ворожит советская власть. Между прочим, очень характерный штрих: по словам тов. Грандова (редактора газеты для крестьян 'Беднота' издания ЦК ВКП), за последние четыре года среди крестьянских писем в 'Бедноту' совершенно не было заметно писем по еврейскому вопросу, лишь за последнее время они появились в связи с переселением евреев в Крым».

¹⁰ По данным всесоюзной переписи населения 1926 года, население Биробиджана в границах, намечавшихся в 1927 году, достигало 27.344 человек (См. «Бирско-Биджанский район Дальне-Восточного края», Труды экспедиции 1927 г. Под редакцией проф. *В. Р. Вильямса*. Вып. 1-ый: Проф. *Б. Л. Брук* «Предварительный сводный отчет экспедиции», Москва, 1928 г., изд. Комзет, стр. 22). При окончательном утверждении территории Биробиджана ее границы были незначительно раздвинуты.

¹¹ А. Н. Мережин «О Биробиджане», Москва, изд. Комзет, 1929 г., стр. 10:

«Через 10-15 лет китайцы подойдут плотной массой к рекам Амур и Сунгари. Манчжурское население достигнет тогда приблизительно тридцати миллионов человек. Значит, вопрос сводится к тому, *удастся ли заселить в ближайшие 10-15 лет Биробиджанскую приамурскую полосу*. Если она будет заселена своевременно, то тогда китайская сельскохозяйственная иммиграция станет невозможной».

¹² Виктор Финк «Биробиджан», «Советское Строительство», май 1930 г., стр. 117.

¹³ Юрий Ларин «Евреи и антисемитизм в СССР», Москва, 1929 г., стр. 184-185.

¹⁴ См. «Предварительный сводный отчет экспедиции» (см. прим. 10), стр. 6-8.

¹⁵ Там же, стр. 79-80.

¹⁶ Там же, стр. 73.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Выписка из протокола заседания Президиума ЦИК СССР 28-го марта 1928 года неоднократно перепечатывалась. См., напр., у Мережина (см. прим. 29), стр. 76-77 или по-еврейски в известном сборнике «Иди ин ФССР. Замлбух», под ред. С. Диманштейна, Москва, изд. «Международная Книга» и «Эмес», 1935 г., стр. 177.

Г л а в а 2:

¹ Эта спешка сейчас же сказалась тяжелой катастрофой. Виктор Финк, приведя ряд тяжелых фактов, характеризующих ранний период еврейской колонизации Биробиджана, объясняет их одной изначальной ошибкой:

«... Эта ошибка заключается в том, что с совершенно непостижимой и ничем не оправданной поспешностью колонизация Биробиджана была начата, поведена и ведется без подготовки, без плана, без изучения. От этой поспешности происходят все беды.

Я нашел на Тихонькой в бумагах Озет'а три телеграммы, которые очень характерны для всей постановки переселенческого дела в Биробиджане.

2 мая 1928 г. из Тихонькой телеграфируют в Хабаровск: 'В четверг прибывает 165 переселенцев. Расквартировать невозможно. Срочно вышлите палатки'.

16 мая в четыре адреса: 'В Тихонькой скопление переселенцев. Помещений совершенно нет. Четвертый день сильный дождь. Люди болеют. Настроение крайне напряженное. Дайте срочное распоряжение занять клубы, школы'.

И 31 мая третья телеграмма: 'Фуража (и) продовольствия совершенно нет. Лошади (и) переселенцы голодают'.

Вот что характеризует подход к биробиджанскому делу! Раньше сгоняют людей, а потом ломают себе голову над вопросом, что с ними делать. Так оно повелось с 1928 года» (Финк, см. прим. 30, стр. 120-121).

² «Барихт фун дер Американер Икор экспертен комисије», Нью Йорк, изд. Икор, 1930 г., стр. 107.

³ *Виктор Финк* (см. прим. 30), стр. 118-119. — В отчете американской экспертной комиссии, наблюдавшей эти факты вместе с Финком, они не нашли своего отражения.

⁴ К началу еврейской колонизации Биробиджана население его достигало 32.245 человек; к концу 1930 года оно достигло 38.000, т. е. увеличилось на 5. 755, из которых только 2.672 составляли евреи; к концу 1931 года население Биробиджана возросло еще на 6.574 человека, из них евреев 2.453. — Исчислено по данным *А. Канторовича* «Перспективы Биробиджана», Москва, изд. «Эмес», 1932 г., стр. 78-79.

⁵ Текст постановления ВЦИК'а от 30-го сентября 1931 г. см. в «Революция и Национальности», октябрь-ноябрь 1931 г., стр. 73-74 и по-еврейски в «Идн ин ФССР», стр. 179.

⁶ *Канторович*, стр. 78-79.

⁷ Отсев (обратничество и уход в другие районы) предполагалось понизить ниже 12%, что дало бы цифру осевших за год в 12.537. См. *Канторович*, стр. 77-78.

⁸ Остальные переселенцы должны были распределиться следующим образом: в промышленности 3.775, в промысловой кооперации 2.700, на транспорте 500, специалисты и служащие 525 и учащиеся 300.

⁹ Постановление ЦИК СССР от 7-го апреля 1932 года см. в «Трибуна» № 10/11 от 20-го апреля 1932 года, стр. 8-9.

¹⁰ *С. Диманштейн* «Еврейское нацменьшинство на новом этапе», «Революция и Национальности», май 1932 г., стр. 89.

¹¹ *Д. Барщевский* «15 лет Октября и еврейское землеустройство», «Трибуна» № 27 от 7-го ноября 1932 г., стр. 8.

¹² «Эмес» от 30-го ноября 1934 года; цитировано у *Я. Лещинского* «Дос советише иднтум. Зайн фаргангхайт ун кегнварт», Нью Йорк, изд. «Идишер Кемпфер», 1941 г., стр. 230-231.

¹³ В том числе в колхозах «примерно около 1.500». См. *Я. Кантор*, «Национальное строительство среди евреев СССР», М., 1933, стр. 126.

¹⁴ *Кантор*, стр. 118-119. — Остается невыясненным, учитывали ли составители таблицы естественный прирост еврейского населения Биробиджана; при малочисленности еврейского населения это не могло иметь значительного влияния на итоговые данные.

¹⁵ «Трибуна» от 1-го февраля 1929 г., № 3, стр. 13.

¹⁶ *Кантор* (см. прим. 1) стр. 125-126.

¹⁷ *B. Z. Goldberg* "The Jewish Problem in the Soviet Union. Analysis and Solution" New York, 1961, pp. 185-188.

Г л а в а 3:

¹ *С. Диманштейн* «Еврейская автономная область — детище Октябрьской революции», «Революция и Национальности», июнь 1934 г., стр. 13-14.

² Там же, стр. 14.

³ Наряду с применением метода «вербовки» для привлечения в ЕАО переселенцев, в годы второй пятилетки в Биробиджане начал применяться — и, повидимому, широко — и принудительный труд в собственном смысле слова. *Адольф Гельд*, по поручению американских еврейских рабочих организаций посетивший ЕАО летом 1936 года, сообщил о постройке нового вокзала в гор. Биробиджане трудом рабочих из лагеря принудительных работ, расположенного близ города, и даже по плану и под руководством инженера, отбывавшего свой лагерный срок («Форвертс» от 8-го сентября 1936 г.).

⁴ *С. Горфинкель* «К итогам пленума Озет», «Революция и Национальности», март 1936 г., стр. 36-37.

⁵ *С. Диманштейн*, стр. 21.

⁶ Для 1934-36 гг. см. Постановление Президиума ЦИК СССР от 27-го марта 1936 года, «Революция и Национальности», май 1936 г., стр. 93-94; для 1937 года см. *С. Е. Чуцкаев* (председатель Комзет) «Десять лет Биробиджана», «Власть Советов», апрель 1938 г. (№ 7), стр. 18.

⁷ *Чуцкаев*, стр. 16.

⁸ «Революция и Национальности», ноябрь 1936 г., стр. 146-147.

⁹ *С. Диманштейн* («Президиум ЦИК СССР о ЕАО», «Революция и Национальности», октябрь 1936 г., стр. 54-55) следующим образом комментировал это решение:

«Руководители ЕАО и организации, содействующие еврейскому переселению, должны сделать практические выводы из упрека, брошенного на заседании Президиума ЦИК СССР т. Калининным, обвинившим их в недооценке сельского хозяйства, в недостаточном внимании к устройству еврейских переселенцев на земле в целях закрепления еврейской государственности. Необходимо всемерно увеличить переселение евреев и их устройство в сельском хозяйстве. Основная задача состоит в том, чтобы через коллективный сельскохозяйственный труд создать физически и морально здоровое поколение новых людей, сбросивших с себя специфические пережитки, связанные с печальным прошлым еврейского народа, с его жизнью в атмосфере еврейского 'гетто', нищенского ремесленного труда, физическое вырождения».

¹⁰ Там же, стр. 55. — Оставалось неясным, относились ли эти цифры лишь к еврейским переселенцам или они должны были охватить и переселенцев не-евреев.

¹¹ *Г. Аронсон* «Ди идише проблем ин Совет-Русланд», Нью Йорк, 1944 г., стр. 127.

¹² Для иллюстрации того, как с этого времени писали о тех, кто еще почти вчера были носителями идеи «национальной советской еврейской государственности в СССР», приведу слова *Чуцкаева* (см. прим. 6, стр. 17-18):

«...трудности были еще осложнены и сильно углублены вредительством троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических бандитов, выходцев из еврейских контрреволюционных партий (сионисты, бундисты и др.). Все эти презрен-

ные отщепенцы сознательно срывали из года в год планы освоения и заселения области, бездушно относились к нуждам прибывающих переселенцев, способствуя тем самым их массовому отсеву. Особенно чувствительной была вредительская работа в отношении сельскохозяйственного освоения области и колхозного строительства, где дело велось на срыв всяких плановых заданий...

Троцкистско-бухаринские бандиты, лютые враги народа свили свое гнездо на всем Дальнем Востоке и в частности в ЕАО, на рубежах советской страны, коварно замышляя отторгнуть от СССР этот цветущий край и отдать его фашистским интервентам».

¹³ Сообщавший много данных о развитии Биробиджана журнал «Революция и Национальности» прекратил свое существование еще в начале 1938 года; его главный редактор С. Диманштейн был арестован и исчез бесследно.

¹⁴ «Известия» от 2-го июня 1939 года.

¹⁵ Б. Троицкий (раньше Троцкий, зампред Комзета) «Основные вопросы третьего пятилетнего плана Еврейской автономной области», «Эмес» от 3-го июня 1937 года.

¹⁶ А. Гилман «Вос дарф висн ан ибервандерер вегн дер Идишер автономер гегент», Москва, изд. «Эмес», 1939 г., стр. 24, 26-27.

¹⁷ Л. Зингер, «Ди банайте Фолк», М., 1941. Издат. «Эмес».

¹⁸ Гилман, стр. 23-30.

Г л а в а 4:

¹ Эта и приводимая ниже корреспонденция из Биробиджана от 2-го апреля 1937 года цитируются мною по книге Якова Лещинского, стр. 238-240. У Лещинского приводится еще ряд такого рода сообщений (стр. 237-241), относящихся к периоду от 1932 до 1938 года. После закрытия «Эмес» в апреле 1938 года источник этой информации иссяк и до июля 1942 года, когда начала выходить «Айникайт», еврейских газет в Советском Союзе вообще не существовало (кроме совсем захиревшей и почти не выпускавшейся за пределы ЕАО газеты «Биробиджанер Штерн»).

² Лещинский, стр. 237 и 241.

³ Текст этого постановления приводится в «Революция и Национальности», ноябрь 1936 г., стр. 146-148. — Анализу этого постановления посвящена статья С. Диманштейна «Президиум ЦИК СССР о Еврейской автономной области», «Революция и Национальности», октябрь 1936 года.

⁴ «Революция и Национальности», октябрь 1936 г., стр. 100. — Стоит отметить ориентировку авторов постановления Президиума ЦИК СССР 29-го августа 1936 года и предшествовавших ему актов на широкое привлечение еврейских переселенцев в ЕАО из-заграничьи. Эта установка, оказавшаяся вскоре в кричащем противоречии с официальными настроениями, решительно победившими в конце 1936 года и трагически окрасившими годы «большой чистки», конечно, дорого обошлась тем, кто выдвинул эту идею.

⁵ *Диманштейн* (см. прим. 3), стр. 237 и 243.

⁶ *Б. Ц. Гольдберг* стр. 199.

⁷ Там же.

⁸ «Ежегодник Периодических Изданий, 1939 г.», изд. Всесоюзной Книжной Палаты», Москва, 1939 г., стр. 31.

Г л а в а 5:

¹ Может быть, отголоском этих слухов является сообщение, повторяемое в печати до самого последнего времени, об эвакуации в Биробиджан в годы войны большого числа еврейских сирот. Вальтер Коларж, отмечая полное прекращение еврейского переселения в Биробиджан в годы войны, оговаривает: «кроме 3.000 еврейских детей, осиротевших благодаря войне, которые нашли приют в Биробиджане» (*Walter Kolarz "Russia and her Colonies", London, 1952, p. 177*). — О том же, не называя цифры, пишет *Б. Ц. Гольдберг*, стр. 200. — В советских источниках — еврейских и русских — никаких указаний на переселение в ЕАО в годы войны еврейских сирот мне не попало.

² *Гилман*, стр. 26 и 27.

³ *Г. Коптелев* (председатель областной плановой комиссии ЕАО) «Подъем хозяйства и культуры», «Айникайт» от 19-го апреля 1947 г.

⁴ Письмо Качергинского к Лещинскому полностью приводится в статье последнего в «Форвертс» от 2-го мая 1948 года. Повилимоу, Качергинский имел здесь в виду город Биробиджан («В то время в Биробиджане было 10.000 евреев»), а не всю область. Но город Биробиджан это наиболее еврейский центр ЕАО, и вне города Биробиджана еврейская культурная жизнь тем более оставалась в зачаточном состоянии.

⁵ *И. Эмиот* «Ии Биробиджан, ин лагерен ун ин Исроэл», «Форвертс» от 7-го февраля 1959 года.

Г л а в а 6:

¹ *Léon Leneman "La tragédie des Juifs en U.R.S.S.", Paris, 1959, pp. 30-31.*

² Ленеман высказывает предположение, что план этот был выдвинут крайним коммунистическим крылом Еврейского Антифашистского Комитета (генеральным секретарем ЕАК Шахно Эпштейном и Фефером).

³ *А. Бахмутский*, «Айникайт» от 24-го мая 1947 года.

⁴ *М. Левитин* (председатель облисполкома ЕАО) «Переселение в ЕАО», «Айникайт» от 22-го июля 1948 года.

⁵ *А. Бахмутский* «В единой советской семье народов», «Айникайт» от 10-го апреля 1948 года.

⁶ См. об этом в моей книге «Антисемитизм в Советском Союзе», Нью Йорк, изд. им. Чехова, 1952 г., стр. 195-196 и 199.

⁷ «Айникайт» от 18-го января 1948 года.

⁸ «Айникайт» от 30-го марта 1948 года.

⁹ *Левитин* в «Айникайт» от 22-го июля 1948 года

Глава 7:

¹ Б. Ц. Гольдберг стр. 205-206.

² Оба они были «разоблачены» на процессе деятелей Еврейского Антифашистского Комитета, как «американские шпионы» и посредники между Джойнтом и ЕАК. См. Гольдберг, стр. 143.

³ Там же, стр. 206-207.

⁴ Хаим Словес «Веги дер идишер култур ин Ратенфарбанд», «Идише Култур», февраль 1959 г., стр. 31.

⁵ Ленеман, стр. 33.

⁶ Эмиот в «Форвертс» от 7-го апреля 1959 года.

⁷ Эмиот в «Форвертс» от апреля 1959 года.

⁸ Макс Френкель в «Нью Йорк Таймс» от мая 1929 года.

⁹ В прениях по докладу председателя Комзета Чуцкаева (о выполнении плана переселения в ЕАО в первой половине 1936 года) на пленуме Комзета в конце лета 1936 года секретарь Президиума Совета национальностей Хацкевич сообщил: «При образовании национальной автономной области или республики решающим является наличие относительного или абсолютного большинства населения данной национальности. При образовании же ЕАО имелась главным образом в виду перспектива усиленного переселения в ближайшие годы. Планы переселения в ЕАО должны из года в год увеличиваться». См. «Отчет о Пленуме Комзета при Совете Национальностей ЦИК СССР», «Революция и Национальности», октябрь 1936 года, стр. 101.

И все же, может быть, в какой-то мере прав Б. Ц. Гольдберг, книгой которого я широко пользовался в последней главе этой статьи, когда он ставит в актив биробиджанской эпопеи, что биробиджанский опыт помог местечковому и придавленному еврей обрести вновь чувство собственного достоинства, веру в себя и, может быть, в человечество. И с оттенком горького юмора Гольдберг замечает: «Нет ни одного еврея в Биробиджане, которому необходимы надписи по-еврейски на углах улиц или на дверях общественных зданий. Но наличие этих надписей ставит еврейский язык на одну ступень с русским. Это почти то же, что сидеть недалеко от Хрущева. Конечно, это бесконечно мало по сравнению с тем, что имеют евреи в других частях света. Но как это ни трагично, это кое-что» (стр. 227).

¹⁰ Итоги всесоюзной переписи населения СССР. Издание Центр. Статистического Управления. М., 1962, стр. 204.

ОТ РЕДАКЦИИ. Считаю нужным обратить внимание читателей на то, что автор настоящей статьи С. М. Шварц недавно выпустил книгу «Евреи в Советском Союзе с начала второй мировой войны» (1939-1965). Издание Американско-Еврейского Рабочего Комитета. Нью-Йорк, 1966.

ГЕРШОН СВЕТ

ЕВРЕЙСКАЯ РЕЛИГИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

В Большой Советской Энциклопедии (2-ое издание, т. 19, стр. 377-378, 1952 г.) о иудаизме сказано следующее:

«Эксплуататорские элементы среди евреев стремились сохранить и развить национальную обособленность евреев. Орудием в их руках была *религия*. До середины 19-го века органами самоуправления была кагальная организация, группировавшаяся вокруг *синагоги* и *раввинов*, толкователей религиозного закона. Через кагальную общину еврейская буржуазия и *духовенство* жестоко эксплуатировали трудящихся. Кагальная община во главе с *раввином* играла крайне реакционную роль по отношению к трудящимся, искусственно создавая их обособленность от трудящихся других национальностей. Руководители еврейских общин стремились затушевать классовое расслоение и классовую борьбу среди евреев, ослабить классовое самосознание еврейского пролетариата и трудящейся бедноты».

И дальше там же читаем: “После образования на территории Палестины государства Израиль, иудаизм стал в нем официальным культом. Он *по прежнему* играет реакционную роль и используется еврейской буржуазией... и международным империализмом, как средство духовного порабощения еврейских трудящихся масс”.

Этот вздор о роли и значении еврейской религии преподносится советским читателям, начиная с 1918 года, когда при Народном Комиссариате по делам о национальностях, возглавляемом Сталиным, был учрежден “Еврейский Комиссариат”. Борьбой с еврейской религией усиленно занялась и евсекция, существовавшая при коммунистической партии до 1930 г.

Поход на еврейского Бога, на еврейскую религию и ее служителей начался с первых месяцев утверждения советского режима. Даже в период Нэпа, когда власть пошла на большие уступки в экономической области, борьба с религией продолжалась на широком фронте. А с ликвидацией Нэпа, когда евреи стали покидать местечки, где на протя-

жении столетий сложился прочный быт с укоренившимися религиозными традициями, борьба с религией стала принимать все более ожесточенные формы.¹

“Еврейский Комиссариат” взял в свои руки с самого начала контроль над всеми еврейскими социальными и благотворительными учреждениями, как больницы, сиротские дома, богадельни и пр. С первых месяцев 1918 года стали возникать конфликты с еврейским населением на религиозной почве. В 1919-м и в последующие годы Еврейская секция (“Евсекция”) коммунистической партии систематически занялась ликвидацией еврейских общинных учреждений.

С первой половины 1920-х годов усилилась атеистическая пропаганда и был инсценирован ряд кампаний против еврейской религии и публичных “показательных процессов” против религиозных учреждений — хедеров, ешиботов и синагог. Выступавшие на этих процессах в качестве прокуроров и подставных свидетелей еврейские коммунисты не останавливались перед измышлениями и фальсификациями. Иногда какому-нибудь коммунисту предоставлялось “слово в защиту еврейской религии”, и он разыгрывал роль верующего еврея, чтобы затем, к концу процесса, сдать свои позиции и капитулировать.

Такой публичный суд над еврейской религией состоялся в Киеве в 1921-м году. Не без умысла суд этот был организован в день еврейского Нового года. Советские газеты призвали коммунистов и беспартийных еврейских рабочих, как и “евреев вообще”, присутствовать на суде над религией. Суд происходил в одной из больших зал бывшего Окружного суда, где за 10 лет перед тем происходил процесс Бейлиса. Суд происходил на идиш.

Первой “обвиняемой” была старая женщина, вина которой состояла в том, что она посылала своих детей в хедер и ешибот, в которых “затемняют сознание обучением религиозным и другим контрреволюционным предметам”. “Почему, — спросил судья, — вы не посылаете детей своих в коммунистические школы, где их воспитали бы в коммунистическом духе и освободили от религиозных предубеждений и суеверий?” Ответ старухи гласил, что она не “пролетарского происхождения”, выросла среди раввинов, резников, синагогальных служек и не может отравлять своих детей коммунистическим учением. Ее выводят из зала.

Вводят в зал раввина с бородой и пейсами, в тради-

---

¹ Обширный материал о положении еврейской религии в эту эпоху собран в труде А. А. Гершуни, «Еврейство в Советской России» (Иерусалим, 1964, иврит).

ционном головном уборе. На вопрос председателя суда, почему он возглавляет ешиботы и хедера, в которых отправляют еврейскую молодежь “религиозными небылицами и национальным шовинизмом”, наряженный раввином “свидетель” отвечает: “Я это делаю сознательно, чтобы держать народные массы в невежестве и в повиновении буржуазии”... — “Что сказано в вашем Талмуде?” — спрашивает “свидетеля” судья. — “Сказано, — отвечает он, — лучшего из гоев убей”... Эта фраза вызывает в зале протесты. Свидетелю кричат: “Вы — невежда, и слова ваши — святотатство”. Протестующих выводят из зала.

Выступает другой “свидетель”, изображающий “буржуя”, нарядно одетого, с бриллиантами на кольцах. Он заявляет, что еврейская буржуазия заинтересована в том, чтобы религия держала в рабстве еврейские массы и парализовала в них стремление к борьбе за освобождение от ига капитализма.

После выступления таких “свидетелей” обвинитель заявляет, что еврейская религия, как и все другие религии, служит орудием экономического угнетения трудящихся. Поэтому пролетариат решил ликвидировать все религиозные и национальные учреждения.

Местный еврейский общественный деятель Мошэ Розенблат имеет мужество обратиться к суду со следующими словами: “Вы, красные судьи, ничему не научились и ничего не забыли. Десять лет тому назад черная сотня посадила в этом зале на скамью подсудимых Менделя Бейлиса по обвинению в кровавом навете. Черносотенные судьи пытались очернить еврейскую религию, Тору, Талмуд, — все, что дорого еврейству. Теперь вы, как истые антисемиты и ненавистники евреев, повторяете те же наветы на еврейскую религию и на еврейские духовные ценности”... После того, как слова Розенבלата вызвали бурю аплодисментов в зале, председатель суда приказал арестовать Розенבלата. Этим “судебное следствие” закончилось, и судьи в напряженной атмосфере, царившей в зале, вынесли “смертный приговор еврейской религии”.²

В 1921-м году были инсценированы такие же “суды” над хедером в Витебске, над ешиботом в Ростове, и вскоре хедера и ешиботы были в административном порядке закрыты и запрещены. Однако, в течение долгих лет хедера еще продолжали вести подпольное существование. Сотрудник нью-иоркского еженедельника “Гадоар” Даниил Пер-

² «В эпоху революции», сборник, идиш, стр. 385.

ский в 1930-м году посетил Минск и описал такой нелегальный хедер.

Вслед за разгромом хедеров и ешиботов в 1923-м году начался поход на синагоги. Еврейский Комиссариат опубликовал приказ о реквизиции синагогальных зданий якобы для нужд “борьбы с безграмотностью”. В том же году и под аналогичным предлогом возникла угроза реквизиции центральной московской синагоги на Маросейке. Властям был подан протест. В этом протесте, между прочим, сообщалось об уже состоявшемся закрытии синагог в целом ряде городов: Витебске, Минске, Смоленске, Гомеле, Киеве, Новозыбкове, Конотопе, Орле, Харькове, Одессе, Таганроге, Бобруйске, Режице, Симферополе, Евпатории, Алуште, Бирзуле, Вятке, Семеновке и др.³

Московскую синагогу удалось отстоять благодаря ходатайству раввина Мазэ перед Дзержинским и Калининым.

В Одессе в 1925-м году была реквизирована т. н. “Бродская” синагога, основанная в прошлом веке выходцами из галицийского города Броды. Протесты прихожан вынудили украинское правительство отменить реквизицию синагоги, но Евсекция все же настояла на ней. В 1926-м году была реквизирована главная синагога в Киеве на Рогнединской улице и превращена в клуб.⁴

В ряде городов при закрытии синагог доходило до рукопашных стычек с прихожанами.

В 1928-м году в Полтаве Евсекция накануне еврейского Нового года потребовала передачи здания синагоги под клуб. Прихожане обратились к правительству Украины, прося отсрочить реквизицию синагоги до окончания еврейских осенних праздников. Тем не менее, синагога была реквизирована. Об этом случае было затем опубликовано в брошюре, носившей издевательское название “Раввин и проститутка”.

Раввинов и других лиц, связанных с клиром, обвиняли и в “троцкизме”, и в агитации против Биробиджана; сажали в тюрьмы, ссылали в концлагери. В Гомеле состоялся процесс 10 резников, приговоренных к нескольким годам тюрьмы.

В 1924 году побывал в Советском Союзе американский раввин Глезер. По возвращении в Америку он сообщил в печати, что квартиры раввинов в Минске реквизированы,

³ «Рассвет» 1923 г. № 33-35, август-сентябрь. В этом журнале, выходившем в Берлине, был сгруппирован обширный материал о преследовании еврейской религии в Советской России.

⁴ «Рассвет», № 40 за 1926 г.

что здания синагог превращены в клубы, а еврейские кладбища — в общественные парки. Особенно шумело закрытие кладбища в Вильне. После разоблачения Глезера 30 раввинов и других евреев были арестованы по обвинению в том, что американский раввин по их наущению ведет анти-советскую пропаганду в Америке...

Еще с начала 1920-х годов коммунисты устраивали “красные сейдеры” на Пасху, старались запретить выпечку мацы. Ввоз мацы из заграницы (из Америки, Германии, Польши, Латвии, Франции, Палестины и т. д.) то разрешался, то запрещался. В праздники, особенно при закрытии синагог, обычно происходили реквизиции талесов, свитков Торы, молитвенников, религиозных книг.

По примеру православной “Живой Церкви”, одно время евсеки пытались создать и “Живую Синагогу” с целью внести раздоры в среду верующих. Такой опыт был проделан в Полтаве в 1924-м году. В этой “Живой Синагоге” женщины молились вместе с мужчинами, их наравне с мужчинами призывали к чтению Торы, в проповедях подчеркивалась положительная роль “трудящихся” и отрицательная роль еврейской буржуазии, а в синагоге на видном месте вывешивался портрет Ленина.

Однако, из этой затеи ничего не вышло: раскола в еврейской среде среди верующих вызвать не удалось. В Минске евсеки создали веру “Красную общину” во главе с “красным” раввином, который произносил в синагоге коммунистические проповеди. Но и эта попытка евсеков не привлекла верующие еврейские круги. Кой-где появились “коммунизы-раввины”, но подавляющее большинство раввинов и духовных лиц шли на всякие лишения, но не вступали в компромиссы с безбожной властью.

Еврейская молодежь, организованная в Союз коммунистической молодежи под руководством евсекции, вела усиленную атеистическую пропаганду. Своими эксцессами евсекция и комсомол вносили много горечи в еврейскую семью. Так, в печати был отмечен случай в Кременчуге, когда верующий еврей был доведен до самоубийства поведением своей дочери-комсомолки. На его похоронах толпа готова была расправиться с виновницей этой трагедии.

Не раз особое внимание властей привлекал к себе вопрос о кошерном убое скота и птицы, как и обряд обрезания мальчиков. Преследования в этой области начались еще в начале двадцатых годов. В 1922 году начался также поход на день субботний, как день традиционного отдыха. В ряде городов пытались объявить днем отдыха воскресенье или

понедельник; в школах, по требованию евсекции, шли занятия в субботу, и днем отдыха было воскресенье.

В 1920 г. евсеки устроили в Витебске “Иомкипурник”; они проводили в Судный день т. н. “общественные работы” с торжественными шествиями под музыку по улицам города. В 1923-м году такой же “Иомкипурник” был устроен в Минске. А в Одессе был устроен и показательный суд над Иом-кипуром. Комсомольцы-евсеки ворвались в Бродскую синагогу, разогнали молящихся и демонстративно ели хлеб на глазах постившихся молящихся. В другой одесской синагоге на Мещанской улице дошло до рукопашного боя между евсеками и прихожанами, — вмешалась Че-ка, — разумеется, арестовавшая прихожан. В Минске в вечер Кол-Нидрэ, когда синагоги были переполнены, комсомольцы из союза безбожников устроили уличные манифестации с плакатами, на которых были изображены раввин, целующийся с священником, с надписью: “Долой раввинов и попов”. Под этим же названием вышла и антирелигиозная брошюра, написанная перешедшей к коммунистам известной деятельницей Бунда, М. Фрумкиной-Эстер.

За один 1928 год, — писал Вальтер Коларж в своей английской книге,⁵ — было закрыто свыше 60 синагог. В последующие годы происходили массовые закрытия синагог под предлогом, что это были не дома молитвы, а “клубы барышников, нэпманов, нуворишей”. Соратник Маяковского, поэт Николай Асеев, лауреат сталинской премии, также изображал в своих стихах еврейский молитвенный дом, как “клуб нэпманов”.

Обычно закрытию синагог предшествовали атеистические демонстрации. Так, были закрыты хоральные синагоги в Минске, Одессе, Харькове, Киеве. Плакаты демонстрантов призывали: “Долой религию! Да здравствует пролетарская культура!” Киевская синагога была отдана под клуб “еврейским трудящимся, празднующим победу над клерикализмом”.

Спустя десятилетие, в 1937-1938 г.г. поход против раввинов и синагог велся уже под новым лозунгом — “борьбы с фашистским шпионажем”. В 1938 г. в московской центральной синагоге открыли “враждебное раввинское гнездо”, арестовали раввинов и ряд прихожан. Обвинение в фашизме выдвигалось и против служителей других исповеданий, но в отношении представителей еврейской религии оно было особенно бессмысленно, так как в России под фашизмом в первую очередь понимались гитлеровцы. В

⁵ «Религия в Советском Союзе», Нью-Йорк, 1961.

пропаганде говорилось, что нацисты “уничтожают еврейский пролетариат”, — но действуют “в трогательном единении с еврейской буржуазией”.

В соответствии с атеистическим курсом коммунистической партии систематически наносились удар за ударом всем исповеданиям в Сов. России. Различные коммунистические организации, как Комсомол и движение пионеров, пытались охватить широкие круги молодежи в стране. Создана была и специальная организация для этой цели — “Союз воинствующих безбожников”, в котором в 1932 году числилось свыше 5 миллионов членов, в 1935 — 13 миллионов, а в 1937 — 22 миллиона.

Этот воинствующий атеизм лишь в небольшой мере мог заразить еврейскую религиозную среду. Идеи коммунизма среди евреев были ничтожно, да и на этот путь мало возлагала надежды и власть, и партия. Даже евсекция не оправдала возложенных на нее надежд, и не случайно она была ликвидирована в 1930 году. Центр тяжести в борьбе с клерикализмом диктатура стала возлагать на репрессии и преследования.

В этом отношении показателен эпизод, который рассказан в “Безбожнике”⁶ незадолго до второй Мировой войны. В Москве была разгромлена “еврейская контрреволюционная группа”, во главе которой стояли руководители хоральной синагоги: раввин Медалье, бывшие купцы и фабриканты Урысон, Брауде и “другие аналогичные религиозные авторитеты”. Эта группа была обвинена в таких “преступлениях”, как выпечка мацы, продажа ее и т. д. На полученные доходы содержалась “целая сеть нелегальных религиозных школ и ешиботов” (из которых — два ешибота в Москве).

Эти штрихи к картине положения еврейской религии в Советской России достаточно ярко рисуют нам непримиримость, с которой партия и власть, опираясь на органы на местах и на еврейских коммунистов, с первых же лет революции относились к верующим евреям и к созданным ими учреждениям — синагогам, религиозным школам, к раввинам и преподавателям Торы и Талмуда.

М. Дэктер в 1963 г.⁷ подвел итоги положению еврейской религии, которые стоит привести: “Все вероисповедания в Советском Союзе, — писал он, — ведут неустойчивое существование из-за враждебного отношения комму-

⁶ От 21 сентября 1938 г.

⁷ В авторитетном журнале “Foreign Affairs”, выходящем в Соединенных Штатах.

нистической идеологии к религии вообще. Однако, иудаизм в Советском Союзе дискриминируется больше других вероисповеданий. Еврейские религиозные общины лишены и тех немногих прав, которые другим исповеданиям предоставлены. Раввинам и синагогам не разрешено то, что разрешено Святейшему Синоду русской православной церкви, Всесоюзному Совету Евангелических христиан-баптистов, Националистическому органу Армянской Церкви, Лютеранской Церкви в Латвии и Эстонии или Мусульманскому Совету в Центральной Азии и Казахстане. Им всем предоставлено право издания религиозных журналов и книг, молитвенников, Библии, Корана (последний издан в Советском Союзе и по-арабски) — в то время, как евреи в Советском Союзе этого права лишены. Библия в Советском Союзе не была издана на иврит с 1917-го года. Издание Ветхого Завета даже по-русски запрещено, как запрещено и изучение иврит. С первой половины 20-х годов не были изданы молитвенники. Только в 1958-м году был издан молитвенник (сидур) в количестве 3000 экземпляров в то время, как баптисты, лютеране выпускают свои молитвенники и календари, не говоря уже о православной церкви, которая издает ежемесячно “Вестник Московской патриархии”.

Больно бьет по религиозному еврейству отсутствие календарей, которые в рукописном виде хранятся в синагогах, как музейные редкости. В то время, как в православной церкви, в грузинской, армянской и пр. богослужение ведется на церковно-славянском, на грузинском, армянском и др. языках, полувековой запрет иврит в Советской России привел к тому, что родившиеся в советский период евреи лишены возможности понимать язык молитв. Другим исповеданиям предоставлена возможность производить употребляемые при богослужении церковные сосуды, священнические рясы, четки, распятия, — евреям запрещено изготовлять талесы, филактерии, мезузы.

На 40 миллионов православных насчитывается в стране 20.000 церквей, 35.000 священников и около 70 монастырей. На 3 миллиона баптистов приходится 6.000 приходов и пасторов, — по одному приходу и пастору на каждые 500 верующих. Лютеранские церкви Латвии и Эстонии насчитывают 100 церквей и 150 пасторов. На миллион, если не больше верующих и верных традициям евреев в Советском Союзе приходится всего 60-70 синагог, — по одной синагоге и одному раввину, примерно, на 15.000 верующих.

Православная церковь в СССР имеет две духовные ака-

демии и 5 семинарий для подготовки священников. Мусульмане имеют Медрассу для подготовки мулл. Несколько студентов из Медрассы обучаются в Каире, а молодые семинаристы-баптисты — в духовных академиях Англии и Канаде. Но на протяжении 40 лет не было во всей России ни одного раввинского семинара. Только в 1957-м году разрешили ешибот при Большой синагоге в Москве, но из него за все годы вышли всего два раввина. Во всем Советском Союзе насчитывается 60-70 раввинов. Их возрастной ценз достигает 70 и 80 лет. Прав был американский раввин, с горечью заявивший, что через десять лет в Советской России не найдется ни одного еврея, знающего еврейские религиозные законы и знакомого с богослужебным ритуалом.

Другие вероисповедания имеют возможность общаться со своими единоверцами вне пределов Советского Союза. Священнослужители православной, мусульманской веры ездят за-границу, где общаются со своими единоверцами, которые порой приезжают в Советский Союз на религиозные съезды. Мусульманам разрешили учредить в Москве специальный департамент для внешних сношений с их единоверцами вне пределов России. Православная, Грузинская, Армянская, Баптистская и Лютеранская церкви Эстонии и Латвии состоят членами Всемирного Союза Христианских Церквей. Между тем, еврейским синагогам не разрешен контакт с религиозными еврейскими общинами и учреждениями вне пределов России. М. Дэктер правильно определяет политику советской власти по отношению к еврейской религии, как стремление изолировать евреев в Советском Союзе от их прошлого и от их братьев по крови и по вере вне пределов России, задушить в них еврейский дух.

Интересный анализ отношения советской власти к еврейской религии дает в своей книге «Между молотом и наковальней»⁸ израильский писатель Бен-Ами. Его сообщения дополняют то, что известно по другим источникам о положении евреев в эпоху после смерти Сталина.*

— Еврей в Советском Союзе, — пишет Бен-Ами, — означает гражданина еврейской национальности, исповедующего еврейскую религию. Когда советские власти закрывают на Украине церкви и арестуют священников, это не воспринимается, как преследование украинцев. Когда молодой

⁸ «Ам Овед», иврит, Тель-Авив, 1965.

* Еврейская религиозная жизнь в СССР в эпоху после Сталина подробно освещена в работе Л. М. Шапиро в настоящей книге.

литовец читает антирелигиозный памфлет, направленный против католической церкви и папы, он не воспринимает это, как преследование литовцев в Советском Союзе. Когда в Узбекистане критикуют ислам, узбекистанец не воспринимает это, как преследование его собратьев по национальности.

Но когда подвергают гонениям еврейскую религию, каждый еврей в Советском Союзе чувствует, что этим прямо или косвенно покушаются на него, как еврея. Когда молодой еврей читает в советской газете или в пропагандной брошюре, что еврейская религия “варварская, реакционная, эксплуататорская”, он чувствует, что это бьет и по нему лично, — по нему, как члену еврейского национального коллектива, по нему, как еврею по вере. При отсутствии еврейской печати, еврейских школ, еврейской литературы и театра, — преследования и гонения на еврейскую религию воспринимаются с особенной остротой.

Образование государства Израиль явилось новым политическим стимулом для советской вражды к евреям и иудаизму. Еврейская религия, — заявляют теперь советские пропагандисты, — религия сионистская. Еврейский молитвенник требует, чтобы верующий трижды в день молился о возвращении в Иерусалим. Евреи, следовательно, молят своего Бога, чтобы он вывел их также из Советского Союза на Средний Восток, в страну Израиля, и детей своих, граждан Советского Союза, воспитывают под влиянием этих идей, которые коренятся в древних истоках еврейской религии.

Таковы обвинения, направленные в Советской России против евреев и их религии. Такова атмосфера, в которой живут евреи в России.

ЮДЕЛЬ МАРК

ЛИТЕРАТУРА НА ИДИШ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

После страшных потрясений, внесенных первой мировой войной во всю еврейскую жизнь, — февральская революция 1917 года означала как бы восход солнца и для еврейской литературы, или прорыв плотины, задерживавшей мощный поток ее творческих сил. После революции в течение считанных недель стали возникать новые ежедневные газеты и журналы. При тяжких технических трудностях, порожденных войной и революцией, стали появляться книги и старых писателей, и множество новых авторов.

В еврейской литературе открылась полоса беспрецедентного оживления. Казалось, что весь еврейский народ стремится поскорее наверстать потери, вызванные несколькими годами войны. Этот порыв вперед оказался до того сильным и стремительным, что приход к власти большевиков не мог приостановить его в течение первых лет. Потребовались годы, чтобы превратить освобожденную еврейскую литературу в литературу советскую, регулируемую сверху. Наша задача — дать общую характеристику развития еврейской литературы под советской властью вплоть до ее окончательной ликвидации в ноябре 1948 года.

С самого начала следует отметить, что в эпоху, предшествовавшую октябрьской революции, в среде еврейской общественности России большевистское направление представлено не было. Не было и ни одного еврейского писателя, который был бы идейно связан с большевизмом.

Когда в 1917 году стало возможно издание газет и журналов на идиш, среди 49 изданий не оказалось ни одного большевистского, и в 1918 году большинство существовавших еврейских изданий еще носило определенно выраженный антибольшевистский характер. Только в 1919 году большая часть еврейских публикаций (30 из 58) перешла в руки представителей власти и только в 1922 вся еврейская пресса стала большевистской.

До 1920 г. еврейская литература в России оставалась животрепещущим отражением всех потрясений и волнений еврейской жизни, в особенности ужасающих погромов 1919 года. Первые, избравшие сторону большевиков в гражданской войне, сделали это по чувству еврейской национальной самозащиты. Несправедливо поэтому причислять чрезвычайно талантливого молодого драматурга Бейнуша Штейнмана к советской литературе, убитого «случайно», как кратко сообщалось, в возрасте 21 года в августе 1919 г. Он оставил после себя три драматических произведения: «У ворот», «Мессия-Бен-Иосиф» и «Красное дитя». В своей тематике и идеологии этот юный последователь Переца не имеет ничего общего с советской литературой. Не принадлежит к ней также ныне забытый автор символических сказок Израиль Ваксер, погибший от руки погромщиков в том же кровавом году. Уже на пороге новой главы стоит поэт Ошер Шварцман. Он пошел добровольцем в красную армию и был убит в возрасте 29 лет. В его литературном наследстве имеется немало мрачных стихов на военные темы, но время от времени у него пробиваются ноты юношеской жизнерадостности. Одно из его последних стихотворений (со строкой: «Рука, налейся сталью, враг у ворот!») приобрело большую популярность. Советская критика высоко оценила этого поэта.

В киевском сборнике «Собственное» (1919-1920 г.) были опубликованы «Отход» Давида Бергельсона, «Бабушкина сказка» и «В пустыне» Нистора — произведения, не имеющие ничего общего с революционной тематикой. В сборнике были также представлены Давид Гофштейн, Перец Маркиш, Липа Резник и Ехезкл Добрушин, — многообещающие начинатели, но без всяких новых идей.

В 1920 году уже стал приобретать популярность лозунг: право на существование имеет только *пролетарская культура*, и в стране советов должна существовать только *пролетарская литература*. Тогда уже бесконечно много говорилось о пролетарской культуре, таинственной даме, завуалированной красной вуалью.

На практике к этому времени уже было ясно, что литература должна быть поставлена на служение «победоносному пролетариату», должна проникнуться идеей «диктатуры пролетариата», должна описывать и воспевать его борьбу и его победы и дисциплинировать себя самое в этом духе, в первую очередь в отношении тематики. В московских сборниках «Поток», в которых участвовали и авторы из заграницы, уже заметно попечение о том, как бы не допустить никаких «мелкобуржуазных», тем паче «буржу-

азных» тенденций. Эпоху 1920-1925 г.г. нужно уже рассматривать, как эпоху *пролетаризации* еврейской литературы. С каждым годом все сильнее становилась правительственная цензура, и советская власть превращалась в издателя-монополиста.

В 1925 году Центральный Комитет РКП принял резолюцию по вопросам литературы, смысл которой сводился к тому, что литература в Советском Союзе должна вестись по предписаниям Ц.К. и служить потребностям власти. Дозволяется только послушный власти «социалистический реализм», а реализм этот толкуется в соответствии с тем, что партия считает в настоящий момент своей очередной задачей. Литература превращается в вспомогательный орган власти, а писатель становится «аппаратчиком».

Годы 1925-1930 надо уже рассматривать, как эпоху *советизации* еврейской литературы. Происходит второй ее глубокий отрыв: она отделяется непроницаемым занавесом от еврейской литературы всего остального мира. Раньше ее оторвали от еврейской традиции, но затем решили никакого влияния *извне* не допускать. Постепенно проводится в жизнь запрет всякого импорта еврейской литературы из-за границы. К концу пятилетия 1925-1930 еврейская литература в Советском Союзе оказалась уже совершенно изолированной, оторванной и отрезанной от литературного творчества на *идиш* во всех других странах.

В 1930 году была ликвидирована «евсекция». Ретроспективно следует в этой ликвидации видеть начало окончательной ликвидации еврейской литературы в России. Большевицкая партия пришла к заключению, что она больше не нуждается в особом еврейском большевицком адресе. Это соответствовало одной из догм партии, согласно которой евреи не являются нацией. Евреи должны ассимилироваться, и большевицкая власть должна облегчить этот «исторически неизбежный процесс». Еврейская литература только терпелась — постольку, поскольку она беспринципно приспособлялась ко всем изменчивым уклонам «генеральной линии». С ликвидацией «евсекции» господами над еврейской литературой стали уже не еврейские большевики, как это было до сих пор, а комиссары — не евреи, председатели и секретари правлений союзов писателей и еврейские подпевалы из их окружения.

С 1930 года до июня 1941 года наступает эпоха еврейской советской литературы, которая проходит под знаком *сталинизации*. Потоки лести Сталину, разлившиеся по лону еврейской поэзии, могли быть истолкованы, как «взятка», уплачиваемая за право на существование, или, что ху-

же, — как показатель страха, вызывавшего дрожь в каждой державшей перо руке.

Уже раньше в быт советских писателей вошли публичные оговоры своих собратьев и разоблачения у них «националистических», «буржуазных», или «мелкобуржуазных» уклонов. Теперь это стало обычным и существенным занятием ежедневной печати и журналов. Шло соревнование в обвинениях по адресу товарищей с целью обнаружить прегрешения даже у тех, кто служил режиму, казалось, вполне благочестиво. Таковы были явные доносы. Какую роль играли тайные, поступавшие прямым путем в Чека, мы никогда не узнаем.

В 1936-1938 г.г., в годы «чисток», еврейская литература понесла немало жертв. Счет им до сих пор не подведен. Их чаще всего обвиняли в троцкизме и ссылали либо в связи с делами их местных украинских или белорусских покровителей, либо потому, что они когда-то были бундовцами или членами других революционных еврейских партий.

В эту эпоху бросается в глаза полный разрыв между писателем и читателем. С середины тридцатых годов сокращается и слабеет и молодая периферия еврейской литературы. Теперь писатель принадлежит к привилегированной касте, а народ не любит привилегированных людей, живущих в лучших материальных условиях. Писатель в это время обособляется от обыкновенных советских граждан, он живет и вращается в своем собственном кругу. Уменьшается число рабочих с фабрик, приходивших ранее послушать чтение еврейскими поэтами своих стихотворений. Естественно, что провинившихся или заподозренных писателей приходится сторониться. В 1935 году, например, пышно отпраздновали 15-тилетний юбилей литературного творчества Изи Харика, книжки стихов которого разошлись тысячами в Советском Союзе, но спустя несколько месяцев он был объявлен «врагом народа», и тогда уже была нужна особая смелость, чтобы взять в руки его книгу стихов. Или другой пример: в еврейском художественном театре в Москве идет с большим успехом пьеса Моисея Кульбака «Бойтре-разбойник», но вдруг автор подвергается аресту и ссылке, а его пьеса внезапно снимается с репертуара. Кто знает, кто на очереди завтра? Не разумнее ли оставаться в стороне?

Поистине трагическое время переживает еврейская литература в течение двух лет от пакта Сталина с Гитлером до нацистского наступления на Россию. Еврейский писа-

тель хорошо знает, что происходит с его братьями в Германии и Польше. Некоторые из еврейских советских писателей проявляют личный героизм, сердечно и задушевно встречая своих собратьев-беженцев из Польши, Литвы и Румынии, бежавших к началу войны в Советский Союз. Иным пришлось дорого заплатить за это. Когда молодой поэт Зелиг Аксельрод не выдержал и выразил свою скорбь по поводу гонений на евреев в нацистских странах, он получил пулю в затылок за свой «еврейский национализм».

В 1941-1942 г. нацисты заняли все области с густым еврейским населением, и оно было почти полностью истреблено немедленно после вступления нацистских войск. Только тогда еврейская литература в Советском Союзе получила возможность выразить свою накипевшую скорбь.

Многие из числа еврейских писателей, старше призывного возраста, пошли добровольцами в армию (Эзра Фининберг, Меир Винер, Моисей Хашевацкий, Арон Кушников и другие). Впоследствии было установлено, что 38 еврейских писателей были убиты в боях. Среди них: Моисей Хашевацкий, Меир Винер, Ш. Росин, Ш. Годинер, Яша Зельдин, Бузя Олевский, А. Гурштейн, Гершель Диамант, Эли Каган, В. Шведик, И. Гершензон, Пейси Альтман, Ш. Гольденберг, Курлянд, Дубилет и другие. Отсутствуют списки десятков писателей, которые погибли от нацистской руки.

Ошиблись те, кто рассчитывал, что еврейский героизм во время войны искупит «вину» тех, кто в той или иной форме выразил чувства, свидетельствующие о связи со всем еврейским народом, с его прошлым и с отдельными ветвями еврейства в других странах. В первые годы после войны одним ударом была ликвидирована вся культурная жизнь еврейского народа. Едва ли не все еврейские писатели, артисты, художники, композиторы, отчасти и музыканты, т. е. все творческие элементы русского еврейства, были арестованы, сосланы в лагеря принудительного труда или заключены в тюрьмы.

В ноябре 1948 года советская власть положила конец существованию еврейской литературы, хотя литература пыталась *верно* служить советскому режиму почти тридцать лет. Запрет распространялся и на еврейский алфавит. От Балтийского моря до Тихого океана нельзя было ничего печатать еврейскими буквами. Даже в истории еврейского изгнания, знавшей немало наветов и гонений, это случилось едва ли не впервые. А 12 августа 1952 года самые выдающиеся еврейские писатели были расстреляны после короткого и тайного «процесса».

Долгие годы официальные представители советской власти либо молчали, либо лгали про судьбу этих еврейских писателей, а их бессовестные подхалимы даже в свободных странах не переставали поддерживать эту ложь. Правда постепенно просочилась наружу, но даже после того, как вся вина за это преступление была свалена сперва на Берию, а потом на самого Сталина, — еврейская литература не была надлежащим образом «реабилитирована». Издаются переводы еврейских произведений, но оригиналы (на идиш) сотен погибших писателей остаются неизданными. Только во второй половине 1961 года начал выходить на идиш журнал «Советская Родина», где печатаются ничтожные отрывки и остатки, уцелевшие от чудовищного разгрома еврейской литературы.

**

Каждая живая литература отражает свою среду и реагирует на окружающую ее текущую жизнь. Естественно, что первоначально еврейская литература в Советской России избрала главной своей темой гражданскую войну, революцию и еврейские несчастья тех кровавых лет. Но постепенно эти естественные отклики на текущую жизнь становятся уже и принимают ненатуральную форму.

В Советском Союзе литература должна была работать по принципу «социального заказа», а эти заказы меняются в зависимости от каждого поворота партийной линии. Когда на очереди стояли еврейские с. х. колонии в Крыму, а затем и колонизация Биробиджана, еврейская литература должна была считать именно эти темы главными. Когда проводилась кампания против единоличных ремесленников в местечках, эта кампания стала главной темой литературы. Могло создаться впечатление, что в литературе постоянно появляются новые темы. В действительности имело место насильственное сужение и ограничение тематики.

Человек воспринимается, как винтик в машине, как представитель социальной группы или класса. Рабочий не может быть отрицательным типом, — разве только он саботажник или скрытый троцкист! Представитель старого порядка не может быть положительным типом — разве, если он в конце концов узрел свет советской истины.

«Социальный заказ» упрощал всякую тему, даже если эта тема отвечала требованиям жизни. В результате этой опеки могла создаваться только литература низкого качества. Основной цвет еврейской литературы в Советском

Союзе — серый. В ней относительно мало такого, что остается надолго, что может войти в общий поток мировой еврейской литературы. Мы остановимся в дальнейшем только на тех авторах и тех произведениях, которые все же являются ценным вкладом в литературу на *идиш* и опустим десятки других.

Литература находилась как бы в обручах. Чистая лирика почиталась контр-революцией. Национальные эмоции — до войны — находились под табу. Писатель мог описывать только настоящее или недавнее прошлое.

За это духовное закрепощение писатель получал свою «порцию мяса». Он принадлежал к привилегированным в советском обществе. Материально он был обеспечен, но, с другой стороны, у него возрастал страх за завтрашний день — как бы не провиниться и не утратить все привилегии, а может быть, как в период чисток в 30 годах, — и самую жизнь. В таких условиях почти невозможно знать, — что в данном произведении написано в соответствии с побуждениями писателя, а что продиктовано страхом или погоней за специальным вознаграждением.

Для писателя, согласного пойти на службу к режиму, открывалась возможность сделать относительно хорошую карьеру. Поэтому, — до тех пор, пока литература на *идиш* не была окончательно воспрещена, — мы встречаем в ней много новых имен: Е. Казакевича, Аврама Гонтара, А. Вергелиса, Гершеля Даманта, Мотла Гарцмана, Рохл Беймвол, Яшу Зелдина, Файвл Ситова, Бениомина Гутянского, Мотла Талалаевского, М. Тайфа. Было достаточно работы для старших писателей и для переводчиков.

На *идиш* переводилась и пропагандная литература того времени — писания Маркса, Ленина и Сталина, — и произведения классиков мировой и русской литературы и советских писателей.

Среди переводчиков следует выделить имя И. Гольдберга, переведившего Шекспира. Переводами занимались также литературные критики и известные писатели, как напр. Дер Нистор. Для еврейских писателей, как впоследствии для Бориса Пастернака, — переводы были способом бегства из колодок, в которые власть загоняла литературное творчество.

В десятилетие 1925-1934 шла кипучая издательская деятельность. Кроме оригинальных произведений и переводов, издавалось много учебников с тиражем в десятки тысяч экземпляров. По официальному отчету, в 1926-1935 г.г. были опубликованы произведения 326 авторов. Но уже 1935 год стал началом ниспадающей линии, хотя

некоторые художественные произведения достигали тиража до десяти тысяч экземпляров. Так, книга стихов Изи Харика «Душой и телом» разошлась в количестве 12-ти тысяч.

Нигде литературная критика не играла такой крупной роли, как в Советском Союзе. Кроме профессиональных критиков, ею занимались редакторы газет и журналов и ученые литературоведы. Кроме того, действовали и многочисленные опекуны по части «благонадежности» — руководители евсекции, а потом явные и тайные «секретные сотрудники» Чека (например Шахно Эпштейн). Литературная критика была еще более скована, чем литература. Разумеется, литературная критика должна была быть выдержана в марксистско-ленинском духе. Главной задачей критики было следить за тем, чтобы тематика и её разработка была в соответствии с лозунгами дня. Литературные достоинства или недостатки произведения отходили в тень.

Моисей Литваков, в качестве главного редактора московского «Эмеса», в течение долгих лет занимал особую важную позицию, и его мнения и оценки литературных произведений имели особое значение. Но кто-то обнаружил у него «крамольную» мысль, что еврейская литература должна быть национальной и ведущей «свой род («ихус») от «Цезну-Урену»* Этого было достаточно, чтобы в тридцатых годах против него выступили с обвинением в «националистическом уклоне» (Хаим Дунец). Сам Литваков, как и его критик Дунец, пали жертвами чистки.

Самым продуктивным критиком в еврейской советской литературе был Ехезкл Добрушин. Он писал также рассказы и драмы. В 1948 г. он был среди арестованных и погиб. Так на критиках оправдывалось старое предостережение, что роющий яму другому попадает в нее сам.

Более серьезным вкладом нужно считать чисто-исследовательские работы в области литературы. Здесь можно отметить ряд достижений, хотя и в ограниченной сфере. Из трех классиков еврейской литературы Перецом занимались только в двадцатых годах, потом объектами исследований оставались Менделе Мойхер Сфорим и Шолом-Алейхем. Некоторые исследователи концентрировались, главным образом, на эпохе Гаскалы. Таков был Макс Эрик, один из способнейших исследователей старой еврейской литературы, который после своего переезда в Россию в 1929 году

---

* Книга легенд и молитв, приспособленных для женщин.

заялся исключительно этой эпохой. Его арестовали в 1936 году и он скончался в тюрьме в октябре 1937 года.

Ценную исследовательскую работу «Еврейская литература в XIX столетии» опубликовал Меир Винер (он погиб в начале войны). Арон Гурштейн сделал свой вклад в изучение классиков и Аврама Гольдфадена (Гурштейн пошел добровольцем на войну и был убит в 1941 г.). Статьи о еврейских писателях в советской энциклопедии писал Исаак Нусинов (погиб в тюрьме в 1951 году). В 1919 году блеснул своей работой «Основные штрихи еврейского реализма» Наум Ойслендер. Нельзя не отметить, что самый крупный исследователь еврейской литературы Израиль Цинберг оставался всецело верным своему собственному направлению и совершенно не подвергся влиянию окружения. И он умер в советской тюрьме (повидимому, в 1938 г.). Труд его жизни «История литературы у евреев» (первые восемь томов) был напечатан за пределами Советской России.

В 1920-ых и 1930-ых годах в Киеве, в Минске, в Москве, а также в Харькове и в Одессе усердно занимались изучением языка идиш. Упомянем три главных имени в этой области: Нахума Штифа, работавшего в области еврейского стиля (он вернулся в Советский Союз в 1926 году, скончался в 1933), Айзика Зарецкого, занимавшегося еврейской грамматикой и, наконец исследователя диалектов Мордехая Венгера (покончившего самоубийством в 1929 году). Его ученик Лейзер Виленкин составил, на основе материалов, собранных его учителем, языковой атлас о распространении *идиш* в Советском Союзе. Эти исследователи имели также талантливых учеников, как А. Спивак и Эли Волкович. Упомянутые работы являются серьезным вкладом в еврейское языковедение, хотя, конечно, и в этой области приходилось придерживаться официальной линии. Характерно, что даже название журнала Нахума Штифа «Еврейский язык» было заменено более соответствующим советскому стилю названием — «На языковом фронте». И в лингвистике действовала борьба с «уклонами».

В области изучения еврейской народной песни отметим сборники И. Береговского и З. Скубицкого и крупное исследование Береговского «Еврейский музыкальный фольклор».

Благодаря школам и институтам, где преподавание велось на идиш, как и многочисленным переводам, еврейский язык в Советском Союзе обогатился значительным количеством новых терминов. Большею частью они заимствованы у русского языка, без всякого внимания к духу и чистоте самого идиш.

Здесь мы снова сталкиваемся с основной чертой отношения советской власти к еврейской литературе. Поскольку евреи признаны национальным меньшинством, непременным условием такого признания был отрыв советского еврейства от еврейства мирового. Высказывалось желание завести особое советское начертание на идиш.

Еврейская литература была локализована, стала литературой большой провинции, а не ветвью универсального еврейского творчества. Она лишилась притока питательных соков извне и оскудела. На писателей за пределами Советского Союза полагалось смотреть с искусственно-раздутым чванством. На банкетах в честь приезжавших писателей-гостей из заграницы не стеснялись читать им нотации и учить уму-разуму, причем некоторые гости, как Г. Лейвик, а затем Шолом Аш, дали отпор хозяевам. У начинающих авторов воспитывалось сознание, что им, якобы, уже нечему учиться у известных еврейских писателей за пределами Советского Союза.

Наряду с этим, еврейскую литературу оторвали от всего исторического прошлого. Как не обучали еврейской истории в школах, так не признавали еврейской истории и в литературе. Оказывалось, что если «советский еврейский народ» до октября и имел какую-то эфемерную историю, то это был только мрачный пролог к эпохе счастья и расцвета еврейской жизни при советах. Еврейская литература была приравнена к литературам тех народов Советского Союза, которые только при советской власти получили свой алфавит.

Еврейская литература дорого заплатила за это. Ее урезанная тематика была сплошь окрашена в серый колорит. Даже у писателей, которые достигли известного уровня художественности, имеются только считанные произведения, сохраняющие длительную ценность. Вместо естественной задачи всякого писателя — углубиться в индивидуальную сущность своего народа, им было приказано обнаружить нового человека в советском еврее.

Но для народа Библии с вековой литературной традицией, формула «Социалистическое содержание и национальная форма» — должна была неизбежно принести духовное обнищание. Печать на идиш на 90% представляла собой перевод казенной информации с обрывками сведений о собственной еврейской жизни и без всякой информации о жизни евреев в других странах. Советская еврейская литература не могла выполнять естественного призвания — поддержать еврейское национальное самосознание. Она была вынуждена проводить линию безбожников и чернить всё, что было дорого значительной части народа. Это не

могло не вызвать пассивный протест читателей: тираж еврейской книги сильно упал.

В двадцатых и в начале тридцатых годов, вечера, на которых еврейские писатели читали свои произведения, привлекали большие аудитории. Литература еще оставалась фактором связи для еврейства. Но когда она стала советской литературой на еврейском языке, ее национально-консолидирующее значение стало угасать и в то же время ее внутренний престиж стал падать. Однако литература и театр вплоть до их ликвидации в 1948 г., все же оставались единственной формой «представительства» еврейского коллектива в Сов. Союзе. Когда в мае 1943 года послали в Америку представителей советского еврейства, то эта делегация состояла из Соломона Михоэлса, выдающегося артиста и душу Еврейского Камерного театра в Москве, и Ицика Фефера, известного еврейского поэта — члена коммунистической партии. Этот состав делегации отражал ту общественную функцию, которую выполняли литература и театр в условиях советской жизни.

**
*

Среди еврейских прозаиков данной эпохи головой выше всех своих современников стоит большой художник и тонкий стилист Давид Бергельсон (1884 — расстрелян 12 августа 1952). Он уже принадлежал к числу наиболее известных еврейских писателей, когда покинул Советский Союз в 1920 году и поселился в Берлине. В 1926 году он стал ориентироваться на Москву, а в 1929 году вернулся в СССР.

Уже в сборнике рассказов «Сквозняки» он начал платить дань власть имущим, а еще яснее это проявилось в романе «Судебные нравы». Основная идея этого произведения: — революция имеет право на жестокость. Самое крупное произведение Бергельсона «У Днепра» (1932-1935) представляет собой автобиографический роман, где главный герой Перек еще с детства — революционер, а в юности — большевик. «При помощи ювелирного искусства», по выражению С. Нигера, Бергельсон сумел скрыть кричащую тенденцию к подразделению действующих лиц на буржуазных злодеев и революционных праведников и к отрицательному изображению еврейского быта. В романе имеются замечательные художественные моменты, где еще выступает Бергельсон с его тонким психологическим анализом и талантом сжатого описания среды. Но в его произведениях тридцатых годов все больше вы-

ступают боязнь отступить от «линии», одолевающая внутреннее художественное чутье. Мастер нюансов часто заменяет ланцет топором.

Новый период в творчестве Бергельсона наступает в военные годы и продолжается до самого его ареста в 1948 году. Мы снова встречаем в его произведениях нюансирование и приемы, нечуждые символизма. Особенно в этом отношении удался Бергельсону рассказ о еврейском юноше из Грузии, завлекающем трех наци в кавказские горы («Между гор»), а также рассказ «Траурные свечи».

Самое значительное и наиболее долговечное произведение в прозе создано другим писателем этой эпохи: мы говорим о Дер Нисторе (Пинхос Каганович 1884-1951 (?) — умер в тюрьме). С первых своих писательских шагов он был символистом. Вместе с большой группой еврейских писателей Нистор в начале двадцатых годов покинул Советский Союз, но в 1928 году вернулся. Однако, твердость характера и писательская совесть остались непоколебленными и, если он не мог писать по своему, то предпочитал молчать. Дер Нистор занимался переводами, издал описание трех столиц — Ленинграда, Москвы и Харькова. В 1939 году появился первый том его главного труда «Семья Машбер» (второй том вышел в 1947 г.). Во вступлении автор еще платит кой-какую дань властям, но не в самом романе, где дано описание Бердичева с семидесятих годов прошлого столетия. С большой симпатией изображаются в нем талмудисты и хасиды, особенно верные ученики реб Нахмана из Брацлава. Перед нами встают незабываемые образы верующих евреев. Этот роман — самое несоветское и внутренне самое свободное произведение еврейской прозы в Советском Союзе. Дер Нистор остался верен самому себе также в рассказах военных лет. Его три рассказа «Жертвы» — подлинные жемчужины.

Своим путем шел еще один писатель, много моложе, — Ицик Кипнис (родился в 1896, был арестован, как и другие еврейские писатели, но выжил). В 1926 году вышла его первая книга «Месяцы и дни», в которой повествуется о счастливых месяцах влюбленной пары и об ужасах погрома. Главный герой, в котором можно видеть самого автора, — рабочий, по имени Айзик-Лейб, сын сапожника. Не взирая на революцию и погром, над миром героя простирается лазурное небо. В подходе к окружающему, в манере описывать героев, даже в самом языке чувствуется влияние Шолом-Алейхема. Хотя автор по-

страдал за «мелкобуржуазность», но в дальнейших произведениях продолжал изображать того же героя и тех же местечковых евреев. Правда, он мало писал (или имел мало возможности печататься). По своему звучали также его военные рассказы. В одном из них его герой высказывает пожелание, чтобы евреи, шагающие сейчас по улицам Берлина, среди своих военных орденов и медалей «носили на груди маленький Моген-Давид». За такое прегрешение автор был в 1947 году исключен из Союза Писателей.

Моисей Кульбак (1896-1940) прибыл в Минск в 1928 году уже сложившимся писателем, тяготеющим к мистицизму. Здесь он написал свое оригинальное прозаическое произведение «Зелмениане» (первая часть вышла в 1931 г. вторая — в 1935). Автор рассказывает, что происходило в усадьбе Зелмеле, простого и грубоватого еврея и его четырех сыновей с детьми. Оба поколения описаны добродушно и с юмором. В сущности, автор относится одинаково, как к отцам, оказывающим сопротивление революции (и электрификации), так и к детям — представителям нового. Произведения Моисея Кульбака несомненно останутся в литературе. Во время чистки 1937 г. Кульбака сослали. Возможно, впрочем, что репрессии вызваны были не только писательскими превращениями Кульбака.

Но несомненно из-за своей литературной работы пострадал другой писатель, Авраам Абчук (1897-1936 ?), педагог и автор книги о Менделе Мойхер Сфорим. В 1929 году он опубликовал повесть «Гершл Шамай» (заключена в 1934 г.). Его герой — пожилой рабочий — не силен в политике и, подобно Тевье-молочнику в рассказе Шолом-Алейхема, любит «углубляться в проблемы» и ставить неуместные вопросы. В журнале «Пролетарское Знамя» (номер 12 за 1935 г.) писатели Ицик Фефер и А. Веворка назвали произведение Абчука «троцкистским пасквилом» и предложили «выполоть его, как крапиву». С. Нигер порадовался повести Абчука, как признаку того, что на тринадцатом году своего существования, революция в состоянии переварить немного юмора. Но он ошибся: «выполоти» не только книгу, но и автора.

Другие писатели не позволяли себе никаких улыбок и усмешек. Советская беллетристика началась с описаний гражданской войны и закончилась рассказами военного времени. Между ними уместились темы об индустриализации, коллективизации и прочем, что требовалось партийной линией. Произведения на все эти темы были насыщены борьбой против «кулака», против пережитков ев-

рейской религии, против уклонистов и саботажников. Поэзии было легче приспособляться к советской действительности, но прозе это давалось с трудом. Нет ни одного крупного литературного произведения, которое отразило бы эпоху гражданской войны и последовавшую за ней эпоху.

Упомянем мало удавшийся большой роман Переца Маркиша «Смена поколений» (первая часть вышла в 1929 году, вторая — в 1931), в которой передана атмосфера первой мировой войны, гражданской войны и начала реконструкции, и рассказы другого видного представителя еврейской поэзии Арона Кушнирева, также без особой удачи попробовавшего писать в прозе («Дети одного народа», 1928 г.).

Когда главной темой литературы стали социалистическое строительство, пятилетки, прославление ударников труда и победа над вредителями, еврейская советская проза стала уже совсем искусственной и неискренней. Много лучше, потому что правдивее, были, хотя также шедшие в упряжке официальной линии, — описания тяги к землевладельческому труду и попыток еврейской колонизации в Крыму и в Белоруссии, а потом в Биробиджане. Эта апологетика земледелия в известном смысле продолжала традицию Гаскалы. Чувствовалось искреннее увлечение скромными достижениями в этой области. Из этой серии произведений на первом месте стоит «Степь зовет» (первая часть 1932 г., вторая 1935) талантливого писателя Ноты Лурье (1906). Он выжил после ссылки. Характерны также «Люди от сохи» Аврама Кагана; «Гребли» Гирша Орланда (1896-1946); рассказы Эли Гордона, как и описания лесов Полесья Эли Шехтмана.

Сюда относится также группа произведений, посвященных Биробиджану, где осела группа писателей. Почти все известные писатели считали нужным посетить Биробиджан, и даже Давид Бергельсон посвятил этой теме книгу (одно из самых слабых своих произведений «Биробиджанцы»).

**
*

В поэтической форме легче отзываться на быстрые и бурные перемены, чем в рамках романа: любое настроение может породить стихотворение. Поэты думали, что они нужны советскому обществу и что их энтузиазм — государственная необходимость в процессе социалистического строительства. Их воодушевляла каждая злоба дня: новое здание или мост и, разумеется, Днепрострой и Би-

робиджан. Поэт к тому же мог позволить себе роскошь порой вспомнить с теплотой свое детство и старый быт и даже допустить в стихе библейскую ассоциацию.

В действительности однако положение советской поэзии не всегда было простым. Самый старший из поэтов Давид Гофштейн (родился в 1889 году и сошел с ума в тюрьме) — основоположник новой поэзии, нового стиля, новых образов. Его первые стихи появились в 1917 году. Он обогатил еврейскую поэзию неологизмами и был создателем новых форм и при этом глубоко сознавал свою связь с еврейской культурной традицией. В 1923 году он покинул Советский Союз, проживал в Берлине и затем в Палестине, но вернулся в СССР в 1925 году. В своем дальнейшем творчестве он стал сдержанней и писал немного. На нем всегда тяготело подозрение в «национализме». Гофштейн издал антологию еврейской литературы на украинском языке.

Моложе Гофштейна, хотя начал писать почти одновременно с ним, был Лейб Квитко (1893 — расстрелян 12-го августа 1952). Он также принадлежал к группе возвращенцев (1925). Квитко легко сжился с советской обстановкой и оказался очень плодовитым поэтом, а среди поэтов для детей — самым выдающимся поэтом в еврейской литературе. Его стихи, в особенности стихи для детей, были переведены на 34 языка и разошлись в восьми миллионах экземпляров. Его имя широко известно, и он был награжден орденами. Поэзия Квитко развивалась по двум линиям: народно-примитивной и супер-модернистской. В своих стихах он то жизнерадостен, то рафинирован и настроен мистически и мрачно. Отдавая неизбежную дань идеям мировой революции, он в то же время черпал много из фольклора других народов.

Наиболее популярным и плодовитым из еврейских поэтов в Советском Союзе был Перец Маркиш (родился в 1925 году, расстрелян 12 августа 1952 года). Это был единственный еврейский писатель, получивший высший орден, — орден Ленина. Литературная карьера его развивалась бурно. В 1921 году он появляется в Польше, разъезжает по Европе и остается некоторое время в Палестине. Он бунтовал и восстанавливал молодых поэтов против старых, создавал новое направление (сборник «Халлястра»). В 1926 году он возвращается в Россию. Однако, в советских условиях Маркиш мог чувствовать себя свободным только в отборе слов и формы. Его язык действительно богат и он большой мастер аконансов. Но темпераментный поэт, Маркиш легко отдается официаль-

ной тематике, откликаясь на требования партлинии. Его поэмы «Братья», «Смерть кулака», «Восход на Днепре» это — дань социальному заказу. В этих поэмах он выступает, как поэт восклицательного знака, и как будто искренне верит, что «25 советских вёсен сняли две тысячи лет диаспоры» — бремя диаспоры с евреев. Однако, и он во время второй мировой войны увидел в еврее-солдате борца, идущего в ногу со своим мучеником-народом. Его «Война» (1947) пропитана еврейским национальным пафосом. Главой, описывающей последний путь киевских евреев в Бабий-Яр, как бы замыкается круг, начатый Маркишем в молодости в его откликах на погромы 1919 г.

Липа Резник (родился в 1890 году) переводил много стихов с русского, но поэзия его питается, главным образом, из еврейских источников. Советская критика упрекала его в «уклонах». Во время войны Резник открыто прислонился к еврейской истории: «Я перелистываю сейчас старинные фолианты и перебираю славу моего народа, его боль и его гнев, — пишет он, — теперь я ничего не хочу забыть и в памяти своей воскрешаю прошлые века с их слезами и кровью».

Подлинно-советским поэтом был Арон Кушниров (1891-1949), принадлежащий к старшей группе еврейских поэтов. В 1947-1948 гг. Кушниров был редактором альманаха «Родина» и оставался одним из немногих еврейских писателей, которые не подвергались репрессиям. Его стихи несложные, ясные, написанные в классическом стиле, лишены глубины. Он как бы стремился быть «всегда верным и бодрым».

Более глубок и национален в истоках своего творчества был Мойсей Хашевацкий (1897-1943) — (погиб на войне). Поэт осенних настроений, он находился под влиянием Нистора и Гофштейна. Ему близки библейские ассоциации и еврейская символика. Его перу принадлежат баллады из еврейского прошлого: «Самсон и Далила», «Иозель и Сисро», «Давид и Голиаф», «Хана и семеро детей».

Наиболее своеобразным и глубоко-национальным из еврейских поэтов был Самуил Галкин (1897-1960). Ему пришлось в молодости пережить острые нападки литературной критики. Добрушин упрекал его в том, что им «овладела мелкобуржуазная и бесперспективная стихия», что он остался верен библейским воззрениям. Шахно Эпштейн обличал издательство, выпустившее сборник стихов Галкина, а Бронштейн напал на Литвакова за то, что тот одобрительно отозвался о лирике Галкина. Галкин

много перенес, прошел через лагерь и тюрьмы, — но выжил. Он не только утонченный лирический поэт, но и благородный человек. Его поэзия совестлива. В последние годы жизни Самуил Галкин всей душой скорбел и трепетал за самое существование еврейского народа. Он — единственный из поэтов, который подчеркивает в своей поэзии еврейское своеобразие. По иному, чем у других советских поэтов, звучат его военные стихи, и особенно стихи, написанные после войны. Они звучат почти так же сильно, как и посвященные этой теме стихотворения поэтов-евреев за пределами Советского Союза.

Среди еврейских поэтов выделяется и Эзра Фининберг (1899-1946). Он не кричит «ура» и не бьет в барабан. В своих лучших стихах он как бы играет на флейте. Он разборчив в слове и чувствителен в своей лирике. Но и ему приходилось шагать в ногу с «парт-линией». В книжке стихов «На поле битвы» описываются переживания еврейского солдата, в которых он гордо подчеркивает свою принадлежность к еврейству.

Два поэта пали жертвой режима, хотя они воспевали его, казалось, от всего сердца. Изи Харик (1898-1937 ?) — выходец из Минских болот, захваченный революционным энтузиазмом. В своих стихах он рисует похороны еврейского быта, даже еврейского фольклора. Однако он интимно связан с народными мотивами и по новому продолжает линию Абрама Рейзина. Лучшая его поэма «Хлеб» посвящена переходу деклассированных евреев к земледельческому труду.

Опытнее и осторожнее был Ицик Фефер (1900 — расстрелян 12 августа 1952 года). Он учитывал каждый зигзаг партлинии, умело к нему приспособлялся и слыл одним из вожаков т. н. «еврейской» работы. Во время второй мировой войны Фефер был активным деятелем Еврейского Антифашистского Комитета до самого разгрома этого Комитета в 1948 году. Фефер ухитрялся даже казенную пропаганду одушевить лирической нотой. Ему приписывают чудовищные изречения: «ты предал своего отца — это хорошо!» и «я говорю — Сталин, а думаю, что это солнце». И тем не менее, Фефер во время войны нашел, что пришло время, когда следует играть на национальных чувствах. Он пишет: «Я — еврей», пьет «вино выдержанное в веках поколений», в его ушах звучит «эхо шума в гавани Хайфы». Он вспоминает «мрачные тени Варшавского гетто». И на долю этого до мозга костей большевика выпала смерть во имя еврейства. Мы заканчиваем обзор еврейской поэзии именем Моисея Тай-

фа, опубликовавшего в первом номере журнала «Советская родина» поэму «Песня о братьях».

Недолгая жизнь выпала на долю еврейских писателей. Одни были «ликвидированы» в тридцатых годах, другие пали во время войны, а остальные дожили до трагической даты — 12 августа 1952 года, когда были расстреляны наиболее известные и талантливые из них...

**
**

Дополним наш обзор краткими сведениями о еврейской периодической печати.

Во время гражданской войны еврейская печать знала периоды подъёма и падения. Число небольших газет и местных изданий было значительно, но в 1922 году, когда власть уже повсюду была в руках советов, число изданий на идиш упало до 27. Оно поднялось до 40 в годы 1927-1935, а затем стало вновь падать.

Некоторое оживление наблюдалось, когда во время второй мировой войны беженцы с запада стали прибывать на территорию СССР, но после войны число еврейских изданий сократилось до минимума, а в конце 1948 года все оставшиеся издания были закрыты.

Мы не имеем представления о тиражах ежедневной печати. По показаниям людей, живших в Советском Союзе, уже в двадцатых годах широкая публика мало интересовалась еврейскими газетами, а в тридцатых годах этот интерес упал еще больше. Причины ясны: газеты на идиш копировали официальные издания на русском, украинском и белорусском языках. Они были полны официальных заявлений, переводом новых законов и длиннейших речей вождей. Наконец, в них были еще обязательные перепечатки статей из «Правды» и «Известий». Весь этот казенный материал, написанный деревянным языком, наспех переведенный на идиш, мог только оттолкнуть читателя. Интересоваться еврейской газетой могли только те, кто не владел русским языком, а таких с каждым годом становилось все меньше.

О еврейской жизни за пределами Советской России в этих газетах почти ничего не сообщалось, разве только в редких случаях упоминалось о том, как плохо живет еврейам во всем мире. Местной еврейской хроники в газетах почти не было.

В двадцатых годах в печати еще писали о земледельческой колонизации евреев. В тридцатых же годах совершенно исчезли всякие сведения о жизни евреев в Совет-

ском Союзе, — если не считать коротких заметок о закрытии еврейских школ. Порой появлялось письмо рабкора, описывающее какой либо случай из жизни, но и рабкоры писали казенным стилем. В своих корреспонденциях они вели войну против уцелевших представителей религии и славословили местных сановников. Трагикомично звучали покаянные заявления в совершенных «прегрешениях» и ошибках, которых было так много в эпоху т. н. самокритики. Часто печатались статьи-доносы на писателей, впавших в «уклоны». Так и еврейская печать брала на себя роль цензора в отношении еврейской литературы.

Главным органом ежедневной печати на идиш был московский «Эмес» (Правда), выходявший с конца 1920-го года до апреля 1938. Это был официальный орган евсекции, а потом Совета Национальностей СССР. Ее редактором был М. Литваков, самый способный из советских журналистов. После ликвидации Литвакова в 1938 г. газета была приостановлена.

В Харькове выходила газета «Штерн» (с 1925 до 1941 г.). В Минске — ежедневная газета «Октябрь», которую редактировали в разное время: Э. Ошерович, Б. Оршанский, Х. Дунец и др. «Биробиджанер Штерн» возникла в 1930 году в форме еженедельника и стала ежедневной газетой в 1935-1940 гг. Затем она стала издаваться в форме небольшого листка три раза в неделю.

Специфическим изданием был «Дер Апикойрес» (Еретик), выпускавшийся центральным советом «Союза воинствующих безбожников» нерегулярно в 1931-1936 гг. Были и локальные издания такого же жанра.

Из изданий на идиш, предназначенных для молодежи, занимал видное место еженедельник «Молодая Гвардия», выходявший в 1924-1936 гг. в Харькове. Когда существовала особая секция еврейских комсомольцев, её официальным органом считался «Юнгвальд», выходявший в Москве в 1923-1928 гг. Журнал для детей «Будь готов» также выходил в Харькове в 1928-1936 гг. потом в Киеве — под редакцией Файвеля Сито и просуществовал до наступления наци. Следует упомянуть также иллюстрированный журнал «Октябрёк», выходявший в Киеве в 1930-1939 гг., в котором сотрудничал талантливый писатель для детей С. Маршак.

С 1942 г. стала выходить сначала в Куйбышеве, потом в Москве газета «Эйнигкайт» (Единство), орган Еврейского Антифашистского Комитета. В 1945 газета выходила три раза в неделю при участии видных писателей

Советского Союза. Газета отводила много места литературе. По содержанию своему и по характеру «Эйнигкайт» была интереснее других периодических изданий. «Эйнигкайт» впервые стала знакомить еврейских читателей в Сов. Союзе с ужасами еврейской катастрофы, печатала фактическую информацию или же литературные произведения, ей посвященные. Последний номер газеты вышел 20 ноября 1948 года. Это и было началом ликвидации еврейской культурной деятельности в эпоху Сталина.

Одно время выходили журналы по педагогике: «На путях к новой школе» — 1924–1928, а затем «Советское Образование» (1928–1937), научные журналы, главным образом, по лингвистике («Еврейский язык» в Киеве — 1927–1930, затем «На фронте языковедения» 1931–1939, «Наука и революция» в Киеве — 1936–1934).

Выходило немало литературных журналов, но не было, конечно, изданий общественного характера. Такую амбицию, быть может, имел журнал «Красный мир» (Харьков-Киев), существовавший от 1924 до 1933 г. В редакцию его в разное время входили Г. Козакевич, Шахно Эпштейн, к концу Гильдин. Но публицистика в журнале была его самым слабым пунктом, — в советских условиях и не могло быть иначе. В журнале даже не отмечались изменения, происшедшие в советской еврейской жизни. Другой журнал — «Штерн» в Минске, хотя и существовал до 1941 года, был худосочнее и еще беднее по содержанию.

Библиография:

- С. Нигер. «Еврейские писатели в Советском Союзе». Нью Йорк, 1958, стр. 479 (идиш).
- Нахман Майзель. «Еврейское творчество и еврейские писатели в Советском Союзе». Нью Йорк, 1959, стр. 315 (идиш).
- Элиас Шульман. «Советско-еврейская литература 1918–1948», Париж, 1959 (идиш).
- С. Нигер. «Еврейская литература от 1900 до 1942 года» (статья в Общей еврейской энциклопедии, том 3, идиш).
- Шмуэль Эльяшев. «Новая советская литература». Тель Авив, 1954 (иврит).
- Иошуа Гсльбоа. «На развалинах еврейской литературы в Советском Союзе». Тель Авив, 1959, стр. 205 (иврит).
- Элиас Шульман. «Судьба советского еврейства». Евреи в Советском Союзе. Советская еврейская литература 1918–1948. Издание Еврейского Рабочего Комитета, Нью Йорк, 1959 (по английски).
- Х. Шмерук (ред.). «Еврейские испытания в Советском Союзе». 1917–1960. Иерусалим, 1961 (иврит)

ЮДЕЛЬ МАРК

ЕВРЕЙСКАЯ ШКОЛА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

С февральской революцией 1917 г. чрезвычайно поднялся интерес к еврейской школе в России. Проведенная во время войны работа по обучению детей беженцев стимулировала движение по созданию еврейских школ. Особенно разнилось это движение на Украине. Даже в хаосе гражданской войны и военного коммунизма вплоть до 1921 года общественная инициатива вызвала широкое школьное строительство. Блестящую страницу в историю еврейской школы вписала Культур-Лига в Киеве. Основанная в 1918 году Лига сыграла роль еврейского министерства просвещения в эту кровавую эпоху для евреев Украины. В 1920 году, на третьем году своей деятельности, Культур-Лига уже насчитывала 283 учреждения, среди них детские дома, сиротские дома, вечерние курсы, библиотеки и т. д. Среди школ были три гимназии.. В Лиге активно участвовали все еврейские социалистические партии, а также члены фолькспартей. Но в конце 1920 года Культур-Лига со всеми ее учреждениями была взята советской властью в свое ведение.

В Белоруссии первые еврейские школы также возникли благодаря общественной инициативе идишистских кругов, и потом они также были переняты советской властью. В Минске первые школы для местных еврейских детей (школы для детей беженцев существовали и раньше) были созданы в 1917 г. социалистической Городской Думой.

Отдел культуры и просвещения при Еврейском Комиссариате был создан в первый год существования советской власти, но работал очень слабо. Руководитель Комиссариата С. Диманштейн заявил: «Мы не фанатики еврейского языка. Идиш для нас не священный язык, как для иных еврейских националистов. Возможно, что в близком будущем более богатые языки вытеснят повсюду еврейский язык. Мы, коммунисты, не прольем ни слезинки по этому поводу». В соответствии с этими взглядами была дана инструкция в провинцию: вопрос о языке препода-

бания должен решаться на местах, согласно местным условиям. Для получения субсидий еврейского комиссариата школы в 1918 году должны были соблюдать следующие условия: 1) обучение должно происходить на родном (материнском) языке, 2) предметы религии не должны проходиться и 3) иврит, т. е. древне-еврейский язык, можно изучать только с третьего года обучения и не более одного часа в день.

Когда в октябре 1918 г. была созвана конференция представителей культ-отделов, то среди 64-х делегатов коммунисты составляли только половину. На этой конференции была даже сделана попытка провести резолюцию о том, что еврейский комиссариат не имеет права говорить от имени еврейских рабочих.

В 1919 году при Народном Комиссариате Просвещения был создан специальный еврейский отдел, который в свою очередь, стал основывать еврейские школы. Но в эпоху военного коммунизма господствовало мнение, что в котле революции евреи должны пренебречь своим языком и своей национальностью.

Лишь позже, когда настало время украинизации и белоруссизации, переменилось в центре отношение к еврейской школе. Началась полоса систематической идишизации, которая была поддержана еврейскими общественными кругами. В эпоху Нэпа влияние коммунистов в еврейской среде ослабело.

В 1921-23 г.г. еще имели распространение хедера и существовали в некоторых местах и гебраистские школы. С 1923 года начинается быстрый рост школ на идиш во всем Советском Союзе.

На долю евсекции выпала двойственная роль. С одной стороны она была против «бундовского принципа автономии», ибо Ленин боролся против автономии, — с другой стороны, она должна была создать какую-то форму школьной организации, при которой можно было бы из центра руководить еврейской школой в различных частях страны. На этой противоречивой основе и шла деятельность евсекции. Был основан педагогический ежемесячник, как центральный орган еврейского просвещения. Была сделана попытка руководить из одного центра еврейской школой на Украине, в Белоруссии и Великороссии, но с 1926 года пришлось перейти на три областные бюро. С 1928 года уже более не существовало общего центра для руководства еврейской школой.

1923-1930 годы характеризуются ростом числа еврейских школ и числа учащихся в них. Это было время, когда

еврейская культурная работа настолько пошла вширь, что стала влиять на идишистов во всем мире. Это были годы *принудительной идишизации*. В 1924–28 г.г. не считались с желаниями детей и их родителей и перевели на идиш ряд школ. Только в 1928–1930 г.г. попытки заставлять еврейских детей посещать школы на идиш постепенно ликвидировались.

В результате такого рода идишизации, в 1923 г. в Советском Союзе насчитывалось 495 еврейских школ с числом 70 тысяч учащихся. В 1926 г. уже было около 800 школ с числом учащихся около 110 тысяч. В этом году функционировали 7 техникумов и 12 профессиональных школ на идиш. В следующем учебном году в еврейских школах обучалось 45 процентов всех еврейских детей. В 1928–29 учебном году существовало около 900 школ с армией учителей в них в 5000 человек. В этих школах обучалось 56 процентов всех еврейских детей.

Наиболее точные данные мы имеем о 1930–31-м учебном годе (позднейшие данные носят пропагандный характер, и на них уже нельзя полностью полагаться). В этом учебном году число учащихся в еврейских школах достигло 160 тысяч; в одной Украине было 785 школ с числом учащихся свыше 82 тысяч, а в Белоруссии 262 школы с числом учащихся свыше 80 тысяч. За годы 1924–1931/32 вышло большое число учебников по предметам, преподававшимся на идиш. Выросло число высших учебных заведений и существовали педагогические техникумы и еврейские отделы при университетах и академиях. Интересно, что высшее образование держалось дольше еврейских народных школ; в то время, как посещаемость первых классов школ на идиш стала падать, число поступлений в высшую школу оставалось на высоком уровне, благодаря притоку тех, кто ранее прошел через еврейскую народную школу. В 1932 году еще существовало 16 промышленных техникумов на идиш. Помимо педагогических техникумов, подготавливавших кадры учителей, подготовкой учителей для высших образовательных учреждений занимались также еврейские отделы при Минском и Московском университетах. Большую деятельность проявляло также еврейское отделение при Белорусской Академии в Минске и при Украинской Академии в Киеве. Как в Москве и Ленинграде, там велась интенсивная научная работа.

Педагогика в Советском Союзе в 20-х годах была объектом прожектерства. Мечтали о создании своеобразной коммунистической школы. Методы, которые в сущности были заимствованы в Америке и у некоторых нова-

торов в Европе, выдавались, как особенное достижение советской школы. Техника обучения чтению и письму, искусство счета и другие приемы при изучении и разных предметов были в загоне. Естественно, что такой подход дурно отозвался на преподавании идиш, где подражать было некому. Учебные программы были поверхностные, наскоро составленные. Понемногу эти тенденции стали исчезать. Однако, в последние учебные годы еврейской школы, ставшей фактически общеобязательной, уровень обучения стал подниматься.

Следует уяснить себе, что значит обще-обязательность. Никогда не издавалось постановления об обязательности посещения еврейскими детьми школ на идиш. Но в течение 20-х годов и в начале 30-х, украинцы и белорусы *фактически* получили культурную автономию. Они не хотели, чтобы еврейские дети стали в школе носителями... руссификации. Перед еврейскими детьми была альтернатива: либо идти в школы, где школы ведутся на белорусском и украинском языках, не вызывавших к себе никакой симпатии у евреев, — либо идти в еврейские школы. Поэтому очень значительная часть родителей выбирала еврейскую школу. Самостоятельное существование украинской и белорусской культурной организации прервало единство школьной работы. Создались отдельные еврейские школьные системы на Украине и в Белоруссии, незначительная, но также отдельная школьная система в Великороссии. В еврейских школах Украины и Белоруссии приходилось изучать четыре языка: идиш, русский, местный язык, а в высших классах также иностранный язык. Скоро обнаружилось, что в еврейских школах недостаточно обучали русскому языку, равно, как и украинскому или белорусскому. Среди родителей возникло недовольство тем, что они лишены влияния на школьное обучение, но одновременно были недовольны и местные еврейские политики, которые в эту эпоху уже влиянием не пользовались.

Это недовольство ясно обнаружилось на втором съезде по вопросам еврейской культуры, состоявшемся с большой помпой в Харькове в 1928 году при участии около 500 делегатов. В частности на этом съезде была представлена группа «правого» уклона, требовавшая ознакомления детей с еврейской традицией, «дабы дети могли дать отпор романтике прошлого».

Следует отметить, что в еврейской школе в Советском Союзе не обучали еврейской истории. Даже позже, в тридцатых годах, когда стали усиленно изучать русскую историю, да еще в патриотической окраске, — учащимся

не преподавали еврейской истории. И в педагогических техникумах отводили истории только 20 часов в течение всего курса. Вместо еврейской истории существовал предмет «классовая борьба у евреев».

Учащиеся никогда не знакомились с еврейскими традициями. Школа всячески чуралась еврейских праздников. Когда наступали праздники, это являлось только поводом для усиления антирелигиозной пропаганды. Уже в первом году обучения детям внушалось неподчинение родителям, если они пытались взять их с собой в синагогу на Новый Год или Иом Кипур.

Серьезные изменения во внутренней работе школы имели место после постановления Ц. К. коммунистической партии от 5 сентября 1931 года о пересмотре учебных программ и всего характера школьной работы. В 1931-32 учебном году оно еще не могло быть проведено в жизнь. Но в начале 1932-33 учебного года уже отказались от прежних экспериментов, методов и программ. Все предыдущие учебники по методике были упразднены. Это совпало со временем обязательной «самокритики». Все прежние программы были объявлены источником невежества, как и причиной контр-революционных настроений и вредительства. Поспешно стали составляться новые программы и новые учебники, из которых, между прочим, было окончательно изъято все, что имело отношение к еврейским писателям за пределами Советского Союза.

В то же время стали больше заботиться о подъеме технических знаний и о таких предметах, как математика, естествознание и география, которые начали преподавать по иному. Но преподавание идиша при этом сильно пострадало, потому что в этой области не было образцов. Не было также уверенности в том, будет ли позволено внести в это преподавание элемент народности («фолькстимлихкйт»). Все учебники на идиш были переполнены восхвалением «строительства», описанием природы и кричащим сталинским партиотизмом. Уже в первой книжке для начинающих помещалось по два портрета Ленина и Сталина. В этой книжке, где ни разу не упоминались слова «еврей» и «еврейский», приводились тексты «Сталин — наш учитель», «Сталина все любят». Характерно, что в этих книжках, предназначенных для первых лет обучения, не было ни одного текста, относящегося к дому и семье, как будто все дети были сироты, воспитывающиеся в общественных приютах. Как учителя могли справляться с своей работой при таких программах и учебни-

ках, неизвестно. В педагогической литературе советского союза ни сомнения, ни критика не допускались, хотя мы знаем, что большинство учителей еврейских школ были беспартийные люди.

С 1933-34 учебного года все в еврейской школе переменялось. Образцом служило то, что происходило в школах на русском языке. Еврейские дети стали наполнять русские школы на Украине и в Белоруссии, и наступила полоса быстрого упадка еврейской школы. Агитация за посылку детей в еврейскую школу считалась опасным «уклоном». В низших школах почувствовался недостаток учащихся. Лучшие учителя стали покидать еврейскую школу. В центральной России, где проживало около одного миллиона евреев, уже к 1936 году еврейская школа почти ликвидировалась. В 1939 году в еврейских школах оставалось максимум 20 процентов всех еврейских детей. 60 процентов посещали русскую школу, 20 процентов — украинскую и белорусскую. Даже в Биро-Биджане не больше 20 процентов еврейских детей посещали еврейскую школу.

Следует отметить короткий и бурный эпизод в истории еврейской школы, когда советская власть оккупировала восточную часть Польши и Прибалтийские страны. Там все школы для еврейских детей должны были перейти на идиш. К этому времени уже почти не было еврейских школ ни в Минске, ни в Киеве. Но в Вильно и Ковно, в Белостоке и в Риге все еврейские дети должны были обучаться в еврейской школе. Годом позже пришли наци, и о еврейских школах больше не могло быть и речи.

Подводя итоги, можно сказать, что еврейская школа в Советском Союзе прошла через следующие этапы:

1) 1917 — 23 г.г. — период хаоса, общественной инициативы и частичного равнодушия власти.

2) 1926 — 1931 г.г. — период расцвета, постоянного численного роста и хаотического, внутреннего экспериментаторства.

3) 1931 — 1936 г.г. — период постепенного численного упадка, внутренней стабилизации и бюрократического оцепенения.

4) 1936 — 1939 г.г. — период ускоренного упадка и еще более ускоренного внутреннего оскудения.

Уже в третий период подлинные хозяева больше не хотели еврейской школы, и так как общественная инициатива была невозможна, то никто ничего не делал для того, чтобы удержать процесс упадка еврейской школы. В чет-

вертый период этот упадок подгонялся властью. Даже когда бывали случаи стремления родителей сохранить еврейскую школу, власти этого не допускали. В 1940 году группа родителей из Минска была сослана за такое «преступление», как подача петиции о сохранении единственной, еще уцелевшей, еврейской школы.

Во все периоды, описанные нами (за исключением, частично, первого) еврейский элемент в школе сводился к преподаванию еврейских предметов на идиш. Но даже в течение всех этих лет звучали сетования на то, что преподавание идиш плохо поставлено, что дети, покидая школу, очень слабо знают идиш и что даже среди учителей встречаются люди, плохо знающие еврейский язык.

После мировой войны на короткий срок были восстановлены еврейские школы в Вильно и Ковно. Но ликвидация этих школ советской властью последовала даже раньше 1948 года, когда были ликвидированы все остальные формы еврейской культурной деятельности.

ИЕГУДА СЛУЦКИЙ

СУДЬБА ИВРИТ В РОССИИ

1

История книги на иврит в годы революции и советского режима представляет собой одну из глав мартиролога русского еврейства. Во времени глава эта — краткая: в сущности она ограничена тремя годами — 1917-1919. В начале — бурный расцвет, когда в условиях демократической февральско-мартовской революции русскому еврейству впервые удастся проявить без помех заложенные в нем национальные и общественные возможности. Но вскоре бедствия погромной эпохи — с одной стороны, и давление кругов, пришедших к власти после октября 1917 года, — с другой, в корне подорвали все свободные проявления еврейского культурного творчества и с особой жестокостью обрушились на книгу на иврит.

В начале революции были намечены обширные планы по изданию еврейских книг, — в связи с развитием сионистского движения и древне-еврейской школы в России и их растущими потребностями в культурной области. Но едва только началось осуществление этих планов, как враждебная рука протянулась к начаткам культурного строительства и уничтожила их. Началась полоса агонии, в течение которой еще можно отметить наличие некоторых изданий, предназначенных для синагогальной службы, или один-другой томик стихов на иврит. Но и эти жалкие проявления изданий на иврит исчезают к концу двадцатых годов под неумолимым давлением диктатуры, стремящейся истребить все светлые проявления еврейского национального духа.

2

В 1917-1919 г.г. в России появилось свыше 180 книг, брошюр и журналов на иврит. Большинство их увидело свет в старом издательском центре — Одессе, где появилось 109 изданий (60%), за ней следует Москва (29) и Ки-

ев (18). В остальных городах число изданий не доходит и до десятка.

Число журналов и сборников было весьма велико, хотя по большей части они не успели выпустить более одного или нескольких выпусков. Но самый факт их появления свидетельствует о весьма большом интересе в русском еврействе к книге на иврит.

Краткий обзор этих изданий введет нас в круг деятельности и планов еврейских издателей того времени.

Сперва — о периодической печати. В центре внимания читателя был еженедельник — «Га-'АМ», вскоре превращенный в ежедневную газету под редакцией М. Гликсона, Б. Каца, С. Черновица и М. Клейнмана. Первый номер газеты вышел 11 июля 1917 г. Редакция ставила своей целью создать газету, дающую читателю весь необходимый ему материал, какой он обычно находит в других газетах. Вместе с тем редакция особое внимание уделяла информации еврейского содержания. По мере развития революционных событий такая газета на иврит была предметом роскоши: хотя тираж ее временами достигал 15.000 экземпляров, он не мог покрыть расходов, связанных с изданием. Дефицит покрывался упомянутой выше группой состоятельных приверженцев иврит. После октябрьского переворота «Га-'АМ» в течение ряда месяцев 1918 г. примыкал к числу органов оппозиционной печати, враждебной новой власти, подвергавшей резкой критике политику Ленина и Троцкого, а равно и Брест-Литовский мир. «Русская революция — писал Б. Кац в одной из передовых статей газеты — превзошла своей дикостью все отрицательные проявления французской революции... Нам осталась лишь надежда, что власть новой инквизиции недолго продержится»...

В июле 1918 г., когда была закрыта все оппозиционная пресса, прекратилось издание «Га-'АМА».

В литературно-научных сборниках на иврит, вышедших в свет в 1917-18 г.г., сконцентрировались лучшие литературные силы того времени. В первую очередь следует отметить *КНЕССЕТ* (сборник) под редакцией Х. Н. Бялика. Знаменитый поэт был в полном расцвете сил и это сказало в ряде его поэтических произведений того времени, в статье «*Галаха и Агада*» и в рассказе «*Труба устыдилась*».

Одновременно появился в Петрограде сборник *Оламену* (Наш Мир) с специальным отделом, посвященным 25-летию литературной деятельности Бялика.

В 1919 г. в Одессе вышел увесистый том *Массуот* (Факелы) под редакцией М. Гликсона. К концу того же

года С. Цемах и Э. Штейнман издали в Одессе сборник *Га-Арец*.

Из сборников, посвященных специальным предметам, следует отметить *Сефатену* (Наш язык) под редакцией И. Клаузнера («для обогащения и возрождения еврейского языка»); *Решумот* (Записи) — с отделами, посвященными мемуарам, этнографии и фольклору; и два тома *Ге-’Авар* (Былое), вышедшее в Петрограде под редакцией Саула Гинзбурга. Школьные и педагогические темы трактовались в одесском *Гагина* (Сад) И. Альтермана и Иехиеля Гайльперна, в киевском *Га-Море* (Учитель) Н. Пинеса, и в *Га-Маккаби*, посвященном вопросам физического воспитания.

Но всего важнее было возобновление журнала *Га-Шилоах* в июне 1917 года его старым редактором И. Клаузнером. В течение двух лет журнал выходил в виде еженедельника в Одессе. Закрытый советской властью *Га-Шилоах* возобновился уже в Иерусалиме в начале 1920 г.

Последним по времени периодическим изданием на иврит в Одессе оказался еженедельник *Баркаи* (Утренняя Звезда) под редакцией А. Литана. Когда большевики окончательно водворились в Одессе, в январе 1920 г. была отправлена к Мережину, представителю Евсекции, делегация с предложением разрешить дальнейшее издание *Баркаи*, как журнала чисто литературного — для стихов и рассказов, — без публицистики. Однако, ответ Мережина был отрицательный.

3

Самым значительным литературным предприятием рассматриваемого периода — как по объему, так и по содержанию — является *Га-Текуфа* (Эпоха), появлявшаяся в издательстве А. И. Штыбеля под редакцией Давида Фришмана. Это издательство приступило также к выпуску серии переводов из мировых классиков.

Га-Текуфа был трехмесячник, в 700 больших страниц. В 1918 г. вышли в Москве три тома, каждый в количестве 5.000 экземпляров. Участвовали в них д-р А. И. Каценельсон, Давид Фришман, Х. Н. Бялик, и из более молодых — Д. Шимонович, М. Н. Вальповский, Эл. Штейнман.

В переводной серии вышли три тома сочинений Л. Н. Толстого, первый том *Жан Кристофа* Ромэн Роллана, *Портрет Дориана Грея* О. Уайльда, две драмы М. Метерлинка, *Рудин* Тургенева и др.

Деятельность издательства была в полном разгаре, ког-

да власти конфисковали шрифты. Набор трех книг — *Мадам Бовари* Флобера, *Жерминаль* Э. Золя, второй том *Жан Кристофа* — был рассыпан.

Зимой 1919 г. Штыбель покинул Москву. Часть оставшихся на складе книг пошла на топку, другая была позже продана за-границу советскими органами. Издательство возобновило свою деятельность вне пределов России: в Польше, Америке, Палестине.

Отдельными томами появились тогда произведения Перца и Шофмана, вышедшие в издательстве *Мория* в Одессе. Оно же выпустило новые издания стихотворений Бялика, Черниховского, Шнеура.

Из научных изданий, появившихся тогда в Одессе, следует упомянуть дополнительный том *Истории догмы в еврействе* Давида Нейпарка; сборник статей Якова Фихмача по литературной критике; сборник статей о Менделе; и ценную книгу И. Х. Гавьева о пословицах и поговорках, подлинную сокровищницу еврейского фольклора.

«Одесский Комитет», старый палестинский центр, отметил свое двадцатилетие (имевшее место еще в 1915 г.), изданием первого тома *Документов по истории палестинфильства* под редакцией А. Друянова, и первого (единственного) тома истории движения, написанного С. Л. Цитроном. Одной из последних книг на иврит был том источников по еврейской истории, составленный В. Динабургом (И. Динуром) и изданный в Киеве.

В начале революции возлагались надежды на развитие школы на иврит, которая воспитала бы на этой базе новое поколение. В апреле 1917 г. в Петрограде собрался с этой целью съезд *Тарбут*.

Детские сады и школы на иврит возникли тогда в целом ряде городов и местечек. Нужда в учебниках, пособиях, книгах для детей и юношества все росла. Попытки удовлетворить ее были предприняты главным образом в Одессе и Киеве. Появились популяризации Библии, литературные хрестоматии и пр. Учебник по арифметике в издании Бр. Блетницких в Одессе вышел в течение года в двух изданиях. Серия маленьких книг для чтения вышла в Одессе по инициативе местных учителей. Третьим изданием вышли рассказы Иегуды Штейнберга и том сказок братьев Гримм в переводе Д. Фришмана. Московское издательство Омонут издавало детский журнал *Шетилим* (Ростки) под редакцией М. Бен-Элизера. Сюда же можно отнести выход романа *93-ий год* Гюго (в сокращенном переводе Бен-Элизера) и первого тома *Тысячи и одной ночи* (перевод Д. Елина).

Это было лишь начало. *Омонут* перекочевал к концу 1918 г. из Москвы в Киев, а затем в Одессу, связался с Х. Н. Бяликом, и заказал десятки переводов классиков детской и юношеской литературы. Однако, эта деятельность дала свои плоды уже не в России, а в Германии и в Палестине.

4

Весна длилась недолго. Вскоре на еврейскую книгу обрушились ярость и гонения властей и особенно представителей евсекции, считавших преследование иврит, — языка и литературы — одной из важнейших своих задач. Зимой 1918 г. дом Персиц на углу ул. Кропоткина (быв. Пречистенка) оставался последним убежищем для еврейских культурных учреждений: там находились бюро центра *Тарбут*, редакция *Га-’АМ* и детского журнала *Шетилим*. Но второй этаж был реквизирован «комиссариатом по еврейским делам» во главе с С. Диманштейном. Постепенно все еврейские учреждения были вынуждены покинуть здание, а вскоре и владельцы выехали из Москвы.

На юге, в Одессе, Киеве, Харькове, где советская власть еще не упрочилась, еврейская книга могла выходить вплоть до конца 1919 года, но щупальцы евсекции добрались и туда. В июне 1919 г., в процессе ликвидации всех форм независимой общественности в русском еврействе, вышло распоряжение Киевского Исполкома советов, обращенное к заведующим типографии:

«Сообщить в отдел управления о всех печатающихся произведениях, относящихся по своему направлению и содержанию к сионистским и клерикальным организациям, — такие издания задержать выходом в свет и конфисковать».

Военное отступление большевиков летом того года временно задержало разрушительное действие этого декрета. Но к концу 1919 года наступил конец еврейской книги. Конфискованные типографии были переданы евсекции. Писатели на иврит начали покидать страну — 21 июня 1921 г. значительная группа с Бяликом во главе выехала из Одессы на пути в Палестину.

Следует упомянуть особо о судьбе еврейских книг религиозного содержания. В годы НЭП’а — вплоть до 1928 г. такие книги появлялись от времени до времени, по инициативе частных книготорговцев, и типографии (принадлежавшие государству) по деловым соображениям были не прочь печатать их. Молитвенники, пасхальные сказания, псалмы

и т. п. появлялись в Полтаве, Бобруйске, Ленинграде, Бердичеве, Житомире. Бобруйский книготорговец успешно работал в этой области: 10 апреля 1928 г. мы могли прочесть в «Комсомольской Правде», что в 1927-28 г.г. он напечатал около 100.000 экземпляров религиозных текстов, и что «у него есть свои агенты — книгоноши и книговозы, — честно доставляющие его издания прямо на дом верующим. Ни один агент ни одного нашего издательства в уменыи распространить книгу с ним сравниться не может».

Так же действовал издатель Меир Эпштейн в Бердичеве и Житомире. В Ленинграде хасидам хабадского толка удалось напечатать молитвенники в нескольких изданиях, — каждое тиражем по несколько тысяч.

В 20-х годах появилось также несколько раввинских сочинений. Одно — ленинградского раввина Давида Каценельсона было напечатано в типографии *Красный Агитатор*. Раввин И. Абрамский и С. И. Зевин издали два выпуска журнала *Ягдил Тора*, посвященного талмудическим исследованиям.

Следует также отметить выпуски еврейского календаря. В 1922-1929 г.г. появлялись и распространялись в десятках тысяч экземпляров календари. Затем наступил на долгие годы перерыв, и в Советской России не разрешалось издавать календари. Только в 1956 г. московскому раввину С. Шлейферу удалось добиться разрешения на издание как календаря, так и молитвенника (*Сиддур Га-Шалом*). Последний, воспроизведенный по разным прежним текстам, вышел в 3.000 экземпляров, по особой милости начальства.

5

Но и после ликвидации книгопечатания на иврит и выезда из России большинства еврейских писателей, в Советском Союзе продолжалась борьба за права иврит и книги на иврит. Были случаи, когда люди, душой и телом преданные новому строю, или готовые приспособиться к нему, пытались добиться одного: права выражать свои чувства и мысли на дорогом им иврит. Еще в 1919 г. Эл. Штейнман писал в брошюре *Га-коммунист Га-иври*, что судьба иврит связана с судьбой победоносной коммунистической революции. Эти настроения встречались порой и в следующие годы, среди молодых людей, пытавшихся «создать революционно-литературную трибуну, под знаменем которой сумели бы объединиться творческие молодые силы мирового еврейства» (Иосипон).

Но все старания такого рода кружков в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове — провалились. Четыре брошюры и сборники этого рода, пытавшиеся сочетать иврит с коммунизмом, появились в двадцатых годах. В 1923 г. вышел в Харькове в 100 экземплярах литературный сборник *Цилцле-Шема*, одушевленный идеями коммунистической революции. Годом позже появилась в Киеве книжечка стихов М. Л. Новака *Га'ане* (Извержение) с подзаголовком *Мегиллат Октобер*. А к десятилетию революции старый писатель Б. Фрадкин опубликовал в Харькове поэму *'Але'Асор* (О десятикаде).

В 1925 г. группа писателей получила разрешение выпустить на иврит сборник *Берешит*. Но не нашлось типографии, которая дерзнула бы принять такой заказ. Рукопись была переслана в Берлин, и 300 экземпляров книги были допущены в Москву. Но второй сборник, подготовленный к печати, уже не был властями разрешен к выпуску.

Эта группа писателей на иврит просуществовала до середины тридцатых годов. Изредка произведения ее членов появлялись в таких изданиях, как *Га-Текуфа*, Нью-Йоркский *Га-Доар*, палестинские *Га-Шилоах*, *Гедим*, *Кетубим*, *Гильонст*, *Мознайим*, виленском *Алим* и др. В этих стихах и рассказах отражался, прямо и косвенно, распад русского еврейства. Некоторые из этих авторов вскоре подверглись аресту и исчезли бесследно, другим удалось вырваться из Советского Союза. Можно назвать Цви Прейгарзона, автора серии рассказов *Путешествие Венъямина Четвертого*; Авр. Фримана, автора романа 1919, две части которого появились в Палестине в тридцатых годах, и добравшихся до Палестины поэтессу Бат-Мириам и Авр. Криворучку.

Значительным дарованием в советской группе обладал поэт Хаим Ленский (1905–1942). Ему удалось переслать в Палестину многие из своих произведений перед тем, как он сам «исчез» в сибирском концлагере. Много лет спустя прибыли в Израиль рукописи его новых произведений.

Другим рыцарем иврит в этой группе советско-еврейских писателей был поэт Элиша Родин (1888–1947), — который также разделил судьбу мучеников гебраизма.

ГЕРШОН СВЕТ

ЕВРЕИ В РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Тема об участии евреев в музыкальной жизни в советскую эпоху требует обстоятельного и самостоятельного изложения. Роль евреев-виртуозов, дирижеров, композиторов, педагогов и музыковедов в музыкальной культуре Советской России весьма велика и заслуживает подробного обследования.

ВИРТУОЗЫ-СКРИПАЧИ, ПИАНИСТЫ И ВИОЛОНЧЕЛИСТЫ

Имена Давида и Игоря Ойстрах, Эмиля Гилельса, Леонида Когана, Владимира Ашкенази, в последние годы также Бориса Гутникова и Даниила Шафрана — известны теперь во всем западном мире. Но они — только авангард, верхушка еврейских музыкантов-виртуозов, выступающих в Советском Союзе и за его пределами. Дать исчерпывающий обзор участия евреев в музыкальной культуре Советского Союза трудно. В том, что артисты, имена которых Рахлин, Хайкин, Гольдштейн, Коган и т.д. — евреи, сомневаться не приходится; но в отношении многих подвизающихся на музыкальном поприще под «нейтральными» фамилиями, как Марков, Блантер, Нестьев и др., уже не может быть уверенности, к какой национальности они принадлежат. Однако, можно утверждать без риска, что и среди них процент евреев значителен.

В обзоре «русской советской музыкальной культуры за период 1935-1941 гг.», напечатанном в т. 2-м «Истории Русской Советской Музыки» (1959 года), приводятся следующие имена музыкантов-виртуозов: Григорий Гинцбург, Эмиль Гилельс, Яков Зак, Лев Оборин, Давид Ойстрах, Игорь Ойстрах (родился в 1931 г., карьеру начал лишь в пятидесятых годах), Натан Рахлин, Роза Тумаркина, Яков Флиер, Мария Юдина. Все они выдвинулись уже в советский период. Одновременно продолжали концертную и педагогическую деятельность и мастера старшего поколения, среди

которых следует упомянуть Александра Гольденвейзера и Самуила Файнберга. (Александр Гольденвейзер — отпрыск семьи известных адвокатов, он был сыном матери не-еврейки и отца, принявшего православие).

Этот обзор однако далеко не полон.

Уже до 1941-го года из евреев-виртуозов в Советском Союзе, кроме перечисленных в обзоре, пользовались известностью: скрипачи Буся Гольдштейн, Елизавета Гилельс (сестра пианиста Эмиля Гилельса и жена скрипача Леонида Когана), Юлий Ситковецкий, М. Фихтенгольц, Л. Фейгин. Елизавета Гилельс, Буся Гольдштейн и М. Фихтенгольц были премированы на международных конкурсах в Брюсселе, Варшаве, Вене. В период между 1935-м и 1941-м г.г. состоялся ряд все-союзных конкурсов исполнителей, на которых из евреев выделались: пианистка Мария Гринберг, виолончелист Даниил Шафран, дирижер Натан Рахлин и колоратурное сопрано Пантофель-Нечецкая.

С большим успехом выступали на концертных эстрадах в Советском Союзе в тот период также еврейские пианисты-виртуозы: Т. Гутман, Бэла Давидович, Натан Перельман и скрипачи Виктор Пикайзен, Нина Школьникова, Игорь Безродный и Михаил Вейман. (Последний получил ряд призов на международных конкурсах в Праге, Лейпциге и Брюсселе).

Но цитированный нами обзор заканчивается 1941-м годом.

За четверть века, которые прошли с тех пор, в Советском Союзе народилось новое поколение виртуозов, среди которых тоже немало евреев. Большую карьеру делает упомянутый выше Борис Гутников, получивший в 1962-м году первый приз на всемирном конкурсе имени Чайковского в Москве. Второй приз на этом конкурсе получил Шмуэль Ашкенази из Израиля. Четвертый приз получил Альберт Марков — еврей из С.С.С.Р. Среди евреев-виолончелистов на конкурсе были премированы Наталия Гутман, Валентина Фейгин, Михаил Хомицер и среди пианистов — Владимир Ашкенази (в последние годы выдвинувшийся в первые ряды пианистов мирового калибра) и Нина Бейлина. О Викторе Пикайзене, еврее из Украины, ученике Давида Ойстраха, музыкальные обозреватели отзываются как об исключительно талантливом артисте. На международном конкурсе в Праге он уже в 1956-м году получил второй приз.

Количество евреев среди советских виртуозов сильно импонирует. Но в искусстве решает, конечно, не количество, а качество. В Советском Союзе упомянутые выше еврей-виртуозы числятся в самых первых рядах. За исключением

Святослава Рихтера и недавно скончавшегося виолончелиста Кнушевицкого, почти все крупнейшие скрипачи, пианисты, виолончелисты, дирижеры в Советском Союзе — евреи. Большинство среди них — отпрыски семей, в которых евреями были отец и мать; немногие, как Игорь Ойстрах или Владимир Ашкенази, — дети от смешанного брака.

В 1937-м году на международном конкурсе скрипачей имени Исая в Брюсселе первый приз получил Давид Ойстрах, третий — Елизавета Гилельс, четвертый — Буся Гольдштейн и пятый — Михаил Фихтенгольц. Из пяти лауреатов этого, нашумевшего во всем мире музыкального конкурса, четверо — русские евреи. На международном конкурсе пианистов в том же Брюсселе в 1939-м году, накануне второй мировой войны, первый приз получил Эмиль Гилельс, третий — Яков Флиер. Снова из трех лауреатов два — русские евреи. На всесоюзном конкурсе имени Чайковского в Москве в 1962-м году первый приз поделили между собой англичанин Огден и Владимир Ашкенази, в 1956-м году получивший на международном конкурсе в Брюсселе первый приз. На этом конкурсе состязались 56 виртуозов из 22-х стран. Пятый приз получил тоже русский еврей — Лазарь Берман.

Весной 1964-го года, на международном конкурсе скрипачей в Праге, первый приз был поделен между чехословацким скрипачем Штраусом и советским — Григорием Фейгиным. На международном конкурсе пианистов имени бельгийской королевы Елизаветы в том же 1964-м году в Брюсселе первый приз получил 18-летний Евгений Могилевский, уроженец Одессы, где его родители состоят преподавателями консерватории. Среди 70 участников конкурса, — писал Нью-Йоркский корреспондент журнала «Тайм», — Могилевскому была устроена шумная овация. «Богом одаренный большой талант, артист крупного калибра» — писала о нем бельгийская пресса.

В последние годы много выступают в Советском Союзе скрипачи-евреи Альберт Марков и Самуил Фурер, пианистка старшего поколения Надя Голубовская, а также пианисты — Татьяна Гольдфарб, Арнольд Каплан и Борис Гольдфадер.

ОЙСТРАХИ, КОГАН И ГИЛЕЛЬС

Давид и Игорь Ойстрахи, Леонид Коган и Эмиль Гилельс завоевали мировое признание. Где бы они не играли — повсюду переполненные залы, высоко хвалебные отзывы — им неизменно сопутствуют. Ойстрах-отец в 1964-м году по

болезни на некоторое время вынужден был прекратить концертную деятельность. Незадолго до болезни его совместные выступления с сыном Игорем, в сопровождении замечательного московского камерного ансамбля Рудольфа Баршая и в Европе, и в Америке сопровождалось сенсационным успехом. В 1954-м году, после концерта Давида Ойстраха в Лондоне, английский критик Перси Картер писал: «Не лучший ли он скрипач наших дней? Возможно!..» Игорь Ойстрах в последние годы выдвинулся в первые ряды скрипачей мирового калибра.

Леонид Коган числится в последние годы среди первых пяти-шести лучших скрипачей нашего времени. Бесспорно, что Эмиль Гилельс если не самый лучший, то один из двух-трех лучших пианистов мира. Парижский критик Жорж Леон писал о Гилельсе, что он — «великий среди самых великих пианистов нашего времени».

В области виолончельной игры первенство в Советском Союзе признано за Мстиславом Ростроповичем. Непосредственно за ним следует замечательный виолончелист Даниил Шафран. И в до-революционной России были исключительные виолончелисты-евреи, как Карл Давыдов, Иосиф Пресс, Иосиф Малкин, Гдаль Залесский, Давид Зиссерман и др. Григорий Пятигорский тоже уроженец России, воспитанник московской консерватории.

ДИРИЖЕРЫ

До-революционная Россия не была богата дирижерами международного масштаба. Если не считать братьев Рубинштейн, Антона (скончался в 1894-м году) и Николая (скончался в 1881-м году), в России до первой мировой войны было немного крупных дирижеров, таких, — как чех Направник, сын уральского казака Сафонов, сын еврейского свадебного музыканта С. Кусевицкий и Рахманинов (который дирижерством тяготился и в Америке поприще дирижера оставил). Помимо них в до-революционной России в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Харькове были отличные дирижеры, преимущественно в оперных театрах, среди которых евреев было немало. Назову Л. Штейнберга, Штеймана, Пазовского, Моргуляна, Блюменфельда, Купера, Фиттельберга, Голинкина, Хессина.

В советский период среди новых дирижеров, как Кондрашин, Иванов, Рождественский, Мравинский, Светланов, насчитывается и ряд евреев, — как недавно скончавшийся Самуил Самосуд, ряд десятилетий состоявший главным дирижером Большого Театра. «Музыкант огромного диа-

пазона, первый исполнитель ряда выдающихся советских симфонических произведений» — писали о нем летом 1964-го года по случаю его 80-летия. В 34 года Самосуд уже состоял главным дирижером Академического Малого оперного театра в Ленинграде, откуда его скоро перевели в Москву. Самосуд был первым, дирижировавшим последние симфонии и балеты Прокофьева. Под его дирижерской палочкой прозвучала впервые музыка к «Войне и миру» Прокофьева. В последние 10-15 лет жизни Прокофьева Самосуд был очень близок к композитору, который не раз пользовался его советами и опытом. Так, по совету Самосуда, — как повествует биограф Прокофьева, И. Нестьев, — композитор написал добавочную сцену «Военный совет в Филях», в центре которой находится образ Кутузова. Прокофьев — пишет Нестьев — отметил исключительное проникновение С. Самосуда в его творческий замысел. Самосуд также подказал Прокофьеву мысль о введении в оперу новой картины, — сцены бала у екатерининского вельможи. Самосуд первым исполнил 7-ую симфонию Прокофьева и его «Оду на окончание войны». В 1927-м году он первый дирижировал оперой Шостаковича «Лэди Макбет Мценского уезда», навлекший на композитора гнев Сталина, и также операми «Тихий Дон» Дзержинского и «Семья Тараса» Кабалевского. Самосуд скончался через несколько недель после своего 80-летнего юбилея.

Натан Рахлин и Борис Хайкин числятся среди лучших дирижеров в оперных театрах Москвы и Ленинграда. Юрий Файер из Большого Театра во время гастролей балета в Нью-Йорке, вызвал восхищение музыкантов своей феноменальной музыкальной памятью и дирижерской виртуозностью.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Бурный расцвет виртуозов в Советском Союзе стал возможным благодаря тому, что и в годы гражданской войны и экономической разрухи в Ленинграде, Москве, Киеве, Одессе и в других городах остались преподаватели музыки высокого калибра, не эмигрировавшие за-границу. Они продолжали насаждать музыкальную культуру в народе, выращивать талантливых виртуозов. Среди этих ветеранов-профессоров музыки в консерваториях обеих столиц и в больших провинциальных городах было немало евреев. О Гольденвейзере, свыше полувека состоявшем профессором московской консерватории и воспитавшем дватри поколения пианистов России, как и о Самуиле Файн-

берге и Феликсе Блюменфельде, упоминалось раньше. Школа Столярского в Одессе, деятельность Цыганова, Ямпольского, Цейтлина и Янкелевича в Москве, профессоров Эйдлина и Шера в Ленинграде, наконец Давида Ойстраха, почти четверть века преподававшего в Московской консерватории наряду с Игумновым, Нейгаузом и другими, создали условия для такого расцвета виртуозов-скрипачей, пианистов и дирижеров, какого в нашу эпоху не было ни в какой другой стране в мире.

30 лет после основания Николаем Рубинштейном Московской консерватории в 1895-м году, три сестры Гнесин, дочери казенного раввина из Ростова-на-Дону, учредили в Москве скромное музыкальное училище для детей и взрослых, постепенно разросшееся до размеров Музыкального Института. В наше время он объединяет две музыкальные школы и педагогический институт, в которых общий состав учащихся превышает 3000. Вместе с ленинградской и московской консерваториями Музыкальный Институт Гнесиных — одно из трех самых заслуженных учреждений в области музыкального образования в России.

В Институте Гнесиных за 70 лет его существования получили музыкальное образование тысячи музыкантов, подвигающиеся ныне по всему Советскому Союзу в качестве концертантов, оркестровых музыкантов, преподавателей музыки, дирижеров, хормейстеров и т.д. Воспитанниками Института были пианисты Николай Орлов и Лев Оборин, певица Зара Долуханова, композиторы Арам Хачатурян и Тихон Хренников и др. Весной 1964-го года в Москве праздновали 90-летие основательницы Института Елены Фабиановны Гнесиной. Вся советская печать отметила выдающиеся заслуги юбилярши, совместно со своими сестрами все еще продолжающей возглавлять школу, созданную ею в 1895 году.

Хачатурян и Хренников — теперь именитые советские композиторы — окончили Институт Гнесиных по классу композиции. Их профессором был Михаил Фабианович Гнесин, — один из самых замечательных композиторов, вышедших из рядов русского еврейства в 20-м веке.

В первом томе «Книги о русском еврействе» я упомянул о петербургском Обществе Еврейской Народной Музыки, зародившемся в 1908-м году. Из него вышел ряд таких талантливых композиторов, как Михаил Мильнер, Иосиф Ахрон, Михаил Гнесин, Лазарь Саминский, Соломон Розовский и др., создавших ряд интересных музыкальных произведений в стиле т.н. «Новой Еврейской Музыкальной Школы». В Москве аналогичную группу возглавлял Ю. Д. Энгель.

Там особенно выделялся Александр Крейн, который совместно со своим братом Григорием и племянником Юлием составил группу «Крейнов», о которой речь впереди.

ЕВРЕИ-КОМПОЗИТОРЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Еврей-композиторы в дореволюционной России были наперечет. Единственным значительным композитором еврейского происхождения был Антон Рубинштейн, — наряду с Листом, лучший пианист всех времен. (О нем подробно я писал в первом томе «Книги о русском еврействе».) Кроме Рубинштейна, можно назвать Карла Давыдова, создавшего ряд блестящих пьес для виолончели, Максимилиана Штейнберга (зятя Римского-Корсакова), Любовь Штрейхер и др. Были среди русских евреев значительные композиторы в области синагогальной литургии (Новаковский, Герович, Дунаевский).

Когда в начале текущего века возникло Общество Еврейской Народной Музыки, Римский-Корсаков был первым русским музыкантом, с большим сочувствием отнесшимся к нему. Ему принадлежат слова, что и «Еврейская музыка дождетя своего Глинки». Молодые музыканты с композиторским дарованием, которые в 1908-м году образовали упомянутое «О.Е.Н.М.» в Петербурге, были учениками Петербургской консерватории, преимущественно классов Римского, Лядова и Глазунова. Из этой группы, насчитывавшей несколько десятков музыкантов, особенно яркими дарованиями обладали Михаил Мильнер, Иосиф Ахрон, Михаил Гнесин и Крейн.

Михаил-Миша Мильнер (1882-1952) был уроженцем украинского местечка Ракитно. О «мальчике-альте» из Ракитно шла слава, как об исключительном музыкальном таланте. Это побудило Киевского мецената Льва Бродского дать ему стипендию, благодаря которой Мильнер мог получить музыкальное образование в Киевском музыкальном училище и затем совершенствоваться в Петербургской консерватории, в классах Лядова и Глазунова. По окончании курса Мильнер стал дирижером хора петербургской главной хоральной синагоги. Его «Ин хедер» и псалм «Ад оно адошэм!» положили основу стилю т. н. «Новой еврейской школы в музыке». Мильнер написал чудесную литургическую композицию «Унсанэ токэф», вокальную сюиту на слова Переца, в которой «Танц, мэйделэ, танц!» — представляет собой шедевр. Опера Мильнера «Небеса пылают» была поставлена в 1926-м году в Ленинграде и выдержала ряд представлений. Речитативы Мильнера постро-

ены на традиционных «невмах», составляющих основу кантиляционного чтения Торы. Мильнер написал музыку для ряда театральных постановок, в частности для «Сна Якова» и «Голема» в постановке «Габимы» и для театров на идиш. Мильнер был одно время дирижером украинского театра в Харькове. Мильнер был самым оригинальным талантом среди композиторов, группировавшихся вокруг петербургского О-ва Еврейской Народной Музыки. В своих песнях, романсах, фортепианных пьесах он первый заговорил на своеобразном музыкальном наречии, истоки которого коренятся в древних молитвенных напевах, в кантиляционном чтении Торы, в хасидских песнопениях и плясках. Сын украинского еврейства, он с детства впитал в себя мелодии древних синагогальных напевов, религиозных и полу-религиозных застольных песнопений хасидов, народных песен улицы еврейской «черты оседлости» и колыбельные песни, которые еврейская мать пела своему ребенку, мечтая о том, что он вырастет если не раввином, то, во всяком случае, ученым по еврейской письменности. Как и русские «кучкисты» в своей области, Мильнер редко пользовался готовой мелодией из сокровищниц музыкального фольклора еврейского местечкового быта, но сам творил мелодии в этом духе. В среде О-ва Еврейской Народной Музыки его не без некоторого основания называли «еврейским Мусоргским».

Плеяда молодых композиторов, группировавшихся вокруг петербургского О-ва Еврейской Народной Музыки, была национально-настроена, подобно тому, как были русскими националистами Глинка и члены «Могучей Кучки» и их «трабант» Владимир Стасов. При советском строе еврейский национализм в музыке оказался не ко двору. В отличие от Гнесина, Ахрона, Крейнов, — Мильнер в другом стиле музыки не писал. Поэтому его произведения в советский период не издавались и не исполнялись. Среди оставшихся после смерти Мильнера рукописей имеется «Симфония на еврейские темы». Какова судьба его рукописей, находятся ли они у его вдовы или в государственном ното-хранилище, — об этом сведений нет.

Иосиф Ахрон (1886-1943) начал музыкальную карьеру вундеркиндом скрипачем-виртуозом, давая концерты с 11-летнего возраста. Он был учеником Ауэра по Петербургской консерватории, которую окончил в 1904-м году. К О-ву Еврейской Народной Музыки Ахрон примкнул из внутреннего побуждения писать музыку в еврейском духе. Уже первые его пьесы для скрипки, «Еврейская мелодия» и «Еврейский танец», имели большой успех, и многие именитые скрипачи, включая Яшу Хейфеца, включили их в свой кон-

цертный репертуар. В 1915 году Ахрон написал замечательные вариации для рояля на тему «Эйл ивнэ хагалил» с заключительной, мастерски сделанной, шестиголосой фугой. Пьеса эта очень эффектна и когданибудь еще пробьет себе дорогу в репертуар концертирующих пианистов-виртуозов.

В начале двадцатых годов Ахрон оставил Россию. Он жил года два в Берлине, где написал и издал ряд новых пьес и затем обосновался в Калифорнии, где и умер 57 лет от сердечного припадка. Ахрон оставил много произведений в рукописях, которые после смерти его вдовы сложными путями были пересланы в иерусалимский университет. Среди произведений Ахрона берлинского периода замечательны «Детская сюита», построенная на «невмах», и ряд романсов; прелестна изящная «Канцонетта», переложенная им и для скрипки. Ахрон написал три концерта для скрипки и оркестра. В американский период Ахрон отдал дань увлечению Шэнбергом, который, кстати сказать, очень высоко ценил его, как композитора. Предвечернее субботнее богослужение Ахрона — произведение высокого ранга. Ахрон писал музыку не только в «ново-еврейском стиле». Среди его произведений имеются сонаты для скрипки и рояля, струнный квартет и многое другое, в которых Ахрон проявил себя мастером, превосходно владевшим композиционной техникой с безукоризненным чувством формы, поэтической фантазией и тонким художественным вкусом. Будем надеяться, что в Израиле найдут путь к изданию оставленного Ахроном ценного музыкального наследства. Когда все его произведения будут изданы, они несомненно будут включены в концертный репертуар скрипачей, пианистов, оркестровых и камерных ансамблей. Иосиф Ахрон был бесспорно выдающимся композитором.

МИХАИЛ ФАБИАНОВИЧ ГНЕСИН

О М. Ф. Гнесине (1883-1957), крупном русско-еврейском композиторе, вышла в Москве, в издательстве «Советский композитор», книжка под названием «М. Гнесин — статьи, воспоминания, материалы».

«Среди выдающихся музыкальных деятелей старшего поколения, — говорится в предисловии к этой книге, — одно из *первых* мест принадлежит Михаилу Фабиановичу Гнесину. Ярко одаренная натура этого самобытного художника и общественного деятеля представляет собой большой интерес не только в силу многогранности его творчества, но прежде всего потому, что его более чем полувекковая активная и яркая жизнь

в искусстве отразила наиболее сложные процессы в музыкальной жизни России...»

Первые произведения Гнесина относятся к началу нашего века, когда ему едва минуло двадцать лет. Его романс «У моря» на слова Бальмонта и «Бог солнца, светлый Бог любви» так понравились его учителю Римскому-Корсакову, что тот передал их издательству Беляева для напечатания. За более чем полувековую композиторскую деятельность Гнесин оставил свыше 80 опусов-симфонических, ораториальных, романсов, камерной музыки. Творил он в двух планах — в эклектическом стиле обще-европейской музыки нашего века и в стиле т. н. «ново-еврейской музыки», который в последние годы вне России называют «средиземно-морским». Из произведений Гнесина первой категории следует упомянуть «Из Шелли», симфонический фрагмент к «Освобожденному Прометею» для большого симфонического оркестра (1906-1908), сонату-балладу для виолончели и рояля (1909 г.), которая была исполнена в Москве в 1911-м году знаменитыми музыкантами — Пабло Казальсом и Александром Зилоти; а также «Врубель» — симфонический дифирамб для оркестра и голоса, «Реквием» для струнного квартета и рояля, «1905-1907» для большого симфонического оркестра с заключительным хором на слова Есенина (1925-1926 г.г.); сонату для скрипки и рояля (1928) и многое другое.

В обстоятельном разборе творчества Гнесина в упомянутой книжке, композитор Юлиан Крейн пишет: «Гнесин был, пожалуй, единственный среди учеников Римского, унаследовавший от него драгоценное свойство мелодичности». В конце 1910-х г.г. Гнесин, подобно Григу, соприкоснувшись с родником народного творчества — своего родного еврейского, знакомого с детства, но только теперь художественно осознанного, — обретает новый и яркий источник вдохновения. Первые опыты Гнесина в этой области относятся ко времени возникновения О-ва Е.Н.М. в Петербурге. В своеобразной форме Гнесин применяет стилистические принципы, на которых он был воспитан в школе Римского-Корсакова.

Усиление интереса к еврейскому фольклору, как и вообще к фольклору Востока, способствовали и поездки Гнесина в Палестину — в 1914-м году, и затем в начале двадцатых годов. Кроме ряда превосходных романсов, он написал оперу «Юность Аврама». За полувековую творческую деятельность Гнесин обогатил музыку в ново-еврейском стиле серией романсов, фортепианных пьес, произведений

камерной музыки, пьес для скрипки, виолончели, симфонической фантазией для большого оркестра «в еврейском роде», песен на слова Бунина («Гробница Рахили») Майкова, Чурилина, на тексты из «Песни Песней».

Для гоголевского «Ревизора» в постановке Мейерхольда Гнесин в 1926-м году написал сюиту «Еврейский оркестр на балу у городничего» — музыкальную жемчужину, сверкающую веселым юмором. Во многих городах в средней России существовали еврейские оркестры, игравшие на свадьбах, балах и приемах у официальных лиц и помещиков. Гнесин подал Мейерхольду идею, которая режиссеру очень понравилась. Пусть — предложил Гнесин — на балу у городничего играет еврейский свадебный оркестр, притом в обычном репертуаре музыкантов на еврейских свадьбах — «Кадрили», «Польки», «Фантазии», «Фрейлихс» и т.п. Эта гротескная музыка очаровательна. Она опубликована в Москве в виде сюиты, которую можно играть и вне сценической постановки. Замечателен также цикл песен Гнесина «К повести о рыжем Мотэ́лэ» (на слова поэта Уткина), который по духу схож с циклом еврейских песен Шостаковича.

Гнесин был, как уже упоминалось, сыном казенного раввина из Ростова-на-Дону. С материнской стороны он был внуком знаменитого когда-то среди русского еврейства «бадхана» Шайки Файфера (Исая Флатсингера). От деда и от музыкально-одаренной матери Гнесин унаследовал любовь к еврейскому фольклору. Одну мелодию своего деда Гнесин увековечил в форме пьесы для струнного квартета с кларнетом «На Волыни», написанной в 1938-м году и еще много раньше, — в 1912-м году, в мелодии для скрипки и рояля. После смерти Гнесина остались в рукописи эскизы к опере «Бар-Кохба», на текст поэта С. Галкина.

За своего «Врубеля» Гнесин в 1911 году получил Глинкинскую премию, самую почетную музыкальную премию в России. Он состоял профессором московской и ленинградской консерваторий, как и Института имени Гнесиных, в которых воспитал не одно поколение русских композиторов. Он был учителем Хачатуряна и Хренникова. Гнесин оставил ряд научных трудов по музыке, читал доклады и лекции, писал музыку для театра.

В 1900-м году юного Гнесина отказались принять в московскую консерваторию из-за процентной нормы, ограничивавшей прием евреев. Через год он поступил в петербургскую консерваторию. Лядов дал блестящий отзыв об его композиторском даровании. Гнесин стал учеником Римского-Корсакова и его частым посетителем на дому. Певица Изабелла Врубель, певец Иван Алчевский, пианисты и ди-

рижеры М. Бихтер и А. Зилоти были поклонниками творчества Гнесина и охотно исполняли его музыку. Алчевский готовился совершить турне по России с исполнением песен и романсов Гнесина, но неожиданная смерть певца (от менингита в 1918-м году) помешала осуществить этот план.

В 1944-ом году музыкант Рэнэ Б. Фишер, писавшая диссертацию на тему «Юмор в музыке», по инициативе известного музыковеда Курта Закса из Колумбийского университета, обратилась к Гнесину с просьбой ответить на ряд вопросов, связанных с ее темой. На вопрос о том, имитируется или пародируется в его «Сюите» («Музыка на балу у городничего») стиль какого-нибудь культурно-художественного течения или отдельного композитора, Гнесин послал ей пространный ответ. Приведу из него его признание, что «элементы еврейской музыки так овладели моим музыкальным чувством и воображением, что и там, где я не ставил себе заданием поиски еврейского стиля, они стали проступать в моих сочинениях».

Арам Хачатурян пишет о своем учителе:

«Одной из самых сильных сторон Гнесина-композитора является ярко-выраженный национальный колорит его произведений, что главным образом связано с еврейской тематикой. С потрясающей силой и стилистической целомудренностью Гнесин отобразил подлинно-народные еврейские интонации и характерные психологические особенности. Проникновение в народные интонации было у Гнесина столь органичным, что он мог, не используя подлинных напевов, создавать такие поэтические песни в стиле народных импровизаций, как «О нежном лице ее» или «Песня странствующего рыцаря» для виолончели и др... — Когда я стремился (пишет Хачатурян) к утверждению настойчиво слышимых мною интонаций и гармоний народной армянской музыки, Михаил Фабианович, как чуткий педагог, почувствовал, понял и поддержал во мне это народное начало. И если признано, что в моем творчестве родное армянское является ценным качеством, я считаю, что развитию этого начала я обязан в первую очередь Михаилу Фабиановичу Гнесину».

После смерти Гнесина советский музыковед Р. Глазэр писал в «Советской музыке» (№5 за 1957-й год), что «продолжая великие традиции русских классиков, Гнесин внес много ценного в советскую музыкальную культуру».

Музыкальный талант Гнесиных был наследственным. Помимо упомянутого деда Шайки Файфера, мать композитора была музыкально одарена, превосходно пела. Одна из ее сестер была певицей в миланской Ла-Скала. Из девяти детей казенного раввина Гнесина семеро стали профессиональными музыкантами, — явление, которое и в музыкальном мире встречается не столь часто.

КРЕЙНЫ

Крейны, как и Гнесины, были семьей профессиональных музыкантов. Отец, Абрам Крейн, был скрипачем, игравшим на еврейских свадьбах, а также усердным собирателем еврейских народных напевов и мелодий. Пятеро Крейнов стали профессиональными музыкантами. Давид — скрипач, Евгений — дирижер, Александр, Григорий и Юлий — композиторы. Из трех Крейнов композиторов, Александра и Григория уже нет в живых. Юлиан, сын Григория, проживает в Советском Союзе, где летом 1963-го года отпраздновали его 50-летие.

Григорий и Александр Крейны родились в Нижнем Новгороде, теперешнем Горьком, первый — в 1880 году, второй — в 1883 году. Александр в юности был виолончелистом. Сочинять он начал в раннем возрасте. Его «Еврейские Эскизы», появившиеся в 1910-м году, обратили на себя внимание музыкантов, группировавшихся вокруг О-ва Е.Н.М. Через три года последовала симфоническая поэма «Саломея», в которой, как писал известный музыкальный критик Л. Сабанеев, «наблюдается уже уклон к архаичности». Темы современного западно-русского и галицийского еврейства — писал Сабанеев — стушевываются перед обликом еврейского ориентального или архаического, музыкальные контуры которого находятся в профилях древних синагогальных напевах и тропях. С этого времени в его мелодике входит напряженный ориентализм, пышная орнаментика мелодических профилей, напряженная циклопичность троп и речитативный динамизм напева, что потом стало особенностью стиля музыки Крейна.

В 1921-м году появился «Кадриш», род еврейского «Реквиема» для тенора, смешанного хора и большого оркестра, имевший в советском союзе большой успех, но впоследствии, как «несозвучный духу времени», больше не исполнявшийся. Затем, в 1922-м году последовала фортепианная соната, несколько перегруженная импрессионистской гармонией, замечательное произведение, которое когда-нибудь еще завоеует себе почетное место в репертуаре концертирующих пианистов-виртуозов. Его перу принадлежат также романсы в еврейском духе из «Песни песен», «Газеллы», музыка для театральных постановок «Габимы», «Еврейского Камерного театра» (музыка к «Ночи на старом рынке» — шедевр) и др.

Крейн отдает дань режиму. Он пишет «Траурную оду на смерть Ленина», в которой звучит мелодия «Интернационала» (ода эта была исполнена в Америке Стоковским).

Он написал также симфоническую «Рапсодию» на слова из речи Сталина. В последние годы жизни Крейн написал оперу «Загмук» на «революционный вавилонский сюжет», в которой он имел возможность дать волю своему ориентализму.

В 1938-м году Крейн впервые обратился к балетному жанру. До того он написал «Танцовальную сюиту» и «Пляски» для рояля. Его музыка к балету «Лауренсия» по драме «Овечий Источник» Лопэ да Вэга продолжает иметь исключительный успех. — Музыка «Лауренсия» — писал советский обозреватель — яркая, темпераментная. С первых же звуков оркестрового вступления, с первого танца и до конца спектакля слушатель-зритель во власти своеобразной красоты испанских мелодий и ритмов. Музыка балета Крейна не утрачивает силы своего воздействия и в концертном исполнении, где слушателя восхищают яркость мелодии, сочность гармонического языка, национальная характерность, мастерская разработка тематического материала. В основу некоторых сцен балета были положены народные напевы, но за немногими исключениями, музыка балета — оригинальное создание композитора, опиравшегося на богатство народной испанской музыки.

Балет Крейна «Лауренсия» был написан для ленинградского театра имени Кирова. Он утвердился в репертуаре театра и живет на сцене и поныне. Балет был дан и в Москве в Большом Театре.

Григорий Крейн, брат Александра, был учеником Глиэра и Регера. Он написал «Рапсодию» для кларнета и симфонического оркестра, цикл «Песен о Ленине», много камерной музыки, две симфонии, скрипичный концерт, два фортепианных концерта, но все это почти не исполняется вовсе, или весьма редко.

Юлиан Крейн, сын Григория, начал свою композиторскую деятельность вундеркиндом, что бывает очень редко. В Москве его Прелюдии для рояля и соната были напечатаны, когда композитору было всего десять лет. Когда ему минуло 13, отец отправился с ним в Париж для продолжения музыкального образования. Учился он у Поля Дюка. Дариус Мийо и Хоннегер нашли его исключительно талантливым. Юлию Крейну было 18 лет, когда в концертах Казальса в Барселоне исполнялся его виолончельный концерт. В Советском Союзе этот концерт играет Ростропович. В 1932 году отец и сын Крейны вернулись в Москву, где Юлий состоит профессором по композиции. Он плодовитый композитор и его произведения часто исполняются. Его фортепианные пьесы играли такие большие пианисты, как Гилельс и Нейгауз. Юлиус Крейн — сам превосходный

пианист и часто выступает в качестве исполнителя своих пьес. Он и превосходный музыковед, опубликовавший интересные работы о Дебюсси и Равеле.

«Три Крейна, — писал в «Новом Русском Слове» Леонид Сабанеев, — чувствовали себя еврейскими национальными музыкантами, выполнявшими роль пионеров по созданию национального искусства. Если эта роль им не удалась на русской территории, то не по их вине, а потому что идеологические соображения совершенно вне-художественного порядка признали их национальное направление ненужным, вредным и колеблющим устои строя — безотносительно к их дарованию, которое бесспорно.»

ВЕПРИК, ФАЙНБЕРГ И ДРУГИЕ

Александр Веприк, который уже скончался, был польским евреем, уроженцем Лодзи, но вся музыкальная деятельность его прошла в России. Он совершенствовался в композиции у Мясковского в московской консерватории, где впоследствии сам стал профессором. Веприк писал музыку в обоих планах — в стиле французских импрессионистов (Дебюсси и Равеля) и Скрябина, и в «ново-еврейском» стиле. Его «Песни и танцы гетто» для оркестра имели большой успех и в Америке, — где их исполнял Тосканини. В 30-х годах произведения Веприка в Советском Союзе имели большой успех. В «Песне ликования» Веприка симфонически развита песня о Котовском, написанная им в духе украинской народной музыки. В партитуру вплетена также интонация напева «По долинам и по взгорьям».

Самуил Файнберг, тоже уже скончавшийся, был большим пианистом и часто исполнял Баха. Вместе с тем он был в московской консерватории одним из самых значительных педагогов по роялю. Файнберг был и музыкальным творцом высокого калибра. Его семь сонат для рояля и цикл романсов на слова Пушкина, как и чувашские песни, высоко ценятся в России. Следует отметить, что еврей-композиторы внесли значительный вклад в музыкальную культуру национальных меньшинств. Гнесин, Веприк, Крейны и др. немало помогли развитию музыкальной культуры Киргизии, Башкирии, Туркестана, Азербайджана, Туркмении.

Перечисленными именами не исчерпывается роль евреев-композиторов в музыкальной культуре Советского Союза. К этому перечню надо прибавить еще других музыкантов, еврейское происхождение которых сомнений не вызывает, как, напр., Юлию Вайсберг, невестку Римского-

Корсакова; Юлия Мейтуса — автора оперы «Молодая Гвардия»; Адмони (на иврит означает — красный) ленинградского композитора, автора нескольких опер; скончавшегося в 1963 году Б. С. Шехтера — талантливого автора детских песен; А. Агана — композитора балетной музыки; Бориса Арапова — автора Таджикской сюиты; Аркаса — автора оперы «Катерина»; Аустера — автора музыки для народных инструментов. Кроме них, Л. Белкин, известный обработкой народных песен, Берлинский — автор музыки для театра, Брусиловский — автор киргизской оперы — также музыканты еврейского происхождения.

В последние годы выдвинулся композитор М. Вайнберг, польский еврей, последнюю четверть века проживающий в Советском Союзе. Его симфония, скрипичный концерт, пьесы для рояля исполняются очень часто. Играет его произведения и такой мастер, как Гилельс. — В национальных истоках творчества Вайнберга — пишет обозреватель ежемесячника «Советская Музыка» (№ 8 за 1961 г.), в его музыке сочетаются элементы в основном русской, но, также и польской и еврейской песенности. Вайнберг глубоко ощущает красоту протяжной народной русской песни. Существенным составным элементом мелодики Вайнберга являются попевки, основанные на еврейском фольклоре. Естественно вкрапленные в музыкальную ткань, они придают стилю композитора своеобразные индивидуальные черты. На концерте второго пленума правления союза композиторов С.С.С.Р. и Р.С.Ф.С.Р. были исполнены скрипичный концерт и симфония Вайнберга, что считается большой честью.

Об упомянутом выше Борисе Шехтере советские музыковеды писали, что он был автором опер и симфоний, камерных произведений, театральной музыки. Его опера «Пушкин в изгнании», его «Туркмения», симфонические поэмы «Узница» и «Слушай», опера «1905-й год» и другие произведения «вписали славные страницы в историю советской музыки» — отметила советская печать после его преждевременной смерти.

ИСААК ДУНАЕВСКИЙ И БРАТЯ ПОКРАСС

В истории советской оперетты и создания массовой народной песни еврей-композиторы и исполнители-дирижеры, постановщики, актеры занимают, выражаясь советским языком, «ведущее» положение. В оперетте одно из первых мест принадлежит скончавшемуся в 1955 году композитору и дирижеру Исааку Осиповичу Дунаевскому, автору десятка

оперетт, музыки к кино-фильмам, создателю ряда популярных советских песен (как «Широка страна моя родная», «Ой, цветет калина»).

Дунаевский родился в Лохвице, Полтавской губернии, в семье, все члены которой были музыкально одарены. Осип Дунаевский — отец был певцом-любителем. Он особенно любил украинские песни, как и еврейские. Мать Дунаевского пела небольшим, но приятным, мелодичным голосом. Дядя Дунаевского — Самуил превосходно играл на гитаре, мандолине и на гармонике-концертино. Из братьев композитора двое стали хоровыми регентами и двое — театральными капельмейстерами.

Семья из Лохвицы переехала в Харьков, где Дунаевский в 19 лет окончил консерваторию по скрипке, в классе Иосифа Ахрона. С 1924-го года Дунаевский проживал в Москве и Ленинграде. Им создана музыка к таким популярным кино-картинам, как «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Вратарь», «Светлый путь», «Дети капитана Гранта» и др. И. О. Дунаевский был создателем первых оперетт на современные советские темы, как «Золотая долина», «Вольный ветер», «Сын клоуна». Он пользовался признанием в официальных кругах, был депутатом Верховного Совета РСФСР, автором боевых маршей и песен, распеваемых в армии и флоте.

Песни Дунаевского отличаются «жизнелюбием, дерзостью, молодым неумным весельем» — отмечают в советской печати. В Нью-Йорке мы слышали его песню «Ой цветет калина» в театре «Березка». В этой песне нельзя не почувствовать еврейской метрики и мелодии.

«Мы слышим в музыке Дунаевского, — писал цитированный нами выше музыковед Н. Нестьев, — отзвуки самых разных бытовых жанров — от городского романса, частушки, водеvilных куплетов до концертного русского вальса и революционно-маршевой песни. Дунаевский отлично знал секреты интонационных переплавок и смелых жанровых превращений. Так печальный напев старой фабричной песни превращался у него в мужественную, ритмически строгую мелодию «Песни о Каховке», а раздольная городская песнь «По Дону гуляет» послужила основой для стремительно-плясовой «Молодежной» из «Волги-Волги».

Известный музыковед Борис Асафьев (Игорь Глебов) говорит о «силе воли, пронизательности, таланте и мастерстве Дунаевского», который пересоздал массовую песню. Он брал старое и придавал ему новый дух и вид.

В области создания массовой песни велика также роль двух братьев Даниила и Дмитрия Покрасс. «Красноармей-

ская», «Марш Буденного», «Если завтра война», «Трактористы» — песни обоих братьев Покрасс, сыновей еврейской семьи уроженцев киевского Подола — пользуются широким признанием и популярностью.

Кроме них выдвинулись в области оперетты и народной песни в советской России и следующие музыканты-евреи: Матвей Блантер — автор оперетт «На берегу Амура», «Катюша», «Партизан железняк» и массовых песен; Заславский — автор оперетты «Соловьиный сад»; С. Кац — автор оперетты «Взаимная любовь»; Зиновий Компанец (композитор «Габимы», — автор популярных песен); З. Левина — автор «Кавалерийской»; авторы песен и оперетт Натан Леви, Илья Ковнер, Клара Кацман, Осип Сандлер и др.

Высок процент евреев и среди советских музыковедов. А. Альшванг, Израиль Нестьев, Л. Мазель, Л. Баренбойм, Мильштейн, Рабинович и другие обогатили музыковедческую литературу ценными работами и монографиями. Особенно ценны двухтомный труд Баренбойма об Антоне Рубинштейне и упомянутая монография Нестьева о Прокофьеве.

В заключение об исполнителях камерной музыки. Квартет имени Глазунова состоит из четырех евреев — Лукашевич, Ружанский, Гинцбург и Могилевский. Московский камерный оркестр, созданный и управляемый Рудольфом Баршаем в его турне по Америке в сезоне 1963 года, с обоими Ойстрахами в качестве солистов, был сенсацией музыкального сезона.

Не впадая в преувеличение, можно сказать, что в области исполнительской, еврей-виртуозы в Советском Союзе занимают «ведущее» положение. В области музыкального творчества такие композиторы, как Михаил Гнесин, Александр Крейн, Веприк, Файнберг, вписали интересную страницу в историю музыкального творчества в России в советский период. В области массовой песни и оперетты Дунаевский, братья Покрасс и другие числятся в первых рядах. В области распространения музыкального образования «Институт имени Гнесиных» занимает выдающееся место, как и писатели и исследователи-евреи.

ГЕРШОН СВЕТ

ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

(Еврейский Камерный Театр и «Габима»)

1. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ КАМЕРНЫЙ ТЕАТР

Не звучит ли парадоксом тот факт, что два самых значительных во всей истории еврейского театра коллектива возникли и просуществовали ряд лет на территории Советского Союза, да еще в качестве государственных театров, пользующихся материальной поддержкой власти?

Театр «Габима», спектакли которого шли на языке Библии, и Еврейский Камерный Театр, спектакли которого давались на идиш, — два еврейских театра, во время своих гастролей за границей, завоевавшие мировое признание, — были основаны в Ленинграде и Москве. Еврейский Камерный театр просуществовал в Советской России больше четверти века, а «Габима» свыше шести лет.

Выехав в 1926 году за-границу на гастроли, «Габима» в Советский Союз уже не вернулась. Еврейский Камерный Театр после своих гастролей в Западной Европе в 1928 году, вскоре вернулся в Россию, потеряв, однако, своего основателя и режиссера А. Грановского, ставшего невозвращенцем.

При народном комиссариате по делам национальностей, во главе которого находился Сталин, в начале 1918 года возник Еврейский Комиссариат, при котором уже в первые недели был создан театральный отдел. Этот отдел стал группировать вокруг себя элементы, причастные к еврейскому театру.

В художественной жизни Москвы и Петрограда тогда царила эпоха всякого рода студий — театральных, музыкальных, живописи, скульптуры, декоративного искусства и т. п. Еврейскому Комиссариату удалось привлечь в режиссеры Александра Грановского, ставшего руководителем еврейской театральной студии в Петрограде. В мире еврейской культуры Грановский был новый человек. Уроженец Риги, он был связан с русской и немецкой культу-

рой. Свою театральную деятельность он начал в немецком, а затем в русском театре.

В январе 1919-го года состоялись первые выступления еврейской театральной студии: «Слепые» Метерлинка (постановка Грановского, музыка Иосифа Ахрона, декорации А. Бенуа), «Грех» Шолома Аша (постановка Грановского, музыка С. Розовского). В июле 1919 года были поставлены «Амнон и Тamar» Шолома Аша с музыкой Розовского, «Строитель» Михоэlsa с музыкой Моргуляна и затем «Уриэль Акоста» в постановке Унгерн-Штернберга, в декорациях Добужинского, с музыкой Розовского. Как писал в «Красной Ниве» критик М. Загорский, это был «ученический период искательства форм еврейского театра, чреватый ошибками и пленением чуждыми и далекими влияниями западно-европейского театра в его позднейшей модернистско-символической формации».

В 1920-м году еврейская театральная студия переехала в Москву. 1-го января 1921 года она поставила «Вечер Шолом Алейхема» в постановке Грановского, в костюмах и декорациях Марка Шагала и с музыкой Иосифа Ахрона. — «Театр — писал Михоэлс — оказался аккумулятором лучших творческих сил. К нему тянулись художники, музыканты, писатели, общественные деятели». Еврейский Комиссариат раздобыл помещение возле Никитской с зрительным залом на 120 мест и обеспечил театру нужные для существования средства. Марк Шагал, тогда уже входивший в известность, расписал стены фойе. В том же 1921-м году поставили «Перед рассветом» А. Вайтера, «Бог-сти» Шолом Аша, «Мистерию Буфф» Маяковского и в апреле 1922 года заново поставили «Уриэля Акосту». Пьесу Гуцкова Грановский ставил в декорациях и костюмах Натана Альтмана и в музыкальном обрамлении С. Розовского.

2 декабря 1922-го года Еврейский Камерный Театр поставил старую пьесу «Колдунья» отца еврейского театра Гольдфадена (в режиссуре Грановского, декорациях Исаака Рабиновича и с музыкой Ахрона). Эта постановка вызвала сенсацию в Москве, а затем и во время гастролей за границей в Берлине, Вене и Париже.

Этот спектакль, как и другие постановки: «200.000», «Ночь на старом рынке», «Веньямин Третий» и «Трудэк» я имел возможность видеть весной 1926 года в Берлине в «Театер дэс Вестенс». Спектакли эти стали событием тогдашнего театрального сезона 1928 года в Берлине. О них весьма требовательная берлинская критика писала в восторженных тонах, превознося режиссерское искусство Грановского, виртуозную актерскую игру Михоэlsa и Зус-

кина, чудесное музыкальное обрамление Ахрона, Крейна, Пульвера и красочные декорации и костюмы Альтмана, Рабиновича и Фалька.

Однако при всей изощренности и богатстве режиссерской фантазии Грановского в каждой постановке еврейского Камерного Театра давала себя чувствовать в известной мере тенденциозность, стремление очернить до-революционный быт еврейского местечка и высмеять приемы до-революционного еврейского театра, его романтизацию и идеализацию местечкового уклада. Подчеркнуть элементы социального неравенства, сатирически изображать местечковых «богачей» и раввинов, в своих «личных интересах» якобы державших еврейские массы в темноте и невежестве, чтобы легче было их «эксплуатировать», — такова была дань навязанной извне еврейскому театру коммунистической идеологии, созвучной духу советского режима.

Быт еврейских местечек Волини, Подолии, Литвы, Польши, в которых до первой мировой войны проживали миллионы евреев, — и из среды которых вышли крупные мыслители, яркие поэты и одаренные писатели, как Бялик, Черниховский, Шолом Алейхем, Перец, Менделе Мойхер Сфорим и др. — был мало знаком западно-европейскому и особенно не-еврейскому зрителю. Европейские критики высоко оценили несомненную красочность спектаклей, виртуозность актерской игры, богатство режиссерской фантазии, чудесные музыкальные обрамления, задушевные традиционные песнопения и характерные народные танцы. Но они не могли заметить ни тенденциозности, а порой каррикатурности и кощунства в изображении традиционного еврейского быта. И в результате со спектаклями Камерного театра на Западе и отчасти в самой России произошло нечто, напоминающее библейский рассказ о пророке Вааламе и моабитском царе: проклятие превратилось в благословение...

Гольдфаденскую оперетту «Колдунья», в течение почти сотни лет пользовавшуюся популярностью среди еврейских масс Восточной Европы, Грановский превратил в театральный карнавал. «Колдунья» — пишет Иосиф Шейн, режиссер, входивший в труппу Еврейского Камерного театра, в своей книге о еврейском театре,* — шла в стиле итальянской комедии дэль-арте». В этой пьесе впервые выдвинулись два больших актера: Михозлс в роли Гоцмаха — не то Арлекина, не то Фигаро, и Зускин в роли Колду-

* Иосиф Шейн «Арум Москвер идишн театр». Париж, 1964 (идиш).

ньи. В роли Гоцмаха Михоэлс уже наметил основные черты Шолом-Алейхемовского «человека воздуха» Менахем-Менделя, ставшего синонимом непрактичного местечкового мечтателя, живущего вне всякой реальности. Михоэлс также гениально воплотил Шолом-Алейхемовского Менахем Менделя в замечательном фильме «Еврейское счастье». Мне, одному из немногих, привелось увидеть этот фильм во второй половине 20-х годов в советском посольстве в Берлине, когда нас, иностранных корреспондентов анти-коммунистических еврейских и не-еврейских газет, еще приглашали на официальные приемы при Крестинском (позже в Москве расстрелянном).

В «Колдунье» в постановке Еврейского Камерного Театра высмеивается религиозный быт, еврейский национализм, а в музыке переплетаются традиционные мелодии молитвы Судного дня с церковным песнопением «Господи Помилуй», чтобы одним ударом осмеять и еврейскую, и православную литургию. В Москве, рассказывает И. Шейн — первые спектакли «Колдуньи» вызвали протесты части зрителей, которых шокировала издевка надо всем, что в до-революционном быту было святым для еврейских народных масс.

Большим успехом пользовалась и комедия Шолом-Алейхема «Большой выигрыш» — «200.000». Тут, в большей мере, чем в других постановках Грановского, режиссер явно выполняет «социальный заказ», подчеркивает царившее в местечке социальное неравенство, рисует пропасть между «богачами» и «кабцанами», Грановский явно стремится удовлетворить патологическую неприязнь ко всему прошлому еврейства тогдашнего редактора коммунистического «Эмеса» М. Литвакова, требовавшего от еврейского театра «марксистского» подхода и безоговорочного охаивания до-революционного быта. Литваков погиб в конце 30-х годов в сталинском застенке... Шолом-Алейхемовский искрящийся юмор Грановский оставил только для изображения народа, для массовых сцен. Когда Шимэлэ Сорокер возвращается бедняком к разбитому корыту, — он сам ликует и с ним ликует весь бедный люд в массовом экспрессионистском танце. В то время, как местечковые богачи поданы, как марионетки, а сцена бала у богача Файнера, купца первой гильдии, поставлена в грубо сатирическом духе.

Спасла постановку виртуозная игра Михоэлса, давшего замечательную фигуру Шимэлэ Сорокера, для которого неожиданное превращение в богача Семена Макарыча, как и последующая потеря всего богатства, — были фантасти-

ческим сном. И талантливый Зускин в роли «шадхена» Соловейчика не меньше Михозлса очаровывал зрителя. Театральная Москва шла на этот спектакль прежде всего для того, чтобы насладиться мастерской игрой этих актеров. «200.000» почти 25 лет не сходили с подмостков театра.

В 1925 г. Еврейский Камерный театр поставил «Ночь на старом рынке» — поэму Переца. В Берлине эта постановка имела исключительный успех. Альфред Керр, в те годы влиятельный театральный критик, захлебывался от восторга по поводу этого спектакля.

Большому художнику Перецу не всегда удавалось воплотить свои символы и видения в сценические образы. Десять месяцев потребовалось театру на подготовку этой постановки. Было проведено свыше 250 репетиций. Режиссер Грановский дал своей фантазии широкий простор. У него мертвые встают из могил, доживают на сцене то, что не дано было им при жизни.

С эстетической точки зрения в этой постановке немало было спорного, но в целом спектакль потряс зрителей. Это был Реквием старому миру, осужденному историей, — пишет Шейн. На сцене двигались вышедшие из могил бывшие «клезмеры», хасиды, странники, торговцы, уличные женщины. Соответственно и декорации Фалька вызвали жуть. Служка призывает тени мертвецов в синагогу. Основной текст Переца послужил режиссеру канвой для постановки, в которую он вплел и новые персонажи, и добавочные тексты. На фоне поэмы Переца театр создал «трагический карнавал», состоящий из двух элементов — умирающего города и «ожившего кладбища», — писал о спектакле обозреватель московской «Правды». Немало содействовала успеху этого спектакля чудесная музыка московского композитора Александра Крейна (1885-1951). Грановский ввел в пьесу Переца роль второго «бадхона», благодаря чему на сцене заблестал дуэт актеров-виртуозов Михозлса и Зускина. В Москве за эту постановку впоследствии обвинили Грановского в «формализме и мистифицизме»...

Особо следует отметить прекрасный спектакль «Веньямин Третий» — инсценировку повести «дедушки еврейской литературы» Менделе-Мойхер Сфорим. Это повесть о том, как местечковый Дон-Кихот Веньямин в сопровождении своего Санчо-Панчо Сэндэрл «ди идэнэ» (женоподобный) отправляются в путь «к берегам Иордана». Они идут в поисках «страны красных евреев и десяти колен израилевых», в страну мечты, в Эрец Исроэл, в «Иерушалаим». Мечтатель Веньямин терпеливо переносит все не-

взгоды пути. Санчо Панчо — Сэндэрл при каждом затруднении зовет своего «партнера и господина» вернуться обратно в родную Туняядовку, — туда они и возвращаются, не дойдя дальше соседней деревни. В этой постановке Грановского, еще в большей мере, чем в других, сказалась упомянутая выше аналогия с библейской легендой о Валааме. В «Веньямине Третьем» Грановский высмеивает романтические мечты героев пьесы. Но зритель воспринимает пьесу по иному. Его чаруют тоска «мечтателей гетто» по Эрец Исроэл, по Иерусалиму, чудесные народные напевы (музыка Пульвера), красочные декорации (Фалька), и, конечно, прежде всего замечательная игра Михоэlsa — Веньямина и Зускина — Сэндэрл. Мечты жителей убогой Туняядовки у речки Гнилопятавки о берегах Иордана глубоко трогали взволнованных зрителей.

«Веньямин Третий» был последним триумфом режиссера Грановского.

После того, как Грановский остался в западной Европе, во главе театра стал Михоэлс, при котором был поставлен ряд пьес: «Глухой» Бергельсона, «Нит гедайгет» Маркиша и др. В 1935 году театр поставил «Короля Лира» с Михоэлсом в заглавной роли. В этой роли Михоэлс произвел огромное впечатление в театральном мире России. Видевший его в «Короле Лире» знаменитый английский режиссер Гордон Крэг сказал, что «со времени Ирвинга он не запомнит такого актерского исполнения, которое бы его так потрясло, как Михоэлс в роли короля Лира. В Англии — добавил он — до сих пор нет подлинного Шекспира на театре, и может быть, потому, что у нас нет такого актера, как Михоэлс».

«Король Лир», по определению К. Рудницкого, автора предисловия к книге «Михоэлс» (Статьи, беседы, речи, воспоминания о Михоэлсе), вышедшей в Москве в 1965 году, — был «вершиной актерского искусства Михоэlsa». Но большой актерской удачей явились и другие созданные им сценические образы: в частности, образ Зайва Овадиса в пьесе П. Маркиша «Семья Овадис», поставленной в 1937 г., и Тевье в спектакле «Тевье молочник», поставленной по Шолом-Алейхему в 1938 году. Шолом-Алейхем больше, чем другой из еврейских классиков, наложил печать на актерское и режиссерское творчество Михоэlsa: инсценировки «Блуждающих звезд» или «Фрейлехс» проходили всегда с большим подъемом, вызывая восторги зрителей. По мнению того же Рудницкого, «труппа Еврейского Камерного Театра не блистала выдающимися актерскими талантами» и «рядом с Михоэлсом стоял один только

Зускин», его равноправный и постоянный партнер. Некоторые из критиков чрезвычайно высоко расценивали творческие данные Зускина...

После нападения нацистских полчищ на Россию в 1941 году, Соломон Михоэлс включился в активную общественную работу. Он был избран председателем Еврейского Антифашистского Комитета. Вместе с поэтом И. Фефером он посетил Соед. Штаты Америки, Великобританию и некоторые другие страны в 1943 году с целью привлечь еврейское общественное мнение Запада в поддержку военных усилий СССР.

По возвращении в Сов. Россию Михоэлс скоро убедился, что если театр, — как выражается в цитированной выше книге К. Рудницкий, — «в конце 30-х и в 40-ые годы испытывал сильное, угнетающее воздействие идеологии и практики культа личности», т. е. сталинской диктатуры и произвола, — то после войны этот режим единодержавия вновь с особой яростью обрушился на еврейскую интеллигенцию в Советском Союзе, — как на национально-настроенную, так и на ассимилированную.

Осенью 1948 года, когда началась полоса гонений на еврейское искусство и литературу, был закрыт Еврейский Камерный театр. С. Михоэлс погиб еще раньше: 13 января 1948 в Минске, куда он выехал в качестве представителя Комитета по государственным премиям. До сих пор не выяснены ни причины гибели, ни условия, в которых он погиб, ни подробности преступления. Тело Михоэлса было перевезено в Москву и 16 января состоялась гражданская панихида и затем похороны, на которых выступали с речами А. Фадеев, режиссер А. Таиров, еврейский поэт Фефер, соратник Михоэлса по еврейскому театру Зускин и др.

Во вступительной статье Рудницкого к книге «Михоэлс» (на стр. 53) мы находим сообщение, что спустя год после гибели Михоэлса погиб и другой из основных актеров Еврейского Камерного Театра: «Зускин был в 1949 году незаконно репрессирован и погиб (т. е. расстрелян) в 1952 году». И дальше: «Закрытие театра явилось «актом административного произвола периода культа личности»...

Так трагически закончилась судьба замечательного еврейского театра в Советской России. На совести коммунистической диктатуры лежит и гибель выдающихся еврейских актеров.

С тех пор уже скоро 20 лет, как еврейского театра в Советской России нет. Одно время, особенно в первый период после десталинизации, власть склонна была давать обещания вновь допустить издание еврейской газеты, существ-

вание еврейского театра, литературы, народной школы и пр. Но в атмосфере продолжающихся до сих пор дискриминаций и других проявлений антисемитизма, об этих обещаниях легко забывали.

II. «Г А Б И М А»

Первый театральный коллектив по имени «Габима» («Сцена»), дававший спектакли на иврит, возник в Белостоке в 1912 году. Основателем и руководителем «Габимы» был Наум Цемах, преподаватель иврит, человек неумной энергии, фанатик театра на языке Библии. Год спустя белостокская труппа демонстрировала свое искусство на 11-м сионистском конгрессе в Вене, поставив пьесу Осипа Дымова «Вечный Странник». Художественный успех был довольно большой, но материальные результаты — плачевны. Члены труппы задолжали в отелях и не имели средств на проезд в Белосток. Отправился туда один Цемах. Он собрал среди друзей кой-какую сумму и «выкупил» своих погоревших коллег-актеров.

Четыре года спустя в Москве — это было уже в дни февральской революции, — тот же Цемах сгруппировал вокруг себя семь одаренных юношей и девушек, снял помещение на Каменном Мосту, вывесил дощечку с надписью «Габима», и с этой группой начал студийную работу. Было нетопленно, сидели в шубах и валенках. Сквозь обледеневшие окна едва пробивался дневной свет. Охваченный мыслью создать в Москве театр на языке Библии, Цемах сумел не без труда раздобыть поддержку этой казавшейся утопической идее со стороны видных деятелей театра и литературы, в том числе К. С. Станиславского, Максима Горького и даже большевика А. Луначарского.

Скоро студийская группа Цемаха перекочевала в двухэтажный особняк, принадлежавший одному купцу на Нижней Кисловке № 6. Там же нашлись помещения для лекций и репетиций, и небольшой зал на 100-120 мест для будущих спектаклей.

Станиславский проявил горячую симпатию к необычному начинанию и согласился прочесть членам студии «Габимы» ряд лекций. Для дальнейшего обучения молодых энтузиастов актерскому искусству, Станиславский дал им одного из своих талантливых сотрудников по МХАТ'у, Е. Б. Вахтангова.

Среди первого состава студии «Габимы» небольшим сценическим опытом обладал только Цемах и отчасти Менахем Гнесин, который тоже был участником белостокской «Габимы», а также Давид Варди-Розенфельд, выступавший

с успехом по провинции с «вечерами юмора». Все остальные участники никогда раньше на сцене не выступали. Поэтому для первых сценических шагов этой молодежи Вахтангов наметил несколько одноактных пьес (Переца, Берковича и друг.). Этот сборный спектакль назвали «Нэшэф Берейшит» (Праздник начала). Он был сначала показан близким друзьям театра, затем и публике. Это было в 1918 году. Уже в этих одноактовых пьесах заблестал талант молодой Ханы Ровиной, которая вскоре прославилась, как одна из лучших актрис нашего времени. Скоро выяснилось, что в Цемахе заложены зачатки актера высокого класса. Восторг вызвала бурно-пламенная Шошана Авивит, которая, однако, вскоре покинула «Габиму». И другие — Гнесин, Варди, Мирьям Элиас, актриса с голосом чудесного тембра, Хаеле Гробер, имевшая сенсационный успех в «Попоте» Бергера, — все они оказались даровитыми, хотя еще весьма незрелыми актерами.

«Вскоре после первых успехов — пишет в своей книге «Габима» один из ее актеров, Бэн-Ари Райкин, перед театром встала дилемма. Ведь не только для чисто театральных достижений возникла «Габима», играющая на языке Библии. К чему надо было ей в большевистской Москве создавать театр на иврит? Ведь играть можно было на идиш или по русски. На театре на языке Библии лежит определенная национальная миссия». И руководители «Габимы» стали искать пьесу, в которой эта «национальная миссия» нашла бы свое выражение. Остановили выбор на пьесе «Вечный жид» Давида Пинского.

«Тема ожидания Мессии и образ Вечного Странника во многом — пишет Бэн-Ари — была созвучна настроениям тех взбаломученных дней, эпохи гражданской войны и еврейских погромов на Украине, где одно за другим стирались с лица земли местечки, в которых евреи проживали столетиями, создав свой традиционный быт и свои духовные ценности»...

Перед молодыми «габимовцами» была задача: создать спектакль, действие которого разыгрывается в Палестине, в первом столетии нашей эры — в дни разрушения Иерусалима и уничтожения еврейской государственности — спектакль, в котором, наряду с театральным оформлением подчеркивалась бы и национальная сторона трагических переживаний еврейства. Заболевшего Вахтангова заменил Мчеделов, также представитель школы Станиславского. Помимо усовершенствования актерской техники, нужно было помочь «Габиме» уловить своеобразие восточного ритма

и верный тон речи исторической эпохи, от которой нас отделяет свыше 1900 лет.

Этот спектакль «Габимы» мне пришлось видеть уже в Берлине, когда труппа «Габимы» приехала туда на гастроли. Это был очень красочный спектакль, в котором актеры в сцене на восточном базаре при продаже своих товаров пользовались напевом, построенном на кантелляционном чтении Торы. Ровина в ее плаче по разрушенному храму буквально потрясала зрителей.

После «Вечного Жида» вся театральная Москва заинтересовалась «Габимой». Когда Евсекция открыла поход против «Габимы», требуя закрытия театра, «националистического и анти-советского», Горький и Луначарский выступили в ее защиту. За подписями Станиславского, Немировича-Данченко, Шаляпина, Волконского и других знаменитых деятелей театра Ленину был отправлен меморандум, в котором было сказано:

— «Русское искусство в долгу перед евреями, которые в эпоху царизма, из-за безправия и притеснений, были лишены возможности развить свое национальное творчество. На высших ступенях художественное творчество общечеловечно, но оно не всегда коренится на собственной почве, и в своеобразии и многокрасочности художественных форм главное обаяние и притягательная сила искусства. Язык не может быть ни буржуазным, ни пролетарским, ни реакционным или прогрессивным. Язык — средство выражения человеческих мыслей. Нельзя заставить актера играть на языке, не созвучном его душе, не гармонирующем с персонажем, который актер воплощает. Важно, чтобы игра и сценическое воплощение нашли отклик в душах зрителя, и этого «Габима» достигает»...

Ленин сделал пометку на меморандуме, что надо «Габиме» дальше дать возможность существовать. Помогла и статья Горького, писавшего, что еврейский народ вправе гордиться «Габимой». Станиславский сказал, что «если не его седины, он стал бы изучать иврит», что «он счастлив, что внес свою скромную лепту и поддержал идею создания театра на этом чудесном языке».

После «Вечного Жида» труппа стала работать над постановкой «Дибук» С. Ан-ского в мастерском переводе Бялика. Прочтя по русски пьесу Ан-ского, Вахтангов пришел в восторг. Ан-ский свою пьесу первоначально написал по русски и предложил ее для постановки Московскому Художественному Театру. Станиславский, однако, считал, что актеры «Габимы» лучше передадут своеобразие «Дибук», чем актеры МХТ'а. Руководитель «Габимы» Цемах

приступил к постановке «Дибук». Но для этого пришлось увеличить состав труппы. Приняли новых 15 студийцев, которым был прочитан курс лекций по театру, которых обучали также иврит и ряду предметов, связанных с театральной техникой.

«Дибук» «Габимы» стал театральной сенсацией в мировом масштабе. На генеральной репетиции «Дибук» присутствовали Станиславский, Качалов, Москвин, Мейерхольд, Михаил Чехов, Шаляпин, Горький, Марк Шагал. Танец нищих во втором акте вызвал подлинную овацию. Но и после сенсационного успеха «Дибук» борьба евсекции против «Габимы» продолжалась. Еврейские коммунисты добивались закрытия театра, как «сионистского гнезда». Вопрос о судьбе «Габимы» неоднократно обсуждался на митингах, на которых, однако, число сторонников «Габимы» значительно превышало ее противников из евсекции и газеты «Эмес». На этих митингах неизменно выступал Нахум Цемах, ратовавший за право «Габимы» играть на языке Библии с его своеобразным ритмом и исключительной звуковой красочностью. Такие пьесы, как «Вечный Жид» — говорил он — на иврит звучат неизменно выразительнее, чем на любом другом языке. Иврит придает постановке особый, ни с чем несравнимый колорит.

В конце концов «Габима» победила и была возведена в ранг государственного театра.

Труппа «Габимы» с первых же дней существовала в форме коллектива. Не только все участники коллектива получали равные оклады. Но принцип коллективного участия в руководстве театром распространялся и на чисто художественную часть. Пьесы принимались голосованием членов коллектива. Роли распределялись между актерами не по признаку дарований, а исходя из абстрактного «права» каждого члена коллектива на участие в пьесе. Материальной стороной дела ведал Цемах.

Уход, а вскоре и смерть Вахтангова были для «Габимы» большим ударом. Он — пишет Бэн Ари — был для «Габимы» большим счастьем, и то, что он так рано ушел из жизни и оставил нас было истинным несчастьем. В «Дибук» «Габима», благодаря гению Вахтангова, была вознесена на театральные высоты, на которых ей было трудно удержаться. Пытались привлечь Мейерхольда, но это не удалось. «Габима» находилась в тупике. Не было ни художественного руководителя, не было и подходящей пьесы.

Поставили «Вечный Жид» в переработанном виде с музыкой Крейна и в декорациях Якулова. Пьесу ставил Мче-

делов. Ровина в роли матери Мессии имела огромный успех. В Ленинграде на гастролях «Вечный Жид» имел больший успех, чем «Дибук». Известный Аким Волинский, как и А. Кугель (редактор «Театра и искусства») высоко ценили «Габиму». Волинский писал, что «Габима» несет с собой в мир «благую весть о новом еврейском искусстве».

Следующей постановкой был «Голем» известного в Америке еврейского поэта Г. Лейвика, который ставил Вершилов из МХТ'а, еврей, уроженец Бессарабии, ученик Станиславского и Вахтангова. В «Големе» выдвинулись актеры Мескин и Чермеринский. Музыка к пьесе написал Мильнер. «Габима» перешла в новое здание в Армянском переулке, где зрительный зал уже был на 600 мест. Советский Государственный Художественный Комитет, после премьеры, наложил запрет на постановку «Голема», в которой фигурируют раввины, злые духи, Мессия. После переговоров внесли кой-какие изменения, и «Голем» был снова разрешен.

Следующей после «Голема» постановкой «Габимы» была пьеса «Сон Якова» Рихарда Бэра Гофмана с музыкой Мильнера и декорациями Фалька. Поставил пьесу режиссер МХТ'а Сушкевич. В этом спектакле выдвинулся как певец Изо Голанд, потом перешедший в берлинскую оперу.

Последней пьесой, которую «Габима» поставила в Советской России, был «Потоп» Бергера, в котором выделились комедийная актриса Хаеле Гробер, Барац, Шнейдер и Иткин. «Дибук» в Советской России выдержал всего свыше 300 спектаклей...

24-го января 1926 года труппа «Габимы» покинула Советскую Россию. Первые спектакли за границей состоялись в Риге, откуда началось турнэ по Европе и Америке, где труппа вскоре распалась. Распад был вызван целым рядом внутренних споров. Часть труппы осталась в Америке во главе с Цемахом. Другая часть с 1928 года осела в Тель-Авиве, где наряду с пьесами израильских авторов ставила также пьесы «бродвейского» жанра. Среди актеров «Габимы» Московского периода остались Ровина, Мескин, Бертонов и некоторые другие. Инициатор «Габимы» Нахум Цемах скончался в Нью Йорке в 1939 году.

Уже первое европейское турнэ «Габимы» в 1926 году принесло театру большую славу. По поводу представления «Дибук» в Мюнхене Томас Манн сказал, что «впечатление от этого спектакля никогда не изгладится из его памяти».

«Нью Йорк Таймс», после первого турнэ «Габимы» по Америке, писал, что «никакой театральный спектакль не

проявил столько оригинальности и дерзаний в выделении деталей, как спектакли «Габимы». Наши театры могут поучиться у «Габимы» искусству «оркестровки». Критик лондонского «Таймса» писал, что «режиссер, художник, композитор и актеры «Габимы» создали спектакли художественной цельности, редкой в театральной действительности».

«Сондей Пикчуриэл» в Лондоне писал: «На спектакле «Габимы» жалеешь, что не владеешь иврит. Это большое театральное событие; эмоциональная игра и художественная законченность «Габимы» достойна кисти Рембрандта».

В. АЛЕКСАНДРОВА

ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Евреи в советской литературе — многосторонняя тема: она обнимает вопрос и о евреях русских писателях, о степени их связанности с еврейством, и об отражении в их произведениях еврейского быта и судеб, и об изменении психики еврейства за годы революции; наконец, о вкладе писателей-евреев в русскую литературу советского периода.

При работе над этой темой один факт рано привлекает внимание исследователя: Февральская революция 1917 года, принеся евреям равноправие, развязала творческую энергию русского еврейства. Еврейской культурной жизни открылись возможности широкого развития, продолжавшегося в течение ряда лет и после удушения независимой еврейской общественности, — в условиях исключительного цензурного гнета и политики замалчивания еврейского вопроса. Из среды еврейства выдвинулось большое число людей в разных областях культурной жизни страны, в том числе и в современной русской литературе. Заметное участие евреев (Лев Лунц, Веньямин Каверин, Михаил Слонимский, Виктор Шкловский) сказалось уже в первые годы после октября: напр., в литературном содружестве «Серапионовы братья», явившемся как бы мостом от дореволюционной русской литературы к литературе советского периода.

В плане личной биографии участие в развитии русской художественной литературы сопровождалось у многих авторов-евреев известным отрывом от жизни русского еврейства. Тем не менее даже у таких писателей в душе сохранились воспоминания раннего детства, связанные с еврейским бытом. Илья Эренбург родился в Киеве, в зажиточной еврейской семье. Дед по матери был благочестивым стариком «с окладистой серебряной бородой»: «В его доме строго соблюдались все религиозные правила. В субботу нужно было отдыхать»... Когда будущему писателю было лет пять, его отец переехал в Москву. Но когда его мать

приезжала с маленьким сыном в гости к своему отцу в Киев, ребенок внимательно присматривался к деду. В своей автобиографии Эренбург рассказал, что на всю жизнь запомнил, как молился его дед и как он, «подражая ему», тоже молился, «покачиваясь, и нюхал из серебряной баночки гвоздику».

Очень хороши воспоминания С. Маршака «В начале жизни». («Новый мир», январь-февраль 1960 г.) о жизни в доме бабушки и дедушки. Писатель родился в Воронеже, но в детстве мать привезла его к своим родителям в Витебск. Здесь впервые маленький Маршак услышал на улице «певучую еврейскую речь, которой на воронежских улицах мы почти никогда не слышали». Запомнил мальчик, как по утрам молился дед или читал свои большие, толстые, в кожаных переплетах книги». Когда подошло время обучать ребенка грамоте, бабушка «осторожно предложил добавить» к занятиям древне-еврейский язык. После некоторого колебания, для этого был приглашен учитель, пожилой человек по фамилии Халамейзер.

Образ этого учителя — большая художественная удача Маршака. Халамейзер был худой, узкоплечий, с черной «курчаво-клочковатой бородкой» человек. Бабушка не очень жаловала его, так как он был из породы неудачников, но дедушка всегда встречал его «приветливо и уважительно», спрашивал о здоровье и предлагал закусить с дороги. Учитель всегда «даже как-то испуганно отказывался», уверяя, что он только что «сытно позавтракал». Маленький Маршак и его брат видели, что Халамейзер перед тем, как зайти, усаживался на лавочке у ворот их дома и, «развязав красный, в крупную горошину, платок, доставал оттуда лопот черного хлеба, одну-две луковицы, иногда огурец и всегда горсточку соли в чистой тряпочке». — Это и был его «завтрак». «Не знаю почему, — вспоминает Маршак, — мне было очень грустно смотреть, как он один сидит у наших ворот и, высоко подняв свои костлявые плечи, задумчиво жует хлеб с луком». В порыве налетевшей нежности он встречал учителя уже на самом пороге, но уроков, заданных Халамейзером, он все-таки не готовил. Тем не менее Халамейзер неизменно ставил ему «пятерку». «Я не слишком отчетливо запомнил то, что мы с ним проходили, — добавляет Маршак. — Зато сам он запечатлелся в моей памяти неизгладимо — весь целиком, со всей своей бедностью, терпением и добротой». И имя этого учителя — Халамейзер — он пронес сквозь всю свою жизнь.

Любопытно отметить, что и у поэта Осипа Мандель-

штама связь с еврейством нашла свое воплощение в образах дедушки и бабушки. Как-то в детстве семья из Петербурга отправилась на лето на Рижское взморье, сделал предварительную остановку в Риге, у рижских дедушки и бабушки. Образ дотоле незнакомого дедушки запечатлелся очень отчетливо: «Дедушка — голубоглазый старик в ермолке, закрывавшей наполовину лоб, с чертами важными и немного сановными, как бывает у очень почтенных евреев, улыбался, радовался, хотел быть ласковым, да не умел... Добрая бабушка, в черноволосой накладке на седых волосах... мелко-мелко семенила по скрипучим половицам и все хотела чем-нибудь угостить». Как-то, когда родители мальчика ушли в город, дедушка вытащил из ящика комода «черно-желтый шелковый платок, накинул мне его на плечи и заставил повторять за собой слова, составленные из незнакомых шумов, но, недовольный моим лепетом, рассердился, закачал неодобрительно головой...» (О. Мандельштам, «Хаос Иудейский», Собрание сочинений, Нью Йорк, Изд. имени Чехова, 1955 г.).

Только очень немногие писатели, даже этого старшего поколения, изучали в детстве древне-еврейский язык. Среди них надо упомянуть Исаака Бабеля и Владимира Билль-Белоцерковского. Бабель писал, что детство его — он родился в семье мелкого торговца — было бедное и трудное: «С утра до ночи ребенка заставляли заниматься ‘множеством наук’.» До шестнадцати лет он изучал еврейский язык, Библию и Талмуд. Наука эта, как покажут его произведения, не пропала для писателя даром.

Далеко не все биографии писателей старшего поколения изображают детство с той светлой умиленностью, какой пронизана автобиография Маршака. В качестве примера сошлюсь только на двух писателей: Билль-Белоцерковского и Эдуарда Багрицкого. Семья Билль-Белоцерковского (он родился в Александрии, Херсонской губ.) была бедная и многодетная (братьев и сестер было девять человек). Писатель помнит себя с пятилетнего возраста, с того дня, когда его отдали в «хедер». С утра до позднего вечера, зимой и летом, и всегда при закрытых окнах, учились здесь дети древне-еврейскому языку и проходили Талмуд. Учитель был почти садист и за каждый маленький проступок или просто из-за дурного настроения применял различные меры наказания, вплоть до порки ребенка тут же в классе... В пятнадцать лет будущий писатель, неожиданно для самого себя набравшись храбрости, сбегал из дому и вскоре очутился в Одессе; в порту он свел знакомство с тремя английскими матросами, согласившимися

спрятать его в угольном трюме парохода. Так Билль-Белоцерковский попал сначала в Англию, побывал в Австралии, в различных портах Южной Африки, шесть с половиной лет прожил в Соединенных Штатах. Кем только за эти годы странствий не пришлось быть будущему писателю — от окномоя до участника «голодного марша» безработных, пришедших из Лос-Анжелеса в Сан-Франциско...

Болезненно пережит был разрыв с еврейской средой одним из самых одаренных поэтов первых лет революции, Эдуардом Багрицким (псевдоним Эдуарда Дзюбина, родившегося в Одессе в 1895 г., умершего в Москве в 1934 г.). Он рано был захвачен настроениями бурного бунта против традиционного еврейского быта, характерными для многих еврейских подростков из мещанской среды, и ушел из семьи. Это нашло свое выражение в его стихотворении «Происхождение»:

Его опресноками иссушали,
Его свечой пытались обмануть.
К нему в упор придвинули скрижали,

Врата которые не распахнуть.
Еврейские павлины на обивке,
Еврейские скисающие сливки,

Костыль отца и матери чепец —
Все бормотало мне:
— Подлец! Подлец!

Несмотря на драматизм ухода из семьи Багрицкий унес из родительского дома, как это показало в будущем его творчество, — некоторые особенности нравственной настроенности еврейства, сказавшиеся впоследствии в его «Думе про Опанаса».

Менее сложно на первый взгляд встал вопрос о еврействе в более молодом поколении русских писателей-евреев. Маргарита Алигер или Евгений Долматовский были совсем крошками (оба родились в 1915 году), когда началась революция 1917 года, и вышли из среды ассимилированной еврейской интеллигенции. Внутренний мир этого поколения очень ярко отразила Маргарита Алигер в поэме «Твоя победа» (1945). Поэтесса мысленно беседует со своей матерью, эвакуированной в начале войны из Одессы в маленький городок на Каме:

Бой гремит, война ревет и стонет,
и, как легкий, высохший листок,
из родного дома ветром гонит
мать мою с заката на восток.
Вот каков он, городок на Каме.
На долго ли он стал твоей судьбой?
что же это гонится за нами?
кто ж такие, я с тобой?

Разжигая печь и руки грея,
наново устраиваясь жить,
мать моя сказала: 'Мы — евреи,
как ты смела это позабыть?'

Этот упрек матери дочь встречает краткой исповедью
своего поколения.

Да, я смела, понимаешь, смела.
Было так безоблачно вокруг.
Я об этом вспомнить не успела,
с детства было как-то недосуг.
Родины себе не выбирают,
начиная видеть и дышать,
родину на свете получают
непреложно, как отца и мать...

В этой поэме Алигер отразила мироощущение целого поколения писателей и поэтов еврейского происхождения (как уже упомянутый Долматовский или сын покончившего с собой Андрея Соболя — Марк Соболев и др.).

Когда присматриваешься к облику писателей еврейского происхождения, бросается в глаза интересная особенность: в зависимости от того, из какой части России пришел писатель в русскую литературу, ему присущ свой особый творческий и эмоциональный облик и свой тембр голоса. Наиболее многочисленна так называемая юго-западная группа писателей, пришедшая из Одессы, Крыма, Киева; некоторым из этой группы, как Исааку Бабелю, Эдуарду Багрицкому, Илье Сельвинскому, Ефиму Дорошу и др., удалось занять прочное место в советской литературе. Во всех этих писателях — у одних больше, у других меньше — довольно отчетливо чувствуется комплекс неполноценности, возникший еще в раннем детстве. Та же черта наблюдается у писателей из Западного края, менее значительных, на которых здесь поэтому можно не останавливаться. Особняком среди них стоит уроженец Режи-

цы Юрий Тынянов (1894-1943), рано выехавший из родного местечка, всю сознательную жизнь проживший в Петербурге-Ленинграде и совершенно растворившийся в среде русской интеллигенции. Он был автором серии исторических романов («Смерть Вазир Мухтара», «Кюхля», «Пушкин»), в которых еврейское происхождение автора не сказалось — и, может быть, даже и не могло сказаться — ни в какой мере.

Очень разнятся от этой группы те писатели, которые пришли с Урала и из Сибири, как Юрий Либединский, Джек Алтаузен, Иосиф Уткин, Рувим Фраерман, Виссарион Саянов и др. В своей автобиографии покойный Юрий Либединский писал, что хотя он и родился в Одессе, ему было два года, когда его отец переехал с семьей на Урал: «Всю жизнь благодарен я отцу и радуюсь тому, что Урал стал моей второй родиной». Очень часто, когда отец ездил по округу, добираясь до самых далеких, закинутых в глушь приисков, он брал с собой сына. Природа Урала и его обитатели оставили в душе мальчика неизгладимое впечатление: «Я рос в этом мире, точно в пушистом одеяле, *не отделяя себя от него* (курсив мой) и неосознанно радуясь ему. Это было то полное счастье раннего детства, когда закладываются основы душевного здоровья человека».

В этом случае, как и в свидетельстве М. Алигер, признание Либединского в какой-то степени приложимо и к другим писателям этой же группы. В частности, оно приложимо и в отношении писателей, группировавшихся в начале своей карьеры вокруг журнала «Сибирские огни», Иосифа Уткина (1903-1944 г.), сразу приобретшего известность «Повестью о рыжем Мотелэ, господине инспекторе, равнине Исайте и комиссаре Блох», Виссариона Саянова (род. в 1903 г.), автора книги «Фартовые годы», Джека Алтаузена (1906-1942 г.), автора поэмы «Первое поколение», Рувима Фраермана (род. 1891 г.), приобретшего известность романом «Дикая собака Динго или повесть о первой любви» и многих других.

Для всех писателей этой группы характерно какое-то чувство равноправной принадлежности к окружающему их миру и отсутствие того комплекса неполноценности, которым омрачены биографии выходцев из южных и западных частей России.

Среди писателей-евреев, коренных москвичей, необходимо в первую очередь назвать Бориса Пастернака (1890-1960). Давно стал москвичем и Илья Эренбург (род. в Киеве; 1891-1967), а среди петербуржцев-ленинградцев нужно прежде всего назвать поэта Осипа Мандельштама

(1891-1941?), родившегося, правда, в Варшаве, но детство и большую часть жизни прожившего в Петербурге. О Пастернаке, Мандельштаме и Бабеле речь впереди. К той же группе надо отнести Льва Лунца (1901-1924 г.), одного из талантливых теоретиков содружества «Серапионовы братья», Вениамина Каверина (род. в 1902 г. в Пскове, он рано перекочевал в Петербург, поступил в университет, связав свою судьбу с содружеством «Серапионовы братья»). Большой личный друг Лунца, Каверин в своем творчестве популяризовал многие любимые мысли покойного Лунца. Наконец, к ленинградской группе относятся коренные уроженцы столицы — поэт Павел Антокольский (род. в 1896 г.), внук знаменитого скульптора, Виктор Шкловский (род. в 1894 г.), сын еврея-выкреста, один из блестящих советских литературоведов.

Эти писатели москвичи и петербуржцы принадлежали к наиболее ассимилированному слою русско-еврейской интеллигенции и редко задумывались над своими отношениями с еврейством. Многие годы казалось, что связь с еврейством у них прервана, но потом в какой-то момент она вспыхивала, по-новому освещая душевную жизнь писателя. В качестве примера сошлюсь на Бориса Пастернака и на Виктора Шкловского.

В Шкловском, с детства далеко от жизни русского еврейства, еврей проснулся только во 2-ую мировую войну. Эта черта характерна для многих писателей и не писателей.

К серии образов евреев начала революции возвращает нас «Повестью о рыжем Мотелэ» поэт Иосиф Уткин (1894-1945). Хотя повесть грустная, она вместе с тем искрится радостным лукавством. Отец и дед Мотелэ были портными; в детстве Мотелэ мечтал об ученьи в «хедере», но судьба решила иначе: и он пошел по стопам отца и деда, стал портным. «И ставил он десять заплаток на один жилет». Несмотря на убогую жизнь, Мотелэ не унывает. Для него каждый дом — «своя родина, свой океан»:

И под каждой слабенькой крышей,
как она ни слаба, —
свое счастье,
свои мыши,
своя судьба...

По-разному складывается счастье: .

Мотелэ мечтает о курице,
а инспектор
курицу ест.

И так во всем: Мотелэ любит Риву, но у Ривы отец раввин. И он никогда не согласится отдать свою дочь замуж за Мотелэ. Новая жизнь улыбнулась Мотелэ в тот день, когда в первый раз в Кишиневе «пели не про царя».

Брюки,
жилетки, смейтесь!
Радуйтесь дню моему:
госпо-дин по-лиц-мейстер
сел в тюрьму.

Этот день в Кишиневе был

Молодым, как заря!
Первым, — когда в Кишиневе
пели не про царя!..

У Эдуарда Багрицкого еврейство представлено новым общественным типом, сложившимся в годы гражданской войны. Глубоким лиризмом овеян в поэме Эдуарда Багрицкого «Дума про Опанаса» образ комиссара Когана, павшего жертвой махновских банд. Коган был комиссаром продотряда, в котором служил Опанас; Опанас сбежал из отряда, мечтая вернуться к труду хлебопашца. Но у гражданской войны своя неумолимая логика: «Хлеборобом хочешь в поле, а идешь бандитом». Опанас попадает к махновцам. Махно велит выдать Опанасу шубу и прочую экипировку и вот:

Опанас глядит картиной
В папахе косматой,
Шуба с мертвого раввина
Под Гомелем снята...

Отряду Махно удается поймать комиссара Когана и Опанасу поручено его убить. Не по душе Опанасу это поручение: «Кровь — постылая обуза мужицкому сыну» и, оставшись с глазу на глаз с Коганом, Опанас предлагает ему: «утекай же в кукурузу — я выстрелю в спину», и если он, Опанас, промахнется, «разгуливай с Богом». Но, «оправляя окуляры», Коган отвечает: «Опанас, работай чисто, мушковой не моргая. Неудобно коммунисту бегать, как борзая!»

Коган показан здесь идейным, мужественным человеком, до конца преданным большевистской революции, без тени сомнения и критики. Таков же и Миндлов, заведующий военными курсами в повести Либединского «Комиссары»

(1925). Таковы же у писателей не-евреев руководитель партизанского отряда в Восточной Сибири Левинсон в «Разгроме» (1927) Александра Фадеева, политкомиссар Лейзеров в повести Всеволода Иванова «Хабу» (1927) и даже чекист Клейнер в повести Александра Аросева «Записки Терентия Забытого» (1921). Похожи в «Тихом Доне» Шолохова руководитель парткома Абрамсон и юная коммунистка-еврейка Анна Погудко, которую Абрамсон направляет к коммунисту Бунчуку, чтобы обучить ее пулеметному делу. Бунчук, узнав, что Анна — еврейка, говорит ей: Это хорошо, что она будет обучаться пулеметному делу; «за евреями упрочилась слава, и я знаю, что многие рабочие так думают — я ведь сам рабочий, — что евреи только направляют, а сами под огонь не идут. Это ошибочно, и ты блестящим образом опровергнешь это ошибочное мнение...»

Русская художественная литература очень богата произведениями, изображающими эпоху нэп'а, но в очень немногих из них показаны и евреи. Заслуживает быть отмеченным, что о нэп'е писали почти исключительно не-евреи. Среди русских писателей-евреев интерес к еврейству в обстановке нэп'а почти не нашел своего художественного выражения, за исключением одного явления — роста антисемитизма, о котором еще будет сказано особо. Среди заслуживающих внимания произведений стоит назвать, как относящиеся к периоду нэп'а, только два: «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» Эренбурга (1928) и «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова (1928), из которых Ильф — еврей.

Роман Эренбурга в сущности даже не о людях периода нэп'а: это фантастический роман с фантастическим героем. Но в романе чувствуется воздух конца периода гражданской войны и начала нэп'а. Роман вышел в Париже (хотя Эренбург тогда уже давно перестал быть эмигрантом) и никогда не был переиздан в Советском Союзе. Впоследствии во время разных выступлений Эренбурга — на вопрос кого-нибудь из слушателей об этом произведении он отвечал с явной неохотой. Но роман этот, согретый настоящим чувством симпатии к маленькому человеку, до сих пор сохранил свой интерес. В нем Эренбург попытался взглянуть на советскую действительность глазами робкого и забитого «мужеского портного» из Гомеля. Лазик думает, что когда по улице гуляет «стопроцентная история», рядовому

человеку не остается ничего другого, как лечь под колеса и умирать «с полным восторгом в глазах». Он против такого, как он выражается, «китайского дважды два», но его попытки протеста терпят сплошные неудачи, и его самого за эти попытки часто сажают в тюрьму. Вот и кочует Лазик из страны в страну, из тюрьмы в тюрьму в поисках маленького счастья, пока не убеждается в том, что счастье только отсталое слово в могучем языке. Смертельно усталый, он добирается до Палестины и оказывается у могилы Рахили. Могилу охраняет сторож, и он не подпускает к ней Лазика. Но тут робкому Лазику удается побороть свое смирение — он объясняет сторожу, что ему надо перед смертью «подумать», и Бог не будет за это на него сердиться. Для иллюстрации Божьего отношения Лазик рассказывает сторожу историю о маленьком мальчике Иоське и его дудочке.

Отец взял пятилетнего Иоську с собой в Иом-Кипур в синагогу. Мальчику скоро наскучили молитвы, и он вспомнил о дудочке, которую мать принесла ему с базара. Он вытащил ее и стал посвистывать. Кругом зашикали. Но Иоська продолжал свистеть на своей дудочке. И тут случилось чудо: Бог, до тех пор разгневанный, вдруг улыбнулся, и молящиеся вздохнули обрадованно: значит, Бог услышал молитву цадика и простит их. Они бросились благодарить цадика за то, что он хорошо молился за них. Но цадик объяснил им, что Бог услышал не его молитвы, а жестяную дудочку Иоськи, дувшего в нее «от всего детского сердца», и это смягчило Бога... В 1960 г. в своих воспоминаниях Эренбург рассказал, что история с Иоськой является старинной хасидской легендой, которую ему рассказал не то знакомый писатель Варшавский, не то художник, с которым он встретился в Париже.

«Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова — произведение совсем иного типа. Это юмористический, полу-сатирический роман о похождениях «великого комбинатора» Остапа Бендера, который разыскивает двенадцать стульев, так как в одном из них были спрятаны в тревожные годы гражданской войны фамильные драгоценности сотрудника ЗАГС'а Воробьянинова, в прошлом крупного помещика и предводителя дворянства. Воробьянинов и Бендер колесят по России в поисках драгоценных стульев. Однако в занимательном рассказе об их похождениях в сущности нет ничего, что говорило бы о жизни еврейства тех лет, кроме образа самого Бендера, никогда не унывающего, находчивого, нагловатого и в то же время как-то располагающего к себе типичного представителя веселой Одессы.

Стоит упомянуть в этой связи в качестве образца рус-

ско-еврейской юмористики другое, значительно более позднее произведение трех еврейских авторов — пьесу братьев Тур и Шейнина «Неравный брак» (1940). Действие пьесы относится к раннему периоду индустриализации, и оно разворачивается в маленьком еврейском местечке, в котором, как в годы нэп'а, новый быт еще борется с пережитками традиционного местечкового быта. В Нью-Йорке умер миллионер Шпигельглез. Все свое богатство он оставил сыну Яше при условии, что тот поедет в Россию, в местечко Пуховичи (откуда родом был покойный) и там найдет себе невесту. Яша отправляется в Пуховичи; но старое местечко давно исчезло, на его месте колхоз; бывший шадхн Эфроим давно переменял профессию — стал бухгалтером в колхозе; старая профессия в упадке, да Эфроим и боится «проработки в месткоме». Вообще в шадхене никто не нуждается: «сплошная самодетельность»...

В произведениях писателей не-евреев, изображавших жизнь периода нэп'а, евреи не занимают сколько-нибудь заметного места. В свое время, правда, обратили на себя внимание под этим углом зрения романы Сергея Малашкина «Луна с правой стороны» (1926) и Михаила Чумандрина «Фабрика Рабле» (1929). Но они уже давно утратили всякое значение. Интереснее написанный значительно позже «Сентиментальный роман» Веры Пановой (1958). На нем стоит остановиться.

Пожилый, занимающий хорошее положение в Москве журналист Севастьянов, возвращаясь с кавказского курорта и проезжая через город своей юности, сходит с поезда, чтобы побродить по местам, где столько было пережито. В панораме его воспоминаний встает его ближайший друг Семка Городницкий, выросший в буржуазной семье и рвавшийся из нее. Старший его брат Илья ушел из дома еще гимназистом и стал большевиком. Севастьянов вспоминает, как на еврейскую пасху ребята всей компанией нагрянули к Семке. «Семка рад был подкормить товарищей; и в то же время страдал, что у него, безбожника, в доме пасхальная еда на столе». Мачеха Семки «подкладывала ребятам то фаршированной рыбы, то мяса, то сладкой подливки. Перед каждым стояла салфетка, как маленький снежный сугроб. Никто из ребят не притронулся к этим голубоватым блестящим холмикам... Семка яростно щурился, ничего не ел, и его горбоносое длинное лицо, искаженное отвращением, говорило: 'Я не выбирал себе отца. Я не фаршировал рыбу... И вообще я повешусь'.» Семка вскоре ушел из дому, поселился в убогой комнате с Севастьяновым («Никакого буржуазного обрастания!»), находит какой-то жалкий зарабо-

ток, горит на комсомольской работе, заболевает чахоткой, но о возвращении домой не хочет и слышать. Перед читателем встает привлекательный образ самоотверженного юноши. Но не без теплоты показаны и образ несколько самоуверенного Ильи, назначенного в родной город на должность губернского прокурора, и даже образ отца Городницкого, — но чтобы не портить биографий сыновей, — отказывающегося участвовать в каком-то коммерческом деле и поступающего — при содействии Ильи — на должность товароведа в советское учреждение.

Годы гражданской войны ознаменовались чрезвычайным обострением проблемы антисемитизма. Почти по всему югу и юго-западу прокатилась волна страшных еврейских погромов, местами принявших резко антисоветский характер. Революционная власть пыталась бороться с антисемитизмом, но после гражданской войны антисемитские настроения начали все шире прорываться в быту почти повсеместно, захватывая слои населения, до революции остававшиеся свободными от этих настроений. Каково было отражение этого в литературе?

Первым значительным произведением русской литературы периода революции, в котором очень остро была поставлена проблема антисемитизма, были «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» Ильи Эренбурга (книга вышла в Париже в 1921 и в Москве в 1922 году). Это не роман и не повесть, а своеобразное сатирическое морально-философское произведение, облеченное в художественную форму бесед «Учителя» с его «учениками». «Пророчеству Учителя о судьбах иудейского племени» посвящена лишь одна глава этой книги (из 35), но она производит сильное впечатление.

Навеянные сообщениями о погромах на юге России, но о них даже не упоминающие страницы эти поражают необыкновенной прозорливостью автора. Вот объявление, которое — за двадцать лет до Треблинки и Освенцима — «Учитель» просит одного из «учеников» отнести в типографию:

В недалеком будущем
состоятся торжественные сеансы
УНИЧТОЖЕНИЯ ИУДЕЙСКОГО ПЛЕМЕНИ
В БУДАПЕШТЕ, КИЕВЕ, ЯФФЕ, АЛЖИРЕ
и во многих других местах.

В программу войдут, кроме
излюбленных уважаемой публикой традиционных
ПОГРОМОВ,

также реставрированные в духе эпохи: сожжение иудеев,
закапывание оных живьем в землю,
опрыскивание полей иудейской кровью и новые приемы
«эвакуации», «очистки от подозрительных элементов»
и пр., и пр.

«Ученики» в ужасе; один из них возражает, что все это
немыслимо в двадцатом веке. Но «Учитель» непреклонен:
«Напрасно ты думаешь, что сие несовместимо. 'Очень скоро,
может, через два года, может, через пять лет ты убедишься
в обратном'». И он подкрепляет эту мысль «кратким экс-
курсом в историю», из которого я могу привести здесь толь-
ко первый отрывок.

«Когда в Египте Нил бастовал и начиналась засуха,
мудрецы вспоминали о существовании евреев, оных пригла-
шали, с молитвами резали и землю кровью свеженькой, ев-
рейской кропили: 'Да минует нас глад!' Конечно, это не
могло заменить ни дождя, ни разлившегося Нила, но все же
давало некоторое удовлетворение. Впрочем, и тогда были
люди осторожные, воззрений гуманных, говорившие, что за-
резать несколько евреев, разумеется, не вредно, но землю ок-
роплять их кровью не следует, ибо кровь сия ядовитая и да-
ет вместо хлеба белену».

Впечатлениями от происходивших на юге погромов
овеян рассказ Бабеля о погроме в Одессе в 1905 году. Но о
современных погромах, как это ни поразительно, в литера-
туре тех лет сохранилось, кажется, только одно воспомина-
ние и притом такое, которое трудно назвать антипогром-
ным. В 1924 году Борис Пильняк, вообще говоря, отнюдь
не реакционный писатель, написал рассказ «Ледоход», в ко-
тором как бы мимоходом бросил несколько замечаний о
погроме. Автор рассказывает о занятии отрядом «повстан-
цев» небольшого городка на Украине. Атаман отряда анар-
хист, но в отряде имеется и комиссар-коммунист и отряд
регулярно получает и читает «Известия». Но «жидов» ве-
шают и в городке устраивают погром:

«К утру в городке начался еврейский погром, всегда
страшный тем, что евреи, собираясь сотнями, начинают
выть страшнее сотни собак, когда собаки воют на луну, —
и гнусной традиционностью еврейских перин, застилающих
пухом по ветру улицы».

При этом автору, повидимому, даже и в голову не при-
ходило, что он глубоко увяз в болоте антисемитизма. И ког-

да через несколько лет ему был брошен (Горьким) публично упрек в антисемитизме — со ссылкой на только что цитированный рассказ, — он энергично протестовал против этого обвинения, ссылаясь, между прочим, — на свою еврейскую бабушку.*

Тема о погроме нашла освещение в советской литературе, но уже много позже, в романе «Как закалялась сталь» (1932) Николая Островского (1904-1936), выходца из рабочей среды, юность которого прошла в Шепетовке, в Подолии, не-еврея. Украинский городок весною 1919 года занимает банда, именующая себя петлюровцами, и сейчас же по городу разнеслись слухи о предстоящем погроме. «Заползли они и в еврейские домишки, маленькие, низенькие с косоглазыми оконцами, примостившиеся каким-то образом под грязным обрывом, идущим к реке». Через три дня действительно начался организованный грабёж евреев и погром. «Многим не забыть этих страшных двух ночей и трех дней. Сколько исковерканных, разорванных жизней, сколько юных голов, поседевших в эти кровавые часы, сколько пролито слез, и кто знает, были ли счастливее те, что остались жить с опустевшей душой, с нечеловеческой мукой о несмываемом позоре и издевательствах, с тоской, которую не передать, с тоской о невозвратно погибших близких. Безучастные ко всему, лежали по узким переулкам, судорожно запрокинув руки, юные, девичьи тела — истерзанные, замученные, согнутые».

Среди немногих произведений советской литературы, в которых тема антисемитизма выдвигается на первый план и которые в свое время привлекли к себе внимание читателей, нужно прежде всего назвать рассказ Михаила Козакова (1897-1954) «Человек, падающий ниц» (1928). Козаков родился на ст. Ромадан, Полтавской губернии, в семье еврей-служащего, и провел трудное детство (отец рано ослеп, и семья переехала к деду, тоже служащему). Уже первые произведения Козакова обратили на себя внимание хорошим знанием жизни местечек юга России. Фон одного из ранних рассказов Козакова «Абрам Нашатырь» (1926) — распадающийся быт еврейского городка, с характерными для Козакова лирическими отступлениями. Наибольшие споры вызвал названный выше рассказ «Человек, падающий ниц» — о скромном и робком еврейском портном Эли Рубановском, всю жизнь прожившем в одном из местечек Польши и на старости лет решившем переехать в Москву, где жи-

* См. у С. Шварца «Антисемитизм в Советском Союзе», Нью-Йорк, изд-во им. Чехова, 1952 г., стр. 38-39.

вет его сын Мирон, юрисконсульт в одном из советских учреждений. Жив еще и отец Эли, и три поколения Рубановских поселяются вместе. В доме, где они живут, дворник Никита почему-то не взлюбил Рубановских; раздражало Никиту даже то, что жив еще дед Рубановских — вот у него, у Никиты умерла дочь, а никому «не нужный» старик живет. Как-то Никита нашел котенка и отдал его Рубановским за двугривенный. Все у Рубановских привязались к кошечке. Эли называл ласково ее «кецелэ». Никита же называл кошку — «жидовкой» и перенес свое недружелюбие к Рубановским на кошечку. Однажды он поймал ее и повесил на заборе, предварительно размозжив ей голову. Показывая повешенную «кецелэ» кроткому старику Эли, он по неосторожности выдал себя, добавив: «Кусачая тварь была — словно бешеная!» и спрятал за спину перевязанную руку. На этот раз мягкий Эли — сын называл его «человеком, падающим ниц» — вознегодовал. Когда его сыну Мирону рассказали про эту историю, он разыскал Никиту и, не слушая его пьяных объяснений, избил его палкой.

Однако антисемитизм, да еще в оголенном виде, — очень редкий сюжет в советской литературе. Из писателей не-евреев об антисемитизме написал пьесу «Чудак» (1928) Александр Афиногенов (1904–1941). Действие пьесы происходит в небольшом городе на бумажной фабрике. Здесь работает девушка-еврейка Сима Мармер. Ее преследует антисемитски настроенный молодой рабочий, Васька Котов. Ему тайно симпатизируют несколько рабочих. Так как за Симу заступает заведующий расчетным отделом фабрики Борис Волгин, антисемитские элементы пустили по фабрике сплетню, будто Волгин сошелся с Симой. Доведенная до отчаяния, Сима кончает самоубийством. Об антисемитизме автор рассказывает в пьесе какой-то скороговоркой, явно боясь показать его в действии. В сущности о нем больше узнаешь только из жалобы Симы о том, что раньше ее один Васька травил, «а теперь от всей фабрики терплю, никто мимо не пройдет, чтобы не затронуть. В спальне подушку испачкали, на дворе водой облили, кофту разорвали; говорят, жида хороших людей изводят».

Говоря об откликах на антисемитизм в советской русской литературе, нельзя не отметить сцену, ярко описанную в «Докторе Живаго» (1958) Бориса Пастернака, хотя она относится к дореволюционному времени. Действие происходит где-то поблизости от фронта в 1916 г. Доктор Живаго и его друг Гордон проезжают верхом через прифронтовые деревни. В одной из них они становятся свидетелями тягостной сцены: Молодой казак при дружном хохоте окру-

жающих подбрасывает сверху медный пятак, заставляя старого седобородого еврея ловить его. Пятак, пролетая мимо его жалко растопыренных рук, падал в грязь. Старик нагибался за медяком, казак шлепал его при этом по заду, стоявшие хватались за бока «и стонали от хохота»... В этом и состояло «развлечение». Из противоположной хаты то и дело выбегала старуха, жена еврея, и протягивала к нему руки. «В окно хаты смотрели на дедушку и плакали две девочки». Живаго подозвал казака, выругал его и велел прекратить это глумление. Тот «с готовностью» ответил: «Слушаюсь, ваше благородие. Мы ведь не знамши, только так, для смеха».

После этого двое друзей продолжали свой путь молча. Первым прервал молчание доктор Живаго, рассказывая Гордону, сколько пришлось пережить страшного еврейству в этой войне, поскольку она происходит как раз в черте еврейской оседлости. «Противоречива самая ненависть к ним, ее основа», — сказал в заключение Живаго. — «Раздражает как раз то, что должно было бы трогать и располагать. Их бедность и скученность, их слабость и неспособность отражать удары. Непонятно. Тут что-то роковое...»

В обильном вкладе Эренбурга в современную русскую литературу можно найти много зарисовок евреев, но большинство их, как руководитель Кузбасстроя Шор («День второй», 1932) или портной Наум Альпер из Киева и его двое сыновей (роман «Буря», 1947) мало привносят нового в еврейскую тему. Но одно замечание Эренбурга в его Автобиографии, написанной для новейшей двухтомной книги «Советские писатели» (Москва. 1959 г.), представляется важным: «По-еврейски я не умею говорить, но о том, что я — еврей, мне неоднократно напоминали люди, которые, видимо, верят в особые свойства крови. Я не расист, никогда им не был, но покуда на свете водятся расисты, на вопрос о национальности я отвечаю: 'Еврей'...»

Начало первой пятилетки принесло мало изменений в трактовку еврейской темы. Ново было, пожалуй, только то, что за годы индустриализации и коллективизации все меньшее количество евреев в художественной беллетристике встречаются на руководящих постах. Директор Кузбасстроя в романе «День второй» Эренбурга — скорее исключение. В произведениях этого периода евреи чаще всего появляются в образе инженеров, как инженер Маргулиес в романе Валентина Катаева «Время, вперед!» Но это едва ли связано с изменением положения евреев в жизни. Не надо забы-

вать, что ускоренная индустриализация привела к появлению в социальном плане нового слоя в жизни советского общества — к росту ИТР (Инженерно-технических работников).

Евреи в советской литературе стали снова играть заметную роль с началом советско-германской войны. Из большого количества произведений, отразивших жизнь и переживания русского еврейства, надо в первую голову остановиться на рассказе Василия Гроссмана «Старый учитель» (1943). Вас. Гроссман в годы войны был одним из видных представителей среднего поколения писателей (он родился в Бердичеве в 1905 году). До войны евреи редко привлекали к себе интерес писателя. Война в этом смысле произвела на него такое же сильное впечатление, как на Маргариту Алигер и на других писателей и поэтов.

Действие рассказа «Старый учитель» происходит в маленьком городе накануне его оккупации немцами. Одно из главных действующих лиц рассказа, старый учитель, Борис Исаакович Розенталь, решил эвакуироваться, хотя почти уверен, что при его слабом здоровье и в его возрасте — а ему 82 года — он едва ли доберется до Урала. Уговаривающему его остаться доктору Вайнтраубу он говорит, что все-таки лучший выход «умереть на грязном полу грязной теплушки, сохраняя чувство своего человеческого достоинства, умереть в стране, где меня считают человеком». А доктор Вайнтрауб верит в то, что не может быть, чтобы немцы «культурный европейский народ» оказался бы «проводником средневекового мрака».

Из плана эвакуации ничего не выходит: город оказался «в мешке». Больше всего боялся старый учитель одного: что «народ», с которым он прожил всю свою жизнь, который он любит, которому верит, что «этот народ поддастся на темную, подлую провокацию». Двое — Яшка Михалюк и агроном — с того двора, где жил Борис Исаакович, увы, поддались этой провокации, а, может быть, были и прежде скрытыми антисемитами. Но большинство оправдало веру старого учителя. Нельзя забыть ни описания в этом рассказе расстрела евреев городка после занятия его немцами, ни мысли и чувств самого автора этого рассказа: «В страшные эти времена кровь, страдания и смерть никого не трогали, потрясала людей лишь любовь и доброта». Это «чудо доброты» показывает Катя, когда стоя перед вырытым рвом, в который сейчас упадут расстреливаемые люди, говорит учителю: «Учитель, не смотри в ту сторону, тебе будет страшно. — И она, как мать, закрыла ему глаза ладонями»...

Герой повести покойного Бориса Горбатова «Семья Тараса», старик Тарас, живет в городе, занятом немцами. Как-то около пепелища городского театра он столкнулся лицом к лицу с доктором Фишманом, лечившим всех его детей и внуков. По привычке он снял картуз, чтобы поздороваться с ним, но, увидя на рукаве доктора желтую повязку с черной звездой, он поклонился ему низко-низко, как никогда еще не кланялся. Поклон этот испугал доктора, он отпрянул в сторону «и инстинктивно закрылся рукой» и потом шопотом спросил Тараса: «Это вы мне... мне поклонились?» Тарас ответил: «Вам, Арон Давыдович, вам и мукам вашим...» Доктор хотел было начать вежливый разговор, «но вдруг что-то сдавило его горло, он взмахнул рукой и, вскрикнув: «'Спасибо вам, человек', — побежал прочь, не оглядываясь».

Мы мало знаем и о жизни евреев в неоккупированных частях России. Роман Вас. Ажаева «Далеко от Москвы», хотя и изображает парторга Михаила Яковлевича Залкинда и его жену Полину Михайловну, ничего специфически еврейского не вносит в повествование. Несколько больше мы узнаем о евреях, сражавшихся в рядах Красной армии, из «Фронтовых записей» (1943) покойного В. Ставского, уроженца Кубанской области; в «Записях» набросаны четыре портрета командиров из евреев. Наибольшее впечатление производит рассказ о командире взвода Розенблюме.

Сдержанным лиризмом овеян образ ученого востоковеда, записавшегося добровольцем в Московское ополчение, Константина Кунина в рассказах Виктора Шкловского «О разлуках и потерях» (1943).

Случайно в том же номере журнала «Знамя», где впервые был напечатан этот рассказ Шкловского, появилась и поэма Павла Антокольского «Сын», посвященная памяти сына поэта, Владимира Антокольского, убитого на фронте в июле 1942 года. Незадолго до конца войны убит был и сын Шкловского. Как известно, число евреев, сражавшихся на фронте или бывших партизанами, было очень велико. Тем не менее распространялось немало легенд о том, будто евреи всячески уклоняются от мобилизаций. Отмечаем реакцию на эту клевету в стихотворении неизвестного поэта, случайно дошедшем до Америки, начинающемся словами: «Евреи хлеба не сеют». Прочитую из него несколько, наиболее горьких, строк:

Евреи — люди лихие,
Они солдаты плохие;
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в райкопе.

Я все это слышал с детства,
И скоро совсем постарею,
И все никуда не деться
От крика: 'Евреи! Евреи!'

Редки, но все же зафиксированы некоторыми писателями и случаи более или менее полной ассимиляции евреев. Такой случай описан, например, в романе покойного Либединского «Гвардейцы» (1943).

Как известно, антисемитизм, обострившийся еще во время войны, не прекратился и после ее окончания. В художественной литературе сталинское «Дело врачей» нашло слабое отражение только в повести Эренбурга «Оттепель» (1956) — в переживаниях врача Веры Григорьевны Шерер и в антисемитской реплике Журавлева. Жена Журавлева, Лена, рассказала ему, как совершенно нечаянно глубоко задела Веру Григорьевну замечанием относительно поставленного ею диагноза. Лена была чрезвычайно расстроена тем, что нечаянно затронула такое болезненное место в душе Шерер, но ее муж, напротив, заявил, что хотя он не сомневается в том, что Шерер «хороший врач», но «чересчур доверять им нельзя, это бесспорно». А когда позже выяснилось, что весь задуманный процесс был неслыханной клеветой, муж Лены, «зевая», сказал ей: «Оказывается, они ни в чем не виноваты. Так что твоя Шерер зря расстраивалась...»

Из писателей не-евреев упоминание об этом процессе имеется только в поэме молодого поэта Евгения Евтушенко «Станция Зима» (1956), — будущего автора прославленного стихотворения «Бабий Яр» (1961 г.). В этой поэме поэт рассказывает, как после многолетнего отсутствия он поехал домой, как его расспрашивали родные и друзья о жизни в Москве. Особенно настойчивы были расспросы дяди Володи:

Сейчас любой с философами схож.
Такое время.

Думают в народе.

Где, что и как — не сразу разберешь.

Выходит, что врачи-то невиновны?

За что же так обидели людей?

Скандал на всю Европу безусловно...

★ ★ ★

Следует, хотя бы вкратце ответить на вопрос — что внесли писатели-евреи в развитие современной русской ли-

тературы? Ответить на этот вопрос можно, только отдав себе отчет в двух факторах пореволюционного литературного развития: один касается писателей, другой — читателей.

Дореволюционная литература конца XIX и начала XX столетия была в основном — столичной, по своим темам, по высокому художественному уровню, по резонансу в стране. На литературной окраине существовала другая литература — литература провинции. Только немногие писатели провинции пробивались в столицы. У обеих литератур был и свой контингент читателей.

После революции 1917 года эти обе литературы словно поменялись местами: на первый план выдвинулась литература революционной провинции с молодыми, дотоле неизвестными писателями, ее уроженцами. Появился и новый читатель — молодой, но литературно и эстетически неискушенный читатель. Мысленно обозревая литературную критику начала двадцатых годов, порой удивляешься: как много писалось и как живо дискутировались художественно слабая повесть Юрия Либединского «Неделя», или поэма Иосифа Уткина — «Повесть о рыжем Мотеле», или первые рассказы Лидии Сейфуллиной! И в то же время, — как слаб был отклик на творчество писателей и поэтов, успешных занять видное место в дореволюционной литературе. А между тем, среди них были такие выдающиеся художники слова, как А. Блок, А. Ахматова, Н. Гумилев, Ф. Сологуб, А. Белый. Видные места в этом блестящем созвездии занимали Осип Мандельштам и Борис Пастернак. Был у них и свой, правда, узкий круг читателей...

Вместе с Гумилевым Осип Эмильевич Мандельштам был основателем школы «акмеистов», которая, по мнению многих литературных критиков, была своеобразной формой неоклассицизма. Ближе других к духу классицизма было творчество Мандельштама, и думается, что прав был Владимир Марков, заявивший в предисловии к антологии «Приглушенные голоса» (Поэзия за железным занавесом, Изд-во им. Чехова, Нью Йорк, 1952 г.), что если классицизму суждено сыграть в дальнейшем развитии русской поэзии роль отправной точки, то Мандельштам «будет тем звеном разорванной цепи, за которое надо будет ухватиться».

Мандельштам стал печататься в 1909 году, сотрудничал в «Аполлоне». Первая книга его стихов вышла в 1913 г. В Советской России в 30-х годах поэт стал жертвой репрессий, подвергался ссылке и может быть был в концлагере, где нашел свою преждевременную смерть в 50-тилетнем возрасте,

В своем творчестве Мандельштам касается не злобы дня, но, по его выражению, «духовного времени». «Шум времени» явственно присутствует в его поэзии. Достаточно процитировать две строки из стихотворения «Прославим, братья, сумерки свободы —», чтобы услышать голос задыхавшихся в тоске по свободе современников первых лет революции, с их обостренным предчувствием гибели:

В ком сердце есть, тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет...

Изумительно передал Мандельштам душу уроженца Петербурга начальных лет Октябрьской революции, когда город умирал от голода и казался не только покинутым властью, переехавшей в Москву, но вообще доживавшим последние дни:

На страшной высоте блуждающий огонь,
Но разве так звезда мерцает?
Прозрачная звезда, блуждающий огонь,
Твой брат, Петрополь, умирает...

Критики первых лет революции не могли приять Мандельштама, но все же признавали за ним большую «поэтическую культуру» и относили его к разряду самых «выскакательных художников». Теперь поэт, имевший при жизни мало читателей, посмертно как бы переживает «второе рождение», и круг его читателей и ценителей все растет. Вероятно, эта посмертная популярность поэта объясняется не только тем, что теперь читатель «дорос» до Мандельштама, но и тем, что он принадлежит к числу тех немногих, которые в своем творчестве не кривили душой, не льстили и не подлаживались к своему «веку», а порой судили его сурово (— «Век мой, зверь мой, кто сумеет заглянуть в твои зрачки»...)

Еще более трагично, чем у Мандельштама, сложилась судьба Бориса Пастернака, но в отличие от Мандельштама почти все произведения Пастернака (как стихи, так и проза) богаты автобиографическими деталями, так что будущий исследователь, идя по поэтическому следу Пастернака, сможет довольно полно восстановить образ этого замечательного художника слова в современной русской литературе.

Борис Леонидович Пастернак (1890-1960) вырос в семье известного художника Леонида Пастернака. Детство и юность его прошли в Москве. Он обучался музыке у Скря-

бина. Философию изучал в Марбурге у Германа Когена. В доме его отца бывал Лев Толстой. Первый сборник его стихов футуристического направления вышел в 1912 году. Расцвет его литературной деятельности совпал с годами революции в России. Наибольшую славу Борис Пастернак приобрел в последние годы жизни, когда его роман «Доктор Живаго», не допущенный к изданию в Советской России, вышел по русски за-границей и был увенчан Нобелевской премией 1958-го года. Свистопляска и травля поэта, поднятая официальными, правительственными и писательскими кругами в Советской России, побудила его отказаться от премии и от поездки для получения ее и, надо считать, отравила последние месяцы его жизни, если не ускорила его смерть, последовавшую в 1960 году в возрасте 70 лет. Весь мир, затаив дыхание, следил за драматическими событиями в Переделкине под Москвой, где жил и умирал знаменитый русский поэт и романист.

Поэт, прозаик, переводчик — во всех областях литературы, в которых проявил себя Пастернак, он оставил глубокий след. Его влияние на новейшую русскую поэзию до недавнего времени не оспаривалось даже многими советскими критиками. Хотя своей мировой известностью Пастернак обязан роману «Доктор Живаго», в основе своей Пастернак был больше всего «дома» в поэзии. Его смерть завершила лирическую традицию в русской поэзии, украшенную именами Тютчева (к которому близки по восприятию мира некоторые стихи Пастернака, хотя бы его «И через дорогу за тын перейти нельзя, не топча мироздания»), Владимира Соловьева и его старшего современника — Александра Блока.

Официальное признание пришло к Пастернаку только в первой половине тридцатых годов, когда на 1-ом Всесоюзном съезде писателей 1934 года Н. И. Бухарин в докладе о современной советской поэзии назвал его имя, как одного из самых выдающихся современных поэтов. Но и после этого признания советские критики сохраняли к нему холодок, пользуясь всяким случаем, чтобы обвинить его в «несозвучности своей эпохе», в «индивидуализме» и «камерности» его творчества... Во время чистки 1946-8 гг. Пастернак попал в число поэтов, подвергшихся травле и был обречен заниматься переводами. Надо сказать и в этой области поэт обнаружил исключительное мастерство. Его переводы пьес Шекспира, «Фауста» Гете и др. выдвинули его в первые ряды русских переводчиков.

Но в центре его творчества последних лет жизни нахо-

дится, разумеется, «Доктор Живаго», в котором Пастернак выступает и как прозаик, и как поэт.

По своему существу роман «Доктор Живаго» — исповедь поколения интеллигенции, не сыгравшего активной роли ни в революции 1905 года, ни в революции 1917 года. Мысль о таком произведении возникла у Пастернака очень давно. С этой стороны интересно признание Пастернака-Живаго, что еще в ранней юности он мечтал написать книгу о жизни, обо всем том, взрывчатом, что возникло в ней и над чем он так много думал. Но в пору возникновения этого намерения, он был еще слишком молод и поэтому он тогда стал писать стихи. При этом он сам себе напоминал художника, делающего наброски для большого полотна...

С первых же страниц этой эпопеи в прозе читателя захватывает, — говоря словами Пушкина, — «безоглядная даль» романа. Он начинается описанием похорон матери будущего доктора Живаго. На фоне истории нескольких семейств, связанных друг с другом родством и долголетней дружбой или близкими к матери Юры Живаго, проходит жизнь трех поколений русской интеллигенции. Но становой хребет произведения составляет история того поколения, представители которого были еще подростками в революцию 1905 года, и у которых молодость совпала с первой мировой войной и революцией 1917 года. Эпопея заканчивается описанием смерти доктора Живаго в 1929 году, но к нему имеется еще послесловие, в котором рассказывается о жизни некоторых близких Живаго друзей юности. В конце приложены стихи, найденные в бумагах покойного Юрия Андреевича.

Большое влияние на развитие Юры Живаго оказал его дядя — брат матери, Николай Веденяпин. Веденяпина отталкивала всякая «стадность», она казалась ему «прибежищем неодаренности» и для него было несущественно, — клянутся ли люди «именем Владимира Соловьева, Канта или Маркса». Главное в человеке для него, как позже и для доктора Живаго и друга его жизни Лары, — «идея свободной личности» и «идея жизни как жертвы». После октябрьской революции единственным счастливым событием для Живаго была его встреча с этим другом жизни. Больше чем их взаимное чувство радовала обоих «общность душ». Их объединяла пропасть, отделявшая их от остального мира. «Им обоим было одинаково немило все фатально типическое в современном человеке, его заученная восторженность, крикливая приподнятость и та смертная бескрылость, которую так старательно распространяют неисчислимые работники

науки и искусств для того, чтобы гениальность продолжала оставаться большой редкостью».

В разговоре о причинах распада семейной жизни, Лару удивил этот вопрос: ей этот распад понятен, он начался с распада всего быта после октябрьского переворота. «Все пошло прахом вместе с переворотом. Осталась одна необытовая, неприложенная сила голой, до нитки обобранной душевности, для которой ничего не изменилось, потому что она все время зябла, дрожала и тянулась к ближайшей рядом, такой же обнаженной и одинокой. Мы с тобой, как два первых человека Адам и Ева, которым нечем было прикрыться в начале мира и мы теперь так же раздеты и бездомны в конце его...».

Незадолго до смерти Живаго встретился с друзьями юности (Гордоном и Дудоровым), недавно вернувшись из концентрационного лагеря; оба — особенно Дудоров — производят на него тягостное впечатление, пытаясь смягчить свои рассказы о пережитом. Про себя Живаго думает, что «несвободный человек всегда идеализирует свою неволю». Но он попрежнему живет одинокой и непримиренной жизнью и больше всего не выносит своеобразного политического мистицизма советской интеллигенции, то, что тогда называли ‘духовным потолком эпохи’».

Роман не кончается смертью главного героя. В бумагах покойного обнаружены были стихи, явившиеся эпилогом к роману. Здесь замечательное стихотворение «Гамлет», из которого приводим две строфы:

... На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю Твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Непередаваемо скорбно звучит финальный аккорд этих стихов об одиночестве Гамлета, об окружающем его «фарисействе». Эту ноту скорби не может смягчить ощущение близящихся перемен, чувство свободы, которое впервые за многие десятилетия стало носиться в послевоенном воздухе. Именно этот голос духовной свободы, раздавшийся в Советской России, был услышан и оценен на Западе, где

«Доктор Живаго» был переведен на все важнейшие языки мира и разошелся во многих сотнях тысяч экземпляров.

Самым «еврейским» среди русских писателей, не только по количеству произведений, в которых героями выступают евреи, но и по наиболее глубокому воплощению существа нравственной культуры еврейства был уроженец Одессы, Исаак Эммануилович Бабель (1894–1941), автор «Конармии» и «Одесских рассказов». В рассказе «Начало» (он включен в однотомник «Избранное», изданный посмертно в 1957 г.), в котором Бабель рассказывает о начале своей литературной биографии. В 1915 году он приехал в Петербург. К тому времени он уже начал писать, но его нигде не печатали. Тогда он обратился в журнал «Летопись», издававшийся Горьким. Горький принял два его рассказа — «Мама, Римма и Алла» и «Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна». Первый рассказ еще слаб, но во втором читатель уже чувствует будущего большого писателя.

После первого дебюта в «Летописи» Бабель стал писать с азартом, но Горький не был удовлетворен этими рассказами и в конце концов посоветовал ему пока перестать писать и пойти «в люди». Только через семь лет Бабель вновь вернулся к литературе. На этот раз Бабель пришел с серией рассказов «Конармия», принесшей с собой ему большую литературную славу.

Евреи в революции показаны в трех рассказах этой книги: «Рабби», «Гедали» и «Сын рабби». Самым глубоким из этих трех является рассказ «Гедали». Гедали — владелец лавки старых вещей на Житомирском базаре; его лавка воскрешает в памяти Диккенса: чего в ней только нет — золоченные туфли и корабельные канаты, старинный компас, чучело орла и сломанная кастрюля. Канун субботы, и Гедали собирается закрыть лавку, чтобы отправиться в синагогу. В это время рассказчик, от имени которого ведется эта коротенькая новелла, заходит к Гедали. Речь заходит о революции. Гедали — за революцию, но однажды к нему пришел человек из революции и потребовал у Гедали, чтобы тот отдал ему граммофон. Когда Гедали отказался, он стал грозить, что будет стрелять в него. Рассказчик на стороне угрожавшего. Тогда Гедали высказывает рассказчику свою оценку происходящих событий.

— «...Поляк стрелял, мой ласковый пан, потому что он — контрреволюция. Вы стреляете потому, что вы —

революция... Революция — это хорошее дело хороших людей. Но хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди... Кто же скажет Гедали, где революция и где контрреволюция?»

В небе показалась первая звезда, и Гедали заспешил. «Пане товарищ, — привезите в Житомир немножко хороших людей... Привезите добрых людей, и мы отдадим им все граммофоны... Мы знаем, что такое Интернационал. И я хочу Интернационала добрых людей...» Но собеседник Гедали просвещает его, что Интернационал «кушают с порохом и приправляют лучшей кровью»... Наступает вечер пятницы, и рассказчик спрашивает Гедали, где тут можно раздобыть «еврейский коржик» по случаю праздника и стакан чаю? Гедали грустно отвечает, что все это раньше можно было получить в харчевне рядом, в ней торговали хорошие люди, «но там уже не кушают, там плачут». Застегнув свой зеленый сюртук и обмахнув себя петушиными перьями, «основатель несбыточного Интернационала» — крохотный, одинокий, мечтательный, в черном цилиндре, с большим молитвенником подмышкой, ушел в синагогу молиться.

Не уступают «Конармии» по художественному совершенству и «Одесские рассказы» Бабеля. Героем многих из них является «король Молдаванки» Беня Крик — русско-еврейский вариант легендарного английского разбойника XII века Робин Худа — грозы богачей и друга бедняков. Несколько особняком в этой серии «Одесских рассказов» стоит «История моей голубятни» с незабываемым по своей силе изображением погрома в Одессе в 1905 году...

В период ежевщины Бабель был арестован. В 1958 году в связи с его т. н. посмертной «реабилитацией» появилось следующее сообщение: «В 1939 году Бабель был по ложному доносу арестован. Рукописей его неопубликованных произведений не было найдено. Бабель скончался в 1941 году в возрасте 47 лет».

Размышляя над вкладом, внесенным в русскую литературу советского периода писателями-евреями, нужно в первую очередь выделить весьма характерную в их творчестве гуманистическую тенденцию. Она особенно чувствуется в произведениях старшего поколения, как С. Маршак, И. Бабель, Б. Пастернак и др., но она дает о себе знать и в творчестве писателей, появившихся на авансцене и в первый период после октябрьского переворота. Было бы ошибкой считать, что гуманистическая струя, которую писатели-евреи внесли в советскую литературу, является только данью исконной традиции русской классической челове-

колюбивой и правдолюбивой литературы. Истоки еврейского гуманизма надо искать глубже: они скрыты в более древней гуманистической культуре еврейства. Вне зависимости от личных тяготений и литературных приемов писателей-евреев эти глубинные истоки наложили свою печать на их творчество, обогатив этим современную русскую литературу советского периода.

ОТ РЕДАКЦИИ. Автор настоящей статьи Вера Александровна Шварц скончалась 1 октября 1966 года. Мы считаем нужным отметить к сведению читателей, что ее перу принадлежит вышедшая в 1963 году на английском языке книга "A History of Soviet Literature (1917—1962) — From Gorky to Yevtushenko" (Doubleday & Company, New York), вызвавшая ряд положительных отзывов в печати.

ЕВРЕИ-УЧЕНЫЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

До революции русские евреи, вследствие процентной нормы, могли только в ограниченной степени поступать в средние и высшие школы. Евреев, получивших в России или за границей высшее образование, — за весьма немногими исключениями, — не допускали к преподаванию в университетах и гимназиях и к работе в Академии и в других учебных институтах.

Постановление Временного Правительства от 20 марта 1917 года отменило все направленные против евреев “ограничения в отношении поступления в учебные заведения всякого рода и наименования, как частные, так и общественные и правительственные, прохождения в них курса, пользования стипендиями, а равно и занятия преподаванием и воспитанием юношества”. Таким образом, с самого начала Февральской революции 1917 года, русские евреи получили широкий доступ к образованию и к научной работе во всех формах.

Новая власть и после октябрьского переворота продолжала в этой области курс, установленный Временным Правительством. Таким образом с начала 1917 года для русских евреев открыта возможность заняться научной и педагогической деятельностью по всем специальностям. Во всех университетах и других высших учебных заведениях, в старых и вновь созданных научных учреждениях, в Академии Наук и в ее отделениях в национальных республиках, на профессорских кафедрах и в научных лабораториях — повсюду появились евреи — профессора и ученые. Многие из них занимают видные места и обогащают все отрасли знания своими трудами.

По переписи 1939 года, разработанной в отношении евреев статистиком Л. Зингером, в С.С.С.Р. числилось научных работников-евреев (профессоров и преподавателей высших учебных заведений) 7.000, инженеров, архитекторов и конструкторов — 25.000, агрономов — 1.000, врачей — 21.000, учителей в начальных и средних школах — 46.000.

По данным о числе учащихся за 1935-36 г., обучалось евреев в техникумах разного типа 32.000, а в высших учебных заведениях (“вузах”) — 62.000, т.-е. общее число евреев студентов достигало 94.000.

Последняя по времени перепись (1959 года) не сообщает сведений о профессиональном составе еврейского населения, ограничиваясь данными об “основных национальностях” союзных республик, — в число которых евреи не включены. Однако, можно допустить, что число научных работников, составлявшее по переписи 1939 года 7.000, увеличилось за протекшие до последней переписи 20 лет до 30.000 (эта цифра называлась в повседневной печати). В связи с ростом просвещения в стране непрерывно происходит и рост числа лиц свободных профессий среди евреев. Позиции еврейской интеллигенции в разных областях науки укрепило также и широкое распространение русского языка и культуры в еврейском населении России. Так, по переписи 1959 года из общего числа евреев в 2.161.702 показали русский язык, как свой родной, 1.671.361 (из них мужчин — 760.853 и женщин — 910.508). Широкое приобщение евреев к русской культуре облегчило доступ еврейской интеллигенции к преподавательской деятельности в высших учебных заведениях.

С осени 1948 года, при ликвидации большинства еврейских культурно-просветительных учреждений, кадры еврейской интеллигенции потерпели значительный урон. Борьба с “космополитами” в 1949-51 г.г. и рост советского антисемитизма, направляемого сверху, печально отразились на судьбе многих научных работников-евреев. Среди многочисленных арестованных были профессора и ученые. Фактически при приеме евреев в университеты стала применяться процентная норма.

После смерти Сталина в 1953 году советский антисемитизм и практика дискриминации не ослабели, но все же среди советских деятелей науки, академиков и профессоров число евреев продолжает оставаться весьма значительным. Это показывают данные за 1964 год. В этом году не мало евреев, выдвинувшихся в советской науке, получило ленинскую премию.* Это также сказалось на выборах новых членов Академии Наук и членов-корреспондентов Академии Наук. Нет сомнения в том, что среди еврейской интеллигенции в России имеются высоко квалифицированные кад-

---

* Данные о евреях-ученых, получивших ленинскую премию в следующие годы, читатель найдет в статье Л. М. Шапиро «Евреи после Сталина».

ры, находящие себе применение в громадной работе по индустриализации народного хозяйства, и что среди них выдвинулись научные деятели, которые могли бы явиться украшением любого научного коллектива.

Нам удалось, благодаря ценному содействию проживающих в Соединенных Штатах известных ученых Евгения Рабиновича, Иосифа Бикермана и других, собрать био-библиографический материал о получивших наибольшую известность в Советской России евреях, выдвинувшихся в своей исследовательской, научной и педагогической деятельности (главным образом, в области математики, физики, химии, биологии, электроники и т. д.). Этот материал касается работы ученых в области точных наук и естествознания.

Еврей-философы, историки, экономисты, юристы и представители других гуманитарных наук, которых имеется множество в каждой области, — как и не-евреи, работающие в этих областях в Советской России, — не располагают достаточной исследовательской свободой. Поэтому мы, к сожалению, не считаем возможным приводить аналогичный список имен евреев-ученых в этих областях знания. Мы считаем возможным упомянуть только два имени еврейских экономистов, а именно:

Иосифа Михайловича Кулишера, начавшего свою работу еще до революции, — автора известного труда по экономической истории Европы, переведенного на многие языки и принятого как учебное руководство в ряде европейских университетов, и

Евсея Г. Либермана, профессора Харьковского университета, идеи которого в последние годы имеют большое влияние на выработку экономических планов советского правительства. В американском журнале "Foreign Affairs" (за октябрь 1967) опубликована работа проф. Евсея Либермана об экономических реформах в Сов. России.

Само собою разумеется, что приводимые ниже сведения дают лишь самое общее представление по вопросу об участии евреев в научной работе.

Математики

Гельфанд, Израиль Мойсеевич, р. 1913 г., в 1951 г. получил сталинскую премию, с 1953 г. член-корреспондент АН СССР. Автор ряда исследований и работ.

Канторович, Леонид Виталиевич, р. 1912 г., с 1934 г. профессор Ленинградского университета, с 1940 г. также сотрудник ленинградского отделения Математического ин-

ститута АН СССР, с 1958 г. член-корреспондент АН СССР, лауреат сталинской премии (1949). Работы по теории функции действительного переменного, по электронным вычислительным машинам и др.

Крейн, Марк Григорьевич, р. 1907 г., профессор Одесского инженерно-строительного института, с 1939 г. член-корреспондент АН УССР. Опубликовал ряд исследований.

Люстерник, Лазарь Аронович, р. 1899 г. в Калишской губернии. Профессор Московского университета с 1930 г., член-корреспондент АН СССР с 1946 г. Главный организатор журнала УМН, лауреат сталинской премии (1946).

Шнирельман, Лев Генрихович (1905-1938). Был членом-корреспондентом АН СССР с 1933 г., сотрудником Математического института АН СССР с 1934 г. Развил топологические методы вариационного исчисления, создал общие метрические методы в теории чисел.

Астрономы, физики, химики

Браунштейн, Александр Евсеевич, р. в 1902 г., член Академии медицинских наук СССР с 1945 г., сотрудник Института биологической и медицинской химии, лауреат сталинской премии 1941 г. Открыл процесс ферментативного переаминирования аминокислот, важное значение которого в метаболизме было выяснено им самим и многочисленными зарубежными био-химиками.

Бродский, Александр Ильич, р. в 1895 г., член АН УССР с 1943 г., лауреат сталинской премии 1946 г. Заведует Институтом физической химии АН УССР. Автор исследований по термодинамике.

Векслер, Владимир Иосифович, р. в 1907 г., был в 1957 г. членом-корреспондентом АН СССР и сотрудником Объединенного Института Ядерных Проблем. Открыл принцип автофазировки частиц, которыми пользуются при контролируемом ускорении электронов и других элементарных частиц.

Вольфович, Семен Исаакович, родился в 1896 г., член АН СССР с 1946 г., профессор Московского университета. Получил в 1941 г. сталинскую премию за изобретение переработки ископаемых фосфатов азотной кислотой с получением удобрений, хлористых солей и редких земель. Главные книги: "Производство хлористого калия" (1930), "Переработка хибинских апатитов на удобрения" (1932), "Технология азотных удобрений" (1935).

Вул, Бенцион Моисеевич, получил в 1945 г. сталинскую

премию за открытие и исследование сверхвысокой диэлектрической проницаемости титаната бария.

Гинзбург, Виталий Лазаревич, р. в 1916 г., с 1953 г. член-корреспондент АН СССР. Профессор в Нижнем Новгороде. Изучал сегнето-электрические явления, сверхпроводимость, космические лучи и т. д.

Гольдман, Александр Генрихович, р. в 1884 г., член Украинской АН. Напечатал в 1934 г. по-украински книгу о теории фотоэлементов. Занимался также полупроводниками, теорией выпрямительных действий и пр.

Гринберг, Георгий Абрамович, р. в 1900 г., член-корреспондент АН СССР, сотрудник Физико-технического института АН СССР. Получил в 1949 г. сталинскую премию за книгу “Избранные вопросы математической теории электрических и магнитных явлений”. Общая теория фокусирующего действия электростатических и магнитных полей; новый метод интегрирования уравнений математической физики; процессы в электронных приборах; упругий изгиб тонкой плиты.

Гринберг, Александр Абрамович, р. в 1898 г., с 1958 г. член АН СССР, с 1936 г. профессор Технологического института в Ленинграде. Лауреат сталинской премии 1946 г. Открыл новый способ определения строения геометрических изомеров солей, создал стереохимию палладия, объяснил транс-эффект Черняева и указал на существование цис-эффекта. Книга: “Введение в химию комплексных соединений” (2-ое изд. 1951 г.).

Иоффе, Абрам Федорович, 1880-1960, был членом АН СССР с 1920 г., ее вице-президентом (1926-1929 и 1942-1945), директором Института полупроводников АН СССР (1955-1960) и т. д. Вступил в ряды коммунистической партии в 1942 г. Сделал, вероятно, больше, чем кто-либо, для организации русской физики и воспитания русских физиков. Основал Физико-технический институт АН СССР в 1923 г., институты того же имени в Харькове, Томске и Свердловске в 1929-1932 г., а позже институты химической физики, электрофизики и полупроводников. Был в разное время редактором журнала Прикладной физики, физической части Журнала Русского физико-химического общества, Журнала Экспериментальной и теоретической физики, Журнала Технической Физики и “Физики Твердого Тела”.

Ученики его занимают много кафедр в русских университетах; некоторые из них — знаменитости. Почетный член нескольких иностранных академий и научных обществ, почетный доктор нескольких университетов.

Идельсон, Наум Ильич, 1885-1951, старший научный сотрудник Пулковской обсерватории. Первый редактор "Астрономического Ежегодника СССР".

Кабачник, Мартын Израилевич, член АН СССР, сотрудник Института гегероорганических соединений АН СССР. Дал теорию тавтомерных превращений. Приготовил и исследовал ряд органических веществ, содержащих фосфор и получил за это сталинскую премию (1946 г.). Открыл ценные фосфор-органические инсектициды.

Казарновский, Исаак Абрамович, р. в 1890 г., член-корреспондент АН СССР с 1939 г., лауреат сталинской премии, сотрудник Карповского физико-химического института в Москве. Открыл новые перекиси и озониды щелочных металлов, выяснил их строение, выработал новую систематику перекисей. Разработал способы промышленного производства надперекиси натрия, безводного хлористого алюминия и т. д.

Ландау, Лев Давидович, родился в Баку 22 января 1908 г., в семье инженера, получил образование в Петербургском университете и затем работал с Нильсом Бором в Копенгагене. После возвращения в СССР провел несколько лет в Харькове, где был арестован во время сталинского террора и провел около года в тюрьме. В 1937 году стал главой теоретического отделения Института Физических Проблем Академии Наук СССР в Москве. Был избран академиком АН СССР в 1946 г.; получил в том же году сталинскую премию по физике.

В январе 1961 г. Ландау стал жертвой автомобильной катастрофы, был много месяцев без сознания, трижды пережил остановку сердца и клиническую смерть, и только медленно вернулся к жизни. С тех пор его способности восстановились, он стал опять интересоваться физикой и работами в своем институте.

Осенью 1962 г., когда ему была присуждена Нобелевская премия по физике, он все еще находился в госпитале, где премия была передана ему шведским послом.

Л. Д. Ландау (вместе с проф. З. М. Лифшицем) опубликовал многотомный курс теоретической физики, который переведен на главные иностранные языки и по нему учатся современной теоретической физике во всем мире. Главную славу, однако, принесли ему работы по теории "квантовой жидкости", т.-е. жидкости, температура которой настолько близка к абсолютному нулю, что ее частицы лишены тепловой энергии.

Другие работы Л. Д. Ландау касались свойства твер-

дых тел при низких температурах (в частности т. н. “фазовых переходов второго рода”). Затем, совместно с Абрикосовым, Померанчуком и Халатниковым, Ландау развил общую теорию “поля”, а в более позднее время Ландау создал теорию т. н. двухкомпонентного нейтрино.

Ландсберг, Григорий Самуилович, 1890-1957, академик с 1946 г., последние годы работал в Физическом институте АН СССР. Лауреат сталинской премии 1941 г. Открыл (совместно с Мандельштамом, 1931 г.) комбинационное рассеяние света, найденное также, одновременно и независимо, индусом Раманом, который был удостоен за свое открытие Нобелевской премии. Написал учебник оптики, редактировал трехтомный учебник физики, выпустил в 1956 году с сотрудниками книгу “Основные параметры спектров комбинационного рассеяния углеводов”.

Левич, Веньямин Григорьевич, р. в 1917 г., с 1958 г. член-корреспондент АН СССР, профессор Московского инженерно-физического института. Книга: “Физико-химическая гидродинамика” (1952).

Мандельштам, Леонид Исаакович, 1879-1944, академик, лауреат сталинской премии. Был исключен из Новороссийского университета в 1899 г., был профессором в Страсбурге (1913-1914) и в Москве (с 1925 г.). Список его главнейших достижений, напечатанный в “Известиях АН СССР” в 1945 году, гласит: “Открытие явления комбинационного рассеяния света, теория микроскопа, исследование флюктуационного рассеяния света, теория нелинейных колебаний, открытие новых видов резонанса и обобщение и углубление понятия резонанса, исследование распространения радиоволн, фундаментальные работы в области радиотехники, новая область техники — радиогеодезия, новый вид генерации электромагнитной энергии — параметрические машины”.

Монозон, Наум Абрамович, р. в 1913 г., лауреат сталинской премии (1949 и 1952) и ленинской премии в 1959 г. Член КП СССР с 1944 г. Сотрудник Научно-исследовательского института электрофизической аппаратуры, специалист по ускорению заряженных частиц.

Померанчук, Исаак Яковлевич, р. в 1913 г., член-корреспондент АН СССР с 1953 г., лауреат сталинской премии. Напечатал в сотрудничестве с А. Ахиезером книгу “Некоторые вопросы теории ядра”. Работы по физике низких температур, теории излучения, строению атомного ядра, космическим лучам и т. д.

Рабинович, Исаак Мойсеевич, р. в 1886 г., член-коррес-

пондент АН СССР, член Академии строительства и архитектуры, генерал-майор. Книги: "Применение теории конечных разностей к исследованию неразрезных балок" (1921), "Кинематический метод в строительной механике в связи с графической кинематикой и статикой плоских цепей" (1928), "К теории статически неопределенных форм" (1933), "Достижения строительной механики стержневых систем в СССР" (1949), (есть английский перевод), "Методы расчета рам" (1934-1937), "Основы динамического расчета сооружений на действие кратковременных и мгновенных сил" (1952), "Курс строительной механики стержневых систем" (1950-1954).

Рабинович, Адольф Иосифович, 1898-1942, член-корреспондент АН СССР с 1933 г., профессор Московского университета с 1930 г. Работы по коагуляции коллоидов электролитами и по механизму фотографического изображения.

Рогинский, Симон Залманович, р. в 1900 г., член-корреспондент АН СССР с 1939 г., сотрудник Института физической химии АН СССР. Книги: "Адсорбция и катализ на неоднородных поверхностях" (1948) и "Теоретические основы применения изотопных методов к изучению химических реакций".

Сыркин, Яков Кивович, р. в 1894 г., член-корреспондент АН СССР с 1943 г., профессор Московского института тонкой химической технологии. Лауреат сталинской премии 1943 г. Определение строения молекул главным образом с помощью их дипольных моментов, изотопное изучение механизма химических реакций. Его книга (с М. Е. Ляткиной) "Химическая связь и строение молекул" (1946) была переведена на английский язык и часто цитируется в Америке и Великобритании.

Талмуд, Давид Львович, р. в 1900 г., член-корреспондент АН СССР с 1943 г., член КПСС с 1940 г., лауреат сталинской премии (1943). Сотрудник Института биохимии АН СССР. Книги: "Поверхностные явления" (1934) и "Строение белка" (1940).

Талмуд, Израиль Львович, р. в 1902 г., директор Волховского алюминиевого завода. Получил в 1957 г. ленинскую премию за разработку и промышленное освоение метода комплексной переработки нефелинового сырья на глинозем, цемент и т. д.

Фрейдлина, Рахиль Хацкелевна, р. в 1906 г., член-корреспондент АН СССР с 1958 г., член КПСС с 1954 г. Заведует лабораторией в Институте элементоорганических со-

единений АН СССР. Книга: “Систематические методы в области химии органометаллических соединений мышьяка”.

Фрумкин, Александр Наумович, р. в 1895 г., член АН СССР с 1932 г., лауреат сталинской премии 1941 г., директор электрохимического института АН СССР. Один из выдающихся электрохимиков в мире. Выработал первый способ непосредственного измерения емкости двойного электрического слоя, объяснил воздействие нейтральных молекул на электрокапиллярную кривую, определил точки нулевого заряда для твердых металлов, выяснил механизм перенапряжения водорода и многочисленных электродных процессов. Значительная часть электрохимиков в СССР — его ученики. Биография вышла отдельной книжкой.

Френкель, Яков Ильич, 1894-1952, член-корреспондент АН СССР, в течение 30 лет преподавал теоретическую физику в Политехническом институте. Книги (некоторые из них были переведены на иностранные языки и вышли несколькими изданиями): “Учебник электродинамики”, “Статистическая физика”, “Волновая механика”, “Теория явлений атмосферного электричества”, “Введение в теорию металлов”, “Принципы теории атомных ядер”. Его книга “Кинетическая теория жидкостей” (1945) была удостоена сталинской премии. Его занимали квантовая теория электропроводности, ферромагнетизм, строение действительных твердых тел, деление ядер урана (как в ядерных бомбах) и т. д.

Штерн, Лина Соломоновна, р. в 1878 г., член АН СССР с 1930 г. и Академии медицинских наук с 1944 г., сотрудник института биологической физики АН СССР, член КПСС (1938). Работы о гемато-энцефалическом барьере были собраны в книге в 1937 г. и удостоились сталинской премии в 1943 г. Биография вышла отдельной книжкой в 1960 г. В связи с ликвидацией Еврейского Антифашистского Комитета в 1949 г. была арестована, обвинялась по процессу еврейских писателей и культурных деятелей. В 1953 г. после смерти Сталина была освобождена.

И. Б. ШЕХТМАН

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ, СИОНИЗМ И ИЗРАИЛЬ

1

В годы, предшествовавшие большевистскому перевороту, — в октябре 1917 г., сионизм в России вырос в массовое народное движение. Всероссийский сионистский съезд в Гельсингфорсе в ноябре 1906 г. перешел от прежней аполитичности в вопросах российского государственного строя к широкой программе активной борьбы за демократизацию страны и за гражданские и национальные права еврейского меньшинства. Среди 12 еврейских депутатов Первой Государственной Думы 5 были сионистами. Февральская революция 1917 г. дала свободный выход накопившемуся сионистскому потенциалу, и на первом пореволюционном Всероссийском Сионистском Съезде в Петрограде (май 1917 г.) 522 делегата представляли 140.000 шекеледателей из 340 городов и местечек. Декларация Бальфура, опубликованная в ноябре, вызвала многотысячные сионистские манифестации на улицах русских городов.

Большевистский переворот вначале слабо отозвался на судьбах сионистского движения в стране, хотя враждебность к сионизму, как к национальному движению, вошла в канон большевистской идеологии. Ведь Ленин еще в 1903 г. объявил «явно реакционной» самую идею еврейской национальности, а десять лет спустя Сталин писал в своей брошюре «Национальный вопрос и социал-демократия», что ассимиляция евреев неизбежна. Демократический характер сионистского движения тоже стоял в явном противоречии с тоталитарным режимом, построенным на принципе диктатуры.

Тем не менее в течение 1918 г. и первых месяцев 1919 г. приход большевиков к власти почти не задел сионистскую деятельность. «Палестинская Неделя», прокламированная весной 1918 г., была успешно проведена в сотнях еврейских общин. В Петербурге, Минске и в ряде украинских еврейских центров были организованы эмиграционные кооперативы. Гехалуц, созданный Иосифом Трумпельдором в июне того же года, вырос в значительную силу. Сионистские органы продолжали выходить без препятствий.

2

В дальнейшем хронология и интенсивность антисюнистского нажима были различны в Великороссии (РСФСР) и на Украине, где советская власть прочно установилась лишь в 1920 году. В течение периода от октября 1917 г. до февраля 1919 г. территория Украины была в руках Украинской Центральной Рады (до апреля 1918 г.), немцев и Гетмана (до 14 декабря 1918 г.) и Директории, возглавляемой С. Петлюрой (до февраля 1919 г.). В эту эпоху сионистское движение на Украине пользовалось полной свободой и, несмотря на оппозицию Бунда, Объединенной и Фолкспартай, заняло доминирующее положение на еврейской улице. На выборах в так наз. Временное Еврейское Национальное Собрание Украины (ноябрь 1918 г.) три сионистских списка (Альгемейне, Цейрей-Цион и Поалей-Цион) получили абсолютное большинство: 112,851 голосов из общего числа 209,128. Весной 1919 г., на выборах в Советы еврейских общин, те же три списка собрали 54.4% общего числа голосов; 59% избранных членов общинных советов были сионисты.

В РСФСР, коммунисты непрерывно стояли у власти с октября 1917 г., но гонения на сионистов начались там на десять месяцев позже, чем на Украине. Причина была прежде всего в структуре и составе первого советского органа по еврейским делам. Во главе Еврейского Комиссариата (ЕВКОМ) при созданном 18 января 1918 г. Народном Комиссариате по Делах Национальностей (возглавляемом Сталиным), стояли деятели, лишь поверхностно связанные с коммунистической традицией, равно как и с еврейскими проблемами и с внутренней, общественной борьбой в еврействе. Из пяти членов коллегии, один только С. Диманштейн совмещал прошлое «старого большевика» со знанием специфических условий еврейской жизни. Из остальных четырех, И. Добковский был левый социалист-революционер, а А. Шапиро, А. Кантор и С. Агурский — анархисты, лишь недавно вернувшиеся из эмиграции. Ни один из них не имел укороенившихся счетов с сионистами и не стремился поскорее свести эти счета. В первые месяцы существования ЕВКОМ'а отдельные Поалей-Сионисты принимали участие в его работах, но уже полгода спустя они были отстранены. Левые с.р-ы вскоре порвали с советской властью. В этом составе ЕВКОМ проявил малый интерес к сионистской деятельности. Занятый преимущественно коммунистической пропагандой на идиш среди еврейских «трудящихся», ликвидацией существующих еврейских общин и заведыванием перенятых от них учреждений, ЕВКОМ не имел ни време-

ни, ни охоты активно преследовать сионистов. А в 1924 г. он, равно как и весь Комиссариат по Делах Национальностей, был раскассирован.

За свое равнодушие к преследованию сионистов ЕВКОМ впоследствии подвергался строгой критике со стороны так наз. Еврейской Секции при Коммунистической Партии (Евсекции). В этой организации главную роль играли уже не «старые большевики» — в большинстве своем недружелюбные, но по существу скорее равнодушные к сионизму, — а бывшие деятели других еврейских партий, в том числе бывшие бундовцы и Фарейнигте, перешедшие недавно к коммунистам, принесшие с собой ярую вражду ко всем сионистским группам, с которыми они в течение ряда лет вели ожесточенную борьбу. Евсекция видела свою задачу в установлении «диктатуры пролетариата на еврейской улице». Существование и активность сионистских организаций стояли к этому на пути. Еще летом 1918 г. появилась в Петрограде брошюра З. Гринберга «Ди Сионистен Ойф дер Идишер Гасс», в которой сионизм был заклеямен, как «цитадель реакции», концентрация «мелкобуржуазных элементов» и «средостение между еврейскими массами и российской революцией». Очевидно в надежде предотвратить это обвинение в контрреволюционности, шестьдесят сионистских деятелей, собравшихся в Москве в мае 1918 г. приняли резолюцию о «нейтралитете» в вопросах внутренней российской политики. В общем 1918 г. прошел в Великороссии спокойно. Но уже в начале 1919 г. положение стало ухудшаться. В феврале Петроградский Центральный Комитет Российской Сионистской организации зарегистрировал ряд случаев преследований местных сионистских групп: закрытие сионистских бюро и клубов и запрещение сионистской прессы. Впрочем эти ранние преследования исходили главным образом не от центральных советских органов, а от местных Евсекций и Евкомов, в которых угнездились коммунистические неопиты из среды антиссионистских партий. Обращаясь за защитой к Председателю Тульского Районного Совета Цейре-Сионистская группа в Туле объяснила, что местный ЕВКОМ «состоит из бывших сионистов-социалистов (с.с.), с которыми мы разошлись по вопросу о еврейской территории и которые поэтому стали нашими противниками... Теперь они пытаются воспользоваться Советской властью, чтобы свести старые счета». Районные и Областные Советы нередко удовлетворяли подобные петиции, предлагая местным ЕВКОМ'ам умерить их антиссионистский пыл. Петроградское совещание сионистских деятелей в марте 1919 г. отметило, что, несмотря на все препятствия, больше

миллиона рублей было собрано на сионистские цели в течение минувшего года.

Настойчивое требование крестового похода против сионизма было прокламировано в июне 1919 г. на второй конференции районных Евсекций и Евкомов в Москве. «Своей палестинской политикой», гласила резолюция, «сионистская партия превращается в орудие в руках империализма Антанты в ее борьбе против пролетарской революции». Конференция требовала роспуска «контр-революционной... клерикальной и националистической» сионистской организации.

3

Этот призыв не нашел немедленного практического отклика в самой РСФСР. Но на Украине, занятой советскими войсками в феврале 1919 г., преследования сионистов начались летом того же года.

4-го июня, Центральный Комитет Комфербанда, в котором объединились перешедшие к коммунистам бывшие бундовцы и фарейнигте, обратился к Наркомвнуделу в Киеве, настаивая на «абсолютной необходимости ликвидировать деятельность сионистской партии и всех ее подразделений». Два дня спустя агенты Чeka, в сопровождении еврейских коммунистов, произвели массовые обыски среди видных сионистов Киева, а 12 июня Наркомвнудел телеграфно предписал всем своим отделам «немедленно прекратить деятельность центрального и местных комитетов сионистской партии и всех связанных с нею учреждений». От всех активных сионистских работников была потребована подписка о прекращении всякой сионистской деятельности; нарушение этого приказа влекло за собой предание суду Революционного Трибунала. В статье, напечатанной в тот же день в «Комунистише Фон», бывший лидер Украинского Бунда, ныне коммунист, М. Рафес, с удовлетворением подчеркнул, что инициатива этой репрессии принадлежала еврейским коммунистам: они видели в ней проявление «еврейской гражданской войны» и «осуществление диктатуры пролетариата на еврейской улице». Массовые обыски были также произведены в домах видных сионистов Одессы и Харькова.

Ликвидация сионистских организаций не успела принять всеукраинского характера, так как большая часть страны была во второй половине 1919 г. завоевана Добровольческой Армией ген. Деникина. Добровольческие части отметили свой путь кровавыми еврейскими погромами, но не были заинтересованы в преследовании сионистов, как та-

ковых. Эта «передышка» продолжалась до окончательного изгнания Деникинцев в начале 1920 г.

В разгромленном и терроризованном погромами украинском еврействе стремление к эмиграции в Палестину приняло стихийный характер. В Черкассах (Киевской губ.) из 2118 опрошенных еврейских семейств 1823 ответили, что они готовятся к немедленной эмиграции; в Новоархангельске (Херсонской губ.) «все еврейское население готово при первой возможности бросить свое местечко и выехать в Палестину». Некоторые местные сионистские группы начали создавать специальные палестинские бюро, регистрировать желающих в переселенческие кооперативы, вырабатывать уставы, собирать деньги.

4

В середине 1919 года борьба против сионизма приняла более активный характер и в Великороссии, где еврейская коммунистическая печать давно жаловалась на «непонятную терпимость» к сионистам со стороны центральной советской власти. Предвидя возможность такого нажима, Центральный Комитет Сионистской Организации в начале июля 1919 г. обратился к Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету СССР (ВЦИК) с просьбой о легализации. Полученный 21-го июля ответ был успокоителен, но уклончив: так как ни ВЦИК, ни Совнарком не объявили сионистскую партию контр-революционной и так как ее культурная и воспитательная деятельность не противоречит решениям Коммунистической Партии, ВЦИК, не видя нужды в специальной легализации, предписывает всем советским органам не препятствовать деятельности сионистской партии. Это означало полу-легальное существование, не исключавшее административной репрессии.

1-го сентября Чека опечатала центральное сионистское бюро в Петрограде, арестовала его руководителей, конфисковала документы и 120.000 рублей и закрыла центральный сионистский орган «Хроника Еврейской Жизни». На следующий день аресты были произведены в Москве.

После этого были закрыты «Гаом» в Москве и «Рассвет» в Петрограде. В Витебске, Саратове и других городах тоже имели место аресты. Однако, административная практика еще не была систематична. Сионисты, арестованные в Москве, были скоро освобождены, а в ноябре Чека разрешила вновь открыть сионистское бюро в Петрограде и даже возвратила конфискованные деньги и часть документов.

Повидимому, ободренный ответом ВЦИК'а и колеба-

ниями власти, Сионистский Центральный Комитет созвал на 30 апреля 1920 г. в Москве всероссийский сионистский съезд с участием 109 делегатов и гостей. Первые два дня прошли спокойно. Но на третий день все участники были арестованы. По дороге в Чека арестованные демонстративно маршировали под звуки сионистского гимна Гатиква. Председатель Центрального Комитета Ю. Д. Бруцкус предъявил главе Чека Лацису резолюцию ВЦИК'а от июля 1919 года. Тот прочел и вернул ее, прибавив: «Пусть так, но вы не получили разрешения на созыв съезда». В дополнение к этому проступку, чисто административного порядка, членам съезда вменялась в вину наличность «компрометирующих документов», «симпатии к Англии», сотрудничество с Американскими сионистами в оказании помощи адмиралу Колчаку, и общая поддержка всяких анти-советских элементов.

В половине июля, 68 арестованных были освобождены по ходатайству представителя Американского Джойнта; остальные были приговорены к принудительным работам на сроки от 6 месяцев до 5 лет, но были впоследствии освобождены, подписав обязательство впредь не заниматься сионистской работой. Тогда Сионистский Центральный Комитет постановил уйти в подполье. Было образовано нелегальное Центральное Бюро во главе с Е. М. Чериковером, которое координировало деятельность местных сионистских групп; в тяжелых условиях и с частыми перерывами эта деятельность продолжалась до конца 20-х годов.

5

В течение июля 1920 г., третья конференция Еврейских секций категорически заявила, что теперь «нет больше абсолютно никаких оснований для сдержанности в борьбе против сионизма... Необходимо положить конец колебаниям в официальном отношении к альгемейне сионистской партии... не колеблясь также в отношении социалистической фразеологии Цейрей Цион и Сионистов-социалистов». Этот призыв к выдержанному анти-сионистскому курсу нашел сочувственный отклик на советских верхах. Для коммунистической партии сионизм, — хотя и непосредственно не связанный с внутренне-российскими политическими проблемами и уж конечно не претендующий на захват власти — был инородным телом в общей структуре советского строя, предлагавшим русскому еврейству альтернативу эмиграции в Палестину. Поэтому элиминирование сионизма совпадало с общей политикой режима. У евсекции были развязаны ру-

ки. В ее распоряжение был предоставлен — хотя и с некоторыми ограничениями, — весь карательный аппарат власти.

Состав самой евсекции к тому времени значительно изменился количественно и качественно. В 1918 г. она состояла из сравнительно немногочисленной кучки «старых» коммунистов-евреев, но ко второй половине 1920 г. создалась совершенно новая конъюнктура. Левое крыло расколовшегося Бунда (Комбунд) и Фарейнигте (Комфарейнигте) слились в Комфарбанд. Кадры евсекции были значительно усилены приливом неопитов коммунизма. Закаленные годами борьбы с сионизмом во всех его проявлениях, эти «новые евсеки» принесли с собой твердую решимость искоренить сионистскую крамолу. Они не были в состоянии добиться этого собственными силами в до-большевистскую эпоху: теперь они твердо рассчитывали на активную и решающую помощь правительственного аппарата. «Мы были до сих пор слишком великодушны и мягки... в отношении шовинистической сионистской организации и ее органов», писала 15 мая 1920 г. одесская газета «Дер Штерн». «Пришло время придать гражданской войне на еврейской улице форму решительных действий, а не бумажных резолюций». «Решительные действия» не замедлили последовать: среди одесских сионистов были произведены массовые обыски и аресты. В ряде университетских центров студенты-сионисты исключались из высших учебных заведений, как «чужеродный идеологический элемент». Спортивные организации «Маккаби» были поставлены под постоянное наблюдение и подозрение.

Однако, этот анти-сионистский нажим был и не всеместен и не достаточно суров. В большинстве случаев репрессии ограничивались обысками, арестами и конфискацией документов; длительное тюремное заключение и ссылка были сравнительно редки; а в Симферополе местные власти закрыли глаза на созыв 20 октября 1920 г. сионистской конференции, посвященной возможностям эмиграции Крымских евреев в Палестину. Анти-сионистские мероприятия в тот период, повидимому, еще не были направлены на полное «искоренение» сионизма, но лишь создавали препятствия к его нормальному существованию и росту.

Половинчатость политики Кремля нашла свое выражение в переговорах между советским министром иностранных дел Г. В. Чичериным и членом Экзекутивы Всемирной Сионистской Организации, д-ром М. Д. Идером, который был делегирован из Лондона в Петроград, чтобы попытаться добиться легализации сионистского движения. В мемо-

рандуме, представленном 5 февраля 1921 года, Идер ходатайствовал о разрешении устройства сионистских собраний, не превышающих 200-300 участников; опубликования (предварительно цензурированной) информационной брошюры «только для одних сионистов», свободного изучения иврита; годичной эмиграции в Палестину, не превышающей 5.000 душ и участия русских сионистов в предстоящем XII-м сионистском конгрессе. Ответ последовал пять дней спустя. Чичерин счел нужным воздержаться от категорического и огульного отказа. Он также не объявил сионизм, как таковой, неприемлемым для советского режима. Признавая, что в отдельных случаях имели место репрессии против «некоторых буржуазных элементов среди сионистов», он настаивал, что они были результатом противозаконных действий со стороны этих элементов и не были направлены против сионистской идеи, как таковой. Лучшее к тому доказательство Чичерин видел в том, что про-палестинской пропаганде социал-демократических Поалей-Цион и коммунистических Поалей-Цион была предоставлена полная свобода; им было даже разрешено послать делегацию на Сионистский Конгресс, но они сами от этого отказались. Изучение иврит, утверждал Чичерин, не запрещено, а что касается эмиграции, то «нам самим нужна рабочая сила».

Этот уклончивый и едва ли искренний ответ свидетельствовал, однако, о том, что на не-еврейских верхах режима еще не было готовности окончательно заклеить сионизм, как реакционную силу, и слепо следовать в этом вопросе за Евсекцией. Характерен для этой разницы в подходе был переполох по поводу соглашения, заключенного 4 сентября 1921 г. в Карлсбаде между В. Е. Жаботинским и М. А. Славинским, представителем правительства Петлюры, которое тогда готовило поход на Советскую Украину. Стремясь предотвратить повторение погромов, соглашение предусматривало создание еврейской жандармерии, которая, не принимая участия в военных операциях, охраняла бы еврейское население в местностях, оккупированных Петлюровскими частями. Поход на Украину не состоялся и соглашение осталось мертвой буквой. Но самый факт его заключения вызвал оживленную дискуссию в мировой еврейской прессе. В Советской России Евсекция сделала энергичную попытку использовать его для своих целей. В ее центральном органе «Эмес» появилась статья с оригинальными заголовками: «Сионисты вонзают нож в спину Революции! Жаботинский объединился с Петлюрой в борьбе против Красной Армии!» Несколько дней спустя, «Жизнь Национальностей», орган Комиссариата по делам Национальностей, требо-

вал, чтобы правительство «ликвидировало сионистическую контр-революционную гидру», и в первую очередь, распустило спортивную организацию «Маккаби», упомянутую в соглашении, как возможный источник для рекрутирования еврейской противопогромной жандармерии. Дело перешло к отделу спорта и военной подготовки при комиссариате военных дел, в чьем ведении находился «Маккаби». Была образована специальная «тройка» во главе с политруком отдела, не-евреем Вальниковым. Председатель «Маккаби», инженер И. М. Рабинович, первым делом объяснил, что российский «Маккаби» ни в какой мере не ответственен за действия Жаботинского. При этом он имел мужество, в дополнение к этому формальному отводу, прибавить, что единственной целью соглашения с Славинским было спасение еврейских жизней и что на месте Жаботинского он поступил бы точно так же. «Тройка» пришла к заключению, что «Маккаби» ни в чем не повинен, что при заключении соглашения с Славинским не было с еврейской стороны «контрреволюционных намерений», так-как оно было мотивировано исключительно «боязнью погромов». Травля евсекции на этот раз не удалась.

6

В первые месяцы Новой Экономической Политики (НЭП), введенной в 1921 году, общее ослабление административного нажима дало некоторую передышку и сионистским группам. Неохотно следуя правительственной «генеральной линии», и Евсекция несколько обуздала свой антисионистский натиск. Но это затишье оказалось кратковременным. Уже в половине 1922 года репрессии возобновились. Их главным объектом была Сионистская Трудовая Партия Цейрей-Цион, которая с 1920 г. ушла в подполье. Все делегаты Третьей Всеукраинской конференции этого движения молодежи, нелегально собравшейся в Киеве, были арестованы 4-го мая 1922 г. Из 51 арестованных 37 предстали перед судом в публичном «показательном процессе». Им инкриминировалось стремление «под маской демократии деморализовать еврейскую молодежь и бросить ее в объятия контр-революционной буржуазии в интересах Англо-Французского капитализма». Вынесенные приговоры были суровее всех предшествующих: 12 участников съезда были присуждены к двум годам принудительных работ, 15 — к одному году, 10 были оправданы; двухлетнее тюремное заключение было, после 13 месяцев отсидки, заменено вы-

сылкой за пределы СССР. В сентябре 1922 г. свыше тысячи сионистов были арестованы в Одессе, Киеве, Бердичеве и других городах Украины.

Активно преследуя сионистов на внутреннем фронте, Кремль год спустя сделал однако благожелательный жест в отношении Гистрадрут, сионистской рабочей федерации в Палестине, пригласив ее участвовать в международной земледельческой выставке в Москве. Палестинский павильон привлек десятки тысяч восторженных посетителей со всех концов Советского Союза; из 4-х крупных центров приехали специальные экскурсии молодежи. Ободренная этой импозантной манифестацией, Цейрей Цион, во время сессии Совета Национальностей, распространяла среди делегатов меморандум, протестовавший против разрушения еврейских национально-культурных институций и против преследования сионизма. Меморандум заканчивался фразой: «Несмотря на террор, Сионистская Трудовая Партия живет и продолжает свою революционную борьбу».

Но террор продолжался. В одну только ночь на 2-ое сентября 1924 года в 150 пунктах были арестованы около 3.000 сионистов. Аресты продолжались в течение всего октября. На сей раз власти воздержались от инсценирования публичных «показательных процессов»: опыт показал, что допущенная публика явно симпатизировала обвиняемым. Допросы и приговоры происходили при закрытых дверях. По большинству дел норма наказания была от 3-х до 10 лет принудительных работ в изоляционных лагерях, — сначала в Центральной России, а позднее в Сибири, на Урале, на Соловецких островах, в Киргизии, Центральной Азии.

Эта волна террора нанесла тягчайший удар подпольному сионистскому движению, но все же не сломила его боевого духа. В октябре 1924 г. была организована в Одессе уличная сионистская демонстрация. При выходе из синагоги после богослужения Симхат Тора, прихожане натолкнулись на стройные ряды молодежи, марширующие под звуки *Natikva*. Манифестанты были разогнаны конной милицией, которая произвела 32 ареста.

Летом 1925 г. была сделана еще одна попытка найти *modus vivendi* между сионистским движением и советским режимом. 25 мая два видных московских сиониста, И. Рабинович и проф. Д. Шор, представили временному председателю ВЦИК'а, Смидовичу, краткое экспозе программы сионизма в Советском Союзе и просьбу освободить арестованных сионистов, прекратить преследования и легализовать эмиграцию в Палестину; копия меморандума была пос-

лана председателю Совнаркома Рыкову, который в июне также принял Шора и Рабиновича, заверил их, что Совнарком не ответственен за антиссионистские мероприятия и обещал, что лично заинтересуется этим делом.

29-го июня Шор и Рабинович были допущены на заседание ВЦИК, специально посвященное их меморандуму. ГПУ было представлено Менжинским и Дерибасом. Первый заявил, что ГПУ не имеет ничего против сионистов, поскольку они не возбуждают еврейского населения против советской власти. В ответ Рабиновичу, который настаивал, что сионисты были всегда политически нейтральны, Дерибас сослался на анти-советские писания эмигрант-сиониста Д. С. Пасманика и на соглашение Жаботинского с Славинским. После долгой дискуссии, Смидович предложил, чтобы сионисты представили в Политбюро проект статута организации для содействия эмиграции евреев в Палестину. Статут был представлен через десять дней — и остался без движения в Кремлевских архивах. Аресты и репрессии продолжались.

7

Единственными ответвлениями сионистского движения, которые советская власть терпела в течение первого десятилетия своего существования, были левые Поалей-Цион и Гехолуц.

Левые Поалей-Цион полностью принявшие коммунистическую программу, одновременно настаивали на территориально-палестинском решении еврейского вопроса. Численно левые Поалей-Цион никогда не были силой; их морально-политическое влияние тоже было ничтожно. Правительственный проект создания автономной области в Биробиджане сделал дальнейшее легальное существование партии, пропагандирующей создание еврейского территориального центра в Палестине немислимым, и в 1928 г. левые Поалей-Цион были ликвидированы.

Много более сложна и значительна была эпопея Гехолуца. Созданная в июне 1918 г. Иосифом Трумпельдором для подготовки пионеров земледельческой колонизации Палестины, эта организация на своем втором съезде (январь 1919) обязала всех своих членов проделать эту подготовку в коллективных земледельческих хозяйствах. Этот аспект программы Гехолуца соответствовал идеологии советских властей. Но евсекция все же встретила Гехолуц в

штыки: для нее он представлял столь же вредную формацию, как и всякая другая сионистская группа.

Просьба Гехолуца о формальной легализации была 16 мая 1920 г. отвергнута ВЦИК'ом с той же мотивировкой, как и аналогичная сионистская петиция от 21-го июля: так как движение не запрещено и не преследуется, то нет нужды в подтверждении его легальности. Пользуясь этим признанием *de facto*, Гехолуц быстро развивался. К весне 1922 г. он насчитывал около 15 местных групп; к концу 1923 г. их число возросло до ста с 3.000 членов. Состав членов Гехолуца рекрутировался преимущественно из среды Цеирей-Цион и Поалей-Цион, но организация, как таковая, не стояла в связи с подпольным сионистским движением в стране.

В результате долгих и сложных переговоров, 22 августа 1923 года отделы Гехолуца, функционирующие в земледельческих хозяйствах (но не в городах), получили формальную легализацию. Это событие вызвало раскол в движении. Его «правое» крыло видело в этом жесте советской власти попытку деморализовать будущих палестинских пионеров и отвлечь их от конечной цели поселения в Палестине. Около одной трети всех членов отказались регистрироваться в легализованном Гехолуц и создали собственную организацию «Национальный Трудовой Пионер», целью которой было «спасти Гехолуц от тех, кто стремится разрушить душу движения и извратить его содержание и сионистскую деятельность». Легализованное «левое» крыло оправдывало свою позицию перспективой широкого развития земледельческих кооперативов и невозбранного преподавания иврит.

В действительности, оба разветвления движения, легальное и нелегальное, стали подвергаться преследованиям, хотя и в неодинаковой степени. Аресты участились уже в 1924 г.. Единственное преимущество, предоставленное арестованным халуцим по сравнению с другими сионистами, состояло в том, что последние обычно присуждались к продолжительному заключению и ссылке, в то время, как членам Гехолуца часто давали возможность отпировать за замену наказания высылкой в Палестину. Легальному Гехолуцу все же удалось к половине 1925 г. создать десяток земледельческих хозяйств, главным образом в Крыму. Их ликвидация началась в 1926 г. и закончилась 15 мая 1928 г., когда была раскассирована последняя колония «Ал-Мишмар». Миниатюрные остатки подпольного Гехолуца удержались в течение последующего пятилетия и окончательно

распались только в 1934 г. Одной из наиболее существенных функций организации была контрабандная отправка ее членов в Палестину. В отчете «Геколуц в России» опубликованном в 1932 г. в Тель-Авиве, дается точная цифра таких отправок за период 1924-1930: 1034.

Общее число русских евреев, которым за эти годы удалось вырваться в Палестину, систематически уменьшалось: за двухлетие 1925-1926 г. оно еще равнялось 21,157, но уже в следующие четыре года (1927-1930) их было не больше, чем 1197; с 1931 по 1936 количество иммигрантов из Советского Союза составляло 1848. Разрешения заменить ссылку высылкой в Палестину чаще всего получались благодаря личному ходатайству проф. Давида Шора, выдающегося пианиста, который неоднократно давал концерты в Кремле для членов Совнаркома. С большой благодарностью вспоминают многие российские сионисты также первую жену Максима Горького, Екатерину Павловну Пешкову, чей дом был открыт для всех «политических», нуждающихся в покровительстве и помощи.

8

Сионисты разных направлений были широко представлены среди многотысячной массы политических заключенных. В 1928 г., в статье, напечатанной в «Кунтрес», Л. М. Штейнберг сообщил об имеющемся в его распоряжении поименном списке 775 социалистов-сионистов (среди них 518 мужчин и 217 женщин с детьми), томившихся в то время в советских тюрьмах и ссылке. Корреспонденция в меньшевистском «Социалистическом Вестнике» от 3 мая 1928 г. сообщала, что в Енисейском Крае среди 60 с лишним политических ссыльных было 12 сионистов разных направлений. Их часто загоняли малыми изолированными группами в самые отдаленные пункты. В Кара-Калпатской области Казахстана — в 750 верстах от железной дороги — 3 сиониста отбывали сроки в Турт-Куле, 2 в Чимбасе, и по 2 в Ходжеях и Кунграде. Положение ссыльных было чрезвычайно тяжелое: все систематически недоедали; было много туберкулезных и сердечных больных; медицинская помощь была явно недостаточная. Обращение с ссыльными и заключенными было жестокое. Избиения были обычным явлением, а убийства были не редки. «Социалистический Вестник» от 10 июля 1928 г. сообщал, что 17 февраля, во время прогулки на тюремном дворе Хивинской тюрьмы, был без вся-

кого повода выстрелом в затылок убит дежурным надзирателем сионист Самуил Бронштейн из Одессы.

Не редки были и случаи самоубийства, особенно с тех пор, как ГПУ стала применять новый метод деморализации сионистских рядов, вымогая от отдельных арестованных письменные заявления об отказе от сионизма. За это они получали свободу, а иногда и разрешение на выезд за границу. В целом ряде случаев эта практика вела к трагической развязке. В Екатеринославе бросился с моста член союза сионистской молодежи В. Пиньковский: мотив — вынужденная ГПУ подписка о выходе из организации и моральная невозможность примириться с созданным этой подпиской положением. В Одессе 18-летнему юноше С. Дроновскому обещали, что его отречение от сионизма не будет опубликовано: когда оно появилось в прессе, он покончил самоубийством. В Ташкенте повесился 22-летний А. Шпилька. В Альма-Ата покончил самоубийством Цви Лисогор-Персиц.

Евсекция была раскассирована в 1930 г. Но к тому времени последовательная антисионистская линия стала официальной политикой режима, и преследования продолжались. Сосланные сионисты не были возвращены из ссылки, и многие из тех, кто уже отбыли свои сроки наказания, были просто «забыты» в заброшенных углах Сибири или Центральной Азии.

Последняя цитателю организованного подпольного сионизма — Центральный Исполнительный Комитет Цеирей-Цион и Союза Сионистской Молодежи — была разгромлена в сентябре 1934 г. в Москве; его члены были приговорены к долгосрочной ссылке. Единственный уцелевший член Комитета, Бенцион Гинзбург (Борис), пытался еще в течение 2½ лет поддерживать связь между разрозненными сионистскими группами. Он был арестован в феврале 1937 г., в самый разгар «ежовщины», и умер в заключении.

9

После 1939 года, к массе заключенных русских сионистов присоединились многие тысячи польских сионистов всех направлений, которые в надежде спастись от немецкого нашествия, бежали в районы, оккупированные советскими войсками и были там арестованы за свое сионистское прошлое. Позже, та же судьба постигла тысячи сионистов Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии и Сев. Буковины, после аннексии этих стран Советским Союзом. Им вменялась в вину «принадлежность к контр-революционной сионист-

ской организации» и активное сотрудничество с Британским шпионажем. Один из таких арестованных, Ю. Марголин, рассказывает, что еще в 1941 г. он встречал в лагерях крайнего севера ссыльных русских сионистских деятелей; некоторые из них провели там по 16-17 лет, — «целое поколение сионистов погибло в советских тюрьмах и ссылках».

Репрессии продолжались и в годы Второй Мировой войны. Из Тегерана, который стал главным транзитным центром для беженцев из Советского Союза, сообщали Еврейскому Агентству 2 февраля 1943 г.: «Немыслимо себе даже представить какую бы то ни было возможность (сионистской) организации. Провокация процветает и каждый дрожит за свою шкуру». В июле 1944 г., молодой сионист, который добрался до Тегерана по пути в Палестину, писал своим товарищам: «Бессмысленно было бы питать какие бы то ни было иллюзии насчет изменения отношения (советской власти) к сионизму. Преследования очень суровы, хуже чем когда бы то ни было». В Самарканде (Узбекистан) состоялся 20 мая 1944 года публичный «показательный процесс» против Моисея Лауфгас, обвиненного в поддерживании связи с другими сионистами. Уже после войны, 22-23 августа 1945 г. судили за закрытыми дверями без допущения защиты пять сионистов в Акмолинске (Казахстан): они были приговорены к 8-10 годам лагеря.

Неуклонно продолжая свой антиссионистский курс внутри страны, Советская власть, заинтересованная в симпатиях еврейского общественного мнения в Западных демократиях, время от времени делала примирительные жесты в отношении сионизма и сионистской работы в Палестине. В 1943 г., И. М. Майский, тогда товарищ народного комиссара иностранных дел, включил Палестину в программу своей поездки в ближневосточные страны, посетил еврейские колонии и фабрики, и послал в Кремль восторженный отчет о своем посещении. В мае того же года, артист С. Михоэлс, председатель московского Еврейского Антифашистского Комитета, заявил, во время своего пребывания в Лондоне, что «сионизм — великая идея», хотя она и не применима к евреям в Советском Союзе, имеющим «глубокие корни в нашей стране». Несколько времени спустя, советские власти согласились принять в подарок от Гистрадрут медикаменты, амбулансы и хирургические инструменты для советских армий. В январе 1944 г. было дано позволение на открытие в Москве выставки продуктов еврейских земледельческих колоний в Палестине. В апреле следующего года коммунистическая партия Палестины, — которая во время кровавых

событий 1929 года, следуя директивам Кремля, ратовала за «национально-революционный характер» деятельности арабских погромщиков, — получив новые директивы, заявила о своей готовности сотрудничать с Гистрадрутом в борьбе против Британской Белой Книги 1939 года. Когда д-р Эмиль Зоммерштейн, один из руководителей польского сионизма, был принят Сталиным, и спросил, была бы Советская Россия заинтересована в интернациональном разрешении палестинской проблемы, Сталин ответил: «Несомненно и в серьез» и уполномочил Зоммерштейна опубликовать этот ответ.

Активная борьба всемирного сионистского движения — и в первую голову его палестинского авангарда — против английской политики в Палестине, повидимому, несколько смягчила традиционное коммунистическое представление о сионизме, как об «орудии Британского империализма». Все же, когда в 1946 г. Бартлей Кром, член Англо-Американской Комиссии о Палестине, спросил в Лондоне Наркоминдела Украины, Дмитрия Мануильского, верят ли все еще в Москве этому навету, Мануильский ответил с усмешкой: «Сионисты не являются активными орудиями Британского империализма, но д-р Вейцман и его группа настолько глубоко убеждена в честности Англии, что Россия иногда чувствует, что они — бессознательные орудия Британского империализма». Отношение к самой Англо-Американской Комиссии было резко отрицательное, — частью потому, что Советский Союз не был допущен к участию в ней. «Известия» от 30 мая 1946 г. писали о ней, как о «частном предприятии английского и американского правительства».

Когда в апреле 1947 года вопрос о Палестине был в полном объеме поставлен перед Объединенными Нациями, А. Громыко вместе с делегатами Польши и Чехословакии активно поддерживал предложение выслушать представителей Еврейского Агентства, против которого боролись делегаты арабских государств. В своих выступлениях Громыко, подчеркивая, что «еврейское население Советского Союза... не имеет большого интереса к эмиграции в Палестину», признал, что «аспирации значительной части еврейского народа связаны с вопросом о Палестине и с будущей структурой этой страны». В явном противоречии с прежней советской точкой зрения, настаивавшей на репатриации беженцев в страны их прежнего поселения, Громыко на сей раз заявил, что «не может быть никакого оправдания попыткам отрицать право... на создание собственного го-

сударства» за теми, кто остался в живых после нацистских жестокостей. Он также настаивал на том, чтобы т. н. «великие державы» — члены Совета Безопасности — не были исключены из состава Специальной Комиссии Объединенных Наций о Палестине (UNSCOP) и выразил готовность Советского Союза «взять на себя ответственность... не только за окончательные решения, принятые О.Н. в отношении Палестинской проблемы, но также и за поддержку этих решений». Общее собрание О.Н. отказалось стать на эту точку зрения. Специальная Комиссия о Палестине была составлена из представителей одиннадцати стран, которые считались не заинтересованными непосредственно в вопросе о Палестине. Советский блок был представлен Чехословакией и Югославией.

Однако, позиции, занятые Владимиром Симичем (Югославия) и Карлом Лисицким (Чехословакия) были неодинаковы. Первый, вместе с представителями Индии и Ирана, высказался за создание независимой общепалестинской федерации, состоящей из Арабского и Еврейского государств. Второй, вместе с большинством комиссии, предложил раздел Палестины на два независимых государства, еврейское и арабское, объединенных экономической унией. Сионисты категорически отвергли первый план и условно одобрили второй. Арабы отвергли оба. Соединенные Штаты были склонны поддерживать раздел, но опасались, что арабские государства могут тогда всецело перейти на сторону Москвы. Ключ ко всему положению вещей был в руках Советской делегации.

В своей книге «State in the Making», Давид Горовиц, принимавший, вместе с М. Шареттом и Э. Эпштейном (Элатом), активное участие в закулисных переговорах того времени, рассказывает, что отношение советской делегации оказалось неожиданно дружелюбным. Два советских представителя, с которыми они были в постоянном контакте, Семен Царапкин и проф. Борис Штейн, советский ученый и «старый большевик», давно оторванный от всего еврейского, проявляли несомненную симпатию к сионистским проблемам и интересам. Во время одной из встреч в советском консульстве в Нью Йорке, Царапкин принес бутылку вина и предложил тост — «За будущее еврейское государство!». «Это было подлинное чудо», сказал Шаретт, докладывая в тот же вечер об этом эпизоде на заседании Экзекутивы Еврейского Агентства. Горовиц специально подчеркивает, что советские представители нисколько не возражали против сионистских тесных контактов с американ-

ской делегацией, о которых они были полностью осведомлены. Более того, когда возникали какие-либо трудности, они часто советовали сионистам обсудить вопрос с представителями Соединенных Штатов. В решающем голосовании 29 ноября 1947 г. весь советский блок подал голос за раздел (Югославия воздержалась) и в последующие критические месяцы твердо отстаивал занятую позицию. Когда в марте 1948 г. Американская делегация переменяла фронт и предложила «отложить» раздел и заменить его «временным trusteeship», А. Громыко резко атаковал это предложение и настаивал на осуществлении первоначального решения О.Н. Через два дня после провозглашения еврейского государства, Москва признала его *de jure* (признание Вашингтоном произошло на 48 часов раньше). Когда армии соседних арабских стран атаковали Израиль, Громыко призывал Объединенные Нации признать этот шаг актом агрессии, Чехословакия с одобрения Москвы стала главным поставщиком оружия, в котором импровизированная армия Израиля остро нуждалась. С молчаливого одобрения Кремля страны Советского блока допускали или даже поощряли массовую еврейскую эмиграцию: между 15 мая 1948 г. и 15 мая 1952 296.813 еврейских иммигрантов из Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии и Болгарии высадились в Израиле.

Советская линия в Объединенных Нациях несомненно вытекала в первую очередь из желания вытеснить Англию из Палестины, ослабить Британские позиции на Среднем и Ближнем Востоке и создать возможность советского проникновения в этот стратегически важный район. В расчет входила также перспектива воспользоваться для этой цели русскими евреями в Палестине, как возможными носителями советского влияния.

10

В этих надеждах Москва, однако, просчиталась. Элиминирование английского влияния не повлекло за собой усиления советских позиций. Вместо этого на Среднем Востоке стали все растущим фактором Соединенные Штаты. Израиль не высказывал склонности превращаться в советский сателлит. Да и Москва с самого начала не допускала эмиграции «своих» евреев в Израиль. С 15 мая 1948 г. до конца 1951 г. только четыре старухи и один инвалид получили разрешение на отъезд из Сов. Союза в Израиль. Сионизм — как идеология и движение — остался в Сов. России нелегальным. Те, кто рассчитывали, что занятая советским пра-

вительством на международной арене про-израильская позиция благоприятно отзовется на отношении к сионистским настроениям внутри страны, разочаровались очень скоро и весьма жестоко.

В сентябре 1948 г., Голда Меерсон (Меир)), первый посол Израиля в Сов. Союзе, вместе со штатом своего посольства, в день еврейского Нового Года посетила Московскую главную синагогу. Корреспондент Нью-Йоркской «Herald Tribune», Иосиф Ньюман, описывает оказанный ей прием, как «небывалый» в течение тридцати лет советской диктатуры: «Огромная толпа евреев заполнила всю улицу перед синагогой. Мужчины и женщины плакали от волнения, восклицая — «Мы ждали этого дня всю свою жизнь! За Израиль! Будущий год в Иерусалиме!» Синагога была украшена знаменами; на самом большом из них было крупными еврейскими буквами написано: «Израиль Рожден», на другом — «Эрец Израиль Возродился»... После богослужения, сотни евреев пешком проводили делегацию до отеля Метрополь, где она была временно расквартирована. Демонстрация того же типа повторилась неделю спустя в Иом-Кипур — Судный День. Вскоре советские евреи стали приходить в Израильское посольство с просьбами о визах на въезд в Израиль и о содействии в получении разрешения властей на выезд».

Эта яркая манифестация накопившихся в советском еврействе про-сионистских чувств вызвала острую реакцию со стороны властей. Аресты и высылки возобновились. Израиль стал для советского режима фактором не столько международного, сколько внутренне-политического характера, как моральная притягательная сила для советского еврейства. Однако, в период 1948-1953 г.г. советское правительство в общем еще воздерживалось от активного вмешательства в дела Среднего Востока. Так, в течение двадцати месяцев оно совсем не реагировало на тройственную Англо-Французско-Американскую декларацию от 25 мая 1950 г., гарантировавшую существующие границы и «баланс вооружения» для стран Среднего Востока. Это выступление западных демократий было впервые упомянуто, — да и то лишь между прочим, — в советской ноте от 28 января 1952 года. Отношение к самому Израилю в это пятилетие могло бы быть определено, как «недружелюбное равнодушие», причем элемент недружелюбности определялся, как уже отмечено, преимущественно соображениями внутренне-политического порядка. Еврейское население Советского Союза, с его глубокой привязанностью к Израилю и силь-

ными симпатиями к Западу, рассматривалось, как явно «неблагонадежный элемент», а Израиль — как основной источник этой неблагонадежности. Анти-еврейские и анти-израильские тенденции Сталинского режима были органически переплетены. Пресловутый «докторский заговор», инсценированный ГПУ в январе 1953 года, повлек за собой огульную анти-еврейскую и анти-сионистскую травлю. «Известия» от 13 января 1953 г. писали о «грязной физиономии сионистского шпионажа». Это, в свою очередь, вызвало острое негодование в Израиле. 9-го февраля неизвестные подложили бомбу в советское посольство в Тель-Авиве. Обвиняя израильскую полицию в соучастии, Москва три дня спустя прервала дипломатические отношения.

5-го марта умер Сталин, а 4-го апреля Московское радио сообщило, что «докторский заговор» был провокацией и что виновные в ней будут преданы суду. Атмосфера значительно разрядилась. В течение кратковременного, сравнительно мягкого режима Георгия Маленкова, дипломатические отношения с Израилем были возобновлены (20 июля 1953 года). Русским евреям стало несколько легче получать визы на выезд к своим детям в Израиль. 16-го июля достигнуто было соглашение о превращении советской миссии в Тель-Авиве и Израильской в Москве, в посольства.

Но уже в половине 1954 года произошли перемены. Власть перешла к Н. С. Хрущеву. В 1955 году началась «активистская» линия в советской внешней политике. 17-го апреля 1955 г. в «Известиях» появилось сообщение Наркоминдела о том, что «положение на Среднем Востоке сильно ухудшилось за последнее время» и что «в интересах мира... Советский Союз сделает все, чтобы установить более близкие отношения со странами Среднего Востока». Советские «культурные миссии» и спортивные группы стали частыми гостями в Египте, Сирии и Ливане. В сентябре 1955 года Чехословакия, с благословения Москвы, заключила с Египтом договор о поставке оружия в обмен на хлопок. Сама Москва предложила оружие Сирии и Сауди-Аравии, с которой были возобновлены дипломатические отношения; возобновлен был также советско-иemenский договор 1927 года.

Советская Россия вернулась на Средний Восток. Но в первые месяцы этого нового курса внешней политики Израиль не играл заметной роли. Сближение СССР с Насером не вызвало немедленного открытого антагонизма к Израилю. Но уже 29 декабря 1955 г., в своем докладе на Верховном Совете СССР, Н. С. Хрущев заявил: «Советский Союз симпатизирует желанию арабских народов добиться под-

линой независимости... С другой стороны, Израиль с первого дня его существования занял угрожающую, враждебную позицию в отношении своих соседей. За Израилем стоят империалисты, стремящиеся использовать его в своих собственных интересах».

В течение всего последующего года Москва делала все от нее зависящее, чтобы обострять арабско-израильские отношения, раздувать национальные и социальные конфликты, натравливать население арабских стран на «империалистские» западные демократии и на находящийся в их лагере Израиль. Премьер Бен-Гурион 21 октября 1957 г. в своей речи в Кнессете подчеркнул, что положение на Среднем Востоке «существенно изменилось... Силы, соперничающие в этой области, являются не столько местными силами, сколько блоками восточных и западных держав, во главе которых стоят два наиболее могущественные государства — Советский Союз и Соединенные Штаты».

Национализация Суецкого канала Нассером встретила полное одобрение Советского правительства, заявившего 9 августа 1956 г., что «этот акт является совершенно легальным, вытекающим из суверенности Египта». Во время Синайской кампании советский премьер Н. А. Булганин в ноте от 5 ноября 1956 г., адресованной правительству Израиля, — которая и по содержанию и по тону была гораздо более резкой, чем соответствующие ноты, посланные в тот же день правительствам Франции и Англии, — заклеил участие Израиля в этой военной операции. Он требовал от Израиля «прекратить агрессию, остановить пролитие крови, отозвать свои войска с Египетской территории». Советский посол в Израиле был отозван в качестве «предупреждения, которое должно быть соответственно оценено». 6 ноября Московское радио сообщило, что Египет просил об отправке советских «добровольцев» и что много советских офицеров запаса отзывались на этот призыв.

В феврале 1957 г. Советский Союз, в качестве санкции за «агрессию против Египта», прекратил доставку нефти Израилю. Советский посол вернулся в Тель-Авив только в апреле 1957 г. — после того, как Израиль эвакуировал все завоеванные позиции. В беседе с Элеанор Рузвельт в октябре того же года, Хрущев напомнил, что 80 миллионов арабов противостоят одному миллиону евреев в Израиле и угрожающе прибавил: «Если Израиль будет продолжать свою теперешнюю политику, он будет уничтожен».

Однако, несмотря на напряженную атмосферу, многочисленная Израильская делегация была в июле 1956 года допущена к участию в Международном Празднике Молодежи в Москве. Советские евреи встретили участников израильской делегации с теплотой и энтузиазмом, свидетельствовавшими об их глубокой привязанности к возрожденному еврейскому государству. Московские евреи и тысячи специально приехавших из провинции восторженно аплодировали израэлям, где бы они ни появлялись, выпрашивая «на память» израильские открытки, значки, спичечные коробки, брошюры, марки; многие приглашали делегатов к себе домой, присылали им трогательно-дружеские записки. Во время самих торжеств полиция не вмешивалась. Но потом советские евреи дорого заплатили за этот взрыв про-израильских чувств. Как только разъехались иностранные делегации, тысячи участников про-израильских демонстраций были под разными предлогами сняты со службы; многие были арестованы и сосланы. Около 120 таких ссыльных были направлены на сроки от 15 до 17 лет в Воркуту, 450 километров от Ледовитого Океана.

Дипломатические представители Израиля подвергались неоднократно разного рода неприятностям. Атташе Израильского посольства Элиау Хазан был 7 сентября 1957 г. арестован в Одессе и после 26-часового допроса выслан из Советского Союза. В июле 1960 г. орган профессиональных союзов «Труд» обвинял сотрудника посольства Якова Кельмана в распространении «анти-советской литературы» — в частности, ежемесячника «Вестника Израиля», выпускаемого на русском языке в Тель-Авиве. Год спустя первый секретарь посольства Яков Шаретт был обвинен в шпионаже и вынужден немедленно покинуть пределы Союза. Попытка устроить свидание между Бен-Гурионом и Хрущевым была 3-го мая 1960 г. Москвой отклонена, как «преждевременная».

В то же самое время, как с удовлетворением отметил Тель-Авивский «Вестник Израиля» в августе 1959 г., делегаты Израиля на устраиваемых в Сов. Союзе съездах и конференциях, неизменно встречали корректный, а порой даже дружественный прием. Члены Израильской делегации на Московской сессии Европейской Экономической комиссии при Объединенных Нациях отметили, что власти проявляли к ним внимательное и предупредительное отношение,

позволили им продлить на две недели пребывание в стране и посетить интересовавшие их города. Однако, как отмечают израильские делегаты, евреи, занимающие ответственное положение в области строительства, при встречах нередко скрывали свое еврейское происхождение и опасались принимать израильский технический материал на русском языке, который охотно брали инженеры и технологи не-еврейского происхождения. О дружественных отношениях с советской делегацией сообщали также израильские делегации на 52-ой конференции Международной Авиационной федерации (ФАИ) в Москве. Делегаты СССР и всех Советских республик голосовали за избрание представителя Израиля в товарищи председателя ФАИ. Советские представители проявили большой интерес к хозяйственному развитию Израиля и некоторые из них уверяли, что несмотря на официальную политику, русский народ относится к Израилю с уважением и симпатией.

Семичленная Израильская делегация играла выдающуюся роль на интернациональном конгрессе ориенталистов в Москве; профессор Бен-Гур представлял Израиль на интернациональном геологическом съезде в советской столице; на съезде писателей Александр Пен прочел доклад об израильской поэзии. Наряду с этим советская делегация приняла участие в 5-м интернациональном биологическом конгрессе в Израиле, и проф. В. Благовещенский многозначительно отметил, что посещение Израиля дало ему возможность сравнить с действительностью те представления об Израиле, которые были у него до его приезда в страну. Однако, весь советский блок, под разными предлогами, уклонился от участия в международной конференции, посвященной роли науки в развитии новых государств, созванной в Рековоте в августе 1960 г. с участием представителей целого ряда афро-азиатских стран.

12

Однако, это сотрудничество Израиля с новыми государствами в области технического прогресса вызывает острую критику со стороны советской пропаганды. В июне 1960 г., в связи с заключением соглашения о технической помощи между Нигерией и Израилем, передача Московского радио на арабском языке заклемила Израиль, как «лакея на службе английских, французских и американских империалистов, стремящихся совместными усилиями поработить прежние африканские колонии». В том же духе пи-

сали «Известия» от 13 декабря 1960 г. («Троянский Конь НАТО в Африке»). Отношения с Израилем все обостряются...

В советской литературе и прессе Израиль и сионизм во всех его оттенках описывается, как подлинное чудовище. Специальная брошюра К. Иванова и З. Шейниса, «Государство Израиль, его положение и политика», выпущенная в 1958 г. Госполитиздатом, изобилует злопыхательными и невежественными извращениями. Ю. Марголин, который имел терпение внимательно прочесть ее, нашел в ней тысячу вольных и невольных ошибок и явно клеветнические комментарии. Брошюра выдержала два издания и разошлась в 150.000 экземпляров. Изобилует крупнейшими «неточностями» также глава об Израиле в работе Юрия Басистова и Инокентия Яновского «Страны Ближнего и Среднего Востока», опубликованной в том же году в Ташкенте. Советская пресса, столичная и провинциальная, неизменно описывает Израиль, как «послушное орудие в руках американских и англо-французских империалистов» («Львовская Правда» от 14-го декабря 1958 г.). Израильская действительность неизменно рисуется в самых мрачных красках и советским евреям настойчиво внушается, что понятие «Земли Обетованной» не больше, чем реакционный мираж. Некий Григорий Плоткин, который в июле 1958 г. посетил Израиль с группой 12 советских туристов, даже написал на эту тему специальную драму «Земля Обетованная», оказавшуюся, однако, настолько бездарной, что ее жестоко раскритиковал московский журнал «Театр». Советские газеты, словно по специальному заказу, пестрят кричащими заголовками на одну и ту же тему: «Нет, это не рай»!, восклицает автор статьи в московской «Вечерней Москве» от 4-го января 1960 г.; статья в августовском номере (1960 г.) журнала «Огонек» озаглавлена «Стон из рая»; «Советская Молдавия» (в номере от 30-го сентября 1960 г.) уговаривает своих читателей; «Не верьте измышлениям об Израильском «рае», в московском политическом еженедельнике «Новое Время» (20-го января 1961 г.) Зиновий Шейнис настаивает, что «Израиль не стал раем для трудящихся — пророки сионизма их обманули».

Это до монотонности настойчивое разоблачение «миража Израильского рая», несомненно свидетельствует о том, что тяга к Израилу в советском еврействе широко распространена и что если бы эмиграция в Израиль была разрешена, то сотни тысяч воспользовались бы этой возможностью. По настоящее время такого разрешения не последо-

вало, хотя еще в 1956 г. Хрущев сказал американскому социологу д-ру Жерому Дэвису: «Я убежден, что придет время, когда все евреи, желающие переехать в Израиль, смогут это сделать». Подобное заверение Хрущев дал в 1958 г. г-же Элеанор Рузвельт, а год спустя — также группе Американских ветеранов Второй Мировой Войны.

Одной из возможных форм легализации еврейской эмиграции в Израиль является так-наз. «воссоединение семей», т. е. разрешение родителям, детям, братьям, сестрам и т. д. соединиться с их близкими в Израиле. На вопрос, адресованный ему на конференции печати в Вене, одобряет ли советское правительство такую процедуру, советский премьер Хрущев ответил, что никаких ходатайств об этом от советских граждан не поступало и что, напротив, многие русские евреи в Израиле теперь ходатайствуют о возвращении в Советский Союз. Однако, Голда Меир, министр Иностранных Дел Израиля установила, что к тому времени русскими евреями были поданы 9236 просьб о позволении поехать к родным в Израиль. Подавляющее большинство таких ходатайств остались без удовлетворения. «Вестник Израиля» напечатал выдержку из трогательного письма 58-летней вдовы к ее единственной дочери в Израиле, которая, по просьбе матери послала ей три вызова:

«Дорогие мои, любимые деточки. Должна Вам сообщить свое большое горе, что мне вновь отказали в разрешении на поездку к Вам. Теперь что я должна делать? Я не знаю, как могу Вам писать: руки дрожат и сердце еле держится во мне... Дорогая, золотая моя, родная, любимая доченька, ты меня прости, что такое письмо пишу. Я не хотела тебе горе причинить, но что делать»...

Некоторые наблюдатели советской действительности, однако, убеждены, что в не слишком отдаленном будущем Советский Союз, в той или иной форме, будет вынужден разрешить эмиграцию своих еврейских граждан в Израиль. Они мотивируют этот прогноз тем, что положение еврейского меньшинства становится все более ненормальным даже с точки зрения самого режима. Четыре десятилетия советской власти не привели к вытравлению национального самосознания еврейского меньшинства. Даже культурно ассимилированное молодое поколение продолжает чувствовать свою принадлежность к еврейству, а в старшем поколении национальные традиции все еще сильны и живучи. Израиль стал в представлении широких слоев советского

еврейства если не «раем», то символом еврейского достоинства и нормальной национальной жизни.

Все это, разумеется, абсолютно неприемлемо для советского режима. Во времена Сталина, режим, возможно, не постеснялся бы огулом депортировать всех носителей подобных чувств и настроений в самые гиблые места дальнего севера. Но теперь подобный способ «решения еврейского вопроса» уже и политически и психологически неосуществим. «Воссоединение семей», которое дало бы выход накопившемуся тяготению к Израилю, значительно разредело бы напряженную атмосферу в советском еврействе. Ведь в Советском Союзе трудно найти семью без родственных связей в Израиле.

13

В середине октября 1964 г. А. Н. Косыгин заместил Никиту Хрущева на посту премьер-министра Советского Союза.

В первые 15 месяцев после смены власти не наблюдалось какой-либо перемены в советской позиции по вопросу об эмиграции евреев в Израиль для соединения с находящимися там родными. Выездные визы выдавались лишь в редких случаях и только пожилым людям, притом преимущественно жителям бывших прибалтийских стран, Буковины и Бессарабии. В 1965 году было выдано в среднем по 50-60 виз в месяц.

В 1966 году наступило значительное улучшение. В некоторые месяцы до 300 эмигрантов из СССР приезжало в Израиль и общее число за год составляло около 2.700. Многие из новых эмигрантов были молодые люди. Они приезжали с женами и детьми. Среди них были люди свободных профессий и с техническими квалификациями.

Большие надежды вызвало заявление Косыгина, сделанное в Париже 3 декабря 1966 года. В ответ на вопрос корреспондента американского телеграфного агентства, советский премьер заявил: «Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы удовлетворить желания тех семейств, которые стремятся соединиться, даже если они для этого должны нас покинуть. Против этого с нашей стороны нет и не будет никаких принципиальных возражений».

Советские газеты подхватили это заявление и подтвердили, что оно сделано с ведома и согласия всех правительственных органов. Конечно, это чрезвычайно обнадежило советское еврейство и число прошений о визах значительно возросло. В прежние времена многие воздержива-

лись от страха возможных репрессий: были случаи, когда ответы на затребованные у служебного начальства справки о претендентах на визу приводили к неприятным последствиям, как напр., исключениям из университетов и т. п. Иногда детей просителей заставляли публично (перед соучениками по школе) поносить своих родителей и торжественно обещать не последовать за ними в случае эмиграции.

Теперь можно было надеяться, что такие случаи больше не будут иметь места. Некоторые просители при подаче прошений приносили с собой номера американской газеты, в которой заявление Косыгина было напечатано.

Тем не менее, уже скоро выяснилось, что правительственные круги оказывают упорное сопротивление какому-либо облегчению выезда евреев из Советского Союза.

В ряде статей в советской прессе указывалось, что первоначальная реакция на парижское заявление Косыгина была слишком оптимистической. В январе 1967 г. в газете «Советская Молдавия» появилась статья под заглавием «Страна обетованная без прикрас» — длинное описание ужасающих условий жизни, которые ожидают эмигрантов в Израиле. Статья в газете «Советская Латвия» пошла еще дальше — в ней прямо говорилось, что эмиграция в Израиль для воссоединения с семьей есть акт не-патриотический и оскорбительный для советского народа.

Советский долг верности советскому отечеству должен стоять выше каких-либо семейных привязанностей. Истинный смысл таких газетных тирад был хорошо понят теми, кто намеревался хлопотать о выездной визе...

В то же время правительство Израиля употребляло все усилия, чтобы наладить лучшие отношения с Советским Союзом. Еще весной 1967 г. вновь назначенный израильский делегат в Объединенных Нациях Гидан Рафаэль заехал по дороге в Нью-Йорк в Москву и провел там целую неделю, чтобы установить личный контакт с руководителями московской ближневосточной политики. Такую же попытку сделал израильский министр труда Игал Аллон, ездивший в Ленинград в качестве главы делегации на международный съезд по социальному страхованию.

Но советская позиция оставалась непоколебимо враждебной. Главные адресаты советского военного снаряжения — Египет и Сирия — получили военную помощь на сумму около двух миллиардов долларов. Наряду с этим, Москва оказывала всемерную политическую поддержку воинственному арабскому национализму, направленному против Израиля. Советские представители в Объединенных Нациях

систематически налагали вето на все резолюции Совета Безопасности, осуждающие акты агрессии со стороны Сирии. Когда египетский президент Нассер закрыл для Израиля доступ в Тиранский пролив, СССР не только одобрил этот акт, но пригрозил военной интервенцией против каждого государства, которое бы осмелилось принять меры к восстановлению свободы судоходства в этом проливе.

Опираясь главным образом на эту советскую поддержку и на обильное снабжение современными военными орудиями со стороны СССР, Египет и Сирия, усиленные в последнюю минуту присоединением Иордана, окружили Израиль стальным кольцом. Но в памятные дни от 5 по 11 июня 1967 года израильская армия и авиация нанесли решительное поражение армиям трех арабских соседей, разрушив при этом сотни МИГ'ов и танков советского производства.

Советское правительство, несмотря на свое глубокое разочарование столь неудачным употреблением полученного от него военного снаряжения, продолжало и даже усилило свою политическую поддержку арабских стран. 10-го июня 1967 г. СССР порвал дипломатические отношения с Израилем. За ним последовали все государства Советского блока (Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария и Югославия), кроме Румынии. Советский делегат в Совете Безопасности Николай Федоренко заклеил Израиль кличкой «агрессор» и старался перещеголять арабских делегатов в их инвективах и угрозах, направленных против Израиля. Ту же линию политики продолжал затем советский премьер-министр Косыгин, приехавший в Нью-Йорк для участия в созванной по инициативе Советского Союза Генеральной Ассамблее. В своей вступительной речи Косыгин безоговорочно стал на позицию арабских делегатов, с большой резкостью осудил образ действий израильского правительства и внес резолюцию с требованием немедленного очищения всех занятых израильскими войсками территорий, уплаты репараций за военные убытки и угрозой санкций в случае неисполнения этих требований. Косыгину с большим достоинством отвечал израильский министр иностранных дел Абба Эбан. Предложенная Косыгиным резолюция встретила поддержку только со стороны делегатов арабских стран, и взамен ее делегат Югославии внес резолюцию, по которой требовалось только безоговорочное очищение занятых территорий. Однако, и эта резолюция не получила требуемого большинства в две трети голосов в Генеральной Ассамблее.

В то же время советское правительство аннулировало выданные выездные визы сорока русских евреев, которые

уже успели продать все свое имущество и приобрести проездные билеты в Израиль.

Когда советский посол Дмитрий Чувакин вручал израильскому министру иностранных дел ноту о разрыве дипломатических отношений, Абба Эбан выразил ему свое сожаление и указал на то, что Израиль всегда придавал большое значение и высоко ценил свои отношения с СССР. При этом он выразил надежду, что дипломатические отношения смогут скоро возобновиться на основе более справедливого отношения советского правительства к проблемам, стоящим перед Израилем и к агрессивной политике арабских стран.

Навязанная Израилу война была для него борьбой за свое существование, в которой он встретил сочувствие со стороны прогрессивных и миролюбивых кругов всего мира.

Еще, конечно, преждевременно судить о том, когда восстановятся нормальные отношения между Израилем и Советским Союзом. Несомненно предстоят еще моменты подъема и моменты упадка в этих отношениях. Много будет зависеть от общего политического положения в мире и, в первую очередь, от обострения или ослабления русско-американского соперничества на Ближнем Востоке.

Июль 1967 года.

ЛЕОН ШАПИРО

ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ ПОСЛЕ СТАЛИНА

Приезжающие из России передают, что смерть Сталина была воспринята русскими евреями, как избавление от непосредственной страшной опасности, но также как начало смутных дней, грозящих всякими бедствиями личного и национального характера. Историю этого тяжелого времени можно будет, конечно, писать только после того, как объективные научные исследователи получат доступ к материалам, находящимся в государственных или частных, — если таковые еще имеются, — архивах. Все же, анализируя материалы и сведения, которые проникли на Запад, можно сказать, что судьба пощадила Россию и русских евреев. Вскоре после второй мировой войны сталинский террор принял воистину страшные формы и размеры и грозил затмить ужасы “Ежовщины” конца тридцатых годов. В начале 1950-х годов еврейские аспекты сталинской политики приняли совершенно маниакальный характер и увенчались пресловутым делом врачей. Берия освободил еврейских врачей и, как по мановению волшебной палочки, из советской печати исчезли писания, отдававшие антиеврейским духом. Уже в апреле 1953 г. советское правительство открыто обвинило двух ответственных чиновников из полицейского аппарата в подготовке фальсифицированных документов и в необоснованных обвинениях, жертвами которых явились граждане, привлеченные к этому делу. Русское еврейство вздохнуло свободнее.

В 1957 году Хрущев стал полным хозяином партии и страны. Он оставался у кормила правления до конца 1964 г., и его отношение к евреям и к еврейскому вопросу в критические по-сталинские годы имело особенно важное значение для судеб русского еврейства.¹ Еще рано высказывать

---

¹ С любезного разрешения Американского Еврейского Ежегодника, я использовал для настоящей работы мои обзоры, печатавшиеся в изданиях Ежегодника до 1967 г. включительно. В дальнейших ссылках на эти обзоры, Ежегодник сокращенно обозначается тремя заглавными буквами: «А.Е.Е.».

суждение об отношении к еврейскому вопросу его преемников Брежнева и Косыгина, но мы, разумеется, отметим те перемены, которые произошли в 1965 и 1966 г.г.

Перепись 1959 г.

Многолетние споры о числе евреев в Советском Союзе кончились в 1959 г., когда в Москве опубликовали результаты переписи. Некоторые исследователи отнеслись довольно подозрительно к цифрам из Москвы, утверждая, что они не дают подлинной картины русского еврейства в послевоенный период. В рамках нашей статьи мы не можем входить в оценку советской статистики, но должны отметить, что перепись 1959 г. дает обширный и солидный материал демографического характера, в том числе и цифры о положении евреев в интересующий нас период.

Согласно переписи, 2.267.814 евреев жили в пределах Советского Союза на 1 января 1959 г. и таким образом евреи составляли приблизительно 1,1% всего населения страны. Приводим данные о географическом распределении еврейского населения.

<i>Советские республики</i>	<i>Число евреев</i>
Р.С.Ф.С.Р.	875.307 ²
Украинская С.С.Р.	840.311
Белорусская С.С.Р.	150.084
Молдавская С.С.Р.	95.107
Узбекская С.С.Р.	94.344
Грузинская С.С.Р.	51.582 ³
Азербайджанская С.С.Р.	40.204
Латвийская С.С.Р.	36.592
Казахская С.С.Р.	28.048
Литовская С.С.Р.	24.672
Таджикская С.С.Р.	12.415
Киргизская С.С.Р.	8.610
Эстонская С.С.Р.	5.436
Туркменская С.С.Р.	4.078
Армянская С.С.Р.	1.024
Всего в С.С.С.Р.	2.267.814

² Р.С.Ф.С.Р. включает Дагестанскую А.С.С.Р. — 21.427, Еврейскую Автономную Область — 14.269, Татарскую А.С.С.Р. — 10.360, Башкирскую А.С.С.Р. — 7.467, Чечено-Ингушскую А.С.С.Р. — 5.223, Кабардино-Балкарскую А.С.С.Р. — 3.525, Бурятскую А.С.С.Р. — 2.691, Северо-Осетинскую А.С.С.Р. — 2.082.

³ Грузинская С.С.Р. включает Абхазскую А.С.С.Р. — 3.332, Южно-Осетинскую А.С.С.Р. — 1.723, Аджарскую А.С.С.Р. — 1.617.

Вышеприведенная таблица свидетельствует прежде всего о значительных изменениях в географической структуре еврейского населения. В результате войны и нацистской оккупации, число евреев в исторически сложившихся местах их концентрации на Украине и Белоруссии сильно уменьшилось, особенно если мы примем во внимание расширенные границы современной Украины. Относительно увеличилось число евреев, живущих среди русского и нерусского населения Р.С.Ф.С.Р. и, что особенно важно, — создались новые еврейские центры в азиатских частях Сов. Союза, состоящие не только из местных евреев, но также из новых пришельцев из Украины, Белоруссии, Литвы и т. д. По данным переписи, свыше 300.000 евреев находилось в этих районах, — т.-е. приблизительно 13% всего еврейского населения России. Естественно, что в этих условиях разбросанности, сопротивление ассимиляционным процессам существенно уменьшилось. Мы не можем входить в детали, но несомненно, что новая географическая картина русского еврейства, стабилизировавшаяся в послесталинские годы, безусловно окажет большое влияние на его национальный и культурный облик.

Следует также отметить, что из общего числа 2.267.814 евреев — 1.030.629 были мужского и 1.237.185 — женского пола; 2.161.702 представляли городское население, и только 106.112 числились среди сельского населения. Сельское население включает, повидимому, значительное число представителей технических профессий, работающих в деревне или обслуживающих колхозы. Другими словами, после всех революционных потрясений и войны русское еврейство в основном сохранило свой характер городского населения. Приобщение евреев к сельскому хозяйству, т. н. процесс аграризации, окончился провалом, несмотря на все усилия в этом направлении общественных еврейских организаций и в начальный период даже государственной помощи, оказанной еврейским земледельческим колониям.

На 1 января 1967 г. еврейское население Сов. Союза достигло приблизительно 2.543.000. Эта цифра основана на исчислениях советской статистики об естественном приросте населения Советского Союза. По этим данным, естественный прирост доходил до 17 на тысячу в 1959, 1960, 1961 г.г., до 15 на тысячу в 1962, 14 — на тысячу в 1963, 13 — на тысячу в 1964, 12 — на тысячу в 1965 и 11 — в 1966. Конечно, при этом мы исходим из предположения, что

еврейское население увеличилось в той же пропорции, что и другие народы С.С.С.Р.⁴

Религиозная жизнь

Советская конституция 1936 г. обеспечивает свободу вероисповедания и гарантирует свободу богослужения для верующих всех существующих в Советском Союзе религий. Но практика, как известно, совершенно иная, а еврейское население в Сов. Союзе продолжает оставаться “на особом положении”. Дело не только в том, что в условиях советской действительности евреи, придерживающиеся правил о кошерной пище и соблюдающие субботу и праздники, подвергаются разным формам общественного остракизма. Уже после смерти Сталина советская пресса сообщала о т. н. “общественных судах”, организованных в Кишиневе и, возможно, в других местностях. Обвинялись верующие евреи, которых судили за приверженность к “старым обрядам”, за “суеверие” и т. д. Евреи в течение веков привыкли к такого рода отношению к своим религиозным традициям и поэтому такие “процессы” вряд ли могли их заставить отказаться от соблюдения библейских предписаний.

Гораздо существеннее для религиозных евреев была практическая невозможность совместить выполнение обрядов с установленными порядками в советских учреждениях и на фабриках и заводах, где все по необходимости работают. Особенно трудно приходится молодежи, т. к. участие в религиозных “двадцатках”, или посещение молитвенных домов грозит закрыть им доступ в высшую школу или помешать продвижению по службе.

Из источников, заслуживающих доверия, передают, что в разных городах России верующие евреи, как некогда мараны, приспосабливаются к советским условиям и создают своеобразные формы сопротивления официальному безбожничеству. Они служат ночными сторожами в предприятиях, редко встречаются с начальством — их мало видят и им удается кое-как соблюдать закон о субботнем отдыхе. Однако, в советских условиях 20-ых и 30-ых годов русские евреи не сумели сохранить своего самостоятельного общинного религиозного устройства. Этот общинный уклад — “три Б”, как писал когда-то В. Лацкий-Бертольд: “Бет-Ганесет, Бет-Га-мидраш и Бет-Олам” (синагоги, дома мо-

---

⁴ Статистические данные взяты из книги «Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года», Москва 1962. См. также А.Е.Е. № 65, 1964 г., стр. 267-268 и № 68, 1967 г., стр. 380.

литвы и учения, кладбища) издавна составлял основной базис еврейского религиозного быта. При этом, в традиционных еврейских общинах (признанных или непризнанных законом) всегда играли особую роль раввины. Но еврейские общины были закрыты уже в 1919-1920 г.г. и еврейское население оказалось в положении корабля, плывущего без руля и без ветрил. В этом отношении почти ничего не изменилось и после смерти Сталина.

Согласно существующему законодательству, еврейская религиозная деятельность регулируется декретом от 8 апреля 1929 г., установившим права и обязанности всех религиозных обществ — христиан, мусульман, евреев и т. д.⁵ Этот декрет предусматривает, что всякое общество верующих должно состоять, по меньшей мере, из 20 граждан не моложе 18-ти лет от роду. Эти “двадцатки” по существу заменили еврейские общины, но их права строго ограничены кругом вопросов, касающихся непосредственно молитвенных домов и их управления. Всякая иная деятельность, как, например, организация кооперативов, обществ взаимной помощи или религиозных школ строго воспрещена законом. Члены двадцаток не имеют права владения синагогальными зданиями, могут только арендовать здания синагог и имеют право производить денежные сборы на содержание арендованных ими молитвенных домов среди единоверцев. Все члены “двадцаток” несут лично и коллективно ответственность перед властями за деятельность религиозной группы, к которой они принадлежат. Разумеется, каждая “двадцатка” должна быть зарегистрирована местными органами власти, которые могут по своему усмотрению и отказать в регистрации. К сожалению, нельзя установить число еврейских “двадцаток”, ныне зарегистрированных в Советском Союзе. Некоторые данные появились в печати, но они основаны на случайной и непроверенной информации, полученной из отдельных городов и в разное время. Необходимо подчеркнуть ограничительную политику советских властей по вопросу о создании районных или центральных еврейских религиозных учреждений. Закон о “двадцатках” предусматривает возможность созыва районных и областных конференций, разумеется, после предварительного уведомления и с согласия властей. Хотя вопрос о центральной еврейской религиозной организации сам по себе довольно сложен, нет сомнения, что в настоящих условиях создание такого рода центра встретило бы поддержку местных общин.

---

⁵ А.Е.Е. № 57, 1956 г., стр. 418.

Такого рода центральные учреждения, с разрешения властей, как известно, существуют среди православных, магометан и пр. Православная церковь, пользующаяся особыми привилегиями, имеет широко поставленную центральную организацию. Четыре центральных духовных учреждения допущены среди магометан в европейской части Сов. Союза и Сибири, в Средней Азии и Казахской С.С.Р., на Северном Кавказе и в Закавказье.⁶ Но до сих пор еврейское население не получило разрешения на создание центрального учреждения. Еврейские “двадцатки” работают в условиях полного отсутствия всякой координации, и местные раввины лишены возможности созвать совещание для обсуждения текущих религиозных дел.

Представители православной церкви неоднократно получали разрешение и выезжали за границу—в С. Штаты, Швейцарию, в Израиль и др. страны. Католикос армянской церкви посетил Иерусалим в 1962 г., мусульманские пилигримы во главе с муфтием Зиявутдином Бабахановым посетили Мекку и Медину в 1963 г.⁷ Но и в этом отношении евреи находятся на особом положении. Представители религиозных евреев никогда не имели возможности выехать за границу по делам своих единоверцев. В 1963 г. Синагогальный Совет Соед. Штатов официально пригласил московского раввина Левина в Нью Йорк, но Левин ответил, что он не может приехать т. к. он “стар и болен”.⁸

Гонения на еврейские религиозные общины приняли более решительные формы, когда волна арестов прокатилась по Сов. Союзу в 1960 г. Казалось, что Хрущев возвращается к сталинским методам: многие еврейские деятели были арестованы по обвинению в шпионаже и в связях с “посольством одного из капиталистических государств”. Три руководителя общины в Ленинграде были приговорены в октябре 1961 г. к разным срокам тюремного заключения — Т. Р. Печерский — на 12 лет, Е. С. Динкин — на 7 лет и Т. А. Каганов — на 4 года.

В том же году три руководителя Московской общины — Рoshаль, Гольдберг и еще один еврей, имя которого нам не удалось установить, были осуждены на три года заключения. Согласно сообщению Евр. Телегр. Агентства, ряд ответственных руководителей еврейских общин в разных городах были местными властями отстранены от их должностей. Среди них Е.Т.А. назвало Бардоха (Киев), Фрида

⁶ «Известия», Москва, от 11 авг. 1963, А.Е.Е. № 65, 1964, стр. 270.

⁷ «Известия», от 23 мая 1963. А.Е.Е. № 65, 1964, стр. 271.

⁸ А.Е.Е. № 65. 1964, стр. 271 .

(Минск), Каоба (Вильно), Иерусалимского (Ташкент) и Зильбермана (Рига).⁹ После отбытия четырехлетнего заключения Каганов вернулся в Ленинград в 1966 г.¹⁰ Повидимому, репрессивные меры, принятые по отношению к руководителям еврейских общин, были продиктованы желанием советских властей прекратить какие бы то ни было сношения между русскими евреями и представителями израильского посольства. Однако, в последующие годы советская администрация отказалась от массовых репрессивных мер по отношению к еврейским общинам, вызывавших общие протесты в Западной Европе и Америке и, насколько нам известно, массовые аресты руководителей еврейских общин не повторялись.

Синагоги

Война и гитлеровская оккупация разрушили почти все еврейские синагоги на Украине, в Белоруссии и Литве. Советские органы власти, по окончании войны, не только ничего не сделали для восстановления еврейских молитвенных домов, но, напротив, систематически препятствовали усилиям местного еврейского населения отстроить или отремонтировать старые, чудом уцелевшие здания. Евреи-делегаты на международном студенческом конгрессе, посетившие Россию в 1954 г., были поражены убожеством и одряхлением зданий синагог даже в Москве и Ленинграде. По всей стране старые синагоги исчезали, а новых не строили. Известный апологет еврейской политики Сов. Союза Соломон Рабинович объяснял упадок синагог тем, что “наш народ верит в спутников и не занимается религией”. Однако, данные о ликвидации синагог правительственными органами, принявшей почти массовый характер в хрущевский период, говорят совершенно о другом. Отнюдь не за недостатком молящихся, а по указу властей были закрыты синагоги в следующих городах: Свердловск (Сибирь), Пятигорск, Грозный (Кавказ), Жмеринка, Житомир, Кременчуг, Полтава, Черновицы, Львов (Украина), Саратов, Казань, Тула, Оренбург (РСФСР), Ковно (Литва), Калараш, Сороки (Молдавия), Бобруйск, Минск (Белоруссия).¹¹ Одновременно местные власти запрещали т. н. “миньоны”, т.-е. богослужения, устраиваемые верующими на частных квартирах, в Харькове, Одессе и Витебске.

⁹ А.Е.Е. № 63, 1962, стр. 369, 370.

¹⁰ А.Е.Е. № 67, 1966, стр. 371.

¹¹ А.Е.Е. № 65, 1964, стр. 269, № 66, 1965, стр. 423. Из Москвы опровергали сообщение о закрытии синагог в Минске и Житомире.

Этот далеко не полный список раскрывает подлинную картину положения синагог в Сов. Союзе. Синагоги закрывались местными властями под разными предлогами, притом, и в большинстве случаев, без возможности апелляции. Часто, под предлогом уменьшения числа верующих местные власти реквизируют молитвенные дома для красноармейских клубов, для коммунистического союза молодежи и т. д. В ряде городов ликвидации синагог предшествовала кампания в прессе — газеты указывали, что синагоги превратились в центры черного рынка, пьянства и антисоветской пропаганды. Легко себе представить, что значат в советских условиях такие обвинения, особенно для людей, работающих в советских учреждениях.

Поэтому нет ничего удивительного и в том, что вопрос о числе закрытых синагог и числа синагог, молитвенных домов и “мишьянов”, ныне функционирующих в Советском Союзе, засекречен. Власти сообщают противоречивые сведения. Представитель правительственного комитета по религиозным делам сообщил в 1960 году, что в Сов. Союзе 400 синагог обслуживают приблизительно полмиллиона верующих евреев. Приблизительно в то же время советское правительство официально уведомило Объед. Нации, что в Сов. Союзе насчитывается 450 синагог. “The Soviet Mission Today”, еженедельный бюллетень советского посольства в Вене, сообщил в том же 1960 г., что по всему Союзу религиозные службы совершаются в 150 синагогах. София Фрай из редакционной коллегии “Советиш Геймланд”, отвечая на критическую статью в нью-йоркском “Лайф” (7 дек. 1959), сообщила, что синагоги существуют в Житомирском районе (6), Полтавском (3), Винницком (5), Хмельницковском (3), Черниговском (3), в Молдавии (11), а также в Ленинграде, Москве, Одессе, Херсоне, Николаеве, Бердичеве, Днепропетровске, Кировограде и т. д.¹²

Все вышеприведенные цифры были опубликованы в 1960 г., а три года спустя официальный журнал “U.S.S.R”, на основании сведений, полученных от московского раввина Ю. Л. Левина, сообщил, что в Сов. Союзе существует всего 96 синагог, а С. Рабинович подтверждает, что в 1965 г. фактически 97 синагог функционировали в Советском Союзе.¹³ У нас нет никакой возможности проверить данные, опубли-

---

¹² А.Е.Е. № 62, 1961, стр. 287. См. также «Вестник Израиля», Тель-Авив, май-июнь 1960 г.

¹³ С. Рабинович, «Идн ин Советн-Фербанд», Москва, 1965 г., стр. 47. Американско-еврейские источники пишут о 62 синагогах. Эта цифра нам представляется необоснованной.

кованные Рабиновичем. Но надо полагать, что эта достаточно низкая цифра, вероятно, более или менее соответствует настоящему положению вещей. Таким образом получается, что в 1965 г. в Сов. Союзе в среднем имелась одна синагога на 25.000 евреев. Даже, если допустить, что т. н. “штиблахи” и т. п. все еще существуют в разных городах, вне официальной синагоги, то совершенно очевидно, что возможности удовлетворения религиозных нужд русских евреев остаются весьма ограниченными.

Приход к власти Брежнева и Косыгина очень мало отразился на отношении правительственных органов к синагоге. Правда, в некотором смысле официальные круги стали как будто осторожнее; предлоги или поводы для закрытия синагоги в том или другом пункте кажутся менее произвольными, — но в основном административная практика осталась та же.

В 1965 году местные власти уведомили еврейскую общину в Таллине (Эстония), что там синагога будет скоро снесена. Однако, в разрешении на постройку новой синагоги было отказано.

Служители культа

Ешиботы были закрыты много лет назад и нет ничего удивительного, что еврейское население испытывает сейчас острый недостаток в раввинах и других служителях культа. Число раввинов, получивших т. н. раввинский диплом, с каждым годом естественно уменьшается и можно сказать, что невозможность найти смену вымирающим раввинам является одной из наиболее серьезных проблем, стоящих перед религиозным еврейством в настоящее время. Здесь уместно упомянуть, что за последние 50 лет фактически отсутствовали учреждения для подготовки “могелим”, что создает почти безвыходное положение для религиозных семей, которые хотели бы произвести обряд обрезания новорожденных младенцев.

По достоверным сведениям известно, что во всем Советском Союзе в 1965 г. было около 40 раввинов, включая выходцев из Польши и Литвы. Среди раввинов, пользовавшихся общим признанием, можно назвать Юду-Лейба Левина, главного раввина Москвы, и Нуту Олевского, раввина Марьино-Рощинской синагоги (скончался в декабре 1966 г.), Хаима Лубанова в Ленинграде, Аврама Панича в Киеве, Израиля Шварцбарта в Одессе, Юду-Менахема Рабиновича в Вильне, Эммануила Давиджашвили в Тифлисе и И. Н.

Алаева в Самарканде.¹⁴ Единственный в Сов. Союзе хасидский ребэ, духовный вождь из Сквирской династии, А. Тверский, в 1964 г. эмигрировал в Израиль. Попутно следует отметить, что до сих пор в религиозных кругах чувствуется сильное влияние русского хасидизма, особенно любавичского хабада.

Только в 1957 г. Московская еврейская религиозная община получила разрешение на открытие школы для подготовки раввинов. Сообщение об этом ешиботе в Москве было всюду встречено с большими надеждами. Ешибот Кол-Яков был официально открыт в январе 1957 г. в помещении Большой синагоги. В течение первого учебного года он насчитывал 35 учеников. Видимо, не случайно большинство ешиботников приехали из советской Азии — из Грузии и Узбекистана, где после войны образовались центры религиозного еврейства. Подготовительную работу для создания ешибота вел раввин Соломон Шлифер, — в будущем первый Рош-Ешибот. Он скончался вскоре после открытия ешибота и его заменил Юда-Лейб Левин, который до нашего времени (1966) занимает пост Рош-Ешибота. После долгих и трудных переговоров раввину Шлиферу удалось привлечь небольшую группу компетентных учителей. Согласно имеющейся у нас информации, в разное время преподавали в ешиботе раввины Шимон Требник, Хаим Кац, Яков Каменецкий и др. В последующие годы московский ешибот пережил много критических дней, после чего его деятельность фактически прекращалась. Раввин Шлифер останется в анналах русского религиозного еврейства, как человек, который пытался в тяжелые послесталинские годы, возобновить в России традицию изучения Торы.

К сожалению, надежды, возлагавшиеся на московский ешибот, не оправдались, так как советская власть сильно ограничила фактический доступ новых учащихся. Уже в начале 1960-х годов московские власти отказались возобновить разрешение на проживание в Москве ученикам уроженцам Кавказа, и ешиботники, уехавшие на летние каникулы, не смогли вернуться в Москву. Число учеников раввинской школы естественно начало быстро падать: в 1960 г. — 20, в 1961 — 11, в 1962 — 6, а в 1965 их осталось всего 4. Иностранцы, посетившие Москву в 1964 г., передавали, что ешибот фактически бездействует, но раввин Левин неоднократно опровергал эти слухи. Согласно сообщениям Левина, работа ешибота была прервана лишь временно, но потом занятия в нем возобновились, и новые ученики долж-

¹⁴ А.Е.Е. № 64, 1963, стр. 351, № 65., 1964, стр. 270.

ны были приехать из Грузии и Украины. Насколько нам удалось установить, только один ученик получил раввинский диплом (1958/1959) и сделался раввином в Перми.

Гонения на еврейскую религию не ограничивались ликвидацией синагог и затруднениями, которые чинили ешиботу. Американские раввины, посетившие Москву в 1956 г., три года спустя после смерти Сталина, писали, что у русских евреев нет молитвенников, талесов, филактерий, мезуз и т. д. Люди, побывавшие в Москве, передавали, что сидоры и махзоры (молитвенники) стали такой редкостью, что их продавали тайком по 100-200 рублей за штуку. Талесы продавались по 1500 рублей, но найти талес было почти невозможно даже за эту баснословную цену.

Несмотря на все препятствия, покойному раввину Шлиферу удалось добиться разрешения властей на выпуск 10.000 экземпляров стандартного молитвенника. Одновременно Московская религиозная община издала религиозный календарь на 5717 г. (1956-1957). Этот календарь, напечатанный на mimeографе, состоял из 32-х страниц обычного текста, причем заупокойная молитва — “кадиш” была дана в русской транскрипции. Такого же рода религиозные календари публиковались в последующие годы и в лучшем издании печатались в типографии и были снабжены обложкой. Нужно отметить, что время возжигания свечей в календаре на 5726 г. (1965-1966 г.) указано только для Москвы.¹⁵

Что касается молитвенников, то советские власти оставались глухи ко всякого рода ходатайствам в этом отношении. Только в 1965 г. раввин Левин в беседе с делегацией американских раввинов сообщил, что у него имеется разрешение на новое издание трехтомного молитвенника в 10.000 экземпляров. Дальнейшая судьба этого проекта неизвестна, но даже если новый молитвенник появится, то вряд ли ограниченное издание удовлетворит потребность верующих среди 2½ миллионов евреев Советского Союза. Если даже предположить, что советские власти согласятся взять на себя производство или ввоз талесов, филактерий, мезуз и пр., то вряд ли это будет сделано в нужном количестве. Давид Милер — корреспондент Евр. Телегр. Агентства, посетивший Сов. Союз в 1959 г. — особенно подчеркивал острый недостаток в предметах религиозного обихода и ту же кар-

---

¹⁵ А.Е.Е. № 59, 1958, стр. 318. Строго религиозные евреи выпустили свой «луах» (календарь), напечатанный на mimeографе на 1966-1967 г., без указания города издания.

тину рисует отчет раввинов, посетивших Москву в 1965 г.¹⁶

Советские власти вообще относящиеся с большой подозрительностью ко всяким контактам русских граждан с иностранцами, особенно резко почему то обрушиваются на евреев, принимающих в подарок молитвенники или талесы от единоверцев-туристов. В феврале 1962 г. раввин Левин призывал членов религиозной общины не принимать подарков от евреев, приезжающих из заграницы. А в августе 1963 г. московские “Известия” посвятили резкую статью американскому раввину, который, якобы, распределил 800 молитвенников и др. предметов религиозного обихода.¹⁷ Достоверно известно, что в большинстве случаев посылки, содержащие предметы религиозного обихода, до адресата не доходят. Когда в 1959 г. раввинат в Израиле послал в Сов. Союз разным еврейским общинам 185 пакетов с “эсрогим” и “луловим”, — посылки эти были возвращены с официальной печатью “ввоз запрещен”.¹⁸

В 60-ых годах власти распространили политику удушения еврейских религиозных обрядов на область, в которой религиозные евреи проявляют особенную чувствительность: в целом ряде городов под разными предлогами были принудительно закрыты еврейские кладбища. Среди прочих городов это случилось в Минске, а в Москве власти отказали предоставить в распоряжение религиозной общины участок, который мог бы быть освящен согласно еврейской религиозной традиции. Такого же рода трудности испытывали евреи в Ленинграде. Во многих случаях тела умерших были кремированы, что, конечно, вызвало сильное возмущение среди верующих евреев.

Ограничения выпечки мацы

В течение многих лет советские власти не вмешивались в празднование еврейской Пасхи. Обрядовая сторона этих праздников их мало занимала. Конечно, безбожники говорили и писали о “суевериях”, связанных с Пасхой, и при случае “разъясняли социальную подоплеку этих пережитков древнего мира”. Но несмотря на атеистическую пропаганду, евреи в Советском Союзе в общем праздновали свою Пасху, а мацу покупали даже те, кто мало придерживался рели-

¹⁶ А.Е.Е. № 67, 1966, стр. 370.

¹⁷ А.Е.Е. № 65, 1964, стр. 270.

¹⁸ А.Е.Е. № 61, 1960, стр. 259. «Эсрог» — это род лимона и «лулов» — ветвь, традиционно сопровождающие религиозные церемонии в осенний праздник «Суккот».

гиозных традиций. Русские евреи приобретали мацу в государственных магазинах, причем соответствующие государственные органы заботились об изготовлении и распределении мацы. Если имели место случаи недостатка мацы в том или ином пункте, то религиозные евреи относились к этому спокойно, допуская, что местные власти чего-то недосмотрели.

В середине пятидесятых годов, — приблизительно тогда, когда Хрущев стал полновластным хозяином страны, — положение круто изменилось к худшему. Именно в это время антиеврейские настроения в центре усилились и чиновники на местах знали, что в отношении евреев можно себе позволить разные вольности, особенно когда дело касается религии. Появившийся в 1954 г. “Краткий философский словарь” ясно указывал, что еврейская религия представляет из себя собрание суеверий, основанных на религиозной нетерпимости и на реакционных идеях, причем особенно подчеркивалась связь еврейской религии с “империалистическим сионизмом”.

По имеющимся данным, в 1959, 1960 и 1961 г.г. был введен запрет на изготовление мацы в Киеве, Одессе, Харькове, Ростове, Кишиневе и Риге. Однако, этот запрет, по видимому, еще не носил всеобщего характера. Местные власти разрешали выпечку мацы в Москве, Ленинграде и Тифлисе, а в 1962 г. также и в Киеве. Но в 1963 г. были закрыты пекарни, организованные отдельными общинами и, одновременно, по предписанию властей, государственные пекарни отказались изготавливать мацу. Так как печь мацу в частном порядке в советских условиях очень трудно, то эта новая политика властей поставила верующих евреев в почти безвыходное положение. Следует добавить, что многочисленные посылки мацы, адресованные из заграницы частным лицам в разные города Советского Союза, не были доставлены, и что та же участь постигла посылки, посланные общественными организациями и раввином Израиля и Англии. Передают, что небольшие группы верующих, которые пытались в частном порядке заготовить необходимые кошерные продукты и, в частности, мацу, натолкнулись на явно враждебное отношение властей. Советские власти предприняли широкую кампанию в прессе, которая указывала, что посылка мацы из Израиля или капиталистических стран Европы и Америки органически связана с империалистической антисоветской политикой. Естественно, что в этих условиях многие боялись принимать посылки и в советских газетах появились письма в редакцию, протестующие против “ненужной мацы”.

Наряду с газетной кампанией власти предпринимали также административные меры. В июле 1963 г. Эмиль Кац, Вольф Богомольский, Клавдия Бляхман и Малка Брио были привлечены в Москве к суду за незаконную выпечку мацы, “спекуляцию” и незаконную наживу в связи с выпечкой мацы. Обвиняемые признали, что они переуступали излишек испеченной ими мацы нуждающимся евреям, но при этом подчеркивали, что они никаких денежных операций для наживы не совершали, а пекли мацу исключительно для удовлетворения своих религиозных нужд.

Защитник Михаил Лозинский в своей речи указал, что весь этот процесс является результатом правительственных ограничений на выпечку мацы. В существующих условиях верующие не имеют другого выхода — они вынуждены печь мацу частными средствами и делить между друзьями заготовленные запасы. Защита также обратила внимание суда на положение в московских церквях, где открыто продаются свечи и просфоры для причастия, и никто до сих пор не обвинял руководителей церкви в спекуляции и незаконной торговле. Все эти доводы, однако, ничуть не повлияли на решение суда. Трое обвиняемых были признаны виновными и приговорены к тюремному заключению сроком от 6 месяцев до 1 года, а четвертый (старик-инвалид 82 лет) был освобожден по старости лет.

Однако, к концу 1964 г. и в начале 1965 местные органы значительно смягчили административные мероприятия, регулирующие выпечку мацы. Все же эта новая политика применялась не одинаково в разных местах и, видимо, многое зависело от людей, выполняющих предписания, полученные свыше. Естественно, что во всех городах евреи должны были заботиться о своевременной доставке муки и о подготовке специальных пекарен, а это, конечно, в первую очередь, зависело от местных властей. Согласно имеющимся данным, в 1965 г. в Москве 4 пекарни выпускали ежедневно около 4000 фунтов мацы. Необходимые разрешения на выпечку мацы были также получены в Ленинграде, Одессе, Риге и в Грузии. Однако, евреи в Киеве, Харькове и Минске и в отдельных местностях Узбекской республики, пытавшиеся организовать выпечку мацы, продолжали испытывать всяческие затруднения. Хотя ничего существенного не изменилось в 1966 году, все же можно сказать, что некоторое улучшение в снабжении еврейского населения мацой наблюдается сейчас. Хождение по мукам религиозного еврейства длится уже много десятилетий и, именно, поэтому достоверные сведения о том, что в Советском Союзе до нашего времени сохранилось значительное ядро религиозного ев-

рейства, придерживающееся предписаний Торы и выполняющее вековые обряды вызывает чувство глубокого удовлетворения. Передают даже, — и это граничит с чудом, — что в Советском Союзе находятся молодые русские евреи, которые, несмотря на все препятствия, приобрели довольно серьезные познания в области Талмуда и традиционной литературы. Особенно важно отметить, что в самые трудные годы русские евреи обращались к своим раввинам за разрешением вопросов, касающихся применения еврейского религиозного закона к современной жизни. Это значит, что вековая традиция не оборвалась даже в каторжных условиях советской действительности.

Поразительным примером жизненности еврейской традиции в СССР и частично в странах сателлитах — является небольшая книжка под названием “Шомерей Гагахелет” (Хранители огня), недавно вышедшая в Израиле под редакцией раввинов З. Г. Гаркави и А. Шаули. Достаточно взглянуть на приведенный в ней материал, чтобы убедиться, что еще рано сбрасывать русское еврейство со счетов еврейской истории. Эти “респонсы” раввинов посвящены по существу одному вопросу: как сохранить в условиях безбожного, атеистического государства хотя бы минимум еврейского традиционного уклада? Евреи спрашивают, и раввины отвечают, что нужно и что можно делать, если нельзя иметь необходимый кворум (миньон) для совместного богослужения. Трактуются в книжке также трагическая проблема о принятии на себя мученичества в случаях принуждения отказаться от верности Торе.

Как было указано выше, евреи, живущие в азиатских частях Советского Союза, сохранили в большей мере, чем их единоверцы в России и на Украине, традиционный, религиозный уклад. Но следует отметить, что после смерти Сталина, в период т. н. либерализации многие тысячи евреев открыто участвовали в богослужениях в Москве, Ленинграде, Киеве и т. д. В 1962 г. 10.000 собрались вокруг главной московской синагоги в день Иом-Кипура. В 1963 г. число их поднялось до 15.000. Известный французский политический деятель Жан-Пьер Блок, который находился в Ленинграде в 1965 г., сообщает, что много тысяч евреев были в синагоге в день поста. В 1966 г. многотысячная толпа молодежи запрудила улицы и площадь вокруг московской синагоги, чтобы праздновать Симхат-Тору. Под аккомпанимент гитар они пели еврейские песни и танцевали до поздней ночи. Судя по сообщениям прессы, это же имело место в Ленинграде, Тифлисе и других городах. При этом следует учесть, что все эти молодые люди, и юноши и де-

вушки вряд ли посещали еврейские школы, и их знания еврейской религиозной традиции, по всей вероятности, были весьма ограничены. Как же случилось, что вопреки безбожному воспитанию, несмотря на доминирующие общественные настроения, эта тяга к вековому еврейскому укладу сохранилась даже среди молодого поколения русского еврейства? Будущий историк изучит и осветит это замечательное явление. Мы же, современники, можем только зарегистрировать эти примечательные факты, свидетельствующие о пробивающихся наружу творческих силах, которые в условиях свободы окажут влияние на формирование культурного типа русского еврейства в пореволюционном русском обществе.

Антиеврейская политика

После смерти Сталина, особенно в годы интенсивной де-сталинизации, антисемитская пропаганда на короткое время почти совсем исчезла из газет и журналов Советского Союза. Новые люди, пришедшие к власти, создавали свой, отличный от сталинского, стиль советской жизни. Началась частичная реабилитация жертв сталинского “культа личности”. Нужно, однако, сказать, что в отношении евреев эта “весна” очень скоро закончилась. Новая советская бюрократия — наследники Сталина, выдвинутые из крестьянской среды, были проникнуты глубоким недоверием к чуждому им городскому еврею. Все, что они слышали об евреях в последние годы сталинского режима, внушало им уверенность в социальной и политической “неблагонадежности” евреев. Вдобавок, в результате немецкой оккупации, антисемитизм в разных формах значительно усилился среди всех слоев населения Украины, Молдавии, Литвы и т. д.

Эти настроения в той или иной степени охватили верхушки партийного и правительственного аппарата. Пятьдесят лет после революции, несмотря на все существующие законы, на евреев продолжают смотреть, как на чужаков. Эренбург, всегда бывший принципиальным сторонником ассимиляции,¹⁹ заявил в Париже в 1959 г., что он перестанет считать себя евреем после того, как исчезнет антисемитизм в России.²⁰ Эренбург не раз возвращался к вопросу об антисемитизме и в своей серии статей в “Новом Мире”, посвященной Чехову (май-июнь 1959 г.), он писал о реакции Чехова на процесс Дрейфуса и подчеркивал резко отрица-

¹⁹ «Правда», Москва, 21 сент. 1948 г.

²⁰ Е.Т.А. 13 мая 1959 г.

тельное отношение писателя к антисемитизму и ко всякому проявлению расовых предрассудков. Эти статьи звучали, как призыв к русской интеллигенции дать отпор усиливающимся антиеврейским выступлениям в Советском Союзе.

Очень содержательный отчет об антиеврейских настроениях в советской верхушке представила французская социалистическая делегация, посетившая Москву в мае 1956 г. Об этих беседах подробно сообщил Пьер Лошак, француз русского происхождения, сопровождавший французскую делегацию. В откровенной беседе Хрущев не отрицал наличие антиеврейских настроений, но он их относил к пережиткам старого режима. Сам Хрущев, однако, нашел возможным сказать, что если евреи захотели бы занять первые места в советском аппарате, то это, конечно, вызвало бы недовольство среди “коренных” советских граждан. Принимавший участие в беседе тогдашний заместитель премьера Михаил Первухин подчеркнул, что не следует забывать “нашу собственную интеллигенцию”.²¹ Несмотря на то, что и Хрущев и Первухин, видимо, проводили различие между евреями и “коренным” населением и между еврейской и русской интеллигенцией, Хрущев все же энергично протестовал, когда его обвиняли в антисемитизме. В таких случаях он ссылался на свои семейные связи и напоминал, что его сын, погибший на войне, был женат на еврейке. Любопытно, что в беседе с Элеанор Рузвельт в 1957 г. Хрущев отрицал даже возможность антисемитизма в Советском Союзе, где “национальный вопрос вообще не существует и где все национальности, и в том числе евреи, пользуются всеми правами и преимуществами советских граждан”.

Трудно сказать, верил ли Хрущев в эту идиллическую картину советской жизни, или же он решил использовать свою встречу со знаменитой американкой в целях пропаганды. Во всяком случае все то, что мы знаем о положении евреев, когда Хрущев был у власти, рисует гораздо менее благоприятную картину. Как известно, в 1957 г. Хрущев ликвидировал т. н. антипартийную группу и тогда же вместе с другими вождями был также исключен из Президиума Центрального Комитета партии Лазарь Каганович. Хотя исключение Кагановича не было связано с его еврейским происхождением, все же его уход с еврейской точки зрения несомненно символизировал конец эпохи. После Кагановича евреев в Президиуме коммунистической партии или в се-

---

²¹ А.Е.Е. № 59, 1958, стр. 321. См. книгу С. Шварца «Евреи в Сов. Союзе с начала второй мировой войны», стр. 260. Шварц дает подробное описание этой беседы.

кретариате Центрального Комитета нет. Евреи исчезли не только из руководящих органов партии, но также из ведущих правительственных кругов.

Несомненно политика антиеврейской дискриминации начала складываться еще перед войной, но только после смерти Сталина антиеврейские ограничения приняли, так сказать, “будничный” характер.

Очень показательна в этом отношении недавно опубликованная работа С. Рабиновича. Рабинович пишет, что среди членов местных городских и центральных советов насчитывается 7647 евреев, но он не указывает, что общее число членов всех советов достигает почти 2.000.000. Среди 1443 членов Верховного Совета Национальностей и Совета Союзов в 1964 г. было всего 5 евреев, — хотя 95 процентов еврейского населения живут в городах и несомненно представляют тот элемент, из которого обычно вербовались советские активисты. Как известно, списки кандидатов готовятся партийными комитетами и, повидимому, они то и ограничивают число евреев в центральных учреждениях Союза. Достаточно просмотреть списки людей, занимающих высокие посты в партии, в правительстве, в армии и в дипломатическом корпусе, чтобы получить довольно ясное представление о действительном положении вещей: евреев там почти нет, а те немногие, кто еще остался на верхушке, играют по существу второстепенную роль. Цитированная выше работа С. Рабиновича вполне подтверждает эту картину.

Среди евреев, занимающих ответственные посты, согласно Рабиновичу, находятся Петр Шварцбард — зам. председателя Госплана Белоруссии, Рафаль Элигулашвили — председатель экономического совета Грузии, Марк Златкин — главный редактор одного из крупных издательств Грузии, Роберт Златкин — ответственный сотрудник Центрального Комитета партии Грузии, Владимир Венгерский — ответственный работник Центр. Комитета партии Узбекистана, Исаак Баренбойм — глава строительного треста в Киеве, Илья Игудин — главный редактор газеты в Литве, Нахум Ферштак — заведующий отделом сельскохозяйственных инструментов в Узбекистане.²² Нельзя не отметить, что большинство людей, названных в этом списке, работают в провинции и особенно на Кавказе, где, судя по отчетам разных делегаций, недавно посетивших СССР, анти-

---

²² «Идн ин Советн-Фербанд», Москва, 1965, стр. 35-36. В 1963 г. среди 5761 членов Верховных Советов 15 союзных республик было 13 евреев, а среди 2842 членов Верховных Советов автономных республик — 11. «Вестник Статистики» № 3, Москва, 1967, стр. 91-92.

еврейские настроения распространены гораздо меньше, чем в других частях Союза.

Рабинович почти не упоминает Москву — и именно потому, что в Москве на вершущке партии евреев нет. Мы знаем, конечно, о Венъямине Дымшице, но и он, несмотря на высокое положение в экономической иерархии страны, не принадлежит к руководящей группе советских деятелей. Даже редактор нью-иоркской коммунистической еврейской газеты “Морнинг Фрайгайт” Поль Новик, после поездки в Сов. Россию в 1965 г. писал, что “евреи исчезли из советского дипломатического корпуса и безусловно какие-то формы анти-еврейской политики — пережиток культа личности — проявляются в “*стране*”.

Судя по имеющимся сведениям, в Советском Союзе до известной степени сохранилась знакомая еврейской социологии тенденция концентрации евреев в специфических отраслях экономической жизни страны. Так, напр., евреи очень широко представлены среди профессий экономистов, среди работников учетно-распределительных отделов разных предприятий (бухгалтерия) и т. д., в медицине и в разных технологических научных учреждениях. Советские журналы сообщают, что в 1963 г. среди 128.000 научных работников СССР, имевших докторскую или кандидатскую степень, насчитывалось 7.680 евреев. 20 еврейских врачей входили в Медицинскую Академию и 57 евреев были в Академии Наук. Среди многих народностей России евреи старших поколений занимают пропорционально видное место на верхах науки и искусства. Укажем для примера, что среди лиц, получивших ленинскую премию в 1964 г., было 14 евреев (тринадцать ученых — Бенцион Вуль, Соломон Ривкин, Дина Габе, Марк Айзенман, Евгений Сапир, София Белкин, Александр Быстрицкий, Лев Цыбулин, Григорий Острин, Соломон Шайкевич, Зельман Соминский, Ханан Изаксон и Натан Абелев; и одна артистка балета Майя Плисецкая). В 1965 г. ленинскую премию получили известный экономист Леонид Канторович и скрипач Леонид Коган.

В 1966 году среди 19 ученых, удостоившихся ленинской премии, было 5 евреев: Виталий Гинзбург, Самуил Рейнберг, Владимир Бройде, Эмануил Рашба и Евгений Грос. Ту же награду среди 102 инженеров получили 10 евреев: Соломон Хазан, Вениамин Зильберберг, Евсей Бененсон, Арон Рабинович, Илья Темпан, Исаак Ханин, Леонид Косой, Абрам Зейдель, Леонид Ройтер и Ерохим Эпштейн. В 1967 году ленинскую премию получили известные ученые: Герш Будкер, Илья Лифшиц и Абрам Лясс.

Включая людей, получивших только среднее техниче-

ское образование, 427.000 евреев работают по своей специальности. Любопытно, что в июне 1956 г. Екатерина Фурцева, видная коммунистическая деятельница, стоящая близко к верхам партии, жаловалась на то, что в некоторых учреждениях евреи составляли более половины всего персонала. Фурцева предлагала перевести часть евреев-служащих в другие учреждения, т.-е. установить для евреев работающих в разных государственных предприятиях, своего рода процентную норму. Мы не знаем, были ли идеи Фурцевой осуществлены.²³

Статистические данные, относящиеся к этому вопросу, отсутствуют, и поэтому все, что мы знаем об антиеврейской дискриминации в стране, основано лишь на детальном изучении структуры советских предприятий, проведенном разными исследовательскими центрами в Западной Европе и в Америке. Существование антиеврейских ограничений подтверждается также всеми делегациями, посетившими Советский Союз за последние годы. На основании этих источников нужно констатировать, что евреи наталкивались на большие затруднения не только при поступлении на работу, но особенно в тех случаях, когда после долголетней службы они имели право на повышение или на получение более ответственной работы. Повидимому, в аналогичных случаях т. н. “коренные” элементы получают предпочтение, а служащие евреи переходят при первой возможности, на пенсию. Этот вопрос особенно остро стоит в отдельных национальных республиках, где евреи должны конкурировать с местной, недавно сформировавшейся интеллигенцией.

Этот правительственный курс отражается также на положении еврейских студентов, число которых в 1960 г. составляло 77.117, — при общем количестве в 2.395.545, т.-е. всего около 3 процентов.²⁴ В 1962/63 и в 1963/64 число еврейских студентов повысилось до 79.300 и 82.600 при общем количестве в 2.943.700 и 3.260.700. Таким образом, процентное соотношение понизилось до 2,6–2,5 процента. Вячеслав Елютин, министр высшей и средней школы, в 1959 г. заявил в Нью Йорке, что процент евреев среди студентов достигает около десяти,²⁵ но эта цифра не соответствует действительности. Конечно, формальных ограничений для студентов-евреев не существует. Но, как известно, условия приема в высшие школы в СССР вообще довольно

²³ А.Е.Е. № 58, 1957 г., стр. 314.

²⁴ А.Е.Е. № 64, 1963, стр. 353.

²⁵ «Нью Йорк Таймс», 29 сентября 1959 г.

трудные, а евреи, видимо, должны преодолевать еще дополнительные препятствия. Многочисленные студенческие делегации, посетившие Сов. Союз, передают, что евреи испытывают специальные затруднения при поступлении в университет в центральных городах — в Москве, Ленинграде, Харькове, Минске и т. д.²⁶ Для того, чтобы попасть в Московский или Киевский университет, еврей, получивший среднее образование, должен иметь наивысшие отметки, а иногда даже и это не помогает, т. к. школьное начальство, в известных случаях, отдает предпочтение другим кандидатам. Для евреев, видимо, почти закрыты высшие военные школы и школы, где обучаются будущие дипломаты. От того ли, что евреям не доверяют, или по другим причинам, — советские власти не хотят евреев в этих профессиях.

Нужно сказать, что все эти препятствия ничуть не уменьшили традиционную еврейскую тягу к образованию (конечно, идущую теперь по пути светского, а не религиозного воспитания). Как уже было указано, свыше 80.000 евр. студентов посещают высшие школы Сов. Союза. Если нельзя попасть в Московский или Киевский университет, — они идут в провинциальные школы: в Таллин, в Тифлис, в Сибирь, где меньше конкуренции особенно для кандидатов с хорошей подготовкой, полученной в средних школах крупных центров.

Антиеврейские выступления в печати

Известный английский писатель Эдвард Крэнкшау, автор обстоятельной работы о Хрущеве, подчеркивает его крестьянское происхождение и утверждает, что Хрущев был антисемитом.²⁷ То же самое утверждали коммунистические деятели Польши после пребывания там Хрущева в марте 1956 г. Из совершенно достоверных источников передавали, что будучи в Варшаве, Хрущев не стеснясь говорил с большим пренебрежением об евреях вообще и об евреях-коммунистах в частности.²⁸ Мы знаем также, что в откровенной беседе с Иосифом Сальсбергом, членом делегации коммунистической партии Канады, Хрущев неоднократно возражал против надобности школ на еврейском языке. По его словам, такого рода школы, да и вообще ор-

²⁶ А.Е.Е. № 66, 1965 г., стр. 426. Светлана Сталина подтвердила наличие ограничений при поступлении евреев в университеты. («Н. И. Таймс», 27 апреля 1967 г.).

²⁷ Khrushchev — A Career by Edward Crankshaw, N. Y. 1966.

²⁸ «N. Y. Times», 9 августа 1956.

ганизация еврейских общин в Советском Союзе не нужна.²⁹ Напомним также, что года два спустя Хрущев сказал Сержу Груссару из парижского “Фигаро”, что еврейская колонизация в Биробиджане не удалась, потому что евреи не проявили необходимой коллективной дисциплины, а к тому же их не тянет к трудовой жизни.³⁰

Именно в период, когда Хрущев стоял у власти, антиеврейские выступления стали обыкновенным явлением в сов. печати. А ведь материал в сов. прессу попадает не случайно: статьи подвергаются цензуре и проникает в печать только то, что соответствует общей линии партии.

Любопытно, что советские газеты и журналы очень редко помещали статьи общего характера, освещающие бытовые стороны еврейской жизни. Советские газеты много писали об украинцах, о татарах, об узбеках и т. д. и уделяли много места их театру, любительским хорам и спортивным состязаниям. Но жизнь евреев для них почти не существовала. Когда упоминали о героях отечественной войны, об евреях обычно забывали.

Об ужасах гитлеровского истребления евреев в России писали очень мало, а если писали, то специфически антиеврейский элемент немецких зверств умышленно замалчивался или тонул в общих рассуждениях о фашизме, человеконенавистничестве и т. п.

Всем памятна реакция Хрущева на поэму Евтушенко “Бабий Яр”. Выступая на собрании писателей в декабре 1962 г. он резко критиковал Евтушенко, который, дескать, не сумел, как следует, разоблачить фашистских преступников за их зверства в Киеве, в Бабьем Яре. Ведь у Евтушенко выходит, “что только евреи были жертвами кровавого нацизма, ... а в действительности там гитлеровцы истребляли и русских и украинцев и людей других национальностей”.

Долголетнее упорное замалчивание по существу касалось бытовых и положительных аспектов еврейской жизни, но одновременно сов. печать и в центре и на местах посвящала много места разным нападкам на евреев. Писали об евреях, которые на фронт не шли, а в тылу умудрялись захватить самые лучшие места, наиболее удобные квартиры и т. д. Газеты вскрывали псевдонимы и подчеркивали еврейское происхождение разных чиновников, которые по тому или другому поводу подвергались общественному порицанию. Та же система применялась, когда газеты давали ин-

---

²⁹ «Morning Freiheit», Нью Йорк 5 и 12 декабря 1956 г. Сальсберг вскоре покинул коммунистическую партию Канады.

³⁰ А.Е.Е. № 60, 1959, стр. 212.

формацию об обвиняемых в поджогах, воровстве, жульничестве и т. д. Под предлогом борьбы с религией, синагоги описывались, как центры всяких нечистоплотных “гешефтов”. При этом обычно подчеркивались грязь и непривлекательная обстановка молитвенных домов.

Для читателей, привыкших к советскому стилю, не могло быть сомнения, что речь идет об организованной кампании.

Приведем несколько примеров. “Советская Россия” объяснила своим читателям, что недавно приговоренный к пятилетнему заключению человек, называющий себя Новиковым или Тимофеевым, в действительности является Гимельфарбом (Москва, 8-18-1962 г.). Известный московский сатирический журнал “Крокодил” поместил карикатуру, изображавшую Иуду, продающего Христа за доллары. Лицо Иуды было взято без изменений из типичной нацистской карикатуры на евреев (Москва, 10-2-1960). “Львовская Правда” в хронике сообщала о драке в львовской синагоге, которая, дескать, всем известна, как обычное место кутежей, скандалов и спекуляции (Львов, 11-1-1962). После знаменитого процесса Олега Пеньковского велась широкая кампания против общения с иностранцами. “Известия” называли Бориса Уманского и Гинзберга, которые, якобы, поддерживали тесные отношения с чуждыми элементами из заграницы (5-26-1963). “Труд” обрушился на Моисея Чернухина, Зиновия Рогинского и Семена Шейфера, которые вели свои грязные делишки с иностранцами (6-9-1963). Такого рода специфическая информация печаталась всюду и этими текстами можно было бы наполнить многотомное издание. Из газет назовем “Правда Украины”, Киев, “Коммунист”, Саратов, “Вечерний Ростов”, “Ленинский Путь”, Самарканд, “Советская Латвия”, Рига, “Волжская Коммуна”, Куйбышев, “Звезда”, Минск и т. д.

Дошло до того, что местная газета в Буйнакске (Дагестан) поместила статью, в которой рассказывалось, что религиозные евреи покупают небольшие количества крови у своих нееврейских соседей и потом для своих ритуальных целей пьют эту кровь, предварительно смешав ее с водой.³¹

Антисемитизм, проникший с благословения вла-

---

³¹ Нью-йоркская «Геральд Трибюн» перевела эта статью на английский язык (4. XI. 1960). Согласно «Геральд Трибюн», статья появилась на кумыкском языке в августе 1960 г. По полученным сведениям, редактор коммунистической газеты был переведен на другую работу.

стей в советскую прессу, в свою очередь влиял на рост антиеврейских настроений среди масс и служебных слоев.

В начале можно было полагать, что вся эта пропаганда, несомненно терпимая властями, все же является больше всего результатом больной фантазии людей, проживших свою жизнь под Сталиным и сохранивших верность настроениям и духу его времени. Но очень скоро стало ясно, что речь идет о гораздо более серьезном явлении. Как мы указывали выше, антиеврейские выступления в советской печати были частично связаны с традиционной советской пропагандой безбожничества. Специально созданные общества и организации уже много лет ведут систематическую агитацию против церквей, синагог, попов, раввинов и т. д. Среди писателей, ведущих эту пропаганду в еврейском секторе в послевоенные годы известны Мойсей Беленький, К. Ямпольский, Михаил Шахнович, Трофим Кичко, Ф. С. Маяцкий. Здесь нужно оговориться, что религиозные евреи относились к этой пропаганде довольно спокойно. Книг Шахновича, Ямпольского и др. они не читали и эти псевдо-научные исследования с цитатами из Ленина и Сталина их не беспокоили.

Положение изменилось с конца 50-х годов, когда советские пропагандисты начали усиленно подчеркивать органическую связь иудаизма с сионизмом и в то же время изображать Израиль, как центр американских империалистических интриг на Среднем Востоке. В 1963 г. вышла на украинском языке в Киеве под эгидой Украинской Академии Наук книга Т. Кичко “Иудаизм без прикрас”.

На этой книге надо остановиться. Ее нужно не только читать, но и видеть. Приведем несколько цитат. Уже на обложке сказано, что “автор книги раскрывает перед читателем основную суть иудейской религии (иудаизма) — одной из старейших религий мира, которая вобрала в себя и сконцентрировала все наиболее реакционное и античеловеческое, что входит в писания разных религий”.³² “Талмуд проникнут презрением к труду и к трудящимся — простолюдином... Особенно отрицательно относится Талмуд к труду крестьян” (стр. 40). “Одна из заповедей иудаизма говорит “не кради”, но при этом, как разъясняет Хошен Мишпат — нельзя красть только у своих, а у других можно красть все, как указано в... священном писании... Иегова передал евреям все богатства неевреев” (стр. 92). “Мораль иудаизма не осуждает лицемерие и подкуп...” (стр. 93).

---

³² Русский перевод с украинского этой и последующих цитат — мой. Л. Ш.

Кичко не жалеет места, чтобы объяснить украинскому читателю, что еврейские раввины занимаются по существу грязными делами, жульничеством, эксплуатацией труда и к тому же полны ненависти к чужакам — неевреям. Кичко не забывает также синагоги, где евреи занимаются всякими гадостями, и связывает все это с Израилем, американским империализмом и т. д. “Спекуляция мацой, свининой, воровство, обман, разврат — суть настоящее лицо руководителей синагоги” (стр. 96). “Нельзя понять историю взаимоотношений между американским капиталом и сионизмом и иудаизмом, если не учесть дела миллиардеров Рокфеллеров, которые уже десятки лет стараются захватить в свои руки часть Палестины — Негев с ее нефтяными залежами... Израиль и сионизм и иудаизм рассматриваются американскими империалистами, как передовые позиции, как запасное орудие для обстрела арабского мира...” (стр. 171, 172).

Для того, чтобы оценить по существу книгу Кичко, нужно видеть карикатуры, сопровождающие текст. На обложке длинноносый еврей с красными кровавыми руками, в полном молитвенном облачении в талесе. Все карикатуры — числом до тридцати как будто взяты автором из нацистского органа Штрайхера “Дер Штюрмер”.

Такой книги и такого характера пропаганды Советский Союз никогда еще не знал. Естественно, что появление этой книги было встречено с возмущением не только среди евреев свободных стран, но также среди широких нееврейских общественных кругов Западной Европы и Америки. Книга особенно поразила те круги либеральной интеллигенции, которые до сих пор рассматривали всякое указание на антисемитизм в Сов. Союзе, как проявление холодной войны. Даже коммунисты запротестовали. Нью-йоркская коммунистическая еврейская газета “Морнинг Фрайгайт” в передовой статье заявила, что книга Кичко... “напоминает всем известные карикатуры на евреев в антисемитских журналах”... (Нью Йорк, 24 марта 1964 г.). Еврейская коммунистическая газета в Париже “Найе Прессе” опубликовала открытое письмо, посланное в советское агентство печати “Новости”, в котором требовала “информировать нас об этом памфлете... действительно ли такая книга появилась в Киеве, а если появилась, то что думает и предпринимает советская власть” против такой антисемитской “пропаганды” (Париж, 16 марта 1964 г.). В Канаде левый еженедельник “Вохенблат” опубликовал статью под названием “Мы потрясены” (19 марта 1964 г.). Протесты против книги Кичко появились также в “Юманите” в Париже (24 марта 1964 г.), в левой итальянской газете “Паэза Сера” (25

марта 1964 г.), в коммунистической газете “Унита” (29 марта 1964 г.), а также в Англии, в Швеции и других странах.

Москва сначала пыталась даже защищать опубликование “Иудаизма без прикрас”, но потом, под давлением из коммунистических кругов Запада, старалась загладить впечатление произведенное книгой Кичко, но никто там, разумеется, не решился публично признать, что в Советском Союзе вышла, по существу, гитлеровская книжка. Тем не менее книга Кичко, переданная на рассмотрение идеологической комиссии при Ц. К. компартии, была признана ошибочной и плохо подготовленной. Комиссия указала на... “ряд ошибочных высказываний и иллюстраций... которые могут оскорбить чувства верующих и быть истолкованы в духе антисемитизма”.³³ Самого Кичко не тронули и, насколько известно, он продолжает свою писательскую деятельность.

Книга Кичко, видимо, была задумана, как первый шаг большой антиеврейской кампании. Она была сдана в печать в Киеве в декабре 1963 г., а в январе 1964, т.-е. через месяц, была сдана в печать в Кишиневе брошюра Ф. С. Маяцкого “Современный иудаизм и сионизм”. Маяцкий более осторожен, но все же повторяет все обычные высказывания, характерные для советской пропаганды. Особенно показательны источники, которые он использовал для своего памфлета. Среди прочих, Маяцкий ссылается на статьи некоего Я. Марека под названием “Джойнт, филиал американской разведки”, опубликованные в “Московском пропагандисте” (№ 2, 1953 г.) и в “Правде Украины” (11 февраля 1953). Статьи Марека, как это видно по датам, печатались в последние месяцы жизни Сталина в порядке подготовки процесса врачей. Как известно, этот процесс был приостановлен и весь материал официально признан результатом “недопустимых” приемов следствия. Но все же одиннадцать лет спустя Маяцкий включает этот фальсифицированный и отвергнутый советским судом материал в “научный” аппарат своей работы...

В начале 1967 года появились сообщения о Соломоне Борисовиче Дольнике, которого обвиняли в шпионаже и в связях с израильским посольством. Израильское правительство с категорически опровергло эти обвинения. Однако, в московских “Известиях” от 24 февраля 1967 г. вновь сообщалось, что “инженер-технолог Дольник... когда вышел в отставку, стал чаще посещать синагогу”, где он встречался с израильскими дипломатами, которые поручают ему “рас-

³³ «Правда», 4 апреля 1964 г.

пространять среди советских граждан передаваемые израильскими дипломатами антисоветские и сионистские брошюры. Он размножает антисоветскую клевету, рассовывает ее по карманам верующих в гардеробе синагоги... В своей квартире Дольник готовит отвратительную фальшивку: он вырезает из бумаги фашистскую свастику, накладывает ее на негатив, где изображен памятник на еврейском кладбище... Документ готов". Эти фотографические доказательства осквернения еврейских памятников идут потом за границу в качестве наглядного свидетельства о советском антисемитизме. "Большого цинизма, — восклицает возмущенный журналист, — не придумаешь. Нет подобных проявлений в Советском Союзе, создал их сам Дольник", а подсказали Дольнику разведчики и сионистские лидеры из Тель-Авива". После этого "Дольнику дают уже явно шпионские задания", но к счастью, "советские патриоты, русские и евреи" помогли схватить и разоблачить агента, изменившего родине и народу".

Тут имеются все элементы хорошо известного сценария и более всего прискормно то, что в центре "шпионского гнезда" ставится властями синагога. Легко себе представить, с какой горечью читали эти сообщения московские верующие евреи, посещающие синагогу трижды в день...

Экономические преступления

В начале 60-х годов советские власти приняли ряд чрезвычайных мер, чтобы приостановить рост т. н. экономических преступлений. В эту категорию входят самые разнообразные нарушения законов, как спекуляция валютой и золотом, взяточничество, присвоение государственной собственности при исполнении служебных обязанностей и т. д. Согласно советскому законодательству, некоторые из этих преступлений караются смертной казнью. В процессах обвиняемых в преступлениях этой категории, еврейский аспект заслуживает пристального внимания, так как их приходится признать новыми звеньями в цепи гонений против евреев.

Началось с того, что советские газеты стали подчеркивать еврейское происхождение обвиняемых в разных преступлениях имущественного характера. Повидимому, хотели создать впечатление, что большинство спекулянтов и мошенников — евреи. Вскоре стало бросаться в глаза то обстоятельство, что евреи составляли исключительно высокий процент среди обвиняемых, и особенно среди осужденных по этим процессам. Приведем несколько примеров.

Первым таким процессом было дело Рокотова, Фай-

бишенко и Едлеса, в 1961 г. в Москве, которых обвиняли в незаконной покупке и продаже валюты и золота. Верховный суд приговорил Рокотова и Файбишенко к расстрелу. Большую известность получил процесс в г. Фрунзе, в Киргизии, имевший место в 1962 году. На скамье подсудимых находились служащие разных государственных учреждений, которых обвиняли в незаконном обогащении за счет казны. Среди приблизительно 50-ти привлеченных к суду было 19 евреев. Из 9-ти приговоренных к смертной казни, судя по именам, 3 еврея. 20 октября 1963 г. "Известия" сообщили, что судебные власти готовят процесс шайки преступников, занимавшихся нелегальным трикотажным производством, причем нашли нужным отметить, что все главари этого подпольного предприятия — евреи. (Среди них были Шая Шакерман и Борис Райфман, о которых много писали на Западе). Из 24-х обвиняемых на процессе в Москве в 1964 г. 10 человек были приговорены к смертной казни, из них было 7 евреев.³⁴ В августе 1963 г. в Пятигорске трое были приговорены к смертной казни за спекуляцию золотом и валютой и среди этих трех был раввин Веньямин Гаврилов. (Смертная казнь была ему впоследствии заменена 15-летним заключением).

Согласно опубликованным на Западе неполным данным, с 1 июля 1961 г. по 1 июля 1963 г. 140 обвиняемых были приговорены к смертной казни и среди них было 80 евреев.³⁵ Процессы этого рода продолжались и в 1965 году и хорошо осведомленные круги в Америке и в Западной Европе считают, что в период от 1961 г. до 1965 сотни евреев были приговорены к тяжелым наказаниям в разных городах в Советском Союзе.³⁶ Даже московский радиокомментатор Адамов признал, что среди осужденных за экономические преступления было много евреев, но при этом прибавил, что это явление не характерно для общего положения евреев в Советском Союзе.³⁷

Все же официальные советские круги упорно отрицали, что судебные власти обращаются с евреями иначе, чем с другими обвиняемыми. Геннадий Терехов, ответственный сотрудник центральной советской прокуратуры, заявил на открытом собрании журнала "Советиш Геймланд", что фактически число евреев, привлеченных к уголовной ответственно-

---

³⁴ Economic crimes in the Soviet Union. Journal of the Int. Commission of Jurists, v. I, No. 1, 1964.

³⁵ Е.Т.А. 15 сентября 1963, Нью Йорк.

³⁶ Soviet Antisemitism — A Socialist International Report, p. 17.

³⁷ А.Е.Е. № 65, 1964, стр. 273.

ности было пропорционально ниже числа неевреев. Однако, Терехов не привел более подробной информации или точных цифр.³⁸

Нужно сказать, что точных данных по этому вопросу никто, конечно, иметь не может. Для того, чтобы составить настоящую статистику евреев, обвиненных и приговоренных по т. н. экономическим преступлениям, нужно было бы изучить громадное количество советских газет и журналов и разные другие советские источники, а также заранее установить что именно попадает под понятие экономических преступлений. Суть дела, однако, не в статистике. Зная советский уклад, очень трудно предположить, чтобы такого рода процессы, повторявшиеся в разных городах Советского Союза, не были результатом заранее продуманного плана. Вернее всего предположить, что власти опять, видимо, решили использовать давно известный метод — выставить евреев на показ и на устрашение другим.

Суровость наказаний, включая наличие большого числа евреев среди смертников, вызвала понятную тревогу не только среди евреев, но также и в широких рабочих кругах, среди церковных деятелей и т. д. в Западной Европе и в Соединенных Штатах. Уже в 1963 году Бертран Россель в письме к Хрущеву писал, что советские официальные круги, видимо, “поддерживают антисемитизм...” в России. При этом Россель подчеркнул, что он более всего потрясен многочисленными приговорами евреев к смертной казни. Хрущев ответил, что в Советском Союзе нет антисемитизма и что все эти обвинения являются ничем иным, как злостной клеветой. Письма Росселя и ответ Хрущева были опубликованы в “Правде” и “Известиях” 28 февраля 1963 г. Этим деле не кончилось. К Росселю присоединились многочисленные представители либеральной интеллигенции Запада, в том числе Альберт Швейцер, Лайнус Полинг, Франсуа Мориак и мн. др. Волна протеста захватила левые просоветские и даже чисто коммунистические круги Зап. Европы и Америки. Наученные горьким опытом эпохи “культы личности”, они приняли московскую версию процессов с некоторой подозрительностью. Трудно сказать, как реагировали советские вожди на все эти протесты, особенно на заявления, исходящие из коммунистических кругов. Видимо, на верхах решили, что пропаганда о преобладающей роли евреев во всех таких делах зашла слишком далеко. В 1966 г. сведения об экономических процессах и об евреях, совершивших разные проступки, появлялись все реже и реже.

³⁸ «Советиш Геймланд», ноябрь-декабрь 1963, Москва.

Недавно выпущенный советский фильм, где рисуется жизнь и деяния нарушителей экономических законов, уже совершенно игнорирует евреев.

Культурная жизнь

В последние годы жизни Сталина произошел полный разгром еврейской культуры в Советском Союзе. Еврейские школы исчезли, еврейские театры и издательства ликвидированы, еврейские газеты закрыты. Та же участь постигла еврейские книги, которые бесследно исчезли из книжных складов и даже библиотек. После прихода к власти т. н. коллективного руководства (1953), а потом Хрущева, в еврейской печати стран-сателлитов и Запада заговорили о предстоящих изменениях в политике по отношению к еврейской культуре. В беседах с разными заграничными делегациями советские представители передавали, что предполагается снова открыть еврейский театр, организовать еврейское издательство и возобновить выпуск еврейской газеты, журнала и книг. Вскоре после 20-го съезда коммунистической партии (1956 г.) вновь были допущены на сцене и на радио еврейские песни и другие виды еврейского эстрадного искусства. Все это, конечно, создавало оптимистические настроения, которые с особенным усердием поддерживала коммунистическая пресса на Западе.

Эти ожидания больших перемен далеко не оправдались. Вскоре выяснилось, что новые советские вожди относятся без всякой симпатии к еврейским культурным чаяниям и явно не спешили восстановить еврейские учреждения, разгромленные во время сталинского террора. “Почему не была восстановлена культурная деятельность русского еврейства?” — вопрошала варшавская еврейская коммунистическая газета “Фольксштимэ” 10 ноября 1956 г. Но ответа на этот вопрос не было. Любопытно, что брошюра о городе Вильно, написанная Р. Шалугой и выпущенная Госиздатом Литовской республики в 1957 г., ни одним словом не упоминала об евреях в городе Вильно. При этом Шалуга указывал, что интересующиеся караимами, могут найти много интересных документов о них в виленском Историческом музее. Отметим также, что английское издание книжки Николая Михайлова “Glimpses of the U.S.S.R. Its Economy and Geography”, вышедшей в Москве в 1960 г., уделяет много места различным народам Советского Союза, но совершенно умалчивает об евреях.

Представители официальных кругов подчеркивали, что евреи могут жить своей национальной жизнью только в

Биробиджане, где они располагают своей территориальной базой. Но вне Биробиджана они не могут претендовать на свои отдельные культурные учреждения и должны сливаться с русскими, украинцами, татарами и т. п.

Цитируя перепись 1959 года, советский демограф И. Писарев пишет, что свободное развитие народов не исключает возможности отмирания национальных различий. Он специально ссылается на многочисленные смешанные браки и подчеркивает другие признаки все возрастающей в Советском Союзе ассимиляции (“The Population of the U.S.S.R., Moscow” — год издания не указан).

Впрочем, во время своего пребывания в Нью Йорке в том же 1959 году, Анастас Микоян на вопросы американских журналистов об еврейских культурных нуждах ответил, что “в моей стране все люди свободны жить в их собственной культурной обстановке. Они могут иметь свои театры и свою литературу... и это, конечно, относится также и к евреям. Но дело в том, что евреи вошли вместе с русскими в русскую культуру до такой степени, что они принимают участие... в русском театре и в русской литературе. Много писателей-евреев считают себя русскими и предпочитают писать по-русски. Мы, конечно, не можем вмешиваться в эти дела”.³⁹

В этой связи следует привести заявление Арона Вергелиса в 1964 г. в журнале “Советиш Геймланд”, в ответ на письмо Бертрана Росселя, в котором последний спрашивал, почему до сих пор не восстановлены еврейские культурные учреждения. Вергелис несомненно отражает официальную позицию правительства по еврейскому вопросу. Согласно Вергелису, русские евреи не нуждаются в том... “что называется культурной автономией... По сравнению с двадцатыми и тридцатыми годами, тяга к еврейской культуре значительно понизилась и поэтому совершенно невозможно без всякого повода искусственно увеличивать еврейскую культурную работу на идиш”.⁴⁰

Нет спора, что процесс секуляризации русского еврейства за последние 20–30 лет принял довольно широкие размеры. Евреи в России в известной степени переживают те же процессы ассимиляции и приспособления к культуре доминирующего большинства, как это наблюдается в Соединенных Штатах и в странах Западной Европы. Но наряду с ростом ассимиляции — этого, конечно, никто не отрицает — в России наблюдается также заметный интерес

³⁹ Заявление сделано Микояном журналистам 15 января 1959 г.

⁴⁰ «Советиш Геймланд» № 5, 1964 г., Москва.

к возрождению еврейской культурной деятельности. Вспомним, что, согласно переписи 1959 г., 405.936 евреев — приблизительно 18% всего еврейского населения, указали, что они считают идиш своим национальным языком. Приведем также очень важное свидетельство известного еврейского писателя из Франции, Хаима Словеса.

Словес, долголетний коммунист, вернулся из Советского Союза глубоко потрясенный тем, что он там видел. В своей статье в левом еврейском журнале “Идиш Культур” Словес подверг откровенной критике советскую позицию. “Слабость официальной советской теории интеграции — говорит он — заключается, прежде всего, в том, что эта теория находится в полном противоречии с реальным положением вещей, как оно было в прошлом и как оно имеется в наше время”. Со слов еврейских писателей он утверждает, что в Советском Союзе имеется большой спрос на книги на идиш, но ответственные органы их почему то не печатают.⁴¹

Ту же картину рисует Гершон Кениг, редактор коммунистической “Найе Прессе” в Париже, посетивший Москву в 1965 г. Кениг пишет, что русские евреи сохранили свой национальный облик — независимо от того, говорят ли они по-русски или на идиш.

Необходимо отметить, что все эти новые теории интеграции не являются официальной позицией коммунистической партии. Теоретически советское государство продолжает признавать право каждой национальности на культурное самоопределение. По вопросам о национальных меньшинствах в советской науке и публицистике ведется порой скрытая и сдержанная полемика и еще не ясно, когда выкристаллизуется новая линия.⁴²

В конце 1966 г. советская пресса неожиданно признала, что т. н. территориальный принцип недостаточно освещает столь сложное и своеобразное явление, как национальное самосознание, и что при этом нужно принимать во внимание также и факторы культурно-исторического характера.⁴³

Каково же сейчас положение еврейской национальной культуры в Советском Союзе?

---

⁴¹ А.Е.Е. № 61, 1960. «Идиш Культур» № 2, 1959, Нью Йорк. В этом смысле очень показательна статья известного ленинградского филолога М. Фридберга, цитируемая в варшавской «Фолксштиме» 30 января 1962. Фридберг пишет, что идиш широко распространен среди евреев Украины и Белоруссии.

⁴² «Вопросы истории», август 1963, июнь 1967. Москва.

⁴³ «Новый Мир» № 9, 1966, опубликовал интересную статью о национальных и групповых предрассудках.

1. Школа

Как известно, детские начальные и средние школы на еврейском языке были ликвидированы во время сталинского террора. Та же участь постигла еврейские исследовательские институты, которые функционировали в частности в Киеве и Минске. После Сталина ничего не изменилось и еврейские школы остаются под запретом. В 1966 г. в пределах Советского Союза еврейских школ не было, и это также относится к т. н. Еврейской Автономной Области — Биробиджан.

2. Еврейские книги и еврейские писатели

Советское правительство долгие годы замалчивало самый факт сталинского разгрома еврейской литературы. В своей нашумевшей речи на 20-м съезде коммунистической партии (1956 г.) Хрущев ни одним словом не коснулся массовых расстрелов представителей еврейской интеллигенции, хотя антиеврейские преследования выделялись даже на фоне страшных лет диктатуры Сталина. Из достоверных источников известно, что в 1957 г. Союз советских писателей обращался с письмом в Центральный Комитет партии и указал на невозможное положение писателей, пишущих на идиш: еврейские писатели были лишены возможности печатать свои труды, так как государственные издательства не принимали рукописей на еврейском языке.⁴⁴ Об официальном отношении Кремля к еврейской литературе и еврейской книге много писали в западной прессе и в печати сателлитов. Правда, в период Хрущева еврейских писателей уже не расстреливали, отдельные из них даже получали разные отличия, но политика удушения еврейской литературы продолжалась почти без перемен. Сталин умер в 1953 г., а первая книга на идиш вышла в 1959 г., т.-е. спустя шесть лет после начала т. н. “либерализации”. За весь период от 1948 до 1965 г. включительно вышли в Советском Союзе 13 книг на идиш. Для сравнения укажем, что в одном 1962 г. советские издательства выпустили 34 книги на удмуртском языке (общее число удмуртов — 600.000), 49 книг на марийском языке (500.000) и 116 на башкирском языке (1.000.000).⁴⁵ Приведем полный список 13 книг на идиш, которые вышли между 1948 и 1965 гг.:

1. Дерцейлунген (Рассказы), И. Л. Перец, Гослитиздат, Москва, 1959 г., 438 стр.

⁴⁴ Еврейский Ежегодник Книги № 24, 1966/67, Нью Йорк, стр. 6.

⁴⁵ Печать в С.С.С.Р. в 1962 г.

2. Фишке дер Крумер, Менделе Мойхер Сфорим, Гослитиздат, Москва, 1959 г., 424 стр.
3. Ойсгевелте Верк (Избранные сочинения), Шолем-Алейхем. Гослитиздат, Москва, 1959 г., 376 стр.
4. Идише Автономе Гегент (Сборник), Биробиджан, Хабаровское книжное издательство, 1960 г., 163 стр.
5. Але Лидер ун Брив (Стихи и письма), Ошер Шварцман, Гослитиздат, Москва, 1961 г., 155 стр.
6. Ойсгевелте Верк (Избранные сочинения), Давид Бергельсон, Гослитиздат, Москва, 1961 г., 764 стр.
7. Идише фолклидер с нотами (Еврейские народные песни), Мойсей Береговский, Советский композитор, Москва, 1962 г., 250 стр.
8. Азой лебн мир (Сборник), Новеллы, очерки, репортаж. Советиш Геймланд, Москва, 1964 г., 488 стр.
9. Эрев (Накануне), Эли Шехтман, Советский писатель, Москва, 1965 г., 236 стр.
10. Гимл унд эрд (Небо и земля), Нота Лурье, Советский писатель, Москва, 1965 г., 307 стр.
11. Ойсдервелт (Избранное), Мойсей Тайф, Советский писатель, Москва, 1965 г., 157 стр.
12. Горизонти, Советиш Геймланд, Советский писатель, Москва, 1965 г., 534 стр.
13. Их муз дерцейлн (Я должен рассказать), Маша Рольник, Идиш бух, Москва-Варшава, 1965 г., 263 стр.⁴⁶

Насколько удалось установить, только две книги на идиш вышли в СССР в 1966 г. и одна в начале 1967 г.

1. Трот фун дойрес (Поступь поколений), Перец Маркиш, Советский писатель, Москва, 1966 г., 690 стр.
2. Майн Ойцер (Мой клад), Самуил Галкин, Советский писатель, Москва, 1966 г., 300 стр.
3. Геклибене Верк (Избранные произведения) Лейб Квитко. Советский писатель, 1967 г., 480 стр.

В 1963 году книги на идиш не выходили, хотя “Советиш Геймланд” уверял своих читателей, что большое количество рукописей на идиш находится в распоряжении редакции журнала. Напомним, что 4 из этих книг принадлежат перу еврейских классиков (Менделе, Шолем-Алейхем, Перец, Бергельсон), а одна относится к периоду гражданской войны (Шварцман). Можно предположить, что некоторые ев-

---

⁴⁶ В 1963 году Государственное Издательство иностранных и национальных словарей выпустило Иврит-Русский словарь, составленный Э. Л. Шапиро.

рейские писатели имеют законченные манускрипты работ, которые сейчас печататься не могут. Все, что было поднесено читателям, конечно, выдержано в духе “социалистического реализма” и может угодить вкусу тех, кто ведаёт делами советской литературы.

Запрет на еврейские книги не распространялся на переводы с идиш на русский, украинский, киргизский и другие языки Советского Союза. По имеющимся данным, от 1955 г. до 1964 г. поступили в продажу в переводах на пятнадцать языков СССР 282 книги, принадлежащие перу 90 еврейских авторов. Согласно официальной статистике тиражи всех этих изданий достигли 26.000.000.⁴⁷

“Советиш Геймланд” (Советская Родина) — первый и единственный в Сов. России журнал на идиш после сталинского разгрома — появился в свет только в 1961 году.

На этом журнале следует остановиться подробнее, так как при отсутствии центральных еврейских организаций “Советиш Геймланд” по необходимости играет роль как бы неофициального центра советского еврейства. “Советиш Геймланд” может также служить показателем общей линии советского правительства в отношении евреев.

Во главе “Советиш Геймланд” власти поставили Арона Вергелиса, поэта и публициста, который родился на Украине, окончил Московский Литературный Институт и долгие годы работал в Биробиджане. Свою карьеру Вергелис начал ещё при Сталине и по сей день остался типичным партийным аппаратчиком, которому “вверили” еврейскую литературу. “Советиш Геймланд” старательно сообщал своим читателям о тяжёлом положении американских негров, клеймил политику США в Вьетнаме, писал и о евреях “эксплуатируемых в капиталистическом Израиле”. Однако, на его страницах никогда не ставился вопрос о страшной судьбе еврейских писателей в России — о тех, кто поверил в коммунистический рай в СССР и закончил свою жизнь в подвалах К.Г.Б. Строго следуя официальной линии, “Советиш Геймланд” также игнорировал еврейский аспект гитлеровских злодеяний. Первая серьёзная статья о восстании в варшавском гетто появилась в “Советиш Геймланд” только в 1963 году. Больше того, Вергелис отказался поместить еврейский перевод поэмы Евтушенко “Бабий Яр” и откровенно солидаризировался с позицией Хрущева в отношении этой поэмы.

Этот журнал с тиражем в 25.000 в течение многих лет занимал строго официальную позицию. Никакие новые вея-

⁴⁷ Аба Финкельштейн в «Советиш Геймланд» № 1, 1966, Москва.

ния в “Советиш Геймланд” не проникали. Однако, к концу 1965 г. и в течение 1966 г. характер “Советиш Геймланд” стал понемногу изменяться. В отличие от прежних лет журнал расширил отдел новостей об еврейской жизни за границей, притом эти новости представлены острее, чем это делалось раньше. Для примера можно указать на заметки о семидесятилетии американских писателей — Гладштейна, Вайнрейха и Бикеля, интервью с вдовой поэта Бялика и т. д. В июльском номере за 1966 г. появилось обширное сообщение о деятельности ИВО, причем в этой статье (перепечатанной из нью-йоркской коммунистической “Морнинг Фрайгайт”) подчеркивались заслуги ИВО в развитии еврейской культуры на идиш. В августе 1966 г. “Советиш Геймланд” поместил статью Шмуэля Гордона о культурно-исторической структуре русского еврейства. Гордон утверждает, что даже ассимилированные евреи, говорящие по-русски, все же сохраняют свой, отличный от других слоев населения характер. Такого рода “крамольные статьи” в “Советиш Геймланд” раньше не печатались.

Стоит упомянуть, что в декабре 1966 года Вергелис сообщил журналистам в Лондоне о намерении его журнала открыть русский отдел для советских евреев, не говорящих на идиш.⁴⁸ Если этот проект осуществится, то это будет означать, что в Москве признают существование особых национально-культурных нужд даже у тех евреев, которые считают русский своим родным языком.

Показательно также, что “Биробиджанер Штерн” (единственная газета на идиш, выходящая в Советском Союзе три раза в неделю) увеличила свой тираж с 1000 до 12.000 экземпляров.⁴⁹ Туристы, посетившие Россию в конце 1966 г., сообщают, что эту газету можно теперь приобрести в Вильне, Минске и других городах.

Что означают эти почти одновременно предпринятые новые шаги? Возможно, что на верхах появились колебания — продолжать ли политику принудительной ассимиляции? Возможно, что Москва осторожно подготавливает почву для ослабления “твердой” линии в этом вопросе.

В настоящее время в Советском Союзе живут около ста еврейских писателей. Среди них находятся Мойсей Альтман, Натан Альтман, Мойсей Альтшулер, Мейер Аксельрод, Рива Балясна, Хаим Биндер, Рахиль Боймволь, Давид Бромберг, Ицик Бронфман, Иосиф Бухбиндер, Арон Вергелис, Либа Васерман, Залман Вендров, Аврам Гонтер,

⁴⁸ “Jewish Chronicle”. London, December 16, 1966.

⁴⁹ “N. Y. Times”. January 22, 1967.

Эли Гордон, Шмуль Гордон, Мотл Грубьян, Гирш Добин, Шика Дриз, Ирма Друкер, Ицик Кипнис, Зиновий Компанец, Иосиф Котлер, Иосиф Лернер, Яков Левин, Миша Лев, Хаим Маламуд, Бузи Милер, Хаим Надель, Гирш Полянкер, Лейб Пульвер, Соломон Рабинович, Марк Разумный, Мотл Саксиер, Шмуль Шендерей, Эли Шехтман, Яков Штернберг, Сяма Телезин, Яков Якир и др. В рамках настоящей статьи мы должны ограничиться лишь очень краткими сведениями об этих писателях.

Приведем суммарные сведения о 60 советских еврейских писателях, которыми мы располагаем: 32 из них родились до 1910 г. и, следовательно, частично принадлежат к дореволюционному поколению, 24 родились между 1911 и 1930 г.г. и могут до известной степени считаться продуктом революционного времени, 4 родились после 1931 г., т.-е. уже в эпоху Сталина. Из 60 — 16 являются уроженцами больших городов, а остальные 44 — выходцы из местечек и деревень, в большинстве из старой черты оседлости; 30 из Украины, 10 из Молдавии, 9 из Литвы, 6 из Белоруссии, 2 из Польши и 3 из Великороссии. 35 получили высшее образование. Следует отметить, что почти все названные писатели одновременно работают по-русски в качестве журналистов и переводчиков, служат в качестве инженеров, бухгалтеров и врачей. Многие из них работают учителями в русских школах. Не подлежит сомнению, что все эти писатели — люди с высоким русским образованием — сознательно идентифицировали себя с еврейской литературой и с творческой работой на идиш.

3. Театр, музыка, искусство

В июле 1956 г. Хаим Сулер из нью-йоркской коммунистической газеты “Морнинг Фрайгайт”, по возвращении из России, сообщил о планах восстановления еврейского театра в Москве. Тогда даже назывались имена актеров и членов специального комитета, который якобы должен был заняться осуществлением этого плана. В последующие годы советские сановники часто возвращались к этому проекту и даже выражали сожаление, что “встречаются неожиданные препятствия” — то нет актеров, то еще не решен вопрос о месте и о городе, где этот театр будет помещаться. Одинадцать лет после появления заметки в нью-йоркской газете на всей территории С.С.С.Р. еще нет ни одного профессионального еврейского театра. Между тем в 1962 г. в Советском Союзе функционировали 495 профессиональных театров на русском, украинском и др. языках. В это число вхо-

дили 32 театра оперы и балета, 356 — драмы, комедии и музыкальной комедии и 107 — детских.⁵⁰ Эти театры представляли многочисленные национальности и языки Советского Союза, — всех, кроме евреев.

Так и после Сталина еврейский театр остается под запретом.

Между тем, тяга к еврейскому театру была огромна. Вопреки желанию официальных кругов среди еврейских масс начался процесс культурной самодеятельности. В рамках нашей работы мы не можем входить в сложную общую проблему о возможностях самодеятельности в условиях советского режима. Современная социология, занимающаяся изучением тоталитарного строя, обратила внимание на это своеобразное явление. Не подлежит сомнению, что гораздо легче проявлять самодеятельность в форме любительского театра, чем, например, в литературе или в школьном деле. Хронологически еврейская самодеятельность в этой области началась в середине 50-х годов в связи с развитием общего процесса “либерализации”. Старые актеры, певцы и музыканты (многие из них уроженцы Польши, Литвы и Бессарабии) начали организовывать кружки, специализирующиеся в репертуаре на идиш. Организация таких кружков требует энергии и умения использовать имеющиеся связи с клубами, профессиональными союзами и т. д. Неожиданно на помощь пришла молодежь — еврейские юноши и девушки, сохранившие интерес к еврейскому слову и еврейской песне. Постепенно возникли любительские кружки в Вильне, в Ковне, Риге, Черновицах, Ленинграде и др. городах, где они добились покровительства профессиональных союзов и других организаций. Эти подчас непритязательные странствующие труппы привлекали тысячи слушателей — старых и молодых, включая многих и не знающих идиш.

Согласно имеющимся данным, в одном 1957 г. в СССР состоялось около 3000 концертов с репертуаром на идиш. Около 300.000 слушателей посетили такие любительские вечера в 1961 г.⁵¹ Советские газеты об этих вечерах не писали, но варшавская “Фольксштиме” передавала, что еврейские литературные чтения и концерты стали одним из самых значительных явлений в еврейской жизни в Советском Союзе. Эти концерты были встречены с энтузиазмом в Москве, а

---

⁵⁰ С.С.С.Р. в цифрах в 1963 г., Москва, 1964.

⁵¹ «Советиш Геймланд» № 4, Москва, 1961.

затем и на Украине, в Белоруссии и в других частях Советского Союза.⁵²

Среди любительских кружков наибольшей известностью пользовался “Виленский Драматический Ансамбль” при Виленском Совете профессиональных Союзов. Учрежденный в 1956 г., этот ансамбль насчитывал 40 членов и работал под руководством Мотеля Кановича и Сарры Бекер. Репертуар Виленского Ансамбля включает пьесы старых классиков, а также произведения советских драматургов. За последние годы в Ансамбле поставили “Дос Гройсе Гевинс” и “Тевье-дер-Милхикер” Шолем-Алейхема; “Бойтре” Мойше Кульбака; “Фрайе Лихт” Шнеера и “Гершеле Острополер”. В 1966 г. поставили новую пьесу о жизни евреев во время немецкой оккупации “Кейнмол нит фергесн”. Пьеса шла под музыкальный аккомпанимент, построенный на мелодии традиционной Кол-Нидрэ. В Вильне существует также еврейский любительский хор с 50 хористами, ансамбль танцоров и любительский оркестр.

В 1962 г. в Ковно был образован новый еврейский драматический ансамбль, который выступает с большим успехом перед еврейской и нееврейской публикой. Ковенская труппа часто возвращается к истокам еврейского театра и ее постановка “Цвей Кунилемех” Гольфадена приобрела большую популярность. Существует также еврейский любительский художественный клуб в Риге.

Чтобы дать более полную картину еврейской культурной самодеятельности нужно упомянуть т. н. эстрадное искусство, ныне широко распространенное в Советском Союзе. В эту категорию входят индивидуальные актеры, певцы и музыканты, выступающие соло и группами. Они дают вокальные концерты, иногда связанные с чтением литературных произведений и с комедийными номерами. В этой области пользуется широкой популярностью “Черновицкий Художественный Ансамбль” под руководством известной актрисы Сиди Тал. В сотрудничестве с Мотелем Сакснером ансамбль дает “концерты-ревю” по всему Советскому Союзу.

В 1964 г. был образован в Ленинграде новый художественный ансамбль “Слова и Песни” с участием Мейера Брауде, Семена Фрейденберга и Анны Шевелевой. Из других еврейских актеров Ленинграда надо назвать Гирша Каневского, Макса Завлина и Льва Фишмана. В 1966 г. они вы-

---

⁵² А.Е.Е. № 60, 1959, стр. 211.

ступали в Москве с новой программой под общим названием “А гут иомтеф” (с добрым праздником).

Особенно популярны в еврейской среде певицы Нехама Лифшиц, Анна Гузик, Дина Ройткоп и Зина Привоенская. Советская пресса, игнорирующая еврейское искусство, все же не преминула неодобрительно отозваться о Нехаме Лифшиц за то, что она уделяет много внимания национальным и религиозным мотивам (Нехама Лифшиц включает в свой репертуар также песни на слова Бялика и Шнеура).⁵³ Среди певцов пользуется успехом Эмиль Горовиц (ученик Михоелса), ветеран Зиновий Шульман и принадлежащий к более молодому поколению Михаил Александрович (хорошо известный в Советском Союзе тенор Веньямин Хаитовский недавно скончался). Нужно упомянуть также играющих во многих городах С.С.С.Р. актеров Гирша Левинсона, Сою Биник, Лею Колину, Розу Курц и Семена Голкова.

Достаточно прочесть этот весьма неполный список, чтобы убедиться, что в России имеются значительные кадры актеров с еврейским репертуаром. Люди, побывавшие в Советском Союзе, передают, что билеты покупаются задолго до концерта. Еврейские певцы поют также и новые советские песни, но особенным успехом пользуется старый “испытанный” репертуар. Часто поют, ставшие фольклором, песни погибшего в краковском гетто поэта-композитора Гебуртига. В связи с этим, интересно отметить курьезную судьбу популярной песенки “Майн Штетеле Белц”. Советские певцы несколько видоизменили ее, прибавив куплет, призывающий молодежь не забывать о своем еврейском происхождении. Есть другие примеры такого рода. То, что мы знаем о любительском театре и о музыкальных выступлениях, убеждает в том, что еврейские актеры и певцы часто независимо от своего качественного уровня, играют значительную роль в формировании еврейской культурной жизни в С.С.С.Р.

Среди художников, работающих на еврейские темы, назовем Соломона Гершова, С. Кауфмана, Шора и Гершона Кравцова. Недавно Анатолий Каплан опубликовал свои иллюстрации к “Тевье дер Милхикер” и к “Дер фархишфтер шнайдерл” Шолом-Алейхема. Упомянем также Зиновия Толкачева, который выпустил в Киеве свои рисунки об Освенциме. Этот список можно было бы значительно расширить. В последние месяцы “Советиш Геймланд” часто печатает репродукции еврейских художников.

⁵³ «Советская Белоруссия», от 20 сентября 1965 г.

* * * *

За последнее время участились собрания, посвященные памяти евреев, погибших во время оккупации. В хрущевский период таких собраний не устраивали и, во всяком случае, о них не писали. Судя по отчетам прессы, специальные собрания, посвященные 25-летию ликвидации еврейских гетто, состоялись в Таллине (Эстония), Риге (Латвия) и Ковне (Литва). Среди организаторов этих митингов были писатели, представители местных общественных организаций и городских советов. Активное участие принимали также еврейские актеры и певцы. Интересно отметить, что судя по имеющимся у нас сведениям — эти собрания памяти еврейских жертв нацизма были организованы в б. лимитрофах, где евреи жили компактными массами, и где, несмотря на объективные условия, видимо, сохранилась сильная тяга и привязанность к самостоятельным формам еврейской жизни...

Русской революции уже пятьдесят лет, и новые социальные силы определяют сейчас судьбы России. Несмотря на большие перемены, происшедшие в стране, враждебность к евреям сохранилась и пережила годы революции и войны. В сталинский период антисемитизм проник глубже в гущу народов Советского Союза. В росте антиеврейских настроений играли роль не только безумие Сталина и гитлеровская пропаганда во время оккупации, но также и послевоенный патриотический угар. Приходится признать, что за последние годы советский антисемитизм приобрел характер бытового и почти повседневного явления. В России сейчас много пишут о новом человеке, о “новой социалистической морали” и т. д., но эти идейные искания не помешали вышедшему из крестьян чиновничеству проявлять открытое недоверие и враждебность к чуждому ему городскому еврею.

После смерти Сталина об антисемитизме начали писать — среди других Эренбург, Пастернак, Евтушенко, а в подпольной литературе — Синявский и Даниэль. Однако, советские вожди продолжают отрицать самый факт существования антисемитизма в С.С.С.Р. Недавно в разговоре с парижскими журналистами, Косыгин заявил, что “говорят о том, будто в Советском Союзе существует антисемитизм. Ничего подобного в нашей стране нет и не может быть...” Косыгин при этом пояснил, что национальный вопрос в С.С.С.Р. “успешно решен” и “сказанное относится целиком и полностью и к гражданам еврейской национальности”. Отвечая на поставленные вопросы, Косыгин добавил: “Что

касается объединения семей, то если какие то семьи хотят встретиться или хотят уехать из Советского Союза, то им открыта дорога и никакой проблемы здесь не существует".⁵⁴ Согласно Косыгину, в России нет антисемитизма. До него это же утверждал Хрущев, а до Хрущева — другие советские вожди. Вспомним при этом, что некоторые официальные советские представители отрицали самый факт расстрела еврейских писателей при Сталине, а некоторые еще в середине 50-х годов твердили, что Фейфер, Бергельсон, Квитко живут и благоденствуют.

В нашем кратком обзоре мы пытались дать объективную картину жизни русского еврейства в посталинские годы. Что русские евреи живут в условиях дискриминации и ограничения их религиозных и культурных нужд, не вызывает сомнения у всех, кто следит за положением в С.С.С.Р., включая также и некоторых представителей западных коммунистических партий и лево-настроенных деятелей на Западе. И как это всегда бывает, антисемитизм сверху вызывает сопротивление снизу и, именно эта реакция в еврейской среде в значительной степени объясняет разные формы еврейской национальной самодеятельности, о которых мы писали выше.

Заявление Косыгина о возможностях выезда из Советского Союза также имеет большое значение. Хотя в советских газетах о таких предметах писать не полагается, за последние 10-12 месяцев небольшое число еврейских семей получили разрешение и выехали в Израиль.⁵⁵ Весьма возможно, что эти новые мероприятия возвещают начало более либеральной политики в отношении возможности эмиграции из России. Недавно Советы дали разрешение на выезд жене журналиста и невозвращенца Л. Финкельштейна.

Смерть Сталина ускорила ход развития России. Но учитывая зигзаги коммунистической политики вообще, трудно предсказать, как будет развиваться в дальнейшем советская политика по отношению к русскому еврейству.⁵⁶

---

⁵⁴ «Правда» 5 декабря 1966 г. Москва.

⁵⁵ Трудно установить точное число приехавших в Израиль. Число их составляет около 500 семейств. Нужно отметить, что некоторое число еврейских семей получили также разрешение и прибыли в Соединенные Штаты и в Канаду.

⁵⁶ Во время арабо-израильской войны в 1967 году Москва заняла анти-израильскую и по существу анти-еврейскую позицию.

С. ГЕПШТЕЙН

РУССКИЕ СИОНИСТЫ В БОРЬБЕ ЗА ПАЛЕСТИНУ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

1. *От февраля до октября*

1

С. М. Дубнов как-то в Берлине сказал мне, что историки будут считать рубежом новейшей истории 1914-ый год — начало первой мировой войны. Но для России — добавил он — таким рубежом будет не 1914-ый, а 1917-ый год, — начало второй великой русской революции. 1917-ый год действительно оказался годом величайшего перелома в жизни и в судьбах России и всех населявших ее народов. Мне думается, что со времени падения Римской Империи не было в истории другого такого переворота, такой грандиозной политической, социальной и экономической революции.

Эта революция с ее миллионными жертвами началась в феврале 1917 года в ликующих тонах быстрого бескровного переворота. Но уже через неделю стало ясно, что начался затяжной и сложный процесс. В то смутное время Россия представляла собой конгломерат, как по вертикали, так и по горизонтали — и по социальному, и по национальному признакам. Когда старые скрепы пали, а новые еще не создались, все эти отдельные группы заговорили о своих разнообразных исторических требованиях и мечтаниях.

Особенно взволновались тогда национальные меньшинства, которые в совокупности представляли собой почти большинство населения России. Великорусская народность составляла около 40% населения, а среди меньшинств были такие большие нации, как польская, украинская, белорусская. Еще в 1905 году, в дни первой революции, в Петербурге состоялся «Съезд инородцев», на котором обозначились национальные чаяния и требования народов России. За прошедшие с тех пор двенадцать лет, у этих народов усилилось стремление к национальной свободе, к автономии, а у некоторых и к независимости.

Русские евреи, число которых в начале войны дости-

гало 6 миллионов, и которые больше других страдали при царизме, тоже поднялись в дни революции 1917 года. Но у них этот подъем и волнения приняли особый характер, непохожий на движения остальных народов России. Оно и понятно. Евреи резко отличались от всех народов России экстерриториальностью, отсутствием осевшего на земле крестьянства и целым рядом других специфических свойств народа-уникама, проживающего в 60-ти государствах земного шара. Кроме этого, евреи были самой бесправной из населяющих Россию наций.

Особенности еврейского национального движения ярче всего выявилось в деятельности русских сионистов, которые в то время уже представляли собой довольно большую организованную массу. Сионистская организация имела свои ячейки во всех городах и местечках еврейской черты оседлости, Центральный Комитет в Петербурге и свои журналы на русском, на идиш и иврит. В 1917 году эта организация, помимо революции, была очень взволнована событиями и надеждами в сфере сионистских мечтаний. В то время на западе, точнее в Лондоне и Париже уже велись серьезные переговоры о создании еврейского центра в Палестине. Тогда же созданный В. Жаботинским, С. Трумпельдором, М. Гроссманом и П. Рутенбергом (все русские евреи) еврейский легион сражался на Иорданском фронте и принимал активное участие в оккупации Палестины Англией. В феврале 1917 года эти переговоры близились к благоприятному концу и вызывали крайне взволнованное настроение у сионистов во всех странах.

Русские сионисты лет за десять до того приняли, так называемую, Гельсингфорскую программу. Эта программа, отцами которой являлись А. Д. Идельсон, В. Жаботинский, И. Гринбаум и редакция сионистского журнала «Рассвет» превратила сионистскую организацию в России в самостоятельную еврейскую национальную партию в России и выдвинула ряд общих и национальных требований. После революции 1917 года гельсингфорская мечта «и возможной и близкою стала». Глубокое брожение охватило широкие круги русского сионизма в весенние дни 1917 года.

2

Вскоре после начала революции Ц. К. сионистов в Петрограде — по соглашению с членом экзекутивы Всемирной Сионистской Организации доктором Е. В. Членовым — решил созвать конференцию основных органов русского сионизма. Конференция эта состоялась в Москве под пред-

седательством Членова. На ней определились два течения: одно — уравновешенное и почти пессимистическое считало, что после достижения русскими евреями равноправия в России, они охладят к сионизму и к Палестине; другое течение, пылкое и оптимистическое, утверждало, что русские евреи, получив равноправие, сразу ощутят разницу в их положении в сравнении с территориальными народами России. И так как к тому времени созреют большие возможности для дела возрождения Палестины, история неминуемо поставит в «порядок дня» историческое, т. е. сионистское решение еврейской проблемы. Это течение и взяло верх.

Московская конференция длилась три дня и закончилась постановлением возможно скорее созвать съезд русских сионистов с широкой программой, посвященной внутренней российской и общей политике.

3

После московской конференции закипела работа и в Ц. К. и на местах. Во всей России, а в Петрограде особенно, тогда уже ощущались хаос, разруха и голод. Тем не менее было решено созвать съезд в Петрограде — в центре всероссийской жизни, чтобы придать ему импозантный и демонстративный характер. Специально организованный Комитет в составе старых сионистских деятелей (А. И. Рапопорт, М. И. Закс, М. Г. Перельман и С. Д. Зальцман) успешно справился с очень трудной тогда организацией съезда.

Седьмой съезд русских сионистов открылся 27-го мая 1917 года в большом зале Музыкальной Драмы. Прибыло 552 делегата и до 1.500 гостей со всех концов России. Съезд прошел в приподнятом настроении под руководством Е. В. Членова и М. М. Усышкина. Съезд приветствовали от Временного Правительства министр иностранных дел Терещенко, представитель города Петрограда и ряд представителей еврейских учреждений столицы.

Были заслушаны три доклада о международных перспективах в связи с деятельностью сионистских представителей в Лондоне и Париже (Е. В. Членова, М. М. Усышкина и А. М. Гольдштейна), два доклада о политической работе в России (Ю. Д. Бруцкуса и И. Гринбаума) и еще несколько докладов, посвященных культурно-просветительной национальной работе (Г. С. Златопольского, А. Друянова и Л. Б. Яффе). После оживленных прений, последовавших за докладами, были приняты резолюции декларативного и практического характера, направленные к тому, чтобы активиро-

вать сионистскую работу, как среди русского еврейства, так и в Палестине. Был избран новый Ц. К. в Петрограде и особый центр для проведения культурной работы в Москве. Съезд закончился речью Членова, полной энтузиазма и веры в то, что открылась новая историческая страница в судьбе еврейства.

4

Ц. К. после съезда приступил к работе в двух направлениях. Большая политическая работа шла по линии русской внутренней политики. Она сосредоточилась на подготовке выборов в разные представительные учреждения: в Учредительное собрание, на намечавшийся Всероссийский еврейский съезд, в муниципалитеты и в еврейские общины на местах. На выборах в Учредительное собрание сионисты решили выставить в провинции особый «список еврейских депутатов», который должен был потом образовать единую еврейскую парламентскую фракцию. На этих выборах сионисты имели в черте оседлости некоторый успех. По одному из кандидатских списков удалось провести адвоката О. О. Грузенберга, который солидаризировался с программой сионистов по национальным вопросам. На выборах на Всероссийский Съезд, на выборах в городские управления и в общины сионисты разных фракций (мизрахи, альгемейне — сионисты и сионисты-социалисты разных группировок) вместе собрали около 60% голосов и таким образом получили большинство на еврейской улице.

По линии Палестинской колонизации были созданы особые переселенческие и домостроительные кооперативы и основан ежемесячный журнал «Палестина» с конкретной информацией о положении в стране. Эти кооперативы и проекты практических мероприятий имели большой успех — паи охотно приобретались широкой сочувствующей публикой.

Представители Ц. К. посетили посла Великобритании в Петрограде Бьюкенена, чтобы установить с ним тесный контакт: тогда уже было известно, что мандат на управление Палестины получит Англия.

Работа развивалась интенсивно и проходила с большим подъемом. И хотя вся эта работа продолжалась всего восемь месяцев, она развивалась в таком живом и бодром темпе, что русским сионистам начинало казаться, что мы действительно вступили в эпоху национального возрождения.

Но все это казалось, — пока не грянул, как гром с ясного неба, октябрьский большевистский переворот.

II. После октября

1

После октябрьского переворота и, в особенности, после разгона Учредительного Собрания стало ясно, что вся, столь успешно, развернувшаяся работа сионистов России, будет сведена на нет. Однако Ц. К. сионистов и все организации на местах, несмотря на трудности создавшегося под властью большевиков положения, пытались работать по-прежнему. И им действительно удалось сохранить свои позиции и продержаться до середины 1919 года. ....

Большевики, занятые освоением руководящих функций государственной власти, совершенно не думали о сионистах. Но в 1918 году организовалась и выступила на сцену, так называемая, «евсекция» — еврейская секция большевистской партии.

Одной из главных задач этой секции была, по их собственным определениям того времени, — «борьба с еврейской контр-революцией». Само собой понятно, что главным оплотом «еврейской контр-революции», по их мнению были сионисты. «Евсекция» и пустилась в борьбу с сионистами, пользуясь для этого в большой мере поддержкой аппарата репрессий, в том числе, конечно, и ВЧК в Москве и ее органов на местах.

2

Атака на сионистов началась во всех концах России. Но первое серьезное выступление имело место в Москве в связи с работой сионистов в области насаждения культуры на иврит и было направлено против «тарбут». В декабре 1918 года Комиссариат по Делах Национальностей, возглавлявшийся Сталиным, издал циркуляр, в котором, однако, не было специальных ограничений о языке в еврейских школах. Но в июле 1919 года по настоянию евсекции было объявлено, что языком еврейской школы должен быть идиш, а иврит является языком «контр-революции». Этот циркуляр заставил «тарбут» обратиться с протестом к комиссару Народного просвещения Луначарскому. Он заявил представителям сионистов раввину Я. И. Мазе и М. Рудницкому, что считает чистейшим «вандализмом» объявление языка «контр-революционным». Но когда дело перешло в Коллегию Наркомата, где председательствовал историк профессор Покровский, было им же постановлено прекратить во всех школах преподавание «иврит». Запрет распространился даже на вечерние школы для взрослых.

В то же время по всей провинции начались систематические обвинения сионистов в контрреволюции, а местами и более того — в шпионаже в пользу Англии. Ц. К. сионистов в Петербурге, председателем которого был тогда Ю. Д. Бруцкус, решил выступить в защиту преследуемых сионистов. Представители Ц. К. — Ю. Бруцкус, С. К. Гепштейн и А. И. Идельсон были делегированы для этой цели в Москву. Не без труда им удалось разъяснить председателю ВЦИК советов Калинину и редактору «Известий» Стеклову всю вопиющую вздорность обвинения евсекции и других против сионистов. М. Калинин провел тогда на заседании Президиума ВЦИК 21-го июля 1919 года постановление, направленное против преследования сионистов и, в особенности, против препятствий в школьной и просветительной работе. Выписку этого постановления за подписью секретаря ВЦИК Енукидзе, Ц. К. сионистов разослал всем местным сионистским организациям.

В это время «Рассвет» (выходивший после закрытия под именем «Хроника еврейской жизни») выступил с рядом критических статей по адресу евсекции. В одной из этих статей приводился, между прочим, циркуляр Святейшей Инквизиции, объявлявший греческий язык еретическим и требовавший заменить его латинским. Разгневанная евсекция пожаловалась в Петроградскую Ч. К., обвиняя сионистов не только в контрреволюции, но и в шпионаже в пользу Англии. Этот донос, повидимому, пришелся по вкусу Ч. К., и в сентябре 1919 года был совершен обыск в помещении Ц. К. сионистской организации на Троицкой улице и в редакции журнала на Васильевском острове, а после обыска были арестованы и препровождены в Пересыльную тюрьму на Шпалерной улице члены Ц. К. и редакции Ю. Д. Бруцкус, С. К. Гепштейн, А. О. Зайденман, Р. Б. Рубинштейн, А. И. Рапопорт и М. Шахнович. После шести недель следствия и ареста дело было прекращено за недоказанностью.*

Евсекция тогда обратилась в Москву во Всероссийскую Ч. К. стараясь убедить ее, что нет лучшего применения для террора, чем разгром сионистской организации, имеющей отделения в 700 городах и местечках.

Этот разгром В. Ч. К. начала в 1919 и продолжала в

---

* Пишущему эти строки следователь на допросе заявил: «Я знаю, что вы ежедневно на английском языке из подвала вашего дома передаете в Лондон военные сведения».

Я расхохотался и сказал: «Во первых, в моем доме нет подвала, а во-вторых, я даже читать по-английски не умею!»

1920 г.г. В Киеве местный Совет провел постановление о закрытии всех сионистских организаций в губернии. В других городах происходили обыски и аресты. Но Ц. К. сионистской организации продолжал сопротивляться и отстаивать свою легальность, опираясь на постановление Президиума ВЦИК от 21 июля 1919 года.

20 апреля 1920 года Ц. К. созвал в Москве Всероссийскую конференцию сионистов. Но всех членов конференции (90 человек) ВЧК арестовала по обвинению в контрреволюции. Все арестованные были посажены в Бутырскую тюрьму. Президиум В. Ч. К. объявил, что сионистская организация является контрреволюционной, и ее деятельность запрещается в Советской России. Из участников конференции — 19 — особо известных своей активной деятельностью в сионизме — были без суда и следствия приговорены к 5 годам принудительных работ. Приговор этот, однако, не был приведен в исполнение. В те дни приезжали в Москву представители еврейских профессиональных союзов Америки г. г. Фишер и Пайн. Они обратились в Совнарком. Кроме того в «Известиях» появилось опровержение, ранее опубликованных измышлений, будто в помещении Ц. К. сионистов при обыске найдены «пироксилиновые шашки». В. Ч. К. вскоре объявила амнистию всем 19 по случаю первого мая. Но на закрытии всех сионистских организаций в России В. Ч. К. настояла. С того времени для сионистов началась пора подполья.

Рамки моей статьи не позволяют входить в подробности, но одной характерной истории я хочу все же коснуться.

В те дни я встретил в Москве товарища по Академии, архитектора Э., старого большевика, с которым я был в хороших личных отношениях. Я рассказал ему про наши злоключения. Он сказал мне: «Вы, сионисты, должны сыграть «ва-банк», т. е. обратиться к Ленину. В конце концов все зависит от него. И я советую тебе обратиться к нему через Горького».

Я вспомнил, что Горький в свое время относился сочувственно к сионизму и обратился к нему. Горький обещал побеседовать с Лениным. Через несколько дней он мне сообщил о своей беседе. Ленин сказал Горькому, что относится к сионизму отрицательно. Во-первых, сказал он, национальные движения реакционны, ибо история человечества это — история борьбы классов, а нации это — буржуазная выдумка; а во-вторых, главное зло нашего времени это — государства с их армиями. Государство это — орудие, при помощи которого меньшинство управляет большинством и владеет миром. Его главная цель — разрушить все государ-

ства и заменить их союзом коммун. Эти же сионисты мечтают прибавить еще одно государство к уже существующим.

3

Девять арестованных руководителей русского сионизма были освобождены 2-го июля 1920 года. Эту дату и приходится считать датой окончательного удушения легального сионизма в России. Сионизм ушел в подполье. Мне самому пришлось работать в нелегальной сионистской организации до моего выезда из России в 1922 году.

III. Из России в Палестину

1

В 20-х годах шла большая волна эмиграции из России, и в эту эмиграцию влилась волна русских сионистов.

Помимо общих причин, вызывавших массовое бегство из большевистской России, эмиграцию сионистов стимулировали доходившие до них слухи о положении дел в Палестине. Оккупация Палестины англичанами, участие в ней еврейского легиона, толки о предстоящем образовании в Палестине еврейского правительства — вызвали среди евреев в разных концах России, и в особенности у сионистов, большую тягу в Палестину. В отдельных городах северной и центральной России эмиграция в Палестину облегчалась благодаря «оптации» евреями польского, латвийского, литовского или эстонского гражданства. Во время первой мировой войны многие беженцы из этих стран попали в центральную Россию, а после заключения мира между Советской Россией и образовавшимися на западе новыми государствами им было предоставлено право оптации гражданства этих государств. Среди сионистов многие действительно были беженцами и уроженцами новых государств, а иные смогли использовать закон об оптации исключительно для того, чтобы покинуть Россию: получив разрешение на выезд на запад, они надеялись в дальнейшем обратиться в Палестину.

На Украине, в Крыму, в Бессарабии и на Кавказе положение было другое. Власть в этих районах часто менялась. На территории у Черного и Азовского морей царил хаос. Циркулировали самые фантастические слухи, и евреи, особенно старожилы, строили планы эмиграции. Так возникла тогда стихийно, безалаберно, но все же возникла «третья алия». (В сионизме алияй называется поток эмиг-

рации в Палестину. Так первая алия вспыхнула после погромов 80-х годов. Вторая алия-эмиграция рабочих и молодежи 1903 и последующих годов).

Третья алия охватывает 1919-1923 г.г. Точных данных о ее размерах нет, но по моим подсчетам в 1919 году она достигла примерно 2.000 душ, в 1920 году — 8,000, а в 1921 — несколько больше. Эта алия еще ожидает своего историка, который разберется в том, как организовывались и передвигались, например, отдельные группы, вроде «квуды 105». Ее члены выехали в ноябре 1918 года без паспортов, без виз. Добрались в три месяца до Триеста, оттуда через Рим и Египет в апреле 1919 года попали в Палестину. Или история эмиграции из Крыма, когда по 200 человек ехали на небольших судах в Константинополь; в январе попали на судно «Мексика» и в марте 1919 года очутились в Палестине.

Или совсем особый случай — «Руслан». На «Руслане» 637 эмигрантов выехали из Одессы 14-го ноября 1919 года. «Руслан» получил разрешение на выезд «с беженцами из Палестины». Дело в том, что во время войны группа беженцев из города Сафеди (Цефат) в Палестине какими-то окольными путями попала в Одессу. Этим беженцам и разрешили вернуться на родину. Для их отправки образовался «Комитет беженцев из Палестины», который включил в эту группу еще около 500 «беженцев». Получив разрешение русских властей, комитет обратился к англичанам за разрешением на выезд в Палестину. С большим трудом удалось получить это разрешение от английского министра иностранных дел Керзона. В декабре 1919 года «Руслан» прибыл в Палестину. На судне был образован особый Комитет, руководивший поездкой, председателем которого был профессор Иосиф Клаузнер, а секретарем молодой адвокат, член союза «Макаби» — Наум Хет.

Кроме таких, самотеком возникавших, групп шло особое организованное движение «Гехолуца». Идея «Гехолуца» связана с именем капитана Иосифа Трумпельдора, своеобразного героя того времени. Помню, как в 1917 году он явился ко мне в Петроград в типографию отдела пропаганды с двумя рукописями. Одна из них представляла написанный им «Устав Гехолуца», а другая — агитационную брошюру о задачах и целях «Гехолуца». Трумпельдор с увлечением рассказывал мне, как «Гехолуц» превратился в «трудовую армию» для строительства новой Палестины. Брошюру его мы напечатали, и он приступил к созданию «Гехолуца». Трумпельдор нашел много сотрудников для осуществления этой идеи в России, в Польше, в Литве и в

Бессарабии. В августе 1919 года он открыл бюро «Гехолуца» в Константинополе, которое было связано с Палестиной; потом бюро в Варшаве, где «Гехолуц» работал вместе с Ортом; а также бюро на Украине и в Бессарабии. Число отделений «Гехолуц» достигло 130, а в 1921 году в Карлсбаде состоялось их объединение.

2

Так направлялась трудовая эмиграция в Палестину, где она оседала в колониях и «кибуцах». Большая часть эмиграции из России (оптанты, о которых мы выше говорили) шла сначала в Ковно, Варшаву, Вильну: затем в центр Европы — Берлин, Париж и Лондон; и только небольшая часть ее направлялась непосредственно в Палестину. В конечном счете эмигранты осели в Израиле, но в первые годы число их было немало и в Западной Европе, где была создана организация сионистов из России с центрами в Лондоне и Берлине. В Лондоне и Париже многие видные русские сионисты были привлечены к политической и партийной работе Всемирной Сионистской Организации, и эта работа длилась до ратификации Мандата, т. е. до 1922 года. Самые известные из этих сионистов, как Ахад-Гаам (У. Гинцберг), Гилель Златопольский, И. Найдич, В. Темкин, А. Идельсон, В. Жаботинский, И. А. Розов, М. С. Алейников, М. Соловейчик, А. М. Гольдштейн, Ш. Г. Персиц, И. Маховер, д-р М. Шварцман, Ш. Х. Левин и другие занимались ответственной работой в Лондоне и Париже и попали в Палестину только в 1924-1926 г.г.

В Берлине русские сионисты создали особую организацию, объединявшую всех сионистов Западной Европы, созывали свои конференции и возродили «Рассвет». В редакцию «Рассвета» входили Ю. Д. Бруцкус, С. К. Гепштейн, М. Алейников, И. Б. Шехтман, В. И. Якобсон, М. Гиндес, И. Клинов, И. Тривус. Был создан Ц. К. (Мерказ) русских сионистов с особым бюро по эмиграции, с Национальным Фондом и Керен-Гайсодом. Эта временная организация существовала всего 3-4 года, и уже в 1924 году большинство ее членов двинулось в Палестину. «Рассвет» вскоре перешел в Париж, где он под редакцией В. Жаботинского и М. Берхина существовал еще лет 10, но уже не как журнал всей организации, а как партийный орган сионистов-ревизионистов.

3

Я отметил здесь в самых общих чертах движение сионистов из России в Палестину в первые годы после разру-

шения сионистской организации большевиками. Кроме сионистов двинулись тогда в Палестину и евреи — не сионисты. Материалы об этой своеобразной и единственной в своем роде стихийной волне эмиграции еще ждут своего исследователя. Следует отметить, что эта эмиграция, состоявшая из трудящихся и молодежи — с одной стороны, и из социалистически настроенной русской интеллигенции — с другой, сыграла серьезную роль в послевоенной колонизации Палестины. Эмиграция шла стихийно. Переживания и приключения эмигрантов напоминают страницы из романов Купера и Майн-Рида. Но, в общем, этот вклад русских сионистов в новую Палестину оказался очень ценным для будущего строительства Израиля.

IV. *От Декларации Бальфура до начала Английского Мандата*

1

В истории еврейской независимости пятилетие 1917-1922 было очень важным периодом. Оно начинается 2-го ноября 1917 г. (декларация Бальфура) и продолжается до 22-го июля 1922 года (Ратификация Лигой Наций мандата Англии на Палестину). В борьбе этой эпохи русские сионисты сыграли заметную и серьезную роль. Это было пятилетие, в которое все русское еврейство было выбито из всех своих позиций, а русские сионисты разбиты, разгромлены, выброшены большевистской бурей во все стороны земного шара. Казалось, что армия изгнанников, слабая и немощная, будет плестись в хвосте исторических событий бурной эпохи. Между тем, русские сионисты проявили в эти годы изумительную активность и энергию в борьбе за создание еврейского центра в Палестине.

Еще до *октября* 1917 года Ц. К. русских сионистов образовал особую комиссию, которая разработала и формулировала пожелания сионистов для представления будущей мирной конференции. Декларация Бальфура, конечно, вызвала среди русских сионистов большой подъем, хотя она и подверглась некоторой критике.*

К концу мировой войны и русские сионисты и украинские направили специальные делегации в Лондон и Париж для участия в борьбе за еврейскую Палестину во время мир-

---

* А. Идельсон выступил с докладом и статьей «о реальной ценности декларации Бальфура», содержащими серьезные критические замечания. Большинство Ц. К. не согласилось с ним, но опыт последней четверти века показал, что Идельсон во многом был прав.

ной конференции. Конечно, в этой политической акции приняли большое и активное участие также английские и американские сионисты, но все же и роль русских сионистов была весьма заметной. Во главе всей политической работы в эти годы стояли два русских сиониста, правда, давно осевшие на Западе, — Хаим Вейцман и Наум Соколов. Существенное значение имел также еврейский легион, принявший непосредственное участие в боях за Палестину. В легион входили американские, английские, русские евреи, но инициаторами и организаторами легиона, как мы выше отметили, явились русские сионисты.

До войны 1914 года во всех столкновениях в области мировой политики сионисты старались сохранять нейтралитет.

Во время первой мировой войны, когда в Копенгагене состоялась встреча сионистов из стран, принадлежавших к обоим воюющим лагерям, представители немецких, австрийских, итальянских и турецких сионистов настаивали на дальнейшей «нейтральности». Некоторые из них утверждали, что Германия выйдет победительницей и советовали ориентироваться на Германию. На самой конференции и, особенно, после нее Хаим Вейцман и В. Жаботинский требовали ориентации на Англию, на Антанту. Жаботинский, проживший несколько лет в Константинополе, где он вместе с В. И. Якобсоном руководил сионистским политическим бюро, утверждал, что младотурки никогда не согласятся на еврейскую Палестину, и что без раздела Турции сионизм ничего не добьется. Кроме того, и Вейцман и Жаботинский были глубоко убеждены, что победит в войне Антанта и поэтому настаивали на ориентации на Англию. Эта ориентация, благодаря настоянию русских сионистов, одержала верх в сионистских кругах. Поэтому, когда начались мирные переговоры, вожди русских сионистов, очутившиеся тогда в положении эмигрантов, приняли активное участие в политической работе в Лондоне, Париже и Вашингтоне.

2

Борьба за создание еврейского центра в Палестине увенчалась успехом, но успех этот не легко дался сионистам. К концу войны оказалось, что лучшей формой решения палестинской проблемы в духе декларации Бальфура будет передача мандата на Палестину Великобритании. После получения согласия на это Франции (на известных условиях) нужно было добиться согласия арабов. Вейцману удалось добиться соглашения с эмиром Фейсалом, сыном Геджа-

ского короля Гуссейна, жившего тогда в Мекке. Но только 24-го апреля 1920 года на конференции в Сан-Ремо, где участвовали Британия, Италия, Япония и Франция, удалось провести окончательное решение о предоставлении мандата Великобритании. На этой конференции выступали два русских сиониста — Н. Соколов и М. Усышкин.

Только 20-го сентября 1920 года президент Вильсон подписал согласие Америки. Однако и после этого возникли разные трудности, — особенно по установлению границ территории, охваченной мандатом. Когда все препятствия были устранены, потребовалась ратификация мандата Лигой Наций.

С этой ратификацией были задержки. Пришлось сократить территорию мандата, отделить часть Трансиордании для одного из сыновей короля Гуссейна, — и все таки были опасения, что ратификация не состоится. Мне вспоминается случайное совещание сионистов в Берлине, на котором весной 1922 года один их старых русских сионистов, ближайший сотрудник Вейцмана и Соколова, — Лео Моцкин докладывал нам о положении дела. Его доклад был в общем оптимистичен, но в заключение он сказал: «А все таки возможно, что мандат не будет утвержден!» Меня это сообщение очень взволновало, и я спросил его:

— «Что же будет тогда с нами, русскими сионистами, покинувшими Россию и сжегшими за собой корабли?»

— «Как раз за *русских* сионистов — сказал Моцкин, — я не беспокоюсь! Если будет провал, они начнут бороться с начала. Я в своей жизни начинал сионизм три раза: в дни «Ховевей-Цион», на первом конгрессе с Теодором Герцлем, и теперь с Вейцманом. Если провалимся, начну в четвертый раз!»

К счастью, начинать в четвертый раз ему не пришлось: 24-го июля 1922 года мандат Великобритании на Палестину был ратифицирован Лигой Наций...

ОТ РЕДАКЦИИ. Автор настоящей статьи С. К. Гепштейн скончался, не успев ее закончить. Считаю нужным опубликовать эти ценные воспоминания заслуженного русско-еврейского журналиста и деятеля сионистского движения.

ИЛЬЯ ТРОЦКИЙ

НОВЫЕ РУССКО-ЕВРЕЙСКИЕ ЭМИГРАНТЫ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

1

В русско-еврейской иммиграции в Соединенные Штаты Америки за последние 45 лет (1920-1965) можно различить две беженские волны — одну, с начала 1920-х годов, вызванную русской большевистской революцией, и другую (с 1933 года) — волну беженцев от германского нацизма. Евреи, покинувшие Россию, как политические эмигранты, попадали в Америку через Польшу, Литву и Латвию, Константинополь, Японию и Шанхай. Русские евреи, спасшиеся в Америку от Гитлера, прибывали либо непосредственно из Германии и Австрии, либо — во время второй мировой войны — из оккупированных немцами стран.

Эмиграция этой эпохи заметно различалась по своему социальному составу и культурному облику от массовой эмиграции эпохи от 1880-х годов до первой мировой войны. Эмиграция того времени состояла преимущественно из ремесленников и рабочих. В ней преобладала еврейская местечковая масса, страдавшая от нужды, бесправия и погромов. Напротив, русско-еврейские беженцы от гитлеризма — были в большинстве представители буржуазии и интеллигенции. Численно они не представляли собой значительного явления. Однако, эта численно незначительная группа русско-еврейской эмиграции внесла заметный вклад в американскую жизнь.

Евреи — выходцы из России издавна принимали активное участие в еврейской, а частью и в обще-американской общественно-политической и культурной жизни. Социалистические идеи, которые принесли в Америку еврейские эмигранты, вызвали в Новом Свете рост радикальных настроений, проникших в еврейские профессиональные союзы (юнионы) и в политические и культурные движения. Из России стали прибывать эмигранты, прошедшие политическую школу Бунда или близкие к идеологии рабочего сионизма и вносящие в свою деятельность революционную страстность и пафос, социальный или национальный. Чер-

ты радикализма проникали даже во внепартийные и внеклассовые эмигрантские организации, как напр. в получившие большое распространение землячества, в которых иммигранты поддерживали связь с покинутыми в Восточной Европе городами и местечками.

Для характеристики идейных и духовных настроений того времени достаточно остановиться на роли основателя и редактора газеты «Форвертс», Аб. Кагана, имевшего огромное влияние на эмиграцию с конца 19-го века до самой своей смерти в 90-летнем возрасте (он скончался в 1951 году). Уроженец Вильны, Аб. Каган был типичным представителем русско-еврейской интеллигенции. Публицист и беллетрист, писавший также по английски, он всю свою деятельность посвятил еврейской эмиграции. Не было такой ветви в еврейском рабочем движении в Соед. Штатах, с которой не было бы связано его имя, созданная им газета и плеяда деятелей, сотрудничавших с ним за долгие годы его жизни.

Падение царского режима в России в 1917 году, победа демократической революции и конец еврейского бесправия вызвали энтузиазм в миллионной массе русско-еврейских эмигрантов в Америке. Правда, только ее незначительная часть, состоящая из молодых и активных деятелей, связанных с общественной жизнью в России, поехали обратно на освобожденную старую родину, и притом большинство этих реэмигрантов, обжегшись на пламени большевистской революции, вскоре вернулось в Америку. Но все, что происходило в далекой России, вызывало сильнейший отклик в широких эмигрантских кругах.

Постигшая февральскую революцию неудача и приход к власти радикального крыла в лице партии Ленина и Троцкого (Троцкого, кстати, знали в Нью Йорке, так как он вместе с Бухариным редактировал здесь газету «Новый Мир» накануне революции и пропагандировал максималистские идеи большевизма) произвели сильнейшее впечатление в широких еврейских социалистических кругах в Америке.

Как это сейчас ни кажется странным, но после октябрьского переворота в среде еврейской интеллигенции, в студенчестве, среди людей свободных профессий и особенно среди журналистов и рабочих лидеров стали распространяться просоветские иллюзии. В России все партии, кроме правящих большевиков, находились вне закона. Свободная и независимая печать была закрыта. Поэтому информация, идущая из России за-границу и в частности в Америку, была тенденциозной и давала совершенно лож-

ное освещение деятельности большевистского правительства.

С развитием гражданской войны в России это способствовало тому, что идущему из России коммунистическому соблазну одно время поддались даже деятели крупного калибра, как один из руководителей социалистической партии Морис Хилквит, вышеупомянутый Аб. Каган, один из первых марксистов Америки И. А. Гурвич, еврейский поэт и редактор «Цукунфта» А. Валт-Лесин и многие представители более молодого поколения. (Впрочем, все они оставались сторонниками демократии в отношении своей политической деятельности в самой Америке). Некоторые из них удержались на этой двойственной позиции довольно долго. Полоса расколов в рабочем движении и в связанных с ним организациях затянулась в еврейской Америке до 1925 года.

В эти критические годы судьба таких организаций, как Арбейтер Ринг, висела на волоске. Еврейская социалистическая федерация в своем большинстве оказалась в руках про-коммунистов. Вся тяжесть борьбы с этими настроениями легла на плечи относительно небольшой группы людей, не изменявших идеям демократического социализма. Среди них мы должны отметить д-ра С. М. Ингермана (друга Плеханова и Аксельрода), Я. М. Джемса, редактора журнала Социалистического Фербанда «Дер Веккер» Д. Н. Шуба (впоследствии прославившегося своей книгой о Ленине), Н. Ханина (выдающегося представителя воспитанной Бундом рабочей интеллигенции), Ефима Ешурина, известного бундовского литератора А. Литвака, С. Левитаса, который в течение нескольких десятилетий был редактором английского журнала «Нью Лидер» и некоторых других.

Благодаря Н. Ханину, удалось создать взамен социалистической федерации «Еврейский социалистический фербанд», объединивший всех оставшихся верными знамени демократического социализма в еврейской Америке. Усилиям Г. Ешурина обязан был своей устойчивостью «Арбейтер Ринг», избежавший в эти годы формального раскола. Также и в еврейских юнионах нашлись деятели, предотвратившие проникновение туда деструктивных элементов и оказавшие сопротивление попытке их захвата со стороны агентов Москвы.

Особое место в области еврейской культуры и еврейского школьного дела занимал в эту эпоху д-р Хаим Житловский, прибывший в Америку в качестве представителя социалистов-революционеров, а здесь выдвинувшийся, как

идеолог и пропагандист новой еврейской культуры на идиш. Его идейный авторитет определял настроения широкого сектора еврейской интеллигенции в Соед. Штатах и в странах Латинской Америки. На склоне лет (это было уже в период второй мировой войны) авторитет Х. Житловского значительно потускнел вследствие его неожиданного перехода в стан коммунистических попутчиков.

2

К середине 20-х годов коммунистическое поветрие в еврейских кругах Америки спало. С тех пор коммунисты представляют собой узкий сектантский центр со своей прессой и своими организациями, имеющими очень малое влияние на широкие эмигрантские массы. Выполняя поручения Москвы, они вынуждены питаться своими собственными соками, встречая отталкивание даже в тех элементах, которые в первые годы были захвачены просоветскими настроениями и иллюзиями, но уже успели в них разочароваться. Этому разочарованию способствовала все более проникавшая в Америку информация о действительном положении в стране Советов и, в частности, о бедствиях, понесенных еврейским населением в результате длительной полосы гражданской войны, погромов и всякого рода национализаций и социализаций, повлекших за собой разорение еврейских местечек и деклассирование торговцев и ремесленников.

По окончании первой мировой войны еврейские землячества в Америке пытались возобновить финансовую помощь своим обедневшим родственникам в России. Вокруг «Арбейтер Ринга», при деятельной помощи Американского «Джойнта», был проведен ряд акций помощи. В этой работе выдвинулись деятели «Форвертса» Б. Владек-Чарный и Александр Кан. Вскоре заметную роль в деле помощи русскому еврейству, в частности, в создании новых земледельческих колоний на Украине и в Крыму и пригородного земледелия в Западном крае стали играть возглавлявшийся И. Б. Розеном «Агроджойнт» и Союз ОРТ. Руководители последнего Л. Брамсон, Д. Львович и А. Сингаловский не раз наезжали в Америку из Европы для того, чтобы заручиться симпатиями делу трудовой помощи евреям в России. Из американских деятелей ОРТ'а существенную помощь Союзу ОРТ оказывал, кроме Б. Владека, Е. Ещурина и др., также адвокат Луи Будин.

В борьбе с прокоммунистическими настроениями в рабочих кругах Америки особое значение имели пропаганди-

стские поездки одного из лидеров русских меньшевиков в эмиграции, редактора «Социалистического Вестника» Р. А. Абрамовича-Рейна. Он неоднократно исколесил всю страну со своими лекциями о действительном положении дел в России. При этом Абрамович сумел вызвать благоприятный отклик не только в среде бывших бундистов, знавших его по его прежней деятельности, но даже и в широких кругах еще недавно охваченной просоветизмом еврейской американской интеллигенции. Такую же роль сыграли и лекционные туры еврейского поэта Давида Эйнгорна.

Помимо упомянутых русско-еврейских деятелей, в течение долгих лет органически связанных с проблемами еврейской жизни, в этот период на самых разнообразных поприщах выдвинулись и другие выходцы из русского еврейства. Среди них следует назвать Соломона Струнского, одного из редакторов самой влиятельной американской газеты «Нью-Йорк Таймс». К концу 20-х годов среди эмигрантов, продолжавших говорить по русски, стала приобретать все большее влияние демократическая газета «Новое Русское Слово», основанная В. И. Шимкиным и редактируемая М. Е. Вейнбаумом. Политическое влияние этой газеты все возросло, и ее стремление внедрить в умы своих читателей основы американской демократии, как и все более выдержанный курс на борьбу с коммунизмом и его попутчиками, стали приносить плоды. К началу второй мировой войны газета уже заняла положение ведущего демократического органа на русском языке в странах всеобщего российского расцеяния.

После первой мировой войны и в последующие два десятилетия Соед. Штаты стали также крупным мировым центром сионизма. Выдающиеся представители сионизма после Бальфуровской декларации с особенной настойчивостью стали пропагандировать здесь свою заветную идею возрождения еврейской государственности в Палестине. С этой целью неоднократно посещали Америку Хаим Вейцман, Лео Моцкин, Ш. Левин (бывший член первой Государственной Думы), Владимир Жаботинский, Меир Гроссман и другие. Видную роль в американском сионизме играли будущие строители государства Израиль Бен-Гурион, Исак Бен-Цви, Петр Рутенберг, связанные с социалистическим крылом сионистического движения.

Пионером и одним из первых пропагандистов идеи рабочей Палестины явился в Америке Нахман Сыркин, которому удалось привлечь в число своих сторонников многих представителей национально-настроенной еврейской интеллигенции. Среди них было много выходцев из России,

Литвы и русской Польши. Они же создали и укрепили движение поалейционистов в Америке, организовали Еврейский Национальный Рабочий Союз, организовали сеть национально-радикальных еврейских школ и свой собственный орган на идиш «Идишер Кэмпфер», — журнал, получивший влияние в широких кругах интеллигенции. Он выходил под редакцией Хаима Гринберга, приобретшего в еврейской среде широкую известность уже своими лекциями в разных городах России.

Проведенные президентом Рузвельтом реформы благотворно отразились на деятельности рабочих юнионов. Из них союзы портных «Интернэйшенал» и «Амалгамейтед» оказали поддержку усилиям еврейских организаций восстановить свою общественную и культурную работу после тяжкого экономического кризиса, пережитого Америкой в 1929–1933 годах.

Перед еврейской общественностью в США в это время возникало много задач. Это было время, когда в Германии пришел к власти нацизм. В 1934 году образовался в Нью-Йорке Еврейский Рабочий Комитет, который, благодаря своим тесным связям с администрацией Рузвельта и с организованным американским рабочим движением, мог оказывать реальную поддержку анти-фашистским и анти-нацистским элементам в Европе.

Основателем и первым председателем Еврейского Рабочего Комитета был Б. Владек, которого с 1938 г. заменил Адольф Гельд. Ему удалось привлечь к активному участию в деятельности комитета президента «Интернейшенала» Д. Дубинского, секретаря «Арбайтер Ринга» и лидера Социалистического Фербанда Н. Ханина и других крупных представителей юнионов и культурных деятелей. Среди ближайших сотрудников Рабочего Комитета отметим И. М. Минкова, Якова Пата, Б. Табачинского и Л. Д. Эпштейна. Установив тесные взаимоотношения с рядом еврейских филантропических организаций, как Джойнт, Хайас и пр., Еврейский Рабочий Комитет во время второй мировой войны сыграл огромную роль в деле спасения многих евреев — выходцев из России, проживавших в разных европейских странах.

По сравнению с миллионами довоенных эмигрантов, нашедших убежище в Америке, в 1940-х годах евреев выходцев из России, Латвии, Литвы, Эстонии и русской Польши было численно не так много, но они, благодаря своим квалификациям, смогли немедленно по приезде в Америку занять видное место в разных областях американской жизни.

Следует в кратких чертах отметить некоторые общественные организации, созданные здесь русско-еврейскими эмигрантами за время с начала второй мировой войны.

3

В 1941 г. в Нью-Йорке был организован, главным образом по инициативе представителей деловых кругов, — клуб «Горизонт». В клубе еженедельно устраивались привлекавшие большое число слушателей доклады. Здесь могли выступать вновь приезжавшие в Америку представители русско-еврейской интеллигенции. Первым президентом клуба был А. Ц. Литтон, которого затем заменил А. П. Едвабник. Председателем совета старшин был известный русско-еврейский врач из Ялты И. Н. Альтшулер — доктор и личный друг Льва Толстого и Чехова, о которых он оставил интересные воспоминания. Одним из организаторов клуба «Горизонт» был Франк Атран, впоследствии основавший и пожертвовавший крупные суммы в «Атран-Фаундэйшен», которая оказывает широкую поддержку научным, культурным и общественным начинаниям в еврейской среде.

При клубе «Горизонт» в годы войны состоял «Комитет по аффидавитам», задачей которого было получение иммигрантских виз для приезда из Европы спасавшихся от преследований русских евреев. Работой комитета заведывал А. А. Гольденвейзер.

В 1942 г. группой деятелей парижского «Объединения русско-еврейской интеллигенции» был основан в Нью-Йорке Союз русских евреев. Первым председателем союза был Ю. Д. Бруцкус, которого заменил проф. М. Л. Вишницер, а секретарем К. С. Лейтес. В 1944 г. при союзе был основан Комитет имени Я. Л. Тейтеля, занимающийся сбором средств для субсидирования еврейских филантропических организаций в Европе. Сбором средств для комитета в течение многих лет руководит г-жа Д. М. Кадинская. В первые годы после войны союз провел большую работу по установлению связей между евреями в России и их родными в Америке. С 1957 года председателем союза состоит Я. Г. Фрумкин. Союз русских евреев выпустил несколько книг, посвященных судьбам русского еврейства, — сборник статей «Еврейский мир», «Книгу жизни» С. М. Дубнова и «Книгу о русском еврействе (1860-1917)», которая в 1966 году вышла также в английском переводе. В деятельности Исполнительного Бюро Союза принимали активное участие И. М. Троцкий, Д. Н. Левин, Г. Я. Аронсон, Л. О. Дан и др.

Активную деятельность в ньюйоркской эмигрантской среде развивало «Общество приехавших из Европы». Председателем этого общества был бывший член Временного Правительства В. И. Лебедев, секретарем И. Г. Раузен и казначеем Л. С. Шендер. Возникновение общества связано с трагической романтикой беженской жизни в эпоху второй мировой войны. Среди тысячи пассажиров, плывших в 1941 году к американским берегам на небольшом испанском пароходе «НОВЭМАРА», насчитывалась группа в 145 человек выходцев из России, преимущественно евреев. 36 суток, полных всяческих лишений, длился их путь через Атлантический океан. Они сохранили между собой связь и после приезда в Нью-Йорк этой группой было вскоре основано Общество приехавших из Европы. При Обществе существовал отдел помощи жертвам гитлеризма, которым направлялись посылки с продовольствием и вещами, а также проводилась акция помощи еврейским сиротам в Европе и Израиле. Кроме филантропической деятельности, Общество устраивало доклады, лекции, «Живой журнал» и т. д.

В эти годы потребность в самоорганизации (для взаимопомощи и культурно-просветительной работы) остро ощущалась среди вновь прибывших эмигрантов. Многие из прибывших в Америку в эти годы русско-еврейских эмигрантов приняли участие в создании ряда общественных организаций, как напр. «Общество взаимопомощи «Надежда», «Союз евреев из Франции», Одесское землячество и др. Следует также отметить участие еврейских эмигрантов в Литературном Фонде, председателем которого состоял редактор «Нового Русского Слова» М. Е. Вейнбаум, вице-председателем Андрей Седых, секретарями — И. М. Троцкий, И. Л. Тартак и В. М. Берг, казначеем Б. М. Авксентьева; в «Русском Медицинском Обществе» (председатели: проф. Л. Розенталь, д-р И. М. Коварский, д-р Д. П. Едвабник); в «Русском литературном кружке» (председатель Г. Я. Аронсон); в «Кружке русских поэтов» (председатель А. А. Биск) в «Кружке русских юристов» (учредители А. А. Гольденвейзер, С. М. Гринберг-Винавер, Р. Джоузефсон и Л. М. Зайцев) и в ряде других организаций.

Русско-еврейские выходцы играли руководящую роль и в деятельности американских отделов ОРТ'а. По инициативе А. Ц. Литтона, было организовано «Общество европейских друзей ОРТ'а», открывшее в Нью-Йорке профессиональные школы по обучению ремеслу и технике. Во главе организации «Друзей ОРТ'а» стояли Е. Френкель, Я. Цвибак и др. Одновременно в Нью-Йорке открылось отде-

ление ОЗЕ, привлечшее старых и новых деятелей этого общества.

Следует также отметить, что в помощь «Юнайтед Джу-иш Аппил» — обще-американской объединенной организации по сбору средств для финансирования Джойнта, Хайаса и помощи евреям в Израиле — был создан европейский отдел под председательством сначала А. Ц. Литтона, а затем С. М. Яглома и при секретаре--казначее М. А. Граве. Отдел проводит сборы среди русско-еврейских эмигрантов, достигающие 250 тысяч долларов в год.

Землячества, организованные в Америке выходцами из Восточной Европы и в свое время проводившие большую работу по помощи оставшимся на старой родине землякам, в последние годы в значительной мере потеряли прежнее общественное значение. Россия оказалась за железным занавесом, и связи с нею стали невозможными, а в Польше после второй мировой войны почти не осталось евреев... Из вновь возникших землячеств можно отметить деятельность отдела «Арбейтер Ринга» имени погибших в России В. Альтера и Г. Эрлиха, и организацию «Нусах Вильно», объединяющую, под руководством д-ра Д. Едвабника, Х. Пупко, Л. Эпштейна и др. евреев-виленцев. Отметим также разветвленную деятельность упомянутого выше «Одесского землячества» (председатель д-р В. С. Вайнберг).

Среди основателей и руководителей «Еврейского Научного Института», возникшего еще в Вильно, но затем перенесшего свой центр в Америку, был ряд выдающихся представителей русского еврейства — филолог проф. М. Вайнрейх, экономист Я. Д. Лещинский, историк И. М. Чериковер и др. Еврейские филологи Юда Иоффе и Ю. Марк возглавляют издание многотомного «Словаря еврейского языка». Среди исследователей и научных сотрудников Института следует также отметить историка И. Трунка, статья которого по историографии русского еврейства напечатана в первом томе «Книги о русском еврействе».

Большой вклад в литературу на идиш внесла группа ученых и исследователей, продолжавших в Америке издание «Еврейской Энциклопедии». Эта группа опубликовала здесь шесть томов монографий на идиш и несколько томов по английски. Эта Энциклопедия дает читателю обширный материал об экономике, демографии и культуре евреев во всех странах мира, в том числе и в России. В состав редакции Энциклопедии входили Р. Абрамович, Бен-Адир (А. Розин), А. Кин, Я. Лещинский, А. Менес, А. Штейнберг и др.

В области еврейской культурной работы следует выделить деятельность Всемирного Еврейского Культур-Кон-

гресса, возглавлявшегося поэтом Г. Лейвиком, критиком С. Нигером, Я. Патом и В. Безом и объединившего вокруг себя многих выходцев из России, работающих в области науки, литературы, школы, искусства. Конгресс выпустил 6 томов «Лексикона еврейской литературы» при ближайшем участии И. Харлаша. Отметим также деятельность Комитета украинских евреев, возглавлявшегося М. Ошеровичем, который поставил себе целью издание трудов по истории еврейства Украины. Координационным Комитетом Бунда, при руководящем участии историка Ш. Герца, издавалась история Бунда (первые три тома посвящены деятельности Бунда в России), а также несколько томов «Покорения бундистов», в которых много места отведено биографическим очеркам о выдающихся деятелях Бунда в России.

Эпоха после второй мировой войны чрезвычайно ознаменовалась активной деятельностью американских сионистов. В этой деятельности приняли участие многие выдающиеся представители русского сионизма, которые сыграли заметную роль в политической и дипломатической акции в интересах государства Израиль в первые годы его существования. Ряд организаций, до того стоявших в стороне от сионизма, и влиятельные отдельные лица, даже из числа примыкавших к анти-сионистическим течениям, были вовлечены в эту работу и в частности приняли видное участие в центральной организации по сбору пожертвований (Юнайтед Джуиш Аппил). Следует подчеркнуть, что многие из русско-еврейских друзей Израиля в Америке (назовем Г. Лейвика, Н. Ханина, Я. Пата) добивались от руководителей нового государства Израиль признания прав языка идиш.

4

Уже в первую треть двадцатого века, евреи-эмигранты из России, Литвы и русской Польши выделили из своей среды плеяду видных научных деятелей. Вклад русских евреев в интеллектуальную жизнь Америки становится все заметнее с каждым десятилетием. Моррис Коген, один из столпов философских наук в Америке — уроженец Минской губернии; другой философ, Абрам Каплан, проф. университета в Калифорнии, — уроженец Одессы. Автор исследований о Спинозе, профессор Харвардского университета Гарри Вульфсон — бывший ученик ешибота в Слободке на Литве. Известный в Америке математик Екусиэль Гинзбург — уроженец Волыни. Видное положение в аме-

риканском ученом мире заняли два сына киевского адвоката А. С. Гольденвейзера, эмигрировавшие в Америку еще до первой войны. Александр Гольденвейзер (1880-1940) был профессором антропологии в Колумбийском университете, а затем в Портланде (Орегон). Его труд «Антропология» принят в качестве учебного пособия во многих университетах. Э. А. Гольденвейзер (1883-1953) в течение многих лет (1919-1949) состоял директором экономического отдела Управления Федеральных Банков в Вашингтоне. Его перу принадлежит несколько трудов по вопросам денежного обращения и кредита. Э. Гольденвейзер избирался председателем Американского статистического общества и Американского экономического общества.

Как было уже указано, вскоре после прихода к власти Гитлера в 1933 г. начался новый массовый исход евреев, в том числе русско-еврейских эмигрантов, из Зап. Европы в Америку, сначала из Германии, затем также из Австрии, а после оккупации в 1940 г. германскими войсками Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и Франции, также из этих стран. По распоряжению президента Рузвельта, политическим беженцам из Европы стали выдавать «чрезвычайные визитерские визы», что дало им возможность въезда, не взирая на заполненные национальные «квоты» и другие ограничения. Многие эмигранты этой категории имели научные заслуги и квалификации и смогли быстро влиться в американскую академическую жизнь. Лучшие американские университеты (Харвард, Йель, Колумбия, Принстон, Чикаго и университет Калифорнии) открыли свои двери вновь прибывшим русско-еврейским ученым, и в особенности эмигрантской молодежи, получившей высшее образование уже в Америке, и многие из них — мы не можем перечислять их имена — успели занять видное положение в академическом мире...

Особого упоминания заслуживают два русских еврея, занявших в Америке, каждый в своей области, одно из выдающихся мест и пользующихся большой известностью: Д. Сарнов и С. Юрок.

Давид Сарнов родился в местечке Узлианы возле Минска и в 1900 году девятилетним мальчиком приехал в Соед. Штаты. В 1906 г. он поступил на службу в Общество беспроволочного телеграфа Маркони в качестве посыльного с жалованьем в 5.50 долл. в неделю. Теперь он возглавляет «Радио-Корпорэйшен-оф Америка», работающую в области беспроволочного телеграфа, радио, телевидения и электроники, с оборотом в два миллиарда долл. в год. Сарнов

был пионером радио и телевидения, раньше других предвидевшим великое значение этих изобретений, и до сих пор считается одним из крупнейших в Америке специалистов в этих областях.

В 1906 году в Нью-Йорк из городка Погар Черниговской губернии прибыл юноша 18 лет Соломон Юрок. Как и другие евреи иммигранты из восточной Европы, он в первые годы в поте лица зарабатывал свой хлеб насущный, — был вагоновожатым трамвая, продавцом газет, мыл посуду в ресторанах. Но скоро С. Юрок нашел свое призвание: он стал устраивать концерты для социалистической партии, для Арбейтер-Ринга и т. д. Через несколько лет он выдвинулся на этом поприще в первые ряды. Кого только Юрок не привозил в Америку на гастроли — Анну Павлову и Мордкина, Дягилевский Балет и Московский Художественный Театр, а в последние годы балеты Московского Большого Театра и Ленинградского балета (б. Мариинский), солистов-виртуозов Артура Рубинштейна, Давида и Игоря Ойстрах, Леонида Когана, Эмиля Гилельса, Святослава Рихтера и др. Юроку многим обязана своей карьерой певица негритянка Марианна Андерсен. Он развил художественный обмен между Америкой и Советской Россией, Францией и Англией. Ни один импрессарио в Соед. Штатах до него не достиг таких успехов, как этот выходец из местечка Черниговской губернии.

5.

Евреи-эмигранты выходцы из России и из стран восточной Европы широко представлены в религиозном секторе американского еврейства, меньше в реформистском, и более заметно в ортодоксальном. Значение этих кругов особенно усилилось постигшими в последние 30-40 лет евреев бедствиями. Росту религиозных настроений особенно содействовала также политика советской власти: он был естественной реакцией на известия из России, где воинствующий атеизм обрушивался бичами и скорпионами на раввинов, меламедов, резников, и закрывал синагоги, хедеры и ешиботы.

Удельный вес религиозного сектора в жизни американского еврейства не поддается точному учету. Не подлежит сомнению, что значительная часть русских евреев в Америке придерживается религиозной традиции, посещает синагоги, соблюдает ритуал, посылает детей в религиозные или полурелигиозные школы. Достаточно сказать,

что в самом крупном еврейском центре, каким является Нью-Йорк, имеется свыше 1.500 синагог, многочисленный раввинат, большое число религиозных хоров, возглавляемых хазанами, талмуд-торы, ешиботы и др. Выходцы из России издавна являлись главной опорой этих религиозных учреждений, особенно тех из них, которые сохраняли ортодоксальный характер. Еще в начале века, когда строился «Арбейтер Ринг» и создавались землячества, приверженность их членов к еврейской традиции и религиозному ритуалу были очень заметны.

По данным Всеобщей еврейской энциклопедии, в 1935 году из общего числа 200 тысяч еврейских детей школьного возраста в Соед. Штатах до 110 тысяч обучалось в талмуд-торах и до пяти тысяч в ешиботах, где изучали библию, талмуд, молитвы (том 5, «Еврей» стр. 440). Там же сообщается, что около 75 тысяч еврейских детей посещали воскресные школы, созданные главным образом реформистскими общинами. В них из двух часов занятий пол-часа отводилось молитвам, пол-часа еврейским законам, пол-часа еврейской истории и пол-часа языку, обычно ивриту (стр. 194).

К началу второй мировой войны ешиботы подверглись некоторой модернизации. В них введено преподавание по английски, еврейские предметы преподаются на идиш и частично на иврит (том 3-й, стр. 382).

В сентябре 1962 года в бюллетене Еврейского комитета по образованию отмечено, что в Нью-Йорке из 134.879 детей школьного возраста обучались в религиозных школах 63.057; из них 39.282 в ортодоксальных и 32.540 в реформистских школах. Следует отметить, что в 1960-х годах во многих нью-йоркских средних школах («хай-скул») введено преподавание иврит и идиш. Еврейское образование в Америке получило свое увенчание в созданном в Нью-Йорке Ешива-Университете, в котором среди преподавателей числилось немало выходцев из русского еврейства (в том числе покойный проф. М. Л. Вишницер и его вдова Р. В. Вишницер).

В религиозном секторе выдающуюся роль играет бостонский раввин, д-р Иосиф-Бер Соловейчик, особенно влиятельный в кругах ортодоксального еврейства. Его приглашали занять в Израиле пост Верховного раввина. Так же как и Соловейчик, литовским уроженцем, вышедшим из ешибота Слободки в Ковно, был раввин Арон Котляр (недавно скончавшийся в Нью-Йорке), страстный поборник системы «мусар», построенной на принципах высокой лич-

ной морали.* Под влиянием Котляра в Америке было создано несколько крупных ешиботов.

Особое место в религиозной жизни в Новом Свете занимает движение «хабада». Это движение перенес из России раввин Иосиф-Исаак Шнеерсон, шестой по счету в раввинской династии Шнеерсонов. Историю ареста и освобождения раввина Шнеерсона в Сов. России рассказал на страницах «Форвертса» (9 мая 1937 г.) историк С. М. Гинзбург.

«Одно время, — пишет Гинзбург, — в Петербурге проживал Любавичский ребе И. Шнеерсон. Он получал средства для поддержки нелегальных ешиботов и развил весьма широкую деятельность, создав вокруг себя как бы ортодоксальный центр. Его сторонники прибывали к нему из разных районов. Петербургские «евсеки» косо смотрели на его работу. Он был арестован и подвергнулся жестокому обращению в тюрьме. Когда он однажды молился в талесе и филактериях, охранявший его красноармеец нанес ему сильный удар прикладом. Его бы несомненно сослали, но произошло «чудо». Советское правительство заключало договор с Латвией, в котором оно было весьма заинтересовано. В Латвийском сейме было довольно много депутатов-евреев, от голосов которых зависела судьба договора. Эти депутаты заявили советскому послу, что они будут голосовать за торговый договор только в том случае, если Любавичского раввина выпустят из России. Советское правительство на это пошло, и Шнеерсон был спасен».

Иосиф-Исаак Шнеерсон вскоре оказался в Америке и поселился в Бруклине, где создал духовный центр мирового «хабада».

Как известно, «хабад» представляет собой ярко выраженную ветвь хасидизма, — движения, начавшегося еще в начале 19 века и пустившего глубокие корни в широкой еврейской ортодоксально настроенной массе. Синагоги и ешиботы этого направления получили большое распространение и в Соед. Штатах.

После смерти Иосифа-Исаака Шнеерсона его преемником был утверждён его зять, раввин Менахем-Мендель Шнеерсон, который представляет собой необычную и в хасидском быту красочную фигуру. Воспитанный в условиях строгой религиозной традиции, выросший на изучении Талмуда, раввин М. М. Шнеерсон получил также разностороннее светское образование. После хедера и ешибота он был студентом Высшей школы еврейских наук в Берлине,

* О движении «мусар» в еврейской религиозной жизни см. статью А. Менеса в первом томе «Книги о русском еврействе».

затем прошел курс гуманитарных наук в парижской Сорбонне и там же одновременно готовился к поступлению в Высшую Политехническую Школу. Заняв пост главы «хабада» в Америке, он создал ряд религиозных учреждений, которые пользуются в Америке популярностью под названием «Любавичской школы».

ЮЛИЙ МАРГОЛИН

РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ИММИГРАЦИЯ В ИЗРАИЛЬ

В истории государства Израиль, точнее в его предыстории, начинающейся в 70-ых и 80-ых г.г. прошлого столетия, вклад русских евреев был на первых порах основным и решающим. Две первые волны иммиграции — первая и вторая «алия», — относящиеся к эпохе до революции 1905 года, были по преимуществу русскими. Центральным событием первой алии (80-ые и 90-ые годы прошлого столетия) была эпопея «билуйцев», второй (с 1903 года) — халуцианская, социалистическая и трудовая — алия молодежи, из которой со временем вышли основоположники и лидеры государства Израиль: Д. Бен-Гурион, И. Бен-Цви, М. Шарет, Л. Эшколь и др.

Октябрьская революция с ее следствиями — гражданской войной, подавлением и разгромом сионистского движения, запрещением алии — отрезала русское еврейство от Палестины, но не сразу остановила энтузиастов. Импульс движения был достаточно велик, чтобы в первой половине 20-х г.г. привести в Палестину свыше 20 тысяч человек. Это была т. наз. «третья алия», последняя «русская» по своему составу, ибо следующие пришли уже из других стран и в других исторических обстоятельствах.

Третья алия была отчаянным порывом отрезанного русского еврейства всеми возможными и невозможными путями включиться в то дело, которое оно, в большей своей части, считало своей исторической миссией. В драматических условиях того времени она была совершенно исключительной по составу — она представляла собой как бы «естественный отбор» среди сотен тысяч сионистов России. Десятки тысяч прибывших в Палестину из Сов. России в 20-ые годы и позже (до 1937 г.) состояли из наиболее идейных и активных элементов в русском сионистском движении, связавших свою жизнь со страной Израиля.

В письме одного из тогдашних сионистов (от 1919 года) читаем: «Ничто нас не остановит, мы придем через мо-

ре и сушу, мы научились преодолевать границы и, если встретим стену на пути, пробьем ее».*

Движение было стихийным. Лондонская Экзекутива Сион. Организации безуспешно пыталась ввести его в границы, опасаясь, что на местах массовый наплыв может вызвать жестокий кризис. В 1919 году прибыло около 2.000, в 1920 более 8.000 и столько же в 1921 году.

27 ноября 1919 г. из Одессы в Яффу вышел пароход «Руслан» и на нем 637 «олим», в том числе 60 халуцов-пионеров. Этот памятный рейс — в разгар гражданской войны в России — считают началом «третьей алии». Он вызвал в то время большие надежды, но остался единичным эпизодом. Рейс стал возможным лишь благодаря тому, что ранее (в 1915 г.) группа 170 палестинских евреев из Цфата была изгнана турецкими властями и прибилась в Одессу. Там создан «комитет помощи» беженцам из Палестины, и к этим беженцам приписалось еще несколько сот человек. Организовать их возвращение не было легким делом не только в Одессе, но и в самой Палестине, где не сразу получено было согласие британской администрации на прибытие этой партии. Путешествие продолжалось три недели, и «Руслан» прибыл в Яффу 19 декабря 1919 года. Среди многих впоследствии заслуженных деятелей Палестины этим пароходом прибыли профессор Иосиф Клаузнер и Арие Достровский. 16 августа 1919 года выехал из Ялты в Константинополь, и оттуда в Палестину, Иосиф Трумпельдор, основатель халуцианского движения, однорукий герой сионистского движения, которому суждено было в марте 1920 года пасть в горах Галилеи при защите пункта Тель-Хай от арабского нападения.

В 1921 году через Константинополь проехала из Одессы группа из 15 писателей на иврите, во главе с Х. Н. Бяликом, для которых удалось с большим трудом выхлопотать разрешение на выезд.

Вторая трасса Алии вела через польскую и латвийскую границы — тысячи молодых людей прошли этим путем нелегально. В Варшаве, независимо от польско-еврейских организаций, создавалась особая организация «Халуцов России и Украины». Последняя партия этих халуцов в числе 400 человек выехала из Польши в Палестину 14 апреля 1923 г. В течение всех 20-х г.г. еще продолжалось сопряженное с большим риском движение сионистской молодежи через западные границы Сов. Союза. Оттуда путь в Палестину вел

---

* «Третья Алия», изд-во Деп-та иммиграции Гистадрута, стр. 39 (иврит).

через румынские гавани Галац и Констанцу, а те, чьи бумаги были в относительном порядке, отправлялись через Вену и Триест.

Особняком стоит эпопея «высланных». Заслугой известного сионистского деятеля Давида Шора (1867-1942, в Палестине с 1927 года), пианиста и профессора Московской консерватории, было получение разрешения советского правительства на замену репрессированным членам сионистских организаций заключения и высылки в Сибирь высылкой за границу «без права возвращения в Сов. Союз».

С 1923 года, когда это разрешение было получено при содействии Л. Б. Каменева, — и до 1931 года, когда последняя партия «высылаемых без права возвращения» покинула Одессу, сотни сионистов (до 2.000 по максимальной оценке) этим путем получили возможность осуществить мечту своей жизни. Это был элемент наиболее ценный — активисты, пострадавшие за свои убеждения, прошедшие через тюрьмы и ссылку. Многие из них впоследствии вышли в первый ряд общественных и культурных деятелей государства Израиль — как парламентарии, социальные работники, учителя, артисты, журналисты, инженеры.

В свое время выезд их — один из парадоксов первых до-сталинских лет революции — стоил больших материальных усилий. Цена заграничного паспорта для них была назначена вдесятеро больше нормальной и доходила до 220 и даже 330 рублей — суммы для большинства непосильной. Это была цена свободы — выкуп — и не для всех в те годы удалось мобилизовать эти средства. Для многих выезд задержался на годы, пока они собрали эти деньги. Создалось парадоксальное положение: так как «замена» полагалась только сосланным за сионизм, то единственным шансом легально выбраться из границ Сов. Союза было — заслужить предварительную ссылку, и это в 20-ые годы привело к усилению сионистской активности на местах.

В 30-ые годы положение изменилось: сионистское движение было окончательно разгромлено, и между русским еврейством и Палестиной опустился железный занавес. О движении алии в годы, начиная с 1925 г. и об ее постепенном замирании, дает понятие таблица Департамента Иммиграции Евр. Агентства в Иерусалиме (сборник «Алия» № 3).

1925	7.780 чел.
1926	1.377 "
1927	385 "
1928	227 "
1929	293 "

1930	392	”
1931	358	”
1932	107	”
1933	320	”
1934	501	”
1935	397	”
1936 (перв. половина)	165	”

После этого цифровые данные об алии из Сов. Союза не публиковались, и самая алия прекратилась на ряд лет — до конца второй мировой войны.

По данным Евр. Агентства (в № 4 сборника «Алия»), за всё время с 1919 по 1936 год иммигрировало в Палестину 290 тысяч евреев, в том числе из России 30.134 чел., что составляет 11,6%. В то же время иммигрировало из Польши 121. 576 чел. (цифры эти не включают нескольких тысяч «нелегальных» олим). При учете размеров русской иммиграции надо принять во внимание, что к польской алии причислялись в то время иммигранты из Западной Белоруссии, из Вильны, из городов и местечек восточных областей Польши, принадлежавших Польше только политически, но не этнографически. Евреи этих местностей, так же как выходцы из Латвии, Литвы, Бессарабии, по своему культурному типу, знанию русского языка и русской литературы, не отличались от выходцев из Сов. России. В результате действительный приплыв русских евреев, понимая под этим говорящих по-русски и испытавших на себе воздействие русской культуры, был гораздо больше, чем указывает статистика Евр. Агентства.

Среди этих иммигрантов были представлены все оттенки политической ориентации от резко-антикоммунистической до умеренно социалистической и до симпатии к советскому режиму, связанной с надеждой на перемену антисионистского курса в Сов. России. Естественно, что коммунистов в Палестине в 20-ые г.г., как и позже, было мало, а во второй половине 20-х г.г. несколько сот таких коммунистов вернулось в Сов. Союз (где почти все они были репрессированы и уничтожены во время сталинских чисток).

Время с 1937 по 1945 год представляет собой «белое пятно» в истории алии русских евреев. В эти годы, когда Сов. Союз был герметически закрыт для выездов за границу и была затруднена даже обыкновенная переписка между родственниками, почти совершенно прекратился контакт отрезанной части еврейского народа с внешним миром.

Новый период начался в 1946 году. По окончании войны в разоренную Польшу хлынула волна репатриантов — поль-

ских граждан, переждавших войну на территории Сов. Союза. Из сотен тысяч этих репатриантов в одной только первой фазе 45–46 г. вернулось около 150 тыс. евреев. Репатриация в Польшу и Румынию продолжалась и позже. Эта волна возвращенцев увлекла с собой значительное число коренных русских евреев, всеми правдами и неправдами «приписавшихся» к возвращенцам. В Израиле в настоящее время находится более 10 тысяч (по самой скромной оценке) русских евреев этой послевоенной алии; многие привезли с собой русских жен.

С 1947 года несколько тысяч прошли через «Союз выходцев из СССР в Израиле» и организацию помощи «Матген», поставившую себе целью поддержку нуждающихся друзей Израила в Сов. Союзе. В большинстве это были люди невысокой культуры — но особенностью их было то, что все они, или почти все, имели практическую, применимую в Израиле, специальность. Это были ремесленники всех родов, слесари, столяры, портные, шорники, меховщики, парикмахеры, — но также и счетоводы, «экономисты», бухгалтеры, а частью и люди с высшим техническим и медицинским образованием. Большинство их хорошо устроилось в Израиле после первого трудного периода приспособления; значительную помощь при этом оказали профессиональные школы ОРТ'а (в Тель-Авиве, Яффе и Натании).

Специфическую проблему этой стихийно прихлынувшей «алии» составляла смешанность семей: люди, пережившие катастрофу военных лет, в большинстве были соединены вторым браком, — дети часто происходили от первого брака. Различались «мои дети» и «его» или «ее» дети. На этой почве возникали трения. Женщины в большинстве семей были на более высоком уровне, чем их мужья. Они вступали в брак с польскими беженцами, часто для того лишь, чтобы получить возможность выехать за границу. Манил Запад, — но не было специфической «сионистской» установки. На вопрос, поставленный советской женщине-врачу, — «что заставило ее принять предложение человека, настолько ниже ее стоящего по развитию и образованию?» — последовал ответ: «он курил трубку, носил заграничную кожаную куртку»... Иными словами, привлек *не советский* тип человека... В Израиле эти люди разошлись, но женщина надолго сохранила свою «советскую» гордость. «Мы русские» и «в нашей стране» — так говорят новые пришельцы из России еще долго, пока наступает перелом в сторону ощущения себя израильскими гражданами в своей, израильской, стране. В некоторых, правда исключительных, случаях люди в этом первом периоде интеграции, не выдержав трудностей,

возвращались и становились орудием анти-израильской пропаганды в советской печати. Эти сотни «возвращенцев», однако, составляют ничтожный процент общей массы.

Другой особенностью этой «алии» был первоначальный страх. Боялись, что «Сталин дойдет до Израиля», помалкивали, подозрительно относились к окружению, жили отчужденно, замыкаясь в своей «советскости» и опасаясь, что она может настроить против них местное население. Молодежь, которая из оккупированной Гитлером Польши бежала в Сов. Союз в 1939-40 г.г. и провела там годы от 16 до 27-летнего возраста, представляла особый тип, «польско-русско-еврейский», без всякой душевной подготовки к израильской действительности, без понимания ее исторических корней и значения. Здесь существенным элементом «переключения» было наличие родственников, теплое, сердечное отношение с их стороны... Но те, кто не имел друзей и знакомых, и целиком был зависим от «учреждений» и бюрократической опеки, не чувствовали себя уютно в Израиле, попав на окраину большого города или в поселок на краю пустыни.

Однако, все трудности выравнивало время. Нет сомнения, что по мере того, как растет количественно эта повоенная (и после-сталинская) русская иммиграция, прибывающие новые «олим» осваиваются легче и проще.

Отдельно надо упомянуть иммиграцию с Дальнего Востока, из Харбина, Шанхая, Тянь-Тзина. Победа коммунизма в Китае положила конец существованию цветущих русско-еврейских общин в этих городах. Значительная часть сибирских евреев переселилась в Израиль, где возник «Союз выходцев из Китая» («Иргун Йоцей Син»), насчитывающий до 4.000 членов. В противоположность массе беженцев с Запада, прибывших в плачевном состоянии, переселенцы из Дальнего Востока, в большинстве сионисты, прибыли с некоторыми средствами, со знанием английского и иврита и с традицией социальной организованности. Они сравнительно легко освоились в Израиле, в городах и деревнях, обладают собственным культурным центром в предместьях Тель-Авива с рядом филиалов в стране. Органом их является ежемесячный «Бюллетень» на русском языке, выходящий с 1955 года в Тель-Авиве (в настоящее время редактируемый М. С. Клявером). «Бюллетень» — единственное периодическое издание на русском языке, выходящее в Израиле, кроме «Вестника Израиля» (позже переименованного в двухмесячник «Шалом»), имеющего полуофициальный характер.

Послевоенная алия вообще существенно отличается по своему характеру от первой, второй и третьей «русских»

алий. Десятки тысяч пионеров первых десятилетий состояли из энтузиастов, шедших на жертвы, прокладывавших дорогу к национальному и социальному возрождению своего народа. Покидая Россию царскую, а со времени «третьей» алии — советскую, они порывали с прошлым, «гевреизируясь» принципиально. Они тем легче могли это сделать, что были и в массе, и в руководящем интеллигентском слое глубоко традиционными по воспитанию: — детьми религиозных родителей, учениками хедеров, насквозь еврейскими по духу, даже если молодое поколение и восставало против местечковой рутины своих отцов.

Но в послевоенные годы хлынула в Израиль масса истерзанных и бездомных жертв мирового катаклизма, не прошедших еврейской школы, не знающих еврейской истории, политически дезориентированных, гораздо более руссифицированных. Многие из них были совершенно неподготовлены *психически* к трудным условиям жизни в строящейся стране. Это были уже не активисты, а — подопечные сионизма. В довоенные 30-ые годы появление иноязычных газет, театров, клубов было немыслимо в еврейской Палестине, — оно было бы воспринято, как саботаж национального дела. Но в современном Израиле, который на две трети состоит из недавних иммигрантов, создалось положение, напоминающее национальный «плюрализм» Соед. Штатов: множество региональных, по странам происхождения, секторов, слияние которых в одно «гомогенное» целое совершается медленно и постепенно, и ни в этом, ни, вероятно, в будущем поколении не будет до конца реализовано.

Это касается и тысяч русских евреев, прибывших в страну по окончании второй мировой войны. Они в большей степени «русские», чем иммигранты второй и третьей алии; им труднее дается процесс «израилизации»; предыдущие поколения ковали израильскую действительность своими руками, — эти находят ее готовой и, на первых порах, трудной.

С другой стороны, присутствие этих евреев косвенно повлияло на те десятки тысяч израильских старожилых времен турецких и британских («ватижим»), которые принесли с собой в Палестину воспоминания своей российской юности. Возможно, что при ином развитии событий на Среднем Востоке возник бы могучий и своеобразный славяно-еврейский центр. Но в силу исторических причин в образовании современного Израиля верх взяли англо-саксонские и западно-европейские культурные влияния, а масса населения в половине состоит из выходцев арабского Востока. Однако, три первые алии и послевоенный доплыв из России врезали

свой след в черты лица еврейского государства. Под поверхностью израильской жизни пролегает слой русской подпочвы; в кибуцах и поселках, в городах и школах, в фабриках и учреждениях можно услышать русскую речь. Для старожил характерно удовольствие, с каким он использует оказию поговорить при случае по-русски; он, разумеется, читал Толстого в оригинале, хотя дети его «Войну и мир» знают только в переводе на иврит; русские книги и газеты читаются всюду — советские, благодаря их исключительной дешевизне и хорошей организации продажи, а зарубежные, — несмотря на отсутствие этих двух условий. Существует в Израиле потенциальная аудитория для выступлений на русском языке, и русский театр из-за границы пользовался бы не меньшим успехом, чем изредка гастрوليрующий польский... В случае поворота в политике «холодной войны» и советской враждебности к Израилю, русское еврейство снова станет важнейшим фактором в развитии страны.

Роль, которую играли русские евреи в истории Израиля, менялась из десятилетия в десятилетие. В 20-ые годы, в эпоху третьей алии, молодежь, прибывшая из России, взяла на себя пионерское задание — трудовое освоение страны. Основным фактом этой эпохи было основание Иосифом Трумпельдором халуцианского движения. Первой «квучой», осевшей на земле, была (в 1920 г.) группа халуцов из Прилук и Каменец-Подольска, прошедшая трудовую «гахшару» (подготовку) на земледельческой ферме под Одессой. На земле Нац. Фонда и под руководством агронома Э. Эттингера, они основали в горах под Иерусалимом кибуц *Кириат-Анавим*, — ныне один из самых цветущих и благоустроенных в Израиле.

В 1923 году был основан «Гдуд Авода» — Легион Труда им. Иосифа Трумпельдора. Это был род трудовой армии сионизма при Федерации еврейских рабочих («Гистадрут»), основанной в Хайфе в 1920 году. При основании «Гдуд» насчитывал 88 человек, — и до 2.000 прошло через его формации в течение 20-ых г.г. «Гдуд Авода» принял на себя выполнение ряда общественных работ мандатного правительства, построил дороги из Тверии в Цемах и Табху, из Хайфы в Афуле и Назарет. В лагере Гдуда в Галилее жило около 300 рабочих. Такой же лагерь был создан в окрестностях Петах-Тиквы, где строили жел. дорогу в Рош-эль-Аин. Люди Гдуда работали в Кфар-Гилади, создавали вспомогательные сельские хозяйства, мастерские и пр. По своей структуре Гдуд был трудовым коллективом; заработки его членов поступали в общую кассу, обязывала трудовая дисциплина, а

идеальной целью было «создание коммуны еврейских рабочих в стране Израиля».

«Нет сомнения», — говорит летописец той поры Арие Ценципер-Рафаэли, — «что Гдуд, это создание русских сионистов, выполнил в истории строительства страны миссию первостепенной важности. В его 42 «плугот» (отрядах) воспитались кадры труда и обороны... Пионеры из России наложили свою печать на Гдуд и заразили своей жертвенностью, сионистским воодушевлением тех, кто к ним присоединился из других стран» (сборник «Бамаавак Легеула», «В борьбе за освобождение», Тель-Авив, 1956, стр. 226).

Русская сионистская молодежь, объединенная в группах «Маавар», «Га-Даром», «Га-Галил», «Га-Шомрон», работала на землях Нац. Фонда в окрестностях Петах-Тиквы; в районе Реховот, Ришон-Лецион, Нес-Циона и Гедеры; в Явниэле, что в Галилее; в Хадере, Беньямине и Зихрон-Якове. Деятельность этих групп прекратилась в трудном 1927 году, и только группе «Маавар» совместно с членами кибуца Эйн-Харод удалось закрепиться, — это основатели кибуца Гиват га-Шлоша («Высота Трех»).

Из других кибуцов, основанных русскими сионистами, надо отметить Афиким в Иорданской долине (1932), Мишмарот, основанный выходцами из Крыма. В общем русским сионистам принадлежит первое — по количеству и качеству — место в трудовом подвиге третьей алии.

Не следует забывать о роли, которую сыграли русские евреи в развитии израильской промышленности, начиная с первых робких опытов на рубеже столетия. Это была область частной инициативы, не всегда имевшей успех.

Первые 10 ткацких станков поставил в стране *Иехиель Михал Пинес*, и он же первый приступил к производству черепицы. Пионером мыловаренной промышленности был химик *Иосиф Файнберг* (ум. в 1903 г.). Его инициативе обязано возникшее в 1905 году общество «Атид», из которого после многих метаморфоз выросло одно из крупнейших предприятий страны — «Шемен».

В 1905 году свыше ста рабочих было занято в Яффе на фабрике инж. *Леона Штейна* производством насосов, пресов для выжимания оливкового масла, оборудования мукомольных мельниц и друг. Все это были русские евреи, и можно привести еще ряд фамилий ныне забытых предпринимателей, техников и инженеров, которые в те годы пытались с большим или меньшим успехом создавать в примитивной стране промышленные предприятия, в первую очередь для нужд местного рынка. Позже британская колониальная администрация, очевидно, не была заинтересована

в развитии местной индустрии, и долгое время казалось, что отсутствие в стране основных видов сырья делает невозможным создание в Палестине собственной крупной индустрии. Двум русским евреям удалось заложить фундаменты современной израильской промышленности.

Мойсей Новомейский (1873-1961) сибирский еврей, родившийся в Баргузине, горный инженер, впервые посетил Палестину в 1911 г. и окончательно переселился туда в 1920 г. В своей книге «Given to salt» (1958, Лондон) он сам рассказал историю своей десятилетней борьбы с британской администрацией за право эксплуатации химических богатств Мертвого моря. Не будучи ни капиталистом, ни политиком, он с большим трудом поборол финансовые и административные трудности, но, в конце концов, создал общество для разработки поташа, брома и соли, которое с течением лет, и в особенности в последние годы, на южной оконечности Мертвого моря, — выросло в одно из крупнейших, в мировом масштабе, предприятий этого рода.

Петр (Пинхас) Рутенберг (1879-1942), род. в Ромнах Полтавской губ., — в первой половине своей жизни был известным деятелем партии социалистов-революционеров в России, — а во второй приобрел большую известность в Палестине, где не раз возглавлял «Ваад Леуми», — Национальный Совет евреев Палестины. Этому инженеру-электрику и организатору первого ранга принадлежит заслуга электрификации Палестины. В 1921 году он убедил Уинстона Черчиля, тогдашнего английского министра колоний, в возможности использовать воды Иордана для постройки гидроэлектрической станции, — которую и построил с помощью англо-еврейских финансистов. Построенная им в Наараим (при выходе Иордана из озера Кинерет) электростанция долгое время снабжала электроэнергией всю Палестину. Ныне (1966) она в руках арабов и находится вне пределов Израиля (в Иорданском королевстве), но дело жизни Рутенберга не погибло, и ряд новых электростанций далеко превзошел скромный почин его времени.

К этим двум именам надо прибавить другие: *Арие Шенкар*, организатор текстильной промышленности (1877-1960), прибыл в страну в 1924 г. и в течение трех десятилетий стоял во главе Союза Промышленников в мандатной Палестине и независимом Израиле. *Меир Дизенгоф*, *Авраам Криници* — строители городов, *Менахем Усьшкин* (1861-1943) — глава Нац. Фонда, «собиратель земли», агрономы, как Вильканский и др. — представляют совершенно иной тип русского еврея сравнительно с романтической молодежью, воспринявшей в массе под влиянием русской рево-

люции социалистическую идеологию и стремившейся осуществить модель образцового общества в стране Израйля. Это были трезвейшие практики, люди уже немолодые, прибывшие в Палестину во всеоружии опыта, но глубоко преданные идее построения еврейской Палестины.

И рядом с ними — стояли люди наук и искусств, плоть от плоти и кость от кости русского еврейства, плодотворные усилия которых определили черты нового «Ишува» и показали дорогу будущего.

Ахад-Гаам, философ «духовного сионизма» (умер в Тель-Авиве в 1927 году), историки И. Клаузнер, Б. Динур (Динабург), И. Кауфман — прибыли в Израиль из России. Поэты Бялик, Черниховский, Шнеур и Каган — в старшем поколении и ныне здравствующие А. Шлионский и Леа Гольдберг — были не просто выходцами из России, а сохранили интимную близость и глубокую связь с русско-еврейской действительностью, в которой воспитались. Не случайно первые три президента государства Израиль — Х. Вейцман, И. Бен-Цви, Ш. З. Шазар — выехавшие из России давно, еще до первой мировой войны, — сохранили на всю жизнь черты и традиции свободолобивой и гуманной русской интеллигенции, читали и говорили по-русски, живо интересовались проблемами России и русского еврейства, к которому принадлежали по рождению и воспитанию. После большевицкой революции прервался тот контакт с еврейством России, который мог бы оказаться плодотворным для обеих сторон.

Чтобы оценить участие российских евреев в развитии науки в Израиле, достаточно взять в руки последний (1963 года) ежегодник Иерусалимского Университета, центрального высшего учебного заведения страны (более 12.000 студентов в семестре 66-7 г.). Указатель преподавательского персонала содержит 546 имен профессоров, доцентов и лекторов. Из них 60 ученых родились в России (для сравнения — 55 уроженцев Израйля, остальные — со всех концов еврейской диаспоры, но главным образом из Центральной Европы, Польши и за последние годы — Англии и Соед. Штатов).

Откуда же пришли эти русские евреи в израильскую науку? От Феодосии, давшей биохимика и ботаника до Харбина, где родился ориенталист Тадмор (в 1923 г.), представлены десятки городов и местечек б. Российской Империи.

Дореволюционная Рига дала ряд профессоров, отсюда происходит виднейший профессор международного права и политических наук В. Акцин. В Петрограде родилась

Гина Ортер, психолог. В Пскове родился специалист еврейского средневековья Х. Байнарт. В Воложине — историк Бен-Сассон. В Хороле, на Украине, родился в 1884 году профессор современной еврейской истории, заслуженный профессор Бенцион Динур (Динабург) и математик Дворецкий. В Пинске — Давид Эрлик (род. в 1909 г., лектор клинической хирургии) и Яир Мундлак (род. в 1927 г., сельско-хозяйственный экономист). В Барановичах родился в 1890 году проф. Садовский (гинеколог и акушер), — в Каменец-Подольске в 1900 г. М. Штекелис, преисторик и археолог, а в Озоркове в 1891 году проф. Райхерт, патолог растений. Професс. И. Валь, другой специалист по патологии растений, — российский еврей, родился в Херсоне. Профессор зоологии А. Шулов указывает место своего рождения «Зиновьевск» (Елисаветград), а почвовед проф. Ш. Равикович — Бобрыйск.

Список далеко не исчерпан, и фамилии ученых, приведенные выше, составляют лишь часть того вклада, который внесло еврейство России в развитие израильской науки. Потребовалась бы целая монография, чтобы охватить русско-еврейское участие в ней за последние десятилетия. Ясно отражена в их жизненном пути та судьба русского еврейства, которая заставляла наиболее способных — до революции уезжать в поисках научного знания и карьеры за границу, а после революции — закрыла им доступ за границу вовсе, что было второй и едва ли не худшей крайностью.

В этих условиях вклад русских евреев в израильскую науку надо признать исключительно высоким и ценным. Не их вина, если в общей массе научных работников Израиля их удельный вес с годами сокращается. Когда будет восстановлен естественный нормальный контакт миллионов евреев Советского Союза с Израилем, — надо надеяться, что русское еврейство снова выйдет на первое место во всех местах культурного строительства в Израиле и восстановит свою роль основного творческого фактора в развитии еврейской страны.

АНДРЕЙ СЕДЫХ

(Як. Цвибак)

РУССКИЕ ЕВРЕИ В ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В великом исходе из России в годы революции и гражданской войны участвовало, естественно, и множество русских евреев. Бегство на Запад началось вскоре после октябрьского переворота, усиливаясь по мере того, как волны гражданской войны разливались по Украине. Из столиц старались бежать на территорию новообразованных государств — Эстонии, Латвии, Литвы, где со старых времен было значительное оседлое еврейское население, или в Финляндию. Из Киева и Харькова пробирались в Польшу. В последней стадии гражданской войны многочисленным представителям русско-еврейской интеллигенции удалось выбраться за границу через Одессу и Крым, еще до начала эвакуации Добровольческой армии. И даже в первые годы существования советской власти и во время НЭПА были еще некоторые возможности выезда из СССР за границу. Евреи пользовались всеми легальными способами, а там, где их не было, — переходили границу нелегально, рискуя жизнью и свободой.

Берлинский этап

В эмигрантской волне, направившейся в Германию, были представлены все классы и все профессии. На улицах Берлина, ставшего в начале 20-х годов своего рода эмигрантской столицей, оказались представители крупной промышленности и торговли, вчерашние банкиры и ремесленники. Широко была представлена еврейская интеллигенция: адвокаты, книгоиздатели, общественные и политические деятели, ученые, писатели и журналисты. В настоящем обзоре мы займемся евреями-литераторами, которые оказались на первых порах в исключительно тяжелом положении. Как можно было применить свои знания и профессиональный опыт в чужой стране, обычно без знания языка и новых условий?

Очень быстро, однако, оказалось, что даже при самых неблагоприятных условиях писатели и журналисты могли найти применение для своих талантов. В русской эмиграции еще бушевали политические страсти, была потребность разобраться в происшедшем. Стали возникать газеты, журналы, книгоиздательства. В начале двадцатых годов в Берлине возникли первые эмигрантские газеты и крупные русские книгоиздательства, утолявшие эмигрантский голод по свободному слову. Успеху издательств не мало содействовала послевоенная инфляция в Германии. Вследствие инфляции русскому эмигранту вообще было легче устроиться в Берлине, чем в каком-либо другом европейском центре.

Исключительную роль играл в эти годы в Берлине *И. В. Гессен*, который вступил в контакт с мощным немецким издательством Ульштейна и в 1921 году основал газету «Руль». Газета, выходявшая под редакцией Гессена, А. И. Каминки и В. Д. Набокова, была как бы эмигрантским продолжением «Речи», но один из бывших соредкторов кадетской газеты в «Руле» не участвовал: П. Н. Милуков резко разошелся с некоторыми партийными товарищами и противопоставил идее «белой борьбы» свою «новую тактику». И. В. Гессен тяжело переживал свое политическое расхождение с Милуковым, но от занятой позиции не отказался. Среди сотрудников «Руля» было не мало заслуженных русско-еврейских журналистов. И. В. Гессен издавал также «Архив Русской Революции» — периодически выходившие сборники мемуаров и документальных материалов по новейшей истории. «Архив» опубликовал мемуары самого И. В. Гессена, воспоминания В. Д. Набокова, которому вскоре во время политического собрания суждено было погибнуть от руки убийцы-монархиста, записи протоколов заседаний Совета Министров за 1915 и 1916 г.г., документы о преследованиях евреев в первую мировую войны и др. В «Архиве» было напечатано не мало статей еврейских литераторов, в том числе С. Ан-ского-Раппопорта и А. А. Гольденвейзера. Для будущего историка материалы 22 томов «Архива Русской Революции» представляют огромную ценность.

В Берлине в эти годы собралась значительная группа заслуженных русско-еврейских журналистов. Среди них в первую очередь следует назвать *Г. А. Ландау*, ближайшего помощника И. В. Гессена и заместителя редактора. Ландау — автор историко-философского труда «Сумерки Европы» и сборника «Афоризмы». Он был выслан

гитлеровским правительством из Берлина и переселился в Ригу, где быстро завоевал большую популярность, как передовик газеты «Сегодня». Г. А. Ландау погиб во время советской оккупации Латвии. Регулярно помещал в «Руле» обзоры иностранной политики *И. О. Левин*, бывший в России постоянным сотрудником «Речи» и журнала «Русская мысль». В годы мировой войны он погиб от руки наци. В 1922 году был выслан из Советской России с группой интеллигенции литературный критик *Ю. И. Айхенвальд*, который в своем еженедельном подвале, под псевдонимом Б. Каменецкий, откликался на все явления эмигрантской и советской литературы. В эмиграцию Ю. И. Айхенвальд приехал уже известным писателем, — его «Силуэты русских писателей» в трех томах получили премию Академии Наук и были знакомы всякому культурному человеку в России. Этот выдающийся писатель погиб в 1929 г. на улице Берлина от несчастного случая.

«Руль» по своему политическому направлению представлял правое крыло кадетской партии. В Берлине выходил ряд других газет более левого направления, в которых также принимали активное участие известные русско-еврейские журналисты. Упомянем «Голос России» и «Дни» А. Ф. Керенского. В этих газетах сотрудничал автор ряда научных трудов по социологии, талантливый журналист *А. М. Кулишер* (Юниус). Позже мы встретим его имя в Париже, где он принимал ближайшее участие в «Еврейской Трибуне» М. М. Винавера и в «Последних Новостях». Он был передовиком этой газеты, и П. Н. Милюков считал его одним из немногих своих «духовных сыновей». Кончил А. М. Кулишер свою жизнь трагически, в 1942 году, во французском концлагере, где его забили на смерть. «Гибель Юниуса в лагере меня тяжело поразила, — писал П. Н. Милюков в частном письме к А. А. Полякову. — Юниус умер мучеником, бросив вызов судьбе и людям».

Секретарем редакции «Дней» был *С. М. Соловейчик*, — в США профессор в университете в Канзас-Сити. Участие в газете принимал старый русский революционер, бывший председатель московской городской думы в 1917 г. *Осип Соломонович Минор*. В «Днях» можно было встретить секретаря Учредительного Собрания с. р. *М. В. Вишняка*, имя которого неразрывно связано с многими периодическими изданиями. Вместе с И. И. Фундаминским-Бунаковым и др. он был основателем и редактором «Современных Записок», в котором постоянно печатал политические обзоры, затем печатался в «Новом Журнале»,

«Новом Русском Слове», «Социалистическом Вестнике» и т. д. Наряду с редакторской и публицистической работой М. В. Вишняк опубликовал ряд книг — в частности о Хаме Вейцмане, — первом президенте Израиля, Леоне Блюме, о проблеме борьбы с антисемитизмом в международном аспекте и др.

В Берлине же возник в 1921 г. «Социалистический Вестник» — орган Заграничной Делегации Р. С. Д. Рабочей партии (меньшевиков), основанный Ю. О. Мартовым и Р. А. Абрамовичем. Мартов был в это время уже тяжело болен, — два года спустя он скончался в 50-тилетнем возрасте от туберкулеза. Р. А. Абрамович прожил в эмиграции еще 40 лет (скончался в 1963 г.), и все эти годы в Берлине, в Париже и затем в Нью Йорке — «Социалистический Вестник» был его любимым детищем. Утверждают, что «Социалистический Вестник» внимательным образом читали в Кремле и Сталин, а затем Хрущев. Такой осведомленной о положении в СССР критики, какую читали они в статьях коллектива «Социал. Вестника», — Р. А. Абрамовича, Ф. И. Дана, Д. Ю. Далина, А. А. Югова, В. Александровой, П. А. Гарви, С. М. Шварца, Б. И. Николаевского, М. С. Кефали, Ю. П. Денике, Б. Л. Двинова, Б. М. Сапира, Г. Я. Аронсона и др., они в своей советской печати найти естественно, не могли. В течение многих лет «Социалистический Вестник» получал из СССР нелегальными путями чрезвычайно интересную и ценную информацию о том, что происходило на партийных верхах. В годы сталинской «чистки» информаторы «Социалистического Вестника», сами бывшие видными партийцами, были уничтожены.

В. Е. Жаботинский, оказавшийся в Берлине с первой эмигрантской волной, возобновил здесь при участии И. Б. Шехтмана, Ю. Берхина и др. издание органа русских сионистов «Рассвет». В эти годы В. Е. Жаботинский еще не отошел от русской публицистики и писал на русском языке не только статьи, но и книги, успех которых выходил за пределы чисто еврейской среды, — роман из одесской жизни «Пятеро», в котором сильны некоторые автобиографические мотивы, — исторический роман «Самсон Назарей», книги фельетонов, рассказов и стихов. В 1928 году появилось его «Слово о полку», — история Еврейского Легиона в первую мировую войну, принявшего участие в освобождении Палестины от турок.

В последние годы имя В. Е. Жаботинского все реже появлялось на страницах русских эмигрантских изда-

ний. В 1930 году он подарил одну из своих книг пишущему эти строки и сделал на титульном листе странную надпись — «от покойного автора». На удивленный вопрос о том, что означает этот автограф, В. Е. с улыбкой сказал: «Для русской литературы я теперь только 'покойный' автор». Он скончался в 1940 г. в Нью Йорке.

Множество русско-еврейских журналистов проживало в Берлине в период 1920-23 г.г., работая в местной и заграничной эмигрантской печати. Назовем среди них *И. М. Троцкого*, бывшего в довоенные годы корреспондентом московского «Русского Слова», а в эмигрантские годы работавшего в либеральной русской и еврейской печати; *Н. М. Волковысского*, берлинского корреспондента газеты «Сегодня», во время войны погибшего в депортации; *П. И. Звездича*, в свое время сотрудника «Русских Ведомостей» из Европы, — погибшего во время второй мировой войны от руки наци; *С. О. Португейса*, писавшего под псевдонимом Ст. Иванович, одно время издававшего независимый с. д. журнал «Заря», объединявший непартийных меньшевиков, впоследствии выпустившего ряд книг в эмиграции; остроумного автора сатирических стихов *Жака Нуара*; *С. Г. Сумского*, писавшего в «Социал. Вестнике» и «Днях», а позже переехавшего в Париж и ставшего сотрудником «Последних Новостей». Для драматурга *Осипа Исидоровича Дымова* (Перельмана) Берлин был только этапом на пути в Америку. Дымов пользовался в писательских кругах репутацией блестящего человека, остроумного собеседника. Много печатался *В. Я. Ирецкий*, автор ряда романов и повестей.

В эти годы между писателями советскими и эмигрантскими еще не было полного разрыва. «Дом искусств», собрания писателей и пр. посещали и в нем даже выступали некоторые советские писатели. Илья Эренбург еще не решил тогда, — вернуться ли ему в Москву или окончательно перейти на положение эмигранта. Не малую роль играл «Союз писателей и журналистов», который возглавлял И. В. Гессен.

Заканчивая обзор берлинского периода, укажем, что с 1922 по 1933 г. в Берлине жил и работал историк *С. М. Дубнов*, выпустивший здесь свою капитальную «Всемирную историю еврейского народа» (первоначально в немецком переводе А. З. Штейнберга). Этот труд получил большое распространение. В Берлине же *С. М. Дубнов* опубликовал на русском языке трехтомную «Новейшую историю еврейского народа». Там же вышел ряд книг по

истории гражданской войны и еврейских погромов, принадлежавших перу И. Чериковера, И. Шехтмана и Н. Штифа. Отметим также экономические труды проф. Б. Д. Бруцкуса и ряд книг и статей на немецком языке И. С. Гурвича, посвященных историческим темам.

Следует отметить попытку т. н. правонастроенных евреев издать свой сборник на русские политические темы, в котором приняли участие И. М. Бикерман, Г. А. Ландау, В. С. Мандель, И. О. Левин и др., а также однозвучную с этими авторами книгу сиониста Д. С. Пасманика о евреях и революции.

С конца 20-х годов Берлин начал терять свое значение эмигрантского центра. Экономическая неустойчивость Германии, быстрый рост нацизма ускорили процесс распыления русской эмиграции по другим странам. Главный поток устремился во Францию, — русское еврейство за ним последовало. Париж становился бесспорно «столицей» русской эмиграции. Это положение он должен был сохранить до июньских дней трагического 1940 года, когда армия Гитлера оккупировала опустевший Париж.

Одно за другим закрывались в Берлине русские издательские и книжные предприятия. Закрылся в 1931 году и «Руль», — массового читателя в Берлине больше не было. В Париже процветали «Последние Новости» П. Н. Милюкова, а в прибалтийских странах — газета «Сегодня», издававшаяся Я. И. Брамсом и д-ром Б. Ю. Поляком.

Рижское «Сегодня»

Газета «Сегодня» была не только органом русского меньшинства в Латвии, Эстонии и Литве, но и фактически связующим культурным центром между тремя прибалтийскими странами. Единственным общим языком у латышей, эстонцев и литовцев оказался русский, и это обстоятельство превратило «Сегодня» в весьма влиятельный в Прибалтике орган печати. Его первым петербургским редактором и передовиком был б. редактор ленинбургского «Современного Слова» М. И. Ганфман. После его смерти главным редактором был М. С. Мильруд, а редактором «Сегодня Вечером» — Б. И. Харитон, — оба они стали жертвой журналистического долга; имели визы в Швецию, но не пожелали оставить своего поста, выпускали газету до последнего дня. В момент оккупации Латвии советскими войсками попали в руки НКВД и позже погибли в концлагерях.

«Сегодня» велось по газетному живому, имело постоянных корреспондентов во всех европейских столицах и обширный состав сотрудников. В «Сегодня» работало большое число русско-еврейских журналистов: экономист *В. Зив*, *М. К. Айзенштадт* (Железнов, впоследствии выдвинувшийся в «Н. Р. Слове» Аргус), *Лоло* (Мунштейн). Писал из Берлина *Гершон Свет*, который долгие годы провел в Палестине, впоследствии эмигрировал в С. Штаты и сотрудничает в нескольких русских, американских и израильских изданиях. Парижским корреспондентом «Сегодня» был *Андрей Седых* (Я. М. Цвибак), берлинским — *Н. М. Волковыцкий*, женеvским — *Л. М. Неманов*, обслуживавший Лигу Наций. Газета прекратила свое существование с момента оккупации советской армией балтийских стран.

«Последние Новости» П. Н. Милюкова

В «Сегодня» могли работать сотрудники разных политических направлений. В Париже обстановка была иная, — здесь раздел шел не только по линии политической, но и национальной. В то время, как в состав редакции милюковской газеты входили многочисленные русско-еврейские журналисты, на страницах правого «Возрождения» (за исключением, впрочем, *И. М. Бикермана*) еврейские имена, как правило, никогда не появлялись. В некоторые периоды острой полемики между «Последними Новостями» и «Возрождением», в особенности, когда газету эту редактировал *Ю. Семенов*, орган правой русской эмиграции не гнушался антисемитских выпадов против еврейских сотрудников милюковской газеты. Антисемитские фельетоны были особой специальностью бывшего нововременца *А. Ренникова*.

История антисемитской печати в русской эмиграции никогда не была обстоятельно изучена, и об этом можно только пожалеть. Белградское «Вечернее Время» *А. Суворина*, «Возрождение» периода *Ю. Семенова*, не говоря уже о гитлеровских изданиях на русском языке во время второй мировой войны, дали бы интересный материал для изучения антисемитизма в его довольно примитивной форме. Следует отметить, что после второй мировой войны открытое проявление антисемитизма даже в крайне-правой русской печати становится порой признаком дурного тона.

«Последние Новости» были основаны в начале 1920 года петербургским присяжным поверенным *М. Л. Гольд-*

штейном. Финансирование газеты принял на себя М. С. Залшупин. Через год «Последние Новости» перешли в руки П. Н. Милокова и его Республиканско-Демократической Группы. Пока существование газеты не стало прочным, значительное содействие ей в области финансовой оказывал М. М. Винавер, — выдающийся юрист, сенатор эпохи Временного правительства и известный еврейский общественный деятель. Он же, при номинальном участии П. Н. Милокова, основал еженедельный журнал «Звено», редактором которого он оставался до своей смерти, в 1926 году. На редакторском посту его заменил М. Л. Кантор. С именем М. М. Винавера было тесно связано существование другого журнала — «Еврейская Трибуна», выходившей одновременно на французском и русском языках при ближайшем участии С. В. Познера.

Вокруг «Последних Новостей» сгруппировалась и плеяда русско-еврейских журналистов. Правой рукой Милокова, секретарем редакции и выпускающим состоял б. сотрудник «Биржевых Ведомостей» и думский референт «Русского Слова» А. А. Поляков, впоследствии эмигрировавший в С. Штаты и играющий аналогичную роль в редакции «Нового Русского Слова». Передовицы и политические статьи писал А. М. Кулишер (Юниус). Иностранным отделом заведывал М. Ю. Бенедиктов (Берхин), соратник Вл. Жаботинского по линии сионистического ревизионизма. Постоянное участие в газете принимали: известный специалист по международным вопросам Л. М. Неманов, публицист С. Л. Поляков-Литовцев. Статьи С. Л. Полякова-Литовцева поражали не только заостренной политической мыслью, но были безукоризненны с точки зрения стилистической, — а ведь С. Л. Поляков-Литовцев родился в еврейском местечке, где в молодости был сторожем на кладбище и научился говорить и писать по русски только в 15-летнем возрасте. Регулярно появлялись статьи автора трудов по международному праву Б. С. Миркина-Гецевича (Борис Мирский), специалиста по финансовым и экономическим вопросам А. М. Михельсона, политические статьи С. О. Португейса (он же В. И. Талин и Степан Иванович). Из Лондона писал фельетоны И. В. Дионео-Шкловский и регулярно, раз в неделю, появлялись популярно-научные статьи Ю. Делевского, старого народо-вольца, обладавшего поистине энциклопедическими знаниями. Нерегулярно писали в «П. Н.» М. В. Вишняк, П. А. Берлин и др.

Юмористические фельетоны в газете печатали Саша

Черный (А. М. Гликсберг), приехавший в эмиграцию с уже всероссийским именем, *Вл. Азов* (В. А. Ашкенази) и «король юмористов» *Дон-Аминадо* (Шполянский), неумолимое перо которого в стихах и прозе высмеивало нелепые стороны эмигрантской жизни.

Было бы ошибочно думать, что в редакции «Последних Новостей» (как и в других газетах, о которых идет речь в этой статье) преобладал еврейский элемент. В газете Милокова сотрудничали лучшие эмигрантские силы, — И. А. Бунин, Н. А. Тэффи, М. А. Осоргин, К. Д. Бальмонт, А. М. Ремизов, Е. Д. Кускова, кн. С. М. Волконский; русско-еврейские сотрудники играли в газете роль видную, но назвать ее руководящей было бы явным преувеличением. Из других еврейских сотрудников «Последних Новостей» отметим Петра Рысса, бывшего сравнительно короткое время помощником редактора, — он ушел из газеты из за расхождения с П. Н. Милюковым; С. Г. Сумского (Каплуна); библиографа и одного из со-редакторов «Временника Русской Книги» *Я. Б. Полонского*; *С. В. Познера*; пишущего эти строки, дававшего парламентские отчеты и хронику парижской жизни; появлялись иногда рецензии И. М. Хейфеца, б. редактора «Одесских Новостей» («Старый театр»).

В литературном отделе «Последних Новостей» регулярно печатались статьи рано скончавшегося *Андрея Левинсона*, большого знатока балета и искусства; рассказы *Семена Юшкевича*, *Вл. Жаботинского* и, конечно, *М. А. Алданова*, — в газете появлялись не только его замечательные очерки, позже собранные в отдельные книги, но и главы его романов. М. А. Алданов был связан с газетой ближе других беллетристов, выполняя даже внутреннюю редакционную работу: в течение ряда лет он, в очередь с М. Ю. Берхиным, делал первую страницу газеты, посвященную политическим и мировым событиям. Работа эта мало соответствовала его писательскому опыту и темпераменту, но доставляла М. А. Алданову и не малое моральное удовлетворение, — профессию журналиста он ставил очень высоко.

Регулярно появлялись стихи и проза *М. О. Цейтлина* (Амари), рассказы и статьи на литературные темы *А. Ф. Даманской*, статьи о музыке *Б. Ф. Шлецера*, военные обозрения *К. М. Шумского-Соломонова*. Список сотрудников евреев был бы не полон без имен *Л. А. Полонской*, археолога *Т. С. Варшер* и каррикатуриста *М. С. Линского*, который во время оккупации был взят немцами в качестве заложника и расстрелян.

Периодические издания

Значительно меньше сотрудников-евреев было в эсеровской газете «Дни», перекочевавшей в Париж под редакцией А. Ф. Керенского. Под его же редакцией выходил журнал «Новая Россия», в котором, помимо эсеров, регулярно писали Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов, Ст. Иванович, П. Берлин.

В самом значительном «толстом» журнале эмиграции в «Современных Записках», просуществовавших с 1920 по 1940 год, из пяти редакторов — Н. Д. Авксентьева, М. В. Вишняка, А. И. Гуковского, В. В. Руднева и И. И. Бунакова-Фондаминского (трагически погибшего в нацистской газовой камере) трое были евреями. В 70 книгах «Современных Записок» находим беллетристические произведения, статьи на разнообразные темы и воспоминания большого числа авторов-евреев. Мы не будем здесь перечислять имена сотрудников, — эти имена мы встречаем во всех других русских периодических изданиях демократического лагеря, — от М. А. Алданова и Семена Юшкевича до О. О. Грузенберга и М. О. Гершензона. В 1938-39 г.г. в Париже выходил под редакцией П. Н. Милюкова и М. В. Вишняка другой «толстый» журнал — «Русские Записки», почти одинаковый по составу участников.

Из периодических органов существовал свыше 40 лет, побив рекорды всех других эмигрантских изданий, пережил, меняя свое местопребывание — Берлин, Париж и Нью Йорк — только один «Социалистический Вестник». Другие издания, прерванные войной, уже не возобновились. Навсегда закрылись «Последние Новости». Решающую роль в этом сыграла не только смерть его редактора П. Н. Милюкова в Экс де Бэн, во время войны (1942), но и то обстоятельство, что основные кадры газеты расплылись по разным странам. Дом и типография на Мельничной улице в Риге, где печаталось «Сегодня», были реквизированы для нужд советской газеты. Кончились и периодические издания, выходившие в Праге и Берлине. За двадцать лет, прошедших со времени второй мировой войны, в бывшей эмигрантской «столице» Париже, не удалось создать ежедневной русской газеты.

«Русские Новости», возникшие в Париже после второй мировой войны, занимают позицию про-советскую и выходят один раз в неделю. Газета имеет более чем ограниченный круг читателей. Демократическая, антикоммунистическая «Русская Мысль» под редакцией С. А. Водова выходит сейчас раз в неделю и пользуется большим успе-

хом. Сотрудничают в ней люди разного политического направления и среди них — не мало русско-еврейских литераторов.

Обзор был бы не полон, если бы мы не упомянули, что с 1920 года в Париже возникло несколько русских издательств. Одним из пионеров в этой области был *Я. Е. Поволоцкий*, погибший от несчастного случая. *О. Г. Зелюк* основал издательство, выпускавшее русские и французские книги. Были и другие издательства, выпустившие за последние 40 лет тысячи книг, альманахов, сборников поэзии. В смысле распространения русских книг большую роль сыграл журнал «Иллюстрированная Россия», основанный *М. П. Мироновым* и позже перешедший в руки б. владельца газеты «Приазовский Край» *Б. А. Гордона*. «Иллюстрированная Россия» давала в год в виде приложения 52 книжки классиков или произведений эмигрантских писателей.

Прозаики. М. А. Алданов

Из прозаиков старшего поколения, продолжавших свою литературную деятельность в эмиграции, мы уже упомянули *Семена Юшкевича*, три тома произведений которого вышли в свет незадолго до его смерти в 1927 г. Однако, расцвет литературной деятельности *С. Юшкевича*, как и другого писателя — *Осипа Дымова*, относится ко времени их жизни в России. В эмиграции они писали сравнительно мало и написанное по художественным качествам уступало старым их произведениям.

М. А. Алданов (Ландау) также начал печататься еще в России и по возрасту принадлежал к старшему поколению, но его в основном следует причислить к писателям зарубежным. Он, бесспорно, один из крупнейших русских писателей эмигрантской формации. Перу Алданова принадлежит около 20 томов. В России он успел выпустить только одну книгу о Толстом и Ромэн Ролане и философскую брошюру «Армагедон». В эмиграции уже в 35-летнем возрасте он обнаружил исключительное дарование исторического романиста. Вслед за «Св. Елена, маленький остров» появились его романы «Девятое Термидора», «Чортов мост», «Заговор», «Ключ», «Бегство», «Десятая Симфония», «Пещера», «Начало Конца», «Пуншевая водка», «Могила война», «Истоки», «Живи как хочешь», «Повесть о смерти», «Бред» и «Самоубийство». Романы Алданова охватывают громадную эпоху, — от французской

революции 1789 года до наших дней. Каждый роман в отдельности представляет собой самостоятельное, законченное произведение, все они пронизаны общими идеями, связывая далекое прошлое с настоящим.

Характерно, что Алданов выше всех писателей в мире ставивший Толстого и учившийся у него искусству исторического романа, очень осторожно обходит в своих произведениях эпоху «Войны и Мира», — хотя наполеоновского периода ему приходилось касаться в своих книгах. Романы Алданова замечательны не только своим историко-философским содержанием и занимательностью, но и необыкновенной точностью в изложении событий. Алданов был наиболее «европейским» из русских писателей в эмиграции и наиболее в их среде образованным. Достаточно сказать, что он окончил физико-математический и юридический факультеты в Киевском университете, Школу социальных наук в Париже и, одновременно с романами, писал и научные труды по химии, высоко расценивавшиеся специалистами. Почти все романы Алданова переведены на иностранные языки (некоторые — на 24 языка).

Алданов обладал обширнейшими знаниями, приобретенными в процессе 35-летнего непрерывного и кропотливого труда в исторических архивах и библиотеках. По приемам своей работы он был очень близок к французскому историку и писателю Ленотру, автору «Старых домов, старых бумаг». Писательский диапазон Алданова был огромный: он сочетал в себе качества историка, философа, психолога и художника. Романы его являются, по существу, громадной галлереей исторических портретов: в них проходят Робеспьер и Наполеон, Сперанский и Суворов, Микельанджело и Бетховен, Достоевский и Желябов, Витте и Ленин...

Эта способность к историческому портрету особенно сказалась в книгах, которые многими считаются исключительно ценными в творчестве Алданова: он оставил несколько томов замечательных очерков «Земли-люди», «Портреты», «Современники». В этих книгах Алданов проявляет также свое высокое мастерство эссеиста, — он написал удивительные психологические и исторические этюды таких разных по типу людей, как Пилсудский, Кайо, генерал Пишегрю, Ганди, Де Валера, Черчилль, Клемансо, Сталин, Гитлер. О трилогии Алданова из современной нам эпохи — «Ключ», «Бегство», «Пещера» — мнения критиков различны. В «Начале конца» показана Европа накануне второй мировой войны; в «Живи как хочешь» Ал-

данов дал картину послевоенную, и эти романы внутренне между собой связаны, окрашенные усиливавшимся с годами в творчестве Алданова, — чувством обреченности и пессимизма. В романах позднейшего времени события исторические являются только фоном, своего рода декорацией, перед которой движутся живые и знакомые нам люди. Как правило, женские типы удавались писателю меньше мужчин, — его Муся Кременецкая, Надя «Начала Конца» и также Надя в «Живи как хочешь» — холодноваты и неубедительны. Умные, философствующие старики в романах Алданова куда интереснее его «фатальных» женщин; изображение человеческих страстей мало поддается рационалистической натуре писателя.

Может быть поэтому настоящего Алданова надо искать в его философской книге «Ульмская ночь», которую он считал самой своей значительной и удавшейся, — в моменты откровенности со свойственным ему пессимизмом Алданов говорил друзьям, что, вероятно, от него останется только одна эта книга. Посвященная «философии случая» «Ульмская ночь» является как бы послесловием к историческим романам Алданова: случай объясняет все, что происходит в мире — он нарушает все расчеты, планы и законы. Алданов все прочел и все знал, все запомнил, а то, что запомнить не было возможности, тщательно заносил своим бисерным почерком в одну из записных книжек. После смерти писателя по его завещанию все эти записи, результат гигантского труда, были уничтожены, — Алданов не хотел, чтобы чужие люди рылись в его «писательской лаборатории».

Он был не только интересным, но и самым любимым эмигрантским писателем. Выход каждой новой его книги был большим литературным событием. Когда М. А. Алданова начнут издавать и читать в России, — его «открытие» будет подлинным праздником для русского читателя и по ту сторону занавеса.

**
*

Число русско-еврейских прозаиков в эмиграции не велико. К той же возрастной группе, что Алданов, принадлежал и М. О. Цетлин (Амари) — незаурядный писатель и поэт. Его перу принадлежат книги «Декабристы», «Пятеро и другие», посвященный «могучей кучке» и современникам Мусоргского и Чайковского, сборник стихов «Кровь на снегу». Редко какое-либо литературное начинание в

Париже в двадцатых годах начиналось без непосредственного участия М. О. Цетлина и его жены, общественной деятельницы М. С. Цетлиной. Парижский их дом на Рю де Пасси был литературным и артистическим салоном, где у этих меценатов, можно было встретить Фундаминского-Бунакова и Бориса Савинкова, Бунина и Куприна, Алданова, Зайцева, Бальмонта, молодых поэтов, художников и композиторов.

Андрей Левинсон, сотрудничавший одновременно и в русской и в французской печати, выпустил несколько ценных книг о балете и среди французов считался в области искусства авторитетом. Специалистом в области театра и балета был *Анатолий Шайкевич*, а в области музыки *Б. Ф. Шлецер*. В *С. Л. Полякове-Литовцеве* одаренный журналист уживался с беллетристом. Он написал роман на еврейский исторический сюжет «Саббатай Цеви» (Мессия без народа) и совместно с П. П. Потемкиным пьесу «Дон Жуан, супруг смерти». В литературных кругах не было секретом его тесное сотрудничество с Ф. И. Шаляпиным по книге «Маска и душа».

Над численно небольшой группой эмигрантских философов возвышается *Лев Шестов* (Шварцман), автор многочисленных литературных и философских исследований о Достоевском, Ницше и Толстом, — последнего он лично знал. Шестовым изданы за границей книги «Власть ключей», «На весах Иова» («Странствование по душам»), «Афины и Иерусалим», труд на французском языке о Киркегарде. Шестов был хорошо известен на Западе. Во Франции, в частности, он оказал большое влияние на многих современных философов, на направление, приобретшее популярность под именем экзистенциализма.

Список русско-еврейских беллетристов «молодого» поколения совсем уж не велик. Чисто эмигрантским писателем был *Юрий Фельзен* (Н. Б. Фрейденштейн) погибший от руки наци во время оккупации, при попытке перехода франко-швейцарской границы. Перу его принадлежали романы «Обман», «Счастье» и «Письма о Лермонтове», — книги, написанные под влиянием Пруста и в значительной степени имевшие характер литературного эксперимента.

Сложным в литературном отношении явилось и творчество *В. Яновского*, автора нескольких романов, печатавшихся в «толстых» журналах и вышедших отдельными изданиями. «Колесо», «Мир», «Любовь вторая» и «Порта-

тивное бессмертие», — романы большей частью на эмигрантские темы, с чрезвычайно натуралистическими описаниями, но с «миллионами терзаний» и размышлениями на высокие темы.

Пишущий эти строки *Андрей Седых* выпустил в эмиграции 13 книг, из которых три тома — рассказы на эмигрантские темы («Сумасшедший Шарманщик», «Звездочеты с Босфора» и «Только о Людях») и одна — литературных воспоминаний «Далекое, близкое», посвященных Бунину, Куприну, Алданову, Рахманинову, Шаляпину и др. В 1965 году Андрей Седых выпустил книгу об Израиле «Земля обетованная», вышедшую в 1967 г. также на английском языке.

Закончим эту часть обзора сатириками-юмористами. Наиболее популярным в эмиграции юмористом и фельетонистом был уже упомянутый *Дон Аминадо* (А. П. Шполянский), начавший свою карьеру еще в России в «Сатириконе» вместе с Аркадием Аверченко. За рубежом он выпустил ряд книг — «Дым без отечества», «Наша маленькая жизнь», «Смех в степи» (по французски, с предисловием Мориса Декобра), «Накинув плащ», «Нескучный сад», и «Пуант дэ Фэ» (по французски, с предисловием Тристана Бернара, который высоко ценил Дон Аминадо). Незадолго до смерти он опубликовал автобиографию, книгу красочных воспоминаний «Поезд на третьем пути».

Другой рано скончавшийся юморист А. М. Гликсберг входит в историю русской литературы под именем *Саши Черного*. Когда то вся Россия твердила наизусть его «Спи мой мальчик, спи мой чиж...». В эмиграции он продолжал много писать и издал несколько сборников рассказов, стихов и сказок, из которых особенно следует упомянуть «Солдатские сказки» и «Остров Сокровищ». После Бунина, он был вторым писателем-эмигрантом, которого «реабилитировали» и начали издавать в СССР.

В категории юмористов-сатириков, выдвинувшихся уже в Америке, следует назвать очень популярного у читателя *Аргуса* (М. К. Айзенштадта), автора книг «Восточный герой» (поэма о Сталине), «Полусерьезно, полушутя» и по английски «Москва на Гудзоне» и «Милый проходимец».

Поэты

Число русско-еврейских прозаиков в эмиграции не велико; зато список эмигрантских поэтов обширен. Многие

из них покинули Россию в юном возрасте, а некоторые еще детьми. Несмотря на это, молодое поколение дало не мало одаренных поэтов, духовные истоки которых лежат прочно в России и в русской культуре.

Одним из ярких дарований среди молодых поэтов был *Довид Кнут*, в творчестве которого всегда чувствовался «особенный, еврейско-русский воздух». И по тематике своей Кнут больше других поэтов связан с еврейством и с Израилем, которому он посвятил, особенно в последний период свой жизни, много стихов.

В Париже, где Довид Кнут жил до войны, тяжким трудом зарабатывая себе хлеб насущный, он выпустил несколько книг стихов, которые обратили на него внимание литературных кругов и критики. Первая книга носила несколько странное с точки зрения грамматической название «Моих Тысячелетий».

Вслед за этой книгой, проникнутой атмосферой Библии, Довид Кнут выпустил «Вторую книгу стихов», «Парижские ночи» и «Насущная любовь». Временно ветхозаветные темы уступили место темам парижским, — любви, одиночеству, смерти. Во время оккупации Довид Кнут с женой, Ариадной Скрябиной (дочерью композитора) участвовал в движении сопротивления и жена его, перевозившая группу еврейских беженцев в Швейцарию, была схвачена и расстреляна немецким патрулем на границе. После войны Довид Кнут выпустил книгу о евреях — участниках «Резистанса». В 1949 году вышел сборник его избранных стихов. Довид Кнут поселился в Израиле, начал писать на новом для него языке и вскоре умер, не успев дать всего, чего вправе был ожидать от него читатель.

Юрий Мандельштам выпустил четыре сборника стихов: «Остров», «Верность», «Третий час» и «Годы» и книгу литературных статей «Искатели». Судьба его была трагической. В 1942 году немцы его арестовали и отправили на Восток, где он погиб, вероятно, в одном из нацистских лагерей.

К этому же поколению принадлежит *Георгий Раевский* (Георгий А. Оцуп), брат Николая Оцупа, поэта, друга Гумилева. Часто звучат еврейские ноты в поэзии *Софии Прегель*, выпустившей пять сборников стихов: «Разговор с памятью», «Солнечный произвол», «Полдень», «Встреча», «Берега». В 40-х г.г. во время второй мировой войны С. Ю. Прегель редактировала и издавала в Нью Йорке журнал «Новоселье».

К так называемой «парижской школе» поэтов примыкают *Александр Гингер*, за 30 лет, выпустивший «Свору верных», «Преданность», «Жалобы и торжество» и «Весть». Его жена, Анна Присманова, скончалась в Париже в 1961 году, оставила после себя книги «Тень и тело», «Близнецы», «Соль», «Вера».

Список трагически погибших поэтов будет не полон без имени *Михаила Горлина* и его жены *Раисы Блох*. Оба они и их ребенок погибли от рук наци. Раиса Блох выпустила два сборника — «Мой город» и «Тишина», не успев дать всего, чего от нее можно было ждать. Горлин выпустил на немецком языке оригинальную работу о Гоффмане. Группа друзей после их гибели опубликовала посмертную книгу их «Избранных стихотворений».

Из поэтов старшего поколения следует выделить *Александра Биска*, дебютировавшего уже в начале века в русских журналах («Золотое Руно» и др.). В 1919 г. он выпустил в Одессе книгу переводов из Рильке, дополненную в новом издании 1960 г. в Париже и издал новый сборник стихов «Свое и чужое».

Закончим список несколькими именами, одинаково известными в Париже и в Нью Йорке: *Ирина Яссен* содействовала созданию во Франции издательства «Рифма», в нем вышли два десятка сборников разных поэтов. Перу Ирины Яссер принадлежат сборники «Земной Плен», «Лазурное око», «Память сердца», «Дальний путь» и сборник «Посмертные стихи», выпущенные уже после ее кончины. *Зинаида Троцкая*, автор трех лирических сборников стихов, из которых последний по счету «Вполголоса» вышел в Нью Йорке. *Евгений Шах* выпустил «Семя на камне» и «Городская Весна». Две русско-еврейские поэтессы живут сейчас в Вашингтоне: *Кира Славина* («Бумажные крылья») и *Гизелла Лахман* («Пленные Слова», «Зеркала»), поэзия которых отличается лиризмом и мечтательностью.

«Новое Русское Слово»

Оккупация Парижа гитлеровской армией в июне 1940 года нанесла смертельный удар русским газетам и издательствам во Франции. Париж, игравший роль «столицы» русской эмиграции, перестал существовать. Последствия этого удара сказываются до нашего времени, — из за отсутствия журналистов и массового читателя в Париже до сих пор не удалось создать ежедневной русской газеты такого информационно-политического и общественно-го типа, какими были «Последние Новости».

С 1940 года из Франции начался новый массовый исход эмиграции, — сначала в свободную зону Франции, а затем за океан, в С. Штаты, куда новоприбывшие в 1941 и 1942 году принесли много свежих литературных сил.

В Нью Йорке они нашли «Новое Русское Слово», издателем которой с 1920 года был В. И. Шимкин, активный и инициативный человек с общественной жилкой, приехавший в С. Штаты еще в 1907 году. В газету он вложил все свои сбережения. В момент одного из кризисов, когда газета была накануне закрытия, В. И. Шимкин обратил-ся к молодому тогда журналисту М. Е. Вейнбауму, который уже работал в разных органах русской печати в Нью Йорке и предложил ему стать редактором «Нового Русского Слова» и быть его компаньоном. М. Е. Вейнбаум вошел в 1922 г. в газету, с которой затем связал свою жизнь и которую постепенно превратил во влиятельный русской-американский орган печати с разнообразным и обширным составом сотрудников. В своей книге «На разные темы», вышедшей в 1956 году, М. Е. Вейнбаум не без юмора характеризовал старое «Русское Слово»: ...«Русское Слово» никому не подражало и было совершенно само-бытным явлением. Газету часто критиковали, и было за что; над ней подшучивали, и не всегда без основания. Но она пускала корни и завоевывала читателя».

К приезду парижской эмиграции в 40-х годах в газете работала старая группа сотрудников: *Лев Камышников*, опытный журналист, бывший редактор одесского «Утра»; поэт и переводчик *Александр Браиловский*; писавший фельетоны, стихи и составлявший первую страницу *Аргус* (М. К. Железнов); регулярно помещал свои статьи на медицинские темы *д-р В. С. Вайнберг*; в состав редакции входили также *В. Д. Крымский* (В. Гейман) и *М. А. Штерн*. Передовиком был приехавший из Европы б. соредактор пражской «Воли России» видный с. р. *В. И. Лебедев*, которого затем заменил А. Ю. Рапопорт, писавший в «Последних Новостях» под псевдонимом Л. Торопецкий, и сотрудничавший в «Н. Р. Слове» под псевдонимом В. Ленат.

С 1941 г. список сотрудников начал быстро расти. Приехал из Парижа и вошел в состав редакции *Андрей Седых* (Я. М. Цвибак); начал печатать свои фельетоны *С. Л. Поляков-Литовцев*; приехал из Франции один из столпов «Последних Новостей» *А. А. Поляков*, немедленно приглашенный на пост помощника редактора. В газете стало регулярно появляться имя *М. А. Алданова*, который продолжал свое сотрудничество в «Новом Русском Слове» до са-

мой смерти. Его последний роман «Самоубийство» и был опубликован полностью в «Нов. Русск. Слове». В состав постоянных сотрудников вошел вскоре публицист *Г. Я. Аронсон*, писавший в «Социалистическом Вестнике», «Новом Журнале» и «За свободу». Был приглашен на работу *В. И. Гессен*, автор книги «Герои и предатели», ранее сотрудничавший в берлинском «Руле».

Статьи на юридические темы пишет в газете *М. Л. де Бранзбург*; появились знакомые по Европе имена публициста и критика *Леонида Галича* (Л. Е. Габриловича), *А. Ю. Раппопорта*, еще сотрудничавшего во «Власти Народа» в Москве и ставшего передовиком газеты, историка и публициста *П. А. Берлина*, музыковеда *И. С. Яссера*, *А. А. Гольденвейзера*, *С. Л. Кучерова*, *Г. И. Альшулера*, унаследовавшего от своего покойного отца (друга Л. Н. Толстого и А. П. Чехова) двойной талант — врача и писателя. Ценные статьи из Израиля присылает *Ю. Б. Марголин*, автор трагической книги «Путешествие в страну Зека». К списку постоянных сотрудников нужно прибавить уже названных выше *И. М. Троцкого* и *Герсона Света*.

С начала сороковых годов в газете начали сотрудничать видные евреи-меньшевики и эс-эры — *Б. Двинов*, *С. М. Шварц*, *Д. Ю. Далин*, *Р. А. Абрамович*, *С. М. Соловейчик*, *Д. Н. Шуб*, *М. В. Вишняк*, — эти же имена мы встречаем и на страницах «Нового Журнала». Это — очень характерное явление для зарубежной печати, начиная с эпохи второй мировой войны: при довольно большом разнообразии печатных органов и их политических и общественных направлений, мы встречаем почти повсюду одних и тех же сотрудников. Множество общих сотрудников можно найти у «Нового Русского Слова», «Русской Мысли» в Париже, «Нового Журнала» и «Социалистического Вестника». Общий либеральный демократический дух этих изданий определяет естественно и состав сотрудников.

Говоря о «Новом Русском Слове», мы естественно назвали только главных сотрудников-евреев. Действительный список сотрудников очень велик, как велик и «диапазон» газеты. Демократическое «Новое Русское Слово» (выражение «демократическое» применяется здесь не в его американском, а русском смысле) широко открывает свои столбцы для людей разных политических взглядов. Эта политика, установленная *М. Е. Вейнбаумом* и чуждая, по существу, более сектантски выраженной русской журналистической традиции, не всегда встречает правильную оценку и понимание со стороны читателей. Но

за пол-века своего существования «Новое Русское Слово» выросло в солидную, распространенную газету, заслуги которой в деле разоблачения коммунистического режима и воспитания широких кругов русской эмиграции в духе демократических идей, очень велики.

«Толстые» журналы, альманахи и пр.

Вместо прекратившихся в Париже «Современных Записок» (всего вышло 70 номеров этого замечательного журнала) в 1942 году в Нью Йорке М. О. Цетлиным был основан «Новый Журнал», в котором ближайшее участие принял М. А. Алданов. С № 5 редактировали «Новый Журнал» М. О. Цетлин и профессор истории М. М. Карпович, а после кончины основателя в 1945 г., единоличным редактором стал М. М. Карпович. После смерти М. Карповича в 1959 г. журнал выходил под коллективной редакцией Р. Б. Гуля, Ю. П. Денике и Н. С. Тимашева, а в последние годы под единоличной редакцией Романа Гуля. Не станем перечислять имена русско-еврейских сотрудников «Нового Журнала», — в составе редакции сейчас евреев нет, — и в публицистическом, и в литературном, и в отделе стихов имена сотрудников евреев неизменно повторяются, и нам уже хорошо знакомы.

В 1953 году М. С. Цетлина начала издавать чисто литературный журнал «Опыты», который редактировал вначале Р. Н. Гринберг, а затем Ю. П. Иваск. С 1960 года Р. Н. Гринберг приступил к изданию альманаха «Воздушные Пути». В первых пяти выпусках много внимания было уделено писателям, оставшимся в России: Осипу Мандельштаму, Борису Пастернаку, Анне Ахматовой и И. Бабелю. В «Воздушных путях» появились их произведения, до сих пор неизвестные читателю в Сов. России.

После второй мировой войны в Европу и в С. Штаты проникла из Советской России численно весьма значительная волна новой русской эмиграции. Эта эмиграция, большей частью сложившаяся в Сов. России, изголодавшаяся по свободному слову, быстро внесла некоторое оживление в зарубежную литературную жизнь. Благодаря неожиданному приливу нового, массового читателя, окрепло положение и старых эмигрантских газет и изданий. Преимущественно в Германии появились литературно-общественные журналы, в которых руководящую роль играют представители новой, «дипийской» эмиграции; число русско-еврейских писателей, принимающих в них участие, довольно ог-

раничено.* Удивляться этому не приходится, если вспомнить трагическую историю исхода этой новейшей эмиграции — через германские лагеря, где евреев немедленно истребляли или добровольно уходившей из России вместе с отступавшими гитлеровскими армиями. Евреям в этом исходе не было места.

Сравнительно небольшое число русско-еврейских писателей постепенно перешли с русского на иностранные языки и превратились в писателей французских или американских. Речь тут идет не о таких писателях, как М. А. Алданов, Андрей Левинсон, М. Л. Слоним или Лев Шестов, книги которых переводились на многие языки и которые хорошо известны на Западе, — они всю жизнь продолжали писать и думать по русски.

В качестве примера абсолютного перевоплощения можно назвать французского писателя и члена французской Академии *Жозефа Кесселя*, которого пишущий эти строки помнит еще начинающим русским журналистом. В начале 1922 года в редакцию «Последних Новостей» к П. Н. Милюкову явился молодой очень крепкий физически человек, — было в его внешнем виде нечто бычье. «Джеф» долго не удержался. Он уже в эти годы начал терять чувство русского языка и его парижские очерки из русской жизни казались переводом с французского. Думаю, именно из этих первых бытовых очерков родилась у Кесселя впоследствии идея «Княжеских ночей», — роман и, в особенности, фильм, принесший ему впоследствии немалую славу и деньги. По настоящему вошел он во французскую литературу после романа «Экипаж», за которым последовали десятки других ярко и сильно написанных книг.

В 1929 году французская критика и широкая читающая публика обратила внимание на писательницу *Ирину Немировскую*, первый роман которой «Давид Гольдберг» ярко рисовал среду русских евреев, из которой вышла сама романистка. Немировская выпустила затем ряд книг («Бал», «Пешка на шахматной доске», «Джезабель»). Она погибла в депортации. Преждевременно сошла со сцены талантливая поэтесса *Ася Ласэнь*, выпустившая книгу стихов «Деревенский идиот» и два романа. Выдвинулся во французской литературе после войны *Ален Боске*, сын поэта

---

* В «Мостах» в последние годы стали появляться, впрочем, и русско-еврейские писатели: Александр Бахрах, Александр Шик, Гизелла Лахман, В. Яновский, Д. Шуб, Аргус, София Прегель, Иосиф Рубинштейн, Андрей Седых.

Александра Биска. Боске (Анатолий) родился в Одессе в 1919 г., обучался в Бельгии, окончил Сорбонну. Автор сборников стихов, ряда романов «Полное затмение», «Ни обезьяна, ни Бог», «Мексиканская исповедь» и др., сотрудник ряда периодических изданий.

Отметим представителей «новой школы» *Наталию Саррот*, беллетристку *Жюльетт Пари* и ее сестру Нину Гурфинкель. Следует отметить *Л. В. Полякова*, посвятившего себя исследованиям гитлеризма («Евреи во Франции во время оккупации», «История антисемитизма» и др.).

В области журналистики выделилась *Елена Гордон* (жена главного редактора самой распространенной французской газеты «Франс Суар» Пьера Лазарева). Елена Гордон — журналистка «по наследству», она — дочь издателя и редактора нескольких журналов Б. А. Гордона. Еленой Гордон основан еженедельный женский журнал «Эль», пользующийся во Франции громадным успехом. Среди больших французских журналистов русско-еврейского происхождения отметим также *Мишеля Гордэ* и *Г. Александрова*, автора 14 книг на французском и английском языках, сотрудника еженедельника «Кандид».

Можно привести немало имен русско-еврейских писателей, вошедших в американскую литературу или сотрудничающих в С. Штатах в печати на идиш, — в первую очередь, конечно, *Абрама Кагана*, долголетнего редактора «Форвертса» и автора книги «Карьера Давида Левинского», имевшей большой успех на английском книжном рынке. Типичный русско-еврейский интеллигент А. Каган широко открыл столбцы своей самой большой еврейской газеты в мире для писателей и журналистов из среды русской эмиграции, для многих русских и иностранных писателей не только евреев, но и не-евреев.

Отметим в заключение ряд исследований, посвященных положению русских евреев в Сов. России и вышедших на русском и других языках, принадлежащих перу С. М. Дубнова («Книга жизни»), киевские воспоминания А. Гольденвейзера, исследования Я. Д. Лещинского, С. М. Шварца, Г. Я. Аронсона на еврейском, русском и английском, а также сборники «Еврейский Мир» (1939 и 1945) и 2 тома «Книги о русском еврействе» (1960 и 1967).

И. ЛЕВИТАН

РУССКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА В 1920-Х Г.Г. В БЕРЛИНЕ

В годы, последовавшие за окончанием первой мировой войны, Берлин стал крупным центром русской культуры и, в частности, русского книгоиздательского дела. По воспоминаниям И. Эренбурга об этой эпохе, за один год в Берлине было зарегистрировано не менее семнадцати новых книгоиздательских фирм, а по статистическим данным в 1922-м году все эти русские издательства выпустили в свет больше русских книг и изданий, чем в тот год было выпущено в Германии немецких. Большинство книгоиздателей и книготорговцев были евреи. Эта кипучая деятельность имела целый ряд причин — порожденную инфляцией конъюнктуру, наплыв русской эмиграции, новые рынки для русских книг в Прибалтике, Бессарабии, и Польше и многое другое. Думается, что она заслуживает быть отмеченной в сборнике, посвященном еврейству послереволюционной эпохи.

В памяти пишущего эти строки жив тот день в начале двадцатых годов, когда берлинское издательство И. П. Ладыжникова получило от одного из своих покупателей письмо примерно следующего содержания: «Многоуважаемый господин Ладыжников, прилагаю чек на . . . марок и прошу выслать только что выпущенные в свет тома сочинений Гоголя, Тургенева и Достоевского. Пользуюсь случаем выразить мою бесконечную радость по поводу того, что существует Ваше русское дело, которое свободно от еврейского засилья и трудится на ниве русской культуры, издания русских классиков и достойных сочинений русских писателей» и т. д....

Я ответил автору этого письма, что Иван Павлович Ладыжников, бывший одним из основателей фирмы в начале века, еще до войны вышел из издательства, и что оно с тех пор принадлежало Борису Николаевичу Рубинштейну (погибшему впоследствии в газовых камерах нацистов) и, увы, руководящую роль играют... евреи.

Действительно, издательство Ладыжникова, старейшее

в Берлине, под руководством евреев занималось распространением русской культуры, изданием классической и современной литературы, выпуском научной библиотеки (Библиотеки современного знания) типа Teubner Bücherei (в сотрудничестве с этим известным издательством), переводом русских литературных и театральных произведений на немецкий язык и организацией постановок русских пьес на немецкой сцене («Живой труп», «На дне», «Тот, кто получает пощечины», «Мысль», «Не убий», с участием Рейнгарда, Барновского, Мейнгарда, с участием Моисси, Вегенера, Орской и др.).

В самом начале 20-х годов в Берлине появился человек исключительного художественно-издательского формата — Александр Эдуардович Коган. За свою сравнительно короткую деятельность в Германии он приобрел огромное влияние не только в русских, но и в германских профессиональных кругах. Лучшие немецкие типографы учились у него, как надо печатать художественные издания, а лучшие немецкие издательства учились, как надо оформлять и издавать книги. Коган выпустил 14 номеров журнала «Жар-Птица», ничем не превзойденных ни до, ни после.

В Берлине занял свое место и продолжал начатую в России славную издательскую деятельность также Семен Абрамович Ефрон, один из представителей семьи, обогатившей русскую культуру еще поныне поразительно надежным, богатым и многосторонним энциклопедическим словарем. Издательство Ефрона выпустило в Берлине под изящной маркой (решетка Летнего сада) книги Бельше, Даутендея, Вегенера и др. наряду с сочинениями русских авторов.

На берлинском горизонте широко развернулось издательство «Слово», возникшее уже в 1919 году. Половина паев принадлежала известному немецкому издательству Ульштейн, а другая половина — русско-еврейской группе. Это книгоиздательство возглавлялось И. В. Гессеном и А. И. Каминкой. Членом Правления был Б. И. Элькин. Изд-ство «Слово» имело огромные заслуги по выпуску серийных русских классиков, а также ряда отдельных русских трудов, представлявших собой исключительный интерес, как, например, мемуаров С. Ю. Витте, писем Александры Феодоровны к Николаю II, историко-философской книги Г. А. Ландау «Сумерки Европы», многочисленных томов «Архива русской революции» и др.

В 1921 году группа, образовавшая издательство «Слово», совместно с Ульштейном создала книжное дело —

фирму «Логос». А русскую группу в «Логосе» представлял Я. Г. Фрумкин. «Логос» немало содействовал распространению русского печатного слова во все углы мира, где только ни находились русские читатели. Крупную роль в распространении русской книги играл, кроме Ладыжникова и «Логоса», также магазин Закса «Москва».

В Берлине обосновался также один из замечательных самородков-энтузиастов русской культуры — Зиновий Исаевич Гржебин. Человек астрономических планов, издатель такой библиофильской жемчужины, какой является его трехтомное издание в малом формате на рисовой бумаге «Образов Италии» П. П. Муратова, чудесной «Первой любви» Тургенева с иллюстрациями Конашевича, серии мемуаров исторического и политического характера (Н. Суханова, П. Аксельрода, Ю. Мартова, В. Чернова, В. Войтинского и друг.), огромных томов физики Хвольсона, и издатель — в неосуществившихся мечтах — всех сокровищ мировой литературы.

Объединившиеся в Берлине издательства «Петрополис» и «Обелиск», принадлежавшие профессорам Я. Н. Блоху и А. С. Кагану, завоевали заслуженную репутацию высококультурного предприятия, неизменно проявлявшего большой вкус в выборе материала и его книжном оформлении.

Те же запросы высокого вкуса и художественная строгость в оформлении характеризовали авангардное издательство Вишняка — «Геликон».

Издательство «Эпоха» также под руководством одного из энтузиастов книжного дела С. Г. Каплуна-Сумского, выпустило тщательно подготовлявшиеся сборники с произведениями Андрея Белого и других современников.

Д. Н. Левин основал в сотрудничестве с А. Г. Левенсоном, И. В. Постманом и К. С. Лейтесом, книжный склад «Образование» и издательство «Огоньки», а С. Л. Кучеров — издательство «Мысль», которое, по примеру немецкой карманной библиотеки «Реклам», выпустило серию дешевых книг малого формата (Книга для всех).

Медицинское издательство Цейтлина выпускало солидные специальные труды, отвечавшие определенному спросу на тогдашнем русском рынке.

Издательство «Грани» (А. Цацкис) специализировалось на пестрых по содержанию сборниках, сочетавших поучительное, занимательное и ценное.

Было в Берлине и Украинское Книгоиздательство Орнштейна, которое выпустило на русском языке ряд очень нуж-

ных в то время школьных учебников по арифметике, геометрии, истории и другим предметам.

Отметим также высокохудожественное русско-еврейское книгоиздательское дело Зальцмана, выпустившее в свет ряд сборников еврейских легенд, составленных поэтом Х. Н. Бяликом, и других книг, гармоничных по подбору шрифтов, полиграфической технике, иллюстрациям, бумаге и переплетам изданий, а затем и библиофильское книготорговое предприятие «Россика» Ю. С. Вайцмана, специализировавшееся на редких антикварных русских изданиях и обслуживавшее знаменитых коллекционеров, в том числе С. П. Дягилева.

Говоря о русских книжных магазинах, надлежит упомянуть о «Книжном Салоне», душой которого были скончавшиеся в Париже М. П. Кадиш и Г. Б. Забежинский вместе с В. Р. Гиршфельдом.

Фиксируя этот кратковременный эпизод оживления в русском книжном деле, мы должны тут же отметить, что со времени введения твердой валюты в Германии все эти начинания стали хиреть и довольно скоро, за немногими исключениями, прекратились...

У меня нет сохранившихся записей, которые могли бы гарантировать полноту настоящей беглой сводки. Все вышеизложенное воссоздано по памяти и, конечно, неизбежны пробелы, которые для меня будут источником огорчения. Но и восстановленного по памяти достаточно, чтобы в должной перспективе закрепить право русско-еврейской эмиграции на место в истории русского книжного дела за рубежом в годы после первой мировой войны.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абелев Н. — 362.
Абрамович Б. М. — 105
Абрамович-Рейн Р. А. — 5, 11,
403, 407, 429, 444
Абрамский И., рав. — 246
Абчук А. — 226
Авивит Шошана — 274
Авксентьев Н. Д. — 435
Авксентьева Б. М. — 406
Аган А. — 263
Агурский — 133, 135, 139, 316
Адамов — 371
Адмони — 263
Ажасев В. — 296
Азов Вл. — 434
Айзенберг — 152
Айзенман М. — 362
Айзенштадт-Юдин И. Л. — 5
Айзенштадт М. Г. — 14
Айхенвальд Ю. И. — 428
Аксельрод М. — 379
Аксельрод П. Б. — 401
Акцин В. — 424
Алаев — 353
Алданов М. А. — 434-438, 443,
445, 446
Алейников М. С. — 2, 14, 395
Александров Г. — 447
Александрова В. — 429
Александрович М. — 383
Алешковский Я. — 60
Алигер М. — 282, 284
Аллон И. — 341
Алойз — 110
Алтаузен Д. — 284
Алчевский И. — 258
Альтер В. — 147, 407
Альтерман И. — 243
Альтман — 151
Альтман М. — 379
Альтман Н. — 267, 379
Альтман П. — 218
Альтшулер Г. И. — 444

Альтшулер И. Н. — 405
Альтшулер М. — 379
Альшванг А. — 265
Андриевский — 58
Ан-ский С. А. — 9, 275, 427
Антокольский П. — 296
Арайс — 113
Аргус (Айзенштадт М. К.) — 432,
440, 446
Аркас — 263
Арапов Б. — 263
Аронсон Г. Я. — 17, 200, 429, 444,
447
Аросев А. — 287
Асафьев Б. — 264
Асеев Н. — 209
Атран Ф. — 405
Афиногенов А. — 293
Ахад-Гаам — 395, 424
Ахматова А. — 298
Ахрон И. — 253-256, 264, 267
Аш Ш. — 223, 267
Аустер — 263
Ауэр — 255
Ашкенази Влад. — 248-250
Ашкенази Ш. — 249

Б

Бабель И. — 281, 283, 291, 303,
304
Баг И. — 114
Багрицкий Э. — 281-283, 286
Байнарт Х. — 425
Бакштис, д-р — 110
Балясна Р. — 379
Бальмонт К. — 257, 434
Бальфур А. — 315, 396
Барац — 277
Бардах — 349
Баренбойм Л. — 265
Баринов Д. — 143
Баршай Р. — 251, 265
Бат Мириам — 247
Багуринский Д. — 197

- Бахмутский А. — 186, 188
 Бахрах А. — 446
 Без Х. — 408
 Безродный И. — 249
 Бейлина Н. — 249
 Бейлис М. — 206
 Беймвол Р. — 220, 379
 Бекер С. — 382
 Бекер, д-р — 83
 Бекин С. — 117
 Бекинг — 120
 Белаговский А. — 49
 Беленький М. — 367
 Белкин Л. — 263
 Белкина С. — 362
 Белогуров — 152
 Белый А. — 298
 Беляев — 257
 Беляцкий С., проф. — 127
 Бен-Адир — 407
 Бен-Ами — 212
 Бен-Гур — 337
 Бен-Гурион — 335, 336, 403, 414
 Бен-Сассон — 425
 Бен-Цви — 403, 414, 424
 Бен-Элиэзер — 244
 Бененсон Е. — 362
 Бенуа Ал. — 267
 Берг В. М. — 406
 Бергер — 274
 Бергер Б. — 49, 55
 Бергельсон Д. — 4, 144, 148, 149,
 153, 155, 156, 186, 215, 224
 Бердичевский — 150
 Бердяев Н. А. — 435
 Береговский И. — 222
 Береговский М. — 377
 Березинский Л. — 143
 Беренбойм И. — 361
 Беренбойм Я. — 143
 Беркенгейм М. — 43
 Беркович — 274
 Берман — 127, 152
 Берман Л. — 250
 Берлин П. А. — 433, 435, 444
 Берлинский — 263
 Бернштейн, акад. — 152
 Бертонов — 277
 Берхин М. — 395, 429, 433
 Бескин И. — 143
 Биберштейн — 75, 80
 Бикель Ш. — 379
 Бикерман И. М. — 431, 432
 Билль-Белоцерковский В. — 281
 Биндер Х. — 379
 Биник Соня — 383
 Биркамп — 74
 Биск А. А. — 406, 442, 447
 Бихтер М. — 259
 Благовещенский В. — 337
 Блантер — 248, 265
 Блейман — 151
 Блетницкие — 244
 Блобель П. — 90
 Блок А. — 298
 Блок Ж.-П. — 358
 Блок Р., д-р — 158
 Блох Раиса — 442
 Блох Я. Н. — 450
 Блюменталь — 112, 122, 129
 Блюменфельд — 112, 251, 253
 Блюменфельд Г. Ф. — 4
 Бляхман К. — 357
 Богомольский В. — 357
 Бодман — 120
 Бомаш М. Х. — 2, 13
 Бонч-Бруевич В. — 132
 Борнштейн — 139
 Борщевский Д. — 199
 Боске Аллен — 446, 447
 Ботвинник — 114
 Брамс Я. И. — 431
 Брамсон Л. М. — 1, 3, 4, 5, 45, 402
 Брауде — 210
 Брауде М. — 382
 Браудо А. И. — 2, 45
 Браун, д-р — 152
 Браунштейн А. Е. — 309
 Брежнев — 159, 352
 Брио М. — 357
 Бродский А. И. — 309
 Бродский Л. — 254
 Бройде В. — 362
 Бройдо Анат. — 143
 Брокайтис — 110
 Бромберг Д. — 379
 Бронштейн — 229
 Бронштейн С. — 328
 Бронфман И. — 379
 Брук Б. Л., проф. — 197
 Брусиловский — 263
 Бруцкус Б. Д. — 431
 Бруцкус Ю. Д. — 18, 49, 50, 320,
 388, 391, 395, 405
 Бугайлишкис — 110
 Буденый — 68
 Будин Л. — 402
 Будкер Герш — 362
 Булах-Булахович — 68
 Булганин Н. — 335

Бунин И. А. — 258, 434
 Бухарин Н. И. — 300, 400
 Бухбиндер И. — 379
 Быстрицкий А. — 362
 Быховский Г. — 23
 Бялик Х.-Н. — 4, 242-245, 379,
 383, 415, 424, 451

В

Вайнберг В. С. — 407, 443
 Вайнберг М. — 263
 Вайнберг Ю. — 262
 Вайз Стефан — 51
 Вайнрейх, д-р — 116
 Вайнрейх М. — 379, 407
 Вайнштейн А. — 5, 10, 136, 139
 Вайтер А. — 267
 Вайцман Ю. С. — 451
 Валь И. — 425
 Вальповский — 243
 Варди-Розенфельд Д. — 273, 274
 Вареяс Р. — 109
 Варшер Т. С. — 434
 Васерман Л. — 379
 Василевский, ген. — 156
 Василенко — 38
 Василько — 58
 Вахтангов Е. — 273, 274, 276, 277
 Вевиорка А. — 226
 Вейман М. — 249
 Вейнбаум М. Е. — 403, 406, 443,
 444
 Вейцман Х. — 330, 397, 398, 403,
 424
 Векслер — 309
 Венгер М. — 222
 Венгерский В. — 361
 Вендорф З. — 133, 379
 Венцлаускас — 110
 Веприк А. — 262, 265
 Вергелис А. — 220, 374, 378, 379
 Вершилов — 277
 Вехтер П. — 117
 Виданс — 55
 Виленкин Л. — 222
 Вильканский — 423
 Вильсон — 398
 Вильямс В., проф. — 197
 Винавер М. М. — 4, 6, 7, 20, 45,
 428, 433
 Винер М. — 218
 Винниченко — 22, 40, 41, 57, 58,
 60
 Витенберг Ш. — 113

Вишницер М. Л. — 405, 411
 Вишницер Р. В. — 411
 Вишняк М. В. — 19, 428, 433, 435,
 444, 450
 Владек Б. — 402, 404
 Вовси М. — 156
 Водов С. А. — 435
 Волкович Э. — 222
 Волковыский Н. М. — 430, 432
 Волконский — 275, 434
 Волобринский — 137
 Володарский — 16
 Волсонок, д-р — 127
 Вольтнец — 61
 Вольнский А. — 277
 Вольдемарас А. — 47
 Вольф Г. — 123
 Вольфович С. И. — 309
 Врангель — 65
 Врубель Изабелла — 258
 Вул Б. М. — 309
 Вуль Бенцион — 363
 Вульфсон Г. — 408
 Выгодский, д-р — 46
 Вышинский А. — 153, 154

Г

Габе Дина — 362
 Гаврилов — 371
 Гавъев И. — 244
 Галич Л. — 444
 Галкин С. — 228, 229, 230, 377
 Гальванаускас — 47, 50
 Гальперн А. Я. — 4
 Гальперн Д. — 127
 Гальперн И. — 243
 Гар И. — 121, 143
 Гарви П. — 429
 Гаркави З. — 358
 Гарфункель Л. — 99, 121, 123
 Гарцман М. — 220
 Гевеке — 105
 Геке — 99, 130
 Гелер А. — 105
 Геллер — 139
 Геллер А. — 49
 Гельбоа И. — 233
 Гельд Адольф — 200, 404
 Гельфанд И. М. — 308
 Гендлер М. — 120
 Гепштейн С. К. — 391, 395
 Герович — 254
 Герц Ш. — 408

- Гершензон И. — 218
 Гершензон М. О. — 435
 Гершов С. — 383
 Гессен В. И. — 444
 Гессен И. В. — 427, 430
 Гилельс Елизавета — 249, 250
 Гилельс Эмиль — 248, 250, 261, 263
 Гильдин — 233
 Гимельфарб — 366
 Гингер А. — 442
 Гиндес М. — 34, 35, 37, 395
 Гинзбург — 366
 Гинзбург-Наумов А. М. — 4, 10
 Гинзбург-Бенц — 328
 Гинзбург Вит. — 362
 Гинзбург В. Л. — 310
 Гинзбург Г. — 248, 265
 Гинзбург Ек. — 408
 Гинзбург С. М. — 243, 412
 Гиршфельд В. — 451
 Гитлер — 70, 71, 73, 79, 87, 95-97, 118, 141, 147, 149, 186, 217, 419
 Гладштейн Я. — 379
 Глазер Р. — 259
 Глазунов — 254, 265
 Гликсон М. — 242
 Глинка — 254, 255
 Глиэр — 261
 Гнесин М. Ф. — 253, 254, 256-259, 263
 Гнесин Мен. — 273, 274
 Гнесина Е. Ф. — 253
 Говоров, ген. — 156
 Гоголь И. — 35
 Годинер Ш. — 218
 Годнев В. — 2
 Голинкин — 251
 Голков С. — 383
 Гольдберг — 349
 Гольдберг Б.-Ц. — 173, 192, 193, 199, 202, 203
 Гольдберг И. — 220
 Гольдберг Леа — 424
 Гольдельман Ш. — 58
 Гольденберг Ш. — 218
 Гольденвейзер Александр А. — 409
 Гольденвейзер Алексей А. — 2, 6, 8, 56, 60, 64, 405, 406, 427, 430, 449
 Гольденвейзер А. С. — 409
 Гольденвейзер Б. — 249, 252
 Гольденвейзер Э. А. — 409
 Гольдман А. Г. — 310
 Гольдфаден — 222, 267, 382
 Гольдфадер Б. — 250
 Гольдфарб Т. — 250
 Гольдштейн А. А. — 143
 Гольдштейн А. М. — 18, 24, 388, 395
 Гольдштейн Б. — 248-250
 Гольдштейн М. Л. — 42, 432
 Голубовская Н. — 250
 Голубович — 34, 56
 Гольцберг, д-р — 52
 Гонта — 62
 Гонтар А. — 220, 379
 Горбатов Б. — 296
 Горбунов Н. — 132
 Гордон Б. А. — 436
 Гордон Елена — 447
 Гордон Ш. — 379, 380
 Гордон Эля — 227, 380
 Гордэ Мишель — 447
 Горелик С. — 143
 Горлин М. — 442
 Горовиц Д. — 331
 Горфинкель С. — 200
 Горький М. — 273, 275, 276, 303, 327, 392
 Гофштейн — 155, 228, 229
 Гоц А. Р. — 5
 Грабе Г. — 81
 Граев М. А. — 406
 Грановский А. — 266-270
 Гржебин З. И. — 450
 Григ — 257
 Григорьев А. — 61
 Гримм — 244
 Гринбаум И. И. — 2, 4, 45, 387, 388
 Гринберг А. А. — 310
 Гринберг Г. А. — 310
 Гринберг З. — 317
 Гринберг Мария — 249
 Гринберг Р. Н. — 445
 Гринберг Х. — 404
 Гринберг-Винавер С. М. — 406
 Грингауз С. — 98, 143
 Гринфельд И. — 39
 Гринштейн А., д-р — 156
 Гробер Хаеле — 274, 277
 Гроер — 140
 Громыко А. — 330, 332
 Грос Е. — 362
 Гроссман Василий — 295
 Гроссман В. — 145
 Гроссман М. — 39, 62, 387, 403

Грубьян М. — 380
 Грузенберг О. О. — 2, 3, 4, 10-12,
 18, 24, 389, 435
 Груссар — 365
 Грушевский М. — 56
 Гузик А. — 383
 Гуковский А. И. — 435
 Гуль Р. Б. — 445
 Гулькович Л. — 55
 Гумилев Н. — 298, 441
 Гурвич А. — 151
 Гурвич И. А. — 401
 Гурвич И. С. — 431
 Гуревич И. — 2, 13
 Гуревич И. Б. — 4
 Гуревич Х. Д. — 4
 Гурштейн А. — 218, 222
 Гутман Наталия — 249
 Гутман Т. — 249
 Гутник С. — 57
 Гутников Б. — 248
 Гутянский Б. — 220
 Гусейн — 398
 Гуцков — 267
 Гучков А. И. — 2
 Гюго В. — 244

Д

Давиджашвили Э. — 352
 Давидович Бэлла — 249
 Давыдов К. — 251, 254
 Даллин Д. Ю. — 429, 444
 Даллин А. — 121
 Даманская А. — 434
 Дамбраускас — 110
 Дан Л. О. — 405
 Дан Ф. И. — 5, 429
 Даниэль — 384
 Данкерс — 111
 Данской — 113
 Двинов Б. Л. — 429, 444
 Дворецкий — 425
 Дебюсси — 262
 Делевский Ю. — 433
 Денике Ю. П. — 429, 445
 Деникин А. И. — 65, 67, 318
 Джемс Я. М. — 401
 Джерзинский Ф. — 207, 252
 Джозефсон Р. — 406
 Диямант Г. — 218, 220
 Дизенгоф М. — 423
 Диккенс — 303

Диманштейн С. — 113, 135, 138,
 139, 148, 171, 172, 176, 178, 184,
 186, 198, 199, 200-202, 234, 245,
 316
 Динкин — 349
 Динур Б. — 244, 424, 425
 Дионео-Шкловский И. — 433
 Диркенвангер — 74
 Дисконт А. — 103
 Дитфурт, ген. — 117
 Добин — 139, 380
 Добковский — 133, 316
 Добрушин — 155, 215, 221, 229
 Добужинский М. — 267
 Долматовский Е. — 282
 Долуханова З. — 253
 Дольник — 369, 370
 Дон-Аминадо — 434, 440
 Дорош Е. — 283
 Достровский А. — 415
 Дрейфус — 359
 Дриз Ш. — 380
 Дроновский С. — 328
 Друкер И. — 380
 Друянов — 244, 388
 Дубилет — 218
 Дубинский Д. — 404
 Дубнов С. М. — 13, 14, 44, 45, 51,
 113, 386, 405, 430, 447
 Дунаевский И. А. — 254, 263, 264
 Дунаевский С. — 264, 265
 Дунец Х. — 221, 232
 Дымов О. И. — 273, 430, 436
 Дымшиц В. — 362
 Дэктер М. — 210, 212
 Дюка П. — 261

Е

Евтушенко Е. — 93, 297, 365, 378,
 389
 Едвабник Д. П. — 406, 407
 Едлис — 371
 Ежов Н. — 150
 Екельн, ген. — 112, 117
 Елин Д. — 244
 Елин Х. — 103, 127
 Елютин — 363
 Енукидзе А. — 391
 Есенин С. — 257
 Ефройкин И. — 6, 13
 Ефрон С. А. — 449
 Ешурич Е. — 401, 402

Ж

Жаботинский В. Е. — 7, 22, 45,
322, 323, 325, 387, 395, 397, 403
429, 430, 434

Жданов А. — 156

Житловский Х. — 401, 402

З

Забезинский Г. — 451

Завадзкас — 110

Завлин М. — 382

Загавалов Г. — 114

Загорский М. — 267

Зайденман А. — 391

Зайцев Л. М. — 406

Зак Л. С. — 4

Зак Л. — 248

Закс К. — 259

Закс М. И. — 388

Залесский Г. — 251

Залкинд А. В. — 6

Зальцман С. Д. — 388, 395

Замысловский — 66

Зандберг — 120

Зандбергер — 117

Зарецкий А. — 222

Зарудный А. С. — 4

Заславский — 264

Заславский Д. — 144, 155

Звездич П. И. — 430

Зевин С. — 246

Зейдель А. — 362

Зельдин Я. — 218, 220

Зелюк О. Г. — 436

Зик — 116

Зилоти А. — 257, 259

Зильберберг В. — 362

Зильберман — 350

Зильберфарб М. И. — 25, 28, 36,
37

Зингер Л. — 72, 141, 201, 306

Зиновьев Г. — 16

Зиссерман Д. — 251

Златкин М. — 361

Златкин Р. — 361

Златопольский Г. — 388, 395

Златоцветов — 143

Злочевский — 150

Золотарев А. — 10, 29

Золя Э. — 244

Зоммерштейн Э. — 330

Зукурс — 112

Зускин — 267, 268, 270-272

И

Иванов — 251

Иванов Вс. — 287

Иванов К. — 338

Иваск Ю. П. — 445

Игнатъев С. — 159

Игудин И. — 361

Идельсон А. Д. — 27, 38, 387, 391,
395, 396

Идельсон Н. И. — 311

Идер М. Д. — 321

Иерусалимский — 350

Изааксон Х. — 362

Израэлит — 116

Ильф — 287, 288

Ингерман С. М. — 401

Иордан С. — 99

Иосайтис, д-р — 110

Иоффе А. — 140

Иоффе А. Ф. — 310

Иоффе З. — 143

Иоффе Юда — 407

Ирецкий В. Я. — 430

Иткин — 277

К

Кабалевский — 252

Кабачник М. И. — 311

Каверин В. — 279, 285

Каган — 424

Каган, д-р — 152

Каган Абрам — 400, 401, 447

Каган А. С. — 450

Каган Аврам — 227

Каган-Ган — 150

Каган Э. — 218

Каганов Т. — 349

Каганович Л. — 140, 142, 360

Каганский — 116

Кадинская Д. М. — 405

Кадитш М. П. — 450, 451

Казакевич Е. — 220

Казаков М. — 292

Казальс Пабло — 257, 261

Казарновский И. А. — 311

Календра — 110

Калинин М. И. — 161-163, 197,
207, 391

Каменев Л. Б. — 16, 416

- Каменецкий Я. — 353
 Каминка А. И. — 427, 449
 Каминская — 99
 Камков-Кац Б. — 16
 Камышников Л. — 443
 Кан А. — 402
 Каневский Г. — 382
 Канович М. — 382
 Кантор А. — 316
 Кантор М. Л. — 433
 Кантор Я. — 133, 137, 199
 Канторович А. — 141, 199
 Канторович Л. В. — 308
 Канторович Леонид — 362
 Каоб — 350
 Капаш — 158
 Капица — 152
 Каплан — 133
 Каплан А. — 250, 408
 Каплан Ан. — 383
 Каплан Дора — 15
 Каплун-Сумский С. Г. — 430, 450
 Карпович М. М. — 445
 Карпоносов А. — 143
 Картер Перси — 251
 Картун Б. — 105
 Картэн Д. — 157
 Катаев В. — 294
 Катель — 139
 Кац А. — 105, 143
 Кац Б. — 242
 Кац С. — 265
 Кац Х. — 353
 Кац Э. — 357
 Каценельсон Н. И. — 2
 Каценельсон А. И. — 243
 Кацман Клара — 265
 Кацнельсон-Стебу — 150
 Качалов В. — 276
 Качергинский Ш. — 187
 Кауфман И. — 424
 Кауфман М. — 121
 Кауфман С. — 383
 Квитко Л. — 4, 148, 155, 377
 Кельман Я. — 113, 336
 Кениг Г. — 375
 Керенский А. Ф. — 1, 2, 23, 428, 435
 Керзон — 394
 Кессель Ж. — 446
 Кефали М. С. — 429
 Кин А. — 407
 Кипер Г. — 117
 Кипнис И. — 225, 380
 Киржниц А. — 139
 Киров С. — 138
 Кисман И. — 91
 Кистяковский — 38
 Кичко Т. — 367-369
 Клаузнер И. — 243, 394, 415, 424
 Клейнман М. — 242
 Клинов И. — 395
 Клис — 122
 Клявер М. — 419
 Кляцкин И. — 143
 Кнут Д. — 441
 Кнушевицкий — 250
 Коварский И. — 406
 Ковенко М. — 33, 34
 Ковнер И. — 265
 Козырь-Зыркоч — 64
 Коган А. Э. — 449
 Коган Б. — 156
 Коган Леонид — 248-251, 362
 Коган М. Б. — 159
 Коган-Бернштейн — 18
 Коген М. — 408
 Козакевич Г. — 233
 Коларж В. — 202, 209
 Колчак — 320
 Компанеец З. — 265, 380
 Кондрашин — 251
 Конев — 156
 Коновалец — 58, 59
 Коновалов А. И. — 2
 Конторович — 158
 Коптелев Г. — 202
 Косой Л. — 362
 Косыгин А. — 159, 340-342, 352, 384, 385
 Котлер И. — 380
 Котляр А. — 411
 Кочина Ш. — 186, 187
 Кравцов Г. — 383
 Крамер Гане — 99
 Крамер Р. — 114
 Краузе — 114
 Крейзер Я. — 143
 Крейн А. — 270, 276
 Крейн Абрам — 260
 Крейн Александр — 254, 260, 261, 265
 Крейн Г. — 254, 260, 261
 Крейн М. Г. — 309
 Крейн Ю. — 254, 257, 260, 261
 Крейнин М. Н. — 2, 6, 14, 42
 Крейцберг — 34
 Криворучка А. — 247

Криници А. — 423
 Кристал Л. — 154
 Кром Б. — 330
 Крумер Х. — 127
 Крымский В. Д. — 443
 Крэнкшау Э. — 364
 Крэг Гордон — 271
 Кубилиунас — 98
 Кугель А. — 277
 Кулишер А. М. — 428, 433
 Кулишер И. М. — 308
 Кульбак М. — 139, 217, 226, 382
 Купер — 251
 Курлянд — 218
 Курц Р. — 383
 Кусевицкий — 252
 Кускова Е. Д. — 434
 Куторгене — 110
 Кучеров С. Л. — 444, 450
 Кушириров А. — 218, 227, 229

Л

Лазнюк — 61, 64
 Ландау Г. А. — 10, 45, 427, 429, 431
 Ландау Л. — 311
 Ландсберг Г. С. — 312
 Лапис — 110
 Ларин Ю. — 136, 165, 198
 Ласэнь Ася — 446
 Лат Е. — 114
 Лауфагс — 329
 Лаухдзен — 86
 Лахман Г. — 442, 446
 Лацис — 320
 Лацкий-Баргольди В. — 13, 37, 39, 62, 347
 Лебедев В. И. — 406
 Лев Миша — 380
 Левенсон А. Г. — 450
 Леви Н. — 265
 Левин Г. — 99
 Левин Д. Н. — 405, 450
 Левин И.-Л., рав. — 349, 351-355
 Левин И. О. — 428, 431
 Левин М. — 128
 Левин Ш. — 395, 403
 Левин Я. — 139, 380
 Левинсон А. — 434, 439, 446
 Левинсон Г. — 383
 Левитан — 139
 Левитас С. — 401
 Левитэ Л. — 20
 Левицкий — 181
 Левич В. Г. — 312
 Левковский — 152
 Левченко — 156
 Лейбезон — 127
 Лейбович М. — 105, 107
 Лейбович Ф. — 113
 Лейвнк Г. — 223, 277, 408
 Лейтес К. С. — 405, 450
 Ленеман — 203
 Ленин — 15, 16, 68, 132, 133, 157, 208, 220, 235, 242, 275, 392, 400
 Ленский Х. — 247
 Лернер И. — 380
 Лещинский Я. Д. — 63, 187, 201, 407, 447
 Либединский Ю. — 284, 297, 298
 Либер-Гольдман М. И. — 5, 10, 17, 30
 Либерберг — 139, 184
 Либерман Евсей — 308
 Лизогуб — 38
 Лимановский М. — 35
 Липский М. С. — 434
 Лисицкий К. — 331
 Лист — 254
 Литан А. — 243
 Литвак А. — 5, 401
 Литваков М. — 29, 38, 139, 148, 186, 221, 229, 232, 269
 Литвинов М. — 140, 141, 146
 Литтон А. Ц. — 405, 406, 407
 Лифшиц — 150, 152
 Лифшиц З. М. — 311
 Лифшиц Илья — 362
 Лифшиц Нехома — 383
 Лицман — 118, 120
 Лозинский М. — 357
 Лозовский А. С. — 140, 141, 146, 155
 Лоло-Мунштейн — 432
 Лоозе — 78, 111, 116
 Лопе-де-Вега — 261
 Лубанов — 352
 Лукомский — 65
 Луначарский А. В. — 273, 275
 Лунц А. — 279, 285
 Лурье — 152
 Лурье М. — 103
 Лурье Нота — 227, 377
 Лурье Р. И. — 19
 Лурье С. В. — 4
 Львов Г. Е. — 2
 Львов В. Н. — 2

Львович Д. В. — 18, 19, 24, 402
 Любарский — 140, 197
 Люстерник Л. А. — 309
 Лядов — 254, 258
 Лясс А. — 362

М

Мае — 118
 Мажелио — 110
 Мазэ Я. И. — 16, 207, 390
 Мазель Л. — 265
 Майзель Н. — 233
 Майков А. — 258
 Майский И. — 141, 329
 Маламуд Х. — 380
 Малашкин — 289
 Маленков Г. — 334
 Малкин И. — 251
 Мандель В. — 2, 431
 Мандельштам Л. И. — 312
 Мандельштам Осип — 280, 284,
 285, 298, 299
 Мандельштам Юрий — 441
 Манн Т. — 277
 Мануильский Д. — 145, 330
 Мануйлов А. — 2
 Марголин А. Д. — 62
 Марголин Ю. Б. — 329, 338, 444
 Марек — 369
 Марк Ю. — 136, 407
 Маркиш П. — 148, 155, 156, 215,
 226, 228, 271, 377
 Марков А. — 248-250
 Марков Вл. — 298
 Маркс К. — 220
 Маркушевич С. — 143
 Мартов Ю. О. — 5, 429
 Маршак С. — 280, 281, 304
 Махно — 286
 Маховер И. — 395
 Маяковский В. — 267
 Маяцкий Ф. С. — 367, 369
 Медалье, рав. — 210
 Меерович — 150
 Мезивецкий П. — 20
 Меир Голда — 333, 339
 Мейерхольд В. — 258, 276
 Мейтус Ю. — 263
 Мельник — 59, 63
 Менделе Мойхер Сфорим — 221,
 226, 268, 270, 271, 377
 Менес А. — 407, 412

Мережин А. — 139, 164, 173, 198,
 243
 Мескин — 277
 Метерлинк — 243, 267
 Мийо Д. — 261
 Микоян А. — 374
 Милер Б. — 38
 Мильман — 150
 Мильнер М. — 253, 254, 255, 277
 Мильштейн Л. — 103, 265
 Мильруд М. С. — 431
 Милюков П. Н. — 2, 427, 428,
 431-435, 446
 Миндсенти — 158
 Минкевич — 152
 Минков И. М. — 404
 Минор О. С. — 10, 428
 Минскер — 112
 Минц — 112
 Мирбах — 15
 Миркин-Гецевич Б. С. — 433
 Михайлов — 157
 Михайлов Н. — 373
 Михельсон — 114
 Михельсон А. М. — 436
 Михоэлс — 147, 148, 155-157, 224,
 267-272, 329
 Могилевский Е. — 250, 265
 Моисей — 82
 Молотов В. М. — 79, 145
 Молошицкий И. — 143
 Моносзон Н. А. — 312
 Монтстон — 117
 Моргентау — 158
 Моргулян — 251, 267
 Мориак Ф. — 372
 Москвин — 276
 Моцкин Л. — 49, 403
 Мравинский — 251
 Мусоргский — 255
 Мчеделов — 255

Н

Набоков В. — 2, 427
 Надель Х. — 380
 Найдич И. А. — 395
 Натансон М. А. — 16
 Нахман из Брацлава — 225
 Науманн — 73
 Небэ — 73
 Нейгауз — 261
 Неймарк Д. — 244
 Некрасов В. — 2

Неманов Л. М. — 432, 433
 Немирович-Данченко В. — 275
 Немировская И. — 446
 Неронович — 29
 Нестьев И. — 248, 252, 264, 265
 Нигер Ш. — 5, 133, 224, 226, 233, 408
 Николаевский Б. И. — 429
 Нистор — 4, 148, 155, 215, 220, 225, 229
 Нисневич Ц. — 158
 Новак М. — 247
 Новаковский — 254
 Новик П. — 362
 Новомейский М. — 423
 Нуар Жак — 430
 Нурок М. — 6
 Нусинов И. — 222
 Ньюман И. — 333

О

Оборин Лев — 248, 253
 Огден — 250
 Ойслендер Н. — 222
 Ойстрах Д. — 248, 250, 251, 253, 265
 Ойстрах Игорь — 248, 250, 265
 Окунь А. — 114
 Олевский Б. — 218
 Олевский Н. — 352
 Олейский Я. — 127
 Олендорф — 74, 75, 84, 91
 Орен М. — 154
 Оренштейн — 450
 Оречкин Б. — 128
 Орланд Г. — 227
 Орлов Н. — 253
 Оршанский Б. — 232
 Осоргин М. А. — 434
 Острин Г. — 362
 Островский Н. — 292
 Ошеревич Э. — 232
 Оцуп Ник. — 441

П

Павел Б. — 117
 Павлов Ю. — 151
 Пазовский — 251
 Палий — 61
 Панич — 352
 Панова В. — 289
 Пантофель-Нечецкая — 249

Паперно — 158
 Пари Ж. — 447
 Паризер — 107
 Пасманик Д. С. — 325, 431
 Пастернак Борис — 220, 284, 285, 293, 298-301, 304, 384
 Пат Я. — 404, 408
 Паукштис — 110
 Пен А. — 337
 Пеньковский О. — 365
 Первухин — 360
 Перельман М. — 388
 Перельман Н. — 249
 Перец И.-Л. — 221, 244, 268, 270, 274, 375
 Персиц-Лисогор Цви — 328
 Персиц Ш. Г. — 395
 Перский Д. — 207
 Петлюра С. — 31, 40, 57-59, 62, 68, 316, 322
 Петрайтис — 110
 Петраускас К. — 110
 Петров — 287, 288
 Печерский — 349
 Пешкова Е. П. — 327
 Пикайзен В. — 249
 Пильняк Б. — 291
 Пинес И.-М. — 422
 Пинес Н. — 243
 Пинский Д. — 274
 Пиньковский В. — 328
 Плехавичиус — 110
 Плеханов Г. В. — 401
 Плисецкая Майя — 362
 Плоткин Г. — 338
 Плоткин М. А. — 141
 Повилас — 110
 Поволоцкий Я. Е. — 436
 Познер С. В. — 433, 434
 Покрасс Дан. — 264, 265
 Покрасс Д. — 264, 265
 Полиенко — 64
 Полинг Л. — 372
 Полонский И. — 10
 Полонский Я. Б. — 434
 Полонская Л. А. — 434
 Поляк Б. Ю. — 431
 Поляков А. А. — 428, 433, 443
 Поляков Л. В. — 447
 Поляков-Литовцев С. Л. — 433, 439, 443
 Полянкер Г. — 380
 Померанчук И. Я. — 312
 Пороховский — 64

Португейс С. О. - Ст. Иванович — 430, 433, 435
 Постман И. В. — 450
 Прегель Софья — 441, 446
 Прейгарзон Цви — 247
 Пресс И. — 251
 Привоенская Зина — 383
 Прокофьев — 252, 265
 Пульвер Л. — 271, 380
 Пупко Х. — 407
 Пуришкевич В. М. — 66
 Пурник — 143
 Пятигорский Г. — 251

Р

Рабинович — 123, 127
 Рабинович — 265
 Рабинович А. И. — 313, 323-325
 Рабинович Арон — 362
 Рабинович И. — 267
 Рабинович И. М. — 312
 Рабинович С. — 351, 361, 380
 Рабинович Ю. М. — 352
 Равикович Ш. — 425
 Раевский Г. (Оцуп) — 441
 Разумный Марк — 380
 Райкерт — 425
 Райкин Бен-Ари — 274, 276
 Райфман — 371
 Райхштейн — 34
 Рапорт А. И. — 388, 391
 Рапорт А. Ю. — 443
 Рапорт Я. — 143
 Ратнер — 120, 127
 Раузен И. Г. — 406
 Раука — 125
 Рафаэль Г. — 341
 Рафес М. Г. — 5, 9, 17, 25, 28, 30, 36, 41, 43, 136, 139, 148, 318
 Рахлин Н. — 248, 249, 252
 Рахманинов С. — 251
 Рахмилевич Н. — 46, 47, 49, 52
 Рашба Э. — 362
 Ревуцкий А. — 42, 59, 62
 Регер — 261
 Резник Л. — 215, 229
 Рейзин А. — 230
 Рейнберг С. — 362
 Рейтлингер — 90, 91, 121
 Рейхенау — 70, 90
 Рембрандт — 278
 Ремизов А. М. — 434
 Ренников А. — 432

Рентельн — 98, 105
 Риббентроп — 79, 87
 Ривкин С. — 362
 Римский-Корсаков — 254, 258
 Рихтер С. — 250
 Ровина Х. — 274, 275, 277
 Рогинский З. — 366
 Рогинский С. З. — 313
 Родин Э. — 247
 Рождественский — 251
 Розен И. Б. — 197, 402
 Розенбаум С. — 46, 47, 50-52
 Розенблат М. — 206
 Розенблюм Б. — 141
 Розенталь Л. — 406
 Розенфельд Ш. — 4
 Розенштейн — 34
 Розов И. А. — 2, 395
 Розовский С. — 253, 267
 Ройгер — 362
 Ройткоп Дина — 383
 Рокотов — 370
 Рольник М. — 377
 Ромэн-Роллан — 243
 Россель Б. — 372
 Ростропович — 251
 Рошаль — 349
 Рубинчик Х. — 61
 Рубинштейн А. — 251, 254, 265
 Рубинштейн И. — 446
 Рубинштейн Н. — 251, 253
 Рубинштейн Р. Б. — 391
 Рубинштейн Ф. — 105
 Руднев В. — 435
 Рудницкий К. — 271, 272
 Рудницкий М. — 390
 Ружанский — 265
 Рузвельт Ф. Д. — 409
 Рузвельт Э. — 335, 339, 360
 Рутенберг П. — 387, 403, 423
 Руф З. — 117
 Рыков А. — 169, 325
 Рюмин М. — 159

С

Сабанеев Л. — 260, 262
 Садовский — 425
 Сакснер М. — 380, 382
 Сальсбери И. — 364
 Саминский Л. — 253
 Самосуд С. — 251, 252
 Санацкис — 110
 Сапир Б. М. — 429

- Сапир Е. — 362
 Сарнацкий — 152
 Сарнов Д. — 409
 Сафонов — 251
 Саянов В. — 284
 Свердлов — 16
 Свет Гершон — 432, 444
 Светланов — 251
 Седых Андрей — 406, 432, 440, 443, 446
 Сейфулина Л. — 298
 Сельвинский И. — 283
 Семенов Ю. — 432
 Серафим — 87
 Симиц В. — 331
 Симонов К. — 151
 Симосенко — 68
 Сингаловский А. З. — 402
 Синклер — 63
 Синявский — 384
 Ситковецкий Ю. — 249
 Ситов Ф. — 220
 Скворцов — 66
 Скобелев М. И. — 3
 Скоропадский — 38, 57.
 Скрябин — 262
 Скрябина Ар. — 441
 Славина К. — 442
 Славинский М. А. — 322, 323, 325
 Сланский — 153, 154, 156
 Слизоберг Г. Б. — 2, 6, 10, 14, 45
 Слободская — 158
 Словес Х. — 194, 203, 375
 Слоним М. Л. — 446
 Слонимский М. — 279
 Сметана А. — 53
 Смидович П. — 324
 Смутьсон — 150
 Смушкевич — 143
 Снег, рав. — 99, 123
 Соболев Андрей — 283
 Соболев Марк — 283
 Соколов Н. — 397, 398
 Соколовский — 61
 Соловейчик И.-Б. — 411
 Соловейчик М. — 46, 49, 395
 Соловейчик С. М. — 428, 444
 Соловьев Вл. С. — 300
 Сологуб Ф. — 298
 Солодарь — 64
 Соминский З. — 362
 Сосис — 139
 Спивак А. — 222
 Сребницкий — 127
 Ставский В. — 296
 Сталенекер — 84
 Сталин — 71, 96, 133, 135, 137-139, 141, 143, 144, 146-149, 153, 155, 158, 159, 216, 219, 220, 230, 233, 238, 252, 260, 266, 307, 316, 334, 340, 344, 348, 354, 373, 376, 380, 384, 385, 419
 Станиславский К. С. — 273-277
 Стасов В. — 255
 Стеклов Ю. — 391
 Стоковский — 360
 Столярский — 253
 Струк — 61, 64
 Струнский С. — 403
 Суворин А. — 432
 Сударский М. — 121
 Сулер Х. — 380
 Суриц Я. — 141
 Сыркин Н. С. — 10, 24, 28, 29, 31, 32, 61
 Сыркин Нахман — 403
 Сыркин Я. К. — 313

Т

- Табачинский Б. — 404
 Тадмор — 424
 Таиров А. Я. — 150, 151, 272
 Тайф М. — 220, 377
 Тал С. — 382
 Талалаевский М. — 220
 Талмуд Д. Л. — 313
 Талмуд И. Л. — 313
 Тартак И. Л. — 406
 Тверский А. — 352
 Телезин С. — 380
 Темкин В. И. — 18, 24, 395
 Темпан И. — 362
 Терещенко М. И. — 2, 23
 Терехов Г. — 371, 372
 Тимашев Н. С. — 445
 Толкачев З. — 383
 Толстой Л. Н. — 243, 300
 Трайнин — 145
 Трауберг — 151
 Требник Ш. — 353
 Тривус И. — 395
 Троицкий Б. — 201
 Троицкий И. М. — 405, 406, 430, 444
 Троицкий Л. Д. — 16, 68, 140, 242, 400
 Троцкая З. — 442

Трумпельдор — 315, 325, 387, 394,
415, 421
Трунк И. — 407
Тумаркина Роза — 248
Туменас — 110
Тур, бр. — 289
Тургенев И. С. — 243
Тэффи Н. А. — 434
Тютчев Ф. — 300
Тютюник — 289
Тынянов Ю. — 284

У

Уайльд О. — 243
Ульманис К. — 54
Уманский Б. — 365
Унгерн-Штернберг — 267
Урбале — 154
Урицкий М. С. — 16
Урысон — 210
Усышкин М. — 388, 398, 423
Уткин Иосиф — 258, 284, 285

Ф

Фадеев А. — 272
Файбишенко — 371
Файер — 252
Файн — 128
Файнберг И. — 422
Файнберг С. — 253, 262, 265
Файфер Ш. — 258, 259
Фальк — 271
Федотов Г. П. — 435
Фейгин Г. — 250
Фейгин Л. — 249
Фейгина В. — 249
Фейсал — 397
Фельдман А. — 156
Фельзен Ю. — 439
Ферстер — 107
Ферштак Н. — 361
Фефер И. — 144, 148, 224, 226, 230,
272
Фининберг Э. — 218, 230
Финк В. — 169, 198, 199
Финкельштейн — 150
Финкельштейн Л. — 385
Финкельштейн О. — 47
Фительберг — 251
Фихман Я. — 244
Фихтенгольц М. — 249, 250
Фишер И. — 7

Фишер Ренэ — 259
Фишман Л. — 382
Флиер Я. — 248, 250
Флобер — 244
Фрадкин Б. — 247
Фрайерман Р. — 284, 287
Фрейденберг С. — 382
Фрейдлина Р. Х. — 313
Френкель — 105
Френкель Н. — 143
Френкель Я. И. — 314
Фрид — 349
Фридберг М. — 375
Фридель — 152
Фридланд Цви — 133, 139, 152
Фридман Бернад — 50
Фридман Н. М. — 2, 3, 10, 13
Фришман Д. — 243
Фрумкин А. Н. — 148, 314
Фрумкин Я. Г. — 1, 2, 405, 450
Фрумкина Эстер — 136, 139, 148,
209
Фундаминский И. И. — 428, 435
Фурер С. — 250
Фурцева Ек. — 363

Х

Хавкин — 139, 184
Хазан С. — 362
Хазан Э. — 336
Хайтовский В. — 383
Хайкин Б. — 248, 252
Ханин И. — 362
Ханин Н. — 401, 404, 408
Харик И. — 217, 230
Харитон Б. И. — 431
Харлаш И. Б. — 408
Хацкевич — 203
Хачатурян — 253, 258, 259
Хачевский М. — 218, 229
Хейдрих — 72, 73, 75, 76, 79
Хейфец И. М. — 434
Хейфец И. — 69
Хейфец Яша — 255
Хессин — 251
Хет Н. — 394
Хилквит М. — 401
Химмлер — 84
Хинчук Л. М. — 141
Хмельницкий Б. — 62
Хомицер М. — 249
Хоннегер — 261
Хотин Ж. — 143

Хренников — 253, 258

Христюк — 60

Хрушев Н. — 93, 146, 158, 334, 335,
339, 344, 360, 364, 365, 372, 373,
376, 378, 385

Хувер — 158

Хургин И. — 25, 32, 33, 36

Ц

Царапкин С. — 331

Цацкис — 450

Цейтлин — 253, 450

Цемах Н. — 273, 275-277

Цемах С. — 243

Ценципер-Рафаэли — 422

Цетлин М. О. — 434, 438, 439, 445

Цетлина М. С. — 439, 445

Церетели И. Г. — 5, 23

Цигельницкий Я. — 140

Цинберг С. Л. — 6, 140, 222

Цитрон С. — 244

Цыбулин Л. — 362

Цыганов — 253

Ч

Чарный Д. — 133

Чемеринский — 43

Чемеринский — 139, 277

Чериковер Е. М. — 320

Чериковер И. М. — 28, 29, 35, 39,
57, 62, 69, 407, 431

Черная — 129

Черников А. — 49

Черниковский С. — 244, 424

Чернухин М. — 366

Черновиц С. — 242

Черный Саша — 434, 440

Чертков Д. — 10

Черчилль У. — 423

Чехов А. П. — 359

Чехов Мих. — 276

Чеховский — 58, 60

Чингис-хан — 70

Чичерин Г. В. — 321

Членов Е. — 7, 387, 388, 389

Чувакин Д. — 359

Чудновский — 34

Чумандрин — 289

Чурилин — 258

Чурлионенс — 110

Чуцкаев С. — 175, 200

Чхейдзе Н. С. — 3, 5, 7

Ш

Шагал Марк — 267, 276

Шазар Ш.-З. — 424

Шайкевич А. — 439

Шайкевич С. — 362

Шакерман Ш. — 371

Шаляпин Ф. И. — 275, 276

Шапиро — 34, 133

Шапиро — 127, 129

Шапиро А. — 316

Шапиро Леон — 212, 307

Шапиро С., ген. — 143

Шарет М. — 331, 414

Шарет Я. — 336

Шах Е. — 442

Шахнович М. — 143, 367, 391

Шац-Анин М. — 25

Шаули А. — 358

Шварц С. М. — 4, 91, 292, 429,
444, 447

Шварцбардт П. — 36

Шварцбарт — 352

Шварцман М. — 395

Шварцман О. — 215

Шведик В. — 218

Швейцер А. — 372

Шейдман — 150

Шейн И. — 268, 270

Шейнис З. — 338

Шекспир — 220

Шендер Л. С. — 406

Шенкер А. — 423

Шер — 253

Шестакович Д. — 252

Шестов Л. — 439, 446

Шефтель М. И. — 2, 10

Шехтер Б. С. — 263

Шехтман И. Б. — 7, 39, 66, 67, 395,
429, 431

Шехтман Элл — 227

Шик А. — 446

Шимкин В. И. — 403, 443

Шимони — 55

Шимонович Д. — 243

Шингарев А. И. — 2

Шкирпа — 122

Шкловский Виктор — 279, 285,
296

Школьников Н. — 249

Шлецер Б. — 434, 439

Шлиомович, д-р — 148, 155, 156

Шлионский А. — 424

Шлифер С. — 353, 354

Шмерук Х. — 233
 Шмуклер — 99, 123, 124
 Шмузев Э. — 103
 Шнейдер — 277
 Шнеерсон И. И. — 412
 Шнеерсон М.-М. — 412
 Шнеур З. — 244, 424
 Шнирельман Л. Г. — 309
 Шолом-Алейхем — 195, 221, 225,
 226, 267, 268, 269, 271, 377, 382
 Шор Д. — 324, 325, 327, 416
 Шофман — 244
 Шпилька А. — 328
 Шталекер — 98, 111, 118
 Штейн Б. — 141, 331
 Штейн Леон — 422
 Штейнберг А. З. — 407, 430
 Штейнберг И. З. — 16
 Штейнберг И. — 244
 Штейнберг Л. — 251
 Штейнберг Л. М. — 327
 Штейнберг М. — 254
 Штейман — 251
 Штейман Эл. — 246
 Штейнман Б. — 215, 243
 Штекелис М. — 425
 Штеменко — 156
 Штерн Лина — 148, 155
 Штерн Л. С. — 314
 Штерн М. А. — 443
 Штиф Н. — 13, 222, 431
 Штрайхер — 368
 Штраус — 250
 Штраух Э. — 117
 Штрейхер Л. — 368
 Штыбель — 243, 244
 Шуб Д. Н. — 401, 444, 446
 Шулов А. — 425
 Шульгин А. — 25
 Шульгин В. — 66
 Шульман Элиас — 233
 Шуман — 73
 Шумский-Соломонов Б. — 434
 Шур М. — 127
 Шустов Б. — 197
 Шэнберг — 256

Щ

Щербаков — 156
 Щербина В. — 151
 Щупак С. Д. — 10

Э

Эбан А. — 342, 343
 Эйдлин — 253
 Эйнгорн Д. — 403
 Элиас М. — 274
 Элигулашвили Р. — 361
 Элиов Б. — 121
 Элькес Э., д-р — 99, 124, 130
 Элькин Б. И. — 449
 Эльяшев — 112
 Эмиот И. — 195, 202
 Энгель Ю. Д. — 253
 Эпштейн Ася — 158
 Эпштейн Ерохим — 362
 Эпштейн Л. Д. — 404, 407
 Эпштейн Меир — 246
 Эпштейн Шахно — 148, 149, 155,
 221, 229, 233
 Эпштейн-Элат — 331
 Эренбург И. Г. — 153, 155, 279,
 284, 287, 290, 291, 294, 359, 384,
 430, 448
 Эрик М. — 139, 221
 Эрлих Г. М. — 5, 407
 Этингер А. — 156
 Этингер И. — 159
 Эттингер Э. — 421
 Эшколь Л. — 414

Ю

Югов А. — 429
 Юдельсон — 139
 Юдина Мария — 248
 Юрок С. — 409, 410
 Юшкевич С. С. — 434, 435, 436

Я

Яглом С. М. — 407
 Ягода Г. — 150
 Якир Я. — 380
 Якобсон — 157
 Якобсон В. — 396, 397
 Якулов — 276
 Ямпольский — 253, 366
 Янкелевич — 253
 Янкус — 110
 Яновский В. — 439, 446
 Яновский И. — 338
 Янушайтис — 108
 Ярмолицкий А. — 190
 Яссен И. — 442
 Яссер И. С. — 444

**ИЗДАНИЯ
СОЮЗА РУССКИХ ЕВРЕЕВ**

КНИГА О РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ (1860-1917). Нью Йорк, 1960. (Издание распродано).

RUSSIAN JEWRY (1860-1917). Edited by Jacob Frumkin, Gregor Aronson and Alexis Goldenweiser. Translated by Mirra Ginsburg. (Thomas Yoseloff. New York and London, 1966. \$8.50).

С. ДУБНОВ. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени (1922-1933 г.г.). Цена \$2.50.

Обложка работы художника E. Schloss